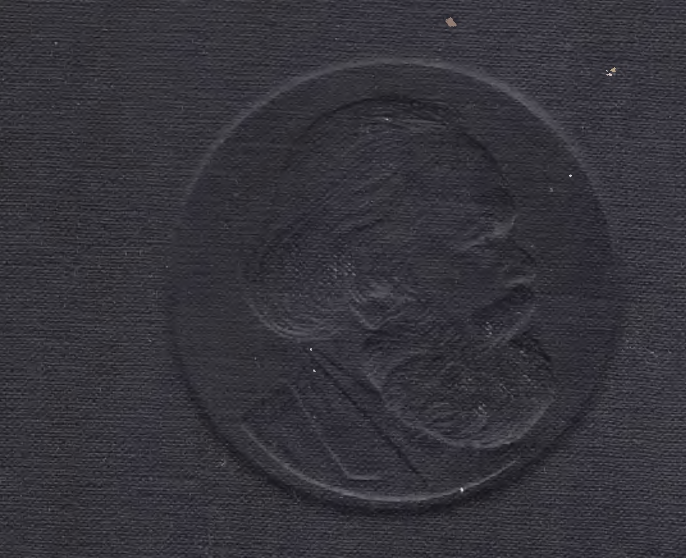

К. МАРКС

КАПИТАЛ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

К. МАРКС

КАПИТАЛ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ТОМ ВТОРОЙ

КНИГА II: ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА

ПЕРЕВОД
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА,
ПРОВЕРЕННЫЙ И ИСПРАВЛЕННЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1951

ОТ ИНСТИТУТА МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА

При подготовке настоящего издания II тома «Капитала», так же как и при подготовке I тома, вышедшего в 1937 г., в основу положен перевод И. И. Степанова-Скворцова.

Изменения, внесенные в перевод, сводятся в основном к следующему:

1) В текст включены все выдержки из II тома «Капитала», которые Ленин цитирует в своих произведениях и которые он приводит обычно в своем переводе.

Примененная Лениным в этих цитатах терминология (в тех случаях, когда она отличается от терминологии перевода И. И. Степанова-Скворцова) распространена на весь том.

2) Перевод сверен со вторым немецким изданием 1893 г.

Кроме того, проведена сверка второго немецкого издания 1893 г. с рукописью II тома, подготовленной к набору и отредактированной Энгельсом, что дало возможность устранить ряд опечаток и случайных пропусков, вкравшихся в текст немецкого издания при наборе. Восстановленные или исправленные на основе этой сверки места текста приведены в настоящем издании в угловых скобках 〈 〉.

3) Внесено бо́льшее единообразие в терминологию перевода.

4) В тех случаях, когда в переводе встречались особо тяжелые обороты, затруднявшие понимание текста, редакция вносила в перевод необходимые стилистические изменения.

5) Устранены отдельные цифровые неточности в схемах.

6) Цитаты из иностранных авторов, произведения которых имеются в русских переводах, даны здесь по соответствующим русским изданиям и только в тех случаях, когда русские переводы оказывались недостаточно удовлетворительными, в эти переводы вносились необходимые изменения.

1939 г.

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Zweiter Band.

Buch II: Der Cirkulationsprocess des Kapitals.

Zweite Auflage.

Herausgegeben von **Friedrich Engels.**

Hamburg
Verlag von Otto Meissner.
1893.

Обложка второго немецкого издания II тома «Капитала».
(Уменьшено.)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Подготовить к печати вторую книгу «Капитала» и притом так, чтобы она предоставляла, с одной стороны, связное и по возможности законченное произведение, а с другой стороны, произведение исключительно автора, а не редактора, — это было нелегкой работой. Многочисленность подвергавшихся переработке рукописей, носивших в большинстве случаев отрывочный характер, затрудняла задачу. Вполне подготовлена для печати была, самое большее, одна единственная рукопись (IV), но бо̀льшая часть и этой рукописи оказалась устаревшей в результате позднейших переработок. Главная масса материала хотя и была большей частью обработана по существу, но недостаточно отделана стилистически; материал изложен таким языком, каким Маркс обыкновенно составлял свои выписки: небрежный стиль, фамильярные, часто резко-юмористические выражения и обороты, английские и французские технические названия, часто целые фразы и даже страницы по-английски; это — запись мыслей в той форме, в какой они в том или ином случае развивались в голове автора. Наряду с отдельными, обстоятельно изложенными частями другие, не менее важные, только намечены; фактический материал для иллюстраций собран, но едва сгруппирован, не говоря уже об обработке; в конце главы, под давлением стремления перейти к следующей, часто стоит лишь несколько отрывочных фраз, намечающих развитие мысли, оставленное здесь незаконченным; наконец, известный почерк, разобрать который иной раз не мог сам автор.

Я ограничился по возможности буквальным воспроизведением рукописей, изменяя в стиле лишь то, что изменил бы сам Маркс, и вставляя лишь кое-какие пояснительные предложения и переходы там, где это было абсолютно необходимо и где кроме того смысл не вызывал никаких сомнений. Положения, значение которых допускало хотя бы только самое отдаленное сомнение, я предпочитал печатать дословно. Сделанные мной переработки и вставки не составляют в общем и десяти печатных страниц, притом все они лишь формального свойства.

Простое перечисление оставленного Марксом рукописного материала для II книги показывает, с какой несравненной добро-

совестностью, с какой строгой самокритикой он старался разработать до полного совершенства свои великие экономические открытия, прежде чем опубликовать их; эта самокритика лишь редко оставляла ему возможность приспособлять изложение по содержанию и по форме к его кругозору, постоянно расширявшемуся вследствие нового изучения. Этот материал состоит из следующего:

Прежде всего имеется рукопись «Zur Kritik der politischen Oekonomie» [«К критике политической экономии»], в 23 тетрадях, составляющих 1472 страницы в четверть листа, написанных с августа 1861 г. по июнь 1863 г. Она представляет продолжение первой тетради под таким же названием, появившейся в печати в Берлине в 1859 г. На страницах 1—220 (тетради I—V), а затем опять на страницах 1159—1472 (тетради XIX—XXIII) она трактует темы, исследованные в I книге «Капитала», начиная с превращения денег в капитал и до конца; рукопись представляет первую из имеющихся редакций этой книги. На страницах 973—1158 (тетради XVI—XVIII) трактуется о капитале и прибыли, о норме прибыли, о торговом капитале и денежном капитале, следовательно о таких темах, которые впоследствии были развиты в рукописи, отнесенной к III книге. Напротив, темы, вошедшие во II книгу, а также очень многие темы, позже нашедшие рассмотрение в III книге, еще не получили здесь особой разработки. Они затрагиваются, между прочим, именно в отделе, составляющем главную часть рукописи: страницы 220—972 (тетради VI—XV) *«Теории прибавочной стоимости»*. Этот отдел содержит подробную критическую историю центрального пункта политической экономии, теории прибавочной стоимости, и кроме того в форме полемики с предшественниками излагает бо́льшую часть тех пунктов, которые исследованы впоследствии специально и в логической связи в рукописи, относящейся к книгам II и III. Я оставляю за собой опубликование критической части этой рукописи в виде IV книги «Капитала»*, причем из нее будут устранены многочисленные места, исчерпанные в книгах II и III. Как ни драгоценна эта рукопись, однако ею пришлось мало воспользоваться для настоящего издания II книги.

Следующей по времени является рукопись книги III. Она написана, по крайней мере в большей своей части, в 1864 и 1865 гг. Лишь после того, как она в существенном была готова, Маркс приступил к обработке книги I напечатанного в 1867 г. первого тома. Эту рукопись III книги я теперь обрабатываю для печати.

Из периода, следовавшего за появлением книги I, имеются для II тома четыре рукописи in folio, перенумерованные самим Марксом с I по IV. Из них рукопись I (150 страниц), относящаяся,

* Опубликовано после смерти Энгельса под названием «Теории прибавочной стоимости», т. I, т. II, ч. 1 и 2; т. III. Русский перевод в издании Партиздата ЦК ВКП(б), 1936 г. *Ред.*

как можно предполагать, к 1865 г. или 1867 г., представляет первую самостоятельную, но более или менее отрывочную обработку II книги в ее настоящем построении. Из этой рукописи также ничем не пришлось воспользоваться. Рукопись III отчасти состоит из собрания цитат и ссылок на записные тетради Маркса, — все это относится по большей части к первому отделу II книги, — отчасти она представляет обработку отдельных пунктов, именно критику положений А. Смита об основном и оборотном капитале и об источнике прибыли; далее идет изложение отношения нормы прибавочной стоимости к норме прибыли, относящееся к III книге. Ссылки дали мало нового, позднейшие редакции сделали излишним пользование ими как для II, так и для III книги; следовательно, их в большинстве случаев также пришлось отложить в сторону. Рукопись IV представляет подготовленную к печати обработку первого отдела и первой главы второго отдела книги II, и там, где это требовалось, она была использована. Хотя оказалось, что она написана ранее, чем рукопись II, однако вследствие того, что она более закончена по форме, ею с успехом можно было воспользоваться для соответствующей части книги; оказалось достаточным сделать несколько добавлений из рукописи II. Эта последняя рукопись представляет собой единственную до некоторой степени законченную обработку книги II; она помечена 1870 г. В заметках для окончательной редакции, о которых сейчас будет упомянуто, прямо сказано: «В основу должна быть положена вторая редакция».

После 1870 г. снова наступила пауза, обусловленная главным образом болезненным состоянием Маркса. По обыкновению, Маркс заполнял это время изучением; агрономия, американские и в особенности русские земельные отношения, денежный рынок и банки, наконец естественные науки: геология и физиология, а в особенности самостоятельные математические работы, составляют содержание многочисленных записных тетрадей Маркса, относящихся к этому времени. В начале 1877 г. он почувствовал себя настолько оправившимся, что снова мог приступить к своей настоящей работе. Концом марта 1877 г. помечены ссылки и заметки из вышеупомянутых четырех рукописей, послужившие основой для той новой переработки II книги, начало которой находится в рукописи V (56 страниц in folio). Она заключает первые четыре главы и еще мало обработана; существенные пункты трактуются в примечаниях под текстом; материал скорее собран, чем просеян, но эта рукопись — последнее полное изложение этой важнейшей части первого отдела. Первую попытку сделать из нее рукопись, готовую к печати, представляет рукопись VI (относится ко времени *после* октября 1877 г. и до июля 1878 г.); в ней только 17 страниц в четверть листа, содержащих бо́льшую часть первой главы; вторую — и последнюю — попытку представляет рукопись VII, составляющая только 7 страниц in folio и помеченная «2 июля 1878 г.».

В это время для Маркса, повидимому, стало ясно, что, если в состоянии его здоровья не произойдет полного переворота, ему никогда не удастся окончить обработку II и III книг до такой степени, чтобы она удовлетворила его самого. Действительно, рукописи V—VIII слишком часто носят следы напряженной борьбы с угнетающим болезненным состоянием. Труднейшая часть первого отдела была заново переработана в рукописи V; остальная часть первого и весь второй отдел (за исключением главы семнадцатой) не представляли сколько-нибудь значительных теоретических затруднений; напротив, третий отдел, воспроизводство и обращение общественного капитала, как ему казалось, настоятельно требовал переработки. Именно, в рукописи II воспроизводство трактовалось сначала безотносительно к опосредствующему его денежному обращению, а затем еще раз в связи с денежным обращением. Это следовало устранить и вообще весь отдел переработать таким образом, чтобы он соответствовал расширившемуся кругозору автора. Так возникла рукопись VIII, тетрадь всего в 70 страниц в четверть листа; но как много сумел Маркс вместить в эти страницы, показывает сравнение с отделом III в печатном виде, после исключения из него мест, взятых из рукописи II.

И эта рукопись содержит только предварительное обсуждение предмета, причем прежде всего работа заключалась в том, чтобы установить и развить приобретенные новые по сравнению с рукописью II взгляды, между тем как пункты, о которых нельзя было сказать ничего нового, были оставлены в стороне. Значительная часть главы XVII второго отдела, которая и вообще в известной мере относится к третьему отделу, была снова подвергнута переработке и расширена. Здесь нередко прерывается логическая последовательность, в изложении местами имеются пробелы, в особенности в конце оно имеет совершенно отрывочный характер. Но то, что хотел сказать Маркс, так или иначе здесь сказано.

Таков материал для II книги, из которого я, как сказал Маркс своей дочери Элеоноре незадолго до своей смерти, должен был «что-нибудь сделать». Я принял это поручение в самых узких его рамках; где только было возможно, я ограничил свою работу простым выбором между различными редакциями; притом так, что в основу клал последнюю из имеющихся редакций, сличая ее с более ранними. Действительные затруднения, т. е. не только технические, представляли при этом лишь первый и третий отделы, но зато это были немалые затруднения. Я старался их разрешать исключительно в духе автора.

Цитаты в тексте я в большинстве случаев переводил там, где они приводятся в подтверждение фактов, или там, где оригинал доступен всякому желающему основательно разобраться в деле, например при цитировании А. Смита. Это было невозможно только в главе X, потому что здесь прямо критикуется английский текст.

При цитатах из I тома ссылки сделаны на страницы второго издания его, последнего появившегося еще при жизни Маркса.

Кроме первой обработки в рукописи «К критике политической экономии», кроме упомянутых частей рукописи III и нескольких кратких заметок, занесенных кое-где в записные тетради, для III книги имеются только: упомянутая рукопись in folio 1864—1865 гг., разработанная почти с такою же полнотой, как II рукопись II книги, и, наконец, тетрадь 1875 г.: отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли, изложенное математически (в уравнениях). Подготовка этой книги к печати быстро подвигается вперед. Насколько я могу судить до сих пор, она представит главным образом только технические затруднения, — конечно, за исключением некоторых очень важных отделов.

Здесь уместно опровергнуть обвинение против Маркса, распространявшееся сначала исподтишка и лишь отдельными личностями, а теперь, после его смерти, провозглашенное в качестве бесспорного факта немецкими катедер-социалистами, государственными социалистами и их приверженцами: обвинение, будто бы Маркс совершил плагиат у Родбертуса. В другом месте[1] я уже высказал самое необходимое по этому поводу, но только здесь я могу привести решающие доказательства.

Насколько я знаю, это обвинение впервые встречается в «Emancipationskampf des vierten Standes», R. Meyer, Berlin 1874, стр. 34: «Из этих опубликованных работ» (относящихся к последней половине тридцатых годов работ Родбертуса) «Маркс, *как это можно показать,* почерпнул бо́льшую часть своей критики». До представления дальнейших доказательств я, конечно, мог предполагать, что вся «доказательность» этого утверждения сводится к тому, что Родбертус уверил в этом г. Мейера. В 1879 г. выступает на сцену сам Родбертус и в связи со своей работой «Zur Erkenntnis unsrer staatswirtschaftlichen Zustände» (1842 г.) [Родбертус: «К познанию нашего государственно-хозяйственного строя». Соцэкгиз, 1935 г.] пишет И. Целлеру следующее («Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», Тюбинген 1879 г., стр. 219): «Вы увидите, что это {развитые здесь мысли} уже очень недурно использовано... Марксом, который на меня, конечно, не делает ссылок». Вслед за ним это, не обинуясь, повторяет и его посмертный издатель, Т. Козак («Das Kapital» von Rodbertus. Berlin 1884, Einleitung, стр. XV) [Родбертус: «Капитал». Введение Т. Козака, 1906 г.]. Наконец, в изданных в 1881 г. Р. Мейером «Briefen und sozialpolitischen Aufsätzen von Dr. Rodbertus-Jagetzow» Родбертус прямо

---

[1] В предисловии к «Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhon's Philosophie des Elends» von Karl Marx. Stuttgart 1885» [*К. Маркс:* «Нищета философии. Ответ на философию нищеты г-на Прудона». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V].

говорит: «Ныне я вижу, как меня *обворовали* Шеффле и Маркс, причем они не называют меня» (Brief № 60, стр. 134). А в другом месте притязание Родбертуса принимает более определенный вид: «Откуда *происходит прибавочная стоимость* капиталиста, это я показал в моем 3-м социальном письме *по существу* совершенно *так же*, как Маркс, только короче и яснее» (Brief № 48, стр. 111).

Обо всех этих обвинениях в плагиате Маркс никогда ничего не знал. В его экземпляре «Emancipationskampf» оказалась разрезанной только часть, касающаяся Интернационала, остальную часть книги разрезал уже я сам после его смерти. Тюбингенской «Zeitschrift» он никогда не видал. «Briefe etc.» к Р. Мейеру тоже остались ему неизвестными, и на это место, касающееся «ограбления», мое внимание любезно обратил только в 1884 г. сам господин доктор Мейер. Напротив, письмо № 48 Маркс знал; г. Мейер был так любезен, что подарил оригинал младшей дочери Маркса. Маркс, до слуха которого, конечно, дошел таинственный шопот о тайных источниках его критики, которые следует искать у Родбертуса, показывал мне это письмо, причем заметил, что в нем он имеет, наконец, аутентичное свидетельство о том, на что собственно претендует сам Родбертус; если он не утверждает ничего более, то для него, Маркса, эти утверждения совсем безразличны, а если Родбертус считает свое собственное изложение более кратким и ясным, то он может оставить его при этом удовольствии. Он действительно полагал, что этим письмом Родбертуса все дело исчерпано.

Это можно было думать, тем более что, как я точно знаю, вся литературная деятельность Родбертуса оставалась неизвестной Марксу до 1859 г., когда его собственная критика политической экономии была готова не только в основных чертах, но и в важнейших подробностях. Свои экономические занятия он начал в 1843 г. в Париже изучением великих англичан и французов; из немцев он знал только Рау и Листа, и этого ему было достаточно. Ни Маркс, ни я ничего не знали о существовании Родбертуса, пока в 1848 г. нам не пришлось критиковать в «Neue Rheinische Zeitung» его речи как берлинского депутата и его действия как министра. Мы были так несведущи, что запрашивали рейнских депутатов, кто же такой этот Родбертус, вдруг сделавшийся министром. Но и они ничего не могли сообщить нам об экономических работах Родбертуса. Напротив, Маркс и без помощи Родбертуса уже тогда очень хорошо знал не только откуда, но и как «происходит прибавочная стоимость капиталиста», что доказывают «Misère de la Philosophie» [«Нищета философии»] 1847 г. и лекции о наемном труде и капитале, прочитанные в 1847 г. в Брюсселе и напечатанные в 1849 г. в «Neue Rheinische Zeitung», №№ 264—269. Только около 1859 г. Маркс узнал от Лассаля, что существует, между прочим, экономист Родбертус, и затем нашел его «Третье социальное письмо» в Британском музее.

Таковы фактические обстоятельства. Как же обстоит дело с тем содержанием, которое Маркс будто бы «украл» у Родбертуса? «Откуда происходит прибавочная стоимость капиталиста, — говорит Родбертус, — это я показал в моем 3-м социальном письме совершенно так же, как Маркс, только короче и яснее». Вот где, следовательно, центральный пункт: теория прибавочной стоимости; и действительно, нельзя указать, что̀ другое из Маркса мог бы Родбертус как-нибудь рекламировать в качестве своей собственности. Следовательно, Родбертус объявляет себя здесь действительным автором теории прибавочной стоимости, которую Маркс у него похитил.

Что же говорит нам 3-е социальное письмо о возникновении прибавочной стоимости? Оно просто говорит, что «рента», под которой автор разумеет земельную ренту и прибыль, образуется не от «накидки стоимости» к стоимости товара, но «вследствие того вычета стоимости, который претерпевает заработная плата, другими словами — вследствие того, что заработная плата составляет только часть стоимости продукта», а при достаточной производительности труда «заработная плата не должна быть равна естественной меновой стоимости их продукта для того, чтобы последний включал еще остаток для возмещения капитала (!) и для ренты» [К. Родбертус: «Экономические сочинения». Огиз, 1936 г., стр. 289]. Причем нам не сообщается, что такое эта «естественная меновая стоимость продукта», при которой ничего не остается для «возмещения капитала», следовательно для возмещения сырого материала и снашивания орудий.

К счастью, на нашу долю выпало констатировать, какое впечатление произвело на Маркса это положившее начало новой эпохе открытие Родбертуса. В рукописи «Zur Kritik etc.», тетрадь X, стр. 445 и сл., мы находим: «Отступление. Господин Родбертус. Новая теория земельной ренты». Третье социальное письмо рассматривается здесь только с этой точки зрения. С теорией прибавочной стоимости Родбертуса вообще покончено ироническим замечанием: «Господин Родбертус сначала исследует положение вещей в стране, где владение землей и капиталом не отделено одно от другого, и приходит затем к *важному* результату, что рента (под которой он понимает всю прибавочную стоимость) просто равна неоплаченному труду или количеству продуктов, в котором этот труд выражается».

Капиталистическое человечество производило прибавочную стоимость уже в продолжение нескольких столетий и мало-помалу пришло к тому, что стало размышлять о ее возникновении. Первое понимание ее было пониманием, вытекавшим из непосредственной купеческой практики: прибавочная стоимость образуется из надбавки к стоимости продукта. Этот взгляд был господствующим у меркантилистов, но уже Джемс Стюарт увидал, что при этом то,

что выигрывает один, необходимо должен терять другой. Несмотря на это, такой взгляд держался еще долгое время, особенно среди социалистов; но из классической науки он был вытеснен А. Смитом.

В «Богатстве народов», кн. I, гл. VI [стр. 131—132], у него говорится: «Лишь только в руках отдельных лиц начинают накопляться капиталы, некоторые из них, естественно, стремятся использовать эти капиталы для того, чтобы занять работой трудолюбивых людей, которых они снабжают материалами и жизненными средствами в расчете получить *прибыль* на продаже продуктов их труда или на том, *что̀ эти работники прибавили к стоимости обрабатываемых материалов*... Поэтому *стоимость,* которую рабочие *прибавляют* к стоимости *материалов,* распадается сама в этом случае на *две части,* из которых одна идет на оплату *их заработной платы,* а другая — на оплату *прибыли* их *предпринимателя* на весь капитал, который он авансировал на материалы и заработную плату». [Ср. А. Смит: «Исследование о природе и причинах богатства народов». Соцэкгиз, 1935 г., т. I, стр. 46.] И несколько далее. «С тех пор, как вся земля в той или иной стране превратилась в частную собственность, землевладельцы, подобно всем другим людям, хотят пожинать там, где не сеяли, и начинают требовать ренту даже за естественные плоды земли... Работник теперь должен платить за разрешение собирать их, он должен *отдавать* землевладельцу *часть* того, что собирает или производит его *труд.* Эта часть, или, что то же самое, цена этой части, составляет *земельную ренту*...» (там же, стр. 47).

Маркс замечает по поводу этого места в вышеупомянутой рукописи «Zur Kritik etc.», стр. 253: «Итак, прибавочную стоимость, или прибавочный труд, — излишек выполненного и овеществленного в товаре труда *над* оплаченным трудом, следовательно над трудом, получившим свой эквивалент в заработной плате, — А. Смит понимает как *всеобщую категорию,* причем собственно прибыль и земельная рента составляют только ее ответвления».

Далее А. Смит говорит, кн. I, гл. VIII [стр. 172—173]: «Как только земля становится частной собственностью, землевладелец требует долю почти со всякого продукта, который работник может взрастить на этой земле или собрать с нее. Его рента составляет *первый вычет из продукта труда, затраченного на обработку земли.* Далее, только в редких случаях лицо, обрабатывающее землю, имеет средства для содержания себя до сбора жатвы. Его содержание обычно авансируется ему из капитала его хозяина, арендатора, который нанимает его и который не имел бы никакого интереса нанимать его, если бы он не *получал долю с продукта его труда* или если бы его капитал не возмещался ему с некоторой прибылью. Эта прибыль составляет второй вычет из продукта труда, затрачиваемого на обработку земли. Такой же вычет для оплаты прибыли делается из продукта почти всякого другого труда.

Во всех отраслях промышленности большинство работников нуждается в хозяине, который авансировал бы им материалы для их работы, а также заработную плату и жизненные средства до времени ее окончания. Этот хозяин *получает долю продукта их труда,* или долю стоимости, которую труд прибавляет к обрабатываемому им материалу; эта доля и составляет прибыль хозяина». [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., т. I, стр. 61.]

Маркс делает к этому следующее замечание (рукопись, стр. 256): «Итак, А. Смит прямо определяет здесь земельную ренту и прибыль на капитал как простые *вычеты* из продукта рабочего, или из стоимости его продукта, равной труду, присоединяемому им к сырью. Но этот вычет, как показал ранее сам А. Смит, может состоять только из части труда, присоединяемой рабочим к сырью сверх того количества труда, которое оплачивает только его заработную плату или только доставляет эквивалент его заработной платы, следовательно из прибавочного труда, из неоплаченной части его труда».

«Откуда происходит прибавочная стоимость капиталиста» и, кроме того, землевладельца, это знал, следовательно, еще А. Смит. Маркс прямо признает это уже в 1861 г., тогда как это, повидимому, совершенно забыли Родбертус и толпа его почитателей, растущих, как грибы, под теплым летним дождем государственного социализма.

«Однакоже, — продолжает Маркс, — прибавочную стоимость как таковую Смит не отделял как особую категорию от особенных форм, которые она принимает в прибыли и земельной ренте. Отсюда у него, как еще более у Рикардо, много ошибок и недостатков в исследовании». Это замечание буквально относится к Родбертусу. Его «рента» есть просто сумма земельной ренты и прибыли; о земельной ренте он составил себе совершенно ложную теорию; прибыль он принимает без всякого пересмотра так, как нашел у своих предшественников. Напротив, прибавочная стоимость Маркса есть *всеобщая форма* той суммы стоимости, которую присваивают без всякого эквивалента собственники средств производства и которая по совершенно особым законам, впервые открытым Марксом, распадается на особые *превращенные* формы прибыли и земельной ренты. Эти законы будут изложены в книге III, где впервые будет показано, какой ряд промежуточных звеньев требуется для того чтобы от общего понимания прибавочной стоимости дойти до понимания ее превращения в прибыль и земельную ренту, следовательно до понимания закона распределения прибавочной стоимости внутри класса капиталистов.

Рикардо идет уже значительно далее А. Смита. Он основывает свое понимание прибавочной стоимости на той новой теории стоимости, которая в зародыше имеется уже у А. Смита, но почти всегда забывается им, когда дело идет о ее применении, и которая

сделалась исходным пунктом всей последующей экономической науки. Из того, что стоимость товара определяется количеством реализованного в товарах труда, он выводит распределение между рабочими и капиталистами того количества стоимости, которое присоединено трудом к сырому материалу, ее распадение на заработную плату и прибыль (т. е. в данном случае прибавочную стоимость). Он показывает, что стоимость товаров остается той же самой, как бы ни изменялось отношение между этими двумя частями, — закон, для которого он допускает лишь отдельные исключения. Он даже устанавливает, хотя и в слишком общем понимании, некоторые важные законы, касающиеся взаимного отношения между заработной платой и прибавочной стоимостью (взятой в форме прибыли) (Маркс: «Капитал», т. I, гл. XV, A), и показывает, что земельная рента есть избыток сверх прибыли, отпадающий при определенных условиях. Ни в одном из этих пунктов Родбертус не пошел дальше Рикардо. Внутренние противоречия теории Рикардо, из-за которых погибла его школа, остались или совершенно неизвестными Родбертусу, или привели его только к утопическим требованиям («Zur Erkenntnis» etc., стр. 130) вместо экономических решений.

Учению Рикардо о стоимости и прибавочной стоимости не пришлось ждать «Zur Erkenntnis» etc. Родбертуса для того, чтобы найти социалистическое использование. На стр. 609 первого тома «Капитала» (2-е нем. изд.) приведена цитата: «The possessors of surplus produce or capital» [«Владельцы избыточного продукта, или капитала»] [см. К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 593] из одного сочинения: «The Source and Remedy of the National Difficulties. A Letter to Lord John Russel. London 1821». Это сочинение, на значение которого должно было бы обратить внимание уже одно выражение: surplus produce or capital, представляет собой памфлет в 40 страниц, извлеченный Марксом из забвения; в нем говорится:

«Сколько бы ни подобало капиталисту» {с точки зрения капиталиста}, «он всегда может присваивать только прибавочный труд (surplus labour) рабочего, потому что рабочий должен существовать» (стр. 23). Но *как* живет рабочий и поэтому как велик может быть прибавочный труд, присваиваемый капиталистом, это очень относительно. «Если стоимость капитала уменьшается не в таком отношении, в каком возрастает его масса, то капиталист будет выжимать из рабочего продукт каждого рабочего часа сверх того минимума, которым рабочий может существовать... капиталист может, в конце концов, сказать рабочему: ты не должен есть хлеба, потому что можно жить свеклой и картофелем; и мы уже дошли до этого» (стр. 24). «Если рабочего можно довести до такого состояния, что он будет питаться картофелем вместо хлеба, то неоспоримо верно, что при этом из его труда можно выколотить

больше; т. е. если при питании хлебом он вынужден для содержания себя и своей семьи *удерживать у себя труд понедельника и вторника,* то при питании картофелем он будет получать для себя только *половину понедельника,* а другая половина понедельника и весь вторник *освободятся* или в пользу государства, или для *капиталистов*» (стр. 26). «Неоспоримо (it is admitted), что уплачиваемые капиталистам интересы, в форме ренты ли, денежного процента или предпринимательской прибыли, уплачиваются из труда других» (стр. 23). Итак, здесь перед нами целиком «рента» Родбертуса, только вместо «рента» сказано «интересы».

Маркс делает к этому следующее замечание (рукопись «Zur Kritik», стр. 852): «Этот мало известный памфлет, появившийся в то время, когда начал привлекать к себе внимание «невероятный штопальщик» Мак Куллох, представляет собою значительный шаг вперед по сравнению с Рикардо. Прибавочную стоимость или «прибыль», как называет ее Рикардо (часто также — прибавочный продукт, surplus produce), или interest, как называет ее автор памфлета, последний прямо определяет как surplus labour, прибавочный труд, труд, исполняемый рабочим даром, исполняемый сверх того количества труда, которым возмещается стоимость его рабочей силы, т. е. производится эквивалент его заработной платы. Как важно было свести *стоимость к труду,* совершенно так же важно было прибавочную стоимость (surplus value), которая представлена *в прибавочном продукте* (surplus produce), свести *к прибавочному труду* (surplus labour). В сущности это *было сказано уже А. Смитом и составляет главный момент в том, что дал Рикардо.* Но у них это нигде не высказано в абсолютной форме и не установлено твердо». Затем далее, на стр. 859 рукописи, говорится: «Впрочем, автор остается в плену тех экономических категорий, которые он нашел у своих предшественников. Как у Рикардо смешение прибавочной стоимости и прибыли приводит к неприятным противоречиям, совершенно то же произошло и с ним вследствие того, что прибавочную стоимость он назвал интересом капитала. Впрочем, он стоит выше Рикардо в том отношении, что он первый сводит всякую прибавочную стоимость к прибавочному труду и хотя называет прибавочную стоимость интересом капитала, однако вместе с тем подчеркивает, что под interest of capital [интересом капитала] он понимает всеобщую форму прибавочного труда в отличие от его особенных форм, ренты, денежного процента и предпринимательской прибыли. Но название одной из этих особенных форм, interest, он все же принимает как название общей формы. А этого достаточно, чтобы снова запутаться в экономической тарабарщине» (в рукописи — «slang»).

Этот последний пункт как по мерке приходится нашему Родбертусу. И он остается в плену тех экономических категорий, которые он нашел у своих предшественников. И он окрестил прибавоч-

1 К. Маркс. «Капитал», т. II.

ную стоимость именем одной из ее превращенных подчиненных форм: ренты, которую он к тому же сделал совершенно неопределенной. Результатом этих двух промахов было то, что он снова впадает в экономическую тарабарщину, не прокладывает путем критики дороги дальше Рикардо и вместо того поддается искушению сделать свою недоработанную теорию, еще не освободившуюся от скорлупы, основой утопии, с которой, как всегда, он пришел слишком поздно. Памфлет, появившийся в 1821 г., уже вполне антиципировал «ренту» Родбертуса, относящуюся к 1842 г.

Наш памфлет — только крайний аванпост обширной литературы, которая в двадцатых годах повернула теорию стоимости и прибавочной стоимости Рикардо в интересах пролетариата против капиталистического производства, побивала буржуазию ее собственным оружием. Весь оуэновский коммунизм, поскольку он вступает в экономическую полемику, опирается на Рикардо. Но наряду с ним был еще целый ряд писателей, из которых Маркс уже в 1847 г. в полемике против Прудона («Misère de la Philosophie», стр. 49) [см. К. Маркс: «Нищета философии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V] приводит лишь некоторых: Эдмондса, Томпсона, Годскина и т. д., и т. д., «и еще четыре страницы и т. д. и т. д.». Из этого огромного количества сочинений я беру наудачу только одно: «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth, most conductive to Human Happiness, by William Thompson; a new edition, London 1850». Это сочинение, написанное в 1822 г., впервые появилось в 1827 г. Богатство, присваиваемое непроизводительными классами, тоже везде характеризуется в нем как вычет из продукта рабочего, и притом в довольно сильных выражениях. «Постоянное стремление того, что мы называем обществом, состояло в том, чтобы при помощи обмана или убеждения, страха или принуждения заставить производительного работника исполнять труд за возможно меньшую долю продукта его собственного труда» (стр. 28). «Почему же рабочий не должен получать абсолютно весь продукт своего труда?» (стр. 32). «Это вознаграждение, которое капиталисты вытягивают у производительного рабочего под именем земельной ренты или прибыли, они требуют за пользование землей или другими предметами... Так как все физические вещества, на которых или посредством которых неимущий производительный рабочий, не обладающий ничем, кроме своей способности производить, только и может проявлять эту свою производительную способность, — так как эти вещества находятся в обладании других лиц, интересы которых противоположны интересам рабочего и согласие которых является предпосылкой его деятельности, — то не зависит ли и не должно ли зависеть от милости этих капиталистов, какую *долю плодов его собственного труда* они пожелают дать ему в вознаграждение за этот труд (стр. 125)... по отношению к величине *удержанного*

продукта, называются ли... эти вычеты налогами, прибылью или кражей» (стр. 126) и т. д.

Признаюсь, я написал эти строки не без некоторого стыда. Я еще могу допустить, что антикапиталистическая английская литература двадцатых и тридцатых годов совершенно неизвестна в Германии, хотя Маркс еще в «Misère de la Philosophie» прямо указывал на нее, а кое-что из нее — памфлет 1821 г., Рэвенстона, Годскина и пр. — неоднократно цитировал в первом томе «Капитала». Но то обстоятельство, что не только литератор vulgaris, «действительно ничему не научившийся» и в отчаянии цепляющийся за полы сюртука Родбертуса, но и настоящий дипломированный профессор, «кичливый своей ученостью», до такой степени забыл свою классическую политическую экономию, что серьезно упрекает Маркса в краже у Родбертуса таких вещей, которые можно найти уже у А. Смита и Рикардо, — это доказывает, как низко пала в настоящее время официальная политическая экономия.

Но в таком случае что же нового сказал Маркс о прибавочной стоимости? Как это случилось, что теория прибавочной стоимости Маркса произвела такое впечатление, как удар грома из ясного неба, и притом во всех цивилизованных странах, тогда как теории всех его социалистических предшественников, в том числе и Родбертуса, не оказали никакого действия.

История химии может пояснить нам это примером.

Как известно, еще в конце XVIII века господствовала флогистическая теория, согласно которой сущность всякого горения состоит в том, что от горящего тела отделяется другое, гипотетическое тело, абсолютный горючий материал, обозначавшийся названием флогистона. Эта теория была достаточна для объяснения большей части известных тогда химических явлений, хотя в некоторых случаях она объясняла их не без натяжки. Но вот в 1774 г. Пристлей открыл род воздуха, «который он нашел настолько чистым или настолько свободным от флогистона, что сравнительно с ним обыкновенный воздух представлялся уже испорченным». Он назвал его: дефлогистированный воздух. Вскоре затем такой же род воздуха открыл Шеле в Швеции и доказал его присутствие в атмосфере. Шеле нашел также, что он исчезает, если в нем или в обыкновенном воздухе сжигать какое-нибудь тело, и назвал его поэтому огневым воздухом (Feuerluft). «Из этих данных он вывел такое заключение, что соединение, образующееся при сочетании флогистона с одной из составных частей воздуха» {следовательно, при горении}, «есть не что иное, как огонь или теплота, которая улетучивается через стекло» [2].

Пристлей, как и Шеле, открыли кислород, но они не знали, что̀ оказалось у них в руках. Они «оставались в плену» флогистических

[2] *Roscoe-Schorlemmer:* «Ausführliches Lehrbuch der Chemie». Braunschweig 1877, I, стр. 13, 18.

«категорий, которые они нашли у своих предшественников». Элемент, которому суждено было ниспровергнуть все флогистические воззрения и революционизировать химию, пропадал в их руках совершенно бесплодно. Но Пристлей немедленно сообщил о своем открытии Лавуазье в Париж, а Лавуазье, руководясь этим новым фактом, пересмотрел всю флогистическую химию и впервые открыл, что новый вид воздуха был новым химическим элементом, что при горении *не выделяется* из горящего тела таинственный флогистон, а этот новый элемент *соединяется* с телом, и таким образом он впервые поставил на ноги всю химию, которая в своей флогистической форме стояла на голове. И если даже Лавуазье не открыл кислорода одновременно с другими и независимо от них, как он утверждал впоследствии, то все же по существу дела *открыл* кислород он, а не те двое, которые только *описали* его, даже не догадываясь о том, *что̀* именно они описывали.

В теории прибавочной стоимости Маркс является тем же по отношению к своим предшественникам, чем Лавуазье по отношению к Пристлею и Шеле. *Существование* той части стоимости продукта, которую мы называем теперь прибавочной стоимостью, было установлено задолго до Маркса; точно так же с большей или меньшей ясностью было высказано, из чего она состоит, именно: из продукта того труда, за который присвоивший его не заплатил никакого эквивалента. Но дальше этого не шли. Одни — классические буржуазные экономисты — самое большее исследовали количественное отношение, в котором продукт труда распределяется между рабочим и владельцем средств производства. Другие — социалисты — находили это распределение несправедливым и выискивали утопические средства для устранения несправедливости. И те и другие оставались в плену экономических категорий, найденных ими у своих предшественников.

Но вот выступил Маркс. И притом в прямом противоречии со всеми своими предшественниками. Там, где они видели *решение*, он видел только *проблему*. Он видел, что здесь был перед ним не дефлогистированный воздух и не огневой воздух, а кислород, что здесь дело шло не о простом констатировании экономического факта, не о противоречии этого факта с вечной справедливостью и истинной моралью, но о таком факте, которому суждено было произвести переворот во всей экономии и который давал ключ к пониманию всего капиталистического производства, — тому, кто сумел бы им воспользоваться. Руководствуясь этим фактом, он исследовал все установленные до него категории, как Лавуазье, руководясь кислородом, исследовал прежние категории флогистической химии. Для того чтобы знать, что̀ такое прибавочная стоимость, он должен был знать, что̀ такое стоимость. Прежде всего необходимо было подвергнуть критике самую теорию стоимости Рикардо. Итак, Маркс исследовал труд со стороны его свой-

ства создавать стоимость и в первый раз установил, *какой* труд, почему и как образует стоимость, установил, что стоимость вообще есть не что иное, как кристаллизованный труд *этого* рода, — пункт, которого до конца дней не понимал Родбертус. Маркс исследовал затем отношение товара и денег и показал, как и почему — в силу присущего ему свойства стоимости — товар и товарный обмен должны порождать противоположность товара и денег. Его основанная на этом теория денег есть первая исчерпывающая теория их, получившая теперь всеобщее молчаливое признание. Он исследовал превращение денег в капитал и доказал, что оно основывается на купле и продаже рабочей силы. Поставив на место труда рабочую силу, свойство создавать стоимость, он разом разрешил одно из затруднений, о которое разбилась школа Рикардо: невозможность согласовать взаимный обмен капитала и труда с рикардовским законом определения стоимости трудом. Установив разделение капитала на постоянный и переменный, он первый достиг того, что до деталей изобразил действительный ход процесса образования прибавочной стоимости и таким образом объяснил его, чего не сделал ни один из его предшественников; следовательно, он установил различие в самом капитале, различие, с которым решительно не в состоянии были справиться ни Родбертус, ни буржуазные экономисты, но которое даст ключ для решения самых запутанных экономических проблем, убедительнейшим доказательством чего здесь опять служит книга II и еще более — как это впоследствии будет показано — книга III. Далее, он исследовал самое прибавочную стоимость, вскрыл обе ее формы: абсолютную и относительную прибавочную стоимость, и показал, какую различную, но в обоих случаях решающую роль играла она в историческом развитии капиталистического производства. Основываясь на теории прибавочной стоимости, он развил первую рациональную теорию заработной платы, какую мы только имеем, и впервые дал основные черты истории капиталистического накопления и изложение его исторических тенденций.

А Родбертус? Прочитав все это, он, как всякий тенденциозный экономист, нашел здесь «нападение на общество», нашел, что он уже сам сказал много короче и яснее, откуда происходит прибавочная стоимость, и, наконец, нашел, что хотя все это справедливо для «современной формы капитала», т. е. для того капитала, как он существует в истории, но не для «понятия капитал», т. е. не для утопического представления господина Родбертуса о капитале. Совершенно так же, как старик Пристлей, который до конца дней своих клялся флогистоном и не хотел и слышать о кислороде. Только Пристлей действительно первый описал кислород, тогда как Родбертус в своей прибавочной стоимости или, лучше сказать, в своей «ренте» вновь открыл только общее место, а Маркс, в противоположность поведению Лавуазье, был выше того, чтобы утвер-

ждать, что он первый открыл *факт* существования прибавочной стоимости.

Все остальное, что внес Родбертус в политическую экономию, стоит на таком же уровне. Его переработка теории прибавочной стоимости в утопию уже была непреднамеренно подвергнута Марксом критике в «Misère de la Philosophie»; все, что можно было еще сказать об этом, сказано мной в предисловии к немецкому переводу этой работы. Его объяснение торговых кризисов недостаточным потреблением рабочего класса имеется уже у Сисмонди в «Nouveaux Principes de l'Économie Politique», кн. IV, гл. IV[3]. Только Сисмонди при этом постоянно имел в виду мировой рынок, между тем как горизонт Родбертуса не простирается дальше прусской границы. Его умозрительные рассуждения о том, берется ли заработная плата из капитала или из дохода, относятся к области схоластики и упраздняются совершенно содержанием третьего отдела этой второй книги «Капитала». Его теория ренты осталась его исключительным достоянием и может безмятежно почивать, пока не появится в печати рукопись Маркса, содержащая ее критику*. Наконец, его проекты освобождения старопрусского землевладения от гнета капитала опять-таки совершенно утопичны; они обходят как раз единственный практический вопрос, о котором здесь идет речь, — вопрос о том, каким образом старопрусский юнкер, получая, скажем, 20 000 марок годового дохода и проживая, скажем, 30 000 марок, может все-таки не делать никаких долгов.

Школа Рикардо около 1830 г. потерпела крушение на прибавочной стоимости. То, что она не могла разрешить, оставалось тем более неразрешимым для ее преемницы, вульгарной экономии. Два пункта, о которые она разбилась, следующие:

Во-первых. Труд есть мера стоимости. Но живой труд при обмене на капитал имеет меньшую стоимость, чем овеществленный труд, на который он обменивается. Заработная плата, стоимость определенного количества живого труда, всегда меньше, чем стоимость продукта, который произведен этим самым количеством живого труда или в котором этот труд выражается. В таком понимании вопрос действительно неразрешим. Марксом он правильно поставлен, и тем самым на него дан ответ. Труд не имеет стоимости. Как деятельность, создающая стоимость, он так же не может

---

[3] «Итак, вследствие концентрации имуществ у небольшого числа собственников, внутренний рынок все более и более сокращается, и промышленности все более и более приходится искать сбыта на внешних рынках, где ей угрожают великие потрясения» (именно кризис 1817 г., который описывается сейчас же вслед за этим). «Nouv. Princ.», изд. 1819 г., т. I, стр. 336. [См. *Симонд де Сисмонди:* «Новые начала политической экономии». Соцэкгиз, 1936 г., стр. 314.]

* Здесь речь идет о работе Маркса «Теории прибавочной стоимости», появившейся впервые на немецком языке в 1904 г. На русском языке имеется несколько изданий, последнее из которых вышло в 1936 г. *Ред.*

иметь особой стоимости, как тяжесть не может иметь особого веса, теплота — особой температуры, электричество — особой силы тока. Покупается и продается как товар не труд, а рабочая *сила*. Как только она становится товаром, ее стоимость измеряется трудом, воплощенным в ней как в общественном продукте; эта стоимость равна труду, общественно необходимому для ее производства и воспроизводства. Следовательно, купля и продажа рабочей силы на основе такой ее стоимости отнюдь не противоречит экономическому закону стоимости.

Во-вторых. По закону стоимости Рикардо два капитала, применяющие одинаковое количество одинаково оплачиваемого живого труда, предполагая все прочие условия равными, производят в течение равного времени продукты равной стоимости, а также прибавочную стоимость или прибыль равных размеров. Если же они применяют неодинаковые количества живого труда, то они не могут произвести прибавочную стоимость или, как говорят рикардианцы, прибыль равных размеров. Но в действительности имеет место противоположное этому. Фактически равные капиталы в равное время производят в среднем равную прибыль независимо от того, много или мало живого труда они применяют. Следовательно, тут явное противоречие закону стоимости, которое заметил еще Рикардо и разрешить которое его школа тоже была неспособна. Родбертус также не мог не заметить этого противоречия; но вместо того чтобы разрешить его, он сделал его одним из исходных пунктов своей утопии («Zur Erkenntnis», стр. 131). Это противоречие Маркс разрешил уже в рукописи «Zur Kritik»; по плану «Капитала» решение будет дано в книге III. До ее опубликования пройдут еще месяцы. Следовательно, для экономистов, желающих открыть в Родбертусе тайный источник теории Маркса и его несравненного предшественника здесь представляется случай показать, что̀ в состоянии дать экономия Родбертуса. Если они покажут, каким образом может и должна образоваться одинаковая средняя норма прибыли не только без нарушения закона стоимости, но как раз на его основе, тогда мы будем разговаривать с ними дальше. Однако не соблаговолят ли они поторопиться? Блестящие исследования этой книги II и совершенно новые результаты их в почти незатронутых до сих пор областях представляют только вводные положения к содержанию книги III, в которой изложены заключительные выводы из того изображения, какое нашел у Маркса процесс общественного воспроизводства на капиталистической основе. Когда появится эта книга III, меньше будут говорить о каком-то экономисте Родбертусе.

Вторая и третья книги «Капитала», как нередко говорил мне Маркс, должны быть посвящены его жене.

Фридрих Энгельс.

Лондон, в день рождения Маркса, 5 мая 1885 г.

Предлагаемое второе издание в главном представляет дословную перепечатку первого. Исправлены опечатки, устранены некоторые стилистические погрешности, выброшено несколько коротких абзацев, содержавших только повторения.

Третья книга, которая представила совершенно неожиданные затруднения, теперь также почти готова в рукописи. Если здоровье мне позволит, ее печатание может начаться еще этой осенью.

Ф. Энгельс.

Лондон, 15 июля 1893 г.

Для удобства обзора здесь приводится краткая сводка мест, взятых из отдельных рукописей II—VIII.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Стр. 21—32 из рукописи VII. — Стр. 32—36 из рукописи VI. — Стр. 36—114 из рукописи V. — Стр. 114—117 — заметка, найденная среди выписок из книг. — Стр. 118 до конца отдела из рукописи IV; однако вставлено: стр. 126—127, место из рукописи VIII. — Стр. 131 и 137, примечания из рукописи II.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Начало, стр. 149—159, представляет конец рукописи IV. — Отсюда до конца отдела, стр. 348, все из рукописи II.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

Гл. 18 (стр. 349—357) из рукописи II.

Гл. 19: I и II (стр. 358—389) из рукописи VIII. — III (стр. 389—391) из рукописи II.

Гл. 20: I (стр. 392—395) из рукописи II, только заключительный абзац из рукописи VIII.

II (стр. 395—398) в существенном из рукописи II.

III, IV, V (стр. 398—422) из рукописи VIII.

VI, VII, VIII, IX (стр. 422—438) из рукописи II.

X, XI, XII (стр. 438—481) из рукописи VIII.

XIII (стр. 481—489) из рукописи II.

Гл. 21 (стр. 490—525) вся из рукописи VIII.

КНИГА ВТОРАЯ

ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

МЕТАМОРФОЗЫ КАПИТАЛА И ИХ КРУГООБОРОТ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КРУГООБОРОТ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА.

Процесс кругооборота капитала[1] проходит три стадии, которые, как изложено в первом томе, образуют следующий ряд:

Первая стадия: Капиталист появляется на товарном рынке и рынке труда как покупатель; его деньги превращаются в товар, или проделывают акт обращения *Д — Т*.

Вторая стадия: Производительное потребление купленных товаров капиталистом. Он действует как капиталистический товаропроизводитель; его капитал совершает процесс производства. Результатом является товар большей стоимости, чем стоимость элементов его производства.

Третья стадия: Капиталист возвращается на рынок как продавец; его товар превращается в деньги, или проделывает акт обращения *Т — Д*.

Следовательно, формула для кругооборота денежного капитала такова: *Д — Т...П...Т′ — Д′*, где точки показывают, что процесс обращения прерван, а *Т′*, равно как и *Д′*, означает *Т* и *Д*, увеличенные прибавочной стоимостью.

В первом томе первая и третья стадии исследовались лишь в той мере, насколько это необходимо для понимания второй стадии — процесса производства капитала. Поэтому там остались вне сферы внимания те различные формы, в которые на различных своих стадиях облачается капитал и которые он то принимает, то сбрасывает при повторении кругооборота. Теперь они составляют ближайший предмет исследования.

Чтобы понять эти формы в их чистом виде, необходимо прежде всего отвлечься от всех моментов, которые не имеют ничего общего

---

[1] Из рукописи VII.

с изменением и образованием формы как таковыми. Поэтому здесь предполагается не только то, что товары продаются по их стоимостям, но и то, что это совершается при неизменных обстоятельствах. Следовательно, оставляются в стороне те изменения стоимости, которые могли произойти в течение процесса кругооборота.

I. ПЕРВАЯ СТАДИЯ. Д — Т[2].

Д — Т представляет превращение известной суммы денег в известную сумму товаров: для покупателя превращение его денег в товар, для продавцов — превращение их товаров в деньги. Этот акт общего товарного обращения становится в то же самое время функционально определенным отделом в самостоятельном кругообороте индивидуального капитала прежде всего не вследствие его формы, а вследствие его вещественного содержания, вследствие особого характера потребления тех товаров, которые меняются своим местом с деньгами. Это, с одной стороны, средства производства, с другой стороны — рабочая сила: вещные и личные факторы товарного производства, особый характер которых, конечно, должен соответствовать тому, какие виды изделий предполагается произвести. Если мы назовем рабочую силу *Р*, средства производства *Сп*, то покупаемая капиталистом сумма товаров $Т = Р + Сп$, или, короче, $Т < {}^{Р}_{Сп}$. Следовательно, рассматриваемый со стороны своего содержания акт *Д — Т* представляет $Д — Т < {}^{Р}_{Сп}$, т. е. *Д — Т* распадается на *Д — Р* и *Д — Сп;* денежная сумма *Д* разделяется на две части, из которых одна покупает рабочую силу, а другая — средства производства. Эти два ряда покупок относятся к совершенно различным рынкам: один — к собственно товарному рынку, другой — к рынку труда.

Но кроме этого качественного расщепления той суммы товаров, в которую превращается *Д*, акт $Д — Т < {}^{Р}_{Сп}$ представляет и чрезвычайно характерное количественное отношение.

Мы знаем, что стоимость, соответственно цена рабочей силы, владельцу последней, продающему ее как товар, уплачивается в форме заработной платы, т. е. как цена известной суммы труда, заключающей в себе и прибавочный труд; таким образом, если, напр., дневная стоимость рабочей силы = 3 маркам, продукту пятичасового труда, то в контракте между покупателем и продавцом эта сумма фигурирует как цена или плата, скажем, за десятичасовой труд. Если подобный контракт заключен, напр., с 50 рабочими, то они должны доставить покупателю в течение одного дня в общем 500 часов труда, из которых половина, 250 рабочих часов, = 25 десятичасовым рабочим дням, составляет просто прибавочный труд.

[2] Отсюда рукопись VII, начатая 2 июля 1878 г.

Количество, равно как и размеры тех средств производства, которые необходимо купить, должны быть достаточны для применения этой массы труда.

Следовательно, *Д — Т* $<\begin{smallmatrix}P\\Сп\end{smallmatrix}$ выражает не только качественное отношение, не только то, что определенная сумма денег, напр. 422 ф. ст., претворяется в соответствующие друг другу средства производства и рабочую силу: оно выражает и количественное отношение между частью денег, затраченной на рабочую силу *Р*, и частью, затраченной на средства производства *Сп*, — отношение, определяемое прежде всего суммой избыточного прибавочного труда, который будет затрачен определенным числом рабочих.

Следовательно, если, напр., в какой-либо прядильне заработная плата 50 рабочих составляет 50 ф. ст. в неделю, то на средства производства должно быть затрачено 372 ф. ст., при том предположении, что это — стоимость средств производства, превращаемых в пряжу недельным трудом в 3 000 часов, из которых 1 500 часов — прибавочный труд.

Здесь совершенно безразлично, в какой мере в различных отраслях промышленности для применения дополнительного труда требуется дополнительная затрата стоимости в форме средств производства. Здесь речь идет лишь о том, что при всех обстоятельствах затрачиваемая на средства производства часть денег — купленные в акте *Д — Сп* средства производства — должны быть достаточны, следовательно заранее на это рассчитаны, доставлены в соответствующей пропорции. Иначе говоря, количество средств производства должно быть достаточно, чтобы поглотить все количество труда, чтобы при его посредстве превратиться в продукт. Если бы не было налицо достаточных средств производства, то избыточный труд, который получает в свое распоряжение покупатель, не нашел бы себе применения; его право распоряжения этим трудом не привело бы ни к чему. Если бы налицо было более средств производства, чем имеющегося в распоряжении труда, то они остались бы ненасыщенными трудом, не превратились бы в продукт.

Когда акт *Д — Т* $<\begin{smallmatrix}P\\Сп\end{smallmatrix}$ совершился, покупатель располагает не только средствами производства и рабочей силой, необходимыми для производства известного полезного предмета: он располагает бо̀льшим количеством приводимой в действие рабочей силы, или бо̀льшим количеством труда, чем необходимо для возмещения стоимости рабочей силы, и в то же время располагает средствами производства, требующимися для реализации или овеществления этой суммы труда; следовательно, он располагает факторами производства изделий большей стоимости, чем стоимость элементов их производства, или располагает факторами производства такого количества товаров, в котором будет заключаться и прибавочная стоимость. Следовательно, стоимость, авансированная им в денежной форме, находится теперь в такой натуральной форме, в которой

она может реализоваться как стоимость, порождающая прибавочную стоимость (в виде товаров). Другими словами: она находится в состоянии или в форме *производительного капитала,* который имеет свойство функционировать как созидающий стоимость и прибавочную стоимость. Обозначим капитал в этой форме через *П*.

Но стоимость *П* = стоимости *Р* + *Сп* = *Д*, превращенному в *Р* и *Сп*. *Д* есть та же самая капитальная стоимость, как и *П*, только форма ее существования другая; именно, это — капитальная стоимость в денежном состоянии, или денежной форме: это — *денежный капитал.*

Поэтому акт $Д - Т < {}^{Р}_{Сп}$, или, в его общей форме, *Д* — *Т*, представляющий сумму всех актов купли товаров, будучи актом общего товарного обращения, в то же время, как стадия в самостоятельном процессе кругооборота капитала, есть превращение капитальной стоимости из ее денежной формы в ее производительную форму, или, короче, превращение *денежного капитала в производительный капитал.* Следовательно, в той фигуре кругооборота, которая рассматривается здесь в первую очередь, деньги являются первым носителем капитальной стоимости, а потому денежный капитал является той формой, в которой авансируется капитал.

Как денежный капитал, он находится в состоянии, в котором он может исполнять функции денег, напр. в данном случае функции всеобщего покупательного средства и всеобщего средства платежа (последнее постольку, поскольку рабочая сила, хотя она и покупается раньше, но оплачивается лишь после того, как она действовала; поскольку на рынке не имеется готовых средств производства и приходится заказывать их, в акте *Д* — *Сп* деньги тоже действуют как средство платежа). Эта способность вытекает не из того, что денежный капитал есть капитал, а из того, что он — деньги.

С другой стороны, капитальная стоимость в денежном состоянии также может выполнять лишь функции денег и никаких иных. Что делает их функциями капитала, так это их определенная роль в движении капитала, а потому и связь стадии, в которой они выступают, с другими стадиями его кругооборота. Например, в случае, который прежде всего занимает нас, деньги превращаются в товары, сочетание которых составляет натуральную форму производительного капитала, а потому в скрытом состоянии, в возможности, уже заключает в себе результат капиталистического процесса производства.

Часть денег, выполняющих в $Д - Т < {}^{Р}_{Сп}$ функцию денежного капитала, тем самым, что она совершает это обращение, переходит к выполнению функции, в которой исчезает их характер капитала и остается их характер денег. Обращение денежного капитала *Д* распадается на *Д* — *Сп* и *Д* — *Р*, куплю средств производства и куплю рабочей силы. Рассмотрим последний акт сам по себе.

Д — Р со стороны капиталиста есть купля рабочей силы; со стороны рабочего, владельца рабочей силы, это есть продажа рабочей силы, — продажа труда, можем мы сказать здесь, ибо форма заработной платы уже предполагается. То, что для покупателя представляет собою *Д — Т (= Д — Р)*, здесь, как и при всякой купле, для продавца (рабочего) есть *Р — Д (= Т — Д)*, продажа его рабочей силы. Это — первая стадия обращения или первая метаморфоза товара (книга I, гл. III, 2а); со стороны продавца труда это есть превращение его товара в денежную форму. Полученные таким образом деньги рабочий постепенно расходует на известную сумму товаров, которые удовлетворяют его потребности, на предметы потребления. Следовательно, обращение его товара в целом представляется в виде *Р — Д — Т*, т. е., во-первых, *Р — Д (= Т — Д)* и, во-вторых, *Д — Т;* следовательно, в виде общей формы простого товарного обращения *Т — Д — Т,* где деньги фигурируют как простое средство обращения, играющее мимолетную роль, как простой посредник в обмене товара на товар.

Д — Р является характерным моментом превращения денежного капитала в производительный капитал, потому что это — существенное условие для действительного превращения стоимости, авансированной в денежной форме, в капитал, в стоимость, которая производит прибавочную стоимость. *Д — Сп* необходимо лишь затем, чтобы реализовать то количество труда, которое куплено в акте *Д — Р*. Поэтому *Д — Р* было рассмотрено с этой точки зрения в книге I, отдел II, «Превращение денег в капитал». Здесь же необходимо рассмотреть дело еще и с другой точки зрения, — именно по отношению специально к денежному капиталу, как форме проявления капитала.

Акт *Д — Р* вообще признается характерным для капиталистического способа производства. Но отнюдь не по той указанной выше причине, что купля рабочей силы есть такой договор купли, в котором обусловлено доставление большего количества труда, чем необходимо для возмещения цены рабочей силы, заработной платы, в котором, следовательно, обусловливается доставление прибавочного труда, основного условия для капитализации авансированной стоимости, или, что то же, для производства прибавочной стоимости. Нет, он признается характерным скорее вследствие своей формы, потому что в форме заработной платы труд покупается на *деньги,* а это служит признаком денежного хозяйства.

Здесь опять-таки характерным считается не иррациональность формы, — напротив, иррациональности не замечают. Иррациональность заключается в том, что сам труд, как элемент, образующий стоимость, не может иметь стоимости, а потому и определенное количество труда не может иметь стоимости, которая выражалась бы в его цене, в его эквивалентности с определенным количеством денег. Но мы знаем, что заработная плата есть просто

замаскированная форма, форма, в которой, напр., однодневная цена рабочей силы представляется ценою труда, приведенного в течение дня этой рабочей силой в текучее состояние, и что таким образом стоимость, произведенная этой рабочей силой в течение, напр., 6 часов труда, становится выражением стоимости ее двенадцатичасового функционирования, или двенадцатичасового труда.

Д — *Р* считается характерной чертой, признаком так называемого денежного хозяйства, так как труд является здесь товаром его владельца, а потому деньги являются покупателем; следовательно, *Д* — *Р* считается характерной чертой денежного хозяйства вследствие денежного характера этого отношения (т. е. купли и продажи человеческой деятельности). Но деньги уже очень рано выступили в качестве покупателя так называемых услуг, — и, несмотря на то, ни *Д* не превращалось в денежный капитал, ни общий характер хозяйства не претерпевал переворота.

Для денег совершенно безразлично, в какой вид товаров они превращаются. Это — всеобщая форма эквивалента всех товаров, которые уже своими ценами показывают, что они идеально представляют определенную сумму денег, ожидают своего превращения в деньги и, только меняясь своим местом с деньгами, получают форму, в которой они могут быть превращены в потребительные стоимости для своих владельцев. Раз на рынке существует рабочая сила как товар своего владельца, причем продажа этого товара совершается в форме платы за труд, в виде заработной платы, то купля и продажа ее не представляют ничего особо замечательного по сравнению с куплей и продажей всякого другого товара. Характерное заключается не в том, что товар — рабочая сила — может быть куплен, а в том, что рабочая сила является товаром.

Посредством $Д — Т <^{P}_{Сп}$, посредством превращения денежного капитала в производительный капитал, капиталист достигает соединения предметных и личных факторов производства, поскольку эти факторы состоят из товаров. Если деньги впервые превращаются в производительный капитал или впервые функционируют как денежный капитал для их владельца, то он, прежде чем покупать рабочую силу, должен сначала купить средства производства, рабочие здания, машины и т. д.; прежде чем рабочая сила перейдет в его распоряжение, у него должны быть налицо средства производства, чтобы ее можно было применить как рабочую силу.

Так представляется дело со стороны капиталиста.

Со стороны рабочего: производительное проявление его рабочей силы возможно лишь с того момента, когда последняя вследствие ее продажи приводится в соединение со средствами производства. Следовательно, до продажи она существует обособленно от средств производства, от предметных условий ее проявления. В этом состоянии отделения она не может быть прямо применена

ни к производству потребительных стоимостей для ее владельца, ни к производству товаров, продажей которых он мог бы существовать. Но как только вследствие ее продажи она приводится в связь со средствами производства, она точно так же становится частью производительного капитала ее покупателя, как и средства производства.

Поэтому, хотя в акте *Д — Р* собственник денег и собственник рабочей силы относятся друг к другу лишь как покупатель и продавец, противостоят друг другу как владелец денег и товаровладелец, следовательно с этой стороны находятся в простом денежном отношении друг к другу, — тем не менее покупатель с самого начала выступает и как владелец средств производства, которые образуют предметные условия производительной затраты рабочей силы владельцем последней. Другими словами, эти средства производства противостоят владельцу рабочей силы как чужая собственность. С другой стороны, продавец труда противостоит покупателю как чужая рабочая сила, которая должна перейти в распоряжение последнего, должна быть включена в его капитал, чтобы он действительно мог функционировать как производительный капитал. Следовательно, в тот момент, когда капиталист и наемный рабочий противостоят друг другу в акте *Д — Р* (*Р — Д* со стороны рабочего), классовое отношение между капиталистом и наемным рабочим уже имеется налицо, уже дано. Рассматриваемый акт представляет куплю и продажу, денежное отношение, но такую куплю и продажу, где покупателем предполагается капиталист, а продавцом — наемный рабочий; следовательно, данное отношение вытекает из того, что условия для реализации рабочей силы — жизненные средства и средства производства — отделены как чужая собственность от владельца рабочей силы.

Здесь нас не интересует, как возникает это отделение. Оно существует, раз совершается *Д — Р*. Что интересует нас здесь, так это следующее: если *Д — Р* является функцией денежного капитала или если деньги здесь — форма существования капитала, то отнюдь не просто потому, что деньги выступают здесь в качестве средства платежа за человеческую деятельность, имеющую полезный эффект, — за услугу; следовательно, отнюдь не вследствие функции денег как средства платежа. Деньги могут быть израсходованы в такой форме лишь потому, что рабочая сила находится в состоянии отделения от средств производства (включая сюда и жизненные средства как средства производства самой рабочей силы), потому что это отделение может быть устранено лишь таким способом, что рабочая сила продается собственнику средств производства, и, следовательно, покупателю принадлежит и функционирование рабочей силы, границы которого отнюдь не совпадают с границами количества труда, необходимого для воспроизводства ее собственной цены. Капиталистическое отношение проявляется

в процессе производства лишь потому, что оно уже существует само по себе в акте обращения, в различии тех основных экономических условий, при которых противостоят друг другу продавец и покупатель, в их классовом отношении. Это отношение вытекает не из природы денег; напротив, лишь существование этого отношения может превратить простую функцию денег в функцию капитала.

В понимании денежного капитала (а только с ним мы пока и имеем дело в пределах той определенной функции, в которой он выступает здесь перед нами) обыкновенно встречаются или переплетаются два заблуждения. Во-первых, функции, которые выполняет капитальная стоимость в качестве денежного капитала и которые она может выполнять именно потому, что она находится в денежной форме, ошибочно выводятся из ее характера как капитала, между тем как они вытекают лишь из денежного состояния капитальной стоимости, из ее проявления в форме денег. И, во-вторых, наоборот: то специфическое содержание функции денег, которое вместе с тем превращает эту функцию в функцию капитала, выводится из природы денег (поэтому деньги смешиваются с капиталом), между тем как функция денежного капитала предполагает, как здесь при совершении акта *Д* — *Р*, общественные условия, которые вовсе не даны простым товарным и соответствующим денежным обращением.

Купля и продажа рабов по своей форме представляет тоже куплю и продажу товаров. Но без существования рабства деньги не могут совершать этой функции. Существует рабство, и деньги могут быть затрачены на закупку рабов. Напротив, наличие денег в руках покупателя еще отнюдь недостаточно для того чтобы сделать рабство возможным.

То обстоятельство, что продажа собственной рабочей силы (в форме продажи собственного труда, или в форме заработной платы) представляет не изолированное явление, а предпосылку товарного производства, накладывающую свою печать на все общество, что, следовательно, денежный капитал выполняет рассматриваемую здесь функцию $Д - Т < {P \atop Cn}$ в общественном масштабе, — это обстоятельство предполагает такие исторические процессы, которые разложили первоначальное соединение средств производства и рабочей силы: процессы, в результате которых масса народа, рабочие, как неимущие, противостоят неработающим, как собственникам средств производства. При этом не существенно, имело ли соединение рабочей силы со средствами производства до своего разложения такую форму, что рабочий сам в качестве средства производства принадлежал к числу других средств производства, или же был их собственником.

Итак, сущность дела, лежащая в основе акта $Д - Т < {P \atop Cn}$, есть распределение; не распределение в обычном смысле распре-

деления предметов потребления, а распределение элементов самого производства, причем предметные факторы концентрируются на одной стороне, рабочая же сила, изолированная от них, — на другой.

Следовательно, чтобы акт *Д — Р* мог сделаться всеобщим общественным актом, средства производства, предметная часть производительного капитала, уже должны противостоять рабочему как таковые, как капитал.

Выше мы видели, что капиталистическое производство, раз появившись, в своем развитии не только воспроизводит это отделение, но и расширяет его в постоянно растущих размерах, пока оно не сделается универсально господствующим общественным состоянием. Но в деле есть и еще одна сторона. Предпосылкой того, чтобы капитал мог образоваться и подчинить себе производство, является известная степень развития торговли, а потому и развития товарного обращения и, следовательно, товарного производства: изделия не могут вступить в обращение как товары, если они производятся не для продажи, следовательно не как товары. Но лишь на основе капиталистического производства товарное производство является нормальным, господствующим типом производства.

Русские землевладельцы, которые вследствие так называемого освобождения крестьян ведут теперь свое сельское хозяйство наемными рабочими вместо крепостных подневольных работников, жалуются на две вещи: во-первых, на недостаток денежного капитала. Так, напр., они говорят: прежде чем продашь урожай, приходится производить платежи наемным рабочим в сравнительно крупных размерах, и здесь-то сказывается недостаток в первом условии, в наличных. Чтобы вести производство капиталистически, требуется постоянное наличие капитала в форме денег, именно для выплаты заработной платы. Однако землевладельцы могут утешиться на сей счет. Время учит, и промышленный капиталист уже располагает не только своими собственными деньгами, но и l'argent des autres [чужими деньгами].

Однако характернее вторая жалоба, именно: хотя бы и имелись деньги, все же нет достаточного количества рабочих сил, которые можно было бы купить во всякое время: вследствие общинной собственности деревенской общины на землю русский сельский рабочий еще не вполне отделен от своих средств производства, поэтому он еще далеко не представляет «свободного наемного рабочего» в полном смысле этого слова. Но наличие такового в общественном масштабе является необходимым условием для того чтобы *Д — Т*, превращение денег в товар, могло представлять превращение денежного капитала в производительный капитал.

Поэтому совершенно ясно, что формула для кругооборота денежного капитала: *Д — Т...П...Т′ — Д′*, является само собой

разумеющейся формой кругооборота капитала лишь на основе уже развитого капиталистического производства, так как она предполагает существование класса наемных рабочих в общественном масштабе. Капиталистическое производство, как мы видели, производит не только товар и прибавочную стоимость: оно воспроизводит, притом в постоянно расширяющемся размере, класс наемных рабочих и превращает в наемных рабочих подавляющее большинство непосредственных производителей. Поэтому акты *Д — Т...П...Т' — Д'*, поскольку первой предпосылкой их осуществления является постоянное наличие класса наемных рабочих, уже предполагают капитал в форме производительного капитала, а потому предполагают и форму кругооборота производительного капитала.

II. ВТОРАЯ СТАДИЯ. ФУНКЦИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО КАПИТАЛА II.

Рассматриваемый здесь кругооборот капитала начинается актом обращения *Д — Т*, превращением денег в товар, куплей. Следовательно, обращение должно быть дополнено противоположной метаморфозой *Т — Д*, превращением товара в деньги, продажей. Но непосредственным результатом акта $Д — Т <^{P}_{Cn}$ является перерыв обращения капитальной стоимости, авансированной в денежной форме. Благодаря превращению денежного капитала в производительный капитал капитальная стоимость приобрела такую натуральную форму, в которой она не может продолжать обращение и должна войти в потребление, именно в производительное потребление. Потребление рабочей силы, труд, может быть реализовано лишь в процессе труда. Капиталист не может продать рабочего как товар, потому что это — не его раб и потому что он купил лишь пользование его рабочей силой в течение определенного времени. С другой стороны, он может использовать рабочую силу, лишь заставив ее использовать средства производства в качестве факторов создания товаров. Следовательно, результат первой стадии — вступление во вторую, в производительную стадию капитала.

Движение представляется в виде $Д — Т <^{P}_{Cn} ...П$, где точки означают, что обращение капитала прервано, но процесс его кругооборота продолжается, так как из сферы товарного обращения он вступает в сферу производства. Следовательно, первая стадия, превращение денежного капитала в производительный капитал, является лишь предшественницей и вводной фазой ко второй стадии, к функционированию производительного капитала.

$Д — Т <^{P}_{Cn}$ предполагает, что индивидуум, совершающий этот акт, не только располагает стоимостями в той или иной по-

требительной форме, но что он владеет этими стоимостями в денежной форме, что он — владелец денег. А так как акт заключается именно в отдаче денег, то индивидуум может остаться владельцем денег лишь постольку, поскольку деньги implicite возвращаются к нему благодаря самому акту расходования. Между тем деньги могут притти к нему обратно лишь посредством продажи товаров. Следовательно, акт с самого начала предполагает, что данный индивидуум — товаропроизводитель.

Д — Р. Наемный рабочий существует только продажей рабочей силы. Ее сохранение — его самосохранение — требует ежедневного потребления. Следовательно, оплата рабочего должна постоянно повторяться через короткие сроки, чтобы он мог повторять необходимые для его самосохранения закупки — акт *Р — Д — Т* или *Т — Д — Т*. Поэтому капиталист постоянно должен противостоять ему как денежный капиталист, а его капитал — как денежный капитал. Но, с другой стороны, чтобы масса непосредственных производителей, наемных рабочих, могла совершать акт *Р — Д — Т*, необходимые жизненные средства постоянно должны противостоять им в такой форме, в которой они могут быть куплены, т. е. в товарной форме. Таким образом, это положение требует уже высокого развития обращения продуктов как товаров, а потому и широких размеров товарного производства. Когда производство посредством наемного труда приобретает всеобщий характер, товарное производство должно сделаться всеобщей формой производства. Товарное производство, — предполагая, что оно имеет всеобщий характер, — обусловливает, со своей стороны, постоянно возрастающее разделение общественного труда, т. е. постоянно увеличивающееся обособление продукта, производимого определенным капиталистом как товар, все большее разделение взаимно дополняющих процессов производства на самостоятельные процессы. Поэтому в той самой степени, как развивается *Д — Р*, развивается и *Д — Сп*, т. е. в той же мере производство средств производства отделяется от производства товаров, по отношению к которым они являются средствами производства, и последние противостоят сами каждому товаропроизводителю как товары, которых он не производит, но которые он покупает для своего определенного процесса производства. Они выходят из отраслей производства, которые совершенно отделены от его собственной, которые ведутся самостоятельно, — они входят в его отрасль производства как товары; поэтому их приходится покупать. Вещные условия товарного производства все в большей мере противостоят товаропроизводителю как продукты других товаропроизводителей, как товары. И в той же мере капиталист должен выступать как денежный капиталист, иначе говоря — расширяется тот масштаб, в котором его капитал должен функционировать как денежный капитал.

С другой стороны, те самые обстоятельства, которые создают основное условие капиталистического производства — существование класса наемных рабочих, — содействуют переходу всего товарного производства в капиталистическое товарное производство. В той мере, как последнее развивается, оно действует разрушающим и разлагающим образом на всякую более старую форму производства, которая, будучи рассчитана преимущественно на непосредственное собственное потребление, превращает в товар только избыток продукта. Продажу продукта оно делает главным интересом, причем сначала оно как будто не затрагивает самого способа производства, — таково было, напр., первое действие капиталистической мировой торговли на такие народы, как китайцы, индийцы, арабы и т. д. Но там, где капиталистическое товарное производство пускает корни, оно разрушает все формы товарного производства, основой которых служили или собственный труд производителя, или же просто продажа в виде товара только излишков продукта. Сначала оно делает товарное производство всеобщей формой производства и потом постепенно превращает все товарное производство в капиталистическое производство[3].

Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одни от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи общественного строя. В исследуемом случае отделение свободного рабочего от его средств производства есть наперед данный исходный пункт, и мы уже видели, как и при каких условиях рабочий и средства производства соединяются в руках капиталиста, — именно, соединяются как производительная форма существования его капитала. Поэтому тот реальный процесс, в который вступают соединенные таким способом личные и вещные факторы создания товара, самый процесс производства становится функцией капитала, — капиталистическим процессом производства, природа которого подробно описана в первой книге этого сочинения. Всякое предприятие, занимающееся производством товаров, становится вместе с тем предприятием по эксплуатации рабочей силы; но лишь капиталистическое товарное производство становится таким, составляющим новую эпоху, способом эксплуатации, который в своем последовательном историческом развитии, организуя процесс труда и мощно развивая технику, совершает переворот во всей экономической структуре общества и оставляет далеко позади все предшествовавшие эпохи.

[3] До сих пор рукопись VII. Отсюда рукопись VI.

Вследствие различия тех ролей, которые средства производства и рабочая сила во время процесса производства играют в создании стоимости, а следовательно также и в создании прибавочной стоимости, они различаются как постоянный и переменный капитал, поскольку они являются формами существования авансированной капитальной стоимости. Как различные составные части производительного капитала, они отличаются, далее, тем, что первые, раз ими владеет капиталист, остаются его капиталом и вне процесса производства, между тем как рабочая сила лишь в процессе производства становится формой существования индивидуального капитала. Если рабочая сила есть товар только в руках ее продавца, наемного рабочего, то, напротив, капиталом она становится только в руках ее покупателя, капиталиста, которому достается ее временное потребление. Сами средства производства становятся предметным воплощением производительного капитала, или производительным капиталом, только с того момента, когда рабочая сила, как личная форма существования того же капитала, получает возможность воплощаться в них. Следовательно, как рабочая сила человека не является капиталом от природы, точно так же не являются капиталом от природы средства производства. Они приобретают этот специфический общественный характер лишь при определенных исторически развившихся условиях, подобно тому как лишь при таких же условиях благородные металлы получают характер денег или деньги — характер денежного капитала.

Функционируя, производительный капитал потребляет свои собственные составные части, чтобы превратить их в массу продуктов, имеющую более высокую стоимость. Так как рабочая сила действует лишь в качестве одного из его органов, то и созданный ее прибавочным трудом излишек стоимости продукта над стоимостью образующих его элементов является плодом капитала. Прибавочный труд рабочей силы есть даровой труд для капитала и потому образует для капиталиста прибавочную стоимость, стоимость, за которую он не уплачивает эквивалента. Поэтому продукт есть не просто товар, но товар, оплодотворенный прибавочной стоимостью. Его стоимость $= П + M$, равна стоимости потребленного на его изготовление производительного капитала $П$ плюс произведенная им прибавочная стоимость M. Предположим, что этот товар состоит из 10 000 фунтов пряжи, на изготовление которой потреблены средства производства стоимостью в 372 ф. ст. и рабочая сила стоимостью в 50 ф. ст. В процессе прядения прядильщики перенесли на пряжу стоимость средств производства, потребленных их трудом, в количестве 372 ф. ст. и в то же время, соответственно затрате их труда, доставили новую стоимость, скажем, в 128 ф. ст. Поэтому 10 000 фунтов пряжи являются носителем стоимости в 500 ф. ст.

III. ТРЕТЬЯ СТАДИЯ. Т' — Д'.

Товар становится *товарным капиталом* как вышедшая непосредственно из самого процесса производства функциональная форма существования капитальной стоимости, уже принесшей прибавочную стоимость. Если бы товарное производство во всем его общественном размере велось капиталистически, то всякий товар с самого начала был бы элементом товарного капитала, состоит ли этот товар из чугуна или брюссельских кружев, серной кислоты или сигар. Проблема, какие виды товаров предопределены своим свойством к возведению в ранг капитала и какие к рядовой товарной службе, является одним из тех невинных затруднений, которые создавала для себя сама схоластическая экономия.

Капитал, находясь в товарной форме, должен выполнять функцию товара ⟨и он может выполнять только эту функцию⟩. Предметы, из которых он состоит, произведенные именно для рынка, должны быть проданы, превращены в деньги, следовательно должны совершить движение *Т — Д*.

Положим, что товар капиталиста состоит из 10 000 фунтов хлопчатобумажной пряжи. Если в процессе прядения потреблено средств производства стоимостью в 372 ф. ст. и создана новая стоимость в 128 ф. ст., то стоимость пряжи равна 500 ф. ст., что и выражается в ее цене такого же наименования. Эта цена реализуется посредством продажи *Т — Д*. Что делает этот простой акт всякого товарного обращения вместе с тем и функцией капитала? Отнюдь не какое бы то ни было изменение, совершающееся во время этого акта: не изменение потребительного характера товара, — потому что именно как предмет потребления товар и переходит к покупателю; и не изменение его стоимости, — потому что последняя не претерпевает никаких изменений величины, а только изменение формы. Сначала стоимость существовала в пряже, теперь она существует в деньгах. В этом выступает существенное различие между первой стадией *Д — Т* и последней стадией *Т — Д*. Там авансированные деньги функционируют как денежный капитал, потому что при посредстве обращения они превращаются в товары специфической потребительной стоимости. Здесь, в последней стадии *Т — Д*, товар может функционировать как капитал лишь постольку, поскольку он приносит этот характер капитала уже готовым из процесса производства, прежде чем начинается его обращение. Во время процесса прядения прядильщики создают стоимость пряжи в 128 ф. ст. Из них, скажем, 50 ф. ст. составляют для капиталиста просто эквивалент его затраты на рабочую силу, а 78 ф. ст. — при степени эксплуатации рабочей силы в 156% — образуют прибавочную стоимость. Следовательно, стоимость 10 000 фунтов пряжи заключает в себе, во-первых, стоимость потребленного производительного капитала *П*, причем постоянная

часть = 372 ф. ст., переменная = 50 ф. ст., их сумма = 422 ф. ст. = = 8 440 фунтов пряжи. Стоимость же производительного капитала *П* = *Т*, стоимости образующих его элементов, которые на стадии *Д* — *Т* противостояли капиталисту как товары в руках их продавцов. Но, во-вторых, стоимость пряжи заключает в себе и прибавочную стоимость в 78 ф. ст. = 1560 фунтам пряжи. Следовательно, *Т*, как выражение стоимости 10 000 фунтов пряжи, равно $Т + \Delta Т$, *Т* плюс приращение *Т* (= 78 ф. ст.), которое мы назовем *т*, потому что в данное время оно существует в той же товарной форме, как и первоначальная стоимость *Т*. Стоимость 10 000 фунтов пряжи = 500 ф. ст., следовательно = $Т + т = Т'$. Не абсолютная величина стоимости (500 ф. ст.) превращает *Т*, как выражение стоимости 10 000 фунтов пряжи, в $Т'$. Ведь абсолютная величина стоимости для $Т'$, так же как и для всех других *Т*, поскольку они являются выражением стоимости какой-либо суммы товаров, определяется величиной овеществленного в нем труда. *Т* превращается в $Т'$ вследствие относительной величины его стоимости — благодаря величине его стоимости по сравнению со стоимостью капитала *П*, потребленного при его производстве. В $Т'$ заключается эта стоимость плюс доставленная производительным капиталом прибавочная стоимость. Его стоимость больше, превышает эту капитальную стоимость на эту прибавочную стоимость *т*. 10 000 фунтов пряжи — это носитель возросшей, обогащенной прибавочной стоимостью капитальной стоимости, и они играют роль такого носителя как продукт капиталистического процесса производства. $Т'$ выражает отношение стоимостей — отношение стоимости товарного продукта к стоимости капитала, затраченного на его производство; следовательно, $Т'$ выражает, что его стоимость составлена из капитальной стоимости и прибавочной стоимости. 10 000 фунтов пряжи являются товарным капиталом, $Т'$, только в качестве превращенной формы производительного капитала *П*, следовательно лишь в связи, которая прежде всего существует только в кругообороте этого индивидуального капитала или существует только для того капиталиста, который своим капиталом произвел пряжу. Только, так сказать, внутреннее, но отнюдь не какое-либо внешнее отношение делает эти 10 000 фунтов пряжи, как носителя стоимости, товарным капиталом; капиталистическое родимое пятно этих 10 000 фунтов заключается не в абсолютной величине их стоимости, а в относительной величине, в величине их стоимости по сравнению с той, которою обладал содержащийся в них производительный капитал, прежде чем он превратился в товар. Поэтому, если 10 000 фунтов пряжи будут проданы по их стоимости, за 500 ф. ст., то этот акт обращения, рассматриваемый сам по себе, = *Т* — *Д*, представляет простое превращение стоимости, остающейся неизменною, из товарной формы в денежную форму. Но, как особая стадия в кругообороте

индивидуального капитала, тот же самый акт представляет собою реализацию капитальной стоимости в 422 ф. ст., заключающейся в товаре, + прибавочная стоимость в 78 ф. ст., заключающаяся в том же товаре, следовательно представляет *Т′ — Д′*, превращение товарного капитала из его товарной формы в денежную форму [4].

Функция *Т′* теперь такая же, как и всякого товарного продукта: претерпеть превращение в деньги, быть проданным, проделать фазу обращения *Т — Д*. Пока возросший теперь в стоимости капитал остается в форме товарного капитала, неподвижно лежит на рынке, процесс производства останавливается. Капитал не действует ни как созидатель продукта, ни как созидатель стоимости. В зависимости от различной степени скорости, с какою капитал сбрасывает с себя товарную форму и принимает денежную форму, или в зависимости от быстроты продажи, одна и та же капитальная стоимость будет в очень неравной степени служить и в качестве созидателя продукта и в качестве созидателя стоимости, и масштаб воспроизводства в зависимости от этого будет расширяться или сокращаться. В первой книге было показано, что степень действия данного капитала обусловливается свойствами процесса производства, в известной мере независимыми от величины стоимости капитала. Теперь оказывается, что процесс обращения приводит в движение новые силы, обусловливающие степень действия капитала, его расширения и сокращения, и независимые от величины его стоимости.

Масса товаров *Т′*, как носитель капитала, возросшего по своей стоимости, должна далее во всем своем объеме проделать метаморфозу *Т′ — Д′*. Количество проданного становится здесь существенным обстоятельством. Отдельный товар фигурирует только как интегральная часть всей массы. 500 ф. ст. стоимости существуют в 10 000 фунтах пряжи. Если капиталисту удастся продать только 7 440 фунтов по их стоимости в 372 ф. ст., то он возместит таким образом лишь стоимость своего постоянного капитала, стоимость затраченных средств производства; если 8 440 фунтов, — то лишь величину стоимости всего авансированного капитала. Чтобы реализовать прибавочную стоимость, он должен продать больше, а чтобы реализовать всю прибавочную стоимость в 78 ф. ст. (= 1 560 фунтам пряжи), он должен продать все 10 000 фунтов пряжи. Следовательно, в 500 ф. ст. денег он получает лишь равную стоимость за проданный товар; его сделка в пределах обращения есть простое *Т — Д*. Если бы он выдал своим рабочим 64 ф. ст. вместо платы в 50 ф. ст., то его прибавочная стоимость была бы лишь 64 ф. ст. вместо 78 ф. ст., и степень эксплуатации только 100% вместо 156%; но стоимость его пряжи

[4] До сих пор рукопись VI. Отсюда рукопись V.

осталась бы такой же, как была раньше; изменилось бы только соотношение ее различных частей; акт обращения *Т — Д* теперь, как и раньше, был бы продажей 10 000 фунтов пряжи за 500 ф. ст., по их стоимости.

Т′ = *Т* + *т* (= 422 ф. ст. + 78 ф. ст.). — *Т* равно стоимости *П*, или стоимости производительного капитала, а последняя равна стоимости *Д*, которое авансировано в акте *Д — Т*, в купле элементов производства; в нашем примере = 422 ф. ст. Если данная масса товара продается по ее стоимости, то *Т* = 422 ф. ст. и *т* = 78 ф. ст., стоимости прибавочного продукта в 1 560 фунтов пряжи. Если *т*, выраженное в деньгах, мы обозначим посредством *д*, то *Т′ — Д′* = (*Т* + *т*) — (*Д* + *д*), а кругооборот *Д — Т ...П... Т′ — Д′* в его распространенной форме будет, следовательно, обозначаться через $Д — Т <^{Р}_{Сп} ...П... (Т + т) — (Д + д)$.

В первой стадии капиталист извлекает предметы потребления с рынка собственно товаров и с рынка труда; в третьей стадии он бросает товары обратно, но только на один рынок, на рынок собственно товаров. Но если потом посредством своего товара он извлекает с рынка больше стоимости, чем бросил на него первоначально, то лишь потому, что бросает на него бо̀льшую товарную стоимость, чем первоначально извлек. Он бросил на рынок стоимость *Д* и извлек равную стоимость *Т*; он бросает на рынок *Т* + *т* и извлекает равную стоимость *Д* + *д*. — В нашем примере *Д* было равно стоимости 8 440 фунтов пряжи; но он бросает на рынок 10 000 фунтов, следовательно дает ему бо̀льшую стоимость, чем сам взял с рынка. С другой стороны, он бросил на рынок эту возросшую стоимость только потому, что посредством эксплуатации рабочей силы в процессе производства произвел прибавочную стоимость (выраженную в прибавочном продукте в качестве известной доли продукта). Только в качестве продукта процесса производства масса товаров есть товарный капитал, носитель возросшей капитальной стоимости. Посредством акта *Т′ — Д′* реализуется как авансированная капитальная стоимость, так и прибавочная стоимость. Реализация той и другой совершается одновременно в ряде продаж или же в одновременной продаже разом всей массы товара, что и выражает *Т′ — Д′*. Но один и тот же акт обращения *Т′ — Д′* различен для капитальной стоимости и прибавочной стоимости постольку, поскольку для каждой из них он выражает различную стадию их обращения, неодинаковый отдел того ряда метаморфоз, который они проходят в сфере обращения. Прибавочная стоимость *т* только в процессе производства и появилась на свет. Следовательно, она впервые выступает на товарный рынок и выступает притом именно в товарной форме; это — первая форма ее обращения, а потому акт *т — д*, первый акт ее обращения, или ее первая метаморфоза, которую, следовательно, еще остается дополнить посредством

противоположного акта обращения, или посредством обратной метаморфозы *д — т* [5].

Иначе обстоит дело с обращением, которое совершает капитальная стоимость *Т* в том же самом акте обращения *Т' — Д'*, являющемся для нее актом обращения *Т — Д*, где *Т = П*, равно первоначально авансированному *Д*. Капитальная стоимость открыла первый акт своего обращения как *Д*, как денежный капитал, и посредством акта *Т — Д* возвращается к той же самой форме; следовательно, она прошла обе противоположные фазы обращения: 1) *Д — Т* и 2) *Т — Д*, и опять оказалась в такой форме, в которой она снова может начать тот же процесс кругооборота. То, что для прибавочной стоимости является первым превращением товарной формы в денежную форму, для капитальной стоимости является возвратом, или обратным превращением в ее первоначальную денежную форму.

Посредством $Д - Т < {}^{Р}_{Сп}$ денежный капитал был превращен в сумму товаров *Р* и *Сп*, имеющую такую же стоимость. Эти товары не функционируют более как товары, как предметы продажи. Их стоимость существует отныне в руках их покупателя, капиталиста, как стоимость его производительного капитала *П*. В функции *П*, в производительном потреблении, они превращаются в новый вид товара, отличный по натуральной форме от средств производства, в пряжу, в которой их стоимость не только сохраняется, но и увеличивается с 422 ф. ст. до 500 ф. ст. Путем этой реальной метаморфозы товары, извлеченные с рынка в первой стадии *Д — Т*, замещаются товаром, который отличается от них и по натуральной форме и по стоимости и который должен теперь функционировать как товар, должен быть превращен в деньги и продан. Поэтому процесс производства представляется лишь перерывом в процессе обращения капитальной стоимости, в котором до сих пор была пройдена только первая фаза *Д — Т*. Капитальная стоимость проходит вторую и заключительную фазу *Т — Д*, после того как *Т* претерпит изменение по натуральной форме и по стоимости. Но если рассматривается капитальная стоимость, взятая сама по себе, то оказывается, что в процессе производства она претерпела изменение лишь своей потребительной формы. Она существовала как 422 ф. ст. стоимости в *Р* и *Сп*, теперь она существует как 422 ф. ст. стоимости в 8 440 фунтах пряжи. Следовательно, если мы рассмотрим лишь обе фазы процесса обращения капитальной стоимости, взятой обособленно от ее прибавочной стоимости, то окажется, что она проходит 1) *Д — Т* и 2) *Т — Д*, причем второе *Т*

[5] Это остается неизменным, каким бы способом ни отделяли мы капитальную стоимость и прибавочную стоимость. В 10 000 фунтах пряжи заключается 1 560 фунтов = 78 ф. ст. прибавочной стоимости, но в 1 фунте пряжи = 1 шиллингу в свою очередь заключается 2,496 унции = 1,872 пенса прибавочной стоимости.

есть изменившаяся потребительная форма, но имеет ту же стоимость, как первое *Т;* таким образом капитальная стоимость проходит *Д — Т — Д,* — форму обращения, которая путем двукратного перемещения товара в противоположном направлении, путем превращения из денег в товар и из товара в деньги, необходимо обусловливает возвращение стоимости, авансированной в форме денег, к ее денежной форме: ее обратное превращение в деньги.

Тот самый акт обращения *Т' — Д',* который для капитальной стоимости, авансированной в деньгах, является второй, заключительной метаморфозой, возвращением к денежной форме, для прибавочной стоимости, заключающейся в том же товарном капитале и реализуемой посредством его превращения в денежную форму, служит первой метаморфозой, превращением из товарной формы в денежную форму, *Т — Д,* первой фазой обращения.

Итак, здесь необходимо отметить обстоятельства двоякого рода. Во-первых: заключительное обратное превращение капитальной стоимости в ее первоначальную денежную форму есть функция товарного капитала. Во-вторых: эта функция включает в себя первое превращение прибавочной стоимости из ее первоначальной товарной формы в денежную. Таким образом денежная форма играет здесь двоякую роль: с одной стороны, она представляет ту форму, к которой возвращается стоимость, первоначально авансированная в деньгах, — следовательно, возврат к той форме стоимости, которою открылся процесс; с другой стороны, она — первая превращенная форма стоимости, первоначально вступающей в обращение в товарной форме. Если товары, из которых состоит товарный капитал, продаются по их стоимости, как предполагается здесь, то *Т + т* превращается в равное по стоимости *Д + д.* В этой форме *Д + д* (422 ф. ст. + 78 ф. ст. = 500 ф. ст.) реализованный товарный капитал находится теперь в руках капиталиста. Капитальная стоимость и прибавочная стоимость существуют теперь как деньги, следовательно во всеобщей эквивалентной форме.

Итак, в конце процесса капитальная стоимость находится опять в той же форме, в которой она вступила в него, и, следовательно, снова в качестве денежного капитала может открыть и совершить этот процесс. Именно потому, что начальная и заключительная формы процесса — денежный капитал *(Д),* процесс кругооборота в этой форме назван у нас кругооборотом денежного капитала. В конце процесса оказывается изменившейся не форма, а только величина авансированной стоимости.

Д + д суть не что иное, как денежная сумма определенной величины, в нашем случае 500 ф. ст. Но как результат кругооборота капитала, как реализованный товарный капитал, эта сумма денег содержит капитальную стоимость и прибавочную стоимость, и притом они уже не срослись вместе, как в пряже; теперь они

лежат друг возле друга. Их реализация дала каждой из них самостоятельную денежную форму. $^{211}/_{250}$ этой суммы суть капитальная стоимость, 422 ф. ст., и $^{39}/_{250}$ — прибавочная стоимость в 78 ф. ст. Это разделение, произведенное реализацией товарного капитала, является не только формальным по своему содержанию, о чем мы сейчас поговорим; оно приобретает важное значение в процессе воспроизводства капитала, смотря по тому, присоединяется ли *д* к *Д* целиком, частично или совсем не присоединяется, следовательно продолжает ли оно функционировать как составная часть авансированной капитальной стоимости или нет. Обращение *д* и *Д* также может быть совершенно различным.

В *Д'* капитал снова возвратился к своей первоначальной форме *Д*, к своей денежной форме; но возвратился в такой форме, что это возвращение есть реализация его как капитала.

Здесь имеется, во-первых, количественное различие. Было *Д*, 422 ф. ст.; теперь имеется *Д'*, 500 ф. ст., и это различие выражено в *Д*...*Д'*, количественно различных крайних членах кругооборота, самый ход которого обозначен лишь точками... $Д' > Д$, $Д' - Д = М$, прибавочной стоимости. — Но, как результат этого кругооборота *Д*...*Д'*, в настоящее время существует только *Д'*; это — результат, в котором угас процесс его образования. *Д'* существует теперь самостоятельно само по себе, независимо от движения, которое принесло его. Движение миновало, на его месте стоит *Д'*.

Но *Д'*, как $Д + д$, как 500 ф. ст., как 422 ф. ст. авансированного капитала плюс его приращение в 78 ф. ст., представляет в то же время качественное отношение, хотя само это качественное отношение существует лишь как отношение частей одной и той же суммы, следовательно как количественное отношение. *Д*, авансированный капитал, который теперь снова находится в своей первоначальной форме (422 ф. ст.), существует в настоящее время как реализованный капитал. Он не только сохранился, — он и реализовался как капитал, потому что он, именно как капитал, отличается от *д* (78 ф. ст.), к которому он стоит в таком отношении, как к *своему* приращению, к *своему* плоду, к порожденному им самим приросту. Он реализовался как капитал, потому что реализовался как стоимость, породившая стоимость. *Д'* существует как капиталистическое отношение; *Д* является уже не просто деньгами, — оно прямо выступает как денежный капитал, получает выражение как самовозросшая стоимость, следовательно как стоимость, которая обладает свойством возрастать, порождать больше стоимости, чем в ней самой. *Д* стало капиталом вследствие своего отношения к другой части *Д'* (т. е. к *д*), как обусловленной *Д*, порожденной им как причиной, в силу своего отношения к этой части как следствию, основанием которого оно является. Таким образом *Д'* является суммой стоимости, дифференцированной в самой себе, заключающей функционально (в понятии)

отличные части, является суммой стоимости, выражающей капиталистическое отношение.

Но это отношение выражено только как результат, без посредства того процесса, который принес этот результат.

Части стоимости, как таковые, качественно не отличаются одна от другой, за исключением того, что они выступают как стоимости различных предметов, конкретных вещей, следовательно в различных потребительных формах, а потому выступают как стоимости различных товарных тел, — различие, которое вытекает не из них самих как простых частей стоимости. В деньгах угасает всякое различие товаров, потому что они суть именно общая всем товарам эквивалентная форма. Денежная сумма в 500 ф. ст. состоит из совершенно однородных элементов по 1 ф. ст. Так как в простом бытии этой суммы денег изглажено посредствующее звено ее происхождения и исчез всякий след специфического различия, которым обладают различные составные части капитала в процессе производства, то различие существует лишь между понятием главной суммы (по-английски principal), = авансированному капиталу в 422 ф. ст., и понятием избыточной суммы стоимости = 78 ф. ст. Пусть, напр., *Д'* = 110 ф. ст., из которых 100 = *Д*, главной сумме, и 10 = *М*, прибавочной стоимости. Обе составные части суммы в 110 ф. ст. абсолютно однородны, следовательно неразличимы в понятии. Какие угодно 10 ф. ст. всегда составляют $^{1}/_{11}$ общей суммы в 110 ф. ст., являются ли они $^{1}/_{10}$ авансированной главной суммы в 100 ф. ст. или избытком в 10 ф. ст. над нею. Поэтому главная сумма и прирост суммы, капитал и прибавочная сумма, могут быть выражены как дроби всей суммы; в нашем примере $^{10}/_{11}$ составляют главную сумму, или капитал, $^{1}/_{11}$ — прибавочную сумму. Таким образом то денежное выражение, которое реализованный капитал получает здесь в конце своего процесса, есть иррациональное выражение капиталистического отношения.

Это, впрочем, справедливо и по отношению к *Т'* (= *Т* + *т*). Но с той разницей, что *Т'*, в котором *Т* и *т* представляют тоже лишь пропорциональные части стоимости одной и той же однородной товарной массы, содержит указание на свое происхождение из *П*, непосредственным продуктом которого является *Т'*, между тем как в *Д'*, форме, вышедшей непосредственно из обращения, исчезло прямое отношение к *П*.

Иррациональное различие между главной и наросшей суммой, заключающееся в *Д'*, поскольку оно выражает результат движения *Д...Д'*, тотчас же исчезает, если *Д'* опять начинает активно функционировать в качестве денежного капитала, следовательно, если оно не фиксируется как денежное выражение промышленного капитала, возросшего в своей стоимости. Кругооборот денежного капитала может начаться лишь с *Д* (хотя в качестве *Д* теперь

функционирует *Д'*), но отнюдь не с *Д'*, т. е. он может начаться лишь формой, выражающей авансирование капитальной стоимости, но отнюдь не выражением капиталистического отношения. Поскольку 500 ф. ст. снова авансируются как капитал для нового самовозрастания, они являются начальным пунктом, между тем как раньше были конечным пунктом. Вместо капитала в 422 ф. ст. теперь авансирован капитал в 500 ф. ст. — более денег, чем раньше, более капитальной стоимости, — но отношение между двумя составными частями отпало; совершенно так же и первоначально могла бы функционировать в качестве капитала сумма в 500 ф. ст. вместо 422 ф. ст.

Представлять капитал в виде *Д'* не есть активная функция денежного капитала; его собственное появление в форме *Д'* является, напротив, функцией *Т'*. Уже при простом товарном обращении: 1) $Т_1 — Д$; 2) $Д — Т_2$, *Д* активно функционирует лишь во втором акте $Д — Т_2$; появление его в виде *Д* является лишь результатом первого акта, благодаря которому оно выступает как превращенная форма $Т_1$. Капиталистическое отношение, заключающееся в *Д'*, отношение одной части последнего как капитальной стоимости к другой его части как приращению этой стоимости, приобретает, правда, и функциональное значение, если, при постоянном повторении кругооборота *Д...Д'*, *Д'* разделяется между двоякого рода обращением, — обращением капитала и обращением прибавочной стоимости, и, следовательно, если обе части исполняют не только количественно, но и качественно различные функции, — *Д* иные, чем *д*. Но рассматриваемая сама по себе, форма *Д...Д'* не заключает в себе потребления капиталиста, а прямо содержит только самовозрастание и накопление, поскольку последнее выражается прежде всего в периодическом увеличении снова и снова авансируемого денежного капитала.

$Д' = Д + д$ хотя и является иррациональной формой капитала, в то же время представляет денежный капитал лишь в его реализованной форме, в виде денег, которые породили деньги. В этом следует видеть отличие от функции денежного капитала в первой стадии $Д — Т <^{Р}_{Сп}$. В этой первой стадии *Д* обращается как деньги. *Д* функционирует как денежный капитал лишь потому, что только в денежном состоянии может выполнить функцию денег, превратиться в элементы *П*, в *Р* и *Сп*, противостоящие ему как товары. В этом акте обращения *Д* функционирует только как деньги; но так как этот акт — первая стадия в процессе движения капитальной стоимости, то он, в силу специфической потребительной формы покупаемых здесь товаров *Р* и *Сп*, является одновременно и функцией денежного капитала. Напротив, *Д'*, состоящее из *Д*, капитальной стоимости, и *д*, произведенной ею прибавочной стоимости, выражает возросшую капитальную стоимость, — цель и результат, функцию всего процесса кругооборота капитала. Если

оно выражает этот результат в денежной форме, как реализованный денежный капитал, это вытекает не из того, что оно есть денежная форма капитала, *денежный* капитал, но, наоборот, из того, что оно есть денежный *капитал*, капитал в денежной форме, из того, что капитал в этой форме открыл процесс, был авансирован в денежной форме. Как мы видели, обратное превращение в денежную форму есть функция товарного капитала *Т'*, а не денежного капитала. Что же касается разности между *Д'* и *Д*, то она *(д)* представляет собой лишь денежную форму *т*, приращения *Т*; *Д'* только потому $= Д + д$, что *Т'* было $= Т + т$. Следовательно, эта разность и отношение капитальной стоимости к порожденной ею прибавочной стоимости имелись налицо и были выражены в *Т'*, прежде чем та и другая стоимость превратились в *Д'*, в единую денежную сумму, в которой обе части стоимости самостоятельно противостоят одна другой и потому могут быть употреблены на самостоятельные функции, отличные одна от другой.

Д' есть лишь результат реализации *Т'*. И то и другое — *Т'*, как и *Д'* — суть лишь различные формы, товарная форма и денежная форма возросшей капитальной стоимости, у них обеих то общее, что они — возросшая капитальная стоимость. Обе суть проявивший себя в действии капитал, потому что здесь капитальная стоимость как таковая существует совместно с прибавочной стоимостью, как отличным от первой, полученным благодаря ей плодом, хотя это отношение и выражается лишь в такой иррациональной форме, как отношение двух частей одной и той же денежной суммы или одной и той же товарной стоимости. Но как выражение капитала в его отношении к прибавочной стоимости и в его отличии от прибавочной стоимости, произведенной им, следовательно как выражение возросшей стоимости, *Д'* и *Т'* суть одно и то же и выражают одно и то же, только в различной форме; они отличаются друг от друга не как денежный капитал и товарный капитал, а как деньги и товар. Поскольку они представляют возросшую стоимость, капитал, проявивший себя в действии как капитал, они выражают лишь результат функционирования производительного капитала, единственного функционирования, благодаря которому капитальная стоимость приносит стоимость. Общее им то, что они оба, денежный капитал и товарный капитал, суть способы существования капитала. ⟨Различие между ними заключается в том, что они являются различными способами существования капитала.⟩ Один — капитал в денежной форме, другой — в товарной форме. Разделяющие их различия специфических функций не могут быть поэтому чем-либо иным, кроме различий между функцией денег и функцией товара. Товарный капитал, как непосредственный продукт капиталистического процесса производства, носит следы своего происхождения из процесса производства и потому по своей форме более рационален, не столь

недосягаем для понятия, как денежный капитал, в котором изглажен всякий след процесса производства, как и вообще в деньгах угасает всякая особенность потребительной формы товара. Поэтому такое своеобразие денежной формы капитала исчезает только там, где само *Д′* функционирует как товарный капитал, где оно является непосредственным продуктом процесса производства, а не превращенной формой этого продукта, — следовательно, в производстве самого денежного материала. Для производства золота, напр., формула была бы такова: $Д - Т < {}^{P}_{Cn} \ldots П \ldots Д' \ (Д + д)$, где *Д′* фигурирует как товарный продукт, потому что *П* доставляет золота больше, чем было авансировано в первом *Д*, денежном капитале, на элементы производства золота. Следовательно, здесь исчезает иррациональность выражения $Д \ldots Д' \ (Д + д)$, где одна часть денежной суммы является матерью другой части той же самой денежной суммы.

IV. КРУГООБОРОТ В ЦЕЛОМ.

Мы видели, что процесс обращения по истечении его первой фазы $Д - Т < {}^{P}_{Cn}$ прерывается производством — *П*, в котором товары *P* и *Cn*, купленные на рынке, потребляются как вещественные и стоимостные составные части производительного капитала; продукт этого потребления — новый товар, *Т′*, изменившийся по своей натуральной форме и по стоимости. Прерванный процесс обращения, *Д — Т*, должен быть дополнен посредством *Т — Д*. Но в качестве носителя этой второй и заключительной фазы обращения появляется *Т′*, товар, по своей натуральной форме и по стоимости отличный от первого *Т*. Следовательно, ряд обращения выражается в виде: 1) $Д - Т_1$; 2) $Т'_2 - Д'$, где во второй фазе первого товара $Т_1$ взамен ему появляется другой товар $Т'_2$, большей стоимости и иной по своей потребительной форме; эта перемена происходит во время перерыва, обусловливаемого функцией *П*, т. е. во время производства *Т′* из элементов *Т*, из форм существования производительного капитала *П*. Напротив, та первая форма проявления, в которой капитал выступил перед нами (книга I, гл. IV, 1), форма *Д — Т — Д′* (разлагается на: 1) $Д - Т_1$; 2) $Т_1 - Д'$) дважды показывает один и тот же товар. Там перед нами оба раза один и тот же товар — товар, в который превращаются деньги в первой фазе и который во второй фазе превращается обратно в большее количество денег. Несмотря на это существенное различие, оба обращения имеют то общее, что в их первой фазе деньги превращаются в товар, а во второй фазе — товар в деньги, следовательно деньги, затраченные в первой фазе, возвращаются во второй фазе. Им обще, с одной стороны, возвращение денег к их исходному пункту, а с другой стороны — то, что денег возвращается больше, чем было авансировано. По-

Факсимиле страницы рукописи II тома «Капитала» К. Маркса.

(Уменьшено.)

стольку и *Д — Т...Т' — Д'* содержится уже во всеобщей формуле *Д — Т — Д'*.

Далее, в обеих метаморфозах, *Д — Т* и *Т' — Д'*, относящихся к обращению, всякий раз противостоят друг другу и заменяют друг друга равновеликие, одновременно существующие стоимости. Изменение величины стоимости принадлежит исключительно метаморфозе *П*, процессу производства, который, таким образом, является реальной метаморфозой капитала, в противоположность простой метаморфозе форм, совершающейся в сфере обращения.

Рассмотрим теперь движение *Д — Т...П...Т' — Д'* в целом или его развернутую форму $Д — Т < {}^{P}_{Сп} ...П...Т' (Т + т) — Д' (Д + д)$. Капитал является здесь стоимостью, которая проходит последовательный ряд взаимно связанных, обусловливаемых друг другом превращений, ряд метаморфоз, которые составляют такое же количество фаз или стадий всего процесса. Две из этих фаз относятся к сфере обращения, одна — к сфере производства. В каждой из этих фаз капитальная стоимость находится в особой форме, которой соответствует особая, специальная функция. В этом движении авансированная стоимость не только сохраняется, но и возрастает, увеличивает свою величину. Наконец, в заключительной стадии она возвращается к той самой форме, в которой она явилась при начале всего процесса. Таким образом этот процесс, как целое, есть процесс кругооборота.

Те две формы, которые капитальная стоимость принимает на стадиях своего обращения, суть формы *денежного капитала и товарного капитала;* ее форма, относящаяся к стадии производства, есть форма *производительного капитала*. Капитал, который в ходе своего полного кругооборота принимает и снова сбрасывает эти формы и в каждой из них совершает соответствующую ей функцию, есть *промышленный капитал;* слово промышленный употребляется здесь в значении, в котором оно охватывает всякую, ведущуюся капиталистически отрасль производства.

Следовательно, денежный капитал, товарный капитал, производительный капитал обозначают здесь отнюдь не самостоятельные виды капитала, функции которых составляют содержание тоже самостоятельных и отделенных друг от друга отраслей предпринимательства (Geschäftszweige). Они обозначают здесь лишь особые функциональные формы промышленного капитала, который последовательно принимает их все три одну за другой.

Кругооборот капитала совершается нормально лишь при том условии, если его различные фазы без задержек переходят одна в другую. Если капитал задерживается на первой фазе *Д — Т*, то денежный капитал затвердевает в сокровище; если на производственной фазе, — то на одной стороне лежат средства производства, не функционируя, между тем как на другой — рабочая сила остается

незанятой; если капитал встречает задержку на последней фазе *Т' — Д'*, то нераспроданные товары, накопляясь, преграждают путь потоку обращения.

С другой стороны, по самой природе дела, сам кругооборот обусловливает фиксацию капитала на определенные сроки в отдельных фазах кругооборота. В каждой из своих фаз промышленный капитал связан с одной определенной формой — как денежный капитал, производительный капитал, товарный капитал. Лишь выполнив функцию, соответствующую той форме, в которой он находится в данное время, он приобретает форму, в которой может вступить в новую фазу превращения. Чтобы сделать это наглядным, мы предположили в нашем примере, что капитальная стоимость товарной массы, созданной на производственной стадии, равна всей сумме стоимости, первоначально авансированной в виде денег; другими словами, что вся капитальная стоимость, авансированная как деньги, разом переходит из одной стадии в другую, следующую. Но мы видели (книга I, гл. VI), что часть постоянного капитала, орудия труда в собственном смысле (напр., машины) служат снова и снова, в большем или меньшем количестве повторных процессов производства, а потому лишь по частям передают свою стоимость продукту. Позже мы увидим, в какой мере это обстоятельство модифицирует процесс кругооборота капитала. Здесь ограничимся следующим: в нашем примере стоимость производительного капитала = 422 ф. ст. содержит только среднюю величину снашивания фабричных зданий, машин и т. д., следовательно только ту часть стоимости, которую при превращении 10 600 фунтов хлопка в 10 000 фунтов пряжи они переносят на последнюю, на продукт недельного прядильного процесса в 60 часов. Следовательно, в виде средств производства, в которые превращается авансированный постоянный капитал в 372 ф. ст., орудия труда, здания, машины и т. д. фигурируют таким образом, как если бы их брали на рынке лишь на прокат, оплачивая еженедельными взносами. Однако это абсолютно ничего не изменяет в существе дела. Стоит лишь нам количество пряжи в 10 000 фунтов, произведенное в течение недели, помножить на число недель, составляющее известный ряд лет, — и вся стоимость купленных и потребленных за это время орудий труда будет перенесена на пряжу. Отсюда ясно, что авансированный денежный капитал сначала должен быть превращен в эти орудия, следовательно должен оставить первую стадию *Д — Т*, и только после того он будет в состоянии функционировать как производительный капитал *П*. Точно так же в нашем примере ясно, что сумма капитальной стоимости в 422 ф. ст., воплотившаяся в пряжу во время процесса производства, не может вступить в фазу обращения *Т' — Д'* как составная часть стоимости 10 000 фунтов пряжи, пока последняя не будет готова. Нельзя продать пряжу, пока последняя не выпрядена.

NY 30a

NY 30b

Факсимиле страницы рукописи II тома «Капитала», отредактированной и переписанной Ф. Энгельсом.

(Уменьшено.)

В общей формуле продукт *П* рассматривается как материальная вещь, отличная от элементов производительного капитала, как предмет, который обладает обособленным от процесса производства существованием, отличной от элементов производства потребительной формой. Во всех случаях, где результат процесса производства выступает как вещь, он рассматривается таким образом, — даже там, где часть продукта входит как элемент в продолжающееся производство. Так, зерно служит как семя для производства зерна, но продукт состоит только из зерна, следовательно имеет форму, отличную от других элементов, также нашедших применение, — рабочей силы, инструментов, удобрения. Но существуют самостоятельные отрасли промышленности, где продукт процесса производства не является новым вещественным продуктом, товаром. Из этих отраслей важна в экономическом отношении только промышленность сообщений, будет ли то собственно транспортная промышленность по перевозке товаров и людей или промышленность по передаче только сообщений, писем, телеграмм и т. д.

А. Чупров[6] говорит об этом так: «Фабрикант может сначала произвести изделия и потом искать потребителей»; {его продукт, выброшенный готовым из процесса производства, переходит как отделенный от него товар в сферу обращения}; «производство и потребление являются двумя актами, разделенными один от другого в пространстве и времени; в перевозочной же промышленности, которая не создает новых продуктов, но передвигает людей и вещи, эти два акта сливаются вместе; услуги железной дороги {перемещение} потребляются в тот же момент, как они производятся. Оттого район, в котором железные дороги могут искать сбыта своим услугам, простирается много если на 50 верст (53 клм.) по обе стороны линии».

Результатом перевозки — транспортируются ли люди или товары — является перемена места нахождения, напр. пряжа находится теперь в Индии, а не в Англии, где она была произведена.

Но транспортная промышленность продает самое перемещение. Доставляемый ею полезный эффект неразделыю связан с процессом транспорта, т. е. с процессом производства транспортной промышленности. Люди и товары едут вместе со средствами транспорта, и их езда, их перемещение и есть процесс производства, создаваемый средствами транспорта. Полезный эффект можно потреблять лишь во время процесса производства; этот эффект не существует как отличная от этого процесса потребительная вещь, которая лишь после того, как она произведена, функционирует в виде предмета торговли, обращается как товар. Но меновая стоимость этого полезного эффекта, как и всякого другого товара,

[6] *А. Чупров:* «Железнодорожное хозяйство». Москва, 1875 г., стр. 69—70.

определяется стоимостью затраченных на него элементов производства (рабочей силы и средств производства) плюс прибавочная стоимость, созданная прибавочным трудом рабочих, занятых в транспортной промышленности. Что касается потребления полезного эффекта транспортной промышленности, он и в этом отношении не отличается от других товаров. Если он служит личному потреблению, то с потреблением исчезает его стоимость; если он потребляется производительно, так что сам является стадией производства товаров, находящихся в перевозке, то его стоимость переносится как дополнительная стоимость на самый товар. Следовательно, формула для транспортной промышленности такова: $Д - Т < {}^{Р}_{Сп} \ldots П - Д'$, так как здесь оплачивается и потребляется самый процесс производства, а не продукт, который может быть отделен от него. Следовательно, перед нами почти точно такая же форма, как для производства благородных металлов, с той только разницей, что *Д'* является здесь превращенной формой полезного эффекта, созданного во время процесса производства, а не натуральной формой золота или серебра, добытых во время этого процесса и вытолкнутых из него.

Промышленный капитал есть единственная форма существования капитала, при которой функцией капитала является не только присвоение прибавочной стоимости или прибавочного продукта, но и их создание. Поэтому именно промышленным капиталом обусловливается капиталистический характер производства; существование промышленного капитала включает в себя классовое противоречие между капиталистами и наемными рабочими. В той мере, как он овладевает общественным производством, совершается переворот в технике и общественной организации процесса труда, а вместе с тем и в экономико-историческом типе общества. Другие виды капитала, которые существовали до него среди отошедших в прошлое или клонящихся к упадку укладов общественного производства, не только являются подчиненными ему и не только претерпевают соответствующие ему изменения в механизме своих функций, но и движутся впредь уже лишь на основе промышленного капитала, следовательно живут и умирают, стоят и падают вместе с этой основой. Денежный капитал и товарный капитал, поскольку они со своими функциями выступают наряду с промышленным капиталом, как носители особых отраслей предпринимательства, суть лишь достигшие самостоятельности вследствие общественного разделения труда и односторонне развитые виды существования различных функциональных форм, которые промышленный капитал то принимает, то сбрасывает в сфере обращения.

Кругооборот *Д...Д'*, с одной стороны, переплетается с общим товарным обращением, выходит из него, входит в него, составляет его часть. С другой стороны, для индивидуального капиталиста

он образует особое самостоятельное движение капитальной стоимости, — движение, которое совершается частью в пределах общего товарного обращения, частью вне его, но которое всегда сохраняет свой самостоятельный характер. Во-первых, потому что обе фазы движения, которые проходятся в сфере обращения, *Д — Т* и *Т' — Д'*, имеют функционально определенный характер как фазы движения капитала; в *Д — Т* последнее, *Т*, по своей натуральной форме определено как рабочая сила и средства производства; в *Т' — Д'* реализуется капитальная стоимость + прибавочная стоимость. Во-вторых, *П*, процесс производства, охватывает производительное потребление. В-третьих, возвращение денег к их исходному пункту делает движение *Д...Д'* кругооборотом, завершенным в себе самом.

Следовательно, всякий индивидуальный капитал в своих обеих половинах обращения *Д — Т* и *Т' — Д'* является, с одной стороны, агентом общего товарного обращения, в котором он функционирует или вплетен то как деньги, то как товар; таким образом сам индивидуальный капитал является членом в общем ряду метаморфоз товарного мира. С другой стороны, в пределах общего обращения он описывает свой собственный самостоятельный кругооборот, в котором сфера производства составляет переходную стадию и в котором он возвращается к своему исходному пункту в той самой форме, в которой оставил его. В пределах своего собственного кругооборота, который включает и его реальную метаморфозу в процессе производства, капитал изменяет и величину своей стоимости. Он возвращается не просто как денежная стоимость, а как увеличенная, возросшая денежная стоимость.

Наконец, если мы посмотрим на *Д — Т...П...Т' — Д'* как на особую форму процесса кругооборота капитала наряду с другими формами, которые будут исследованы впоследствии, то она характеризуется следующим:

1) Она является *кругооборотом денежного капитала*, потому что промышленный капитал в своей денежной форме, в виде денежного капитала, образует исходный пункт всего процесса и пункт, к которому этот процесс возвращается. Сама формула выражает, что деньги не расходуются здесь как деньги, но лишь авансируются, а потому представляют лишь денежную форму капитала, денежный капитал. Она, далее, выражает, что меновая стоимость, а не потребительная стоимость есть самоцель, определяющая движение. Именно потому, что денежная форма стоимости есть самостоятельная, осязательная форма проявления стоимости, именно поэтому форма обращения *Д...Д'*, исходный и заключительный пункты которой суть действительные деньги, с наибольшей наглядностью выражает побудительный мотив капиталистического производства, делание денег. Процесс производства является для делания денег лишь неизбежным посредствующим звеном, необходимым злом.

{Поэтому все нации с капиталистическим способом производства периодически переживают спекулятивную лихорадку, во время которой они стремятся осуществлять делание денег без посредства процесса производства.}

2) Стадия производства, функция *П*, образует в этом кругообороте перерыв между двумя фазами обращения ⟨и именно поэтому фигурирует лишь как посредствующее звено в обращении *Д — Т...Т' — Д'*, которое, в свою очередь, лишь опосредствует простое обращение *Д — Т — Д'*⟩. Процесс производства в самой этой форме процесса кругооборота формально и определенно представлен тем, чем он и является при капиталистическом способе производства: простым средством для возрастания авансированной стоимости; следовательно, обогащение как таковое является здесь самоцелью производства.

3) Так как последовательный ряд фаз открывается фазой *Д — Т*, то вторым членом обращения является *Т' — Д'*; следовательно, исходный пункт — *Д*, денежный капитал, ожидающий возрастания стоимости; заключительный пункт — *Д'*, возросший по стоимости денежный капитал *Д + д*, где *Д* фигурирует как реализованный капитал со своим потомком *д*. Это отличает кругооборот *Д* от двух других кругооборотов, *П* и *Т'*, и отличает в двояком отношении. С одной стороны, отличие состоит в денежной форме обоих крайних членов; а деньги суть самостоятельная осязательная форма существования стоимости, стоимость продукта в ее самостоятельной форме, в которой изглажен всякий след потребительной стоимости товаров. С другой стороны, форма *П...П* не необходимо превращается в *П...П' (П + п)*, а в форме *Т'...Т'* вообще не видно никакой разницы в стоимости двух крайних членов. — Следовательно, для формулы *Д...Д'* характерно, с одной стороны, то обстоятельство, что капитальная стоимость составляет исходный пункт, а возросшая капитальная стоимость — заключительный пункт, так что авансирование капитальной стоимости является средством, возросшая капитальная стоимость — целью всей операции; характерно, с другой стороны, то обстоятельство, что это отношение выражено в денежной форме, самостоятельной форме стоимости, а потому денежный капитал получает выражение как деньги, рождающие деньги. Создание прибавочной стоимости стоимостью выражено не только как альфа и омега процесса, но выражено прямо в блестящей денежной форме.

4) Так как *Д'*, реализованный денежный капитал, как результат *Т' — Д'*, дополнительной и заключительной фазы *Д — Т*, находится абсолютно в той же форме, в которой он начал свой первый кругооборот, то, выйдя из него, он может снова начать такой же кругооборот, как увеличенный (накопленный) денежный капитал: *Д' = Д + д*; по крайней мере, форма *Д...Д'* не выражает, что при повторении кругооборота обращение *д* отделяется от обраще-

ния *Д*. Рассматриваемый в своем однократном виде, формально, кругооборот денежного капитала выражает, следовательно, только процесс возрастания стоимости и процесс накопления. Потребление выражено в нем посредством $Д - Т <^{P}_{Cn}$, лишь как производительное потребление, только такое потребление и заключается в этом кругообороте индивидуального капитала. *Д — Р* является *Р — Д* или *Т — Д* со стороны рабочего; следовательно, является первой фазой обращения, которое опосредствует его личное потребление: *Р — Д — Т* (жизненные средства). Вторая фаза, *Д — Т*, уже не входит в кругооборот индивидуального капитала; но этот кругооборот приводит к ней, предполагает ее, потому что рабочий, раз он всегда должен находиться на рынке как материал для эксплуатации капиталиста, прежде всего должен существовать, следовательно должен поддерживать себя личным потреблением. Однако самое это потребление предполагается здесь лишь как условие производительного потребления рабочей силы капиталом, следовательно лишь в той мере, поскольку рабочий своим личным потреблением поддерживает и воспроизводит себя как рабочую силу. Что касается *Сп*, собственно товаров, которые входят в кругооборот, то они составляют лишь пищу для производительного потребления. Акт *Р — Д* опосредствует личное потребление рабочего, превращение жизненных средств в его плоть и кровь. Конечно, для того чтобы капиталист играл роль капиталиста, он также должен иметься в наличии, следовательно также должен существовать и потреблять. Но для этого ему по существу необходимо лишь такое потребление, как рабочему, — большего не предполагает эта форма процесса обращения. И даже это формально не выражено здесь, потому что формула заканчивается *Д'*, следовательно результатом, который немедленно может снова функционировать как увеличенный денежный капитал.

В *Т' — Д'* прямо содержится продажа *Т'*; но *Т' — Д'*, продажа для одной стороны, есть *Д — Т*, купля для другой; окончательно товар покупается лишь ради его потребительной стоимости, лишь затем, чтобы (оставляя посредническую куплю) войти в процесс потребления, будет ли то личное или производительное потребление, в зависимости от природы покупаемого предмета. Но это потребление не входит в кругооборот того индивидуального капитала, продуктом которого является *Т'*; этот продукт, ⟨именно в такой форме товара, подлежащего продаже, выталкивается из кругооборота⟩. *Т'* прямо предназначено для чужого потребления. Поэтому у истолкователей меркантильной системы (в основе которой лежит формула *Д — Т...П...Т' — Д'*) мы находим пространные проповеди на ту тему, что отдельный капиталист должен потреблять лишь столько же, как и рабочий, и что нация капиталистов должна предоставить потребление своих товаров и вообще процесс потребления другим, более глупым нациям, сама же

должна сделать своей жизненной задачей производительное потребление. Эти проповеди по своей форме и содержанию часто напоминают аналогичные аскетические увещания отцов церкви.

Итак, процесс кругооборота капитала представляет единство обращения и производства, заключает в себе то и другое. Поскольку две фазы: *Д — Т, Т' — Д'*, являются актами обращения, постольку обращение капитала составляет часть общего товарного обращения. Но поскольку они представляют функционально определенные отделы, стадии в кругообороте капитала, — кругообороте, относящемся не только к сфере обращения, но и к сфере производства, — постольку капитал внутри общего товарного обращения совершает свой собственный кругооборот. На первой стадии общее товарное обращение служит ему для того чтобы принять форму, в которой он может функционировать как производительный капитал; на второй стадии — для того чтобы отрешиться от формы товара, в которой он не мог бы возобновить свой кругооборот, и в то же время для того чтобы перед ним открылась возможность отделить свой собственный кругооборот как капитала от обращения приросшей к нему прибавочной стоимости.

Поэтому кругооборот денежного капитала есть самая односторонняя, а потому и наиболее ярко выраженная и характерная из форм, в которых проявляется кругооборот промышленного капитала; цель и движущий мотив последнего: возрастание стоимости, делание денег и накопление, представлены здесь так (покупать, чтобы продать дороже), что они прямо бросаются в глаза. Благодаря тому, что первой фазой в этой форме является *Д — Т*, здесь обнаруживается также, что составные части производительного капитала поступают с товарного рынка, равно как и вообще обнаруживается обусловленность капиталистического процесса производства обращением, торговлей. Кругооборот денежного капитала — это не только товарное производство: он сам осуществляется лишь при посредстве обращения, предполагает последнее. Это ясно уже из того, что форма *Д*, принадлежащая обращению, является первой и чистой формой авансированной капитальной стоимости, чего нет в двух других формах кругооборота.

Кругооборот денежного капитала лишь постольку всегда остается общим выражением промышленного капитала, поскольку он всегда заключает в себе возрастание авансированной стоимости. В кругообороте *П...П* денежное выражение капитала выступает лишь как цена элементов производства, следовательно лишь как стоимость, выраженная в счетных деньгах, и в этой именно форме она фиксируется в бухгалтерии.

Д...Д' становится особой формой кругооборота промышленного капитала постольку, поскольку вновь выступающий капитал аван-

сируется сначала в виде денег и потом в той же форме извлекается обратно, — совершается ли это при переходе из одной отрасли производства в другую или же при выходе промышленного капитала из дела. Эта форма включает в себя и функционирование в качестве капитала той прибавочной стоимости, которая авансируется сначала в денежной форме; с наибольшей ясностью выступает это в том случае, когда прибавочная стоимость функционирует не в том предприятии, из которого она происходит. *Д...Д'* может быть первым кругооборотом известного капитала; оно может быть последним кругооборотом; оно может считаться формой всего общественного капитала; это — форма капитала, который вкладывается впервые, представляет ли он вновь накопленный в денежной форме капитал или же старый капитал, целиком превращенный в деньги с той целью, чтобы перенести его из одной отрасли производства в другую.

Денежный капитал, как форма, постоянно присущая всем кругооборотам, осуществляет этот кругооборот как раз из-за той части капитала, которая производит прибавочную стоимость, из-за переменного капитала. Нормальная форма авансирования заработной платы есть уплата деньгами; этот процесс должен постоянно возобновляться через короткие сроки, потому что рабочий перебивается только от платежа к платежу. Поэтому капиталист постоянно должен противостоять рабочему как денежный капиталист, а его капитал — как денежный капитал. Здесь, в противоположность купле средств производства и продаже произведенных товаров, не может найти места прямое или косвенное погашение платежей (так что бо́льшая часть денежного капитала фактически фигурирует лишь в форме товаров, деньги лишь в форме счетных единиц, а наличные, в конце концов, только для уравнения балансов). С другой стороны, часть той прибавочной стоимости, которую приносит переменный капитал, капиталист затрачивает на свое личное потребление, которое относится к сфере розничной торговли; он расходует эту часть в конечном счете наличными, в денежной форме прибавочной стоимости. Велика или мала эта часть прибавочной стоимости — дела нисколько не меняет. Переменный капитал постоянно все снова и снова появляется как денежный капитал, затрачиваемый на заработную плату *(Д — Р)*, а *д* — как прибавочная стоимость, расходуемая на покрытие личных потребностей капиталиста. Следовательно, *Д*, стоимость авансированного переменного капитала, и *д*, ее прирост, необходимо удерживаются в денежной форме, в которой они подлежат расходованию.

Формула *Д — Т... П... Т' — Д'*, имеющая своим результатом *Д' = Д + д*, обманчива по своей внешности, носит иллюзорный характер, вытекающий из того, что авансированная и возросшая стоимости существуют здесь в своей эквивалентной форме, в деньгах.

Эта формула ставит ударение не на возрастание стоимости, а на *денежную форму* этого процесса, на то обстоятельство, что из обращения, в конце концов, извлечено более стоимости в денежной форме, чем было первоначально авансировано, — следовательно на увеличение массы золота и серебра, принадлежащего капиталисту. Так называемая монетарная система есть просто выражение иррациональной формы *Д — Т — Д'*, движения, протекающего исключительно в сфере обращения; поэтому оба акта: 1) *Д — Т*, 2) *Т — Д'*, могут найти в этой системе лишь то объяснение, что *Т* во втором акте продается дороже своей стоимости и, следовательно, извлекает из обращения более денег, чем было брошено в обращение при его купле. Напротив, *Д — Т...П...Т' — Д'*, будучи фиксировано в качестве исключительной формы, лежит в основе развитой меркантильной системы, необходимым элементом которой является не только товарное обращение, но и товарное производство.

Иллюзорный характер формулы *Д — Т...П...Т' — Д'* и соответствующее ей иллюзорное истолкование сохраняются до тех пор, пока эта форма фиксируется как однократная, а не как текучая, постоянно возобновляющаяся; следовательно, пока она считается не одной из форм кругооборота, а его исключительной формой. Но она уже сама по себе указывает на другие формы.

Во-первых, весь этот кругооборот предполагает капиталистический характер самого процесса производства и в качестве базиса предполагает, следовательно, этот процесс производства вместе с обусловленным им специфическим состоянием общества. $Д — Т = Д — Т \left\langle \begin{matrix} P \\ Cп \end{matrix} \right.$; но *Д — Р* предполагает существование наемного рабочего, а потому предполагает, что средства производства составляют часть производительного капитала, что, следовательно, процесс труда и процесс возрастания стоимости, процесс производства является функцией капитала.

Во-вторых, если акт *Д...Д'* повторяется, то возврат к денежной форме оказывается столь же мимолетным, как денежная форма на первой стадии. *Д — Т* исчезает, чтобы дать место для *П*. Постоянно повторяющееся авансирование денег, равно как и постоянное возвращение авансированной суммы в виде денег являются сами лишь моментами, исчезающими в кругообороте.

В-третьих,

$$\underbrace{Д—Т...\overbrace{П...Т'—Д'.\ \underbrace{Д—Т...П...Т'—Д'.\ Д}—Т...П}...}\ \text{и т. д.}$$

Уже при вторичном повторении кругооборота, прежде чем закончится второй кругооборот *Д*, выступает кругооборот *П...Т'—Д'. Д—Т...П*; таким образом все дальнейшие кругообороты *Д* можно рассматривать под углом зрения формы *П...Т' — Д — Т...П*; тогда *Д — Т*, как первая фаза первого кру-

гооборота, представляет собою лишь мимолетную подготовку постоянно повторяющегося кругооборота производительного капитала, чем она и является в действительности, когда дело идет о промышленном капитале, который впервые вкладывается в форме денежного капитала.

С другой стороны, прежде чем закончится второй кругооборот *П*, успевает завершиться первый кругооборот *Т′ — Д′. Д — Т... П...Т′* (короче *Т′ — Т′*), кругооборот товарного капитала. Таким образом уже первая форма содержит в себе обе остальные, и, следовательно, денежная форма исчезает, поскольку она является не просто выражением стоимости, а выражением ее в эквивалентной форме, в деньгах.

Наконец, если мы возьмем вновь выступающий отдельный капитал, который впервые совершает кругооборот *Д — Т... П... Т′—Д′*, то *Д — Т* является подготовительной фазой, предшественницей первого процесса производства, проделываемого этим отдельным капиталом. Следовательно, эта фаза *Д — Т* не предполагается, а скорее выдвигается или обусловливается процессом производства. Но это относится лишь к данному отдельному капиталу. Поскольку предполагается капиталистический способ производства, следовательно при состоянии общества, определяемом капиталистическим производством, всеобщей формой кругооборота промышленного капитала является кругооборот денежного капитала. Поэтому капиталистический процесс производства предполагается как prius [предшественник], — если не при первом кругообороте денежного капитала, в каковой форме первоначально вкладывается промышленный капитал, то за пределами этого кругооборота. Постоянное существование капиталистического процесса производства предполагает постоянное возобновление кругооборота *П...П*. На первой стадии $Д — Т <^{P}_{Cn}$ уже прямо выступает эта предпосылка, так как этот акт, с одной стороны, предполагает существование класса наемных рабочих и так как, с другой стороны, то, что для покупателя средств производства является первой стадией *Д — Т*, для их продавца представляет *Т′ — Д′*; следовательно, *Т′* предполагает товарный капитал, а потому и самый товар как результат капиталистического производства, — предполагает, таким образом, функционирование производительного капитала.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КРУГООБОРОТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО КАПИТАЛА.

Общая формула кругооборота производительного капитала такова: *П...Т' — Д' — Т...П*. Этот кругооборот означает периодическое возобновление функционирования производительного капитала, следовательно воспроизводство, или процесс производства капитала как процесс воспроизводства в связи с возрастанием стоимости; не только производство, но периодическое воспроизводство прибавочной стоимости; функционирование промышленного капитала, находящегося в своей производительной форме не как однократное, а как периодически повторяющееся функционирование, так что возобновление определяется уже исходным пунктом. Часть *Т'* (в известных случаях, в известных областях приложения промышленного капитала) может в виде средств производства снова непосредственно войти в тот самый процесс труда, из которого она вышла как товар; благодаря этому устраняется лишь превращение ее стоимости в действительные деньги или в денежные знаки, или же она получает самостоятельное выражение только в виде счетных денег. Эта часть стоимости не входит в обращение. Таким образом в процесс производства входят стоимости, которые не входят в процесс обращения. То же самое относится и к той части *Т'*, которую капиталист потребляет in natura, как часть прибавочного продукта. Однако эта часть не имеет значения для капиталистического производства; самое большее, если ее приходится принимать во внимание в земледелии.

В этой форме сразу бросаются в глаза обстоятельства двоякого рода.

Во-первых. В то время как в первой форме *Д...Д'* процесс производства, функция *П*, прерывает процесс обращения денежного капитала и является лишь посредником между двумя его фазами *Д — Т* и *Т' — Д'*, здесь весь процесс обращения промышленного капитала, все его движение в пределах фазы обращения, образует лишь перерыв и оказывается лишь посредствующим звеном между производительным капиталом, который в качестве первого крайнего члена открывает кругооборот, и производительным капиталом, который в качестве последнего члена замыкает его в той же самой

форме, т. е. в форме, в которой он может начать движение сызнова. Собственно обращение является лишь опосредствованием воспроизводства, возобновляемого и непрерывного благодаря этому возобновлению.

Во-вторых. Все обращение представляется в форме, прямо противоположной той, которой оно обладает в кругообороте денежного капитала. Там форма, если оставить в стороне величину стоимости, была такова: *Д — Т — Д (Д — Т. Т — Д);* здесь, если опять-таки оставить в стороне величину стоимости, она такова: *Т — Д — Т (Т — Д. Д — Т),* т. е. форма простого товарного обращения.

I. ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО.

Рассмотрим прежде всего процесс *Т' — Д' — Т*, протекающий в сфере обращения между двумя крайними членами *П...П*.

Исходным пунктом этого обращения служит товарный капитал: *Т'* = *Т* + *т* = *П* + *т*. Функция товарного капитала *Т' — Д'* (реализация содержащейся в нем капитальной стоимости = *П*, существующей теперь как составная часть товара *Т*, а также реализация содержащейся в нем прибавочной стоимости, которая существует теперь как составная часть той же товарной массы, обладающая стоимостью *т*) была рассмотрена в первой форме кругооборота. Но там она составляла вторую фазу прерванного обращения и заключительную фазу всего кругооборота. Здесь она составляет вторую фазу кругооборота, но первую фазу обращения. Первый кругооборот оканчивается *Д'*, и так как *Д'*, подобно первоначальному *Д*, может снова начать в качестве денежного капитала второй кругооборот, то сначала не было необходимости рассматривать, пойдут ли *Д* и *д* (прибавочная стоимость), содержащиеся в *Д'*, совместным путем и дальше или же они отыщут различные пути. Там было бы необходимо рассмотреть это лишь в том случае, если бы мы проследили первый кругооборот дальше, в его возобновлении. Но здесь, где дело идет о кругообороте производительного капитала, этот вопрос должен получить решение, так как ответом определяется уже его первый кругооборот и так как *Т' — Д'* является в нем первой фазой обращения, которая должна быть восполнена посредством *Д — Т*. От этого решения зависит, представляет ли формула простое воспроизводство или же воспроизводство в расширенном масштабе. Таким образом характер кругооборота изменяется сообразно с решением.

Итак, обратимся прежде всего к простому воспроизводству производительного капитала, причем, как и в первой главе, предположим, что обстоятельства остаются неизменными и купля и продажа товаров совершаются по их стоимости. При таком предположении вся прибавочная стоимость входит в личное потребление капиталиста. После того как произошло превращение

товарного капитала T' в деньги, часть денежной суммы, представляющая капитальную стоимость, продолжает циркулировать в кругообороте промышленного капитала; другая часть, превращенная в деньги прибавочная стоимость, входит в общее товарное обращение, представляет исходящее от капиталиста денежное обращение, которое, однако, совершается уже вне сферы обращения его индивидуального капитала.

В нашем примере у нас был товарный капитал T' в 10 000 фунтов пряжи стоимостью в 500 ф. ст.; из них 422 ф. ст. суть стоимость производительного капитала; как денежная форма 8 440 фунтов пряжи они продолжают обращение капитала, начатое T', между тем как прибавочная стоимость в 78 ф. ст., денежная форма 1 560 фунтов пряжи, добавочная часть товарного продукта, выходит из обращения этого капитала и проходит отдельный путь в сфере общего товарного обращения.

$$T' \begin{pmatrix} T \\ + \\ т \end{pmatrix} \begin{matrix} - \\ - \\ - \end{matrix} Д' \begin{pmatrix} Д \\ + \\ д \end{pmatrix} \begin{matrix} - T < \begin{matrix} P \\ Сп \end{matrix} \\ \\ - т \end{matrix}$$

$д - т$ представляет собою ряд покупок на деньги, которые капиталист расходует то ли на собственные товары, то ли на услуги для своей драгоценной персоны или для своей семьи. Эти покупки раздроблены, совершаются в различные сроки. Следовательно, деньги существуют временно в форме денежного запаса, предназначенного на текущее потребление, или в форме сокровища, — потому что деньги, обращение которых прервано, находятся именно в форме сокровища. Их функция как средства обращения, а таковым они остаются и в своей преходящей форме сокровища, не входит в обращение капитала в его денежной форме $Д$. ⟨Эта функция исходит из кругооборота индивидуального капитала, но не входит снова в него.⟩ Деньги в данном случае не авансируются, а расходуются.

Мы предполагали, что весь авансированный капитал всегда целиком переходит из одной фазы в другую; так и здесь мы предполагаем, что товарный продукт процесса $П$ несет в себе всю стоимость производительного капитала $П = 422$ ф. ст. плюс прибавочная стоимость $= 78$ ф. ст., созданная во время процесса производства. В нашем примере, где мы имеем дело с делимым товарным продуктом, прибавочная стоимость существует в форме 1 560 фунтов пряжи, — совершенно так же, как при расчете на 1 фунт пряжи она существует в форме 2,496 унции пряжи. Если бы, напротив, товарный продукт был, напр., машиной в 500 ф. ст. и того же состава по стоимости, то хотя бы одна часть стоимости этой машины была $= 78$ ф. ст. прибавочной стоимости, но эти 78 ф. ст. существовали бы только в машине как целом; не разбивая машины на куски, не уничтожая, таким образом, вместе с ее по-

требительной стоимостью и ее стоимости, ее нельзя разделить на капитальную стоимость и прибавочную стоимость. Следовательно, обе составные части стоимости могут быть представлены в составных частях товарного тела лишь идеально, но не могут быть представлены в виде самостоятельных элементов товара *Т'*, подобно тому как всякий фунт пряжи представляет отделимый самостоятельный элемент 10 000 фунтов товара. В первом случае, прежде чем *д* начнет свое особое обращение, должен быть продан целиком весь товар, товарный капитал, машина. Напротив, если капиталист продаст 8 440 фунтов, продажа дальнейших 1 560 фунтов представит совершенно обособленное обращение прибавочной стоимости в форме *т* (1 560 фунтов пряжи) — *д* (78 ф. ст.) — *т* (предметы потребления). Но элементы стоимости каждой отдельной доли 10 000 фунтов продукта, пряжи, могут быть точно так же представлены частями продукта, как элементы стоимости всего продукта. Последний, 10 000 фунтов пряжи, можно разделить на стоимость постоянного капитала *(c)*, 7 440 фунтов пряжи стоимостью в 372 ф. ст.; стоимость переменного капитала *(v)*, 1 000 фунтов пряжи в 50 ф. ст., и прибавочную стоимость *(m)*, 1 560 фунтов пряжи в 78 ф. ст. Точно так же и всякий фунт пряжи можно разделить на $c = 11{,}904$ унции стоимостью в 8,928 пенса, $v = 1{,}600$ унции пряжи стоимостью в 1,200 пенса, $m = 2{,}496$ унции пряжи стоимостью в 1,872 пенса. Капиталист мог бы также, последовательно продавая 10 000 фунтов по частям, постепенно потреблять содержащиеся в этих частях элементы прибавочной стоимости, причем он с такой же постепенностью реализовал бы сумму $c + v$. Но, в конце концов, и эта операция предполагает, что проданы все 10 000 фунтов и что, следовательно, продажею 8 440 фунтов возмещена стоимость *c* и *v* (книга I, глава VII, 2).

Как бы то ни было, благодаря акту *Т'* — *Д'* капитальная стоимость и прибавочная стоимость, заключающиеся в *Т'*, приобретают отделимое друг от друга существование, существование различных денежных сумм: в обоих случаях как *Д*, так и *д* есть действительно превращенная форма той стоимости, которая первоначально, в *Т'*, имела исключительно идеальное выражение, только как цена товара.

т — *д* — *т* представляет собою простое товарное обращение; первая его фаза *т* — *д* включается в обращение товарного капитала *Т'* — *Д'*, следовательно в кругооборот капитала; напротив, его дополнительная фаза *д* — *т* лежит вне этого кругооборота, совершается как обособленный от него акт общего товарного обращения. После превращения *Т'* в *Д'* обращение *Т* и *т*, капитальной стоимости и прибавочной стоимости, разделяется. Отсюда вытекает следующее:

Во-первых. После того как посредством акта *Т'* — *Д'* = = *Т'* — *(Д + д)* товарный капитал реализован, является возможность

разделить движение капитальной стоимости и прибавочной стоимости, которое в *Т' — Д'* оставалось общим и осуществлялось одной и той же товарной массой; теперь и та и другая стоимость приобретают самостоятельность в форме отдельных денежных сумм.

Во-вторых. Если это разделение совершается, причем *д* расходуется в качестве дохода капиталиста, а *Д*, как функциональная форма капитальной стоимости, продолжает свой путь, определяемый кругооборотом, то первый акт *Т' — Д'* в связи с последующими актами *Д — Т* и *д — т* может быть представлен в виде двух различных обращений: *Т — Д — Т* и *т — д — т;* оба эти ряда по своей общей форме относятся к обычному товарному обращению.

Впрочем, на практике, когда дело идет о целостных, неделимых товарных телах, составные части стоимости обособляются идеально. Например, в лондонских строительных предприятиях, которые по большей части ведутся в кредит, строительный предприниматель получает ссуды по мере того, как постройка дома подвигается от стадии к стадии. Ни одна из этих стадий не есть дом, а лишь реально существующая составная часть будущего дома, находящегося в процессе постройки; следовательно, несмотря на свою реальность, это — лишь идеальная дробь целого дома, и все же достаточно реальная для того, чтобы служить гарантией для дополнительной ссуды. (См. относительно этого ниже, глава XII.)

В-третьих. Если движение капитальной стоимости и прибавочной стоимости, остававшееся еще общим в *Т* и *Д*, разделяется лишь отчасти (так что часть прибавочной стоимости расходуется не в качестве дохода) или совсем не разделяется, то в самой капитальной стоимости совершается изменение еще во время ее кругооборота, до его завершения. В нашем примере стоимость производительного капитала была равна 422 ф. ст. Следовательно, если он продолжит движение *Д — Т* уже в виде, напр., 480 ф. ст. или 500 ф. ст., то последние стадии кругооборота он совершает как стоимость на 58 ф. ст. или на 78 ф. ст. бо̀льшая, чем была начальная стоимость. В то же время это может быть связано с изменением строения капитала по стоимости.

Т' — Д', вторая стадия обращения и заключительная стадия кругооборота I *(Д...Д')*, является в нашем кругообороте его второй стадией и первой стадией товарного обращения. Следовательно, поскольку дело касается обращения, *Т' — Д'* должно быть дополнено посредством *Д' — Т'*. Но *Т' — Д'* не только завершил уже процесс возрастания стоимости (в данном случае функцию *II*, первую стадию), но и результат его, товарный продукт *Т'*, уже реализован. Следовательно, *Т' — Д'* заканчивает процесс возрастания стоимости капитала, равно как и реализацию того товарного продукта, в котором выступает возросшая капитальная стоимость.

Итак, мы предположили простое воспроизводство, т. е. предположили, что *д — т* совершенно отделяется от *Д — Т*. Оба обращения, как *т — д — т*, так и *Т — Д — Т*, по своей общей форме относятся к товарному обращению (и потому не обнаруживают никакой разности в стоимости между двумя крайними членами); поэтому легко притти к тому, чтобы, как это делает вульгарная экономия, видеть в капиталистическом процессе производства просто производство товаров, потребительных стоимостей, предназначенных для потребления того или иного рода и производимых капиталистом исключительно с той целью, чтобы заменить их товарами иной потребительной стоимости или, как ложно утверждает вульгарная экономия, обменять на эти товары.

Т′ выступает с самого начала как товарный капитал, и цель всего процесса, обогащение (возрастание стоимости), не только не исключает личного потребления капиталиста, которое возрастает с величиной прибавочной стоимости (а следовательно и капитала), но и прямо предполагает его.

При обращении дохода капиталиста произведенный товар *т* (или соответствующая ему идеальная доля товарного продукта *Т′*) по существу служит лишь тому, чтобы превратить этот доход сначала в деньги, а потом из денег в ряд других товаров, служащих личному потреблению. Но при этом не следует упускать из виду одно маленькое обстоятельство: *т* есть товарная стоимость, ничего не стоившая капиталисту, воплощение прибавочного труда, а потому оно выступает на сцену первоначально как составная часть товарного капитала *Т′*. Следовательно, уже самым своим существованием это *т* привязано к кругообороту совершающей свой процесс капитальной стоимости; если этот кругооборот остановится или вообще произойдет какое-либо нарушение его, то сокращается или даже совсем прекращается не только потребление *т*, но в то же самое время тем самым и сбыт ряда товаров, составляющих возмещение *т*. То же и в случае, когда акт *Т′ — Д′* не удается или если удается продать лишь некоторую часть *Т′*.

Мы видели, что *т — д — т*, как обращение дохода капиталиста, входит в обращение капитала лишь до тех пор, пока *т* является частью стоимости *Т′*, капитала в его функциональной форме товарного капитала; но, сделавшись самостоятельным в *д — т*, обращение дохода в его полной форме *т — д — т* не входит в движение капитала, авансированного капиталистом, хотя и исходит из него. Обращение дохода связано с обращением авансированного капитала постольку, поскольку существование капитала предполагает существование капиталиста, а последнее обусловливается потреблением прибавочной стоимости.

Т′, напр. пряжа, в общем обращении функционирует лишь как товар; но, в качестве момента в обращении капитала, *Т′* функционирует как *товарный капитал,* как одна из форм, которые

попеременно принимает и сбрасывает капитальная стоимость. После продажи пряжи купцу она выходит из процесса кругооборота того капитала, продукт которого представляет, но, тем не менее, все еще остается как товар в сфере общего обращения. Обращение этой же самой товарной массы все еще продолжается, хотя оно перестало составлять момент в самостоятельном кругообороте капитала прядильщика. Таким образом действительно заключительная метаморфоза товарной массы, брошенной капиталистом в обращение, акт *Т — Д*, окончательный выход ее в сферу потребления, может быть совершенно отделен в пространстве и времени от той метаморфозы, в которой эта товарная масса функционирует как товарный капитал данного капиталиста. Ту самую метаморфозу, которая уже совершилась в области обращения данного капитала, остается еще совершить в сфере общего обращения.

Дело нисколько не изменяется, если пряжа, в свою очередь, входит в кругооборот другого промышленного капитала. Общее обращение охватывает как взаимно переплетающиеся кругообороты различных самостоятельных частей общественного капитала, т. е. как совокупность отдельных капиталов, так и обращение стоимостей, брошенных на рынок не в качестве капитала, т. е. стоимостей, входящих в сферу личного потребления.

Отношение между кругооборотом капитала, поскольку он является частью общего обращения, и кругооборотом, поскольку он составляет звенья самостоятельного кругооборота, в свою очередь выступает перед нами, если мы рассмотрим обращение *Д' = Д + д*. *Д*, как денежный капитал, продолжает кругооборот капитала; *д*, как расходование дохода *(д — т)*, входит в общее обращение, но выпадает из кругооборота капитала. В последний кругооборот входит только та часть *д*, которая функционирует как дополнительный денежный капитал. В *т — д — т* деньги функционируют лишь как монета; цель этого обращения — личное потребление капиталиста. Типично для кретинизма вульгарной экономии, что это обращение, не входящее в кругооборот капитала, — обращение той части вновь созданной стоимости, которая потребляется как доход, — она выдает за кругооборот, характерный для капитала.

Во второй фазе, *Д — Т*, перед нами опять оказывается капитальная стоимость *Д = П* (стоимости производительного капитала, которым здесь открывается кругооборот промышленного капитала), освобожденная от прибавочной стоимости, следовательно с тою же величиной стоимости, как на первой стадии кругооборота денежного капитала *Д — Т*. Несмотря на различие места, функция того денежного капитала, в который теперь превратился товарный капитал, та же самая: его превращение в *Сп* и *Р*, в средства производства и рабочую силу.

Итак, в функции товарного капитала $T' - Д'$ капитальная стоимость одновременно с $т - д$ прошла фазу $T - Д$ и вслед за тем вступает в дополнительную фазу $Д - T < {P \atop Cп}$; следовательно, ее обращение в целом есть $T - Д - T < {P \atop Cп}$.

Во-первых. Денежный капитал $Д$ выступает в форме I (кругооборот $Д \ldots Д'$), как в той первоначальной форме, в которой авансируется капитальная стоимость; здесь он выступает с самого начала как часть той денежной суммы, в которую превратился товарный капитал в первой фазе обращения $T' - Д'$, следовательно с самого начала выступает как превращение $П$, производительного капитала, в денежную форму, посредством продажи товарного продукта. Денежный капитал существует здесь с самого начала не как первоначальная и не как заключительная форма капитальной стоимости, потому что фаза $Д - T$, завершающая фазу $T - Д$, может быть пройдена лишь благодаря вторичному сбрасыванию денежной формы. Поэтому та часть $Д - T$, которая представляет собою в то же время $Д - P$, является уже не просто авансированием денег, выражающимся в купле рабочей силы, но таким авансированием, при котором рабочей силе авансируются в денежной форме те самые 1 000 фунтов пряжи стоимостью в 50 ф. ст., которые составляют часть товарной стоимости, созданной рабочей силой. Деньги, авансируемые здесь рабочему, суть лишь превращенная эквивалентная форма некоторой части стоимости товара, произведенного самим рабочим. И уже по одной этой причине акт $Д - T$, поскольку он является актом $Д - P$, отнюдь не представляет простого возмещения товара в денежной форме товаром в потребительной форме, но заключает в себе и другие элементы, независимые от общего товарного обращения как такового.

$Д'$ является превращенной формой T', которое, в свою очередь, есть продукт прошлого функционирования $П$, прошлого процесса производства; поэтому вся денежная сумма $Д'$ есть денежное выражение прошлого труда. В нашем примере 10 000 фунтов пряжи = = 500 ф. ст., продукту процесса прядения; из них 7 440 фунтов пряжи = авансированному постоянному капиталу $c = 372$ ф. ст.; 1 000 фунтов пряжи = авансированному переменному капиталу $v = 50$ ф. ст. и 1 560 фунтам пряжи = прибавочной стоимости $m = 78$ ф. ст. Если из $Д'$ вновь авансируется, при прочих равных условиях, только первоначальный капитал = 422 ф. ст., то в ближайшую неделю рабочему будет авансирована в акте $Д - P$ только часть 10 000 фунтов пряжи (именно денежная стоимость 1 000 фунтов пряжи), произведенных за эту неделю. Как результат акта $T - Д$, деньги всегда представляют собою выражение прошлого труда. Если тотчас же на товарном рынке совершается дополнительный акт $Д - T$, следовательно если $Д$ отдается за наличные,

находящиеся на рынке товары, то опять-таки совершается превращение прошлого труда из одной формы (денег) в другую форму (товар). Но по времени *Д — Т* отличен от *Т — Д*. В исключительных случаях они могут быть одновременными, если, напр., капиталист, который совершает *Д — Т*, и капиталист, для которого этот акт является актом *Т — Д*, одновременно передают друг другу свои товары, и *Д* потом покрывает только разницу. Разница во времени между выполнением *Т — Д* и *Д — Т* может быть более или менее значительной. Хотя *Д*, как результат акта *Т — Д*, представляет прошлый труд, тем не менее *Д* для акта *Д — Т* может представлять превращенную форму товаров, которых еще нет на рынке и которые появятся на нем только в будущем; акт *Д — Т* обыкновенно совершается лишь после того, как вновь произведено *Т*. Точно так же *Д* может представлять такие товары, которые производятся одновременно с тем *Т*, денежным выражением которого *Д* является. Например, в обмене *Д — Т* (покупка средств производства) уголь может быть куплен раньше, чем его подняли из шахты. Если *д* фигурирует как накопленные деньги, а не расходуется как доход, оно может представлять хлопок, который будет произведен лишь в следующем году. То же самое при расходовании дохода капиталиста, при *д — т*. Точно так же заработная плата *Р* = 50 ф. ст.; эти деньги суть не только денежная форма прошлого труда рабочего, но в то же время и ассигновка на одновременный или будущий труд, который только что реализуется или должен реализоваться в будущем. Рабочий может купить на них сюртук, который будет сделан лишь на следующей неделе. Так именно обстоит дело с очень большим числом необходимых жизненных средств, которые, чтобы не подвергнуться порче, должны быть потреблены почти непосредственно в момент их производства. Таким образом в деньгах, которыми рабочему выдается его заработная плата, он получает превращенную форму будущего труда своего собственного или других рабочих. Давая ему часть его прошлого труда, капиталист дает ему ассигновку на получение его же собственного будущего труда. Его собственный одновременный или будущий труд образует тот еще не имеющийся в наличности запас, из которого уплачивается ему за его прошлый труд. Здесь совершенно исчезает представление об образовании запаса.

Во-вторых. В обращении $Т - Д - Т <^{Р}_{Сп}$ одни и те же деньги перемещаются дважды: капиталист получает их сначала как продавец и передает дальше как покупатель; превращение товара в денежную форму служит только для того, чтобы из денежной формы опять превратить его в товарную форму; поэтому денежная форма капитала, его существование в виде денежного капитала, является в этом движении лишь мимолетным моментом; иначе говоря, пока продолжается движение, денежный капитал, если

он служит покупательным средством, является лишь средством обращения; собственно средством платежа он является в том случае, если капиталисты взаимно покупают друг у друга, и потому приходится свести только баланс платежей.

В-третьих. Функционирование денежного капитала, служит ли он простым средством обращения или же средством платежа, является лишь посредствующим звеном в замещении *Т* элементами *Р* и *Сп*, т. е. в замещении пряжи, товарного продукта, — который представляет результат (за вычетом прибавочной стоимости, используемой в качестве дохода) производительного капитала, — элементами производства этого продукта; следовательно, является посредствующим звеном в обратном превращении капитальной стоимости из ее товарной формы в элементы образования этого товара; значит, в конце концов, — посредствующим звеном в обратном превращении товарного капитала в производительный капитал.

Чтобы кругооборот совершался нормально, *Т'* должно быть продано по своей стоимости и продано без остатка. Далее, *Т — Д — Т* заключает в себе не только возмещение одного товара другим, но возмещение при одних и тех же отношениях стоимости. Мы предположили, что именно так и совершается возмещение. Но в действительности стоимость средств производства изменяется; капиталистическому производству как раз свойственно непрерывное изменение отношений стоимости вследствие постоянных изменений в производительности труда, характеризующих капиталистическое производство. Здесь мы просто упоминаем об этом изменении в стоимости факторов производства; исследовано оно будет позже. Превращение элементов производства в товарный продукт, *П* в *Т'*, совершается в сфере производства; обратное превращение *Т'* в *П* — в сфере обращения. Это обратное превращение совершается посредством простой товарной метаморфозы. Но по своему содержанию это обратное превращение составляет момент в процессе воспроизводства, рассматриваемом как целое. *Т — Д — Т* как форма обращения капитала заключает в себе функционально определенный обмен веществ. Далее, превращение *Т — Д — Т* обусловливает то, что *Т* равно элементам производства известного количества товаров *Т'* и что взаимное отношение стоимостей этих элементов остается первоначальное. Следовательно, здесь предполагается не только, что товары ⟨покупаются и⟩ продаются по их стоимости, но также, что они во время кругооборота не претерпевают никакого изменения стоимости; в противном случае процесс не может протекать нормально.

Д в *Д...Д'* есть первоначальная форма капитальной стоимости; последняя сбрасывает эту форму лишь затем, чтобы снова принять ее. *Д* в *П...Т' — Д' — Т ... П* есть форма, которая принимается только в процессе и потом в его же пределах снова сбрасывается.

Денежная форма является здесь лишь мимолетной самостоятельной формой стоимости капитала. Капитал, находясь в форме *Т′*, так же лихорадочно стремится принять денежную форму, как, находясь в форме *Д′*, превратившись в нее словно в куколку, стремится сбросить ее, чтобы снова превратиться в форму производительного капитала. Пока этот капитал остается в денежной форме, он не функционирует как капитал и потому не увеличивается в стоимости; капитал лежит праздно. *Д* действует здесь как средство обращения, но как средство обращения капитала. Кажущаяся самостоятельность, которою обладает денежная форма капитальной стоимости в первой форме ее кругооборота (в форме денежного капитала), исчезает в этой второй форме, которая, таким образом, является критикой формы I и сводит ее на положение всего лишь особенной формы. Если вторая метаморфоза *Д′* — *Т* наталкивается на препятствия (если, напр., на рынке нет средств производства), то кругооборот, течение процесса воспроизводства, прерывается точно так же, как и в том случае, когда капитал залеживается в форме товарного капитала. Но есть и различие: капитал в денежной форме может ждать дольше, чем в преходящей товарной форме. Не функционируя в качестве денежного капитала, он не перестает быть деньгами; но если он слишком долго задерживается в своей функции товарного капитала, он перестает быть товаром и вообще потребительной стоимостью. Во-вторых, находясь в денежной форме, он обладает способностью вместо своей первоначальной формы производительного капитала принять другую форму, между тем как в форме *Т′* он вообще не в состоянии двинуться с места.

Т′ — *Д′* — *Т* включает только для *Т′*, соответственно его форме, акты обращения, которые являются моментами его воспроизводства; но для осуществления *Т′* — *Д′* — *Т* необходимо действительное воспроизводство того *Т*, в которое превращается *Т′*; это же воспроизводство, в свою очередь, обусловливается процессом воспроизводства, внешним по отношению к процессу воспроизводства индивидуального капитала, представленного в *Т′*.

В форме I акт $Д — Т <^{P}_{Cn}$ подготовляет только первое превращение денежного капитала в производительный капитал; в форме II этот акт подготовляет обратное превращение из товарного капитала в производительный капитал; следовательно, поскольку вложение промышленного капитала остается прежнее, подготовляет обратное превращение товарного капитала в те самые элементы производства, из которых он произошел. Поэтому здесь, как в форме I, этот акт представляется подготовительной фазой процесса производства, но уже в качестве возвращения к нему, его возобновления, следовательно предшественником процесса воспроизводства, а потому предшественником повторения и процесса возрастания стоимости.

Необходимо также еще раз отметить, что акт *Д — Р* есть не простой товарообмен, а купля товара *Р*, который должен служить производству прибавочной стоимости, подобно тому как и *Д — Сп* является лишь процедурой, вещественно необходимой для достижения той же цели.

Д после совершения $Д — Т < {P \atop Сп}$ превращается в производительный капитал, в *П*, и снова начинает кругооборот.

Следовательно, форма *П...Т' — Д' — Т...П* в ее развернутом виде такова:

$$П\ldots Т' \begin{pmatrix} Т \\ + \\ т \end{pmatrix} \begin{matrix} — \\ \\ — \end{matrix} \begin{pmatrix} Д \\ + \\ д \end{pmatrix} \begin{matrix} — Т < {P \atop Сп} \ldots П \\ \\ — т \end{matrix}$$

Превращение денежного капитала в производительный капитал есть купля товаров с целью производства товаров ⟨и именно капиталистического производства товаров⟩. Лишь поскольку потребление представляет собою это производительное потребление, оно входит в кругооборот самого капитала; условие этого потребления заключается в том, что посредством товаров, потребляемых производительно, создается прибавочная стоимость. А это есть нечто весьма отличное от того производства и даже того товарного производства, цель которого — существование производителя; замена товара товаром, обусловливаемая производством прибавочной стоимости, есть, таким образом, нечто совершенно иное, чем обмен продуктов сам по себе, который происходит лишь при посредстве денег. Но так изображают дело экономисты с целью доказать, что перепроизводство невозможно.

Кроме производительного потребления *Д*, превратившегося в *Р* и *Сп*, в кругообороте заключается первый член *Д — Р*, который для рабочего представляет собою *Р — Д = Т — Д*. Из того обращения *Р — Д — Т*, которое исходит от рабочего и заключает в себе его потребление, в кругооборот капитала входит только первый член, как результат *Д — Р*. Второй акт, именно *Д — Т*, не входит в обращение индивидуального капитала, хотя и исходит из него. Но для класса капиталистов необходимо постоянное существование рабочего класса, а потому необходимо и потребление рабочих, опосредствованное актом *Д — Т*.

По отношению к продолжению кругооборота капитальной стоимости, а также к потреблению прибавочной стоимости капиталистом акт *Т' — Д'* показывает только одно: что *Т'* превращено в деньги, продано. Его покупают, конечно, лишь потому, что предмет представляет собою потребительную стоимость и, следовательно, пригоден для того или иного рода потребления, производительного или личного. Но если *Т'* продолжает обращение, напр. в руках купца, купившего пряжу, то это вначале не имеет никакого отношения к продолжению кругооборота того индивидуального

капитала, который произвел пряжу и продал ее купцу. Весь процесс продолжается, а вместе с тем продолжается и обусловленное им личное потребление капиталиста и рабочего. Обстоятельство, важное при изучении кризисов.

Именно, когда T' продано, превращено в деньги, оно может совершить обратное превращение в реальные факторы процесса труда, а следовательно и процесса воспроизводства. Куплено ли T' окончательным потребителем или купцом, который, в свою очередь, хочет продать его, это непосредственно ничего не изменяет в деле. Размеры товарных масс, создаваемых капиталистическим производством, определяются масштабом этого производства и потребностью в постоянном его расширении, но отнюдь не предопределенным кругом спроса и предложения, не кругом потребностей, подлежащих удовлетворению. Для массового производства непосредственным покупателем может быть, кроме других промышленных капиталистов, только оптовый купец. В известных границах процесс воспроизводства может совершаться в прежнем или даже расширенном масштабе, хотя выброшенные из него товары в действительности не перешли в сферу личного или производительного потребления. Потребление товаров не включается в кругооборот капитала, из которого они произошли. Например, раз пряжа продана, кругооборот капитальной стоимости, представленной в пряже, может начаться снова, независимо от того, что сделалось с проданной пряжей. Раз удается продавать продукт, все идет нормально с точки зрения капиталистического производителя. Кругооборот капитальной стоимости, представителем которой является этот капиталистический производитель, не прерывается. А если этот процесс расширяется, — что включает в себя расширение производительного потребления средств производства, — то такое воспроизводство капитала может сопровождаться расширением личного потребления (и, следовательно, спроса) рабочих, потому что процесс этот открывается и опосредствуется производительным потреблением. Так производство прибавочной стоимости, а вместе с ним и личное потребление капиталиста может возрастать, весь процесс воспроизводства может находиться в самом цветущем положении, — и, однако, бо́льшая часть товаров может переходить в сферу потребления лишь по видимости, в действительности же может оставаться нераспроданной в руках перекупщиков, следовательно фактически все еще находиться на рынке. Но поток товаров следует за потоком, и, наконец, обнаруживается, что прежний поток лишь по видимости поглощен потреблением. Товарные капиталы взаимно оспаривают друг у друга место на рынке. Явившиеся позже продают по пониженной цене, только бы продать. Прежние потоки еще не сбыты, как уже наступают сроки уплаты за них. Владельцы их должны объявить себя несостоятельными или же, чтобы произвести платежи, продавать по какой угод-

но цене. Такая продажа не имеет никакого отношения к действительному состоянию спроса. Она определяется лишь *спросом на платежи,* абсолютной необходимостью превратить товар в деньги. Тогда разражается кризис. Он проявляется не в непосредственном уменьшении потребительского спроса, спроса со стороны личного потребления, а в сокращении обмена капитала на капитал, в сужении процесса воспроизводства капитала.

Если товары *Сп* и *Р,* в которые превращается *Д* для того, чтобы выполнить свою функцию денежного капитала, капитальной стоимости, предназначенной к обратному превращению в производительный капитал, — если эти товары покупаются и оплачиваются в различные сроки и, следовательно, *Д* — *Т* представляет ряд покупок и платежей, совершающихся один после другого,то часть *Д* совершает акт *Д* — *Т,* между тем как другая часть все еще остается в денежном состоянии, чтобы потом, в момент, определяемый условиями самого процесса, послужить для ряда одновременных или последовательных актов *Д* — *Т*. Эта часть лишь временно отвлечена от обращения, чтобы в известный момент вступить в действие, приступить к выполнению своей функции. Но самое сохранение этой части в запасе представляет собою, в свою очередь, функцию, определяемую ее обращением и предназначенную для обращения. В таком случае ее существование в качестве покупательного и платежного фонда, приостановка ее движения, состояние перерыва в ее обращении тоже является состоянием, в котором деньги в качестве денежного капитала выполняют одну из своих функций. В качестве денежного капитала, потому что в этом случае даже временно пребывающие в покое деньги суть часть денежного капитала *Д* (*Д'* — *д* = *Д*), той части стоимости товарного капитала, которая = *П,* равна стоимости производительного капитала, являющегося исходным пунктом кругооборота. С другой стороны, все деньги, извлеченные из обращения, находятся в форме сокровища. Следовательно, форма сокровища, в которой находятся деньги, становится здесь функцией денежного капитала, подобно тому как в *Д* — *Т* функция денег, являющихся покупательным средством или средством платежа, становится функцией денежного капитала. Причина заключается в том, что капитальная стоимость существует здесь в денежной форме, денежная форма является здесь состоянием промышленного капитала, определяемым общей связью его кругооборота на одной из стадий последнего. Но здесь в то же время снова оказывается правильным, что денежный капитал в кругообороте промышленного капитала не выполняет никаких иных функций, кроме функций денег, и что эти функции денег лишь благодаря своей связи с другими стадиями этого кругооборота имеют вместе с тем значение функций капитала.

Представление *Д'* как отношения *д* к *Д,* как капиталистического отношения, является непосредственно функцией не

денежного капитала, а товарного капитала *Т'*, который, в свою очередь, выражает в виде отношения *т* и *Т* лишь результат процесса производства, лишь результат совершившегося в последнем самовозрастания капитальной стоимости.

Если продолжение процесса обращения наталкивается на препятствия, так что *Д* вынуждается внешними обстоятельствами, положением рынка и т. д., приостановить свои функции *Д — Т* и, следовательно, более или менее продолжительное время оставаться в своей денежной форме, то перед нами — опять-таки деньги в виде сокровища. Это происходит и при простом товарном обращении, когда переход от *Т — Д* к *Д — Т* прерывается внешними обстоятельствами. Здесь — вынужденное образование сокровища. Таким образом в нашем случае деньги имеют форму лежащего праздно, скрытого денежного капитала. Однако, пока что, мы не будем дольше останавливаться на этом.

Но в обоих случаях задержка денежного капитала в его денежном состоянии является результатом перерыва движения, будет ли последний целесообразен или нецелесообразен, доброволен или недобровoлен, вытекает ли из функций капитала или противоречит им.

II. НАКОПЛЕНИЕ И ВОСПРОИЗВОДСТВО В РАСШИРЕННОМ МАСШТАБЕ.

Так как пропорции, в которых может расширяться процесс производства, определяются не по произволу, а предписываются техникой, то реализованная прибавочная стоимость, хотя бы она и предназначалась для капитализации, нередко лишь посредством повторения нескольких кругооборотов достигает такого размера (следовательно, должна быть накоплена до такого размера), при котором она действительно может функционировать как дополнительный капитал или войти в кругооборот капитальной стоимости, совершающей свой процесс. Следовательно, прибавочная стоимость затвердевает в сокровище и составляет в этой форме скрытый денежный капитал. Скрытый (latent), — потому что он не может действовать как капитал, пока остается в денежной форме [6a]. Следовательно, образование сокровища является здесь моментом, входящим в процесс капиталистического накопления, сопровождающим его, но в то же время и существенно отличным от него. Отличным,— потому что образование скрытого денежного капитала не расши-

---

[6a] Выражение «latent», «скрытый», заимствовано из представления физики о скрытой теплоте, почти устраненного теперь теорией превращения энергии. Поэтому в третьем отделе (позднейшая редакция) Маркс заменяет его выражением, заимствованным из представления о потенциальной энергии: «потенциальный», или, по аналогии с виртуальными скоростями Д'Аламбера, «виртуальный капитал». — *Ф. Э.*

ряет самого процесса воспроизводства. Наоборот, скрытый денежный капитал образуется здесь потому, что капиталистический производитель не в состоянии непосредственно расширить размеры своего производства. Если он продает свой прибавочный продукт производителю золота или серебра, который выбрасывает в обращение новое золото или серебро, или — что сводится к тому же — купцу, который в обмен за известную часть национального прибавочного продукта ввозит из-за границы дополнительное золото или серебро, то его скрытый денежный капитал образует прирост национального сокровища, находящегося в виде золота или серебра. Во всех других случаях, напр., те 78 ф. ст., которые в руках покупателя были средством обращения, в руках капиталиста принимают только форму сокровища; следовательно, происходит лишь новое распределение национального сокровища, находящегося в виде золота или серебра.

Если в сделках нашего капиталиста деньги функционируют в качестве средства платежа (таким образом, что покупатель уплачивает за товары лишь через более или менее продолжительный срок), то прибавочный продукт, предназначенный для капитализации, превращается не в деньги, а в долговые обязательства, в титул собственности на эквивалент, который, быть может, уже имеется у покупателя или же, быть может, только предвидится. Этот эквивалент не входит в процесс воспроизводства, относящийся к данному кругообороту, — как в него не входят и деньги, вложенные в процентные бумаги и т. д., — хотя он может входить в кругооборот другого индивидуального промышленного капитала.

Весь характер капиталистического производства определяется возрастанием авансированной капитальной стоимости, следовательно в первую очередь производством возможно большей прибавочной стоимости; а во-вторых (см. книга I, гл. XXII), — производством капитала, следовательно превращением прибавочной стоимости в капитал. Накопление, или производство в расширенном масштабе, которое в качестве средства к постоянному расширению производства прибавочной стоимости, а потому к обогащению капиталиста, является личной целью последнего и составляет одну из общих тенденций капиталистического производства, в дальнейшем благодаря своему развитию становится, как показано в первой книге, необходимостью для каждого индивидуального капиталиста. Постоянное увеличение капитала становится условием его сохранения. Однако мы не будем возвращаться к тому, о чем говорилось раньше.

Сначала мы рассмотрели простое воспроизводство, причем предполагалось, что вся прибавочная стоимость расходуется как доход. При нормальных условиях одна часть прибавочной стоимости в действительности всегда должна расходоваться как

доход, а другая подвергаться капитализации, причем совершенно безразлично, что прибавочная стоимость, произведенная в тот или иной определенный период, то целиком потребляется, то целиком капитализируется. В среднем, — а общая формула может дать лишь среднее движение, — каждый раз совершается и то и другое. Однако, чтобы не усложнять формулу, будет лучше предположить, что накопляется вся прибавочная стоимость. Формула $П \ldots Т' - Д' - Т' < {}^{Р}_{Сп} \ldots П'$ выражает производительный капитал, который воспроизводится в расширенном масштабе, как капитал большей стоимости, и потом начинает свой второй кругооборот или, что то же, возобновляет первый кругооборот уже как возросший производительный капитал. Когда начинается этот второй кругооборот, мы в качестве исходного пункта имеем перед собою опять *П*; но только это *П* представляет производительный капитал бо̀льших размеров, чем было первое *П*. Точно так же, когда в формуле *Д...Д'* второй кругооборот начинается с *Д'*, то это *Д'* функционирует как *Д*, как авансированный денежный капитал определенной величины; это — денежный капитал бо̀льших размеров, чем тот, которым открылся первый кругооборот; но как только он начинает выполнять функцию авансированного денежного капитала, так уже исчезает всякое напоминание о том, что он возрос благодаря капитализации прибавочной стоимости. В форме денежного капитала, в которой он начинает кругооборот, изглаживаются следы такого происхождения. То же самое происходит и с *П'*, когда оно служит исходным пунктом нового кругооборота.

Если мы сравним *П...П'* с *Д...Д'*, или с первым кругооборотом, то увидим, что они имеют далеко не одинаковое значение. *Д...Д'*, взятое само по себе, как обособленный кругооборот, выражает только одно: что *Д*, денежный капитал (или промышленный капитал, совершающий свой кругооборот как денежный капитал), есть деньги, порождающие деньги, стоимость, порождающая стоимость, что он производит прибавочную стоимость. Напротив, в кругообороте *П*, с завершением первой стадии, стадии процесса производства, процесс возрастания стоимости уже совершился, а по истечении второй стадии *Т' — Д'* (первой стадии обращения) капитальная стоимость + прибавочная стоимость существуют уже как реализованный денежный капитал, как *Д'*, которое в первом кругообороте являлось последним крайним членом. Что прибавочная стоимость произведена, это в раньше рассмотренной форме *П...П* (см. развернутую формулу на стр. 71) было выражено посредством *т — д — т*, которое в своей второй стадии выходит из сферы обращения капитала и представляет обращение прибавочной стоимости как дохода. В этой форме, где все движение выражено в виде *П...П*, где, следовательно, между обоими конечными пунктами нет никакого различия в стоимости, возрастание аван-

сированной стоимости, производство прибавочной стоимости, выражено так же, как в акте *Д...Д'*; только акт *Т' — Д'*, являющийся последней стадией в *Д...Д'* и второй стадией кругооборота, служит первой стадией обращения в *П...П*.

П' в *П...П'* выражает не то, что произведена прибавочная стоимость, а то, что произведенная прибавочная стоимость капитализирована, следовательно произошло накопление капитала, а потому *П'*, в противоположность *П*, состоит из первоначальной капитальной стоимости плюс стоимость капитала, накопленная благодаря движению капитальной стоимости.

И *Д'*, как простое заключение *Д...Д'*, и *Т'*, каким оно является во всех этих кругооборотах, взятые сами по себе, выражают не движение, а его результат: возрастание капитальной стоимости, реализованное в товарной форме или в денежной форме, а потому выражают капитальную стоимость как $Д + д$ или как $Т + т$, т. е. в виде отношения капитальной стоимости к прибавочной стоимости как своему потомку. Они выражают этот результат в виде различных форм обращения возросшей капитальной стоимости. Но ни в форме *Т'*, ни в форме *Д'* происходящее возрастание стоимости само не является функцией ни денежного, ни товарного капитала. Денежный и товарный капитал являются особыми различными формами, различными способами существования промышленного капитала, которые соответствуют различным его функциям. Денежный капитал может выполнять только денежные функции, товарный капитал — только товарные функции, и различие между ними есть только различие между деньгами и товаром. Точно так же промышленный капитал в своей форме производительного капитала может состоять лишь из тех элементов, которые вообще входят во всякий процесс труда, создающий продукты: с одной стороны, из предметных условий труда (средств производства), с другой стороны — из производительно (целесообразно) функционирующей рабочей силы. Промышленный капитал может существовать в сфере производства лишь при таком строении, которое соответствует процессу производства вообще, а следовательно и некапиталистическому процессу производства; точно так же в сфере обращения он может существовать лишь в двух формах, соответствующих этой сфере: в формах товара и денег. Но сумма элементов производства с самого начала проявляет себя как производительный капитал, потому что рабочая сила является чужой рабочей силой, которую капиталист покупает у ее владельца совершенно так же, как он покупает для себя средства производства у владельцев других товаров; поэтому и самый процесс производства выступает как производительная функция промышленного капитала, а деньги и товар являются формами обращения того же самого промышленного капитала и, следовательно, функции денег и товара — функциями обращения этого капитала, причем они или служат

подготовкой к функциям производительного капитала, или вытекают из них. Функция денег и функция товара являются здесь в то же время функциями денежного капитала и товарного капитала лишь вследствие того, что они связаны между собой как формы тех функций, которые промышленный капитал должен выполнять в различных стадиях процесса своего кругооборота. Следовательно, было бы неправильно специфические свойства и функции, характеризующие деньги как деньги и товар как товар, выводить из их свойств как капитала, — и точно так же неправильно, наоборот, выводить свойства производительного капитала из способа его существования в виде средств производства.

Когда *Д'* или *Т'* фиксируется в виде *Д* + *д*, *Т* + *т*, т. е. в виде отношения капитальной стоимости к прибавочной стоимости как потомку первой, то это отношение находит себе выражение один раз в денежной форме, другой раз — в товарной форме, что дела нисколько не изменяет. Следовательно, это отношение вытекает не из свойств и функций, присущих деньгам как таковым или товару как таковому. В обоих случаях свойство, характеризующее капитал, то его свойство, что он есть стоимость, порождающая стоимость, выражено только как результат. *Т'* всегда представляет собою продукт функционирования *П*, а *Д'* лишь форму *Т'*, претерпевшую превращение в кругообороте промышленного капитала. Поэтому, когда реализованный денежный капитал снова начинает функционировать в качестве денежного капитала, он перестает служить выражением капиталистического отношения, которое содержится в *Д'* = *Д* + *д*. Когда *Д*...*Д'* пройдено и *Д'* снова начинает кругооборот, *Д'* фигурирует уже не как *Д'*, а как *Д*, даже если вся прибавочная стоимость, заключающаяся в *Д'*, капитализирована. В нашем примере второй кругооборот открывается денежным капиталом в 500 ф. ст., между тем как первый начинался 422 ф. ст. Денежный капитал, открывающий кругооборот, на 78 ф. ст. больше, чем был прежде; это различие существует при сравнении одного кругооборота с другим; но для этого сравнения нет места в рамках каждого отдельного кругооборота. Авансированные в качестве денежного капитала 500 ф. ст., из которых 78 ф. ст. существовали раньше как прибавочная стоимость, играют совершенно такую же роль, как 500 ф. ст., которыми другой капиталист открывает свой первый кругооборот. То же и в кругообороте производительного капитала. Возросшее *П'* при возобновлении выступает просто как *П*, подобно *П* в простом воспроизводстве *П*...*П*.

На стадии $Д' — Т' < {}^{Р}_{Сп}$ возрастание величины отмечено лишь посредством *Т'*, но не посредством *Р'* или *Сп'*. Так как *Т* есть сумма *Р* и *Сп*, то уже *Т'* показывает, что сумма заключающихся в нем *Р* и *Сп* больше, чем было в первоначальном *П*. Но, кроме того, обозначение *Р'* и *Сп'* было бы и ошибочно, потому что, как мы знаем,

с возрастанием капитала связано изменение его строения по стоимости — именно, последнее развивается таким образом, что стоимость *Сп* возрастает, стоимость же *Р* всегда уменьшается относительно, а часто и абсолютно.

III. НАКОПЛЕНИЕ ДЕНЕГ.

Может ли *д*, прибавочная стоимость, превратившаяся в деньги, немедленно снова присоединиться к капитальной стоимости, совершающей процесс своего движения, и, таким образом, вместе с капиталом *Д* в составе *Д'* войти в процесс кругооборота, — это определяется обстоятельствами, независимыми от простого наличия *д*. Если *д* должно послужить в качестве денежного капитала в новом, самостоятельном предприятии, которое предполагается основать наряду с первым, то ясно, что *д* может быть употреблено на это лишь тогда, когда оно обладает минимальной величиной, необходимой для такого предприятия. Если *д* должно быть употреблено на расширение первоначального предприятия, то опять-таки отношения вещественных факторов *П* и отношения их стоимости требуют определенной минимальной величины *д*. Между всеми средствами производства, действующими в этом предприятии, существует не только известное качественное, но и определенное количественное соотношение, известная пропорциональность размеров. Эти вещественные отношения и связанные с ними отношения стоимости факторов, входящих в производительный капитал, определяют тот минимальный размер, которого должно достигнуть *д* для того чтобы его можно было превратить, как прирост производительного капитала, в дополнительные средства производства и дополнительную рабочую силу или только в первые. Так, фабрикант-прядильщик не может увеличить числа своих веретен, если одновременно не приобретет соответствующего числа чесальных и трепальных станков, не говоря уже об увеличенных затратах на хлопок и заработную плату, обусловливаемых таким расширением предприятия. Следовательно, для того чтобы осуществить последнее, прибавочная стоимость должна уже составлять порядочную сумму (обыкновенно новые затраты определяются в 1 ф. ст. на веретено). Пока *д* не достигнет этих минимальных размеров, капитал должен несколько раз повторить кругооборот, прежде чем сумма последовательно произведенных им *д* получит возможность функционировать вместе с *Д*, следовательно в $Д' - Т' <^{P}_{Cn}$. Даже простые изменения деталей, напр. в прядильных машинах, поскольку эти изменения ведут к повышению производительности, требуют увеличения расходования прядильного материала, усиления машин, на которых обрабатывается хлопок перед прядением, и т. д. Следовательно, в промежуточный период *д*

накопляется, и его накопление является не его собственной функцией, а результатом повторений *П...П*. Его собственной функцией является пребывание в денежном состоянии до тех пор, пока оно благодаря повторным кругооборотам возрастания стоимости, — следовательно извне, — не получит достаточного приращения, при котором оно достигает минимальной величины, необходимой для его активного функционирования: величины, при которой оно только и может принять участие в функционировании денежного капитала *Д*, — принять участие как денежный капитал, в данном случае как накопленная часть функционирующего денежного капитала *Д*. В промежуточный период *д* накопляется и существует лишь в форме сокровища, находящегося в процессе образования, роста. Следовательно, накопление денег, образование сокровища является здесь процессом, который временно сопровождает действительное накопление, расширение того масштаба, в котором действует промышленный капитал. Сопровождает временно, преходяще, потому что, пока сокровище остается в состоянии сокровища, оно не функционирует как капитал, не принимает участия в процессе возрастания стоимости, остается денежной суммой, которая возрастает лишь потому, что получаемые без ее содействия деньги кладутся в тот же сундук.

Форма сокровища есть просто форма денег, не находящихся в обращении, денег, обращение которых прервано и которые поэтому сохраняются в своей денежной форме. Что касается самого процесса образования сокровища, то он свойствен всякому товарному производству, в качестве же самоцели играет роль только в неразвитых, докапиталистических формах этого производства. Но в нашем случае сокровище является формой денежного капитала, образование же сокровища — процессом, который временно сопровождает накопление капитала, потому что — и поскольку — деньги фигурируют здесь в качестве *скрытого денежного капитала;* образование сокровища, — сохранение в состоянии сокровища той прибавочной стоимости, которая находится в денежной форме, — является здесь совершающейся вне кругооборота капитала, функционально определенной подготовительной стадией к превращению прибавочной стоимости в действительно функционирующий капитал. Следовательно, благодаря этому своему предназначению, это — скрытый денежный капитал; поэтому и размеры, которых должно достигнуть сокровище, прежде чем оно вступит в процесс, каждый раз определяются строением производительного капитала по стоимости. Но пока деньги остаются в положении сокровища, они еще не функционируют как денежный капитал, представляют праздно лежащий денежный капитал; не потому, что, как раньше, их функция прервана, а потому, что они еще не способны к своей функции.

Мы взяли здесь накопление денег в его первоначальной реальной форме, как действительное денежное сокровище. Но оно может

совершаться и в форме простых долговых документов, долговых притязаний капиталиста, продавшего *Т'*. Что касается других форм, когда скрытый денежный капитал и в промежуточный период существует в виде денег, рождающих деньги, напр. в виде вкладов в какой-либо банк, приносящих проценты, в векселях или ценных бумагах какого бы то ни было рода, то эти формы сюда не относятся. Прибавочная стоимость, реализованная в деньгах, выполняет в таком случае особые функции капитала вне кругооборота того промышленного капитала, из которого она произошла: функции, которые, во-первых, не имеют ничего общего с кругооборотом этого капитала как таковым и, во-вторых, предполагают функции капитала, отличные от функций промышленного капитала и здесь еще не исследованные.

IV. РЕЗЕРВНЫЙ ФОНД.

Сокровище в только что рассмотренной форме, являющейся формой существования прибавочной стоимости, представляет собою денежный фонд накопления, ту денежную форму, которую временно усваивает накопление капитала и которая постольку сама служит условием последнего. Но этот фонд накопления может оказывать и особые побочные услуги, т. е. входить в процесс кругооборота капитала, не принимая формы *П...П'* и, следовательно, не расширяя размеров капиталистического воспроизводства.

Если процесс *Т'* — *Д'* затягивается свыше его нормальной продолжительности и, следовательно, превращение товарного капитала в денежную форму ненормально задерживается или если, после того как это превращение совершилось, цена, напр., средств производства, в которые должен превратиться денежный капитал, поднимается выше того уровня, который существовал при начале кругооборота, то сокровище, функционирующее как фонд накопления, может быть употреблено на то, чтобы занять место денежного капитала или его части. Следовательно, денежный фонд накопления служит в качестве резервного фонда для того чтобы сглаживать нарушения кругооборота.

Как таковой резервный фонд он отличается от фонда покупательных средств и средств платежа, рассмотренных в кругообороте *П...П*. Эти средства представляют собою часть функционирующего денежного капитала (следовательно, это — формы существования некоторой части капитальной стоимости, вообще занятой в процессе), части которого начинают функционировать лишь одна за другой, в различные сроки. В непрерывном ходе процесса производства постоянно образуется резервный денежный капитал, так как сегодня, напр., поступили платежи, а производить платежи придется лишь позднее, сегодня проданы большие массы товара, а покупать большие массы товара придется

лишь в последующие дни; следовательно, в эти промежутки та или иная часть оборотного капитала постоянно находится в денежной форме. Напротив, резервный фонд не представляет собою составной части уже функционирующего капитала, — точнее, денежного капитала, а капитала, находящегося на подготовительной стадии своего накопления — прибавочной стоимости, еще не превратившейся в активный капитал. Впрочем, само собою разумеется, что в затруднительных обстоятельствах капиталист вовсе не спрашивает, какие определенные функции играют находящиеся в его руках деньги, а просто употребляет то, что у него есть, — только бы поддержать течение процесса кругооборота своего капитала. Так, в нашем примере *Д* = 422 ф. ст., *Д'* = 500 ф. ст. Если часть капитала в 422 ф. ст. существует в качестве фонда средств платежа и покупательных средств, в качестве денежного запаса, то при этом предполагается, что, при остающихся неизменными обстоятельствах, она целиком вступит в кругооборот и что она вместе с тем достаточна для этой цели. Но резервный фонд есть часть 78 ф. ст. прибавочной стоимости; она может вступить в процесс кругооборота капитала стоимостью в 422 ф. ст. лишь в том случае, если этот кругооборот совершается при обстоятельствах, не остающихся неизменными; ведь она представляет собою часть фонда накопления и фигурирует в данном случае без всякого расширения масштаба воспроизводства.

Денежный фонд накопления уже представляет собою существование скрытого денежного капитала; следовательно, представляет превращение денег в денежный капитал.

Всеобщая формула кругооборота производительного капитала, охватывающая простое воспроизводство и воспроизводство в расширенном масштабе, такова:

$$П \ldots \overset{1}{\overbrace{Т' - Д'}}. \quad \overset{2}{\overbrace{Д - Т}} < {}^{Р}_{Сп} \ldots П\ (П').$$

Если *П* = *П*, то *Д* в 2) = *Д'* — *д*; если *П* = *П'*, то *Д* в 2) больше, чем *Д'* — *д*, т. е. *д* целиком или частично превратилось в денежный капитал.

Кругооборот производительного капитала есть та форма, в которой классическая экономия рассматривает процесс кругооборота промышленного капитала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

КРУГООБОРОТ ТОВАРНОГО КАПИТАЛА.

Общая формула для кругооборота товарного капитала такова:

$$T' - Д' - T \ldots П \ldots T'.$$

T' является не только продуктом, но и предпосылкой двух раньше рассмотренных кругооборотов, так как то, что для одного капитала есть *Д — T*, уже предполагает *T' — Д'* для другого, — по крайней мере постольку, поскольку часть средств производства сама есть товарный продукт других индивидуальных капиталов, совершающих свой кругооборот. В нашем случае, напр., уголь, машины и т. д. представляют собою товарный капитал углепромышленника, капиталистического машиностроителя и т. д. Далее, в главе I, 4, показано, что уже при первом повторении *Д...Д'*, прежде чем закончится этот второй кругооборот денежного капитала, заранее предполагается не только кругооборот *П...П*, но и кругооборот *T'...T'*.

Если воспроизводство совершается в расширенном масштабе, то заключительное *T'* больше начального *T'* и потому его следует здесь обозначать посредством *T"*.

Отличие третьей формы от первых двух сказывается, во-первых, в том, что здесь кругооборот открывается обращением в целом с обеими его противоположными фазами, между тем как в форме I обращение прерывается процессом производства, а в форме II все обращение с его двумя взаимно восполняющими фазами опосредствует лишь процесс производства и потому является посредствующим движением между *П...П*. При *Д...Д'* форма обращения есть $Д - T \ldots T' - Д' = Д - T - Д$. При *П...П* форма обращения обратная: $T' - Д'$. $Д - T = T - Д - T$. В *T'...T'* обращение тоже имеет эту последнюю форму.

Во-вторых. При повторении кругооборотов I и II, даже если заключительные пункты *Д'* и *П'* служат начальными пунктами для возобновившегося кругооборота, все же исчезает та форма, в которой были произведены эти *Д'* и *П'*. $Д' = Д + д$, $П' = П + п$ начинают новый процесс опять как *Д* и *П*. В форме же III исходный пункт *T* должен обозначаться как *T'*, если даже кругооборот

возобновляется в прежнем масштабе. Причина тому следующая. В форме I, лишь только *Д'* как таковое открывает новый кругооборот, оно функционирует как денежный капитал *Д*, как авансированная в денежной форме капитальная стоимость, долженствующая возрастать в своей стоимости. Величина авансированного денежного капитала, возросшая благодаря накоплению, совершившемуся во время первого кругооборота, увеличилась. Но равняется ли величина авансированного денежного капитала 422 ф. ст. или 500 ф. ст., — это ничего не изменяет в том обстоятельстве, что он является простой капитальной стоимостью. *Д'* существует уже не как возросший в своей стоимости или увеличенный прибавочной стоимостью капитал, не как капиталистическое отношение. Оно *(Д')* еще должно сначала в процессе возрасти по своей стоимости. То же самое относится и к *П...П'*; *П'* должно и впредь постоянно функционировать и возобновлять кругооборот как *П*, как капитальная стоимость, которая должна произвести прибавочную стоимость. — Напротив, кругооборот товарного капитала открывается не просто капитальной стоимостью, а капитальной стоимостью, уже возросшей в товарной форме, и потому с самого начала заключает в себе кругооборот не только находящейся в товарной форме капитальной стоимости, но и прибавочной стоимости. Если в этой форме происходит простое воспроизводство, то в конечном пункте выступает *Т'* такой же величины, как в начальном пункте. Если в кругооборот капитала вступает часть прибавочной стоимости, то, хотя в конце и появляется *Т''* вместо *Т'*, появляется *Т'* большей величины, однако следующий кругооборот все же опять начинается с *Т'*, которое представляет собою лишь большее *Т'*, чем было в предыдущем кругообороте, и начинает свой новый кругооборот с большей накопленной капитальной стоимостью, а потому и с относительно большей вновь произведенной прибавочной стоимостью. Во всех случаях *Т'* всегда открывает кругооборот как товарный капитал, который = капитальной стоимости + прибавочная стоимость.

Т' выступает как *Т* в кругообороте отдельного промышленного капитала не в качестве формы этого капитала, а в качестве формы другого промышленного капитала, поскольку средства производства представляют собой продукт этого последнего. Акт *Д — Т* (т. е. *Д — Сп*) первого капитала является для этого второго капитала *Т' — Д'*.

Р и *Сп* в акте обращения $Д — Т <^{Р}_{Сп}$ играют тожественную роль постольку, поскольку они суть товары в руках их продавцов, в одном случае рабочих, продающих свою рабочую силу, в другом случае — собственников средств производства, продающих эти последние. Для покупателя, деньги которого функционируют здесь в качестве денежного капитала, они функционируют только как товары до тех пор, пока он их еще не купил,

пока, следовательно, они, как принадлежащие другим товары, противостоят его капиталу, существующему в денежной форме; *Сп* и *Р* различаются здесь лишь постольку, поскольку *Сп* в руках своего продавца $= T'$, следовательно может быть капиталом, поскольку *Сп* представляет собою товарную форму капитала продавца, между тем как для рабочего *Р* всегда является только товаром и становится капиталом лишь в руках покупателя, как составная часть *П*.

Поэтому *T'* никогда не может начинать кругооборот как простое *Т*, как просто товарная форма капитальной стоимости. Как товарный капитал оно всегда имеет двойственный характер. С точки зрения потребительной стоимости оно есть продукт функционирования *П* — в данном случае пряжа, — продукт, элементы которого *Р* и *Сп*, явившиеся в качестве товаров из сферы обращения, функционировали как факторы создания этого продукта. Во-вторых, с точки зрения стоимости оно есть продукт капитальной стоимости *П* плюс прибавочная стоимость *m*, произведенная функционированием *П*.

Только в кругообороте самого *T'* часть его $T = П =$ капитальной стоимости может и должна отделиться от той части *T'*, в которой существует прибавочная стоимость; ⟨следовательно, товарный продукт, в котором существует капитальная стоимость, может и должен отделиться от прибавочного продукта, в котором заключается прибавочная стоимость⟩, — независимо от того, отделимы ли друг от друга обе эти части фактически, как в случае, если мы имеем дело с пряжей, или же нет, как в машине. Во всяком случае эти стоимости становятся отделимыми друг от друга всякий раз, как только *T'* превращается в *Д'*.

Если весь товарный продукт можно разделить на самостоятельные однородные частичные продукты, как, напр., наши 10 000 фунтов пряжи, и если поэтому акт *T'* — *Д'* можно представить в виде суммы совершенных друг за другом продаж, то капитальная стоимость в товарной форме может функционировать как *Т*, может отделиться от *T'*, прежде чем реализована прибавочная стоимость, следовательно прежде чем реализовано *T'* в его целом.

В 10 000 фунтах пряжи в 500 ф. ст. стоимость 8 440 фунтов $=$ $= 422$ ф. ст., $=$ капитальной стоимости, отделенной от прибавочной стоимости. Если капиталист продаст только 8 440 фунтов пряжи за 422 ф. ст., то эти 8 440 фунтов пряжи выражают *Т*, капитальную стоимость в товарной форме; содержащийся, кроме того, в том же *T'* прибавочный продукт в 1 560 фунтов пряжи, $=$ прибавочной стоимости в 78 ф. ст., вступил бы в обращение лишь позже; капиталист мог бы выполнить $T - Д - T < {}^{P}_{Cn}$ до того времени, как совершится обращение прибавочного продукта $т - д - т$.

Или если бы он продал сначала 7 440 фунтов пряжи стоимостью в 372 ф. ст., а затем 1 000 фунтов пряжи стоимостью в 50 ф. ст.,

то первой частью *T* могли бы быть возмещены средства производства (постоянная часть капитала *c*), а второй частью *T* — переменная часть капитала *v*, рабочая сила, — а затем все так же, как раньше.

Но если происходят такие последовательные продажи и если условия кругооборота это допускают, то капиталист вместо того чтобы разделить все *T'* на $c + v + m$, может выполнять это разделение и на любой части *T'*.

Например, 7 440 фунтов пряжи = 372 ф. ст., которые, будучи частями *T'* (10 000 фунтов пряжи = 500 ф. ст.), являются представителями постоянной части капитала, в свою очередь могут быть разложены на 5 535,360 фунтов пряжи стоимостью в 276,768 ф. ст., которые возмещают только постоянную часть капитала, стоимость средств производства, потребленных в производстве 7 440 фунтов пряжи; на 744 фунта пряжи стоимостью в 37,200 ф. ст., возмещающие только переменный капитал; на 1 160,640 фунтов пряжи стоимостью в 58,032 ф. ст., являющейся в качестве прибавочного продукта носителем прибавочной стоимости. Следовательно, продав 7 440 фунтов, капиталист может возместить содержащуюся в них капитальную стоимость путем продажи 6 279,360 фунтов пряжи ценой в 313,968 ф. ст., а стоимость прибавочного продукта в 1160,640 фунтов, = 58,032 ф. ст., израсходовать как доход.

Точно так же он может далее разложить 1 000 фунтов пряжи, = 50 ф. ст. = переменной капитальной стоимости, и соответствующим образом продать их: 744 фунта пряжи стоимостью в 37,200 ф. ст. — это будет постоянная капитальная стоимость, заключающаяся в 1000 фунтах пряжи; 100 фунтов пряжи стоимостью в 5,000 ф. ст.— переменная часть капитала в тех же 1 000 фунтах, следовательно 844 фунта пряжи стоимостью в 42,200 ф.ст. служат возмещением капитальной стоимости, содержащейся в 1 000 фунтах пряжи; наконец, 156 фунтов пряжи стоимостью в 7,800 ф. ст. представляют содержащийся в ней прибавочный продукт, и капиталист может потребить их как таковой.

Наконец, он может остальные 1 560 фунтов пряжи стоимостью в 78 ф. ст. разложить, если только удастся продажа, таким образом, чтобы продажа 1 160,640 фунтов пряжи стоимостью в 58,032 ф. ст. возместила стоимость содержащихся в 1 560 фунтах пряжи средств производства, а 156 фунтов пряжи стоимостью в 7,800 ф. ст. — стоимость переменного капитала; 1 316,640 фунтов пряжи = 65,832 ф. ст. представляют в совокупности возмещение всей капитальной стоимости; наконец, остается прибавочный продукт 243,360 фунтов = 12,168 ф. ст., которые можно расходовать как доход.

Подобно тому как всякий заключающийся в пряже элемент *c*, *v*, *m* можно, в свою очередь, разложить на такие же составные

части, — точно так же можно разложить и каждый отдельный фунт пряжи стоимостью в 1 шиллинг = 12 пенсам.

c = 0,744	фунтов пряжи	= 8,928	пенс.
v = 0,100	» »	= 1,200	»
m = 0,156	» »	= 1,872	»
$c + v + m$ = 1	фунту пряжи	= 12	пенс.

Если мы сложим результаты трех вышеуказанных частичных продаж, то получится тот же результат, как и при единовременной продаже 10 000 фунтов пряжи.

Постоянного капитала мы имеем:

при 1-й продаже:	5 535,360	фунтов пряжи	= 276,768	ф. ст.
» 2-й »	744,000	» »	= 37,200	» »
» 3-й »	1 160,640	» »	= 58,032	» »
Итого.....	7 440	фунтов пряжи	= 372	ф. ст.

Переменного капитала:

при 1-й продаже:	744,000	фунтов пряжи	= 37,200	ф. ст.
» 2-й »	100,000	» »	= 5,000	» »
» 3-й »	156,000	» »	= 7,800	» »
Итого.....	1 000	фунтов пряжи	= 50	ф. ст.

Прибавочной стоимости:

при 1-й продаже:	1 160,640	фунтов пряжи	= 58,032	ф. ст.
» 2-й »	156,000	» »	= 7,800	» »
» 3-й »	243,360	» »	= 12,168	» »
Итого.....	1 560	фунтов пряжи	= 78	ф. ст.

Общий итог:

Постоян. капитал	7 440	фунтов пряжи	= 372	ф. ст.
Перемен. капитал	1 000	» »	= 50	» »
Прибав. стоимость	1 560	» »	= 78	» »
Итого.....	10 000	фунтов пряжи	= 500	ф. ст.

Т′ — Д′ само по себе есть не что иное, как продажа 10 000 фунтов пряжи. 10 000 фунтов пряжи суть товар, как и всякая другая пряжа. Покупателю важна цена в 1 шилл. за фунт, или в 500 ф. ст. за 10 000 фунтов. Если во время сделки он и обращает внимание на состав стоимости, то лишь под влиянием коварного намерения доказать, что 1 фунт можно было бы продать дешевле 1 шилл. и что даже в таком случае продавец сделает выгодное дело. Но количество товара, которое он покупает, зависит от его потребностей; так, напр., если он собственник ткацкого заведения, то оно зависит от строения его собственного капитала, функционирующего

в ткацком заведении, а не от строения капитала того фабриканта-прядильщика, у которого он покупает. Пропорции, в которых *Т'* должно, с одной стороны, возместить потребленный в процессе производства капитал (т. е. различные его составные части), а с другой стороны, должно служить прибавочным продуктом, предназначенным либо на расходование прибавочной стоимости, либо на накопление капитала, — эти пропорции существуют лишь в процессе кругооборота того капитала, товарной формой которого являются 10 000 фунтов пряжи. С продажей как таковой они не имеют ничего общего. Здесь, кроме того, предполагается, что *Т'* продается по своей стоимости и что, следовательно, речь идет лишь о превращении его из товарной формы в денежную форму. Для *Т'*, как функциональной формы в кругообороте этого отдельного капитала, из которой должен быть возмещен производительный капитал, имеет, конечно, решающее значение то обстоятельство, отклоняются ли и до какой степени отклоняются друг от друга при продаже стоимость и цена; но здесь, при рассмотрении одних только различий форм, нам нечего останавливаться на этом вопросе.

В форме I, *Д — Д'*, процесс производства протекает посредине между двумя друг друга восполняющими и друг другу противоположными фазами обращения капитала; он закончен, прежде чем наступает заключительная фаза *Т' — Д'*. Деньги авансируются как капитал сначала на элементы производства, из них превращаются в товарный продукт, а этот товарный продукт опять превращается в деньги. Это — вполне законченный цикл деловых отношений, результатом которого являются на все и для всякого пригодные деньги. Возобновление процесса дано, таким образом, лишь в возможности. *Д...П...Д'* может быть одинаково как последним кругооборотом, которым заканчиваются функции индивидуального капитала в случае извлечения его из предприятия, так и первым кругооборотом индивидуального капитала, впервые приступающего к отправлению своей функции. Общее движение здесь *Д...Д'*, от известной суммы денег к большей сумме денег.

В форме II, *П...Т' — Д' — Т...П (П')*, весь процесс обращения следует за первым *П* и предшествует второму; но он протекает в порядке, противоположном форме I. Первое *П* есть производительный капитал, и функция его есть процесс производства, являющийся предварительным условием следующего за ним процесса обращения. Напротив, заключительное *П* не есть процесс производства; оно представляет собою лишь вторичное пребывание промышленного капитала в его форме производительного капитала. И притом это является результатом превращения, совершившегося в последней фазе обращения, — превращения капитальной стоимости в *Р + Сп*, в субъективные и объективные факторы, которые при своем соединении образуют форму существования производительного капитала. Капитал, будь он *П* или *П'*, в конце опять

имеется налицо в такой форме, в которой он должен снова функционировать как производительный капитал, выполнять процесс производства. Общая форма движения, *П...П*, есть форма воспроизводства и не указывает, подобно *Д...Д'*, на возрастание стоимости как на цель процесса. Тем более облегчает она поэтому классической экономии возможность игнорировать определенную капиталистическую форму процесса производства и изображать производство как таковое целью процесса, заключающейся будто бы в том, чтобы возможно больше и возможно дешевле производить и обменивать продукт на возможно более разнородные другие продукты, служащие отчасти для возобновления производства *(Д — Т)*, отчасти для потребления *(д — т)*. При этом, так как *Д* и *д* являются здесь средством обращения лишь мимолетно, то особенности как денег, так и денежного капитала могут легко остаться незамеченными, и весь процесс оказывается простым и естественным, т. е. обладает естественностью плоского рационализма. Точно так же при рассмотрении товарного капитала забывают при случае о прибыли, и когда речь идет о кругообороте производства в целом, то товарный капитал фигурирует просто как товар, когда же речь идет о составных частях стоимости, то он фигурирует как товарный капитал. Конечно, накопление изображается таким же образом, как производство.

В форме III, *Т' — Д' — Т...П...Т'*, открывают кругооборот две фазы процесса обращения, и именно в том же порядке, как в форме II, т. е. в форме *П...П;* затем следует *П*, притом, как и в форме I, со своей функцией, с процессом производства; результатом этого последнего, *Т'*, кругооборот заканчивается. Подобно тому как в форме II он заканчивается *П*, просто повторным существованием, возрождением производительного капитала, так здесь он заканчивается *Т'*, повторным существованием товарного капитала; подобно тому как в форме II капитал в своей заключительной форме *П* снова должен начать процесс как процесс производства,— так точно и здесь после вторичного появления промышленного капитала в форме товарного капитала кругооборот должен снова начаться фазой обращения *Т' — Д'*. Обе формы кругооборота остаются незавершенными, потому что они не завершаются *Д'*, превращенной снова в *деньги*, возросшей капитальной стоимостью. Следовательно, обе они должны быть продолжены, а потому заключают в себе воспроизводство. Весь кругооборот в форме III есть *Т'...Т'*.

Третью форму отличает от двух первых то обстоятельство, что только в этом кругообороте исходным пунктом процесса возрастания стоимости является возросшая капитальная стоимость, а не первоначальная капитальная стоимость, лишь подлежащая возрастанию. Исходным пунктом служит здесь *Т'*, являющееся капиталистическим отношением; как таковое оно оказывает

определяющее влияние на весь кругооборот, ибо уже на первой своей фазе этот кругооборот включает в себя как кругооборот капитальной стоимости, так и кругооборот прибавочной стоимости; при этом прибавочная стоимость, если и не в каждом кругообороте в отдельности, то в среднем, должна отчасти расходоваться как доход, проходить обращение *т — д — т*, отчасти же функционировать как элемент накопления капитала.

В форме *Т'...Т'* потребление всего товарного продукта предполагается как условие нормального хода кругооборота самого капитала. Индивидуальное потребление рабочего и индивидуальное потребление той части прибавочного продукта, которая не подлежит накоплению, охватывает все индивидуальное потребление. Поэтому потребление, взятое в целом — и как индивидуальное и как производительное потребление, — входит в кругооборот *Т'* в качестве его условия. Производительное потребление (куда по существу дела относится и индивидуальное потребление рабочего, так как рабочая сила в известных границах является постоянным продуктом индивидуального потребления рабочего) совершается непосредственно каждым индивидуальным капиталом. Индивидуальное же потребление, за исключением того, что необходимо для существования индивидуального капиталиста, рассматривается исключительно как общественный акт, но отнюдь не как акт индивидуального капиталиста.

В формах I и II все движение выражается как движение авансированной капитальной стоимости. В форме III возросший в своей стоимости капитал, выступающий в виде совокупного товарного продукта, образует исходный пункт и имеет форму движущегося капитала, товарного капитала. Лишь после его превращения в деньги это движение разветвляется на движение капитала и движение дохода. В этой форме в кругооборот капитала включается как распределение всего общественного продукта, так и особое распределение продукта всякого индивидуального товарного капитала, — распределение, с одной стороны, на фонд индивидуального потребления, с другой — на фонд воспроизводства.

В *Д...Д'* дана возможность расширения кругооборота в зависимости от величины той части *д*, которая войдет в возобновленный кругооборот.

П в *П...П* может начать новый кругооборот с тою же самой стоимостью, быть может, даже с меньшей, — и все-таки оно может представлять воспроизводство в расширенном масштабе; так, напр., в том случае, если элементы товара удешевятся вследствие повышения производительности труда. Наоборот, в противоположном случае возросший в своей стоимости производительный капитал может представлять воспроизводство в масштабе, суженном в вещественном отношении, — если, напр., элементы производства вздорожают. То же самое относится и к *Т'...Т'*.

В *Т'...Т'* наличие капитала в товарной форме является предпосылкой производства; и опять-таки в качестве предпосылки он возвращается в том же кругообороте во втором *Т*. Если это *Т* еще не произведено или не воспроизведено, кругооборот затрудняется; это *Т* должно быть воспроизведено по большей части как *Т'* какого-либо другого промышленного капитала. В этом кругообороте *Т'* существует в качестве исходного пункта, переходного пункта и заключительного пункта движения, — оно поэтому всегда имеется налицо. Оно — постоянное условие процесса воспроизводства.

Т'...Т' отличается от форм I и II еще одним моментом. Все три кругооборота имеют то общее, что капитал заканчивает процесс своего кругооборота в той же форме, в какой он открывает его, и благодаря этому опять принимает начальную форму, в которой он снова открывает тот же самый кругооборот. Начальная форма *Д, П, Т'* есть всегда та форма, в которой авансируется капитальная стоимость (в III форме с приросшей к ней прибавочной стоимостью), — следовательно, по отношению к кругообороту первоначальная форма стоимости; заключительная же форма *Д', П, Т'* есть всегда превращенная форма одной из предшествующих в кругообороте функциональных форм, которая не является первоначальной формой.

Таким образом *Д'* в I есть превращенная форма *Т'*, заключительное *П* во II — превращенная форма *Д* (и в I и во II это превращение достигается простым актом товарного обращения, благодаря формальному перемещению товара и денег); в III *Т'* есть превращенная форма *П*, производительного капитала. Но здесь, в III, превращение касается, во-первых, не только функциональной формы капитала, но и величины его стоимости; а во-вторых, превращение является результатом не просто формального перемещения, относящегося к процессу обращения, но и результатом действительного превращения, которому подверглись в процессе производства потребительная форма и стоимость товарных составных частей производительного капитала.

Крайняя начальная форма *Д, П, Т'* наперед дана для всякого кругооборота — I, II и III; форма, снова повторяющаяся в конечном члене, вызвана, а следовательно и обусловлена рядом метаморфоз самого кругооборота. *Т'*, как конечный пункт кругооборота индивидуального промышленного капитала, предполагает лишь не относящуюся к обращению форму *П* того же промышленного капитала, продуктом которого является *Т'*; *Д'*, как конечный пункт в I, как превращенная форма *Т'* *(Т' — Д')*, предполагает, что *Д* находится в руках покупателя, существует вне кругооборота *Д...Д'* и лишь благодаря продаже *Т'* вовлекается в этот кругооборот, становится его собственной конечной формой. Таким образом во II конечное *П* предполагает *Р* и *Сп (Т)* как существующие вовне и включаемые в его кругооборот, как его конечная

форма благодаря *Д — Т*. Но если оставить в стороне последний крайний пункт, то ни кругооборот индивидуального денежного капитала не предполагает существования денежного капитала вообще, ни кругооборот индивидуального производительного капитала не предполагает существования кругооборотов производительного капитала. В I *Д* может быть первым денежным капиталом, во II же *П* — первым производительным капиталом, выступающим на арене истории, но в III

$$T'\begin{cases} T- \\ -Д' \\ т- \end{cases}\begin{cases} Д-T<^{P}_{Cn}...П...T' \\ \\ д-т \end{cases}$$

Т дважды предполагается существующим вне кругооборота. В первый раз в кругообороте $T'-Д'-T<^{P}_{Cn}$. Это *Т*, поскольку оно состоит из *Сп*, есть товар в руках продавца; оно есть само товарный капитал, поскольку оно является продуктом капиталистического процесса производства; а если даже и нет, то оно оказывается товарным капиталом в руках купца. Во второй раз, в *т — д — т*, во втором *т*, которое, точно так же должно иметься в наличности в качестве товара, чтобы его можно было купить. Во всяком случае *Р* и *Сп*, являются ли они товарным капиталом или нет, суть такие же товары, как *Т'*, и относятся друг к другу как товары. Точно так же обстоит дело со вторым *т* в *т — д — т*. Итак, поскольку $T' = T\ (P + Cn)$, постольку товары являются элементами образования самого *Т'* и постольку оно должно возмещаться в обращении такими же товарами; подобно этому и в *т — д — т* второе *т* тоже должно возмещаться в обращении другими такими же товарами.

Далее, на основе капиталистического способа производства как господствующего всякий товар в руках продавца должен быть товарным капиталом. Он продолжает быть таковым в руках купца или делается таковым, если не был раньше. Или же — как, напр., предметы ввоза — он должен быть таким товаром, который возмещает первоначальный товарный капитал и придает, таким образом, этому последнему лишь другую форму существования.

Товарные элементы *Р* и *Сп*, из которых состоит производительный капитал *П*, превращаясь в формы существования *П*, получают иной вид, чем имели на тех различных товарных рынках, где они приобретены. Они теперь соединены и ⟨только⟩ в своем соединении могут функционировать как производительный капитал.

То обстоятельство, что только в этой форме III внутри самого кругооборота *Т* оказывается предпосылкой *Т*, объясняется тем, что исходным пунктом кругооборота служит капитал в товарной форме. Кругооборот открывается превращением *Т'* (поскольку оно функционирует как капитальная стоимость, — безразлично, уве-

личенная ли добавлением прибавочной стоимости или нет) в товары, представляющие элементы его производства. Но это превращение охватывает весь процесс обращения *Т — Д — Т (= Р + Сп)* и является результатом последнего. Итак, здесь *Т* стоит на обоих крайних пунктах, но второй крайний пункт, получающий свою форму *Т* благодаря акту *Д — Т* извне, из сферы товарного рынка, не есть последний пункт кругооборота, а лишь последний пункт его двух первых стадий, охватывающих процесс обращения. Его результат есть *П*, функция которого, процесс производства, начинается вслед за этим. Лишь как результат этого последнего процесса, а не как результат процесса обращения, *Т'* является завершением кругооборота и принимает ту самую форму, как начальный пункт *Т'*. Напротив, в *Д...Д'*, *П...П*, заключительные пункты *Д'* и *П* суть непосредственные результаты процесса обращения. Следовательно, здесь лишь в конце кругооборота предполагается, что в посторонних руках находится *Д'* в первом случае и *П* — во втором. Поскольку кругооборот протекает между крайними пунктами, постольку ни *Д* в одном случае, ни *П* в другом, — т. е. ни существование *Д* как чужих денег, ни существование *П* как чужого процесса производства, — не являются предпосылкой этих кругооборотов. Напротив, *Т'...Т'* предполагает, что *Т (= Р + Сп)* представляет собою чужие товары и находится в чужих руках, что эти товары благодаря вводному процессу обращения вовлекаются в кругооборот и превращаются в производительный капитал, а в результате функционирования этого последнего *Т'* опять становится заключительной формой кругооборота.

Но именно потому, что кругооборот *Т'...Т'* предполагает в своей сфере наличие другого промышленного капитала в форме *Т (= Р + Сп)* (а *Сп* охватывает различные другие капиталы, напр., в данном случае машины, уголь, масло и т. д.), — то уже по этой причине его приходится рассматривать не только как *общую* форму кругооборота, — т. е. не только как такую общественную форму, в которой можно рассматривать всякий отдельный промышленный капитал (кроме тех случаев, когда капитал вкладывается впервые), следовательно не только как форму движения, общую всем индивидуальным промышленным капиталам, — но в то же время и как форму движения суммы индивидуальных капиталов, т. е. всего капитала класса капиталистов, как такое движение, по отношению к которому движение каждого индивидуального промышленного капитала является лишь частичным движением, переплетающимся с движениями других капиталов и обусловленным ими. Если, напр., мы рассматриваем весь годичный товарный продукт какой-либо страны и анализируем движение, при посредстве которого одна часть этого продукта возмещает производительный капитал во всех индивидуальных предприятиях, а другая часть входит в сферу индивидуального потребления различных

классов, то мы рассматриваем *Т'...Т'* как форму движения, свойственную как общественному капиталу в целом, так и произведенной им прибавочной стоимости или прибавочному продукту. Общественный капитал = сумме индивидуальных капиталов (включая сюда акционерные капиталы или государственный капитал, поскольку правительства применяют производительный наемный труд в горных предприятиях, на железных дорогах и, следовательно, выполняют функции промышленных капиталистов), а общее движение общественного капитала = алгебраической сумме движений индивидуальных капиталов. Это обстоятельство никоим образом не исключает того, что это движение, как движение обособленного индивидуального капитала, обнаруживает иные явления, чем то же самое движение, рассматриваемое как часть общего движения общественного капитала, — т. е. в его связи с движениями других частей этого последнего. Вместе с тем оно разрешает такие проблемы, которые необходимо предполагать уже разрешенными при рассмотрении кругооборота отдельного индивидуального капитала, а не выводить из него.

Т'...Т' есть единственный кругооборот, в котором первоначально авансированная капитальная стоимость образует лишь часть крайнего члена, с которого начинается движение, и где, таким образом, движение с самого начала заявляет о себе как о совокупном движении промышленного капитала, как о движении не только той части продукта, которая возмещает производительный капитал, но и той его части, которая образует прибавочный продукт и обычно отчасти тратится как доход, отчасти — предназначается служить элементом накопления. Поскольку расходование прибавочной стоимости как дохода включается в этот кругооборот, постольку в него включается и индивидуальное потребление. Но это последнее включается, далее, еще и потому, что исходный пункт *Т*, товар, существует в виде какого-либо предмета потребления; всякий же капиталистически произведенный предмет есть товарный капитал, все равно, предназначается ли он своей потребительной формой для производительного потребления, или для индивидуального потребления, или для того и другого. *Д...Д'* указывает лишь на одну сторону: на стоимость, на возрастание авансированной капитальной стоимости как на цель всего процесса; *П...П (П')* указывает на процесс производства капитала как на процесс воспроизводства, причем величина производительного капитала остается прежняя или возрастает (накопление); *Т'...Т'*, характеризуясь уже в своем начальном пункте как форма капиталистического товарного производства, с самого начала охватывает и производительное и индивидуальное потребление; производительное потребление вместе с содержащимся в нем возрастанием стоимости оказывается лишь частью движения в этой форме. Наконец, так как *Т'* может существовать

в такой потребительной форме, которая не может вступить ни в какой новый процесс производства, то это уже заранее показывает, что различные выраженные в долях продукта составные части стоимости T' должны занимать неодинаковое положение, смотря по тому, берется ли $T' ... T'$ как форма движения всего общественного капитала или как самостоятельное движение индивидуального промышленного капитала. Всеми своими особенностями этот кругооборот выводит нас за его собственные пределы как обособленного кругооборота просто индивидуального капитала.

В фигуре $T' ... T'$ движение товарного капитала, т. е. всего капиталистически произведенного продукта, не только является предпосылкой самостоятельного кругооборота индивидуального капитала, но, в свою очередь, и обусловливается им. Поэтому, если понято своеобразие этой фигуры, то уже недостаточно ограничиться указанием, что метаморфозы $T' — Д'$ и $Д — T$ являются, с одной стороны, функционально определенными этапами в метаморфозе капитала, а с другой стороны — членами общего товарного обращения. Становится необходимым ясно изобразить сплетения метаморфоз одного индивидуального капитала с метаморфозами других индивидуальных капиталов и с той частью всего продукта, которая предназначена для индивидуального потребления. Поэтому при анализе кругооборота индивидуального промышленного капитала мы кладем в основу преимущественно две первые формы.

Кругооборот $T' ... T'$ является формой отдельного индивидуального капитала, напр. в земледелии, где расчет ведется от жатвы до жатвы. В фигуре II исходным пунктом служит посев, а в фигуре III — жатва, или, как говорят физиократы, в первой avances, во второй — reprises. Движение капитальной стоимости в III фигуре с самого начала является частью движения общей массы продуктов, между тем как в I и II движение T' образует лишь момент в движении обособленного капитала.

В фигуре III наличие товаров на рынке является постоянной предпосылкой процесса производства и воспроизводства. Поэтому, если сосредоточить внимание на этой фигуре, то кажется, что все элементы процесса производства появляются из сферы товарного обращения и состоят только из товаров. Это одностороннее понимание упускает из виду такие элементы производства, которые не зависят от товарных элементов.

Так как в $T' ... T'$ исходный пункт есть весь продукт (вся стоимость), то здесь оказывается, что (если оставить в стороне иностранную торговлю) воспроизводство в расширенном масштабе при неизменной производительности может состояться лишь в том случае, если в части прибавочного продукта, подлежащей капитализации, уже содержатся вещественные элементы добавочного производительного капитала; следовательно оказывается,

что поскольку производство одного года служит предпосылкой производства следующего года или поскольку это производство может происходить в течение одного года, одновременно с процессом простого воспроизводства, постольку прибавочный продукт непосредственно производится в такой форме, которая позволяет ему функционировать в качестве добавочного капитала. Увеличенная производительность может увеличить только вещество капитала, не повышая его стоимости; но этим она образует добавочный материал для возрастания стоимости.

Т'...Т' лежит в основе Tableau économique [Экономической таблицы] Кенэ, и то обстоятельство, что он избрал в противоположность форме *Д...Д'* (форме, которой исключительно придерживалась меркантильная система) именно эту форму, а не *П...П*, свидетельствует о его большом и верном такте.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТРИ ФИГУРЫ ПРОЦЕССА КРУГООБОРОТА.

Если *Обр.* обозначает весь процесс обращения, то три фигуры могут быть изображены так:

I. *Д — Т...П...Т' — Д'*
II. *П...Обр...П*
III. *Обр...П(Т')*.

Если мы все три формы соединим вместе, то все предпосылки процесса оказываются его результатом, предпосылкой, произведенной им самим, ⟨а все его результаты оказываются его предпосылками⟩. Каждый момент является исходным пунктом, переходным пунктом и пунктом возвращения. Процесс, взятый в целом, изображается как единство процесса производства и процесса обращения: процесс производства становится посредствующим звеном в процессе обращения и наоборот.

Для всех трех кругооборотов общим является следующее: возрастание стоимости как определяющая цель, как движущий мотив. В I это выражено в самой форме. Форма II начинается с *П*, с самого процесса возрастания стоимости. В III кругооборот начинается с возросшей стоимости и заканчивается вновь возросшей стоимостью, даже если движение повторяется в прежнем масштабе.

Поскольку *Т — Д* является для покупателя *Д — Т*, а *Д — Т* для продавца *Т — Д*, постольку обращение капитала представляет лишь обычную метаморфозу товара, и развитые относительно его законы (книга I, глава III, 2), определяющие количество обращающихся денег, сохраняют здесь свое значение. Но если не останавливаться на этой формальной стороне дела, а рассматривать реальную связь между метаморфозами различных индивидуальных капиталов, следовательно по существу связь кругооборотов индивидуальных капиталов, как связь частичных движений в процессе воспроизводства всего общественного капитала, то эту связь нельзя объяснить простой сменой форм денег и товара.

В постоянно вращающемся кругу каждый пункт есть одновременно и исходный пункт и пункт возвращения. Если вращение прервано, то не каждый исходный пункт есть пункт возвращения. Так, мы видели, что не только каждый отдельный кругооборот предполагает (implicite) другой, но что и повторение кругооборота в одной форме предполагает кругооборот в других формах. Таким образом все различие представляется чисто формальным или даже чисто субъективным различием, существующим лишь для наблюдателя.

Поскольку каждый из этих кругооборотов рассматривается как особая форма движения, в которой находятся различные индивидуальные промышленные капиталы, постольку это различие тоже существует всегда как различие индивидуальное. В действительности же каждый индивидуальный промышленный капитал находится во всех трех кругооборотах одновременно. Три кругооборота, формы воспроизводства трех видов капитала, непрерывно протекают один наряду с другим. Так, напр., одна часть капитальной стоимости, функционирующая теперь в качестве товарного капитала, превращается в денежный капитал, другая же часть в то же время выходит из процесса производства и вступает в обращение как новый товарный капитал. Таким образом постоянно описывается круговая форма *Т'...Т'*; то же следует сказать и о двух других формах. Воспроизводство капитала в каждой из его форм и в каждой из его стадий совершается столь же непрерывно, как и метаморфоза этих форм и последовательное прохождение через три стадии. Следовательно, здесь весь кругооборот есть действительное единство трех его форм.

В нашем исследовании подразумевалось, что вся капитальная стоимость в полном своем размере выступает целиком то как денежный капитал, то как производительный капитал, то как товарный капитал. Так, напр., 422 ф. ст. сперва имелись у нас целиком в виде денежного капитала, потом, опять-таки в полном своем размере, превратились в производительный капитал и, наконец, стали товарным капиталом: пряжей стоимостью в 500 ф. ст. (в том числе 78 ф. ст. прибавочной стоимости). Различные стадии образуют здесь такое же количество перерывов. Например, пока 422 ф. ст. продолжают пребывать в денежной форме, т. е. пока не совершены акты купли *Д — Т (Р + Сп)*, до тех пор весь капитал существует и функционирует только как денежный капитал. Лишь только он превращается в производительный капитал, он уже не функционирует ни как денежный капитал, ни как товарный капитал. Весь процесс его обращения прерывается, подобно тому как, с другой стороны, прерывается весь процесс его производства, когда он — в виде *Д* или в виде *Т'* — функционирует в одной из двух стадий обращения. Следовательно, в этом случае кругооборот *П...П* представлял бы не только периодическое возобновление

производительного капитала, но и перерыв его функции — процесса производства, — до тех пор, пока не будет пройден процесс обращения; вместо того чтобы совершаться непрерывно, производство шло бы, таким образом, скачками и возобновлялось бы лишь через промежутки времени неопределенной продолжительности в зависимости от того, насколько быстро или медленно протекают две стадии процесса обращения. Так обстоит дело, напр., у китайского ремесленника, работающего только на заказчиков и прерывающего процесс производства, пока не получится новых заказов.

На деле сказанное относится к каждой отдельной части капитала, находящейся в движении, и все части капитала последовательно проделывают это движение. Например, 10 000 фунтов пряжи представляют собою недельный продукт прядильщика. Эти 10 000 фунтов пряжи целиком выходят из сферы производства и вступают в сферу обращения; содержащаяся в них капитальная стоимость вся должна превратиться в денежный капитал, и, пока она пребывает в форме денежного капитала, она не может снова войти в процесс производства; предварительно она должна вступить в обращение и снова превратиться в элементы производительного капитала $P + Cn$. Процесс кругооборота капитала есть постоянный перерыв, оставление одной стадии, вступление в следующую; сбрасывание одной формы, существование в другой форме; каждая из этих стадий не только обусловливает другую, но в то же время и исключает ее.

Но непрерывность есть характерный признак капиталистического производства; она обусловлена технической основой этого последнего, хотя не всегда безусловно достижима. Посмотрим, как происходит дело в действительности. Например, в то время как 10 000 фунтов пряжи в качестве товарного капитала выступают на рынок и выполняют свое превращение в деньги (будут ли эти деньги средством платежа, покупательным средством или даже просто счетными деньгами), их место в процессе производства занимает новый хлопок, уголь и т. д.; следовательно, здесь уже совершилось обратное превращение из денежной и товарной формы в форму производительного капитала, который, как таковой, начинает свою функцию; в то самое время как первые 10 000 фунтов пряжи превращаются в деньги, ранее произведенные 10 000 фунтов пряжи проходят уже вторую стадию своего обращения и снова превращаются из денег в элементы производительного капитала. Все части капитала поочередно проделывают процессы кругооборота, находятся одновременно на различных стадиях этого последнего. Таким образом промышленный капитал, непрерывно совершая свой кругооборот, находится одновременно на всех стадиях последнего и в соответствующих им различных функциональных формах. Для той части, которая впервые превращается из

товарного капитала в деньги, открывается кругооборот *Т'...Т'*, между тем как для промышленного капитала, как для находящегося в движении целого, кругооборот *Т'...Т'* уже пройден. Одной рукой деньги авансируются, другой — получаются; начало кругооборота *Д...Д'* в одном пункте есть в то же время возвращение денег в другом пункте. Так же обстоит дело и с производительным капиталом.

Действительный кругооборот промышленного капитала в своей непрерывности является поэтому не только единством процесса обращения и процесса производства, но и единством всех его трех кругооборотов. Но таким единством он может быть лишь постольку, поскольку каждая из различных частей капитала может последовательно проходить следующие одна за другой фазы кругооборота и переходить из одной фазы, из одной функциональной формы в другую; поскольку, следовательно, промышленный капитал, как совокупность этих частей, находится одновременно в различных фазах и функциях и, таким образом, одновременно описывает все три кругооборота. Следование одной части за другой обусловлено здесь существованием частей рядом друг с другом, т. е. делением капитала. Так, напр., в расчлененной фабричной системе продукт постоянно находится на различных ступенях процесса своего образования и постоянно переходит из одной фазы производства в другую. Так как индивидуальный промышленный капитал представляет определенную величину, которая зависит от средств капиталиста и определяется известным минимумом для каждой отрасли промышленности, то при делении его должны соблюдаться определенные числовые пропорции. Величина наличного капитала обусловливает размеры процесса производства, его размеры определяют размер товарного и денежного капиталов, поскольку они функционируют наряду с процессом производства. Сосуществование разных частей капитала, которое и обусловливает непрерывность производства, возможно, однако, только благодаря движению частей капитала, при котором они одна за другой проходят различные стадии кругооборота. Существование одних частей капитала рядом с другими само есть лишь результат следования их друг за другом. Так, напр., если движение *Т'—Д'* останавливается для одной части и товар нельзя продать, то кругооборот этой части прерывается, и она не возмещается средствами ее производства; функциональное изменение последующих частей, выходящих в качестве *Т'* из процесса производства, задерживается их предшественниками. Если такое положение продолжается некоторое время, то производство ограничивается, и весь процесс останавливается. Всякая остановка последовательного движения частей нарушает порядок их существования друг возле друга; всякая остановка на одной стадии влечет за собой бо́льшую или меньшую остановку во всем кругообороте не только

той части капитала, движение которой остановилось, но и в кругообороте всего индивидуального капитала.

Следующая форма, которую принимает процесс, есть форма последовательности фаз: переход капитала в новую фазу обусловливается тем, что капитал оставляет другую фазу. Поэтому-то каждый особый кругооборот и имеет как исходным пунктом, так и пунктом возвращения одну из функциональных форм капитала. С другой стороны, процесс как целое действительно представляет собой единство трех кругооборотов, являющихся различными формами, в которых непрерывность процесса находит себе выражение. Кругооборот в целом по отношению к каждой функциональной форме капитала представляется ее специфическим кругооборотом, и притом каждый из этих кругооборотов обусловливает непрерывность всего процесса: круговое движение одной функциональной формы обусловливает круговое движение других. Для всего процесса производства, в особенности для общественного капитала, является необходимым условием, чтобы процесс производства был в то же время процессом воспроизводства, а следовательно и процессом кругооборота каждого из его моментов. Различные части капитала последовательно пробегают различные стадии и функциональные формы. Благодаря этому каждая функциональная форма, хотя в ней находят свое выражение все новые и новые части капитала, совершает одновременно с другими свой собственный кругооборот. Одна часть капитала — всегда, однако, меняющаяся — постоянно воспроизводится, существует в виде товарного капитала, превращающегося в деньги; другая часть — в виде денежного капитала, превращающегося в производительный капитал; третья — в виде производительного капитала, превращающегося в товарный капитал. Постоянное наличие всех трех форм достигается тем, что весь капитал в своем кругообороте пробегает как раз эти три фазы.

Следовательно, капитал как целое одновременно находится в своих различных фазах, пространственно расположенных рядом одна с другой. Но каждая часть постоянно переходит по очереди из одной фазы, из одной функциональной формы в другую и таким путем поочередно функционирует во всех формах. Таким образом эти формы суть текучие формы, одновременность которых опосредствуется их последовательностью. Каждая форма следует за другой и предшествует ей, так что возвращение одной части капитала к одной форме обусловлено возвращением другой части к другой форме. Каждая часть непрестанно совершает свой собственный оборот, но в этой форме находится каждый раз другая часть капитала, и эти особые обороты образуют лишь одновременные и последовательные моменты процесса в целом.

Только в единстве трех кругооборотов осуществляется непрерывность всего процесса вместо изображенной выше прерывистости.

Весь общественный капитал, взятый как целое, всегда отличается этой непрерывностью, и его процесс всегда представляет единство трех кругооборотов.

Для индивидуальных капиталов непрерывность воспроизводства иногда более или менее нарушается. Во-первых, нередко в различные периоды массы стоимости бывают распределены по различным стадиям и функциональным формам неравными частями. Во-вторых, эти части, в зависимости от характера производимого товара, следовательно в зависимости от особенной сферы производства, в которую вложен капитал, могут распределяться различно. В-третьих, непрерывность может в большей или меньшей степени нарушаться в таких отраслях производства, которые зависят от времени года, — вследствие ли естественных условий (земледелие, ловля сельдей и т. д.) или же вследствие условных обстоятельств, как, напр., при так называемых сезонных работах. Всего регулярнее и однообразнее протекает процесс на фабрике и в горном деле. Но это различие отраслей производства не влечет за собой никакого различия в общих формах процесса кругооборота.

Капитал как самовозрастающая стоимость охватывает не только классовые отношения, не только определенный характер общества, покоящийся на том, что труд существует как наемный труд. Капитал есть движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии и сам, в свою очередь, заключающий в себе три различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое. Те, кто рассматривает самостоятельное существование стоимости только как абстракцию, забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция in actu [в действии]. Стоимость проходит тут через различные формы, совершает различные движения, в которых она сохраняется и в то же время возрастает, увеличивается. Так как мы имеем здесь дело прежде всего просто с формой движения, то мы не будем подвергать рассмотрению те революции, которые капитальная стоимость может претерпевать в процессе своего кругооборота: однако ясно, что, несмотря на все революции в стоимости, капиталистическое производство существует и может продолжать свое существование лишь до тех пор, пока капитальная стоимость возрастает, т. е. пока она, как стоимость, ставшая самостоятельной, совершает процесс своего кругооборота; следовательно, до тех пор, пока революции, которым подвергается стоимость, тем или иным способом преодолеваются и нейтрализуются. Движения капитала проявляются как действия отдельного промышленного капиталиста таким образом, что он функционирует как покупатель товаров и труда, как продавец товаров, как производительный капиталист и, следовательно, своей деятельностью обслуживает кругооборот. Если совер-

шается революция в стоимости общественного капитала, то может случиться, что индивидуальный капитал данного капиталиста не справится с переворотом и погибнет, так как он не в состоянии сообразоваться с условиями этого изменения стоимости. Чем резче и чаще становятся революции в стоимости, тем больше автоматическое, действующее с силой стихийного процесса природы, движение капитальной стоимости, ставшей самостоятельной, торжествует над предусмотрительностью и расчетами отдельного капиталиста, тем больше течение нормального производства подчиняется ненормальной спекуляции, тем большей опасности подвергается существование отдельных капиталов. Таким образом эти периодические революции в стоимости подтверждают то, что они, казалось бы, должны опровергнуть, именно, что стоимость, как капитал, приобретает самостоятельное существование, которое она сохраняет и упрочивает посредством своего движения.

Это чередование метаморфоз капитала, находящегося в движении, включает в себя постоянное сравнение совершившихся в кругообороте изменений величины стоимости капитала с первоначальной стоимостью. Если приобретение стоимостью самостоятельности по отношению к силе, образующей стоимость, к рабочей силе, начинается в акте *Д — Р* (купля рабочей силы) и осуществляется в процессе производства как эксплуатация рабочей силы, то это приобретение стоимостью самостоятельности не проявляется снова в том кругообороте, в котором деньги, товары, элементы производства суть лишь чередующиеся формы капитальной стоимости, совершающей процесс движения, в котором прежняя величина стоимости сравнивается с теперешней измененной величиной стоимости капитала.

«Стоимость, — говорит Бэйли в опровержение того, что стоимость приобретает самостоятельное существование, которое характеризует капиталистический способ производства и которое он, Бэйли, трактует как иллюзию некоторых экономистов, — стоимость есть соотношение между одновременно существующими товарами, так как только такие товары можно обменивать друг на друга». Он высказывает это как довод против сравнения товарных стоимостей в различные периоды, сравнения, которое — раз денежная стоимость для каждого периода точно установлена — равносильно лишь сопоставлению затраты труда, требующегося в различные периоды для производства товаров одного и того же вида. Это мнение вытекает из его общего ошибочного представления, согласно которому меновая стоимость равна стоимости и форма стоимости есть сама стоимость; следовательно, товарные стоимости не могут сравниваться, если они активно не функционируют как меновые стоимости, т. е. если их невозможно действительно обменять друг на друга. Таким образом он вовсе не подозревает, что стоимость функционирует как капитальная стоимость

или как капитал лишь в той мере, поскольку она в различных фазах своего кругооборота, — которые вовсе не совпадают во времени, а следуют одна за другой, — остается тожественной сама с собой и сама с собой сравнивается.

Чтобы изучить формулу кругооборота в ее чистом виде, следует исходить не только из того предположения, что товары продаются по их стоимости, но и из того, что это происходит при прочих равных условиях. Возьмем, напр., форму *П...П* независимо от всяких революций в технике процесса производства, которые могут обесценить производительный капитал определенного капиталиста; независимо также и от всякого обратного воздействия, которое может оказать изменение элементов стоимости производительного капитала на стоимость наличного товарного капитала, причем эта стоимость может возрасти или уменьшиться, если имеется запас такого капитала. Пусть *Т′*, 10 000 фунтов пряжи, будут проданы по их стоимости за 500 ф. ст.; 8 440 фунтов, =422 ф. ст., возмещают содержащуюся в *Т′* капитальную стоимость. Но если стоимость хлопка, угля и т. д. возросла (мы здесь не принимаем в расчет простых колебаний цен), то, быть может, эти 422 ф. ст. окажутся недостаточными для того, чтобы полностью возместить элементы производительного капитала; необходим добавочный денежный капитал — денежный капитал связывается. Наоборот, если эти цены падают, — денежный капитал освобождается. Процесс протекает вполне нормально лишь в том случае, если отношения стоимости остаются постоянными; фактически он совершается нормально до тех пор, пока нарушения в повторении кругооборота сглаживаются; чем больше возрастают нарушения, тем бо́льшим денежным капиталом должен обладать промышленный капиталист, чтобы иметь возможность выждать их ослабления; и так как по мере развития капиталистического производства расширяются масштабы каждого индивидуального процесса производства, а вместе с тем возрастает и минимальная величина авансируемого капитала, то это обстоятельство присоединяется к ряду других, в силу которых функция промышленного капиталиста все более становится монополией крупных денежных капиталистов, отдельных или ассоциированных.

Кстати, отметим, что если происходит изменение стоимости элементов производства, то обнаруживается разница между формой *Д...Д′*, с одной стороны, и формой *П...П* и *Т′...Т′*, с другой стороны.

В *Д...Д′*, как в формуле вновь вкладываемого капитала, который сначала выступает как денежный капитал, при падении стоимости средств производства, как, напр., сырья и вспомогательных материалов и т. д., для открытия предприятия известных размеров потребуется меньшая затрата денежного капитала, чем та, которая была необходима до падения, так как размеры процесса производства (при неизменяющемся уровне развития производи-

тельных сил) зависят от массы и размера средств производства, с которыми может справиться данное количество рабочей силы; но эти размеры не зависят ни от стоимости средств производства, ни от стоимости рабочей силы (последняя оказывает влияние лишь на величину возрастания стоимости). Наоборот, если стоимость тех элементов производства товаров, которые являются элементами производительного капитала, повышается, то для основания предприятия данных размеров потребуется больше денежного капитала. В обоих случаях затрагивается лишь величина того денежного капитала, который приходится вложить вновь; в первом случае денежный капитал оказывается в избытке, во втором денежный капитал связывается, если в данной отрасли производства обычным порядком происходит прирост новых индивидуальных промышленных капиталов.

Кругообороты *П...П* и *Т'...Т'* представляются в виде *Д...Д'* лишь постольку, поскольку движение *П* и *Т'* является в то же время накоплением, значит, поскольку добавочное *д*, деньги, превращается в денежный капитал. Но если оставить это в стороне, то изменение стоимости элементов производительного капитала отражается на них иначе, чем на *Д...Д'*; мы здесь опять-таки не имеем в виду обратного воздействия, оказываемого таким изменением стоимости на составные части капитала, находящиеся в процессе производства. Непосредственному воздействию подвергается в этом случае не первоначальная затрата, а промышленный капитал, находящийся в процессе своего воспроизводства, а не в своем первом кругообороте; влияние оказывается, следовательно, на $T' \ldots T < \begin{matrix} P \\ Cn \end{matrix}$, на обратное превращение товарного капитала в элементы его производства, поскольку эти последние состоят из товаров. При падении стоимости (соответственно при падении цен) возможны три случая: процесс воспроизводства продолжается в тех же самых размерах; в таком случае освобождается часть имевшегося до сих пор денежного капитала, и происходит накопление денежного капитала, хотя нет ни действительного накопления (производства в расширенном масштабе), ни подготовительного по отношению к нему и сопровождающего его превращения *д* (прибавочной стоимости) в фонд накопления; или, если это допускают технические пропорции, масштаб процесса воспроизводства расширяется больше, чем это произошло бы при прежних условиях; или же происходит более значительное образование запасов сырых материалов и т. д.

При повышении стоимости элементов, возмещающих товарный капитал, происходит обратное. Воспроизводство совершается тогда уже не в его нормальном размере (напр., работают меньшее время); или, чтобы продолжать его в прежнем размере, должен вступить в дело добавочный денежный капитал (денежный капитал связывается); или денежный фонд накопления, если таковой имеется

в наличности, служит целиком или отчасти не расширению процесса воспроизводства, а ведению его в прежнем масштабе. Здесь денежный капитал тоже связывается, с той только разницей, что в данном случае добавочный денежный капитал берется не извне, не с денежного рынка, а из средств самого промышленного капиталиста.

Но при *П...П*, *Т'...Т'* могут встретиться обстоятельства, вносящие то или иное изменение. Так, напр., если наш фабрикант-бумагопрядильщик имеет большой запас хлопка (т. е. значительная часть его производительного капитала находится в форме запаса хлопка), то часть его производительного капитала обесценивается вследствие падения цены хлопка; напротив, если цены повысились, то повышается стоимость этой части его производительного капитала. С другой стороны, если он большие массы стоимостей закрепил в форме товарного капитала, напр. в хлопчатобумажной пряже, то при падении цены хлопка обесценивается часть его товарного капитала, следовательно вообще часть его капитала, находящегося в кругообороте; при повышении цены хлопка происходит обратное. Наконец, в процессе $Т' — Д — Т < {P \atop Сп}$ происходит следующее: если акт *Т' — Д*, реализация товарного капитала, состоялся до изменения стоимости элементов *Т*, то на капитал оказывается влияние только так, как указано в первом случае, а именно, во втором акте обращения $Д — Т < {P \atop Сп}$; если же это происходит до завершения процесса *Т' — Д*, то при прочих равных условиях падение цены хлопка вызывает соответствующее падение цены пряжи, и, наоборот, повышение цены хлопка вызывает повышение цены пряжи. Воздействие на различные отдельные капиталы, вложенные в одну и ту же отрасль производства, может быть весьма различным, в зависимости от разных обстоятельств, в которых они находятся. Освобождение и закрепление денежного капитала могут точно так же возникать благодаря различиям в продолжительности процесса обращения, следовательно благодаря различиям в быстроте обращения. Однако это относится уже к изучению оборота. Здесь нас интересует лишь действительное различие между *Д...Д'* и обеими другими формами процесса кругооборота, сказывающееся в отношении изменения стоимости элементов производительного капитала.

В эпоху уже развитого, следовательно господствующего капиталистического способа производства, в отделе обращения $Д—Т<{P \atop Сп}$ бо̀льшая часть товаров, из которых состоит *Сп* — средства производства, сама становится чужим товарным капиталом, выполняющим свою функцию. С точки зрения продавца здесь происходит, следовательно, *Т' — Д'*, превращение товарного капитала в денежный капитал. Но это не имеет абсолютного значения. Наоборот. В процессе своего обращения, в котором промышленный капитал

функционирует или как деньги, или как товар, кругооборот промышленного капитала — выступает ли он как денежный капитал или как товарный капитал — перекрещивается с обращением товаров, произведенных при разнообразнейших способах общественного производства, поскольку эти способы производства представляют собою в то же время товарное производство. Являются ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские райоты), общинного производства (голландская Ост-Индия), государственного производства (как основанное на крепостной зависимости производство, встречавшееся в прежние эпохи русской истории), или производства полудиких охотничьих народов и т. д., — все равно: деньгам и товарам, в виде которых проявляется промышленный капитал, они противостоят как товары и деньги и входят в кругооборот этого последнего и в кругооборот заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости, поскольку она тратится в качестве дохода, — следовательно входят в обе ветви обращения товарного капитала. Характер процесса производства, результатом которого они являются, не имеет значения; в качестве товаров они функционируют на рынке и в качестве же товаров вступают в кругооборот промышленного капитала, равно как и в обращение заключающейся в нем прибавочной стоимости. Поэтому всесторонний характер их происхождения, существование рынка как мирового рынка — вот что служит отличительной чертой процесса обращения промышленного капитала. Что сказано о чужих товарах, в такой же мере относится и к чужим деньгам: подобно тому как товарный капитал противостоит деньгам только как товар, так и эти деньги по отношению к нему функционируют только в качестве денег; деньги функционируют здесь как всемирные деньги.

Но здесь необходимо отметить обстоятельства двоякого рода.

Во-первых. Товары *(Сп)*, лишь только выполнен акт *Д — Сп*, перестают быть товарами и становятся одним из способов существования промышленного капитала в его функциональной форме *II*, в форме производительного капитала. Но благодаря этому следы их собственного происхождения уничтожаются; товары продолжают существовать только как формы существования промышленного капитала, они включены в состав промышленного капитала. Однако при этом остается в силе, что для их возмещения необходимо их воспроизводство, и постольку капиталистический способ производства обусловлен способами производства, находящимися на иной, чем он, стадии развития. Но тенденция капиталистического способа производства заключается в том, что он, по возможности, всякое производство превращает в товарное производство; главным средством для этого служит как раз вовлечение этих способов производства в его процесс обращения; а развитое товарное

производство само уже является капиталистическим товарным производством. Проникновение промышленного капитала повсюду ускоряет это превращение, а вместе с ним и превращение всех непосредственных производителей в наемных рабочих.

Во-вторых. Товары, входящие в процесс обращения промышленного капитала (сюда относятся и необходимые жизненные средства, в которые превращается для воспроизводства рабочей силы переменный капитал, после того как он выплачен рабочим), каково бы ни было их происхождение, какова бы ни была общественная форма создавшего их процесса производства, противостоят самому промышленному капиталу уже в форме товарного капитала, товарно-торгового, или купеческого капитала; этот же последний по самой своей природе охватывает товары, произведенные при всяких способах производства.

Подобно тому как капиталистический способ производства предполагает крупные размеры производства, точно так же он необходимо предполагает и крупные размеры сбыта, следовательно предполагает продажу товаров купцу, а не отдельным потребителям. Поскольку сам этот потребитель является производительным потребителем, т. е. промышленным капиталистом, поскольку, следовательно, промышленный капитал одной отрасли производства доставляет средства производства для другой отрасли производства, постольку же (в форме заказа и т. д.) происходит также непосредственная продажа товаров одного капиталиста многим другим. Каждый промышленный капиталист является в этом отношении непосредственным продавцом, сам является своим купцом, каковым, впрочем, он является и при продаже товара купцу.

Товарная торговля как функция купеческого капитала предполагается при капиталистическом производстве и все более развивается по мере развития последнего. Следовательно, иллюстрируя отдельные стороны капиталистического процесса обращения, мы предполагаем наличие товарной торговли; при общем же анализе капиталистического процесса обращения мы предполагаем непосредственную продажу без посредничества купца, потому что это последнее затушевывает различные моменты движения.

Обратимся к Сисмонди, который представляет дело несколько наивно:

«В торговле занят также значительный капитал, который на первый взгляд не кажется частью того капитала, о развитии которого мы писали выше. Стоимость сукна, заполняющего магазины суконторговца, кажется чем-то отличным от той части годового производства, которую богатый отдает бедному в виде заработной платы для того чтобы он работал. Между тем торговый капитал то и дело замещает тот, о котором мы до сих пор говорили. С целью как можно лучше выяснить развитие богатства, мы проследили это развитие с момента его [богатства] возникновения до момента

потребления. Капитал, занятый, напр., в суконном производстве, представлялся всегда одинаковым; будучи обменен на доход потребителя, он делится на две части: одна из них в форме прибыли составляет доход предпринимателя, другая в качестве заработной платы за то время, когда рабочие вырабатывали сукно, составляет доход рабочего.

«Но общий интерес отчетливо требовал, чтобы различные части этого капитала в выполнении определенных функций заместили одна другую, чтобы, если для реализации всего товарооборота между фабрикантом и потребителем достаточно ста тысяч экю, эти сто тысяч распределялись равномерно между фабрикантом, оптовиком и розничным торговцем. Первый может теперь при помощи одной трети капитала произвести то же количество товара, которое раньше он производил при помощи всего капитала, ибо теперь, в момент, когда продукт выработан и требует скорейшей продажи, покупатель-купец находится много скорее, чем мог бы найтись покупатель из числа непосредственных потребителей. Со своей стороны, капитал оптового торговца возмещается за счет мелкого торговца много быстрее... Разница между суммой авансированной заработной платы и покупной ценой, уплачиваемой последним потребителем, составляет прибыль на капитал. С тех пор как эти функции обособились, она распределяется между фабрикантом, оптовиком и розничным торговцем. Результаты оказываются те же, хотя теперь в деле участвуют три лица и троякого рода капитал» («Nouveaux Principes», I, стр. 159, 160). [См. Симонд де Сисмонди: «Новые начала политической экономии», т. I. Соцэкгиз, 1936 г., стр. 208, 209.] «Все они {торговцы} косвенно содействуют производству, ибо производство, имея целью потребление, может считаться завершенным только тогда, когда изготовленная вещь доведена до потребителя» (там же, стр. 157) [стр. 207].

При рассмотрении общих форм кругооборота и вообще во всей этой второй книге мы подразумеваем под деньгами металлические деньги и оставляем в стороне как символические деньги, простые знаки стоимости, являющиеся лишь специальной принадлежностью известных государств, так и кредитные деньги, которые нами еще не развиты. Этот ход исследования, во-первых, соответствует исторической последовательности: кредитные деньги не играют никакой роли или играют лишь незначительную роль в первоначальный период капиталистического производства. Во-вторых, необходимость такого хода исследования теоретически обосновывается тем, что все критические исследования относительно обращения кредитных денег, какие предпринимались до сих пор Туком и другими, заставляли их снова и снова возвращаться к рассмотрению того, как представлялось бы дело на основе чисто металлического обращения. Не следует, однако, забывать, что металлические деньги могут функционировать и как покупательное средство

и как средство платежа. Для упрощения мы вообще в этой II книге берем их только в первой функциональной форме.

Процесс обращения промышленного капитала, составляющий лишь часть процесса его индивидуального кругооборота, определяется ранее развитыми (книга I, глава III) общими законами, поскольку он представляет лишь ряд актов в пределах общего товарного обращения. Одно и то же количество денег, напр. 500 ф. ст., вовлекает поочередно в обращение тем больше промышленных капиталов (или — что то же — индивидуальных капиталов, находящихся в форме товарных капиталов), чем быстрее оборачиваются деньги, чем быстрее, следовательно, каждый отдельный капитал пробегает ряд своих товарных или денежных метаморфоз. Благодаря этому одна и та же масса капитальной стоимости требует для своего обращения тем меньше денег, чем больше деньги функционируют в качестве средства платежа, — следовательно, чем в большей степени при возмещении, напр., товарного капитала средствами его производства приходится оплачивать лишь разницу и чем короче сроки платежа при выплате, напр., заработной платы. С другой стороны, если быстрота обращения и все другие обстоятельства предполагаются неизменными, то количество денег, которое должно обращаться в виде денежного капитала, определяется суммой товарных цен (цена, умноженная на количество товаров) или если даны количество и стоимости товаров, то стоимостью самих денег.

Но законы общего товарного обращения остаются в силе лишь постольку, поскольку процесс обращения капитала образует ряд актов простого обращения, и теряют силу, поскольку эти акты являются функционально определенными этапами кругооборота индивидуальных промышленных капиталов.

Чтобы уяснить это, будет лучше всего, если мы рассмотрим процесс обращения в его непрерывной связи, каким он является в двух формах:

$$\text{II) } П\ldots Т' \begin{cases} Т\,— \\ —Д' \\ т\,— \end{cases} \begin{cases} Д — Т < \begin{matrix} Р \\ Сп \end{matrix} \ldots П\,(П') \\ \\ д — т \end{cases}$$

$$\text{III) } Т' \quad \begin{cases} Т\,— \\ —Д' \\ т\,— \end{cases} \begin{cases} Д — Т < \begin{matrix} Р \\ Сп \end{matrix} \ldots П \ldots Т' \\ \\ д — т \end{cases}$$

Процесс обращения (является ли он в виде *Т — Д — Т* или в виде *Д — Т — Д*), будучи вообще рядом актов обращения, представляет лишь два противоположных ряда товарных метаморфоз, из которых каждая отдельная метаморфоза, в свою очередь, пред-

полагает противоположную метаморфозу чужого товара или чужих денег, противостоящих данному товару.

То, что на стороне товаровладельца представляет собою акт *Т — Д*, то на стороне покупателя есть акт *Д — Т;* первая метаморфоза одного товара в *Т — Д* есть вторая метаморфоза другого товара, выступающего в виде *Д;* обратное происходит в акте *Д — Т*. Следовательно, то, что было показано относительно переплетения товарной метаморфозы на одной ее стадии с метаморфозой другого товара на другой стадии, распространяется и на обращение капитала, поскольку капиталист функционирует в качестве покупателя и продавца, а его капитал в силу этого функционирует в качестве денег, противостоящих чужому товару, или в качестве товара, противостоящего чужим деньгам. Но это переплетение товарных метаморфоз не является в то же время выражением переплетения метаморфоз капиталов.

Во-первых, как мы видели, *Д — Т (Сп)* может представлять переплетение метаморфоз различных индивидуальных капиталов. Например, пряжа, товарный капитал фабриканта-бумагопрядильщика, отчасти возмещается углем. Часть его капитала находится в денежной форме и из нее превращается в товарную форму, в то время как капитал капиталистического углепромышленника находится в товарной форме и потому превращается в денежную форму; в одном и том же акте обращения здесь представлены противоположные метаморфозы двух (принадлежащих к различным отраслям производства) промышленных капиталов, следовательно представлено переплетение ряда метаморфоз этих капиталов. Однако, как мы видели, *Сп,* в которое превращается *Д,* не должно непременно быть товарным капиталом в категорическом смысле этого слова, т. е. функциональной формой промышленного капитала, товарным капиталом, который произведен капиталистом. Здесь всегда имеется на одной стороне *Д — Т,* на другой стороне *Т — Д,* но не всегда имеется переплетение метаморфоз капиталов. Далее, *Д — Р,* купля рабочей силы, никогда не является переплетением метаморфоз капиталов, так как хотя рабочая сила и есть товар рабочего, но она становится капиталом лишь после того, как она продана капиталисту. С другой стороны, *Д'* в процессе *Т' — Д'* не должно быть непременно превращенной формой товарного капитала; оно может выражать превращенный в деньги товар рабочую силу (заработная плата) или превращенный в деньги продукт, произведенный самостоятельным рабочим, рабом, крепостным, общиной.

Но, во-вторых, для выполнения функционально определенной роли, которую играет каждая метаморфоза, совершающаяся в процессе обращения индивидуального капитала, вовсе не требуется, чтобы эта метаморфоза представляла соответствующую противоположную метаморфозу в кругообороте другого капитала, —

конечно, при том предположении, что все производство мирового рынка ведется капиталистически. Например, *Д′* в кругообороте *П...П*, превращающее *Т′* в деньги, может являться на стороне покупателя лишь его прибавочной стоимостью, превращенной в деньги (в том случае, если товар — предмет потребления); или в $Д' - Т' <^{Р}_{Сп}$ (куда капитал, следовательно, входит уже накопленный) *Д′* для продавца *Сп* может вступить в обращение его капитала лишь в качестве возмещения авансированного им капитала или даже и совсем не вступить в обращение его капитала, если *Д′* ответвляется от последнего как расходование дохода.

Следовательно, вопрос о том, каким образом взаимно замещаются в процессе обращения различные составные части всего общественного капитала, по отношению к которому отдельные капиталы являются лишь самостоятельно функционирующими составными частями, этот вопрос — идет ли речь о капитале или о прибавочной стоимости — не разрешается исследованием простых переплетений метаморфоз товарного обращения, которые являются общими как для обращения капитала, так и для всякого другого товарного обращения; этот вопрос требует иного способа исследования. До сих пор при этом довольствовались фразами, которые, если их ближе анализировать, не содержат ничего, кроме неопределенных представлений, заимствованных только из исследования таких сцеплений метаморфоз, которые свойственны всякому товарному обращению.

Одной из наиболее осязательных особенностей процесса кругооборота промышленного капитала, а следовательно и капиталистического производства, является то обстоятельство, что, с одной стороны, элементы, образующие производительный капитал, должны браться с товарного рынка и постоянно возобновляться при помощи товарного рынка, постоянно покупаться как товары, а с другой стороны, продукт процесса труда выходит из этого процесса как товар и каждый раз должен снова продаваться как товар. Сравним, напр., современного фермера Нижней Шотландии с континентальным мелким крестьянином старого склада. Первый продает весь свой продукт и должен поэтому возместить на рынке все его элементы, даже семена; второй непосредственно потребляет наибольшую часть своего продукта, возможно меньше покупает и продает и, поскольку возможно, самолично изготовляет орудия, одежду и т. д.

На этом основании натуральное хозяйство, денежное хозяйство и кредитное хозяйство противопоставляли друг другу как три характерные экономические формы движения общественного производства.

Во-первых, эти три формы вовсе не представляют равноценных фаз развития. Так называемое кредитное хозяйство само есть лишь форма денежного хозяйства, поскольку оба обозначения выражают функции обмена или способы обмена между самими производителями. В развитом капиталистическом производстве денежное хозяйство является лишь основой кредитного хозяйства. Таким образом денежное хозяйство и кредитное хозяйство соответствуют лишь различным ступеням развития капиталистического производства, но вовсе не являются различными самостоятельными формами обмена в противоположность натуральному хозяйству. С таким же точно правом можно было бы этим двум формам противопоставить, как равноценные, различные формы натурального хозяйства.

Во-вторых, так как в категориях: денежное хозяйство, кредитное хозяйство подчеркивается и берется в качестве отличительного признака не хозяйство, т. е. не самый процесс производства, а соответствующий хозяйству способ обмена между различными агентами производства, или производителями, то то же самое следовало бы сделать и при рассмотрении первой категории. Следовательно, вместо натурального хозяйства получилось бы меновое хозяйство. Вполне замкнутое натуральное хозяйство, напр. перуанское государство инков, не подошло бы ни под одну из этих категорий.

В-третьих, денежное хозяйство свойственно всякому товарному производству, и продукт является в виде товара в самых различных общественных производственных организмах. Следовательно, отличительной чертой капиталистического производства являлись бы в этом случае лишь размеры, в которых продукт производится как товар, как предмет торговли, следовательно размеры, в которых элементы, образующие этот продукт, должны снова в качестве предметов торговли, как товары, войти в то хозяйство, из которого исходит продукт.

В действительности капиталистическое производство есть товарное производство, ставшее всеобщей формой производства; но оно является таковым и по мере своего развития становится все более таковым лишь потому, что здесь сам труд оказывается товаром, потому что рабочий продает труд, т. е. функцию своей рабочей силы, и притом, как мы принимаем, продает по ее стоимости, определяемой издержками ее воспроизводства. В той мере, в какой труд становится наемным трудом, производитель становится промышленным капиталистом; поэтому капиталистическое производство (следовательно и товарное производство) проявляется во всем своем объеме лишь тогда, когда и непосредственный сельский производитель является наемным рабочим. В отношении между капиталистом и наемным рабочим денежное отношение, отношение покупателя и продавца, становится отношением, имманентно присущим самому производству. Но это отношение в основе

своей зиждется на общественном характере производства, а не способа обмена; последний, напротив, вытекает из первого. Впрочем, буржуазному кругозору, при котором все внимание поглощается обделыванием коммерческих делишек, как раз соответствует воззрение, что не характер способа производства служит основой соответствующего ему способа обмена, а наоборот[7].

Капиталист бросает в обращение меньше стоимостей в денежной форме, чем он из него извлекает, потому что он бросает в него стоимостей в товарной форме больше, чем извлек их оттуда в товарной форме. Поскольку он функционирует как простая персонификация капитала, т. е. поскольку выполняет функции промышленного капиталиста, постольку его предложение товарных стоимостей всегда больше, чем его спрос на товарные стоимости. В этом отношении, если бы его предложение и спрос взаимно покрывались, это означало бы, что его капитал не возрастает в своей стоимости; капитал не функционировал бы как производительный капитал, производительный капитал превращался бы в товарный капитал, не увеличенный прибавочной стоимостью; во время процесса производства он не извлекал бы из рабочей силы прибавочной стоимости в товарной форме, следовательно вообще не функционировал бы как капитал. Капиталист действительно должен «продавать дороже, чем купил»; но это удается ему только потому, что он посредством капиталистического процесса производства превращает купленный им более дешевый товар, — так как он содержит в себе меньше стоимости, — в товар, содержащий большее количество стоимости, следовательно в более дорогой товар. Он продает дороже не потому, что он продает свой товар выше его стоимости, а потому, что продает товар такой стоимости, которая выше суммы стоимостей элементов его производства.

Норма, в какой капиталист получает со своего капитала прирост стоимости, тем больше, чем больше разница между его предложением и его спросом, т. е. чем больше избыток той товарной стоимости, которую он предлагает, над той товарной стоимостью, на которую он предъявляет спрос. Его целью является не то, чтобы спрос и предложение взаимно покрывались, а то, чтобы они не покрывались, чтобы его спрос более чем покрывался его предложением.

То, что имеет силу по отношению к отдельному капиталисту, сохраняет свою силу и по отношению к классу капиталистов.

Поскольку капиталист просто лишь олицетворяет промышленный капитал, постольку предъявляемый им спрос состоит только

[7] До сих пор рукопись V; следующее место до конца главы является заметкой, находящейся в тетради 1877 г. или 1878 г. среди выписок из книг.

из спроса на средства производства и рабочую силу. Его спрос на *Сп*, рассматриваемый со стороны заключающейся в нем стоимости, меньше, чем авансированный им капитал; он покупает средства производства за меньшую стоимость, чем стоимость его капитала, а потому за еще меньшую стоимость, чем стоимость того товарного капитала, который он доставляет на рынок.

Что касается его спроса на рабочую силу, то размеры этого спроса, со стороны стоимости, определяются отношением его переменного капитала ко всему его капиталу, следовательно $= v : K$, и потому спрос на рабочую силу в капиталистическом производстве возрастает относительно в меньшей степени, чем его спрос на средства производства. Капиталист во все возрастающей степени становится более покупателем *Сп*, чем покупателем *Р*.

Так как рабочий превращает свою заработную плату преимущественно в жизненные средства, и притом главным образом в необходимые жизненные средства, то спрос капиталиста на рабочую силу косвенно является в то же время спросом на предметы потребления, входящие в потребление рабочего класса. Но этот спрос равен *v*, ни одним атомом не больше *v* (если рабочий делает сбережения из своей заработной платы, — всякие отношения кредита мы по необходимости оставляем здесь в стороне, — то это значит, что он часть своей заработной платы превращает в сокровище и pro tanto [в такой мере] уже не выступает как лицо, предъявляющее спрос, как покупатель). Максимальный предел спроса капиталиста $= K = c + v$, предложение же его $= c + v + m$; следовательно, если строение его товарного капитала $80_c + 20_v + 20_m$, то спрос его $= 80_c + 20_v$, т. е. спрос, рассматриваемый со стороны его стоимости, на $^1/_5$ меньше, чем его предложение. Чем больше процентное отношение произведенной им массы *m* (норма прибыли), тем меньше становится его спрос по сравнению с его предложением. Хотя спрос капиталиста на рабочую силу, а косвенно, следовательно, и на необходимые жизненные средства, с прогрессом производства прогрессивно уменьшается по сравнению с его спросом на средства производства, тем не менее не следует, с другой стороны, забывать, что его спрос на *Сп* всегда меньше, чем его капитал. Таким образом спрос его на средства производства неизбежно всегда меньше по стоимости, чем товарный продукт капиталиста, доставляющего ему эти средства производства и работающего с равным капиталом и при прочих равных условиях. То обстоятельство, что в действительности имеется налицо не один капиталист, а много капиталистов, дела нисколько не изменяет. Положим, его капитал = 1 000 ф. ст., постоянная часть капитала = 800 ф. ст.; в таком случае спрос его, предъявляемый ко всем капиталистам, = 800 ф. ст.; они же все вместе на свои 1 000 ф. ст. (сколько бы из этой суммы ни приходилось на каждого из них в отдельности и какую бы часть всего капитала

его ни составляла сумма, приходящаяся на долю каждого) доставляют, при равной норме прибыли, средств производства стоимостью в 1 200 ф. ст.; следовательно, его спрос покрывает лишь $^{2}/_{3}$ их предложения, а весь его собственный спрос, по величине его стоимости, равняется лишь $^{4}/_{5}$ его собственного предложения.

Теперь мы еще должны, забегая вперед, попутно рассмотреть оборот капитала. Положим, весь капитал данного капиталиста = = 5 000 ф. ст., из которых 4 000 ф. ст. составляют основной капитал и 1 000 ф. ст. — оборотный; эта 1 000, согласно прежнему предположению, $= 800_c + 200_v$. Чтобы весь его капитал обернулся один раз в год, его оборотный капитал должен обернуться пять раз в год; в таком случае его товарный продукт = 6 000 ф. ст., следовательно на 1 000 ф. ст. больше, чем авансированный им капитал, что опять дает такое же отношение прибавочной стоимости, как и раньше:

$5\,000\ K : 1\,000_m = 100_{(c+v)} : 20_m$. Таким образом этот оборот ничего не изменяет в отношении всего спроса капиталиста ко всему его предложению: первый остается на $^{1}/_{5}$ меньше, чем последнее.

Пусть его основной капитал необходимо возобновлять каждые 10 лет. Следовательно, ежегодно капиталист амортизирует $^{1}/_{10}$ = = 400 ф. ст. Благодаря этому он имеет теперь стоимость только на 3 600 ф. ст. в основном капитале + 400 ф. ст. в деньгах. Если является необходимость в ремонте и этот ремонт не превышает средних размеров, то издержки на него есть не что иное, как вложение капитала, которое капиталист совершает лишь впоследствии. Мы можем рассматривать дело таким образом, как если бы капиталист, определяя стоимость вкладываемого им капитала, поскольку она входит в годовой товарный продукт, с самого начала включал в нее издержки на ремонт, так что в амортизации, равной $^{1}/_{10}$ капитальной стоимости, содержатся и они. (Если в действительности потребность в ремонте у него ниже средней, то это для него выгода, а если выше, то убыток. Но для всего класса капиталистов, занятых в одной и той же отрасли промышленности, такие выгоды и убытки уравниваются.) Во всяком случае, хотя его годичный спрос при одном обороте в год всего его капитала остается равным 5 000 ф. ст., т. е. равняется его первоначально авансированной капитальной стоимости, тем не менее этот спрос по отношению к оборотной части капитала увеличивается, а по отношению к основной части капитала постоянно уменьшается.

Перейдем теперь к воспроизводству. Положим, капиталист лично потребляет всю прибавочную стоимость *∂* и превращает снова в производительный капитал только такую величину, как первоначальный капитал *К*. В таком случае спрос капиталиста по стоимости равен его предложению. Но не в отношении движения его капитала; как капиталист он предъявляет спрос только на $^{4}/_{5}$ своего предложения (по величине стоимости); $^{1}/_{5}$ он потреб-

ляет как некапиталист, не в силу своих функций капиталиста, а на свои личные потребности или удовольствия.

Счет его в процентных числах таков:

Спрос его как капиталиста = 100,	предложение = 120
Спрос его как человека, любящего пожить в свое удовольствие, = 20,	предложение = —
Сумма спроса = 120,	предложения = 120

Это предположение равнозначаще с предположением, что капиталистического производства не существует, а потому не существует и самого промышленного капиталиста: предположение, что движущим мотивом служит личное потребление, а не самое обогащение, устраняет самую основу капитализма.

Но оно, кроме того, и технически невозможно. Капиталист не только должен образовать запасный капитал, чтобы обезопасить себя от колебаний цен и иметь возможность выжидать наиболее благоприятных конъюнктур для купли и продажи; он должен накоплять капитал, чтобы таким образом расширять производство и внедрять технические усовершенствования в свой производительный организм.

Чтобы накоплять капитал, он должен прежде всего извлекать из обращения некоторую часть прибавочной стоимости в денежной форме, притекающей к нему из обращения, и увеличивать ее как сокровище до тех пор, пока она не примет размеры, необходимые для того чтобы расширить старое предприятие или открыть новое предприятие наряду со старым. Пока продолжается образование сокровища, до тех пор оно не увеличивает спроса капиталиста; деньги иммобилизованы; они не извлекают с товарного рынка никакого эквивалента в виде товара в обмен на тот денежный эквивалент, который извлечен с рынка за внесенный на рынок товар.

Кредит здесь оставляется в стороне; а к области кредита относится, напр., случай, когда капиталист по мере накопления денег кладет их в банк на текущий счет за проценты.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВРЕМЯ ОБРАЩЕНИЯ[8].

Движение капитала через сферу производства и две фазы сферы обращения совершается, как мы видели, последовательно во времени. Продолжительность его пребывания в сфере производства образует время его производства, продолжительность пребывания в сфере обращения — время его циркуляции, или обращения. Все время, в течение которого капитал совершает свой кругооборот, равняется поэтому сумме времени производства и времени обращения.

Время производства, естественно, обнимает период процесса труда, но этот последний не охватывает всего времени производства. Напомним прежде всего, что часть постоянного капитала существует в виде средств труда, как, напр., машины, постройки и т. д., которые до самого конца своего существования служат в одних и тех же снова и снова повторяющихся процессах труда. Периодический перерыв процесса труда, напр. ночью, хотя и прерывает функционирование этих средств труда, но не прерывает их пребывания в месте производства. Они продолжают оставаться там не только тогда, когда они функционируют, но и когда они не функционируют. С другой стороны, у капиталиста должен иметься наготове известный запас сырья и вспомогательных материалов, чтобы процесс производства в течение более или менее продолжительного времени совершался в заранее определенном масштабе, вне зависимости от случайностей ежедневного предложения товаров со стороны рынка. Этот запас сырья и т. д. производительно потребляется лишь постепенно, мало-помалу. Отсюда вытекает различие между временем его производства[9] и временем его функционирования. Следовательно, время производства средств производства вообще охватывает 1) время, в течение которого они

---

[8] Отсюда рукопись IV.

[9] Время производства взято здесь в активном смысле: время производства для средств производства есть здесь не то время, в течение которого они производятся, а то время, в течение которого они участвуют в процессе производства товарного продукта. — *Ф. Э.*

функционируют как средства производства, т. е. служат в процессе производства; 2) перерывы, в течение которых процесс производства, а следовательно и функционирование включенных в него средств производства, прерывается; 3) время, в течение которого они, хотя и имеются наготове в качестве условий процесса, следовательно уже представляют производительный капитал, однако еще не вошли в процесс производства.

Рассмотренное до сих пор различие есть различие между временем пребывания производительного капитала в сфере производства и временем его пребывания в процессе производства. Но сам процесс производства может обусловливать перерывы процесса труда, а потому и времени труда, обусловливать интервалы, когда предмет труда предоставляется воздействию физических процессов без дальнейшего приложения человеческого труда. Процесс производства, а потому и функционирование средств производства в данном случае продолжается, хотя процесс труда, а следовательно и функционирование средств производства как средств труда прерваны. Мы видим это на примере зерна, которое посеяно, вина, которое бродит в погребе, материала труда во многих мануфактурах, как, напр., на кожевенных заводах, которые подвергают этот материал химическим процессам. Время производства здесь больше, чем время труда. Разница между обоими заключается в избытке времени производства над временем труда. Этот излишек всегда обусловливается или тем, что производительный капитал *скрыто* находится в сфере производства, не функционируя в самом процессе производства, или тем, что он функционирует в процессе производства, но не находится в процессе труда.

Та часть скрытого производительного капитала, которая припасена лишь в качестве условия для процесса производства, как, напр., хлопок, уголь и т. д. в прядильном заведении, не действует ни как фактор создания продукта, ни как фактор создания стоимости. Она является капиталом, лежащим праздно, хотя такая бездеятельность служит необходимым условием для непрерывного течения процесса производства. Постройки, аппараты и т. д., необходимые в качестве хранилищ производительного запаса (скрытого капитала), суть условия процесса производства и потому составляют составные части авансированного производительного капитала. Они выполняют свою функцию хранителей составных частей производительного капитала на предварительной стадии. Поскольку на этой стадии необходимы процессы труда, постольку эти процессы удорожают сырой материал и т. д., но они представляют собою производительный труд и создают прибавочную стоимость, потому что часть этого труда, как и всякого другого наемного труда, не оплачивается. Нормальные перерывы всего процесса производства, следовательно промежутки, во время которых производительный капитал не функционирует, не производят

ни стоимости, ни прибавочной стоимости. Отсюда и вытекает стремление заставить работать и ночью (книга I, глава VIII, 4). Такие перерывы во времени труда, которые предмету труда приходится испытывать во время самого процесса производства, не создают ни стоимости, ни прибавочной стоимости; но они способствуют созданию продукта, составляют часть его жизни, являются процессом, через который он должен пройти. Стоимость аппаратов и т. д. переносится на продукт соответственно всему тому времени, в течение которого они функционируют; продукт переведен в эту стадию производства самим трудом, и пользование этими аппаратами в такой же мере является условием производства, как и распыление части хлопка, которая не входит в продукт, но тем не менее переносит на него свою стоимость. Другая часть скрытого капитала, как, напр., постройки, машины и т. д., т. е. средства труда, функционирование которых прерывается лишь нормальными паузами процесса производства, — ненормальные перерывы вследствие сокращения производства, кризисов и т. д. представляют чистые убытки, — эта часть скрытого капитала присоединяет к продукту свою стоимость, хотя и не входит в создаваемый продукт; вся стоимость, которую эта часть прибавляет к продукту, определяется средней продолжительностью ее существования; она утрачивает свою стоимость в силу того, что утрачивает потребительную стоимость, как в то время, когда она функционирует, так и в то время, когда она не функционирует.

Наконец, стоимость постоянной части капитала, которая продолжает находиться в процессе производства, несмотря на перерыв процесса труда, снова появляется в результате процесса производства. Средства производства поставлены здесь самим трудом в такие условия, благодаря которым они сами собой проходят через ряд известных естественных процессов, в результате которых получается определенный полезный эффект, или изменение формы их потребительной стоимости. Труд всегда переносит стоимость средств производства на продукт, поскольку он потребляет их действительно целесообразно, как средства производства. Дело нисколько не изменяется от того, должен ли труд для достижения этого эффекта непрерывно воздействовать на предмет труда при помощи средств труда или он должен только дать толчок, поставив средства производства в такие условия, благодаря которым они подвергаются заранее намеченному видоизменению сами собой, без дальнейшего содействия труда, вследствие процессов природы.

На чем бы ни основывался излишек времени производства над временем труда, — на том ли, что средства производства образуют лишь скрытый производительный капитал, следовательно находятся еще на пороге к действительному процессу производства, или на том, что во время процесса производства их соб-

ственное функционирование прерывается остановками этого процесса, или, наконец, на том, что сам процесс производства обусловливает перерывы процесса труда, — ни в одном из этих случаев средства производства не функционируют таким образом, чтобы они всасывали труд. Если они не всасывают труда, то не всасывают и прибавочного труда. Поэтому не происходит возрастания стоимости производительного капитала, пока он находится в том отрезке времени своего производства, который составляет излишек над временем труда, как бы неотделимо ни было выполнение процесса возрастания стоимости от этих его остановок. Ясно, что чем более совпадают друг с другом время производства и время труда, тем больше производительность и возрастание стоимости данного производительного капитала в данный промежуток времени. Отсюда вытекает тенденция капиталистического производства по возможности укоротить излишек времени производства над временем труда. Но хотя время производства капитала и может отклоняться от времени труда, тем не менее оно всегда заключает в себе это последнее, и излишек первого над вторым является даже условием процесса производства. Следовательно, время производства всегда представляет собою то время, в течение которого капитал производит потребительные стоимости и возрастает в своей стоимости, т. е. функционирует как производительный капитал, хотя время производства заключает в себе и то время, когда капитал либо находится в скрытом состоянии, либо производит продукты, не возрастая в своей стоимости.

В сфере обращения капитал находится в виде товарного капитала и денежного капитала. Два процесса его обращения состоят в том, что он превращается из товарной формы в денежную форму и из денежной формы в товарную форму. То обстоятельство, что превращение товара в деньги является здесь в то же время реализацией заключающейся в товаре прибавочной стоимости и что превращение денег в товар есть в то же время превращение или обратное превращение капитальной стоимости в форму элементов ее производства, ничего не изменяет в том, что эти процессы, как процессы обращения, являются процессами простой метаморфозы товаров.

Время обращения и время производства взаимно исключают друг друга. В течение времени своего обращения капитал не функционирует как производительный капитал и потому не производит ни товара, ни прибавочной стоимости. Если мы рассматриваем кругооборот в самой простой форме, когда вся капитальная стоимость в каждом случае разом переходит из одной фазы в другую, то очевидно, что процесс производства, а следовательно и самовозрастание стоимости капитала, прерывается до тех пор, пока продолжается время его обращения, и что в зависимости от

продолжительности последнего процесс производства будет возобновляться быстрее или медленнее. Напротив, если различные части капитала проделывают кругооборот одна за другой, так что кругооборот всей капитальной стоимости осуществляется последовательно в кругообороте ее различных частей, то ясно, что чем длиннее тот промежуток времени, в течение которого составные части капитальной стоимости постоянно задерживаются в сфере обращения, тем меньше будет та ее часть, которая постоянно функционирует в сфере производства. Расширение и сокращение времени обращения играет поэтому роль отрицательного предела для сокращения или расширения времени производства или той степени, в которой капитал данной величины функционирует как производительный капитал. Чем в большей степени метаморфозы обращения капитала являются собственно лишь идеальными, т. е. чем больше время обращения = 0 или приближается к нулю, тем больше функционирует капитал, тем выше становится его производительность и самовозрастание его стоимости. Если, напр., капиталист работает на заказ, получает плату при доставке продукта, а уплата производится средствами его собственного производства, то время обращения приближается к нулю.

Итак, время обращения капитала вообще ограничивает время его производства, а потому и процесс возрастания стоимости. И притом оно ограничивает этот последний пропорционально продолжительности времени обращения. Продолжительность же эта может увеличиваться или уменьшаться в весьма различной степени, а потому в весьма различной степени может ограничивать время производства капитала. Но политическая экономия видит лишь *внешнее проявление,* именно только влияние времени обращения на процесс возрастания капитала по стоимости вообще. Это отрицательное влияние она принимает за положительное, потому что его следствия положительны. Она тем более цепляется за эту видимость, что эта последняя как будто доставляет доказательство того, что капитал обладает мистическим источником самовозрастания стоимости, независимым от его процесса производства, а потому и от эксплуатации труда, и что этот источник притекает к нему из сферы обращения. Позже мы увидим, как даже научная экономия позволяет обмануть себя этой видимостью. Эта видимость, как тоже будет показано, находит себе подкрепление в различных явлениях: 1) В капиталистическом способе исчисления прибыли, при котором отрицательная причина фигурирует в качестве положительной, так как для капиталов, находящихся в различных сферах приложения, где различно только время обращения, более продолжительное время обращения действует в качестве основания для повышения цен, — словом, как одно из оснований для уравнения прибыли. 2) Время обращения образует лишь момент во времени оборота; последнее же заключает в себе

время производства, или время воспроизводства. То, что на самом деле обязано своим существованием последнему, кажется обязанным времени обращения. 3) Превращение товаров в переменный капитал (заработную плату) обусловлено предварительным превращением их в деньги. Следовательно, при накоплении капитала превращение в добавочный переменный капитал совершается в сфере обращения или происходит во время обращения. Поэтому кажется, что именно этому последнему обязано своим происхождением совершившееся накопление.

В сфере обращения капитал, в той или иной последовательности, проходит две противоположные фазы *Т — Д* и *Д — Т*. Время его обращения распадается, таким образом, тоже на две части: на время, которое ему требуется, чтобы превратиться из товара в деньги, и на время, которое ему требуется, чтобы превратиться из денег в товар. Уже из анализа простого товарного обращения (книга I, глава III) известно, что *Т — Д*, продажа, является самой трудной частью его метаморфозы и потому, при обычных условиях, составляет бо́льшую часть времени обращения. Стоимость, воплощенная в деньгах, находится в такой своей форме, которую всегда возможно превратить в другую. Когда же она воплощена в товаре, то она лишь при помощи превращения в деньги может приобрести эту форму, способную к непосредственному обмену и потому во всякое время готовую к деятельности. Между тем при процессе обращения капитала в его фазе *Д — Т* дело идет о превращении его в товары, образующие определенные элементы производительного капитала в данном предприятии. Может случиться, что средств производства нет на рынке и что их еще необходимо произвести или доставить с отдаленных рынков, или что в их обычном предложении произошли нарушения, изменение цен и т. д., — словом, может встретиться масса обстоятельств, которых нельзя заметить при простом изменении формы *Д — Т*, но которые и для этой части фазы обращения требуют то большей, то меньшей затраты времени. Как *Т — Д* и *Д — Т* разделены во времени, так они могут разделяться и в пространстве, рынок покупок и рынок продаж могут быть пространственно различными рынками. Например, на фабриках закупщик и продавец часто являются даже двумя особыми лицами. При товарном производстве обращение столь же необходимо, как и само производство, следовательно и агенты обращения столь же необходимы, как агенты производства. Процесс воспроизводства включает в себя обе функции капитала, а следовательно и необходимость представительства этих функций самим ли капиталистом, наемным ли рабочим, агентом капиталиста. Однако это вовсе не основание для того чтобы смешивать агентов обращения с агентами производства, а равно для того чтобы смешивать функции товарного и денежного капитала с функциями производительного капитала.

Агенты обращения должны быть оплачены агентами производства. Если же капиталисты, покупающие друг у друга и продающие один другому, не создают этим актом ни продуктов, ни стоимости, то это нисколько не изменяется от того, что размеры их дела дают им возможность, или принуждают их, перекладывать на других функции купли-продажи. В некоторых предприятиях закупщики и продавцы оплачиваются тантьемами, долями в прибыли. Фраза, будто они оплачиваются потребителями, ничего не объясняет. Потребители могут оплачивать лишь постольку, поскольку они сами, как агенты производства, производят эквивалент в виде товаров или присваивают его себе от агентов производства на основании того или иного юридического титула (как члены промышленного товарищества и т. д.) или же на основании личных услуг.

Между *Т* — *Д* и *Д* — *Т* существует различие, которое не имеет ничего общего с различием формы товара и денег, а вытекает из капиталистического характера производства. Сами по себе как *Т* — *Д*, так и *Д* — *Т* суть простые превращения данной стоимости из одной формы в другую. Но *Т'* — *Д'* есть в то же время реализация содержащейся в *Т'* прибавочной стоимости. Не так обстоит дело с *Д* — *Т*. Поэтому продажа важнее купли. *Д* — *Т* при нормальных условиях является актом, необходимым для возрастания выраженной в *Д* стоимости, но не является реализацией прибавочной стоимости, это — введение к ее производству, а не заключительный по отношению к нему акт.

Определенные границы для обращения товарного капитала *Т'* — *Д'* ставятся самою формой существования товаров, их существованием в качестве потребительных стоимостей. Последние преходящи по самой своей природе. Поэтому, если в течение известного времени они не вступят в сферу производительного или индивидуального потребления, смотря по тому, каково их назначение; если, другими словами, они не будут проданы в течение определенного времени, то они портятся и вместе со своей потребительной стоимостью утрачивают свойство быть носителями меновой стоимости. Заключающаяся в них капитальная стоимость вместе с приросшей к ней прибавочной стоимостью утрачивается. Потребительные стоимости остаются носителями сохраняющейся годами и самовозрастающей капитальной стоимости лишь постольку, поскольку они беспрерывно возобновляются и воспроизводятся, возмещаясь новыми потребительными стоимостями того же или иного рода. Но продажа их в форме готовых товаров, следовательно вступление их при посредстве продажи в производительное или индивидуальное потребление, является постоянно возобновляющимся условием их воспроизводства. Они должны в пределах определенного времени переменить свою старую потребительную форму, чтобы продолжать существование в новой.

Меновая стоимость сохраняется лишь посредством этого постоянного обновления товарного тела, в котором она воплощается. Потребительные стоимости различных товаров портятся быстрее или медленнее; поэтому между их производством и потреблением может пройти больший или меньший промежуток времени. Следовательно, они могут, не подвергаясь опасности уничтожения, более или менее долго оставаться в фазе обращения *Т — Д* в виде товарного капитала, могут выдержать в виде товаров более или менее продолжительное время обращения. Предел времени обращения товарного капитала, обусловливаемый порчей самого тела товара, является абсолютным пределом этой части времени обращения или того времени обращения, в течение которого товарный капитал может существовать как таковой. Чем более скоропортящимся является товар, чем скорее должен он быть потреблен, а следовательно и продан после его производства, тем на меньшее расстояние от места своего производства может он быть удален, тем, следовательно, пространственно уже сфера его обращения, тем более местный характер носит рынок его сбыта. Поэтому, чем быстрее портится товар, чем ограниченнее абсолютный предел его обращения как товара, обусловливаемый его физическими свойствами, тем менее пригоден он служить предметом капиталистического производства. Такой товар может быть захвачен капиталистическим производством только в плотно населенных местностях или по мере того, как с развитием средств транспорта сокращаются расстояния. Концентрация же производства какого-нибудь товара в немногих руках в местностях с густым населением может создать относительно большой рынок и на изделия крупных пивоваренных заводов, молочных ферм и т. д.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ИЗДЕРЖКИ ОБРАЩЕНИЯ.

I. ЧИСТЫЕ ИЗДЕРЖКИ ОБРАЩЕНИЯ.

1. Время купли и продажи.

Превращения формы капитала из товара в деньги и из денег в товар являются в то же время торговыми сделками капиталиста: актами купли и продажи. Время, в течение которого совершаются эти превращения формы капитала, субъективно, с точки зрения капиталиста, является временем продажи и купли, временем, когда капиталист функционирует на рынке как продавец и покупатель. Время обращения капитала составляет необходимую часть времени его воспроизводства; точно так же время, в течение которого капиталист покупает и продает, когда он рыщет на рынке, составляет необходимую часть того времени, когда он функционирует как капиталист, т. е. как персонифицированный капитал. Оно составляет часть его делового времени.

{Так как мы приняли, что товары покупаются и продаются по их стоимостям, то при этих актах речь идет лишь о превращении одной и той же стоимости из одной формы в другую, из товарной формы в денежную форму и из денежной формы в товарную форму, — речь идет лишь о перемене состояния. Если товары продаются по их стоимостям, то величина стоимости остается неизменною в руках как покупателя, так и продавца; изменяется только форма ее существования. Если же товары продаются не по их стоимостям, то неизменной остается сумма претерпевших превращение стоимостей: то, что является плюсом для одной стороны, будет минусом для другой.

Но метаморфозы *Т — Д* и *Д — Т* являются торговыми сделками, которые совершаются между покупателем и продавцом; им требуется время, чтобы договориться, тем более, что здесь происходит борьба, в которой каждая сторона стремится нанести ущерб другой; друг против друга стоят дельцы, а «when greek meets greek then comes the tug of war» [«когда грек встречается с греком, происходит боевая схватка»]. Изменение состояния стоит времени и рабочей силы, но не для того чтобы создать стоимость, а для того чтобы совершить превращение стоимости из одной формы в другую. Дело нисколько не изменяется от взаимных стараний при-

своить себе при этом случае излишнее количество стоимости. Труд этот, злонамеренно преувеличиваемый обеими сторонами, точно так же не создает стоимости, как труд, затраченный на ведение судебного процесса, не увеличивает стоимости объекта тяжбы. Роль этого труда, являющегося необходимым моментом капиталистического процесса производства в его целом, причем последний заключает в себе и обращение или заключается в нем, — роль этого труда такая же, как, напр., роль работы, совершающейся при горении какого-нибудь вещества, которое употребляется, чтобы произвести теплоту. Эта работа горения не производит теплоты, хотя она является необходимым моментом процесса горения. Чтобы употребить, напр., уголь как топливо, я должен соединить его с кислородом и при этом перевести его из твердого состояния в газообразное (так как в углекислом газе, результате горения, уголь находится в виде газа), следовательно я должен произвести изменение физической формы существования или физического состояния. Новому соединению должно предшествовать отделение молекул углерода, соединенных в одно твердое тело, и распадение самих молекул углерода на их отдельные атомы. Все это стоит известной затраты энергии, которая, таким образом, не превращается в теплоту, а отнимается от нее. Поэтому, если товаровладельцы не капиталисты, а самостоятельные непосредственные производители, то время, употребляемое ими на куплю и продажу, представляет вычет из их рабочего времени. Вот почему они всегда старались (как в древности, так и в средние века) приурочивать такого рода операции к праздничным дням.

Размеры, которых превращение товаров достигает в руках капиталистов, конечно, не могут превратить этого труда, не создающего стоимости, опосредствующего лишь перемену формы стоимости, в труд, производящий стоимости. Чудо такого пресуществления труда столь же мало может совершиться и от перенесения, т. е. от того, что промышленные капиталисты, вместо того чтобы самим совершать эту «работу горения», превращают ее в исключительное занятие оплачиваемых ими третьих лиц. Конечно, эти третьи лица не предоставят в их распоряжение своей рабочей силы ради их прекрасных глаз. Во всяком случае для сборщика ренты, служащего у какого-нибудь землевладельца, или для служителя банка безразлично, что их труд ни на грош не увеличивает величины стоимости ни ренты, ни слитков золота, мешками переносимых в другой банк.}[10]

Купля и продажа становятся главной функцией капиталиста, заставляющего других работать на себя. Так как он присваивает продукт многих, присваивает его в широком общественном масштабе, то в таком же масштабе должен он продавать этот продукт,

[10] Находящееся в скобках взято из примечания в конце рукописи VIII.

а потом снова превращать из денег в элементы производства. Но, как и раньше, время купли и продажи не создает стоимости. Иллюзию вносит сюда функционирование торгового капитала. Но, если даже не входить в более детальное рассмотрение этого, само собою ясно, что, если какая-нибудь функция, сама по себе не производительная, но являющаяся необходимым моментом воспроизводства, вследствие разделения труда превращается из побочной функции многих в исключительную функцию немногих, в их особое занятие, от этого самый характер функций не изменится. Возможно, что купец (взятый здесь просто как агент превращения формы товаров, только как покупатель и продавец) своими операциями сокращает для *многих* производителей то время, которое они затрачивали на куплю и продажу. В таком случае его можно рассматривать как машину, уменьшающую бесполезную затрату силы или помогающую освободить время для производства[11].

Чтобы упростить вопрос (так как мы лишь позже рассмотрим купца как капиталиста и торговый капитал), мы примем, что агент для купли и продажи является человеком, продающим свой труд. Он расходует свою рабочую силу и свое рабочее время на эти операции *Т — Д* и *Д — Т*. Следовательно, он существует этим так же, как другой существует, напр., прядением или приготовлением пилюль. Он выполняет в процессе воспроизводства необходимую, ⟨хотя и непроизводительную функцию⟩, потому что самый процесс воспроизводства заключает в себе и непроизводительные функции. Он работает так же, как всякий другой, но содержание его труда не создает ни стоимости, ни продукта. Он сам относится к faux frais [непроизводительным издержкам] производства. Он приносит пользу не тем, что превращает непроизводительную функцию в производительную или непроизводительный труд в производительный. Было бы чудом, если бы подобное превращение могло совершиться вследствие такого перенесения функции

---

[11] «Торговые издержки, хотя и необходимые, следует рассматривать как убыточную трату» (*Quesnay:* «Analyse du Tableau Économique». In Daire, «Physiocrates», I часть, Paris 1846, стр. 71). По Кенэ, «прибыль», которую приносит конкуренция между торговцами благодаря тому, что вынуждает их «довольствоваться меньшим вознаграждением, или барышом..., есть, строго говоря, не что иное, *как предотвращение потери (privation de perte)* для продавца из первых рук и для покупщика-потребителя. Предотвращение же потери не представляет собой *реального продукта* или прироста богатства, полученного с помощью торговли, если только рассматривать ее как простой обмен, независимо от расходов на перевозку или же совместно с ними» (стр. 145—146). [Ср. *Кенэ:* «Выбранные места». Сборник. Изд. 1896 г. «О торговле», стр. 150.] «Издержки торговли всегда оплачиваются за счет продавца продуктов, который получал бы всю цену, даваемую за них покупателями, если бы не было промежуточных расходов» (163). Собственники и производители являются «salariants» — оплачивающие; купцы — «salariés», оплачиваемые, состоящие в найме (стр. 164) (*Quesnay:* «Problèmes économiques», in Daire, «Physiocrates», I часть, Paris 1846).

от одного лица к другому. Напротив, он приносит пользу тем, что благодаря его деятельности менее значительная часть рабочей силы и рабочего времени общества уходит на эту непроизводительную функцию. Более того, предположим, что он просто наемный рабочий, хотя бы и лучше оплачиваемый. Как бы ни оплачивался его труд, часть своего времени он как наемный рабочий работает даром. Может быть, он получает ежедневно стоимость, создаваемую в восемь часов, а работает в продолжение десяти. Два часа выполняемого им прибавочного труда так же не производят стоимости, как и его восемь часов необходимого труда, хотя вследствие этого необходимого труда к нему переходит часть общественного продукта. Во-первых, теперь, как и прежде, если рассматривать в общественном разрезе, рабочая сила в продолжение всех десяти часов расходуется только на эту функцию обращения. Она употребляется не на что-либо иное, не на производительный труд. Но, во-вторых, общество не оплачивает этих двух часов прибавочного труда, хотя они и были затрачены лицом, работавшим в продолжение этого времени. Обществу это не дает никакого дополнительного продукта или дополнительной стоимости. Но издержки обращения, представителем которых является это лицо, уменьшаются на одну пятую: с десяти часов до восьми. Общество не уплачивает никакого эквивалента за пятую часть того действительного времени обращения, агентом которого является данное лицо. Но если этих агентов применяет капиталист, то неоплаченные два часа уменьшают издержки обращения *его* капитала, составляющие вычет из его дохода. Для него — это положительный выигрыш, так как отрицательные границы увеличения стоимости его капитала суживаются. Пока мелкие самостоятельные товаропроизводители тратят часть своего собственного времени на куплю и продажу, оно представляет или время, затрачиваемое лишь в промежутки их производительной деятельности, или время, отнимаемое от их времени производства.

При всех обстоятельствах время, употребляемое на это, представляет издержки обращения, ничего не прибавляющие к совершающим свое превращение стоимостям. Это — издержки, необходимые для того, чтобы превратить стоимости из товарной формы в денежную форму. Поскольку капиталистический товаропроизводитель является агентом обращения, он отличается от непосредственного товаропроизводителя лишь тем, что продает и покупает в более крупных размерах, а потому в более крупном масштабе функционирует как агент обращения. Но если размер предприятия принуждает его или позволяет ему покупать (нанимать) особых агентов обращения как наемных рабочих, то сущность дела от этого не меняется. Рабочая сила и рабочее время должны быть до известной степени затрачены на процесс обращения (поскольку он является простой переменой формы). Но теперь эта затрата

представляется дополнительной затратой капитала; часть переменного капитала приходится затрачивать на покупку этих рабочих сил, функционирующих лишь в сфере обращения. Такое авансирование капитала не создает ни продукта, ни стоимости. Оно уменьшает pro tanto размеры, в которых авансированный капитал функционирует производительно. Это равносильно тому, как если бы часть продукта была превращена в машину, которая покупала бы и продавала бы остальную часть продукта. Эта машина представляет собою вычет из продукта. Она не содействует процессу производства, хотя может уменьшить расходуемую на обращение рабочую силу и т. д. Она составляет просто часть издержек обращения.

2. Ведение книг.

Помимо действительных покупок и продаж, рабочее время расходуется на ведение книг, на которое, кроме того, идет и овеществленный труд: перья, чернила, бумага, конторка, издержки на контору. Следовательно, на эту функцию расходуется, с одной стороны, рабочая сила, с другой — средства труда. Здесь дело обстоит совершенно так же, как с временем, употребляемым на куплю и продажу.

Капитал, как единство в своих кругооборотах, как находящаяся в движении стоимость, пребывает ли она в сфере производства или в двух фазах сферы обращения, — капитал, как такое единство, существует только идеально, в виде счетных денег прежде всего в голове товаропроизводителя или капиталистического товаропроизводителя. Ведением счетных книг, куда относится и определение цен или исчисление товарных цен (калькуляция), движение это фиксируется и контролируется. Таким образом движение производства и в особенности возрастание стоимости, — причем товары фигурируют лишь как носители стоимости, как названия вещей, идеальное существование которых как стоимостей фиксируется в счетных деньгах, — получает символическое изображение в представлении. Пока отдельный товаропроизводитель ведет свою счетную книгу только у себя в голове (как, напр., крестьянин; только капиталистическое земледелие производит фермера, который ведет счетную книгу) или же ведет книгу своих расходов и доходов, сроков платежей и т. д. лишь между прочим, в свободное от производства время, до тех пор ясно, что эта функция и потребляемые на нее средства труда, как, напр., бумага и т. п., являются дополнительной затратой рабочего времени и средств труда, правда, необходимых, но представляющих собою вычет как из времени, которое он мог бы употребить производительно, так и из средств труда, функционирующих в действительном процессе производства, принимающих участие в образовании про-

дукта и стоимости[12]. Природа самой функции не изменяется ни вследствие того размера, который она приобретает потому, что концентрируется в руках капиталистического товаропроизводителя и из функции многих мелких товаропроизводителей становится функцией *одного* капиталиста, функцией в процессе производства крупных размеров; не изменяется она ни вследствие отделения ее от производительных функций, придатком к которым она была, ни вследствие ее выделения в самостоятельную функцию особых агентов, которым она исключительно поручается.

Разделение труда, выделение какой-либо функции в самостоятельную еще не делает из нее функции, производящей продукт и стоимость, если она не была таковой сама по себе, следовательно до того времени, когда она достигла самостоятельности. Капиталист, вновь вкладывающий свой капитал, должен употребить часть капитала на наем бухгалтера и т. д. и на покупку средств для ведения книг. Если капитал его уже функционирует, находится в постоянном процессе своего воспроизводства, то капиталист, превращая часть товарного продукта в деньги, должен постоянно обратно превращать эту часть товарного продукта в бухгалтера, конторщиков и т. п. Эта часть капитала отвлекается от процесса производства и принадлежит к издержкам обращения, к вычетам из общей выручки. (То же следует сказать о самой рабочей силе, которая применяется исключительно для этой функции.)

Все же есть некоторая разница между издержками по ведению книг, т. е. непроизводительной затратой на это рабочего времени, с одной стороны, и издержками времени просто на куплю и продажу — с другой стороны. Последние вытекают лишь из определенной общественной формы процесса производства, из того, что это — процесс производства товаров. Ведение книг как средство контроля и мысленного обобщения этого процесса становится тем необходимее, чем более процесс совершается в общественном масштабе и утрачивает чисто индивидуальный характер. Таким образом ведение книг более необходимо при капиталистическом производстве, чем при раздробленном ремесленном и крестьянском производстве, оно более необходимо при общественном производстве, чем при капиталистическом. Но издержки

[12] В средние века мы находим ведение книг в сельском хозяйстве только в монастырях. Однако мы видели (книга I), что уже в древнеиндийских общинах фигурирует бухгалтер для земледелия. Ведение книг выделено здесь в исключительную функцию должностного лица общины. Таким разделением труда сберегаются время, труд и издержки, но производство и ведение книг относительно производства остаются такими же различными вещами, как нагрузка кораблей и составление квитанции на груз. В лице бухгалтера часть рабочей силы общины отвлечена от производства, и издержки, связанные с его деятельностью, возмещаются не его собственным трудом, а вычетом из общинного продукта. С бухгалтером капиталиста дело обстоит mutatis mutandis как с бухгалтером индийской общины. (Из рукописи II.)

по ведению книг сокращаются с концентрацией производства и сокращаются тем больше, чем больше оно превращается в общественное счетоводство.

Речь идет здесь лишь об общем характере издержек обращения, проистекающих только из метаморфозы форм. Здесь излишне входить во все детальные формы этих издержек. Но насколько эти ⟨функции⟩, относящиеся к области чистого превращения форм и вытекающие, следовательно, из определенной общественной формы процесса производства, функции, которые для индивидуального товаропроизводителя являются лишь мимолетными и едва заметными моментами и протекают наряду с его производительными функциями или переплетаются с ними, — насколько они могут поражать взор, когда выступают как массовые издержки обращения, — это видно на примере простого приема и выдачи денег, когда эти операции обособляются и концентрируются в крупном масштабе в качестве исключительной функции банка и т. д. или кассира в индивидуальном предприятии. Но следует твердо запомнить, что эти издержки обращения, изменяя свой вид, не изменяют своего характера.

3. Деньги.

Производится ли какой-либо продукт как товар или не как товар, он всегда является вещественной формой богатства, потребительной стоимостью, предназначенной для личного или производительного потребления. Его стоимость как товара идеально существует в цене, которая ничего не изменяет в его действительной потребительной форме. То обстоятельство, что определенные товары, как золото и серебро, функционируют в качестве денег и как таковые пребывают исключительно в процессе обращения (даже в виде сокровища, резерва и т. д. они остаются, хотя и в скрытом виде, в сфере обращения), является всецело продуктом определенной общественной формы процесса производства, процесса производства товаров. Так как на основе капиталистического производства товар становится всеобщей формой продукта; так как подавляющая масса продукта производится как товар и потому должна принимать форму денег; так как, следовательно, масса товаров, т. е. та часть общественного богатства, которая функционирует как товар, беспрерывно растет, — то здесь увеличивается и количество золота и серебра, функционирующих в качестве средств обращения, средств платежа, резерва и т. д. Товары эти, функционирующие как деньги, не входят ни в индивидуальное, ни в производительное потребление. Это — общественный труд, фиксированный в такой форме, в которой он служит только как машина для обращения. Кроме того, что часть общественного богатства удерживается в этой непроизводительной

форме, снашивание денег требует постоянного возмещения их или превращения все большего количества общественного труда, в форме продукта, в бо́льшие количества золота и серебра. Эти издержки возмещения достигают значительных размеров у капиталистически развитых наций, так как часть богатства, находящаяся в форме денег, вообще обширна. Золото и серебро как денежные товары представляют для общества издержки обращения, вытекающие лишь из общественной формы производства. Это — faux frais [непроизводительные издержки] товарного производства вообще, возрастающие с развитием товарного производства и, в особенности, капиталистического производства. Это — часть общественного богатства, которую приходится приносить в жертву процессу обращения [13].

II. ИЗДЕРЖКИ ХРАНЕНИЯ.

Издержки обращения, вытекающие из простого изменения формы стоимости, из обращения, рассматриваемого в чистом виде, не входят в стоимость товаров. Затрачиваемые таким образом части капитала являются ⟨простыми вычетами из производительно затрачиваемого капитала, поскольку мы имеем в виду капиталиста, и непроизводительно затраченной рабочей силой, если рассматривать все общество⟩. Иную природу имеют те издержки обращения, которые мы сейчас рассмотрим. Они могут обусловливаться процессами производства, которые только продолжаются в обращении и производительный характер которых, следовательно, лишь затушевывается формой обращения. С другой стороны, с общественной точки зрения, они могут быть чистыми издержками, непроизводительным расходованием живого или овеществленного труда, но именно как раз благодаря этому могут действовать таким образом, что создают стоимость для индивидуальных капиталистов, образуют накидку к продажной цене их товара. Это следует уже из того, что такие издержки различны в различных сферах производства, а иногда различны и для различных индивидуальных капиталов в пределах одной и той же сферы производства. Образуя накидку к цене товара, они распределяются сообразно с тем, в каком размере падают на индивидуальных капиталистов. Но всякий труд, присоединяющий стоимость, может

---

[13] «Обращающиеся в стране деньги представляют собою известную часть капитала страны, абсолютно изъятую из производства для того чтобы облегчить или увеличить производительность остальной части; следовательно, известная сумма богатства так же необходима для того чтобы золото могло играть роль средства обращения, как она необходима для того чтобы сделать машину с целью облегчения какого-либо другого производства» («Economist», т. V, стр. 520).

прибавлять и прибавочную стоимость и на основе капиталистического производства всегда будет присоединять прибавочную стоимость, потому что создаваемая им стоимость зависит от его собственной величины, а создаваемая им прибавочная стоимость — от степени, в которой капиталист оплачивает его. Таким образом издержки, которые удорожают товар, ничего не прибавляя к его потребительной стоимости, и принадлежат, с точки зрения общества, к faux frais [непроизводительным издержкам] производства, могут составлять источник обогащения для индивидуальных капиталистов. С другой стороны, эти издержки обращения не утрачивают характера непроизводительных издержек от того, что надбавка, которую они присоединяют к цене товаров, лишь равномерно распределяет эти издержки. Так, напр., страховые общества распределяют потери индивидуальных капиталистов между всем классом капиталистов. Однако это не препятствует потерям, уравниваемым таким способом, попрежнему оставаться потерями по отношению ко всему общественному капиталу.

1. Образование запаса вообще.

В то время как продукт существует в виде товарного капитала или пребывает на рынке, т. е. все промежуточное время между процессом производства, из которого он выходит, и процессом потребления, в который он входит, он образует товарный запас. В качестве товара на рынке, а следовательно в виде запаса, товарный капитал дважды появляется в каждом кругообороте: один раз как товарный продукт того самого находящегося в движении капитала, кругооборот которого рассматривается; другой раз, напротив, как товарный продукт другого капитала, как продукт, который должен находиться на рынке, чтобы его можно было купить и превратить в производительный капитал. Возможно, конечно, что этот последний товарный капитал производится только по заказу. Тогда наступает перерыв на все то время, пока он производится. Но ход процесса производства и воспроизводства требует, чтобы известная масса товаров (средств производства) постоянно находилась на рынке и, следовательно, составляла запас. Так же точно производительный капитал включает закупку рабочей силы, и денежная форма является здесь лишь формой стоимости жизненных средств, бо́льшую часть которых рабочему приходится находить на рынке. В этом параграфе мы более подробно остановимся на этом вопросе. Но здесь уже ясно следующее. Если исходить из точки зрения находящейся в движении капитальной стоимости, которая превратилась в товарный продукт и теперь должна быть продана, т. е. обратно превращена в деньги, которая, следовательно, функционирует теперь на рынке в качестве товарного капитала, то такое состояние товарного капитала, при кото-

ром он образует запас, представляет собою нецелесообразное, вынужденное пребывание на рынке. Чем быстрее совершается продажа, тем быстрее протекает процесс воспроизводства. Задержка в превращении формы $Т' — Д'$ препятствует действительному обмену веществ, который должен совершиться в кругообороте капитала, и дальнейшему функционированию последнего в качестве производительного капитала. С другой стороны, постоянное наличие товара на рынке, товарный запас, является по отношению к $Д — Т$ условием, без которого не может протекать ни процесс воспроизводства, ни применение нового или дополнительного капитала.

Для того чтобы товарный капитал мог оставаться на рынке как товарный запас, требуются различные постройки, магазины, хранилища товаров, товарные склады, требуется, следовательно, затрата постоянного капитала, а также оплата рабочей силы, необходимой для того чтобы складывать товары в хранилища. Кроме того, товары портятся и подвергаются вредным стихийным влияниям. Чтобы предохранить их от этого, приходится затрачивать добавочный капитал частью на средства труда в предметной форме, частью на рабочую силу [14].

Итак, пребывание капитала в его форме товарного капитала, а следовательно в виде товарного запаса, вызывает издержки, которые принадлежат не к сфере производства, ⟨а к сфере обращения⟩ и поэтому считаются издержками обращения. Эти издержки обращения отличаются от приведенных под пунктом I тем, что они в известной степени входят в стоимость товаров и, следовательно, удорожают товары. Во всяком случае капитал и рабочая сила, служащие для содержания и хранения товарного запаса, отнимаются у непосредственного процесса производства. С другой стороны, капиталы, вложенные сюда, включая и рабочую силу как составную часть капитала, должны быть возмещены из общественного продукта. Поэтому затрата их действует так же, как уменьшение производительной силы труда, так что для получения определенного полезного эффекта требуется большее количество капитала и труда. Это — *дополнительные издержки.*

Поскольку издержки обращения, обусловленные образованием товарного запаса, вытекают лишь из продолжительности

---

[14] Корбет в 1841 г. высчитывал издержки по хранению пшеницы в продолжение сезона в 9 месяцев; она утрачивает $^1/_2$% своего количества, 3% на проценты под цену пшеницы, 2% за наем складов, 1% ссыпка и провозная плата, $^1/_2$% на труд по выгрузке, итого 7%, или, при цене пшеницы в 50 шиллингов, 3 шилл. 6 пенсов на квартер (*Th. Corbet:* «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals etc.». London 1841 [стр. 140]). По показаниям ливерпульских купцов, данным перед железнодорожной комиссией, (чистые) непроизводительные издержки по хранению хлеба составляли в 1865 г. 2 пенса за квартер, или 9—10 пенсов за тонну в месяц («Royal Commission on Railways», 1867, Evidence, стр. 19, № 331).

периода, в течение которого имеющиеся в наличии стоимости превращаются из товарной формы в денежную форму, следовательно поскольку издержки обращения вытекают лишь из определенной общественной формы процесса производства (только из того, что продукт производится как товар и потому должен проделать превращение в деньги), постольку они по своему характеру совпадают с издержками обращения, перечисленными под пунктом I. С другой стороны, стоимость товаров при этом сохраняется или увеличивается только потому, что потребительная стоимость, самый продукт, ставится в такие определенные предметные условия, которые вызывают затрату капитала, и подвергается операциям, посредством которых на потребительные стоимости действует добавочный труд. Напротив, исчисление товарных стоимостей, ведение книг, регистрирующих этот процесс, операции по купле и продаже не действуют на потребительную стоимость, в которой существует товарная стоимость. Эти издержки имеют отношение лишь к форме товарной стоимости. В предположенном случае эти дополнительные издержки по образованию запаса (которое в данном случае является вынужденным) вытекают только из задержки в превращении формы и из необходимости этого последнего; несмотря на то, они все же отличаются от дополнительных издержек, рассмотренных под пунктом I, тем, что целью их является не превращение формы стоимости, а сохранение стоимости, которая существует в товаре как в продукте, как в потребительной стоимости и которая поэтому может быть сохранена только посредством сохранения продукта, сохранения самой потребительной стоимости. Потребительная стоимость здесь не повышается и не увеличивается. Напротив, она уменьшается. Но уменьшение ее ставится в известные пределы, и она сохраняется. Существующая в товаре авансированная стоимость здесь тоже не повышается, но к ней присоединяется новый труд, как овеществленный, так и живой.

Далее, необходимо рассмотреть, насколько эти издержки обязаны своим происхождением своеобразному характеру товарного производства вообще и товарного производства в его всеобщей абсолютной форме, т. е. капиталистического товарного производства; насколько, с другой стороны, они присущи всякому общественному производству, а здесь только при капиталистическом производстве принимают особый вид, особую форму проявления.

А. Смит стоял на той неосновательной точке зрения, что образование запаса является одной из характерных особенностей капиталистического производства [15]. Более поздние экономисты, как, напр., Лалор, наоборот, утверждают, что с развитием капиталистического производства образование запаса уменьшается. Сисмонди видит даже в этом теневую сторону последнего.

---

[15] Book II. Introduction.

В действительности запас существует в трех формах: в форме производительного капитала, в форме фонда индивидуального потребления и в форме товарного запаса, или товарного капитала. Когда увеличивается запас в одной форме, то запас в другой форме относительно уменьшается, хотя по своей абсолютной величине он может одновременно возрастать во всех трех формах.

Само собою ясно, что там, где производство непосредственно направлено на удовлетворение собственной потребности, где лишь в незначительной степени продукт производится для обмена или продажи, где, следовательно, общественный продукт совсем не принимает формы товара или принимает ее лишь в небольшой своей части, там запас в форме товара, или товарный запас, образует лишь незначительную и незаметную часть богатства. Что касается фонда потребления, то он здесь относительно велик, особенно фонд собственно жизненных средств. Достаточно напомнить только старинное крестьянское хозяйство. Преобладающая часть продукта превращается здесь непосредственно, не образуя товарного запаса — именно потому, что она остается в руках своего владельца, — в запасные средства производства или запасные жизненные средства. Она не принимает формы товарного запаса, и именно поэтому, по мнению Смита, в обществах, основанных на таком способе производства, не существует никакого запаса. А. Смит смешивает форму запаса с самим запасом и думает, что общество до сих пор жило изо дня в день, полагаясь на случайности завтрашнего дня[16]. Это — наивное недоразумение.

Запас в форме производительного капитала существует в форме средств производства, находящихся уже в процессе производства или, по меньшей мере, в руках производителя, т. е. в скрытом виде уже в процессе производства. Мы видели раньше, что с развитием производительности труда, а следовательно и с развитием

---

[16] А. Смит воображает, что образование запаса вытекает лишь из превращения продукта в товар и потребительного запаса в товарный запас. В действительности же эта перемена формы вызывает сильнейшие кризисы в хозяйстве производителей во время перехода от производства для собственного потребления к товарному производству. В Индии сохранился, напр., до последнего времени «обычай складывать в амбары большие количества хлеба, за который в годы изобильного урожая немного можно было бы выручить» (Return. Bengal and Orissa Famine. H. of C. 1867, I, стр. 230, № 74). Внезапно усилившийся вследствие американской гражданской войны спрос на хлопок, джут и т. д. вызвал во многих частях Индии сильное сокращение возделывания риса, повышение цен на рис и продажу старых запасов риса производителями. К этому в 1864—1866 гг. присоединился беспримерный вывоз риса в Австралию, Мадагаскар и т. д. Отсюда острый характер голода 1866 г., который в одном лишь округе Орисса унес 1 миллион человек (l. с., 174, 175, 213, 214 и III: «Papers relating to the Famine in Behar», стр. 32, 33, где в числе причин голода отмечается «истощение старых запасов»). (Из рукописи II.)

капиталистического способа производства, развивающего общественную производительную силу труда более, чем все прежние способы производства, постоянно возрастает масса средств производства, раз навсегда вошедших в форме средств труда в процесс производства и постоянно снова и снова функционирующих в нем в течение более или менее продолжительного периода времени (постройки, машины и т. д.); мы видели также, что рост этих средств производства является как предпосылкой, так и следствием развития общественной производительной силы труда. Не только абсолютный, но и относительный рост богатства в этой форме (ср. книга I, глава XXIII, 2) прежде всего характерен для капиталистического способа производства. Вещественные формы существования постоянного капитала, средства производства, состоят не только из такого рода средств труда, но также из материала труда на самых различных ступенях его обработки и из вспомогательных материалов. Вместе с масштабом производства и с повышением производительной силы труда посредством кооперации, разделения труда, применения машин и т. д. увеличивается и масса сырья, вспомогательных материалов и т. д., входящих в ежедневный процесс воспроизводства. Эти элементы должны быть налицо на месте производства. Таким образом размеры этого запаса, существующего в форме производительного капитала, абсолютно возрастают. Чтобы процесс производства протекал непрерывно — совершенно независимо от того, возобновляется ли этот запас ежедневно или в определенные сроки, — необходимо, чтобы на месте производства постоянно имелся в наличии больший запас сырья и т. д., чем его потребляется, напр., ежедневно или еженедельно. Непрерывность процесса требует, чтобы наличие необходимых для него условий не зависело ни от возможных перерывов при ежедневных закупках, ни от того, что товарный продукт продается ежедневно или еженедельно и вследствие этого только нерегулярно может превращаться обратно в элементы его производства. Между тем очевидно, что производительный капитал в весьма различных размерах может быть в скрытом состоянии, или составлять запас. Например, большая разница, должен ли фабрикант-прядильщик заготовить запас хлопка или угля на три или на один месяц. Таким образом возможно, что этот запас относительно уменьшается, хотя абсолютно он увеличивается.

Это зависит от различных условий, которые по существу все сводятся к большей скорости, регулярности и надежности, с которыми может быть доставлена масса сырья, необходимая для того, чтобы никогда не произошло перерыва в процессе производства. Чем меньше соблюдены эти условия, чем, следовательно, меньше надежность, регулярность и быстрота доставки, тем значительнее должна быть у производителя скрытая часть производительного капитала, т. е. еще ожидающий своей обработки запас сырья и т. д.

Эти условия, а следовательно и размеры самого запаса в этой форме, стоят в обратном отношении к уровню развития капиталистического производства, а потому и производительной силы общественного труда.

Между тем то, что здесь представляется уменьшением запаса (напр., для Лалора), отчасти является лишь уменьшением запаса в форме товарного капитала, или собственно товарного запаса. Это, следовательно, лишь изменение формы того же запаса. Если, напр., количество угля, ежедневно производимого в данной стране, велико, если, следовательно, размеры и энергия угольного производства велики, то фабриканту-прядильщику не требуется больших складов угля, чтобы обеспечить непрерывность своего производства. Подвоз угля, который постоянно и правильно возобновляется, делает это излишним. Во-вторых, быстрота, с которой продукт одного процесса может перейти в качестве средств производства в другой, зависит от развития средств транспорта и сношений. Дешевизна транспорта играет при этом большую роль. Постоянно возобновляемый подвоз, напр., угля из копей к прядильне обошелся бы дороже, чем снабжение более значительным количеством угля на более долгий промежуток времени при относительно дешевом транспорте. Оба эти обстоятельства, рассмотренные до сих пор, обусловливаются самым процессом производства. В-третьих, влияние оказывает развитие кредитной системы. Чем в меньшей зависимости находится прядильщик при возобновлении своих запасов хлопка, угля и т. д. от непосредственной продажи своей пряжи, — а чем развитее система кредита, тем меньше эта непосредственная зависимость, — тем меньшей может быть относительная величина этих его запасов, чтобы обеспечить безостановочное производство пряжи в данном масштабе, чтобы сделать его независимым от случайностей продажи пряжи. Но, в-четвертых, многие виды сырья, полуфабрикаты и т. д. требуют для своего производства более продолжительных периодов времени. Это в особенности относится ко всем видам сырья, которые доставляет земледелие. Следовательно, чтобы не произошло перерыва в процессе производства, должен существовать определенный запас таких материалов на весь период времени, в который новый продукт не может заместить старого. Если этот запас уменьшается в руках промышленного капиталиста, то это только означает, что он увеличивается в форме товарного запаса в руках купца. Развитие средств транспорта позволяет, напр., быстро перевозить из Ливерпуля в Манчестер хлопок, лежащий в гавани, в которую он ввозится. Таким образом фабрикант может, смотря по потребности, возобновлять относительно небольшими частями свой запас хлопка. Но зато тем бо́льшая масса этого самого хлопка будет находиться в виде товарного запаса в руках ливерпульских торговцев. Следовательно, здесь происходит только изменение формы

запаса, что упускают из виду Лалор и др. А если взять общественный капитал, то в обоих случаях одно и то же количество продукта существует в форме запаса. С развитием средств транспорта для отдельной страны уменьшаются размеры той необходимой массы, которая должна быть заготовлена в виде запаса, напр., на год. Если между Америкой и Англией совершают свои рейсы многочисленные пароходы и парусные суда, то в Англии можно будет чаще возобновлять запас хлопка, и таким образом уменьшается среднее количество того запаса хлопка, который должен лежать в Англии. Так же точно влияет развитие мирового рынка и связанное с ним увеличение количества источников получения одного и того же продукта. Продукт ввозится по частям из различных стран и в различные сроки.

2. *Собственно товарный запас.*

Мы уже видели, что на основе капиталистического производства товар становится всеобщей формой продукта и становится тем больше, чем больше это производство развивается по размерам и в глубину. Следовательно, даже при неизменных размерах производства часть продукта, существующая в виде товара, становится значительно больше, чем была при прежних способах производства или при капиталистическом способе производства на более низкой ступени развития. Но всякий товар, следовательно и всякий товарный капитал, который тоже представляет собою только товар, являющийся формой существования капитальной стоимости, — всякий товар, если он непосредственно не переходит из сферы своего производства в сферу производительного или индивидуального потребления, т. е. всякий товар, пока он находится на рынке, образует элемент товарного запаса. Поэтому с развитием капиталистического производства, хотя бы размеры производства оставались прежние, возрастает и товарный запас сам по себе (т. е. возрастает обособление и закрепление товарной формы продукта). Мы уже видели, что это — лишь изменение формы запаса: на одной стороне запас в товарной форме увеличивается только потому, что на другой стороне, в форме прямого запаса для производства или потребления, он уменьшается. Это — лишь измененная общественная форма запаса. Если вместе с тем возрастает не только относительная величина товарного запаса по сравнению со всем общественным продуктом, а также и его абсолютная величина, то это происходит потому, что с развитием капиталистического производства возрастает и масса всего продукта.

С развитием капиталистического производства масштаб производства все в меньшей степени определяется непосредственным спросом на продукт и все в большей степени определяется разме-

рами капитала, которым располагает индивидуальный капиталист, стремлением его капитала к возрастанию по своей стоимости и необходимостью в том, чтобы его процесс производства шел непрерывно и расширялся. Вместе с тем в каждой отдельной отрасли производства необходимо возрастает масса продукта, которая находится на рынке в виде товара или ищет сбыта. Растет масса капитала, фиксированная на более или менее продолжительное время в форме товарного капитала. Поэтому возрастает товарный запас.

Наконец, бо̀льшая часть общества превращается в наемных рабочих, в людей, которые живут изо дня в день, получают свою заработную плату еженедельно и ежедневно расходуют ее, которые, следовательно, должны находить средства к жизни в виде запаса. Как бы ни сменялись отдельные элементы этого запаса, во всякое время часть их должна оставаться без движения, чтобы весь запас мог всегда оставаться в движении.

Все эти моменты вытекают из формы производства и предполагаемого ею превращения формы, которое продукт должен проделать в процессе обращения.

Какова бы ни была общественная форма запаса продуктов, его сохранение требует издержек: построек, вместилищ и т. д., являющихся хранилищами продукта; требует также, смотря по природе продукта, больше или меньше труда и средств производства, которые приходится затрачивать для предотвращения вредных влияний. Чем выше общественная концентрация запасов, тем относительно меньше становятся эти расходы. Эти затраты всегда составляют часть общественного труда в овеществленной или живой форме, — следовательно, в капиталистическом производстве они представляют затраты капитала, — которые не принимают участия в создании продукта и потому являются вычетом из продукта. Они необходимы, эти дополнительные издержки общественного богатства. Это — издержки по сбережению общественного продукта, вытекает ли существование последнего в виде элемента товарного запаса лишь из общественной формы производства, следовательно из товарной формы и ее необходимых превращений, или же мы будем рассматривать товарный запас только как специальную форму запаса продуктов, присущего всем обществам, хотя бы такой запас не имел формы *товарного* запаса, этой формы запаса продуктов, относящейся к процессу обращения.

Теперь спрашивается, в какой мере эти издержки входят в стоимость товаров?

Когда капиталист свой капитал, авансированный на средства производства и рабочую силу, превратит в продукт, в предназначенную к продаже массу готовых товаров, и она остается на складах непроданной, то на соответствующее время останавливается не только процесс возрастания его капитала по стоимости. Расходы по хранению этого запаса в строениях, а также

расходы на добавочный труд и т. д. составляют прямую потерю. Покупатель, который явился бы, наконец, осмеял бы его, если бы капиталист сказал: мой товар не был куплен в продолжение шести месяцев, и сохранение его в продолжение этих шести месяцев не только заставило лежать праздно такое-то количество моего капитала, но, кроме того, причинило x дополнительных издержек. Tant pis pour vous [тем хуже для вас], скажет покупатель. Рядом с вами есть другой продавец, товар которого изготовлен лишь третьего дня. Ваш товар — залежь и, вероятно, более или менее попорчен временем. Поэтому вы должны продавать дешевле, чем ваш соперник. — Условия существования товара ничуть не изменяются от того, является ли товаропроизводитель действительным производителем своего товара или капиталистическим производителем, т. е. по существу лишь представителем действительных производителей. Он должен превратить свою вещь в деньги. Дополнительные издержки, причиненные ему фиксированием ее в товарной форме, относятся к области его личных дел, до которых его покупателю нет никакого дела. Последний не оплачивает ему времени обращения его товара. Даже в тех случаях, когда капиталист преднамеренно задерживает свой товар вне рынка во время действительной или ожидаемой революции в стоимости, — и в таких случаях лишь от действительного наступления этой революции, — от правильности или неправильности его спекуляции зависит, реализует ли он свои дополнительные издержки. Но революция в стоимости не является следствием его добавочных издержек. Итак, поскольку образование запаса представляет собою приостановку обращения, вызванные этим дополнительные издержки не прибавляют к товару никакой стоимости. С другой стороны, никакой запас не может существовать без пребывания в сфере обращения, без более или менее продолжительного пребывания капитала в его товарной форме; следовательно, невозможен запас без задержки обращения, — совершенно так же, как невозможно обращение денег без образования денежного резерва. Таким образом без товарного запаса невозможно товарное обращение. Если необходимость образования запаса не возникает для капиталиста в $T' — Д'$, то она появляется для него в $Д — T$; если не по отношению к его товарному капиталу, то по отношению к товарному капиталу других капиталистов, которые производят средства производства для него и жизненные средства для его рабочих.

Казалось бы, сущность дела не может измениться от того, происходит ли образование запаса добровольно или недобровольно, т. е. намеренно ли товаропроизводитель держит запас или же его товары образуют запас вследствие того сопротивления, которое условия самого процесса обращения оказывают продаже товара. Все же для разрешения этого вопроса полезно знать, чем

отличается добровольное образование запаса от недобровольного. Недобровольное образование запаса вытекает из заминки в обращении или тожественно с заминкой обращения, не зависящей от предвидения капиталиста и противоречащей его воле. Что характеризует добровольное образование запаса? В обоих случаях продавец старается возможно скорее сбыть свой товар. Он постоянно предлагает продукт как товар. Если он воздержится от продажи, то продукт образует лишь возможный (δυνάμει), а не действительный (ἐνεργείᾳ) элемент товарного запаса. И в том и в другом случае товар как таковой является для него лишь носителем меновой стоимости, и в этом своем качестве он может действовать лишь посредством и после сбрасывания с себя товарной формы, после того как он примет денежную форму.

Товарный запас должен достигать известных размеров, чтобы в течение данного периода удовлетворять размерам спроса. При этом приходится рассчитывать на постоянное расширение круга покупателей. Например, чтобы быть достаточной на день, часть находящихся на рынке товаров должна постоянно задерживаться в товарной форме, в то время как другая течет, превращается в деньги. Притом та часть, которая застаивается, — в то время как другая течет, — постоянно уменьшается, как уменьшаются размеры самого запаса, пока он весь не будет распродан. Таким образом задержка товаров здесь принята в расчет как необходимое условие продажи товара. Далее, размеры его должны быть больше, чем средние размеры продажи или средние размеры спроса. Иначе излишек над средним размером спроса не мог бы найти удовлетворения. С другой стороны, запас должен постоянно возобновляться, так как он постоянно расходуется. Это возобновление в последнем счете осуществляется лишь посредством производства, подвоза товара. Получается ли этот последний из-за границы или нет, это нисколько не меняет дела. Возобновление зависит от продолжительности времени, требующегося на воспроизводство товаров. Товарного запаса должно хватить на все это время. То обстоятельство, что он не остается в руках первоначальных производителей, а проходит через различные хранилища, начиная с оптового торговца и до розничного торговца, меняет не существо дела, а лишь его внешнее проявление. С точки зрения общества в обоих случаях часть капитала остается в форме товарного запаса до тех пор, пока товар не вступит в сферу производительного или индивидуального потребления. Сам производитель старается иметь на складе товарный запас в количестве, соответствующем его среднему спросу, чтобы устранить непосредственную зависимость от производства и обеспечить себе постоянный круг покупателей. Соответственно периодам производства устанавливаются сроки покупок; в продолжение большего или меньшего времени товары образуют запас, пока их

не заменят новые экземпляры того же рода. Только посредством такого образования запаса обеспечивается постоянство и непрерывность процесса обращения, а потому и процесса воспроизводства, включающего в себя и процесс обращения.

Необходимо напомнить, что *Т' — Д'* может уже совершиться для производителей *Т*, хотя *Т* все еще находится на рынке. Если бы сам производитель захотел держать собственный товар у себя в складах до того времени, пока он не будет продан окончательному потребителю, то ему пришлось бы привести в движение двойной капитал: один как производителю товара, другой как торговцу. Для самого товара — рассматривать ли его как отдельный товар или как составную часть общественного капитала — дело совершенно не изменяется от того, падают ли издержки по образованию запаса на производителей товара или на ряд торговцев, начиная с *A* и кончая *Z*.

Поскольку товарный запас есть не что иное, как лишь товарная форма запаса, который при данном масштабе общественного производства, не существуя в форме запаса товарного, все равно существовал бы или как производительный запас (скрытый фонд производства), или как потребительный фонд (запас предметов потребления), постольку и издержки, вызываемые сохранением запаса, следовательно издержки по образованию запаса, — т. е. употребляемый с этой целью овеществленный или живой труд, — являются просто известной формой издержек по сохранению общественного производственного фонда или общественного фонда потребления. Повышение стоимости товара, вызываемое ими, только распределяет эти издержки pro rato [пропорционально] между различными товарами, так как они различны для различных видов товара. Издержки по образованию запаса попрежнему остаются вычетами из общественного богатства, хотя они и являются условием его существования.

Лишь поскольку товарный запас является условием товарного обращения и даже формой, необходимо возникающей в товарном обращении, следовательно поскольку этот кажущийся застой является формой самого движения, — подобно тому как образование денежного резерва есть условие денежного обращения, — лишь постольку этот застой является нормальным. Напротив, поскольку товары, задержавшиеся в резервуарах обращения, не освобождают места для следующей волны производства и, таким образом, резервуары переполняются, постольку товарный запас увеличивается вследствие заминки обращения, совершенно так же, как растут размеры сокровища, когда происходит заминка в обращении денег. При этом безразлично, происходит ли эта заминка в амбарах промышленных капиталистов или в складах торговца. В таком случае товарный запас является уже не условием непрерывной продажи, а следствием того обстоя-

тельства, что товары не удается продать. Издержки остаются те же, но так как теперь они вытекают исключительно из формы, именно из необходимости превратить товары в деньги, и из затруднительности этой метаморфозы, то они не входят в стоимость товара, а представляют собою вычет, потерю стоимости па реализации стоимости. Так как нормальная и аномальная формы запаса по форме не отличаются одна от другой и обе представляют собою приостановку обращения, то эти явления могут быть приняты одно за другое. Самих агентов производства они могут ввести в заблуждение тем легче, что для производителя процесс обращения его капитала может протекать прежним порядком, хотя процесс обращения его товаров, перешедших в руки торговцев, остановился. Если увеличиваются размеры производства и потребления, то, при прочих равных условиях, увеличивается и товарный запас. Он обновляется и поглощается с прежней скоростью, но его размеры становятся больше. Таким образом объем товарного запаса, непомерно вздутый вследствие остановки обращения, может быть ошибочно принят за симптом расширения процесса воспроизводства; эта ошибка становится в особенности возможной, когда с развитием системы кредита действительное движение может мистифицироваться.

Издержки по образованию запаса состоят из 1) количественного уменьшения массы продукта (как, напр., при запасе муки); 2) порчи качества; 3) овеществленного или живого труда, которого требует сохранение запаса.

III. ТРАНСПОРТНЫЕ ИЗДЕРЖКИ.

Здесь нет необходимости входить во все детали издержек обращения, каковы, напр., упаковка, сортировка и т. д. Общий закон заключается в том, *что все издержки обращения, вытекающие лишь из превращения формы товара, не прибавляют к нему никакой стоимости.* Это — просто издержки по реализации стоимости, или издержки, необходимые для того, чтобы перевести ее из одной формы в другую. Израсходованный на это капитал (включая и находящийся под управлением последнего труд) принадлежит к faux frais [непроизводительным издержкам] капиталистического производства. Возмещение этих издержек должно воспоследовать из прибавочного продукта и составляет, если рассматривать весь класс капиталистов, вычет из прибавочной стоимости или прибавочного продукта: совершенно так же, как то время, которое требуется рабочему для закупки жизненных средств, является для него потерянным временем. Но транспортные издержки играют слишком важную роль, и потому здесь необходимо несколько остановиться на них.

В кругообороте капитала и в процессе товарной метаморфозы, составляющей часть этого кругооборота, происходит обмен веществ общественного труда. Этот обмен веществ может обусловливать перемещение продуктов, их действительное передвижение с одного места на другое. Но обращение товаров может происходить и без их физического передвижения, перевозка продуктов — без товарного обращения и даже без непосредственного обмена продуктов. Дом, который *A* продает *B*, обращается как товар, но он стоит смирно на месте. Подвижные товарные стоимости, как, напр., хлопок или чугун, остаются попрежнему в товарном складе в то самое время, как они проделывают дюжины различных процессов обращения, покупаются и опять продаются спекулянтами[17]. В действительности здесь передвигается только титул собственности на вещь, а не самая вещь. С другой стороны, напр. в государстве инков, транспортная промышленность играла большую роль, хотя общественный продукт не обращался как товар и не распределялся посредством меновой торговли.

Поэтому, хотя транспортная промышленность на основе капиталистического производства представляется причиной издержек обращения, однако эта особенная форма их проявления нисколько не изменяет дела.

Количество продукта не увеличивается вследствие его перевозки. Все перемены, произведенные перевозкой в естественных свойствах продуктов, за некоторыми исключениями, не являются преднамеренным полезным эффектом, а неизбежным злом. Но потребительная стоимость предметов реализуется лишь в потреблении их, а это последнее может сделать необходимым их перемещение, следовательно дополнительный производственный процесс транспортной промышленности. Вложенный в последнюю производительный капитал присоединяет таким образом стоимость к транспортируемому продукту, частью вследствие перенесения стоимости средств транспорта, частью вследствие того, что стоимость присоединяется трудом на транспорте. Эта последняя прибавка стоимости распадается, как вообще при капиталистическом производстве, на возмещение заработной платы и на прибавочную стоимость.

Во всяком процессе производства большую роль играет перемещение предмета труда и необходимые для того средства труда и рабочие силы, — хлопок, напр., передвигается из кардировочной мастерской в прядильную, уголь подымается из шахты на поверхность. То же явление, но в большем масштабе, наблюдается при переходе готового продукта в виде готового товара из одного самостоятельного места производства в другое, пространственно отдаленное от него. За транспортировкой продуктов из

[17] Шторх называет такое обращение «factice» [искусственным].

одного места производства в другое следует также транспортировка готовых продуктов из сферы производства в сферу потребления. Продукт только тогда готов к потреблению, когда он закончит это передвижение.

Как было показано раньше, общий закон товарного производства таков: производительность труда стоит в обратном отношении к создаваемой им стоимости. Это относится к транспортной промышленности так же, как и ко всякой другой. Чем меньшее количество мертвого и живого труда требуется для перевозки товара на данное расстояние, тем выше производительная сила труда, и обратно[18].

Абсолютная величина стоимости, прибавляемая к товарам транспортом, при прочих равных условиях обратно пропорциональна производительной силе транспортной промышленности и прямо пропорциональна расстояниям, на которые товары передвигаются.

Относительная часть стоимости, которую издержки транспорта при прочих равных условиях присоединяют к цене товара, прямо пропорциональна протяжению и весу товара ⟨и обратно пропорциональна его стоимости⟩. Но существуют многочисленные модифицирующие обстоятельства. Перевозка требует, напр., более или менее серьезных мер предосторожности, а потому вызывает бо́льшую или меньшую затрату труда и средств труда, смотря по относительной ломкости, подверженности порче, взрывчатости продукта. В этой области железнодорожные магнаты развивают еще бо́льшую гениальность в изобретении фантастических видов, чем ботаники или зоологи. Например, классификация товаров, принятая на английских железных дорогах, наполняет томы и по своему общему принципу основана на тенденции превратить всю разнообразную пестроту естественных свойств товаров в столь же многочисленные пороки с точки зрения транспорта и в поводы

[18] Рикардо цитирует Сэя, который видит благословение торговли в том, что она удорожает продукты или повышает их стоимость издержками транспорта. «Торговля, — говорит Сэй, — дает нам возможность получать товар в месте, где он добывается, и доставлять его туда, где он будет употреблен. Она поэтому дает нам возможность увеличить стоимость товара на всю разницу между ценою его в одном месте и ценою его в другом» (Сэй, т. II, стр. 458). Рикардо замечает по этому поводу: «Верно; но каким образом эта добавочная стоимость присоединяется? Путем прибавления к издержкам производства, во-первых, издержек по доставке, во-вторых, прибыли на капитал, затраченный торговцем. Товар, следовательно, будет стоить больше по той же самой причине, по которой и всякий другой товар будет стоить больше, потому что на производство и доставку его было затрачено больше труда еще до того, как он был куплен потребителем. Но это далеко не является одним из преимуществ торговли» (*Ricardo:* «Principles of Pol. Econ.», 3-е изд. London 1821, стр. 309—310). [См. *Рикардо:* «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 165.]

для вымогательства. «Стекло, стоившее 11 ф. ст. за crate (упаковочный ящик определенной емкости), вследствие успехов промышленности и отмены налога на стекло стоит теперь всего 2 ф. ст., но расходы по транспорту так же высоки, как прежде, и стали еще выше при перевозке по каналам. Раньше отправка стекла и стеклянных товаров, употребляемых для глазирования, за 50 миль от Бирмингама стоила 10 шилл. с тонны. Теперь цена транспорта увеличена втрое под предлогом риска вследствие хрупкости товара. Но железнодорожное управление как раз не оплачивает того, что̀ действительно ломает»[19]. Далее, то обстоятельство, что та относительная часть стоимости, которую прибавляют к товару издержки по перевозке, обратно пропорциональна его стоимости, дает железнодорожным магнатам особое основание для того, чтобы назначать тариф на товары, прямо пропорциональный их стоимости. Жалобы промышленников и торговцев по поводу этого обстоятельства повторяются на каждой странице свидетельских показаний упомянутого доклада.

Капиталистический способ производства уменьшает транспортные издержки для отдельных товаров как посредством развития средств транспорта и сношений, так и посредством концентрации, увеличения масштаба транспорта. Он увеличивает ту часть общественного труда, как живого, так и овеществленного, которая расходуется на транспортирование товаров, — увеличивает потому, что, во-первых, превращает огромное большинство всех продуктов в товары и, во-вторых, заменяет местные рынки отдаленными рынками.

Циркуляция, т. е. фактическое передвижение товаров в пространстве, осуществляется путем транспортировки товаров. С одной стороны, транспортная промышленность составляет самостоятельную отрасль производства, а потому и особую сферу вложения производительного капитала. Но, с другой стороны, она отличается тем, что является продолжением процесса производства в *пределах* процесса обращения и *для* процесса обращения.

---

[19] «Royal Commission on Railways», стр. 31, № 630.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

ОБОРОТ КАПИТАЛА.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ВРЕМЯ ОБОРОТА И ЧИСЛО ОБОРОТОВ.

Как мы видели, все время обращения данного капитала равно сумме времени его обращения и времени его производства. Это — промежуток времени от момента авансирования капитальной стоимости в определенной форме до момента возвращения движущейся капитальной стоимости в той же самой форме.

Целью, определяющей капиталистическое производство, всегда является возрастание авансированной стоимости, авансирована ли она в своей самостоятельной форме, т. е. в денежной форме, или же в виде товара, так что ее форма стоимости приобретает лишь идеальную самостоятельность в цене авансированных товаров. В обоих случаях эта капитальная стоимость проходит в своем кругообороте различные формы существования. Ее тожество с нею самой констатируется в книгах капиталиста или в форме счетных денег.

Возьмем ли мы форму *Д...Д'* или форму *П...П*, обе формы выражают, 1) что авансированная стоимость функционировала как капитальная стоимость и самовозросла; 2) что по окончании процесса она возвратилась к той форме, в которой начала его. Возрастание авансированной стоимости *Д* и в то же время возвращение капитала к этой форме (к денежной форме) ясно выступает в *Д...Д'*. Но то же самое совершается и во второй форме. В самом деле, исходным пунктом *П* является наличие элементов производства, товаров данной стоимости; форма содержит возрастание этой стоимости *(Т'* и *Д')* и возвращение к первоначальной форме, так как во втором *П* авансированная стоимость опять приобретает ту самую форму элементов производства, в которой она была первоначально авансирована.

Раньше мы видели: «Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму. Подобно тому как процесс труда при капиталистическом способе производства выступает только как средство для процесса возрастания стоимости, точно так же воспроизводство выступает только как средство воспроизвести авансированную стоимость в качестве капитала, т. е. в качестве возрастающей стоимости» (книга I, гл. XXI). [К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 570.]

Три формы: I) *Д...Д'*; II) *П...П* и III) *Т'...Т'*, отличаются друг от друга следующим: в форме II *(П...П)* возобновление процесса, процесс воспроизводства, выражено как действительное, в форме же I лишь как возможное. Но обе эти формы отличаются от формы III тем, что авансированная капитальная стоимость — авансирована ли она в виде денег или в виде вещественных элементов производства — служит исходным пунктом, а потому и пунктом возвращения. В *Д...Д'* возвращение выражается в $Д' = Д + д$. Если процесс возобновляется в прежних размерах, то исходным пунктом служит опять *Д*, и *д* не входит в него, а только показывает нам, что *Д* самовозросло по стоимости как капитал и потому породило прибавочную стоимость *д*, но оттолкнуло ее от себя. В форме *П...П* исходный пункт составляет опять-таки капитальная стоимость, авансированная в форме элементов производства *П*. В этой форме заключается и возрастание авансированной стоимости. Если совершается простое воспроизводство, то та же самая капитальная стоимость в той же самой форме *П* снова начинает свое движение. Если же совершается накопление, то теперь процесс открывает *П'* (по величине стоимости $= Д' = Т'$) как возросшая капитальная стоимость. Но процесс начинается снова авансированной капитальной стоимостью в первоначальной форме, хотя капитальной стоимостью большей величины, чем в прошлый раз. Напротив, в форме III капитальная стоимость начинает процесс не как авансированная, но как уже возросшая, как все богатство, находящееся в форме товаров, лишь часть которого составляет авансированная капитальная стоимость. Последняя форма важна для третьего отдела, в котором движение отдельных капиталов берется в связи с движением всего общественного капитала. Но ею не приходится пользоваться, когда исследуется оборот капитала, всегда начинающийся авансированием капитальной стоимости в форме денег ли, товара ли и всегда обусловливающий возвращение циркулирующей капитальной стоимости в той форме, в которой она была авансирована. Из кругооборотов I и II необходимо пользоваться первым, если внимание обращено преимущественно на то влияние, которое оборот оказывает на создание прибавочной стоимости; вторым, — когда дело идет о влиянии оборота на создание продукта.

Экономисты, не проводя разграничения между различными формами кругооборотов, не рассматривали их обособленно в их отношении к обороту капитала. Обыкновенно берется форма *Д...Д'*, потому что она господствует над отдельным капиталистом и служит ему при его расчетах, хотя бы деньги служили исходным пунктом только в виде счетных денег. Другие исходят из затраты в форме элементов производства и рассматривают движение до момента, когда последует возвращение, причем нет и речи о форме этого возвращения, о том, совершается ли оно в товаре или в деньгах. Например: «Экономический цикл,... т. е. весь ход производства, от времени, когда делаются затраты, до момента, когда совершится возвращение. В земледелии время посева есть начало экономического цикла, а жатва — окончание» («Economic Cycle... the whole course of production, from the time that outlays are made till returns are received. In agriculture seedtime is its commencement, and harvesting its ending». — S. P. Newman: «Elements of Pol. Econ.». Andover and New York, стр. 81). Другие начинают с *T'* (III формы): «Можно считать, что мир производственных связей движется по кругу, который мы назовем экономическим циклом и в котором каждый оборот завершается, как только предприятие, совершив последовательный ряд своих операций, снова приходит к тому пункту, с которого начался оборот. Началом можно считать тот пункт, когда к капиталисту поступают платежи, посредством которых к нему возвращается его капитал; от этого пункта он снова переходит к тому, чтобы завербовать себе рабочих и распределить между ними в виде заработной платы средства их существования, или, вернее, силу, необходимую для приобретения этих средств; получить от них изготовленные предметы, которые он производит; доставить эти предметы на рынок и там довести до завершения кругооборот этого ряда движений, продавая эти предметы и получая в выручке за товары возмещение всех своих капитальных затрат» (Th. Chalmers: «On Pol. Econ.», 2-е изд. London 1832, стр. 84 и сл.).

После того как вся капитальная стоимость, вложенная отдельным капиталистом в какую-либо отрасль производства, совершит в своем движении кругооборот, она оказывается снова в своей первоначальной форме и может снова повторить тот же самый процесс. Чтобы стоимость увековечилась и продолжала возрастание как капитальная стоимость, она должна повторить этот кругооборот. В жизни капитала отдельный кругооборот составляет лишь один постоянно повторяющийся отдел, следовательно составляет период. В конце периода *Д...Д'* капитал опять находится в форме денежного капитала, который снова пройдет ряд превращений формы, включающий и процесс воспроизводства или процесс возрастания стоимости. При завершении периода *П...П*

капитал опять находится в форме элементов производства, являющихся предпосылкой для возобновления его кругооборота. Кругооборот капитала, определяемый не как отдельный акт, а как периодический процесс, называется оборотом капитала. Продолжительность этого оборота определяется суммой времени его производства и времени его обращения. Эта сумма времени составляет время оборота капитала. Следовательно, она охватывает промежуток времени от одного периода кругооборота всей капитальной стоимости до следующего; она отмечает периодичность в процессе жизни капитала или, если угодно, время возобновления, повторения процесса возрастания стоимости или процесса производства одной и той же капитальной стоимости.

Если оставить в стороне индивидуальные приключения, которые могут для отдельного капитала ускорить или сократить время оборота, то последнее вообще различно в зависимости от различий отдельных сфер вложения капитала.

Подобно тому как для функции рабочей силы естественной единицей измерения служит рабочий день, так год представляет естественную единицу измерения для оборотов функционирующего капитала. Естественным базисом такой единицы измерения является то обстоятельство, что в умеренном поясе, родине капиталистического производства, важнейшие земные плоды суть годичные продукты.

Если год, как единицу измерения времени оборота, мы обозначим посредством O, время оборота определенного капитала — o, число его оборотов — n, то $n = \frac{O}{o}$. Следовательно, если, напр., время оборота o составляет 3 месяца, то $n = {}^{12}/_{3} = 4$; капитал совершает 4 оборота в год, или оборачивается четыре раза. Если $o = 18$ месяцам, то $n = {}^{12}/_{18} = {}^{2}/_{3}$, или капитал в год проходит только ${}^{2}/_{3}$ времени своего оборота. Если время его оборота составляет несколько лет, то оно исчисляется, следовательно, одним годом, взятым несколько раз.

Для капиталиста время оборота его капитала представляет собою время, на которое ему приходится авансировать свой капитал с той целью, чтобы он возрос в своей стоимости и возвратился в своей первоначальной форме.

Прежде чем перейти к ближайшему исследованию того влияния, которое оборот оказывает на процесс производства и процесс возрастания стоимости, необходимо рассмотреть две новых формы, которые подступают к капиталу из процесса обращения и воздействуют на форму его оборота.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ И ОБОРОТНЫЙ КАПИТАЛ.

I. РАЗЛИЧИЯ ФОРМЫ.

В книге I, гл. VI, мы видели, что часть постоянного капитала сохраняет ту определенную потребительную форму, в которой она входит в процесс производства, и удерживает ее по отношению к тем продуктам, созданию которых она содействует. В продолжение более или менее длинных периодов, в постоянно повторяемых процессах труда, эта часть постоянного капитала постоянно выполняет одни и те же функции. Таковы, напр., рабочие строения, машины и т. д., короче, все, что мы объединяем под названием *средств труда*. Эта часть постоянного капитала передает стоимость продукту в той мере, в какой она вместе со своей потребительной стоимостью утрачивает свою меновую стоимость. Эта передача стоимости, или этот переход стоимости таких средств производства на продукт, в образовании которого они принимают участие, определяется по среднему подсчету; она измеряется средней продолжительностью функционирования средств производства, охватывающей время от момента, когда они входят в процесс производства, и до момента, когда они будут совершенно изношены, станут непригодными, когда они должны быть заменены новыми экземплярами того же рода, должны быть воспроизведены.

Таким образом, своеобразие этой части постоянного капитала — собственно средств труда — заключается в следующем.

Часть капитала авансируется в форме постоянного капитала, т. е. средств производства, которые функционируют как факторы процесса труда до тех пор, пока они сохраняют ту самостоятельную потребительную форму, в которой они вступают в процесс труда. Готовый продукт, а следовательно и факторы образования продукта, поскольку они превращены в продукт, выбрасываются из процесса производства, чтобы из сферы производства перейти в сферу обращения в качестве товара. Напротив, средства труда, раз вступив в сферу производства, уже никогда не покидают ее. Их прочно привязывает к сфере производства их функция. Часть авансированной капитальной стоимости *фиксируется* в этой форме, определяемой функцией средств труда в процессе производства. С функционированием и вытекающим из него снашиванием

средств труда часть их стоимости переносится на продукт, другая же остается фиксированной в средствах труда и, следовательно, остается в процессе производства. Фиксированная таким образом стоимость постоянно уменьшается, пока средства труда не отслужат своей службы; поэтому стоимость их в течение более или менее продолжительного периода распределяется на массу продуктов, которые выходят из ряда постоянно повторяющихся процессов труда. Но пока средство труда все еще действует в качестве средства труда, следовательно пока его еще не приходится заменять новым экземпляром того же самого вида, стоимость постоянного капитала все время остается фиксированной в нем, между тем как другая часть первоначально фиксированной в нем стоимости переносится на продукт и потому совершает обращение как составная часть товарного запаса. Чем долговечнее средства труда, чем медленнее снашиваются они, тем дольше постоянная капитальная стоимость остается фиксированной в этой потребительной форме. Но какова бы ни была степень долговечности средств труда, та степень, в которой они передают свою стоимость, всегда обратно пропорциональна общей продолжительности функционирования средств труда. Если из двух машин одинаковой стоимости одна изнашивается в пять лет, а другая в десять, то на протяжении равного времени первая отдает вдвое больше стоимости, чем вторая.

Эта часть капитальной стоимости, фиксированная в средствах труда, совершает обращение, как и всякая другая часть. Мы вообще видели, что вся капитальная стоимость находится в постоянном обращении и в этом смысле весь капитал является поэтому оборотным капиталом. Но обращение рассматриваемой здесь части капитала своеобразное. Во-первых, она не обращается в своей потребительной форме, обращается только ее стоимость, и притом лишь постепенно, частями, в той мере, как она переносится с рассматриваемой части капитала на продукт, который обращается как товар. Во все время функционирования этой части некоторая доля ее стоимости остается фиксированной в ней, сохраняет свою самостоятельность по отношению к товарам, производству которых она содействует. Благодаря такой особенности эта часть постоянного капитала приобретает форму *основного* [fixes] *капитала*. В противоположность ему все другие вещественные составные части капитала, авансированного на процесс производства, образуют *оборотный* или *текучий капитал* [zirkulierendes oder flüssiges Kapital].

Часть средств производства, — именно такие вспомогательные материалы, которые потребляются самими средствами труда во время их функционирования, как каменный уголь потребляется паровой машиной, или которые лишь содействуют процессу, напр. светильный газ и т. д., — эта часть средств производства веще-

ственно не входит в продукт. Только ее стоимость составляет часть стоимости продукта. В своем собственном обращении продукт несет в обращение и стоимость таких средств производства. Эта особенность обща у них с основным капиталом. Но во всяком процессе труда, в который они входят, они потребляются целиком, и потому для каждого нового процесса труда их приходится целиком заменять новыми экземплярами того же рода. Во время своего функционирования они не сохраняют своей самостоятельной потребительной формы. Следовательно, во время их функционирования ни одна часть капитальной стоимости не остается фиксированной в своем прежнем потребительном виде, в натуральной форме таких средств производства. То обстоятельство, что эта часть вспомогательных материалов не входит вещественно в продукт, но входит в стоимость продукта лишь по своей стоимости, как часть стоимости продукта, и что в связи с этим функционирование таких материалов закреплено в сфере производства, — это привело некоторых экономистов, как, напр., Рамсея, к тому, что они (смешивая в то же время основной и постоянный капитал) отнесли их к категории основного капитала.

Часть средств производства, которая вещественно входит в продукт, следовательно сырье и т. д., приобретает благодаря этому отчасти такие формы, в которых она позже может войти в индивидуальное потребление в качестве предметов потребления. Собственно средства труда, вещественные носители основного капитала, потребляются лишь производительно и не могут войти в индивидуальное потребление, потому что они не входят в продукт или в ту потребительную стоимость, образованию которой они содействуют, а, напротив, сохраняют по отношению к ней свою самостоятельную форму все время, пока они окончательно не износятся. Исключение составляют средства транспорта. Полезный эффект, который они доставляют во время своего производительного функционирования, следовательно во время пребывания в сфере производства, — перемещение, — в то же самое время входит и в индивидуальное потребление, напр. пассажира. В этом случае он тоже оплачивает потребление, как оплачивает пользование другими предметами потребления. Мы видели, что сырой материал и вспомогательные вещества иногда сливаются друг с другом, как, напр., в химической промышленности. То же самое бывает с средствами труда, вспомогательным и сырым материалом. Так, напр., в земледелии вещества, вложенные для улучшения почвы, отчасти входят в продукт как факторы образования продукта. С другой стороны, их действие распределяется на продолжительный период, напр. 4—5 лет. Поэтому часть их вещественно входит в продукт и тем самым переносит свою стоимость на продукт, между тем как другая часть, оставаясь в старой потребительной форме, в ней фиксирует и свою стоимость. Она попрежнему продолжает

существовать в качестве средств производства и потому сохраняет форму основного капитала. В качестве рабочего скота бык представляет собою основной капитал. Но если он идет в пищу, он функционирует уже не как средство труда и, следовательно, не как основной капитал.

То, что придает характер основного капитала части капитальной стоимости, затраченной на средства производства, лежит исключительно в своеобразном способе обращения этой части капитала. Этот особый способ обращения вытекает из того особого способа, каким средства труда передают свою стоимость продукту, или из той особой роли, какую средства труда в качестве факторов создания стоимости играют во время процесса производства. Способ этот в свою очередь сам вытекает из особенностей функционирования различных средств труда в процессе труда.

Известно, что одна и та же потребительная стоимость, выйдя в качестве продукта из одного процесса труда, входит в другой в качестве средства производства. Только функционирование продукта в процессе производства в качестве средства труда превращает его в основной капитал. Напротив, когда он сам только выходит из процесса, он еще отнюдь не является основным капиталом. Например, машина, как продукт или товар фабриканта-машиностроителя, принадлежит к его товарному капиталу. Основным капиталом она становится лишь в руках покупателя, капиталиста, который дает ей производительное применение.

При прочих равных условиях степень закрепленности основного капитала возрастает с долговечностью средств труда. Именно от этой долговечности зависит величина разности между капитальной стоимостью, закрепленной в средствах труда, и той частью этой стоимости, которая в повторных процессах труда переносится на продукт. Чем медленнее совершается это перенесение стоимости, — а стоимость передается от средств труда при всяком повторении одного и того же процесса труда, — тем больше закрепленный капитал, тем больше разница между капиталом, применяемым в процессе производства, и капиталом, потребляемым в нем. Когда эта разница исчезает, это значит, что средства труда отжили свое время и вместе со своей потребительной стоимостью утратили свою стоимость. Они перестали быть носителем стоимости. Так как средства труда, подобно всякому другому вещественному носителю постоянного капитала, передают свою стоимость продукту лишь в той мере, как они вместе со своей потребительной стоимостью утрачивают и стоимость, то ясно, что чем медленнее утрачивается их потребительная стоимость, чем дольше удерживаются они в процессе производства, тем длиннее оказывается период, в течение которого постоянная капитальная стоимость остается фиксированной в них.

Если средства производства, не представляющие собою средства труда в собственном значении слова, напр. вспомогательный материал, сырье, полуфабрикат и т. д., — если эти средства производства по отношению к перенесению стоимости, а потому и к способу обращения своей стоимости занимают такое же положение, как средства труда, то они также являются вещественным носителем, формою существования основного капитала. Таков случай с уже упомянутыми удобрениями почвы, вносящими в почву химические составные части, действие которых простирается на многие периоды производства или на многие годы. Здесь часть стоимости продолжает свое существование наряду с продуктом в своей самостоятельной форме, или в форме основного капитала, между тем как другая часть стоимости переносится на продукт и потому вместе с ним совершает обращение. В этом случае в продукт входит не только часть стоимости основного капитала, но и та потребительная стоимость, та субстанция, в которой существует эта часть стоимости.

Оставляя в стороне основное заблуждение — смешение категорий: основной и оборотный капитал с категориями: постоянный и переменный капитал, — путаница в прежнем определении понятий у экономистов основывается прежде всего на следующем.

Определенные свойства, которыми обладают средства труда по своей натуральной форме, они превращают в свойства непосредственно основного капитала, — такова хотя бы физическая неподвижность, напр., дома. Но ведь было бы очень легко показать, что другие средства труда, которые как таковые тоже являются основным капиталом, обладают противоположными свойствами, напр. физическая подвижность хотя бы корабля.

Или экономическую определенность формы, обусловливаемую обращением стоимости, они смешивают со свойством, присущим самой вещи: как будто вещи, которые сами по себе вообще не являются капиталом, а становятся таковым лишь в определенных общественных отношениях, могли бы быть уже *сами по себе,* по своей природе, капиталом в той или иной определенной форме, основным или оборотным. В книге I, глава V, мы видели, что средства производства во всяком процессе труда, при каких бы общественных условиях он ни совершался, всегда разделяются на средства труда и предмет труда. Но лишь при капиталистическом способе производства и средства труда и предмет труда становятся капиталом, притом «производительным капиталом», как установлено в предыдущем отделе. Вместе с тем различие средств труда и предмета труда, вытекающее из природы процесса труда, отражается в новой форме — в форме различия основного капитала и оборотного капитала. Лишь с этого времени вещь, которая функционирует как средство труда, становится основным капиталом. Если она по своим вещественным свойствам способна служить и в других функциях,

кроме функций средства труда, то она является или не является основным капиталом в зависимости от различий своих функций. Скот в роли рабочего скота есть основной капитал; откармливаемый на убой скот представляет собой сырой материал, который в конце концов как продукт вступает в обращение, — следовательно, это не основной, а оборотный капитал.

Простое состояние продолжительной закрепленности какого-либо средства производства в повторных процессах труда, которые взаимно связаны между собою, непрерывны, а потому составляют период производства, т. е. все время производства, необходимое для того чтобы изготовить продукт, — это состояние, подобно основному капиталу, требует от капиталиста авансирования на более или менее продолжительный срок, но еще не делает соответствующей части его капитала основным капиталом. Семена, напр., отнюдь не основной капитал, а лишь сырой материал, который почти на целый год фиксируется в процессе производства. Всякий капитал, пока он функционирует как производительный капитал, закреплен в процессе производства, следовательно в процессе производства закреплены также все элементы производительного капитала, каковы бы ни были их натуральная форма, их функции и способ обращения их стоимости. Продолжается ли это закрепление более или менее значительное время в зависимости от рода процесса производства или желательного полезного эффекта, — не это создает различие между основным и оборотным капиталом [20].

Часть средств труда, куда относятся и общие условия труда, или прикрепляется к определенному месту, когда она как средство труда вступает в процесс производства или когда подготовляется к производительной функции, как, напр., машины. Или же часть средств труда с самого начала производится в такой неподвижной, связанной с местом форме, как, напр., земельные улучшения, фабричные здания, доменные печи, каналы, железные дороги и т. д. Постоянная прикрепленность средств труда к процессу производства, в котором они должны функционировать, обусловливается здесь вместе с тем физическим способом их существования. С другой стороны, средства труда могут физически постоянно перемещаться, передвигаться и, несмотря на то, постоянно находиться в процессе производства, как, напр., локомотив, судно, рабочий скот и т. д. Неподвижность не придает им, в первом случае, характера основного капитала, а подвижность, во втором случае, не отнимает у них этого характера. Однако то обстоятельство, что средства труда локально прикреплены, пустили свои корни в землю, отводит этой части основного капитала особую роль в эконо-

[20] Ввиду того, что определить основной и оборотный капитал весьма трудно, господин Лоренц Штейн полагает, что различие это вводят лишь для того чтобы сделать изложение более легким.

мии наций. Их нельзя отправить за границу, они не могут обращаться на мировом рынке как товары. Титулы собственности на этот основной капитал могут меняться, их можно покупать и продавать, и постольку они могут идеально вступать в обращение. Эти титулы собственности могут обращаться даже на иностранных рынках, напр. в форме акций. Но от смены лиц, которые являются собственниками этого рода основного капитала, не изменяется отношение неподвижной, материально закрепленной части богатства известной страны к подвижной части того же богатства[21].

Из своеобразного обращения основного капитала вытекает своеобразие оборота. Та часть стоимости, которую теряет основной капитал в его натуральной форме, благодаря снашиванию обращается как часть стоимости продукта. Посредством обращения продукт из товара превращается в деньги; превращается, следовательно, в деньги и та часть стоимости средств труда, которую продукт несет в обращение, и притом эта часть стоимости каплями в виде денег просачивается из процесса обращения в той мере, в какой данное средство труда перестает быть носителем стоимости в процессе производства. Следовательно, стоимость этого средства труда приобретает теперь двоякое существование. Часть ее остается связанной с потребительной или натуральной формой средств труда, принадлежащей процессу производства, другая же часть отделяется от нее в виде денег. В ходе своего функционирования та часть стоимости средств труда, которая существует в их натуральной форме, постоянно уменьшается, между тем как превратившаяся в денежную форму часть стоимости постоянно увеличивается, пока, наконец, средства труда не отживут свой век и вся их стоимость, отделившись от трупа средств труда, не превратится в деньги. Здесь проявляется своеобразие в обороте этого элемента производительного капитала. Превращение его стоимости в деньги идет рука об руку с превращением в денежную куколку того товара, который является носителем этой стоимости. Но его обратное превращение из денежной формы в потребительную форму отделяется от обратного превращения товара в прочие элементы производства последнего и определяется уже периодом воспроизводства самих средств труда, т. е. временем, в течение которого средства труда отживают свой век, так что их приходится заменить другим экземпляром того же рода. Если продолжительность функционирования какой-либо машины стоимостью, положим, в 10 000 ф. ст. составляет, напр., 10 лет, то время оборота стоимости, первоначально авансированной на эту машину, составит 10 лет. До истечения этого времени ее не приходится возобновлять; она продолжает действовать в своей натуральной форме. Между тем ее стоимость частями поступает в обращение как часть

[21] До сих пор рукопись IV. — Отсюда рукопись II.

стоимости товаров, непрерывному производству которых служит машина, и таким образом постепенно превращается в деньги, пока, наконец, на исходе 10 лет она целиком не превратится в деньги, а из денег не превратится обратно в машину и, следовательно, не завершит своего оборота. До наступления этого момента воспроизводства стоимость машины постепенно накопляется в форме резервного денежного фонда.

Остальные элементы производительного капитала состоят отчасти из элементов постоянного капитала, заключающихся в сырье и вспомогательных материалах, отчасти из переменного капитала, затраченного на рабочую силу.

Анализ процесса труда и процесса возрастания стоимости (книга I, глава V) показал, что эти различные составные части производительного капитала играют совершенно различную роль в образовании продукта и образовании стоимости. Стоимость той части постоянного капитала, которая состоит из вспомогательных материалов и сырья, — подобно стоимости той его части, которая состоит из средств труда, — снова появляется в стоимости продукта, как просто перенесенная стоимость, между тем как рабочая сила посредством процесса труда присоединяет к продукту эквивалент своей стоимости или действительно воспроизводит свою стоимость. Далее, одна часть вспомогательных материалов — уголь для отопления, светильный газ и т. д. — потребляется в процессе труда, вещественно не входя в продукт, между тем как другая часть их телесно входит в продукт и образует материал его субстанции. Но все эти различия не имеют значения для обращения, а потому и для способов оборота. Если вспомогательные материалы и сырье целиком потребляются при образовании известного продукта, то они целиком переносят на продукт всю свою стоимость. Поэтому последняя целиком вносится продуктом в обращение, превращается в деньги, а из денег обратно в элементы производства товара. Оборот этой части стоимости не прерывается, как оборот основного капитала, но непрерывно проходит весь кругооборот ее форм, так что эти элементы производительного капитала постоянно возобновляются in natura.

Что касается переменной составной части производительного капитала, затрачиваемой на рабочую силу, то рабочая сила покупается на определенный срок. Когда капиталист купит ее и введет в процесс производства, она образует составную часть его капитала, именно — переменную составную часть капитала. Ежедневно она действует на протяжении известного промежутка времени, в течение которого она присоединяет к продукту не только всю свою стоимость за день, но также и известную избыточную прибавочную стоимость, которую здесь мы пока оставим в стороне. После того как рабочая сила куплена и действовала, напр., в течение недели, купля ее должна постоянно возобновляться через определенные

сроки. Тот эквивалент ее стоимости, который рабочая сила постоянно присоединяет к продукту во время своего функционирования и который вследствие обращения продукта превращается в деньги, должен постоянно совершать обратное превращение из денег в рабочую силу, или постоянно должен проходить полный кругооборот своих форм, т. е. постоянно должен оборачиваться, чтобы не прервался кругооборот непрерывного производства.

Следовательно, часть стоимости производительного капитала, авансированная на рабочую силу, целиком переносится на продукт (прибавочную стоимость мы все время оставляем здесь в стороне), проделывает вместе с ним обе метаморфозы, относящиеся к сфере обращения, и благодаря такому постоянному возобновлению постоянно остается включенной в процесс производства. Поэтому, как бы рабочая сила ни отличалась в остальном, в отношении образования стоимости, от тех составных частей постоянного капитала, которые *не составляют основного* капитала, этот способ оборота стоимости оказывается у рабочей силы общим с этими составными частями и противоположным основному капиталу. Вследствие такой общности в характере своего оборота эти составные части производительного капитала, — именно те части его стоимости, которые затрачиваются на рабочую силу и на средства производства, не составляющие основного капитала, — противостоят основному капиталу как *оборотный,* или *текучий,* капитал.

Как мы видели раньше, деньги, уплачиваемые капиталистом рабочему за потребление рабочей силы, в действительности представляют собою лишь всеобщую эквивалентную форму необходимых жизненных средств рабочего. Постольку и переменный капитал вещественно состоит из жизненных средств. Но здесь, при рассмотрении оборота, речь идет о форме. Капиталист покупает не жизненные средства рабочего, а самое рабочую силу. Переменную часть его капитала образуют не жизненные средства рабочего, а проявляющая себя в действии рабочая сила последнего. В процессе труда капиталист производительно потребляет самое рабочую силу, а не жизненные средства рабочего. Рабочий сам превращает в жизненные средства те деньги, которые он получил за свою рабочую силу, чтобы потом превратить их обратно в рабочую силу, чтобы поддержать свое существование: совершенно так же, как, напр., капиталист превращает в средства к жизни для себя самого некоторую часть прибавочной стоимости, заключающейся в товаре, который он продает за деньги, — и, несмотря на то, никак нельзя сказать, будто покупатель его товара уплачивает ему жизненными средствами. И даже в том случае, когда часть заработной платы выдается рабочему жизненными средствами, in natura, это для данного момента будет вторая сделка. Он продает свою рабочую силу за определенную цену, и при этом стороны договариваются,

что часть цены он получит жизненными средствами. Этим изменяется лишь форма уплаты, но не изменяется тот факт, что он в действительности продает свою рабочую силу. Это — вторая сделка, совершаемая уже не между рабочим и капиталистом, а между рабочим как покупателем товара и капиталистом как продавцом товара; напротив, в первой сделке рабочий — продавец товара (своей рабочей силы), а капиталист — покупатель, совершенно так же, как если бы капиталист, продавая свой товар, напр. машину на железоделательный завод, захотел получить за нее другой товар, железо. Следовательно, оборотным капиталом, в противоположность основному капиталу, становятся не сами жизненные средства рабочего и не его рабочая сила, а та часть стоимости производительного капитала, которая затрачивается на рабочую силу и которая благодаря форме своего оборота приобретает этот характер, общий для нее еще с некоторыми составными частями постоянного капитала и противоположный некоторым другим составным частям того же капитала.

Стоимость оборотного капитала — в рабочей силе и средствах производства — авансируется лишь на время, в течение которого изготовляется продукт, причем авансируется в соответствии с масштабом производства, определяемым размером основного капитала. Эта стоимость целиком входит в продукт, а потому благодаря продаже продукта снова целиком возвращается из обращения и может быть авансирована снова. Рабочая сила и средства производства, в виде которых существует оборотная составная часть капитала, извлекаются из обращения в той мере, как это необходимо для производства и для продажи готового продукта, но они должны постоянно заменяться и возобновляться посредством обратной купли, посредством обратного превращения из денежной формы в элементы производства. За каждый отдельный прием они извлекаются с рынка меньшими массами, чем элементы основного капитала, но тем чаще их приходится извлекать снова и снова, а потому авансирование затраченного на них капитала возобновляется через сравнительно короткие промежутки времени. Это постоянное возобновление совершается путем ⟨постоянного оборота продукта⟩, в котором обращается вся их стоимость. Наконец, они непрерывно описывают весь кругооборот метаморфоз не только по своей стоимости, но и по своей натуральной форме; из товара они постоянно превращаются обратно в элементы производства этого товара.

Вместе со своей собственной стоимостью рабочая сила постоянно присоединяет к продукту прибавочную стоимость, воплощение неоплаченного труда. Следовательно, готовый продукт постоянно несет в обращение прибавочную стоимость, которая вместе с продуктом превращается в деньги, подобно остальным элементам стоимости продукта. Однако прибавочную стоимость мы пока

оставляем в стороне, потому что теперь у нас идет речь прежде всего об обороте капитальной стоимости, а не прибавочной стоимости, совершающей свой оборот одновременно с первой.

Из предыдущего вытекает следующее:

1. Определенность формы основного и оборотного капитала вытекает лишь из различий оборота капитальной стоимости, функционирующей в процессе производства, или *производительного капитала*. Это различие оборота в свою очередь вытекает из различий того способа, каким различные составные части производительного капитала переносят свою стоимость на продукт, а не из различий их участия в производстве стоимости продукта или не из особенностей их роли в процессе возрастания стоимости. Наконец, различия в передаче стоимости продукту, а потому и различие способов, какими эта стоимость вводится продуктом в обращение и вследствие метаморфоз продукта возобновляется в своей первоначальной натуральной форме, — эти различия вытекают из различий тех вещественных форм, в которых существует производительный капитал и из которых одна часть при образовании отдельного продукта потребляется целиком, другая же используется лишь постепенно. Следовательно, лишь производительный капитал может разделяться на основной и оборотный. Этой противоположности не существует, напротив, для двух других способов существования промышленного капитала, следовательно ни для товарного капитала, ни для денежного капитала; ее не существует и как противоположности этих двух форм по отношению к производительному капиталу. Она существует лишь для *производительного капитала и в пределах последнего*. Пусть денежный капитал и товарный капитал функционируют в качестве капитала, — как бы быстро ни обращались они, оборотным капиталом, в противоположность основному, они могут сделаться лишь при том условии, если они превратятся в оборотные составные части производительного капитала. Но так как эти две формы капитала существуют в сфере обращения, то, как мы увидим, экономия со времен А. Смита не удержалась от искушения смешать их в одну кучу с оборотной частью производительного капитала, соединить их в категорию «оборотный капитал». В действительности денежный капитал и товарный капитал представляют собою капитал обращения в противоположность производительному капиталу, а не оборотный капитал в противоположность основному.

2. Оборот основной составной части капитала, а следовательно и необходимое для того время оборота, охватывает несколько оборотов оборотных составных частей капитала. В течение того времени, когда основной капитал сделает лишь один оборот, оборотный капитал успевает сделать несколько оборотов. Одна из составных частей стоимости производительного капитала приобретает определенность формы основного капитала лишь при том

условии, что средства производства, в которых она заключается, не потребляются целиком за тот промежуток времени, когда продукт будет изготовлен и выброшен как товар из процесса производства. Соответствующая часть стоимости должна остаться попрежнему связанной с сохранившейся старой потребительной формой, между тем как другую часть уносит в обращение готовый продукт, причем обращение продукта представляет собой вместе с тем обращение всей стоимости оборотной части капитала в противоположность основной.

3. Затрачиваемая на основной капитал часть стоимости производительного капитала авансируется полностью, разом, на весь срок функционирования той части средств производства, из которых состоит основной капитал. Следовательно, капиталист одним разом бросает эту стоимость в обращение; но она извлекается из обращения назад лишь постепенно, долями, посредством реализации тех долей стоимости, которые основной капитал частями присоединяет к произведенным товарам. С другой стороны, самые средства производства, в которых фиксируется одна из составных частей производительного капитала, извлекаются из обращения разом и на весь срок своего функционирования входят в процесс производства. Но они в течение этого срока не требуют замены новыми экземплярами того же рода, не требуют воспроизводства. В течение более или менее продолжительного времени они продолжают принимать участие в образовании товаров, выбрасываемых в обращение, не извлекая, однако, из обращения элементов своего собственного возобновления. Следовательно, в течение этого времени они в свою очередь не требуют повторных авансирований со стороны капиталиста. Наконец, капитальная стоимость, затраченная на основной капитал, за время функционирования тех средств производства, в которых она существует, проходит кругооборот своих форм не вещественно, а лишь по своей стоимости, да и то лишь по частям и постепенно. Т. е. часть стоимости основного капитала непрерывно обращается как часть стоимости товара и превращается в деньги, но из денег не превращается обратно в свою первоначальную натуральную форму. Это обратное превращение денег в натуральную форму средств производства совершается лишь в конце ⟨периода оборота⟩, когда средства производства оказываются использованными полностью.

4. Чтобы процесс производства шел непрерывно, элементы оборотного капитала должны быть так же постоянно закреплены в этом процессе, как элементы основного капитала. Но закрепленные таким образом элементы первого постоянно возобновляются in natura (средства производства заменяются новыми экземплярами того же рода, рабочая сила — посредством постоянно возобновляемой купли); напротив, что касается элементов основного капитала, то за все время своего существования они не возоб-

новляются сами и не приходится возобновлять акта их купли. В процессе производства всегда имеются сырье и вспомогательные материалы, но, по мере того как старые целиком потребляются на образование готового продукта, они всегда заменяются новыми экземплярами того же рода. Точно так же в процессе производства всегда находится и рабочая сила, — но лишь вследствие постоянного возобновления акта ее купли, что часто сопровождается и сменою лиц. Напротив, во все время повторяющихся оборотов оборотного капитала, в повторяющихся процессах производства продолжают функционировать одни и те же здания, машины и т. д.

II. СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ, ВОЗМЕЩЕНИЕ, РЕМОНТ, НАКОПЛЕНИЕ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА.

В капитале, вложенном в одно и то же дело, долговечность отдельных элементов основного капитала различна, а потому различно и время их оборота. На железной дороге, напр., продолжительность функционирования, а потому и время воспроизводства рельсов, шпал, земляных работ, станционных зданий, мостов, тоннелей, локомотивов и вагонов различны, а следовательно различно и время оборота частей капитала, авансированного на них. В течение длинного ряда лет здания, платформы, водохранилища, путепроводы, тоннели, земляные выемки и насыпи, — короче, все то, что в английском железнодорожном хозяйстве называется works of art, не требует возобновления. Предметы, которые больше всего подвергаются снашиванию, это — рельсовый путь и подвижной состав (rolling stock).

Первоначально при постройке современных железных дорог господствовало убеждение, разделявшееся выдающимися инженерами-практиками, будто по своей прочности железная дорога вечна и снашивание рельсов до такой степени ничтожно, что, когда речь идет о финансовой и практической стороне дела, его можно игнорировать; продолжительность существования хороших рельсов определялась в 100—150 лет. Но вскоре обнаружилось, что продолжительность жизни рельса, которая, разумеется, зависит от быстроты локомотивов, веса и числа поездов, толщины самих рельсов и массы других побочных обстоятельств, в среднем не превышает 20 лет. Около отдельных станций, крупных центров сношений, рельсы снашиваются даже ежегодно. Около 1867 г. начали вводить стальные рельсы, которые стоят почти вдвое дороже железных, но зато и долговечнее больше чем вдвое. Продолжительность существования деревянных шпал составляет 12—15 лет. Что касается подвижного состава, то пассажирские вагоны

изнашиваются значительно медленнее, чем товарные. Продолжительность существования локомотивов в 1867 г. исчислялась в 10—12 лет.

Снашивание вызывается, во-первых, самым пользованием. В общем, рельсы снашиваются с быстротой, пропорциональной числу поездов (R. C., № 17645)[22]. При увеличенной скорости снашивание возрастало в большей пропорции, чем квадрат скорости, т. е. при удвоенной скорости поездов снашивание возрастало более чем в четыре раза (R. C., № 17046).

Далее, причиной снашивания является влияние сил природы. Так, шпалы страдают не только от собственно снашивания, но и от гниения. «Издержки по содержанию дороги зависят не столько от снашивания, которое влечет за собою движение поездов, сколько от качества дерева, железа и строительного материала, подверженных действию атмосферы. Один суровый зимний месяц причинит дороге больше вреда, чем целый год движения». (R. P. Williams: «On the Maintenance of Permanent Way». Доклад в Institute of Civil Engineers осенью 1867 г.).

Наконец, здесь, как и повсюду в крупной промышленности, моральное снашивание тоже играет свою роль: по истечении 10 лет обыкновенно можно купить за 30 000 ф. ст. такое количество вагонов и локомотивов, которое раньше стоило 40 000 ф. ст. Таким образом на этот материал приходится класть до 25% понижения рыночной цены, хотя бы не совершилось никакого понижения потребительной стоимости (Lardner: «Railway Economy»).

«Трубчатые мосты в их теперешней форме не возобновляются» (потому что в настоящее время имеются лучшие формы таких мостов). «Обычный ремонт их, удаление и замена отдельных частей нецелесообразны» (W. P. Adams: «Roads and Rails». London 1862). Благодаря прогрессу промышленности в средствах труда обыкновенно совершаются постоянные перевороты. Поэтому они возмещаются не в своей первоначальной форме, а в форме, претерпевшей переворот. С одной стороны, то обстоятельство, что масса основного капитала вкладывается в дело в определенной натуральной форме и должна просуществовать в ней известный средний срок жизни, служит причиной того, что новые машины и т. д. вводятся лишь постепенно, а потому является помехой быстрому и повсеместному введению усовершенствованных средств труда. Но, с другой стороны, конкурентная борьба, в особенности во время решающих переворотов, заставляет заменять старые средства труда еще до их естественной смерти новыми средствами труда.

---

[22] Цитаты, помеченные R. C., взяты из «Royal Commission on Railways, Minutes of Evidence taken before the Commissioners, presented to both Houses of Parliament». London 1867. — Вопросы и ответы перенумерованы, и номера помечены здесь.

Катастрофы, кризисы — вот что главным образом принуждает к такому преждевременному обновлению оборудования предприятий в широком общественном масштабе.

Снашивание (оставляя в стороне моральное) есть та часть стоимости, которую основной капитал благодаря своему использованию постепенно передает продукту, — передает в той средней мере, в какой он утрачивает свою потребительную стоимость.

Это использование носит отчасти такой характер, что основной капитал обладает известной средней продолжительностью жизни; он целиком авансируется на этот срок; по истечении его он целиком же подлежит возмещению. Для живых средств труда, напр. лошадей, время воспроизводства предписывается самой природой. Средняя продолжительность их жизни, как средств труда, определяется законами природы. Как только истекает срок, использованные до конца экземпляры приходится заменять новыми. Лошадь не может возмещаться частично, но лишь новою лошадью.

Другие элементы основного капитала допускают периодическое или частичное возобновление. Здесь следует провести разграничение между частичным или периодическим возмещением и постепенным расширением дела.

Основной капитал заключается отчасти в однородных составных элементах, продолжительность существования которых неодинакова и которые возобновляются частично, через различные промежутки времени. Так, рельсы около станций приходится возобновлять чаще, чем на остальном протяжении линии. То же самое со шпалами, которые на бельгийских железных дорогах в 50-х годах, согласно Ларднеру, приходилось возобновлять ежегодно в размере 8% и которые, следовательно, целиком возобновлялись на протяжении 12 лет. Таким образом, положение здесь таково: известная сумма авансируется на определенный вид основного капитала, напр. на 10 лет. Этот расход делается разом. Но определенная часть этого основного капитала, стоимость которой вошла в стоимость продукта и вместе с ним превратилась в деньги, каждый год возмещается in natura, между тем как другая часть продолжает существовать в своей первоначальной натуральной форме. Вот эта-то затрата разом и лишь частичное воспроизводство в натуральной форме и отличают этот капитал как основной от оборотного капитала.

Другие элементы основного капитала состоят из неоднородных частей, которые изнашиваются в неравные сроки и потому должны возмещаться не в одно и то же время. Именно так обстоит дело с машинами. Что мы сказали сейчас относительно различной продолжительности жизни различных составных частей основного капитала, в равной мере относится и к продолжительности существования различных составных частей одной и той же машины, фигурирующей в качестве элемента этого основного капитала.

Что касается случая, когда в ходе частичных возобновлений производство постепенно расширяется, то мы отметим следующее. Хотя, как мы видели, основной капитал продолжает in natura действовать в процессе производства, — часть его стоимости, определяемая средней величиной снашивания, обращается вместе с продуктом, превращается в деньги, составляет элемент запасного денежного фонда, который служит для возмещения капитала, когда наступает срок его воспроизводства in natura. Эта часть стоимости основного капитала, превращенная, таким образом, в деньги, может послужить для того чтобы расширить дело или произвести в машинах усовершенствования, которые усилят их эффективность. Таким образом через известные промежутки времени совершается воспроизводство, и притом, если рассматривать его с общественной точки зрения, воспроизводство в расширенном масштабе: расширенном экстенсивно, если расширяется поле производства; расширенном интенсивно, если применяются более эффективные средства производства. Такое воспроизводство в расширенном масштабе вытекает не из накопления — превращения прибавочной стоимости в капитал, а из обратного превращения стоимости, которая, ответвившись, отделившись в денежной форме от тела основного капитала, превратилась в новый — дополнительный или более эффективный основной капитал того же рода. Разумеется, отчасти от особой природы данного предприятия зависит, способно ли оно и в какой мере способно к такому постепенному увеличению; следовательно, ею же определяется, в каких размерах должен быть собран резервный фонд, чтобы его можно было, таким образом, вложить в то же дело, и в какие сроки может совершаться это вложение. С другой стороны, что касается возможности усовершенствования деталей существующих машин, то она зависит, конечно, от характера усовершенствований и от конструкции самой машины. Но до какой степени, напр., в железнодорожных сооружениях приходится с самого начала иметь в виду этот пункт, показывает Адамс: «Вся конструкция должна сообразоваться с принципом, который господствует в пчелином улье: способностью к неограниченному расширению. Все слишком солидные и в особенности симметрические сооружения оказываются злом, если их приходится сносить в случае расширения» (стр. 123).

По большей части это зависит от места, имеющегося в распоряжении. При некоторых постройках возможна надстройка этажей кверху, при других необходимо расширение в стороны, следовательно требуется больше земли. При капиталистическом производстве, с одной стороны, много средств расточается, а с другой стороны, при постепенном расширении дела наблюдается много случаев такого рода нецелесообразного расширения в стороны (отчасти во вред рабочей силе); причина заключается в том, что здесь ничто не совершается по общественному плану, но все нахо-

дится в зависимости от бесконечно различных обстоятельств, средств и т. д., с которыми считается отдельный капиталист. Из этого вытекает огромное расточение производительных сил.

Такое вложение по частям денежного резервного фонда (т. е. части основного капитала, совершившей обратное превращение в деньги) легче всего осуществляется в земледелии. Пространственно отграниченное поле производства в наибольшей мере способно здесь к постепенному поглощению капитала. То же и в тех случаях, когда совершается естественное воспроизводство, как, напр., при скотоводстве.

Основной капитал вызывает особые издержки на сохранение. Сохранение осуществляется отчасти самым процессом труда, основной капитал подвергается порче, если он не функционирует в процессе труда (см. книга I, глава VI и глава XIII: снашивание машин, вытекающее из неупотребления). Поэтому английский закон считает прямо причинением вреда (waste) тот случай, когда арендованные участки земли не возделываются обычным в стране способом (W. A. Holdsworth, Barrister at Law: «The Law of Landlord and Tenant». London 1857, стр. 96). Это сохранение, вытекающее из употребления в процессе труда, представляет собой безвозмездный дар, который приносит природа живого труда. Такая сохраняющая сила труда имеет двоякий характер. С одной стороны, труд сохраняет стоимость материалов труда, перенося ее на продукт; с другой стороны, поскольку он не переносит на продукт стоимости средств труда, он тем не менее сохраняет и их стоимость, сохраняя их потребительную стоимость, заставляя их функционировать в процессе производства.

Однако основной капитал для поддержания в исправности требует и прямых затрат труда. Машины необходимо время от времени чистить. Здесь дело сводится к дополнительному труду, без которого они сделаются непригодными к употреблению; к простому предотвращению вредных стихийных влияний, которые неотделимы от процесса производства, следовательно к сохранению машин в состоянии работоспособности в буквальном значении этих слов. Как само собой разумеется, нормальная продолжительность существования основного капитала определяется в расчете на то, что найдут себе осуществление те условия, при которых он может нормально функционировать на протяжении этого времени, совершенно так же, как, принимая, что человек живет в среднем 30 лет, предполагают, что он и моется. Следовательно, речь идет здесь не о том, чтобы возместить труд, заключающийся в машине, — дело заключается в постоянном добавочном труде, который становится необходимым вследствие ее употребления. Речь идет здесь не о той работе, которую совершает машина, но о том труде, который прилагается к машине, по отношению к которому она не агент производства, а сырой материал. Капитал, затрачиваемый на этот

труд, — хотя этот капитал не входит в тот процесс труда, которому собственно обязан продукт своим происхождением, — относится к оборотному капиталу. В производстве приходится постоянно затрачивать такой труд, а потому и его стоимость должна постоянно возмещаться стоимостью продукта. Затрачиваемый на этот труд капитал относится к той части оборотного капитала, которая должна покрыть общие дополнительные издержки и подлежит распределению на вновь созданную стоимость в соответствии с годовым средним расчетом. Мы видели, что в промышленности в собственном смысле этот труд чистки выполняется рабочими бесплатно, в перерыве, но именно по этой причине очень часто и во время самого процесса производства, в чем лежит источник большинства несчастных случаев. Этот труд не оплачивается в цене продукта. В этом смысле потребитель получает его бесплатно. С другой стороны, капиталист сберегает таким образом издержки по сохранению своей машины. Рабочий расплачивается своим собственным горбом, и в этом заключается одна из тех тайн самосохранения капитала, которые в сущности обосновывают юридическое притязание рабочего на машину и превращают его в совладельца машины даже с точки зрения буржуазного права. Однако в различных отраслях производства, где машины приходится для чистки удалять из процесса производства и потому чистка не может совершаться между прочим, — так обстоит дело, напр., с локомотивами, — этот труд сохранения относится к текущим издержкам, т. е. составляет элемент оборотного капитала. После, самое большее, трехдневной работы локомотив необходимо отправить в депо и подвергнуть там чистке; чтобы не попортить котел при промывке, его необходимо предварительно охладить (R. C., № 17823).

Собственно ремонт или починочные работы требуют таких затрат капитала и труда, которые не содержатся в первоначально авансированном капитале и, следовательно, не могут быть — во всяком случае не всегда могут быть — возмещены и покрыты из такого источника, как постепенное возмещение стоимости основного капитала. Если, напр., стоимость основного капитала = = 10 000 ф. ст., а общая продолжительность его существования = = 10 годам, то эти 10 000 ф. ст., целиком превратившись по истечении 10 лет в деньги, возмещают лишь стоимость первоначально вложенного капитала, но не возмещают капитала или труда, вновь добавленного за это время в ремонтных работах. Это — дополнительная составная часть стоимости, она авансируется также не разом, а в зависимости от потребностей, и наступление различных моментов ее авансирования случайно по самой природе дела. Всякий основной капитал требует подобных позднейших, частичных, добавочных затрат капитала на средства труда и рабочую силу.

Повреждения, которым подвержены отдельные части машин и т. д., по природе дела случайны, а потому так же случайны и

вызываемые ими ремонты. Однако из их числа выделяются два сорта ремонтных работ, которые имеют более или менее постоянный характер и приходятся на различные периоды жизни основного капитала: болезни детства и несравненно более многочисленные болезни возраста, вышедшего за пределы средней продолжительности жизни. Какой бы совершенной конструкции машина, напр., ни вступила в процесс производства, при ее употреблении на практике обнаруживаются недостатки, которые приходится исправлять дополнительным трудом. С другой стороны, чем более выходит она за пределы своего среднего возраста, следовательно чем более возрастает нормальное снашивание, и чем больше используется и старчески слабеет материал, из которого она сделана, тем многочисленнее и значительнее становятся ремонтные работы, необходимые для того чтобы поддержать существование машины до истечения средней продолжительности жизни; совершенно так же, как старому человеку, чтобы не умереть преждевременно, приходится больше расходовать на медицинскую помощь, чем человеку, полному юношеских сил. Следовательно, несмотря на случайный характер ремонтных работ, они распределяются неравномерно между различными периодами существования основного капитала.

Как из этого, так равно и вообще из случайного характера ремонтных работ, требуемых машиной, вытекает следующее:

С одной стороны, действительный расход на рабочую силу и средства труда для ремонтных работ случаен, как случайны и самые обстоятельства, которые вызывают необходимость в этом ремонте; размеры необходимого ремонта неравномерно распределяются между различными периодами жизни основного капитала. С другой стороны, при определении средней продолжительности жизни основного капитала предполагается, что он постоянно поддерживается в активном состоянии — отчасти посредством чистки (сюда относится и поддержание чистоты в помещениях), отчасти посредством починок, выполняемых каждый раз, когда это требуется. Перенесение стоимости, связанное со снашиванием основного капитала, рассчитывается по средней продолжительности его существования, но этот средний период в свою очередь рассчитан на то, что все время будет авансироваться дополнительный капитал, необходимый на его поддержание.

С другой стороны, не менее ясно, что эта стоимость, присоединяемая благодаря дополнительной затрате капитала и труда, не может входить в цену товаров одновременно с тем, как производится эта затрата. Если у прядильщика, напр., на этой неделе сломалось колесо или порвался ремень, он не может за текущую неделю продавать свою пряжу дороже, чем продавал на прошлой неделе. Общие издержки прядения нисколько не изменились вследствие этого несчастья на отдельной фабрике. Здесь, как и вообще

при определении стоимости, решает средняя величина. Опыт указывает среднее количество таких несчастных случаев и средний размер работ по содержанию и ремонту, необходимых в течение среднего периода существования основного капитала, вложенного в определенную отрасль производства. Этот средний расход распределяется на средний период существования и соответствующими частями присоединяется к цене продукта, следовательно возмещается посредством продажи последнего.

Дополнительный капитал, который возмещается таким образом, относится к оборотному капиталу, хотя соответствующие затраты имеют нерегулярный характер. Так как в высшей степени важно немедленно исправлять всякое повреждение машин, то при каждой сравнительно крупной фабрике наряду с собственно фабричными рабочими существует особый персонал инженеров, столяров, механиков, слесарей и т. д. Их заработная плата составляет часть переменного капитала, и стоимость их труда распределяется на продукт. С другой стороны, необходимые расходы на средства производства определяются по среднему расчету и в соответствии с ним все время входят в продукт как часть стоимости последнего, хотя фактически они авансируются в нерегулярные сроки, а потому в нерегулярные сроки входят в продукт, соответственно в основной капитал. Этот капитал, затрачиваемый собственно на ремонт, в некоторых отношениях составляет капитал особого рода: его нельзя отнести ни к оборотному, ни к основному капиталу, но все же можно более причислить к первому, так как он принадлежит к категории текущих затрат.

Способ ведения книг, конечно, ничего не изменяет в действительном соотношении вещей, относительно которых ведутся эти книги. Но важно отметить, что во многих отраслях производства издержкам по ремонту и действительному снашиванию основного капитала обыкновенно ведется общий подсчет следующим образом. Пусть авансированный капитал — 10 000 ф. ст., продолжительность его существования — 15 лет; ежегодное снашивание при этом условии — $666^2/_3$ ф. ст. Но вместо этого снашивание рассчитывают всего на 10 лет, т. е. к цене производимых товаров ежегодно надбавляют на снашивание основного капитала 1 000 ф. ст. вместо $666^2/_3$; т. е. на ремонтные работы и т. д. создается резерв в размере $333^1/_3$ ф. ст. (числа 10 и 15 взяты лишь для примера). Следовательно, в среднем на ремонт расходуется такая сумма, чтобы основной капитал просуществовал с этим ремонтом 15 лет. Такой способ подсчета, разумеется, не препятствует тому, что основной капитал и затрачиваемый на ремонт дополнительный капитал составляют различные категории. На основе такого рода подсчетов принимается, напр., что минимальная надбавка к издержкам, предназначаемая на сохранение и возмещение пароходов, составляет 15% в год, следовательно время воспроизводства =

$= 6^2/_3$ лет. В 60-х годах правление английской Peninsular and Oriental C⁰ исчисляло ежегодные расходы на этот предмет в 16%, что соответствует времени воспроизводства в $6^1/_3$ лет. На железных дорогах средняя продолжительность жизни локомотива 10 лет, но, принимая в расчет ремонт, снашивание определяется в $12^1/_2$%, что сводит продолжительность существования к 8 годам. Для пассажирских и товарных вагонов снашивание исчисляется в 9%, следовательно продолжительность жизни определяется в $11^1/_9$ лет.

Законодательство, касающееся контрактов о найме домов и других объектов, которые представляют для их собственников основной капитал и сдаются ими как таковой, везде признает различие между нормальным снашиванием, которое обусловливается временем, естественными влияниями и, наконец, нормальным использованием, и между случайным ремонтом, который время от времени требуется на протяжении нормальной продолжительности существования дома и нормального пользования им. Как общее правило, ремонт первого рода ложится на собственника, второго рода — на нанимателя. Ремонтные работы разделяются, далее, на обычные и капитальные. Последние представляют собою частичное возобновление основного капитала в его натуральной форме и тоже падают на собственника, если только контракт прямо не требует противоположного. Так, напр., согласно английскому праву:

«Наниматель обязан лишь содержать постройки из года в год в состоянии непроницаемости для ветра и дождя, поскольку это возможно без капитального ремонта; и вообще он обязан озаботиться лишь о таких починках, которые можно назвать обычными. Но даже и в этой области приходится принимать во внимание степень новизны и общее состояние соответствующих частей здания в тот момент, когда наниматель принял их: он не обязан ни заменять старый и сношенный материал новым, ни возмещать неизбежное обесценение, возникающее как результат времени и регулярного использования» (Holdsworth: «Law of Landlord and Tenant», стр. 90, 91).

Как от возмещения снашивания, так и от работ по сохранению и ремонту совершенно отлично *страхование,* которое распространяется на разрушения, производимые чрезвычайными явлениями природы, пожаром, наводнениями и т. д. Оно должно покрываться из прибавочной стоимости и представляет вычет из нее. Или, рассматривая дело с точки зрения всего общества, необходимо, чтобы всегда имело место добавочное производство, т. е. производство в более широких размерах, чем требуется для простого возмещения и воспроизводства существующего богатства; оно, если совсем оставить в стороне увеличение населения, необходимо для того, чтобы располагать средствами производства на покрытие

того экстраординарного разрушения, которое вызывается случайностями и силами природы.

На практике лишь ничтожная часть капитала, необходимого для возмещения, заключается в денежном резервном фонде. Важнейшую часть представляет расширение размеров самого производства, расширение, которое отчасти является действительным расширением, отчасти же, — в отраслях производства, в которых производится основной капитал, — необходимым условием нормальной величины производства. Так, напр., машиностроительная фабрика строится с расчетом на то, что, с одной стороны, фабрики, принадлежащие ее покупателям, будут ежегодно расширяться и что, с другой стороны, часть этих фабрик постоянно будет требовать полного или частичного воспроизводства.

При определении как снашивания, так и издержек по ремонту в соответствии с общественной средней нормой неизбежно оказываются большие различия даже для равновеликих капиталов, вложенных, вообще говоря, при одних и тех же условиях в одну и ту же отрасль производства. На практике у одного капиталиста машина и т. д. существует долее среднего периода, у другого — не так долго. Издержки ремонта у одного выше средней величины, у другого ниже и т. д. Но надбавка к цене товаров, определяемая снашиванием и издержками ремонта, одна и та же: она определяется по средней величине. Таким образом благодаря этой надбавке к цене один получает больше, чем он в действительности дополнительно затратил, другой — меньше. Это, как и все другие обстоятельства, — которые, несмотря на одинаковую эксплуатацию рабочей силы, делают различной прибыль различных капиталистов в одной и той же отрасли производства, — способствует тому, чтобы затруднить понимание истинной природы прибавочной стоимости.

Граница между собственно ремонтом и возмещением, между издержками сохранения и издержками возобновления более или менее условна. Отсюда вечный спор, напр., в области железнодорожного дела, представляют ли известные затраты ремонт или возмещение, следует ли покрыть их из текущих расходов или из основного капитала. Отнесение расходов ремонта на счет капитала вместо счета дохода является известным средством, при помощи которого железнодорожные управления искусственно взвинчивают свои дивиденды. Однако и в этой области опыт уже дал существеннейшие опорные пункты. Так, дополнительные работы в первый период жизни железной дороги представляют «отнюдь не ремонт; в них следует видеть существенный элемент сооружения дороги, следовательно они должны ложиться на счет капитала, так как они вытекают не из снашивания и не из нормального действия движения, но обязаны своим возникновением первоначальному неизбежному несовершенству сооружения» (Lardner, l. с.,

стр. 40). «Напротив, единственно правильный метод заключается в том, чтобы относить на счет дохода каждого года обесценение, которое было необходимо связано с тем, чтобы заслужить этот доход, — безразлично, израсходована ли в действительности соответствующая сумма или нет» (Captain Fitzmaurice: «Committee of Inquiry on Caledonian Railway», перепечатано в «Money Market Review», 1867).

Разграничение возмещения и сохранения основного капитала практически невозможно и бесцельно в земледелии, по крайней мере поскольку оно еще не применяет силы пара. «При полном, однако не чрезмерно большом комплекте инвентаря (всевозможных земледельческих и прочих орудий труда и хозяйственных принадлежностей) ежегодное снашивание и издержки по сохранению инвентаря обыкновенно определяются средним числом в 15—25% первоначального капитала, в зависимости от различия в сложившихся обстоятельствах» (Kirchhof: «Handbuch der landwirtschaftlichen Betriebslehre». Berlin 1852, стр. 137).

Когда дело идет о подвижном составе железной дороги, совершенно невозможно разграничить ремонт и возмещение. «Мы поддерживаем подвижной состав в том количестве, какое имеем. Какое число локомотивов имеется у нас, это число мы и поддерживаем. Если с течением времени локомотив сделается негодным, так что выгоднее построить новый, то мы и строим таковой за счет дохода, причем мы, конечно, вписываем в доход стоимость материалов, оставшихся от старой машины... Остается довольно много... Колеса, оси, котел и т. д., словом — остается добрая часть старого локомотива» (T. Gooch: «Chairman of Great Western Railway C°», R. C., № 17327—29). — «Ремонтировать значит возобновлять; для меня не существует слова «возмещение»...; раз железнодорожное общество купило вагон или локомотив, то оно должно так ремонтировать их, чтобы они могли служить вечно» (17784). «Издержки на локомотивы мы определяем в $8^1/_2$ пенсов на английскую милю пробега. На эти $8^1/_2$ пенсов мы должны всегда поддерживать локомотивы. Мы возобновляем свои машины. Если вы захотите купить машину заново, вы затратите больше денег, чем это необходимо... В старой машине всегда найдется пара колес, ось или другая пригодная часть; и это дает возможность дешевле построить машину, такую же хорошую, как совершенно новая» (17790). «Теперь я каждую неделю произвожу новый локомотив, т. е. такой же хороший, как новый, потому что в нем котел, цилиндр и рама новые». (17823. Archibald Sturrock: «Locomotive Superintendent of Great Northern Railway», в R. C., 1867).

То же самое с вагонами: «С течением времени запас локомотивов и вагонов постоянно возобновляется: то надеваются новые колеса, то делается новая рама. Так постепенно возобновляются части, на которых основывается движение и которые больше всего

подвержены снашиванию; таким образом машины и вагоны могут подвергнуться такому ремонту, что во многих из них от старого материала не останется и следа... Даже если они сделаются совсем непригодными для ремонта, из старых вагонов или локомотивов выбираются отдельные части и, таким образом, они никогда не пропадают полностью для дороги. Поэтому обращающийся капитал находится в состоянии постоянного воспроизводства; то, что для железнодорожного полотна приходится в определенное время производить разом, — именно, когда вся линия перекладывается заново, — это самое в подвижном составе производится постепенно, из года в год. Его существование вечно, он подвергается постоянному омолаживанию» (Lardner, стр. 115—116).

Этот процесс, как он представлен здесь Ларднером по отношению к железной дороге, не наблюдается на отдельной фабрике, но он дает нам картину постоянного частичного, переплетающегося с ремонтом воспроизводства основного капитала в пределах какой-либо отрасли промышленности, взятой в целом или вообще в рамках всего производства, рассматриваемого в общественном масштабе.

Вот еще один факт, показывающий, в каких широких границах ловкие управления могут хозяйничать с понятиями ремонт и возмещение, чтобы получать дивиденды. Согласно цитированному выше докладу Р. П. Вильямса, различные английские железнодорожные общества в среднем за ряд лет списывали со счета доходов следующие суммы на ремонт и издержки сохранения железнодорожного полотна и построек (ежегодно на английскую милю длины линии):

London and North Western	370 ф. ст.
Midland	225 » »
London and South Western	257 » »
Great Northern	360 » »
Lancashire and Yorkshire	377 » »
South Eastern	263 » »
Brighton	266 » »
Manchester and Sheffield	200 » »

Эти различия лишь в самой ничтожной мере вытекают из различия действительно произведенных затрат: они ведут свое происхождение почти исключительно из различий способа исчисления, из того, относятся ли статьи расходов на счет капитала или на счет дохода. Вильямс прямо говорит: «Меньшая цифра затрат принимается потому, что это необходимо для хорошего дивиденда, а бо́льшая цифра выводится потому, что имеется более высокий доход, который может выдержать это».

В известных случаях снашивание, а потому и его возмещение становится величиной, практически приближающейся к нулю, так что в расчет принимаются лишь одни издержки ремонта. То, что Ларднер говорит дальше относительно works of art на железных дорогах, относится, в общем, и ко всем таким прочным сооружениям, как каналы, доки, железные и каменные мосты и т. д. «Снашивание, которое вследствие длительного действия времени сказывается и на более солидных сооружениях, за сравнительно короткие промежутки времени действует почти незаметно; однако по истечении значительного времени, напр. столетий, оно делает необходимым возобновление, полное или частичное, даже самых солидных сооружений. Отношение этого незаметного снашивания к более ощутительному снашиванию других частей дороги можно сравнить с отношением вековых отклонений в движении небесных тел к периодическим. Действие времени на массивные сооружения дороги — мосты, тоннели, путепроводы и т. д. — дает пример того, что можно назвать вековым снашиванием. Более быстрое и заметное обесценение, исправляемое в более короткие промежутки времени посредством ремонта и возмещения, аналогично периодическим отклонениям. В издержки ежегодного ремонта входит и возмещение того случайного вреда, который время от времени причиняется наружной стороне даже сравнительно прочных сооружений; но и независимо от такого ремонта время не проходит для них бесследно, и в конце концов должен наступить момент, как бы отдален он ни был, когда состояние этих сооружений потребует постройки заново. Во всяком случае, что касается финансовой и экономической стороны дела, время это может быть слишком отдаленным для того чтобы принимать его во внимание в практических расчетах» (Lardner, l. c., стр. 38, 39).

Это относится ко всем таким сооружениям вековой прочности, в которых, следовательно, не приходится постепенно, по мере их снашивания, возмещать авансированный на них капитал, а приходится переносить на цену продукта лишь ежегодные средние издержки по поддержанию в исправности и ремонту.

Как мы видели, бо́льшая часть денег, ежегодно или даже чаще возвращающихся на возмещение снашивания основного капитала, снова совершает обратное превращение в натуральную форму этого капитала; тем не менее каждому отдельному капиталисту необходим амортизационный фонд для той части основного капитала, для которой лишь по истечении ряда лет разом наступает срок воспроизводства и которую тогда приходится возмещать целиком. Значительная составная часть основного капитала уже по самому своему свойству исключает возможность частичного воспроизводства. Кроме того, когда частичное воспроизводство происходит таким способом, что через короткие промежутки к обесценившемуся составу присоединяется новый, то, чтобы сделать возможным

это возмещение, необходимо предварительное накопление денег в большем или меньшем количестве, — смотря по специфическому характеру данной отрасли производства. Для этого достаточна не всякая произвольная сумма денег, — для этого требуется денежная сумма определенных размеров.

Если мы рассмотрим это только в предположении простого денежного обращения, совершенно оставляя в стороне систему кредита, о которой речь позже, то механизм движения таков: если одна часть денег, имеющихся в обществе, всегда лежит в бездеятельном состоянии, в форме сокровища, а другая функционирует как средство обращения или как непосредственный резервный фонд по отношению к уже обращающимся деньгам, то пропорция, в которой вся масса денег распадается на сокровище и на средства обращения, подвержена постоянным изменениям. Это было показано в первой книге (глава III, 3а). Деньги, которые в нашем примере сравнительно крупный капиталист должен накопить в виде сокровища сравнительно крупных размеров, при закупке основного капитала разом выбрасываются в обращение. Потом они снова сами собою распадаются в обществе на средства обращения и сокровище. Благодаря амортизационному фонду, в который, как в свой исходный пункт, возвращается стоимость основного капитала, соответствующая его снашиванию, часть обращающихся денег на более или менее продолжительное время опять образует сокровище в руках того самого капиталиста, сокровище которого при покупке основного капитала ушло от него, превратившись в средство обращения. Перед нами — постоянно изменяющееся распределение существующего в обществе сокровища, которое попеременно функционирует как средство обращения, а потом в качестве сокровища опять отделяется от массы обращающихся денег. С развитием системы кредита, которое необходимо идет параллельно развитию крупной промышленности и капиталистического производства, деньги функционируют уже не как сокровище, а как капитал, однако в руках не их собственника, а другого капиталиста, которому они передаются в распоряжение.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ОБЩИЙ ОБОРОТ АВАНСИРОВАННОГО КАПИТАЛА. ЦИКЛЫ ОБОРОТОВ.

Мы видели, что основные и оборотные составные части производительного капитала совершают свои обороты различным способом и в разные периоды и что различные составные части основного капитала в одном и том же предприятии также имеют различные периоды оборота в зависимости от различий продолжительности их жизни, а следовательно и воспроизводства. (О действительных или кажущихся различиях в обороте различных составных частей оборотного капитала в одном и том же предприятии см. под цифрой 6 в конце этой главы.)

1. Общий оборот авансированного капитала есть средний оборот различных его составных частей; способ исчисления — ниже. Поскольку дело идет лишь о различных периодах времени, нет, конечно, ничего проще, как вывести из них среднее; но

2. здесь имеет место не только количественное, но и качественное различие.

Оборотный капитал, входящий в процесс производства, переносит на продукт всю свою стоимость, и потому, чтобы процесс производства шел без перерывов, он должен постоянно возмещаться in natura, посредством продажи продукта. Основной капитал, входящий в процесс производства, переносит на продукт лишь часть своей стоимости (снашивание) и, несмотря на снашивание, продолжает функционировать в процессе производства; поэтому он лишь через более или менее продолжительные промежутки времени, во всяком случае не так часто, как оборотный капитал, нуждается в возобновлении in natura. Эта необходимость возмещения, срок воспроизводства, не только количественно различна для различных составных частей основного капитала: как мы видели, одна часть многолетнего основного капитала, имеющая бо́льшую продолжительность жизни, может возобновляться и присоединяться in natura к старому основному капиталу частично, каждый год или через более короткие промежутки времени; что же касается основного капитала, обладающего другими свойствами, то его возмещение, напротив, может происходить лишь разом, по истечении срока его жизни.

Ввиду этого необходимо свести особые обороты различных частей основного капитала к однородной форме оборота, так, чтобы они отличались друг от друга лишь количественно, по продолжительности оборота.

Этой качественной тожественности нет места, если мы примем за исходный пункт *П...П*, — форму непрерывного процесса производства: известные элементы *П* должны постоянно возмещаться in natura, другие нет. Но форма *Д...Д'*, несомненно, дает такую тожественность оборота. Возьмем, напр., машину стоимостью в 10 000 ф. ст., продолжительность ее существования — 10 лет, следовательно ежегодно совершает обратное превращение в деньги $^1/_{10} = 1000$ ф. ст. Эти 1 000 ф. ст. в течение одного года превратились из денежного капитала в производительный капитал, потом в товарный капитал, а из последнего опять в денежный капитал. Они возвратились к своей первоначальной денежной форме, так же как оборотный капитал, — если мы будем рассматривать последний в этой форме, — и при этом совершенно безразлично, превратится ли в конце года денежный капитал в 1 000 ф. ст. опять в натуральную форму какой-либо машины или же нет. Вычисляя общий оборот авансированного производительного капитала, мы поэтому фиксируем все его элементы в денежной форме, так что возврат к денежной форме является завершением оборота. Мы исходим из предположения, что стоимость всегда авансируется в деньгах, хотя бы дело шло о непрерывном процессе производства, когда эта денежная форма стоимости представляет собою только счетные деньги. Таким-то способом мы можем вывести среднюю величину.

3. Из этого следует, что, даже в том случае, если подавляющая часть авансированного производительного капитала состоит из основного капитала, время воспроизводства, а следовательно и время оборота которого охватывает многолетний цикл, тем не менее оборачивающаяся в течение года капитальная стоимость может быть больше, чем общая стоимость авансированного капитала; это — следствие того, что оборотный капитал делает за год несколько оборотов.

Пусть основной капитал $= 80\,000$ ф. ст., время его воспроизводства $= 10$ годам, так что 8 000 ф. ст. ежегодно возвращаются к своей денежной форме, или основной капитал совершает в год $^1/_{10}$ своего оборота. Пусть оборотный капитал $= 20\,000$ ф. ст. и совершает в год пять оборотов. Следовательно, весь капитал $=$ $= 100\,000$ ф. ст. Обернувшийся основной капитал $= 8\,000$ ф. ст.; обернувшийся оборотный капитал $= 20\,000 \times 5 = 100\,000$ ф. ст. Следовательно, обернувшийся в течение года капитал $= 108\,000$ ф. ст., — на 8 000 ф. ст. больше, чем авансированный капитал. Обернулось $1 + {}^2/_{25}$ капитала.

4. Следовательно, *оборот стоимости* авансированного капитала отделяется во времени от его действительного воспроизвод-

ства, или от реального оборота его составных частей. Например, пусть капитал в 4 000 ф. ст. оборачивается пять раз в год. В таком случае обернувшийся капитал $= 4\,000 \times 5 = 20\,000$ ф. ст. Но в конце каждого оборота возвращается, чтобы снова быть авансированным, не что иное, как первоначально авансированный капитал в 4 000 ф. ст. Его величина не изменяется от числа тех периодов оборота, в которых он снова и снова функционирует как капитал (прибавочная стоимость оставляется в стороне).

Итак, в примере под цифрою 3, согласно предположению, в конце года в руки капиталиста возвратилось: a) сумма стоимости в 20 000 ф. ст., которую он снова затрачивает на оборотные составные части капитала, и b) сумма в 8 000 ф. ст., которая вследствие снашивания отделилась от стоимости авансированного основного капитала; при этом в процессе производства попрежнему остается все тот же основной капитал, но стоимость его уменьшилась с 80 000 ф. ст. до 72 000 ф. ст. Следовательно, требуется продолжение процесса производства в течение еще девяти лет, — и лишь тогда авансированный основной капитал отживет свое время, перестанет функционировать в качестве созидателя продукта и стоимости, потребует возмещения. Таким образом авансированной капитальной стоимости предстоит совершить известный цикл оборотов, напр. в данном случае цикл из десяти годовых оборотов, — и цикл этот определяется продолжительностью существования, следовательно временем воспроизводства или временем оборота применяемого основного капитала.

Итак, в той самой мере, как с развитием капиталистического способа производства растет размер стоимости и продолжительность существования применяемого основного капитала, в этой же мере жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь, — скажем, средним счетом в десятилетнюю жизнь. Если, с одной стороны, развитие основного капитала удлиняет эту жизнь, то, с другой стороны, она сокращается вследствие постоянных переворотов в средствах производства, переворотов, которые с развитием капиталистического способа производства также постоянно возрастают. С этим связаны и смена средств производства и необходимость постоянного их возмещения, потому что они подвергаются моральному снашиванию задолго до того, как физически отживут свое время. Можно принять, что в решающих отраслях крупной промышленности этот цикл жизни составляет теперь средним счетом десять лет. Однако дело здесь не в определенном числе. Ясно во всяком случае следующее: этим охватывающим ряд лет циклом взаимно связанных между собой оборотов, в которых капитал закреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем в ходе

цикла деловая жизнь [Geschäft] последовательно переживает периоды ослабления, среднего оживления, стремительного размаха, кризиса. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда образует исходный пункт для крупных новых вложений капитала. Следовательно, если рассматривать общество в целом, то кризис в большей или меньшей степени создает новую материальную основу для следующего цикла оборотов[22a].

5. Что касается способа исчисления оборота, обратимся к одному американскому экономисту:

«В некоторых отраслях производства весь авансированный капитал успевает возвратиться, или обернуться, несколько раз в течение года; в некоторых других одна часть оборачивается более одного раза в год, а другая не так быстро. Капиталисту приходится исчислять свою прибыль в соответствии с тем средним периодом, который требуется для всего его капитала, чтобы пройти через его руки, или обернуться один раз. Предположим, что некто вложил в определенном предприятии половину своего капитала в постройки и машины, которые возобновляются один раз в десять лет; четверть — в орудия и т. д., которые возобновляются в два года, и что последняя четверть, затраченная на заработную плату и сырье, оборачивается два раза в год. Пусть весь его капитал 50 000 долларов. Тогда его годовая затрата составит:

50 000 : 2 = 25 000	долл.	в 10 лет	= 2 500	долл.	в 1	год.
50 000 : 4 = 12 500	»	» 2 года	= 6 250	»	» »	»
50 000 : 4 = 12 500	»	» 1/2 »	= 25 000	»	» »	»
		В 1 год	= 33 750	долл.		

Следовательно, среднее время, в течение которого весь капитал оборачивается один раз, составляет 16 месяцев... Возьмем другой случай: пусть четверть всего капитала в 50 000 долларов оборачивается в 10 лет; другая четверть в 1 год; остальная половина дважды в год. Тогда годовая затрата будет:

12 500 : 10 = 1 250 долл.
12 500 = 12 500 »
25 000 × 2 = 50 000 »

В 1 год обернулось = 63 750 долл.

(Scrope: «Pol. Econ.», изд. Alonzo Potter, New York 1841, стр. 142, 143).

[22a] «Городское производство связано с оборотом, охватывающим несколько дней: сельское, напротив, с оборотом, охватывающим годы» (*Adam G. Müller:* «Die Elemente der Staatskunst». Berlin 1809, III, стр. 178). Таково наивное представление романтики о промышленности и земледелии.

6. Действительные и кажущиеся различия в обороте различных частей капитала. — Тот же Скроп говорит в том же месте: «Капитал, который фабрикант, сельский хозяин или торговец затрачивает на выплату заработной платы, обращается всего быстрее, так как капитал этот, если выплата производится еженедельно, обернется, быть может, один раз в неделю благодаря тому, что поступления от продажи или от оплаченных счетов также совершаются еженедельно. Капитал, затраченный на сырье или запасы готовых товаров, обращается с меньшею быстротой; он может совершить два или четыре оборота в год, смотря по тому, сколько времени проходит между покупкой сырья и продажей товаров, — мы предполагаем, что кредит по покупкам и продажам дается на одинаковый срок. Капитал, заключающийся в орудиях и машинах, обращается еще медленнее, потому что он, быть может, сделает в пять или десять лет в среднем только один оборот, т. е. будет потреблен и возобновлен; и это несмотря на то, что некоторые орудия будут до конца использованы уже после короткого ряда операций. Что касается капитала, вложенного в здания и сооружения, напр. фабрики, магазины, склады, амбары, дороги, оросительные сооружения и т. д., то кажется, будто он вообще почти совсем не обращается. Но в действительности и эти вложения, содействуя производству, изнашиваются совершенно так же, как и упомянутые ранее, и для того чтобы производитель мог продолжать свои операции, они должны быть воспроизведены. Различие заключается лишь в том, что они потребляются и воспроизводятся медленнее, чем остальные... Вложенный в них капитал совершает оборот, быть может, лишь в 20 или в 50 лет» [стр. 141—142].

Скроп смешивает здесь то различие в движении определенных частей оборотного капитала, которое обусловливается для индивидуального капиталиста сроками платежа и отношениями кредита, с тем различием оборотов, которое вытекает из природы капитала. Он говорит, что заработная плата должна еженедельно выплачиваться из еженедельных поступлений от оплачиваемых продаж или счетов. Во-первых, здесь следует заметить, что даже по отношению к заработной плате существуют различия в зависимости от продолжительности срока платежей, т. е. от продолжительности того времени, на которое рабочий вынужден кредитовать капиталиста; следовательно, в зависимости от того, каков срок выдачи заработной платы: еженедельный, ежемесячный, трехмесячный, полугодовой и т. д. Здесь находит себе применение раньше развитый закон: «Необходимая масса средств платежа (т. е. того денежного капитала, который приходится авансировать разом) находится в обратном отношении к продолжительности периодов платежей» (книга I, глава III, 3b). [Ср. К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 148.]

Во-вторых, в недельный продукт входит целиком не только новая стоимость, присоединенная при его производстве трудом этой недели, но также и стоимость сырья и вспомогательных материалов, потребленных за это время на продукт. Вместе с продуктом обращается и эта заключающаяся в нем стоимость. Вследствие продажи этого продукта она приобретает денежную форму и теперь снова должна быть превращена в те же самые элементы производства. Это одинаково относится как к рабочей силе, так и к сырью и вспомогательным материалам. Но мы уже видели (глава VI, II, 1), что непрерывность производства требует запаса средств производства, — запаса, различного для различных отраслей производства, а в одной и той же отрасли опять-таки различного для различных составных частей этого элемента оборотного капитала, напр. для угля и хлопка. Поэтому, хотя эти материалы постоянно приходится возмещать in natura, нет необходимости постоянно вновь покупать их. Насколько часто возобновляется купля, зависит от величины заготовленного запаса, от того, на какое время хватит его, пока он не будет исчерпан. Что касается рабочей силы, здесь такого образования запаса не происходит. Обратное превращение в деньги для той части капитала, которая затрачена на труд, идет рука об руку с обратным превращением той части, которая затрачена на вспомогательный материал и сырье. Но обратное превращение денег, с одной стороны, в рабочую силу, а с другой стороны, в сырье совершается раздельно, потому что сроки купли и платежа для этих двух составных частей различные: одна из них, как производственный запас, покупается через сравнительно продолжительные сроки, другая же, рабочая сила, через сравнительно краткие, напр. еженедельно. С другой стороны, кроме производственного запаса, у капиталиста должен быть запас готовых товаров. Оставим в стороне затруднения с продажей и т. д. Пусть, напр., нужно произвести известное количество товара на заказ. В то время как производится его последняя часть, уже готовая остается на складах до того времени, пока не будет выполнен весь заказ. Другие различия в обороте оборотного капитала возникают в том случае, если одним элементам его приходится дольше оставаться на подготовительной стадии процесса производства (сушка дерева и т. д.), чем другим.

Система кредита, на которую ссылается здесь Скроп, равно как и торговый капитал модифицируют оборот для отдельного капиталиста. В общественном же масштабе они модифицируют его лишь постольку, поскольку ускоряют не только производство, но и потребление.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ТЕОРИИ ОСНОВНОГО И ОБОРОТНОГО КАПИТАЛА. ФИЗИОКРАТЫ И АДАМ СМИТ.

У Кенэ различие между основным и оборотным капиталом выступает как различие между avances primitives [авансами первоначальными] и avances annuelles [авансами ежегодными]. Он правильно изображает это различие как различие, существующее лишь в пределах производительного капитала, т. е. капитала, включенного в непосредственный процесс производства. А так как для него единственным действительно производительным капиталом является капитал, применяемый в земледелии, т. е. капитал фермера, то и различия эти оказываются относящимися только к капиталу фермера. Этим же объясняется, почему он для одной части капитала берет годовой период оборота, для другой — более продолжительный (десятилетний). По мере дальнейшего развития их учения физиократы стали попутно переносить эти различия и на другие виды капитала, на промышленный капитал вообще. Для общества различие между ежегодными и многолетними авансами настолько важно, что многие экономисты даже после Адама Смита возвращались к этому определению.

Различие между обоими видами авансов возникает лишь тогда, когда авансированные деньги превращены в элементы производительного капитала. Различие это существует исключительно в рамках производительного капитала. Поэтому Кенэ не приходит в голову причислять деньги к первоначальным или к ежегодным авансам. Как авансы для производства, — т. е. как производительный капитал, — оба вида авансов противостоят как деньгам, так и находящимся на рынке товарам. Далее, у Кенэ различие между этими двумя элементами производительного капитала правильно сводится к различию способов, какими эти элементы входят в стоимость готового продукта, следовательно к различию способов обращения их стоимости вместе со стоимостью продукта, а потому и к различию способов их возмещения или их воспроизводства, причем стоимость одного элемента

ежегодно возмещается целиком, стоимость другого — по частям, в течение более продолжительных периодов[23].

Единственный прогресс, достигнутый в этом вопросе Адамом Смитом, заключается в обобщении указанных категорий. У него они относятся уже не только к специальной форме капитала, к капиталу фермера, но и ко всякой вообще форме производительного капитала. Отсюда уже само собою следует, что на место заимствованного из земледелия различия между ежегодным и многолетним оборотом выступает вообще различие разновременных оборотов, причем оборот основного капитала всегда охватывает более чем один оборот капитала оборотного, все равно, продолжается ли этот последний один год, более года или менее года. Таким образом у Смита avances annuelles [авансы ежегодные] превращаются в оборотный, avances primitives [авансы первоначальные] — в основной капитал. Но этим обобщением категорий и ограничивается сделанный им шаг вперед. В том же, как он это выполняет, он далеко уступает Кенэ.

Уже тот грубо эмпирический прием, при помощи которого он приступает к своему исследованию, порождает неясность: «Капитал может быть употребляем двумя различными способами, чтобы доставлять доход или прибыль своему обладателю» («Wealth of Nations», книга II, гл. I, стр. 189. Изд. Aberdeen, 1848). [См. Адам Смит: «Богатство народов», т. I, Соцэкгиз, 1935 г., стр. 231.]

Способы, какими можно вкладывать стоимость, чтобы она функционировала как капитал, приносила своему владельцу прибавочную стоимость, столь же различны, столь же многообразны, как и сферы вложения капитала. Это — вопрос о различных отраслях производства, в которые может быть вложен капитал. Но вопрос, формулированный таким образом, идет еще дальше. Он включает в себя вопрос о том, каким образом стоимость, если она даже не вложена как производительный капитал, может для своего владельца выполнять функцию капитала, напр. в качестве капитала,

---

[23] Ср. *Quesnay:* «Analyse du Tableau Économique» («Physiocrates», изд. Daire, I часть, Paris 1846). Мы читаем там, напр.: «Ежегодные авансы заключаются в издержках, производимых ежегодно на земледельческие работы. Эти авансы должны быть различаемы от первоначальных авансов, образующих фонд земледельческого оборудования» (стр. 59). У позднейших физиократов авансы нередко прямо называются капиталом: «Capital ou avances». — *Dupont de Nemours:* «Origine et Progrès d'une science nouvelle», 1767 (Daire, I, стр. 291); далее Ле Трон пишет: «В произведениях труда, существующих более или менее продолжительное время, нация обладает значительным фондом богатств, независимым от его ежегодного воспроизводства; этот фонд составляет *капитал,* накопленный за долгое время и первоначально оплачиваемый промышленностью, — капитал, непрерывно возобновляющийся и возрастающий» (Daire, II, стр. 928). — Тюрго уже систематически употребляет слово капитал вместо «авансы» и еще полнее отожествляет авансы мануфактуристов с авансами фермеров (*Turgot:* «Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses», 1766).

приносящего проценты, торгового капитала и т. п. Здесь мы, таким образом, бесконечно далеко ушли от действительного предмета анализа, именно от вопроса: каким образом разделение *производительного* капитала на его различные элементы влияет на его оборот, независимо от различия сфер его приложения.

Адам Смит непосредственно вслед за тем продолжает: «Во-первых, он может быть употреблен на возделывание земли, переработку или покупку товаров с целью перепродажи их с прибылью». [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 231.] А. Смит утверждает здесь только, что капитал может быть вообще употреблен в земледелии, мануфактуре и торговле. Он говорит, следовательно, лишь о различных сферах вложения капитала и, между прочим, о таких, где, как в торговле, капитал не входит в непосредственный процесс производства, следовательно не функционирует как производительный капитал. Тем самым он покидает то основание, на которое опирались физиократы, устанавливая различие отдельных частей производительного капитала и их влияние на характер оборота. Мало того, он тотчас же приводит в качестве примера торговый капитал, хотя в данном случае речь идет исключительно о различиях частей *производительного* капитала в процессе созидания продукта и стоимости, — различиях, которые в свою очередь порождают различия в обороте и воспроизводстве капитала.

Он продолжает: «Капитал, употребляемый таким образом, не приносит дохода или прибыли своему владельцу, пока он остается в его обладании или сохраняет свою прежнюю форму». [См. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 231.] «Капитал, употребляемый таким образом»! Но ведь А. Смит говорит о капитале, вложенном в сельское хозяйство или промышленность, и в дальнейшем утверждает, что помещенный таким образом капитал распадается на основной и оборотный! Следовательно, употребление капитала указанным способом не может само по себе сделать его ни основным, ни оборотным.

Но, быть может, он хочет сказать, что капитал, употребляемый для того чтобы производить товары и продавать эти товары с прибылью, должен, превратившись в товары, быть продан и при помощи продажи, во-первых, перейти из собственности продавца в собственность покупателя, во-вторых, переменить свою натуральную форму товара на денежную форму, и что капитал поэтому бесполезен для своего владельца, пока он остается в его владении или сохраняет — для владельца — ту же самую форму? Однако тогда все дело сводится к следующему: та же самая капитальная стоимость, которая раньше функционировала в форме производительного капитала, в форме, принадлежащей процессу производства, функционирует теперь как товарный капитал и денежный капитал, — в формах, присущих процессу обращения, — и потому

не является уже ни основным, ни оборотным капиталом. И это в одинаковой мере относится как к тем элементам стоимости, которые присоединяются сырьем и вспомогательными материалами, следовательно оборотным капиталом, так и к тем, которые присоединяются вследствие снашивания средств труда, следовательно присоединяются основным капиталом. Таким образом мы и здесь ни на шаг не приблизились к уяснению различия между основным и оборотным капиталом.

Далее: «Товары купца не приносят ему дохода или прибыли, пока он не продаст их за деньги, а деньги дадут ему мало пользы, пока они в свою очередь не будут выменены на товары. Его капитал постоянно уходит от него в одной форме и возвращается к нему в другой, и только путем такого обращения, или последовательных обменов, он может приносить ему какую бы то ни было прибыль. Такого рода капиталы можно поэтому вполне правильно назвать оборотными капиталами». [См. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 231.]

А. Смит называет здесь оборотным капиталом то, что я предлагаю назвать *капиталом обращения*. Это — капитал в форме, присущей процессу обращения, той смене форм, которая совершается при посредстве обмена (смена вещества и смена владельца), следовательно, это — товарный и денежный капитал в противоположность производительному капиталу, той форме капитала, которая присуща процессу производства. Это не два различных вида, на которые делит свой капитал промышленный капиталист, а различные формы, которые одна и та же авансированная капитальная стоимость последовательно постоянно вновь принимает и сбрасывает, совершая свое curriculum vitae [жизненный путь]. А. Смит смешивает это, — делая крупный шаг назад по сравнению с физиократами, — с теми различиями формы, которые возникают в пределах обращения капитальной стоимости, проходящей последовательные стадии своего кругооборота, возникают в то время, когда капитальная стоимость находится в форме *производительного* капитала, и возникают именно благодаря тому, что разные элементы производительного капитала различным способом участвуют в процессе создания стоимости и переносят свою стоимость на продукт. Ниже мы рассмотрим последствия, к которым приводит это основное смешение производительного капитала и капитала, находящегося в сфере обращения (товарного и денежного капитала), с одной стороны, и основного и оборотного капитала — с другой. Капитальная стоимость, авансированная на основной капитал, точно так же обращается вместе с продуктом, как и стоимость, авансированная на оборотный капитал, и при помощи обращения товарного капитала первая точно так же превращается в денежный капитал, как и вторая. Разница обусловливается лишь тем, что стоимость основного капитала обращается по ча-

стям и, следовательно, по частям же, в течение более или менее продолжительных периодов, должна возмещаться, воспроизводиться в своей натуральной форме.

Что А. Смит разумеет здесь под оборотным капиталом не что иное, как капитал обращения, т. е. капитальную стоимость в ее формах, относящихся к процессу обращения (товарный капитал и денежный капитал), доказывает пример, избранный им особенно неудачно. Он берет в качестве примера тот вид капитала, который вовсе не относится к процессу производства, но существует исключительно в сфере обращения, состоит только из капитала обращения: он берет торговый капитал.

Насколько нелепо начинать примером, в котором капитал вообще фигурирует не как производительный капитал, Смит следом за этим говорит сам: «Капитал купца, напр., целиком представляет собою капитал оборотный». [См. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 232.] Но разница между оборотным и основным капиталом сама ведь вытекает, как мы узнаем впоследствии, из существенных различий, имеющих место в пределах самого производительного капитала. С одной стороны, А. Смит имеет в виду установленное физиократами различие, с другой стороны, различие тех форм, которые принимает капитальная стоимость в процессе ее кругооборота. И то и другое смешивается у него в одну пеструю кучу.

Но каким образом прибыль может возникнуть вследствие смены формы денег и товара, вследствие простого превращения стоимости из одной из этих форм в другую, остается абсолютно непонятным. И объяснение здесь совершенно невозможно, так как Смит начинает с торгового капитала, который функционирует лишь в сфере обращения. Мы еще возвратимся к этому, а пока послушаем, что говорит он об основном капитале:

«Во-вторых, капитал может быть употреблен на улучшение земли, на покупку полезных машин или других подобных предметов, которые приносят доход или прибыль без перехода от одного владельца к другому или без дальнейшего обращения. Такие капиталы можно поэтому с полным правом назвать основными капиталами. В различных промыслах необходимо весьма различное соотношение между употребляемыми в них капиталами основными и оборотными... Некоторая часть капитала каждого ремесленника или мануфактуриста должна быть вложена в инструмент его промысла. Эта часть, впрочем, в одних промыслах совсем незначительна, в других же очень велика... Но зато значительно бо̀льшая часть капитала всех таких хозяев-ремесленников обращается в виде заработной платы их работников или цены употребляемых ими материалов и возмещается им с некоторой прибылью в цене их изделий». [См. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 232.]

Не говоря уже о детски наивном определении источника прибыли, слабость и путаница видна уже из следующего: для фабриканта-машиностроителя машина, напр., есть продукт, который обращается как товарный капитал, следовательно, говоря словами А. Смита, «отделяется, меняет хозяина, обращается дальше». В этом случае машина оказалась бы согласно его собственному определению не основным, а оборотным капиталом. Путаница происходит опять-таки благодаря тому, что Смит смешивает различие между основным и оборотным капиталом, возникающее из неодинаковых способов обращения различных элементов производительного капитала, с различиями форм, через которые проходит один и тот же капитал, поскольку он в пределах процесса производства функционирует как *производительный* капитал, в сфере же обращения — как капитал обращения, т. е. как товарный капитал или денежный капитал. Таким образом одни и те же вещи, смотря по тому месту, которое они занимают в жизненном процессе капитала, могут, по А. Смиту, функционировать и как основной капитал (как средства труда, элементы производительного капитала) и как «оборотный» капитал, товарный капитал (как продукт, вытолкнутый из сферы производства в сферу обращения).

Но А. Смит меняет вдруг самые основы деления капитала и вступает в противоречие с тем, с чего он несколькими строками раньше начал все исследование. Мы имеем в виду фразу: «Капитал может быть употребляем двумя различными способами, чтобы доставлять доход или прибыль своему обладателю», т. е. можно употребить его или как оборотный, или как основной капитал. Здесь разумеются, очевидно, различные способы применения различных и независимых друг от друга капиталов, каковы, напр., капиталы, которые могут быть вложены или в промышленность, или в земледелие. Но дальше мы читаем: «В различных промыслах необходимо весьма различное соотношение между употребляемыми в них капиталами основными и оборотными». Теперь основной и оборотный капитал являются уже не различными самостоятельными вложениями капитала, а различными долями одного и того же производительного капитала, которые в различных сферах вложения капитала образуют различные части его совокупной стоимости. Следовательно, это — различия, которые возникают из соответствующего разделения самого *производительного* капитала и потому имеют место по отношению только к этому последнему. Но этому снова противоречит то обстоятельство, что торговый капитал, как исключительно оборотный, противополагается основному, — припомним слова Смита: «капитал купца, напр., целиком представляет собою капитал оборотный». В действительности это — капитал, функционирующий только в пределах сферы обращения, и как таковой он вообще противостоит производительному капиталу, внедренному в процесс производства, но именно потому он

не может противопоставляться как текучая (оборотная) составная часть производительного капитала основной составной части производительного капитала.

В примерах, приводимых Смитом, он определяет как основной капитал орудия труда, как оборотный капитал — ту часть капитала, которая вложена в заработную плату и сырье, включая сюда и вспомогательные материалы («оплачиваемые с прибылью ценою произведений»).

Итак, прежде всего исходным пунктом являются здесь для Смита различные составные элементы процесса труда: рабочая сила (труд) и сырье, с одной стороны, орудия труда — с другой стороны. Но эти составные элементы процесса труда представляют собою составные части капитала, так как на них затрачена известная сумма стоимости, которая должна функционировать как капитал. Постольку это вещественные элементы, способы существования *производительного,* т. е. функционирующего в процессе производства капитала. Почему же одна часть называется основной? Потому, что «некоторые части капитала должны быть фиксированы в орудиях труда». Но ведь другая его часть также «фиксирована» в заработной плате и сырье. Далее, машины, «орудия труда... и тому подобные вещи... приносят доход, или прибыль, не переменяя хозяина, не обращаясь дальше. Наиболее подходящим названием для таких капиталов является поэтому капиталы основные».

Возьмем для примера горное дело. Сырого материала здесь вовсе не применяется, так как предмет труда, напр. медь, есть продукт природы, который еще должен быть присвоен при помощи труда. Медь, которая еще только должна быть добыта, — продукт процесса, после которого она будет обращаться как товар, соответственно как товарный капитал, пока не образует элемента производительного капитала. Никакой части капитальной стоимости в нее не вложено. С другой стороны, другие элементы процесса производства, рабочая сила и вспомогательные материалы, как уголь, вода и т. п., вещественно также не входят в продукт. Уголь потребляется целиком, и только стоимость его входит в продукт, совершенно так же, как в продукт входит часть стоимости машины и т. п. Наконец, рабочий сохраняет такую же самостоятельность по отношению к продукту, меди, как и машина. Только стоимость, произведенная его трудом, есть теперь составная часть стоимости меди. Таким образом в этом примере ни одна из составных частей производительного капитала не меняет владельца (masters) и ни одна не обращается далее, так как ни одна из них вещественно не входит в продукт. Где же тут остается место для оборотного капитала? По собственному определению А. Смита, весь капитал, употребляемый на разработку медных рудников, состоял бы исключительно из основного капитала.

Возьмем, с другой стороны, промышленность, применяющую сырье, которое образует субстанцию продукта, и, далее, вспомогательные материалы, которые входят в продукт физически, а не только по стоимости, напр. каменный уголь, служащий для отопления. Вместе с продуктом, напр. пряжей, сырье, из которого продукт состоит, хлопок, меняет владельца и переходит из процесса производства в процесс потребления. Но пока хлопок функционирует как элемент производительного капитала, владелец не продает его, а обрабатывает, заставляет делать из него пряжу. Владелец не выпускает хлопка из рук. Или, употребляя грубо неверное и тривиальное выражение А. Смита, собственник не получает прибыли, расставаясь с продуктом, заставляя его менять хозяина или вступать в обращение. Он так же не пускает в обращение своих материалов, как и машин. Они закреплены в процессе производства подобно прядильным машинам и фабричным зданиям. Ведь часть производительного капитала должна быть постоянно закреплена в форме угля, хлопка и т. п., точно так же как в форме средств труда. Разница заключается лишь в том, что хлопок, уголь и т. п., необходимые, напр., для недельного производства пряжи, целиком потребляются на производство недельного продукта и, следовательно, должны постоянно возмещаться новыми экземплярами хлопка, угля и т. п.; таким образом эти элементы производительного капитала, хотя они остаются тожественными по своему роду, постоянно состоят из новых экземпляров того же самого рода, между тем как одна и та же отдельная прядильная машина, одно и то же отдельное фабричное здание продолжают принимать участие в целом ряде повторных недельных процессов производства, не замещаясь новыми экземплярами своего рода. Как элементы производительного капитала, все его составные части постоянно закреплены в процессе производства, потому что без них последний вообще не может совершаться. И все элементы производительного капитала, основные и оборотные, составляя производительный капитал, одинаково противостоят капиталу обращения, т. е. товарному капиталу и денежному капиталу.

То же самое относится и к рабочей силе. Часть производительного капитала постоянно должна быть фиксирована в ней, причем один и тот же капиталист в течение более или менее продолжительного времени употребляет одни и те же, тожественные между собой рабочие силы, подобно тому как он употребляет одни и те же машины. Разница между рабочей силой и машиной состоит не в том, что машина покупается раз навсегда (это не имеет места, напр., тогда, когда уплата за машину производится в рассрочку), а рабочий нет, а в том, что труд, затрачиваемый рабочим, целиком входит в стоимость продукта, в то время как стоимость машины переходит на продукт лишь по частям.

Смит смешивает различные определения, характеризуя в следующих словах оборотный капитал в противоположность основному: «Капитал, употребляемый таким образом, не приносит дохода или прибыли своему владельцу, пока он остается в его обладании или сохраняет свою прежнюю форму». Он ставит на одну доску ту чисто формальную метаморфозу товара, которую продукт, товарный капитал, проделывает в сфере обращения и которая опосредствует переход товаров из рук в руки, с той физической метаморфозой, которую совершают различные элементы производительного капитала в течение процесса производства. Превращение товара в деньги и денег в товар, куплю и продажу, он без дальнейших рассуждений смешивает здесь с превращением элементов производства в продукт. Приведенный им в качестве примера оборотный капитал есть купеческий капитал, превращающийся из товара в деньги, из денег в товар, это — смена формы, присущая товарному обращению: $Т — Д — Т$. Но такая смена формы в процессе обращения имеет для функционирующего промышленного капитала то значение, что товары, в которые обратно превращаются деньги, суть элементы производства (средства труда и рабочая сила); следовательно, при посредстве указанной смены форм осуществляется непрерывность функционирования промышленного капитала, осуществляется процесс производства как непрерывный, или как процесс воспроизводства. Вся эта смена форм совершается *в обращении;* именно эта смена форм опосредствует действительный переход товаров из одних рук в другие. Напротив, метаморфозы, совершаемые производительным капиталом в пределах процесса его производства, являются метаморфозами, присущими *процессу труда,* необходимыми для того, чтобы превратить элементы производства в продукт, который намечено произвести. А. Смит останавливается на том, что часть средств производства (средства труда в собственном смысле) служит в процессе труда (что̀ он неправильно выражает словами: «приносит прибыль своему хозяину»), не меняя своей натуральной формы, снашиваясь лишь постепенно; между тем другая часть, материалы, изменяется и именно благодаря этому изменению выполняет свое назначение в качестве средств производства. Однако эта различная роль, выполняемая элементами производительного капитала в процессе труда, образует лишь исходный пункт различия между основным и не основным капиталом, а не само это различие, как ясно уже из того, что оно в одинаковой мере существует для всех способов производства, капиталистических и некапиталистических. Но этому различному вещественному отношению соответствуют определенные способы *перехода стоимости* на продукт, а последним соответствуют опять-таки различные способы возмещения стоимости посредством продажи продукта; и только эти последние составляют искомое нами различие. Капитал является, таким

образом, основным не потому, что он фиксирован в средствах труда, а потому, что часть его стоимости, вложенной в средства труда, остается фиксированной в них, в то время как другая часть обращается в качестве составной части стоимости продукта.

«Если он (капитал) употребляется на получение в будущем прибыли, он должен добыть ее, или оставаясь у владельца, или переходя в другие руки. В первом случае это будет основной, во втором — оборотный капитал» (стр. 189). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 237.]

Здесь прежде всего бросается в глаза грубо эмпирическое представление о прибыли, отражающее ходячие взгляды среднего капиталиста и стоящее в полном противоречии с более глубоким эзотерическим воззрением А. Смита. В цене продукта возмещается как цена материалов, так и цена рабочей силы, но в то же время и та часть стоимости орудий труда, которая переносится на продукт вследствие снашивания орудий труда. Из этого возмещения ни в коем случае еще не образуется прибыли. В зависимости от того, возмещается ли при продаже продукта авансированная для его производства стоимость целиком или частями, разом или постепенно, может изменяться только способ и время возмещения; но в обоих случаях оно остается возмещением уже затраченной стоимости и отнюдь не превращается в созидание прибавочной стоимости. В основе лежит здесь обычное представление, что прибавочная стоимость, — раз она реализуется только путем продажи продукта, путем его обращения, — и возникнуть может только из продажи, из обращения. В действительности различные будто бы способы возникновения прибыли являются в данном случае лишь неправильным выражением того факта, что различные элементы производительного капитала играют различную роль, в качестве производительных элементов неодинаково функционируют в процессе труда. И в конце концов различия эти выводятся не из процесса труда или процесса возрастания стоимости, не из функции самого производительного капитала, но оказываются имеющими лишь субъективное значение для отдельного капиталиста, которому одна часть капитала представляется полезной в одном, другая — в другом отношении.

Напротив, Кенэ выводил эти различия из самого процесса воспроизводства и его необходимых закономерностей. Для того чтобы процесс этот мог совершаться непрерывно, стоимость произведенного за год продукта должна целиком возмещать стоимость ежегодных авансов, в то время как стоимость основного капитала [Anlagekapital] должна возмещаться частями, так что только в течение ряда лет, напр. десятилетия, она возмещается и, следовательно, воспроизводится целиком (замещается новым экземпляром того же самого вида). А. Смит делает, таким образом, большой шаг назад по сравнению с Кенэ.

Следовательно, для определения основного капитала у А.Смита остается только одно: это — средства труда, которые в противоположность продуктам, созиданию которых они содействуют, не изменяют своей формы в процессе производства и служат производству до тех пор, пока не придут в негодность. При этом забывается, что все элементы производительного капитала в своей натуральной форме (как средства труда, материалы и рабочая сила) неизменно противостоят продукту и продукту, обращающемуся в качестве товара; забывается также, что разница между частью, состоящею из материалов и рабочей силы, и частью, состоящей из средств труда, заключается по отношению к рабочей силе только в том, что последняя постоянно покупается заново (а не на все время своего существования, как закупаются средства труда), а по отношению к материалам — только в том, что в процессе труда функционируют не одни и те же тожественные, а постоянно меняющиеся экземпляры того же вида. Вместе с тем легко создается иллюзия, будто стоимость основного капитала не входит в обращение, хотя А. Смит конечно раньше указывал, что снашивание основного капитала составляет часть цены продуктов.

Противопоставляя оборотный капитал основному, А. Смит не уясняет, что эта противоположность существует лишь постольку, поскольку оборотный капитал представляет собою ту составную часть производительного капитала, которая должна быть *целиком* возмещена из стоимости продукта, должна, следовательно, целиком участвовать в его метаморфозах, в то время как по отношению к основному капиталу этого нет. Вместо этого А. Смит смешивает оборотный капитал с теми формами, которые принимает капитал, переходя из сферы производства в сферу обращения, выступая как товарный капитал и денежный капитал. Но обе эти формы, товарный капитал и денежный капитал, являются в равной степени носителями стоимости как оборотной, так и основной части производительного капитала. Обе они представляют собою капитал обращения в противоположность производительному капиталу, а не оборотный (текучий) капитал в противоположность основному.

Наконец, совершенно неверное представление, будто основной капитал создает прибыль, оставаясь в процессе производства, а оборотный, покидая процесс производства и циркулируя в сфере обращения, — приводит к следующему: та одинаковая форма, которую *в обороте* принимают переменный капитал и оборотная часть постоянного капитала, скрывает существенное различие между ними в процессе *возрастания стоимости* и созидания прибавочной стоимости, и, таким образом, вся тайна капиталистического производства еще более затемняется. Общее обозначение «оборотный капитал» уничтожает это существенное различие. Позднейшие экономисты пошли в этом отношении еще дальше, устанавливая противоположность не между постоянным и

переменным, а между основным и оборотным капиталом, как существенную и единственно подлежащую разграничению.

Обозначив основной и оборотный капитал как два различных способа помещения капитала, из которых каждый сам по себе приносит прибыль, А. Смит говорит: «Никакой основной капитал не может приносить какой-либо доход иначе, как только при помощи оборотного капитала. Самые полезные машины и орудия производства не могут ничего произвести без оборотного капитала, доставляющего материалы, которые они перерабатывают, и жизненные средства для рабочих, применяющих их» (стр. 188). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 235.]

Здесь выясняется, что̀ означают прежние выражения: «доставляет прибыль», «дает доход» и т. д.; именно, это означает, что обе части капитала являются созидателями продукта.

Теперь А. Смит приводит следующий пример: «Та часть капитала фермера, которая затрачивается на земледельческие орудия, представляет собою основной капитал, а та, которая употребляется на заработную плату и содержание его рабочих, будет капиталом оборотным». (Здесь разница между основным и оборотным капиталом правильно сводится исключительно к различному обращению, к различному обороту различных составных частей производительного капитала.) «Фермер извлекает прибыль из первого, удерживая его в своем обладании, а из второго, расставаясь с ним. Цена, или стоимость его рабочего скота представляет собою основной капитал» (здесь опять-таки правильно то, что в основу различия кладется стоимость, а не вещественные элементы) «точно так же, как и цена орудий его хозяйства; корм, затрачиваемый на содержание скота, составляет оборотный капитал, как и средства на содержание рабочих. Фермер получает прибыль, удерживая в своем владении рабочий скот; прибыль же на фураж он извлекает, расставаясь с ним». (Фермер удерживает корм скота, не продает его. Он потребляет его именно как корм скота, потребляя самый скот как орудие труда. Разница состоит лишь в следующем: корм, идущий на содержание скота, потребляется целиком и должен постоянно возмещаться непосредственно из продукта земледелия или при помощи продажи последнего; между тем как самый скот замещается лишь по мере того, как отдельные экземпляры его становятся неработоспособными.) «И цена и содержание скота, покупаемого и откармливаемого не для работы, а на продажу, являются оборотным капиталом. Фермер получает свою прибыль, продавая его». (Всякий товаропроизводитель, а следовательно и капиталистический производитель, продает свой продукт, результат своего процесса производства, но вследствие этого его продукт еще не становится ни основной, ни оборотной частью его *производительного* капитала. Напротив, его продукт находится теперь в такой форме, в какой он выталкивается из процесса производства и дол-

жен функционировать как товарный капитал. Откармливаемый скот функционирует в процессе производства в качестве сырого материала, а не в качестве орудия труда, как рабочий скот. Он входит поэтому в продукт как субстанция, и вся его стоимость целиком переносится на продукт, как и стоимость вспомогательных материалов {корма}. Именно поэтому он и является оборотной частью производительного капитала, а вовсе не потому, что проданный продукт — откормленный скот — имеет здесь ту же самую натуральную форму, как сырье, т. е. еще неоткормленный скот. Последнее — совершенно случайное обстоятельство. В то же время А. Смит мог бы увидеть из этого примера, что не тот или иной вещный характер элемента производства, а лишь его функция в процессе производства определяет заключенную в нем стоимость как основную или оборотную.) «Также и вся стоимость семян есть, собственно, основной капитал. Хотя они и перемещаются все время из амбара в поле и обратно, они никогда не меняют хозяина и, следовательно, не совершают обращения в собственном смысле. Фермер получает свою прибыль не от продажи их, а от их приращения». [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 232—233.]

Здесь с особенной яркостью обнаруживается вся нелепость установленного Смитом различия. По его теории семена были бы основным капиталом, если бы не происходило change of masters [смены хозяина], т. е. если семена непосредственно возмещаются из годового продукта, прямо удерживаются из продукта. Но они, напротив, оказались бы оборотным капиталом, если продается весь продукт и часть стоимости последнего употребляется на покупку семян у другого хозяина. В одном случае change of masters [смена хозяина] имеет место, в другом нет. Смит здесь опять смешивает оборотный капитал с товарным капиталом. Продукт есть вещественный носитель товарного капитала. Но, конечно, этим носителем является лишь та часть его, которая действительно вступает в обращение и не входит опять непосредственно в качестве средств производства в тот самый процесс производства, из которого она вышла в качестве продукта.

Удерживаются ли семена непосредственно как часть продукта или продается весь продукт и часть его стоимости превращается в семена, купленные на стороне, в обоих случаях имеет место лишь возмещение стоимости, и путем этого возмещения не создается никакой прибыли. В одном случае семена вместе с остальной частью продукта вступают как товар в обращение, в другом случае они фигурируют лишь в бухгалтерии как составная часть стоимости авансированного капитала. Но в обоих случаях они остаются оборотной составной частью производительного капитала. Они потребляются целиком при изготовлении продукта и целиком должны быть возмещены из него, чтобы стало возможным воспроизводство.

«Следовательно, сырой материал и вспомогательные вещества утрачивают ту самостоятельную форму, в которой они вступили в процесс труда как потребительные стоимости. Иначе обстоит дело с собственно средствами труда. Инструмент, машина, фабричное здание, бочка и т. д. служат в процессе труда лишь до тех пор, пока они сохраняют свою первоначальную форму, пока они завтра могут вступить в процесс труда в той самой форме, как и вчера. Как в течение своей жизни, процесса труда, они сохраняют по отношению к продукту свою самостоятельную форму, так сохраняют они ее и после своей смерти. Трупы машин, орудий, мастерских и т. д. продолжают попрежнему существовать отдельно от продуктов, образованию которых они содействовали» («Капитал», книга I, глава VI). [К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 210.]

Эти различные способы применения средств производства для образования продукта, когда одни средства производства сохраняют свою самостоятельную форму по отношению к продукту, а другие видоизменяют или совершенно утрачивают ее, это различие, присущее процессу труда как таковому, хотя бы он был направлен исключительно на удовлетворение собственных потребностей, напр. патриархальной семьи, без всякого обмена, без товарного производства, А. Смит представляет в ложном свете, так как он, во-первых, привносит совершенно не относящуюся сюда категорию прибыли, которую одни средства производства доставляют своему владельцу, сохраняя свою форму, другие — утрачивая ее; так как он, во-вторых, изменения части элементов производства в процессе труда смешивает с той переменой формы, которая присуща обмену продуктов, обращению товаров (купле и продаже) и которая включает в себя в то же время переход собственности на обращающиеся товары.

Оборот предполагает, что воспроизводство опосредствуется обращением, т. е. продажей продукта, его превращением в деньги и обратным превращением из денег в элементы его производства. Но поскольку капиталистическому предпринимателю часть его собственного продукта непосредственно служит снова средством производства, производитель как бы продает продукт самому себе, и именно в таком виде фигурирует эта операция в его бухгалтерии. Следовательно, эта часть воспроизводства осуществляется не при посредстве обращения, а непосредственно. Но та часть продукта, которая, таким образом, снова служит средством производства, возмещает оборотный капитал, а не основной, поскольку 1) стоимость соответствующей части капитала целиком входит в продукт и 2) поскольку она in natura должна быть целиком возмещена новым экземпляром из нового продукта.

А. Смит говорит нам, из чего состоит оборотный и основной капитал. Он перечисляет те предметы, те вещественные элементы, которые образуют основной капитал, и те, которые образуют

оборотный капитал, как будто такое предназначение присуще предметам вещественно, от природы, а не вытекает, напротив, из определенных функций этих предметов в капиталистическом процессе производства. И, однако, в той же самой главе (книга II, гл. I) он замечает, что хотя известный предмет, напр. жилой дом, предназначенный для непосредственного потребления, «может приносить доход своему владельцу и таким образом выполнять для него *функцию капитала*, но он не в состоянии давать какой-либо доход обществу или выполнять для него функцию капитала, и доход всего народа ни в малейшей степени не может никогда возрастать таким путем» (стр. 186). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 233.] Здесь А. Смит, следовательно, вполне ясно высказывает мысль, что свойство быть капиталом принадлежит вещам не как таковым и не при всяких обстоятельствах, но является функцией, которую они, в зависимости от обстоятельств, то выполняют, то не выполняют. Но что справедливо относительно капитала вообще, справедливо и относительно его подразделений.

Одни и те же вещи образуют составную часть оборотного или основного капитала в зависимости от того, какую функцию выполняют они в процессе труда. Так, напр., скот, в качестве рабочего скота (средство труда), является вещественным воплощением основного капитала; напротив, в качестве скота, откармливаемого на убой (сырой материал), он — составная часть оборотного капитала фермера. С другой стороны, одна и та же вещь может то функционировать как составная часть производительного капитала, то относиться к фонду непосредственного потребления. Например, дом, функционируя как помещение для работы, есть основная часть производительного капитала; функционируя в качестве жилого дома, он вовсе не имеет формы капитала, а является просто жилым домом. Одни и те же средства труда могут во многих случаях функционировать то как средства производства, то как предметы потребления.

Такова одна из ошибок, вытекающих из воззрений Смита: характерные свойства основного и оборотного капитала рассматриваются как свойства, принадлежащие вещам. Уже анализ процесса труда («Капитал», книга I, глава V) показывает, как определения средств труда, материала труда, продукта меняются в зависимости от различных ролей, которые одна и та же вещь играет в этом процессе. Но определения основного и неосновного капитала основываются, в свою очередь, на тех определенных ролях, которые эти элементы играют в процессе труда, а следовательно и в процессе создания стоимости.

Кроме того, при перечислении вещей, из которых состоит основной и оборотный капитал, совершенно ясно обнаруживается, что А. Смит смешивает различие между основными и оборотными составными частями капитала, действительное и имеющее смысл

только в отношении к производительному капиталу (капиталу в его производительной форме), с различием между производительным капиталом и формами, принадлежащими капиталу в процессе его обращения, каковыми являются товарный капитал и денежный капитал. Он говорит в том же самом месте (стр. 187, 188): «Таким образом, оборотный капитал состоит... из продовольствия, материалов и готовых изделий всякого рода, находящихся на руках у соответствующих продавцов, и из денег, необходимых для обращения их и распределения...» [См. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 235.] — В действительности, если мы присмотримся ближе, мы увидим, что здесь, в противоположность вышесказанному, оборотный капитал опять отожествляется с денежным капиталом и товарным капиталом, т. е. с двумя формами капитала, которые вовсе не принадлежат процессу производства, которые образуют не оборотный (текучий) капитал в противоположность основному, а капитал обращения в противоположность производительному капиталу. Только *наряду* с этими формами капитала фигурируют затем составные части производительного капитала, авансированные на материалы (сырье или полуфабрикаты) и действительно включенные в процесс производства. А. Смит говорит:

«...Третью и последнюю из трех частей, на которые естественно подразделяется весь запас общества, составляет оборотный капитал, который характеризуется тем, что он приносит доход только в процессе обращения или меняя хозяев. Он составляется, таким образом, из четырех частей: 1) из денег...» (Но деньги никогда не являются формой производительного, функционирующего в процессе производства капитала. Они всегда представляют собою лишь одну из форм, которые капитал принимает в процессе своего обращения); «2) из запасов продовольствия, которыми обладают мясник, скотопромышленник, фермер... и от продажи которых они рассчитывают получить прибыль...» — и «3) из материалов, совершенно сырых или более или менее обработанных, предназначенных на изготовление одежды, предметов обстановки, зданий, но которые еще окончательно не употреблены в дело и остаются в руках сельских хозяев, фабрикантов, портных, суконщиков, лесоторговцев, столяров и плотников, кирпичников и т. п.»; и, наконец, «4) из изделий, уже изготовленных и законченных, но находящихся еще в руках торговца или фабриканта». [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 235.]

Пункты 2 и 4 не заключают в себе ничего, кроме продуктов, которые как таковые вытолкнуты из процесса производства и должны быть проданы; одним словом, это — продукты, функционирующие только как товары, поэтому соответственно как товарный капитал, следовательно обладающие такой формой и занимающие такое место в процессе, что они не образуют элемента производительного капитала, каково бы ни было их конечное назначение,

т. е. входят ли они в конце концов соответственно той цели, которой они должны служить (потребительной стоимости), в индивидуальное или производительное потребление. В пункте 2 эти продукты суть предметы питания, в пункте 4 — все другие готовые продукты, которые, следовательно, опять-таки состоят из готовых средств труда или готовых предметов потребления (иных, чем содержащиеся в пункте 2 предметы питания).

Если А. Смит говорит при этом и о купце, это обнаруживает лишь всю его путаницу. Раз производитель продал торговцу свой продукт, последний уже вообще не образует какой бы то ни было формы его капитала. С точки зрения общества это, правда, все еще товарный капитал, хотя он уже находится в иных руках, а не в руках своего производителя; но именно потому, что это капитал товарный, он не может быть ни основным, ни оборотным капиталом.

Во всяком производстве, не имеющем целью непосредственное собственное потребление производителя, продукт должен обращаться как товар, т. е. должен быть продан, не для того чтобы получить таким образом прибыль, а для того чтобы производитель вообще мог существовать. При капиталистическом производстве к этому присоединяется еще то обстоятельство, что при продаже товара реализуется и заключающаяся в нем прибавочная стоимость. Продукт в виде товара выходит из процесса производства и потому не есть уже ни основной, ни оборотный элемент этого последнего.

Впрочем, А. Смит опровергает здесь самого себя. Все готовые продукты, какова бы ни была их вещественная форма или их потребительная стоимость, их полезный эффект, являются здесь товарным капиталом, т. е. капиталом в одной из форм, относящихся к процессу обращения. Как находящиеся в этой форме, они вовсе не являются составными частями производительного капитала их владельца; это, конечно, отнюдь не мешает тому, что, будучи проданы, они *становятся* в руках покупателя составными частями производительного капитала, все равно — оборотного или основного. Здесь обнаруживается, таким образом, что те самые вещи, которые в течение известного времени выступали на рынке как товарный капитал в противоположность производительному капиталу, позднее, когда они извлечены с рынка, могут функционировать или не функционировать в качестве основной или оборотной части производительного капитала.

Продукт фабриканта-бумагопрядильщика — пряжа — есть товарная форма его капитала, есть товарный капитал для него. Пряжа не может снова функционировать как составная часть его производительного капитала ни в роли материала труда, ни в роли средства труда. Но в руках владельца ткацкой фабрики, который купил эту пряжу, она внедряется в его производительный капитал как одна из оборотных составных частей последнего. Для прядильщика

пряжа есть носитель стоимости части его капитала как основного, так и оборотного (прибавочную стоимость мы оставляем в стороне). Равным образом машина, как продукт фабриканта машин, есть для последнего товарная форма его капитала, товарный капитал для него; и поскольку она сохраняет эту форму, она не есть ни оборотный, ни основной капитал. Будучи продана одному из фабрикантов, применяющих ее в своем производстве, она становится основной частью производительного капитала. Даже в том случае, если продукт имеет такую потребительную форму, что отчасти может в качестве средства производства снова войти в тот самый процесс, из которого он только что вышел, как, напр., уголь в производстве угля, — даже здесь как раз та часть продукта угля, которая предназначена для продажи, не является ни оборотным, ни основным, а товарным капиталом.

С другой стороны, продукт может иметь такую потребительную форму, которая делает его совершенно непригодным для того чтобы составить какой-либо элемент производительного капитала, ни в качестве материала труда, ни в качестве средств труда. Таковы, напр., некоторые жизненные средства. Тем не менее для своих производителей продукт все-таки — товарный капитал, носитель стоимости как основного, так и оборотного капитала, — первого или второго, смотря по тому, целиком или частями должен быть возмещен примененный для их производства капитал, целиком или частями переносит последний свою стоимость на продукт.

У Смита в пункте 3 фигурирует сырой материал (сырье, полуфабрикат, вспомогательный материал), с одной стороны, не как составная часть, уже включенная в производительный капитал, а по существу лишь как особый вид потребительных стоимостей, из которых вообще состоит общественный продукт, как особый вид товаров наряду с перечисленными в пунктах 2 и 4 другими вещественными элементами общественного продукта, жизненными средствами и т. п. С другой стороны, эти же сырые материалы приводятся как включенные в производительный капитал и, следовательно, как элементы последнего, находящиеся в руках производителя. Путаница обнаруживается в том, что они рассматриваются то как функционирующие в руках производителя («в руках скотопромышленников, мануфактуристов» и т. д.), то, с другой стороны, как функционирующие в руках купцов («мелочных торговцев, торговцев сукном, строевым лесом» и т. д.), для которых они являются только товарным капиталом, а не составными частями производительного капитала.

На деле А. Смит в этом перечислении элементов оборотного капитала совершенно забывает о различии между основным и оборотным капиталом, действительном только в отношении производительного капитала. Напротив, товарный капитал и денежный капитал, т. е. обе принадлежащие процессу обращения формы

капитала, он противопоставляет производительному капиталу, но и то несознательно.

Характерно, наконец, что А. Смит, перечисляя составные части оборотного капитала, забывает о рабочей силе. И это имеет двоякую причину.

Мы только что видели, что, если оставить в стороне денежный капитал, оборотный капитал оказывается у него лишь другим названием товарного капитала. Но поскольку рабочая сила обращается на рынке, она не есть капитал, не есть какая бы то ни было форма товарного капитала. Она вообще не капитал; а рабочий не капиталист, хотя он и выносит на рынок товар, а именно свою собственную шкуру. Лишь после того, как рабочая сила уже продана и включена в процесс производства, — следовательно лишь после того, как она перестала обращаться в качестве товара, — она становится составной частью производительного капитала, а именно: переменным капиталом, в качестве источника прибавочной стоимости, оборотной составной частью производительного капитала по отношению к обороту затраченной на нее капитальной стоимости. Так как Смит смешивает здесь оборотный капитал с товарным капиталом, он не в состоянии подвести рабочую силу под свою рубрику оборотного капитала. Поэтому переменный капитал выступает у него в форме тех товаров, которые рабочий покупает на свою заработную плату, в форме жизненных средств. В этой форме капитальная стоимость, затраченная на заработную плату, принадлежит, по Смиту, к оборотному капиталу. Но то, что включается в производственный процесс, есть рабочая сила, есть сам рабочий, а не средства к жизни, которыми рабочий поддерживает свое существование. Впрочем, мы уже видели (книга I, гл. XXI), что с общественной точки зрения воспроизводство самого рабочего посредством его индивидуального потребления тоже относится к процессу воспроизводства общественного капитала. Но этого нельзя сказать об отдельном, замкнутом в себе самом процессе производства, который мы исследуем здесь. «Acquired and useful abilities» (стр. 187) [«Приобретенные и полезные способности»], которые Смит приводит под рубрикой основного капитала, в действительности образуют составные части оборотного капитала, поскольку это «abilities» [способности] наемного рабочего и поскольку рабочий продает свой труд вместе с его «abilities».

Крупная ошибка Смита заключается в том, что он все общественное богатство разделяет на: 1. фонд непосредственного потребления, 2. основной капитал, 3. оборотный капитал. Согласно вышеизложенному все богатство следовало бы разделить на: 1. фонд потребления, который вовсе не составляет доли функционирующего общественного капитала, хотя отдельные части его всегда *могли бы* функционировать как капитал, и 2. капитал. Одна часть богатства функционирует согласно этому как капитал, другая

часть—как не капитал, или как фонд потребления. Следовательно, для всякого капитала здесь появляется неустранимая необходимость быть или основным или оборотным, подобно тому как для всякого млекопитающего безусловно необходимо быть или самцом или самкой. Мы, однако, видели, что противоположность между основным и оборотным капиталом применима лишь к элементам *производительного* капитала, что, следовательно, наряду с ними существует еще очень значительная масса капитала — товарный капитал и денежный капитал, — находящаяся в такой форме, в которой она *не может быть* ни основным, ни оборотным капиталом.

Так как на капиталистической основе вся масса продуктов общественного производства обращается на рынке в качестве товарного капитала, — за исключением той части продукта, которая в своей натуральной форме, непосредственно, без продажи или купли, снова употребляется отдельными капиталистическими производителями в качестве средств производства, то очевидно, что из товарного капитала должны быть извлечены как основные и оборотные элементы производительного капитала, так и все элементы потребительного фонда. Фактически это означает, что средства производства и предметы потребления на основе капиталистического производства выступают сначала как товарный капитал, хотя бы они имели своим назначением служить в дальнейшем в качестве предметов потребления или средств производства; равным образом даже рабочая сила находится на рынке в виде товара, хотя и не в виде товарного капитала.

Отсюда следующая новая путаница у А. Смита. Он говорит:

«Из этих четырех частей» («обращающегося» капитала, т. е. капитала в его относящихся к процессу обращения формах товарного капитала и денежного капитала, — две части, которые превращаются в четыре потому, что Смит различает составные части товарного капитала опять-таки на основании вещественных признаков), — «из этих четырех частей три части, а именно продовольствие, материалы и готовые изделия, регулярно извлекаются ежегодно или в периоды более или менее продолжительные, чем год, из оборотного капитала и вкладываются в основной капитал, или в запасы, предназначаемые для непосредственного потребления. Всякий основной капитал первоначально возникает из капитала оборотного и требует постоянного пополнения из этого же источника. Все полезные машины и орудия производства первоначально возникают из оборотного капитала, который доставляет материалы, из которых они изготовляются, и жизненные средства для рабочих, изготовляющих их. Точно так же того же вида капитал необходим для их постоянного ремонта» (стр. 188). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 235.]

За исключением части продукта, которую производители непосредственно употребляют опять в качестве средств производ-

ства, для капиталистического производства имеет силу следующее общее положение: все продукты поступают на рынок в качестве товаров и для капиталиста обращаются поэтому как товарная форма его капитала, как товарный капитал, независимо от того, должны ли и могут ли эти продукты по своей натуральной форме, по своей потребительной стоимости, функционировать как элементы производительного капитала (процесса производства), т. е. как средства производства и, следовательно, как основные или оборотные элементы производительного капитала; или же они могут служить только как средства индивидуального, а не производительного потребления. Все продукты в качестве товаров выбрасываются на рынок; поэтому все средства производства и потребления, все элементы производительного и индивидуального потребления должны быть снова в качестве товаров извлечены с рынка посредством купли. Этот труизм, конечно, справедлив. Следовательно, это одинаково применимо как к основным, так и к оборотным элементам производительного капитала, к средствам труда и материалам труда во всех их формах. (Смит при этом забывает еще, что существуют элементы производительного капитала, которые даны самой природой, следовательно не являются продуктами.) Машина покупается на рынке точно так же, как и хлопок. Но отсюда отнюдь не следует, что всякий основной капитал первоначально возникает из оборотного, — это следует только из смитовского смешения капитала обращения с оборотным, или текучим, т. е. не основным капиталом. И к тому же Смит сам опровергает себя. Машины как товар образуют, по его же собственным словам, часть указанного в пункте 4 оборотного капитала. Их происхождение из оборотного капитала означает, таким образом, лишь то, что они функционировали как товарный капитал, прежде чем стали функционировать как машины, но что вещественно они происходят из самих себя; равным образом хлопок как оборотный элемент капитала фабриканта-прядильщика происходит из хлопка, обращающегося на рынке. Но если Смит в дальнейшем изложении выводит основной капитал из оборотного на том основании, что для машиностроения необходимы труд и сырые материалы, то, во-первых, для того чтобы делать машины, необходимы также средства труда, т. е. основной капитал, и, во-вторых, чтобы изготовить сырые материалы, тоже необходим основной капитал, машины и т. д., так как производительный капитал всегда заключает в себе средства труда, но не всегда материал труда. Сам Смит говорит тотчас же вслед за этим: «Земля, рудники и рыбная ловля требуют и для своей эксплуатации как основного, так и оборотного капиталов» (следовательно он соглашается, что не только оборотный, но и основной капитал необходим для производства сырых материалов); «и» (тут новое заблуждение) «их продукт возмещает с прибылью не только эти капиталы, но и *все вообще капиталы общества*»

(стр. 188). [См. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 236.] Это совершенно неверно. Их продукт доставляет сырой материал, вспомогательные материалы и т. д. для всех остальных отраслей производства. Но их стоимость не возмещает стоимости всех других общественных капиталов; она возмещает лишь свою собственную капитальную стоимость (+ прибавочная стоимость). Здесь у А. Смита снова сказывается влияние физиократов.

С общественной точки зрения справедливо, что часть товарного капитала, состоящая из продуктов, которые могут служить лишь средствами труда, действительно раньше или позже будет функционировать в качестве средств труда, — если только она не произведена вообще без всякой пользы, не остается непроданной; другими словами, на основе капиталистического производства такого рода продукты, перестав быть товарами, становятся согласно своему назначению действительными элементами основной части общественного производительного капитала.

Здесь перед нами различие, вытекающее из натуральной формы продукта.

Так, напр., прядильная машина не имеет потребительной стоимости, если она не применяется для прядения, не применяется как элемент производства, следовательно с капиталистической точки зрения не функционирует как основная часть производительного капитала. Но прядильная машина подвижна. Она может быть вывезена из страны, в которой произведена, и продана в чужой стране в обмен, прямо или косвенно, на сырые материалы и т. п. или на шампанское. В стране, где она была произведена, она в таком случае функционирует только как товарный капитал, но отнюдь не функционирует — даже после продажи — как основной капитал.

Напротив, продукты, которые благодаря своей связанности с землей, прикреплены к определенному месту и потому могут быть использованы только на месте, напр. фабричные здания, железные дороги, мосты, тоннели, доки и т. п., мелиорации и т. д., — все такие продукты физически не могут быть вывезены в таком виде, в каком они существуют. Они неподвижны. Они или вовсе не находят себе применения, или, раз они проданы, должны функционировать в качестве основного капитала в той стране, где произведены. Для своего капиталистического производителя, который ради спекуляции, с целью продажи, строит фабрики или производит улучшения земельных участков ⟨или для подрядчика, который на коммерческих началах строит железные дороги и мосты⟩, — эти вещи являются формой их товарного капитала, следовательно, по А. Смиту, формой оборотного капитала. Но, рассматриваемые с точки зрения всего общества, эти вещи, чтобы не остаться бесполезными, должны в конце концов функционировать в собственной стране как основной капитал, должны функционировать в процессе производства, фиксирован-

ном в месте их нахождения. Отсюда отнюдь не следует, что неподвижные вещи как таковые уже сами по себе являются основным капиталом; они, как, напр., жилые дома, могут принадлежать к фонду потребления и, таким образом, вообще не входить в состав общественного капитала, составляя, однако, элемент общественного богатства, по отношению к которому капитал представляет только часть. Производитель этих вещей, употребляя выражение Смита, получает прибыль при помощи их продажи. Итак, они — оборотный капитал! Человек, пользующийся ими, их последний покупатель, может использовать их, только применив их в процессе производства. Итак, они — основной капитал!

Титул собственности, напр., на железную дорогу может ежедневно переходить из рук в руки, и владельцы ее путем продажи этого титула даже за границей могут получать прибыль, — так что титул собственности на железную дорогу в противоположность самой железной дороге может быть экспортирован. Тем не менее сами эти вещи должны в той стране, где они локализированы, или лежать втуне, или функционировать в качестве основной части производительного капитала. Равным образом фабрикант *A* может получить прибыль путем продажи своей фабрики фабриканту *B*, что, однако, не мешает фабрике теперь, как и раньше, функционировать в качестве основного капитала.

Таким образом закрепленные в данном месте, неотделимые от почвы средства труда неизбежно должны по самому своему назначению функционировать как основной капитал в самой стране, хотя бы для своего производителя они функционировали как товарный капитал, не составляли элементов *его* основного капитала (последний состоит для него из средств труда, в которых он нуждается для постройки зданий, железных дорог и т. п.). Но отсюда ни в коем случае не следует обратного вывода, будто основной капитал неизбежно должен состоять из неподвижных вещей. Корабль или локомотив действуют только в движении; и все же они функционируют — не для своего производителя, а для того, кто их эксплуатирует, — как основной капитал. С другой стороны, оборотными составными частями производительного капитала являются вещи, которые действительно закреплены в процессе производства, совершают в нем весь круг своей жизни и, раз вступив в него, уже никогда его не покидают, — напр., уголь, потребляемый машиной в процессе производства, газ, служащий для освещения фабричного здания, и т. п. Они являются оборотными не потому, что они физически вместе с продуктом покидают процесс производства и обращаются как товар, а потому, что их стоимость целиком входит в стоимость товара, производству которого они содействуют, и, следовательно, целиком должна быть возмещена путем продажи товара.

В только что цитированном месте из А. Смита приходится отметить еще следующую фразу: «Оборотный капитал, который

доставляет... жизненные средства для рабочих, изготовляющих их» (машины и т. д.).

У физиократов часть капитала, авансированная в виде заработной платы, правильно фигурирует под именем avances annuelles [ежегодных авансов] в противоположность avances primitives [первоначальным авансам]. С другой стороны, у них в качестве составной части производительного капитала, применяемого фермером, указывается не сама рабочая сила, а средства к жизни, выдаваемые сельскохозяйственным рабочим («содержание рабочих», как выражается Смит). Это находится в тесной связи с их специфической доктриной. А именно, у них часть стоимости, присоединяемая трудом к продукту (совершенно так же, как и та часть стоимости, которую присоединяют к продукту сырые материалы, орудия труда и другие вещественные составные части постоянного капитала), принимается лишь равной стоимости тех жизненных средств, которые уплачены рабочим и которые они должны потребить для поддержания своего функционирования в качестве рабочей силы. Открыть разницу между постоянным и переменным капиталом не позволяла физиократам сама их доктрина. Если прибавочную стоимость производит труд (сверх воспроизводства своей собственной цены), то он производит ее в промышленности точно так же, как и в земледелии. Но так как согласно системе физиократов труд производит ее только в одной отрасли производства, в земледелии, то она возникает не из труда, а из особой деятельности (из содействия) природы в этой отрасли. И только поэтому для них труд в земледелии является производительным трудом в отличие от всех других видов труда.

А. Смит определяет жизненные средства рабочих как оборотный капитал в противоположность основному:

1. Так как он оборотный капитал в его противопоставлении основному смешивает с формами капитала, относящимися к сфере обращения, с капиталом обращения; смешение, которое без критики унаследовали от него позднейшие экономисты. Поэтому он смешивает товарный капитал с оборотной составной частью производительного капитала; и само собой понятно, что там, где общественный продукт принимает форму товара, жизненные средства рабочих, как и нерабочих, материалы, как и самые средства труда, могут быть получены только из товарного капитала.

2. Но и представления физиократов проскальзывают у Смита, хотя они противоречат эзотерической — действительно научной — части его собственного построения.

Авансированный капитал вообще превращается в производительный капитал, т. е. принимает форму элементов производства, которые сами являются продуктом предшествующего труда (сюда относится и рабочая сила). Только в этой форме может он функционировать в процессе производства. И если на место самой рабо-

чей силы, в которую превращена переменная часть капитала, подставить жизненные средства рабочего, то очевидно, что эти жизненные средства, как таковые, играют ту же самую роль в процессе образования стоимости, как и другие элементы производительного капитала, как сырые материалы, средства существования рабочего скота и т. п. На этом основании Смит в цитированном выше месте и ставит их, следуя примеру физиократов, на одну доску. Жизненные средства сами по себе не могут увеличить свою стоимость или присоединить к ней прибавочную стоимость. Их стоимость, как и стоимость других элементов производительного капитала, может лишь снова проявиться в стоимости продукта. Жизненные средства не могут присоединить к продукту больше стоимости, чем та, которой они обладают сами. От основного капитала, состоящего из средств труда, они, подобно сырому материалу, полуфабрикатам и т. п., отличаются лишь тем, что они (по крайней мере для капиталиста, который их оплачивает) полностью используются для производства продукта, в созидании которого они участвуют, что, следовательно, стоимость их должна быть возмещена целиком, тогда как по отношению к основному капиталу это совершается лишь постепенно, по частям. Следовательно, часть производительного капитала, авансированная на рабочую силу (или жизненные средства рабочего), отличается теперь от прочих вещественных элементов производительного капитала только лишь вещественно, а не по своей роли в процессе труда и возрастания стоимости. Она отличается лишь постольку, поскольку попадает в категорию оборотного капитала вместе с одной частью объективных факторов образования продукта (materials [материалов], употребляя общее обозначение Смита), в отличие от другой части объективных факторов образования продукта, которая относится к категории основного капитала.

То обстоятельство, что часть капитала, затраченная на заработную плату, относится к оборотной части производительного капитала и, в противоположность основной его части, обладает свойством текучести, общим у нее с частью предметных факторов образования продукта, сырьем и т. д., — это обстоятельство не имеет абсолютно никакого отношения к той роли, которую в процессе возрастания стоимости играет переменный капитал в противоположность постоянному. Здесь речь идет лишь о том, каким образом эта часть авансированной капитальной стоимости посредством обращения должна быть возмещена из стоимости продукта и поэтому посредством процесса обращения возобновлена, т. е. воспроизведена. Повторные акты купли рабочей силы относятся к процессу обращения. Но только в процессе производства стоимость, затраченная на рабочую силу, из определенной, постоянной величины превращается (не для рабочего, а для капиталиста) в переменную, — и, следовательно, вообще только благодаря этому

авансированная стоимость превращается в капитальную стоимость, в капитал, в самовозрастающую стоимость. Но вследствие того, что, подобно Смиту, оборотной составной частью производительного капитала считают не ту стоимость, которая затрачена на рабочую силу, а ту, которая затрачена на жизненные средства рабочего, — вследствие этого становится невозможным понимание различия между переменным и постоянным капиталом, а следовательно и понимание процесса капиталистического производства вообще. Определение этой части капитала как капитала переменного в противоположность постоянному капиталу, затраченному на предметные факторы создания продукта, совершенно погребено здесь под определением, гласящим, что по своей роли в обороте часть капитала, затраченная на рабочую силу, принадлежит к оборотной части производительного капитала. Это погребение завершается тем, что в качестве элемента производительного капитала вместо рабочей силы приводятся жизненные средства рабочего. Суть дела не изменяется от того, авансируется ли стоимость рабочей силы в виде денег или прямо в виде жизненных средств. Хотя, конечно, этот последний случай на основе капиталистического производства может представлять собою лишь исключение[24].

Благодаря тому, что определение оборотного капитала было, таким образом, установлено А. Смитом в качестве решающего для капитальной стоимости, затрачённой на рабочую силу, — определение физиократов без предпосылки физиократов, — Смит счастливо привел своих последователей к полнейшей невозможности познать эту часть капитала, затраченную на рабочую силу, как переменный капитал. Более глубокие и правильные мысли, рассеянные самим А. Смитом в других местах, не одержали верх — победа осталась именно за этой ошибкой. Мало того, позднейшие писатели пошли еще дальше; для них решающее определение той части капитала, которая затрачена на рабочую силу, не только в том, что она является оборотным капиталом в противоположность основному, — они основную характеристику оборотного капитала сводят к тому, что он затрачивается на жизненные средства рабочих. Отсюда неизбежно вытекает учение о рабочем фонде, состоящем из необходимых жизненных средств, как о величине постоянной, которая, с одной стороны, физически ограничивает долю рабочих в общественном продукте, а с другой стороны, во всем своем объеме должна быть затрачена на покупку рабочей силы.

---

[24] Насколько сам А. Смит закрывает себе путь к пониманию роли рабочей силы в процессе возрастания стоимости, доказывает следующая фраза, в которой труд рабочих совершенно в духе физиократов приравнивается к работе скота: «Не только его (фермера) рабочие — батраки, но и его рабочий скот являются производительными работниками» (книга II, гл. V, стр. 243). [См. *А. Смит:* «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 307.]

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ТЕОРИИ ОСНОВНОГО И ОБОРОТНОГО КАПИТАЛА. РИКАРДО.

Рикардо приводит различие между основным и оборотным капиталом только для того чтобы уяснить исключения из правила стоимости, а именно такие случаи, когда норма заработной платы влияет на цены. Об этом мы будем говорить только в III книге.

Однако основная неясность уже с самого начала обнаруживается в следующем сопоставлении. «Это различие в степени долговечности основного капитала и разнообразие пропорций, в каких могут комбинироваться эти два вида капитала» [25]. [Ср. Рикардо: «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 19.]

Если же мы спросим, каковы эти два вида капитала, то оказывается следующее: «Кроме того пропорции между капиталом, предназначенным для оплаты труда, и капиталом, вложенным в инструменты, машины и здания, могут комбинироваться весьма различным образом» [26] [там же]. Следовательно, основной капитал = средствам труда, и оборотный капитал = капиталу, затраченному на труд. Капитал, предназначенный для того чтобы «содержать труд», уже это — плоское выражение, заимствованное у А. Смита. Оборотный капитал смешивается здесь, с одной стороны, с переменным капиталом, т. е. с частью производительного капитала, затраченной на труд. Но, с другой стороны, так как противопоставление почерпнуто не из процесса возрастания стоимости — постоянный и переменный капитал, — а из процесса обращения (старая смитовская путаница), то в результате получаются определения, ложные вдвойне.

Во-первых. Различие в степени долговечности основного капитала и различие в строении капитала, состоящего из постоянной и переменной части, признаются здесь равнозначащими. Но последнее различие определяет различие в производстве прибавочной

---

[25] «This difference in the degree of durability of fixed capital, *and* this variety in the proportions in which the two sorts of capital may be combined». — «Principles», стр. 25.

[26] «The proportions too, in which the capital that is to support labour, and the capital that is invested in tools, machinery, and buildings, may be variously combined». — L. c.

стоимости; напротив, первое, поскольку дело идет о процессе возрастания стоимости, касается лишь тех способов, при помощи которых данная стоимость средств производства переносится на продукт; поскольку же имеется в виду процесс обращения, оно относится лишь к периоду возобновления затраченного капитала, или, иначе говоря, — к периоду, на который авансирован капитал. Если мы, вместо того чтобы вскрыть внутреннее движение капиталистического процесса производства, будем рассматривать лишь сложившиеся явления, то эти различия действительно совпадут. При распределении общественной прибавочной стоимости между капиталами, вложенными в различные отрасли производства, оказывают свое влияние и различия в периодах, на которые авансирован капитал (напр., различная продолжительность существования основного капитала), и различия в органическом строении капитала (следовательно, и различие в обращении постоянного и переменного капитала). И то и другое одинаково содействует уравнению общей нормы прибыли и превращению стоимости в цены производства.

Во-вторых. С точки зрения процесса обращения на одной стороне находятся средства труда: основной капитал, на другой стороне — материал труда и заработная плата: оборотный капитал. Напротив, с точки зрения процесса труда и процесса возрастания стоимости на одной стороне стоят средства производства (средства труда и материал труда), постоянный капитал; на другой стороне — рабочая сила, переменный капитал. Для органического строения капитала («Капитал», книга I, гл. XXIII, 2) совершенно безразлично, состоит ли данное количество стоимости постоянного капитала из значительного количества средств труда и небольшого — материала труда или, напротив, из значительного количества материала труда и небольшого — средств труда: органическое строение капитала всецело определяется отношением между капиталом, затраченным на средства производства, и капиталом, затраченным на рабочую силу. Напротив: с точки зрения процесса обращения, с точки зрения различия между основным и оборотным капиталом, точно так же безразлично, в каком отношении данное количество стоимости оборотного капитала разделяется на материал труда и заработную плату. С одной точки зрения материал труда попадает в одну категорию со средствами труда, противополагаясь капитальной стоимости, затраченной на рабочую силу. С другой точки зрения часть капитала, затраченная на рабочую силу, вместе с частью капитала, затраченной на материал труда, соединяется в одну рубрику и противополагается части капитала, затраченной на средства труда.

Поэтому у Рикардо часть капитальной стоимости, затраченная на материал труда (сырье и вспомогательные материалы), не появляется ни на той, ни на другой стороне. Она исчезает совершенно. Она не подходит к категории основного капитала, так как

она по способу своего обращения вполне совпадает с частью капитала, затраченной на рабочую силу. С другой стороны, она не может быть отнесена к оборотному капиталу, так как вместе с этим само собой исчезло бы отожествление противопоставления: основной и оборотный капитал с противопоставлением: постоянный и переменный капитал. Между тем Рикардо молчаливо воспринимает проскальзывающее у А. Смита отожествление этих двух противопоставлений. Рикардо обладает слишком сильным логическим инстинктом, чтобы не почувствовать этого, и потому-то упомянутая часть капитала вовсе исчезает у него.

Здесь следует отметить, что, как выражается политическая экономия, капиталист авансирует капитал, расходуемый на заработную плату, в различные сроки, смотря по тому, уплачивается ли она, напр., еженедельно, ежемесячно, в три месяца раз и т. п. В действительности дело происходит как раз наоборот. Рабочий авансирует капиталисту свой труд на неделю, на месяц, на три месяца, смотря по тому, еженедельно, ежемесячно или каждые три месяца уплачивается ему заработная плата. Если бы капиталист *покупал* рабочую силу вместо того чтобы оплачивать ее после ее потребления; если бы он, следовательно, платил рабочему заработную плату за день, неделю, месяц или за три месяца вперед, то могла бы итти речь об авансировании на эти периоды времени. Но так как он платит после того, как труд *уже* продолжался дни, недели, месяцы, вместо того чтобы купить и оплатить труд на период времени, в течение которого он *должен* продолжаться, то в целом мы имеем перед собою капиталистическое quid pro quo: аванс, выданный рабочим капиталисту в виде труда, превращается в аванс, выдаваемый капиталистом рабочему в виде денег. Дело нисколько не изменяется от того, что капиталист получает назад из обращения, или реализует, самый продукт или его стоимость (вместе с воплощенной в нем прибавочной стоимостью) только по прошествии более или менее длинного периода, в зависимости от различной продолжительности времени, необходимого для изготовления продукта, а также от различной продолжительности времени, требующегося для его обращения. Для продавца во всяком случае совершенно безразлично, что̀ именно намерен предпринять с его товаром покупатель. Капиталисту машина не обходится дешевле от того, что он должен сразу авансировать всю ее стоимость, между тем как к нему эта стоимость притекает обратно из процесса обращения лишь постепенно и по частям; равным образом он не платит дороже за хлопок вследствие того, что стоимость хлопка входит целиком в стоимость изготовленного из него продукта и, следовательно, целиком и сразу возмещается при продаже продукта.

Возвратимся к Рикардо.

1. Характерная особенность переменного капитала состоит в том, что здесь определенная, данная (следовательно, как таковая

постоянная) часть капитала, данная сумма стоимости (предполагается, что она равна стоимости рабочей силы, хотя в данном случае безразлично, равна ли заработная плата стоимости рабочей силы, больше или меньше ее) обменивается на силу, самовозрастающую по стоимости, создающую стоимость, — на рабочую силу, которая не только воспроизводит выплаченную капиталистом стоимость, но производит в то же время прибавочную стоимость, стоимость, не существовавшую ранее, не оплаченную каким бы то ни было эквивалентом. Это характерное свойство части капитала, затраченной на заработную плату, свойство, toto coelo [в целом] отличающее ее как переменный капитал от капитала постоянного, исчезает, раз часть капитала, затраченная на заработную плату, рассматривается исключительно с точки зрения процесса обращения и представляется, таким образом, оборотным капиталом в противоположность основному капиталу, затраченному на средства труда. Это вытекает уже из того, что тогда под одной и той же рубрикой — под рубрикой оборотного капитала — часть капитала, затраченная на рабочую силу, соединяется с частью постоянного капитала, затраченной на материал труда, и противопоставляется другой части постоянного капитала, затраченной на средства труда. Прибавочная стоимость, т. е. как раз то условие, которое превращает вложенную сумму стоимости в капитал, остается при этом совершенно вне рассмотрения. Вне рассмотрения оказывается и тот факт, что часть стоимости, которую присоединяет к продукту израсходованный на заработную плату капитал, произведена вновь (следовательно, действительно воспроизведена), между тем как часть стоимости, которую присоединяет к продукту сырой материал, не произведена вновь, не воспроизведена действительно, а лишь сохранена в стоимости продукта, консервирована, и потому лишь выступает снова как составная часть стоимости продукта. Различие, как оно представляется теперь с точки зрения противоположности между оборотным и основным капиталом, состоит лишь в следующем: стоимость средств труда, примененных для производства товара, лишь по частям входит в стоимость товара и потому по частям же возмещается при продаже товара, а следовательно и вообще возмещается лишь по частям и постепенно. С другой стороны, стоимость рабочей силы и предметов труда (сырья и т. п.), примененных для производства товара, целиком входит в товар и потому целиком возмещается при его продаже. В этом смысле по отношению к процессу обращения одна часть капитала представляется основным, другая — текучим, или оборотным капиталом. В обоих случаях дело идет о перенесении данной, авансированной стоимости на продукт и о возмещении ее вновь посредством продажи продукта. Разница заключается теперь только в том, что в одних случаях это перенесение стоимости, а следовательно и возмещение стоимости,

совершается по частям и постепенно, в других случаях сразу. Вместе с тем стирается кардинальное различие между переменным и постоянным капиталом, следовательно затушевывается вся тайна образования прибавочной стоимости и капиталистического производства, т. е. затушевываются условия, превращающие в капитал известные стоимости и вещи, в которых эти стоимости воплощаются. Все составные части капитала различаются тут только по способу своего обращения (а обращение товара имеет дело, конечно, лишь с уже наличными данными стоимостями); при этом особый способ обращения является общим и для капитала, затраченного на заработную плату, и для той части капитала, которая затрачена на сырье, полуфабрикаты, вспомогательные материалы, — в противоположность части капитала, затраченной на средства труда.

Отсюда понятно, почему буржуазная политическая экономия инстинктивно удерживала смитовское смешение категорий «постоянный и переменный капитал» с категориями «основной и оборотный капитал» и без всякой критики в течение целого столетия передавала эту путаницу из поколения в поколение. Для нее затраченная на заработную плату часть капитала совершенно уже не отличается от части капитала, затраченной на сырье, и отличается лишь формально — лишь тем, обращается ли она по частям или целиком вместе с продуктом — от постоянного капитала. Таким образом одним ударом разрушается основание, необходимое для того чтобы понять действительное движение капиталистического производства, а следовательно и капиталистической эксплуатации. Дело сводится, таким образом, лишь к тому, что авансированная стоимость появляется снова.

Эта некритически заимствованная у А. Смита путаница мешает Рикардо последовательно развить свою теорию. Она мешает ему не только больше, чем позднейшим апологетам, целям которых путаница понятий скорее содействует, но и больше, чем самому А. Смиту, так как Рикардо, в противоположность ему, следуя по существу эзотерическому учению А. Смита против экзотерического А. Смита, последовательнее и острее развивает стоимость и прибавочную стоимость.

У физиократов нет и следа этой путаницы. Разница между avances annuelles и avances primitives относится лишь к различным периодам воспроизводства различных составных частей капитала, и притом специально земледельческого капитала; между тем их взгляды на производство прибавочной стоимости составляют независимую от этого разграничения часть их теории, и притом часть, которую они выставляют как самую основу теории. Образование прибавочной стоимости объясняется здесь не из капитала как такового, а приписывается лишь одной определенной производственной сфере капитала, земледелию.

2. Самое существенное для определения переменного капитала, — а следовательно и для превращения любой суммы стоимости в капитал, — состоит в том, что капиталист обменивает определенную, данную (и в этом смысле постоянную) величину стоимости ⟨на рабочую силу; стоимость он обменивает на силу, творящую стоимость⟩; определенное количество стоимости обменивается на производство стоимости, на процесс ее самовозрастания. Платит ли капиталист рабочему деньгами или жизненными средствами, от этого данное существенное определение нисколько не изменяется. Меняется лишь способ существования авансированной капиталистом стоимости, принимающей в одном случае форму денег, на которые рабочий покупает на рынке свои жизненные средства, в другом случае форму жизненных средств, которые рабочий потребляет непосредственно. В действительности развитое капиталистическое производство предполагает, что рабочий оплачивается деньгами, так как оно вообще предполагает процесс производства, опосредствуемый процессом обращения, т. е. предполагает денежное хозяйство. Но созидание прибавочной стоимости — и, следовательно, капитализация авансированной суммы стоимости — не вытекает ни из денежной, ни из натуральной формы заработной платы, или капитала, затраченного на покупку рабочей силы. Оно вытекает из обмена стоимости на силу, создающую стоимость, из превращения постоянной величины в переменную.

Бо̀льшая или меньшая закрепленность средств труда зависит от степени их долговечности, т. е. от физических свойств. В зависимости от степени долговечности они при прочих равных условиях снашиваются скорее или медленнее, следовательно функционируют в качестве основного капитала более длинное или более короткое время. Но они функционируют в качестве основного капитала отнюдь не только вследствие одного этого физического свойства долговечности. Сырье на металлических фабриках столь же долговечно, как и машины, при помощи которых оно обрабатывается, и долговечнее многих составных частей этих машин: кожи, дерева и т. п. Тем не менее металл, служащий в качестве сырья, составляет часть оборотного капитала, а функционирующее средство труда, сделанное, быть может, из того же самого металла, составляет часть основного капитала. Таким образом дело здесь не в физической природе вещества; не вследствие меньшей или большей прочности тот же самый металл один раз помещается под рубрикой основного, другой раз под рубрикой оборотного капитала. Эта разница вытекает, напротив, из той роли, которую он играет в процессе производства в одном случае как предмет труда, в другом — как средство труда.

Функция средства труда в процессе производства требует, вообще говоря, чтобы это средство в течение более или менее

продолжительного периода снова и снова применялось в повторных процессах труда. Уже его функцией предписывается, таким образом, бо̀льшая или меньшая долговечность его материала. Но долговечность материала, из которого оно изготовлено, сама по себе не делает его основным капиталом. То же самое вещество в качестве сырого материала становится оборотным капиталом; и у экономистов, которые смешивают разницу между товарным капиталом и производительным капиталом с разницей между оборотным капиталом и основным капиталом, то же самое вещество, та же самая машина как продукт является оборотным капиталом, как средство труда — основным капиталом.

Но хотя основным капиталом средство труда становится не вследствие прочности вещества, из которого оно сделано, тем не менее его роль как средства труда требует, чтобы оно состояло из сравнительно прочного материала. Следовательно, долговечность его вещества есть условие его функционирования в качестве средства труда, а вместе с тем материальная основа того способа обращения, который делает его основным капиталом. При прочих равных условиях бо̀льшая или меньшая изнашиваемость его материала накладывает на него в большей или меньшей степени печать неподвижности и, следовательно, находится в существенной связи с его качеством как основного капитала.

Если же часть капитала, затраченная на рабочую силу, рассматривается исключительно с точки зрения оборотного капитала и, следовательно, противопоставляется основному капиталу; если поэтому различия между постоянным и переменным капиталом смешиваются с различиями между основным и оборотным капиталом, то естественно, — полагая, что вещественная реальность средства труда представляет собою существенную основу его характера как основного капитала, — выводить характер оборотного капитала, в противоположность основному, из вещественной реальности капитала, затраченного на рабочую силу, и затем снова определять оборотный капитал при помощи вещественной реальности переменного капитала.

Действительным материалом капитала, затраченного на заработную плату, является сам труд: проявляющая себя в действии, созидающая стоимость рабочая сила, живой труд, который капиталист обменял на мертвый овеществленный труд и включил в свой капитал, благодаря чему находящаяся в его руках стоимость превращается в стоимость самовозрастающую. Но эту способность к самовозрастанию капиталист не продает. Она всегда является лишь составной частью его производительного капитала, подобно его средствам труда, но отнюдь не составной частью его товарного капитала, каковой являются, напр., готовые продукты, которые он продает. В процессе производства, как составные части производительного капитала, средства труда не противостоят рабочей силе

в качестве основного капитала, а материал труда и вспомогательные вещества не совпадают с ней в качестве оборотного капитала; тому и другому рабочая сила противостоит как личный фактор вещным факторам, — это с точки зрения процесса труда. То и другое противостоит рабочей силе как постоянный капитал переменному капиталу, — это с точки зрения процесса возрастания стоимости. Или, раз речь идет о вещественном различии, поскольку оно влияет на процесс обращения, вопрос представляется в следующем виде: из природы стоимости, которая есть не что иное, как овеществленный труд, и из природы функционирующей рабочей силы, которая есть не что иное, как овеществляющийся труд, следует, что рабочая сила в течение периода ее функционирования непрерывно создает стоимость и прибавочную стоимость, — причем то, что на стороне рабочей силы представляется движением, созиданием стоимости, на стороне ее продукта в покоящейся форме представляется как уже созданная стоимость. Если рабочая сила уже проявила себя в действии, то капитал не состоит более из рабочей силы, с одной стороны, средств производства — с другой. Капитальная стоимость, которая была затрачена на рабочую силу, есть теперь стоимость, которая (+ прибавочная стоимость) присоединена к продукту. Чтобы повторить процесс, необходимо продать продукт и на вырученные деньги все снова и снова покупать рабочую силу и включать ее в производительный капитал. Это придает части капитала, затраченной на рабочую силу, так же как и частям его, затраченным на материал труда и т. п., характер оборотного капитала в противоположность тому капиталу, который остается закрепленным в средствах труда.

Если, с другой стороны, вторичное определение оборотного капитала, общее ему с частью постоянного капитала (сырье и вспомогательные материалы), превратить в существенное определение части капитала, затраченной на рабочую силу, — а именно, если исходить из того, что стоимость, затраченная на нее, переносится целиком на продукт, в производстве которого эта рабочая сила потребляется, а не постепенно и частями, как у основного капитала, что стоимость эта, следовательно, тоже должна быть целиком возмещена при продаже продукта, — то при этом и часть капитала, затраченная на заработную плату, вещественно должна состоять не из функционирующей рабочей силы, а из вещественных элементов, которые рабочий покупает на свою плату, т. е. из части общественного товарного капитала, входящей в потребление рабочего, — из жизненных средств. Основной капитал в таком случае состоит из средств труда, изнашивающихся сравнительно медленно и потому не подлежащих частому возобновлению, капитал же, затраченный на рабочую силу, — из жизненных средств, ⟨обладающих меньшей продолжительностью жизни⟩, требующих поэтому более быстрого возмещения.

Однако границы более быстрой и более медленной изнашиваемости стираются.

«Пища и платье, потребляемые рабочим, здание, в котором он работает, орудия, которыми он пользуется при работе, имеют преходящий характер. Но есть, однако, огромная разница во времени, в течение которого эти различные капиталы могут служить в производстве: паровая машина служит дольше корабля, корабль — дольше платья рабочего, а платье рабочего — дольше потребляемой им пищи»[27]. [См. Рикардо: «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 19.]

Рикардо забывает при этом дом, в котором живет рабочий, его мебель, орудия его потребления, как ножи, вилки, посуду и т. п., которые все в смысле долговечности имеют тот же самый характер, как и средства труда. Те же самые вещи, те же самые классы вещей выступают в одном случае как предметы потребления, в другом случае — как средства труда.

Разница, по словам Рикардо, состоит в следующем: «В зависимости от того, быстро ли изнашивается капитал и часто ли требует воспроизводства или же потребляется медленно, он причисляется или к оборотному, или к основному капиталу»[28]. [Ср. Рикардо: «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 19.]

К этому он делает примечание. «Разделение несущественное, в котором разграничительная линия не может быть точно проведена»[29] [там же].

Таким образом, мы благополучно пришли опять к физиократам, у которых разница между avances annuelles и avances primitives была разницей в продолжительности потребления, а следовательно и во времени воспроизводства примененного капитала. Но только то, что у них выражает собою важный для общественного производства феномен и в «Tableau économique» [«Экономической таблице»] приводится также в связь с процессом обращения, здесь является лишь субъективным и, по словам самого Рикардо, излишним различением.

Раз часть капитала, затраченная на труд, отличается от части капитала, затраченной на средства труда, только периодом своего

---

[27] «The food and clothing consumed by the labourer, the buildings in which he works, the implements with which his labour is assisted, are all of a perishable nature. There is, however, a vast difference in the time for which these different capitals will endure: a steam-engine will last longer than a ship, a ship than the clothing of the labourer, and the clothing of the labourer longer than the food which he consumes». Ricardo, etc., стр. 26.

[28] «According as capital is rapidly perishable and requires to be frequently reproduced, or is of slow consumption, it is classed under the heads of circulating, or fixed capital» [стр. 26].

[29] «A division not essential, and in which the line of demarcation cannot be accurately drawn» [стр. 26].

воспроизводства, следовательно продолжительностью своего обращения; раз одна часть состоит из жизненных средств так же, как другая из средств труда, так что последние отличаются от первых лишь меньшей долговечностью, причем и первые, конечно, в свою очередь обладают различными степенями долговечности, — раз это так, то differentia specifica [специфическое различие] между капиталом, затраченным на рабочую силу, и капиталом, затраченным на средства производства, естественно, совершенно стираются.

Это полностью противоречит учению Рикардо о стоимости так же, как и его теории прибыли, которая фактически есть теория прибавочной стоимости. Он рассматривает различие между основным и оборотным капиталом вообще лишь постольку, поскольку различные количественные соотношения между ними в различных отраслях производства, при одинаковых по величине капиталах, влияют на закон стоимости, а именно, он рассматривает, как вследствие этих обстоятельств повышение или понижение заработной платы отражается на цене продукта. Но даже в ограниченных рамках этого исследования он, вследствие смешения основного и оборотного капитала с постоянным и переменным, делает величайшие ошибки и в действительности исходит в своем исследовании из совершенно ложного основания. А именно, 1) поскольку часть капитальной стоимости, затраченная на рабочую силу, подводится под рубрику оборотного капитала, неправильно развиваются определения самого оборотного капитала и в особенности те условия, которые подводят часть капитала, затраченную на труд, под эту рубрику; 2) происходит смешение того определения, согласно которому часть капитала, затраченная на труд, есть переменный капитал, и того, согласно которому она есть оборотный капитал в противоположность основному.

Уже с самого начала очевидно, что определение капитала, затраченного на рабочую силу, как оборотного или текучего, есть вторичное определение, в котором погашаются его differentia specifica в процессе производства, потому что в таком определении, с одной стороны, капиталы, затраченные на труд и на сырье и т. п., равнозначны; рубрика, отождествляющая часть постоянного капитала с переменным, совершенно игнорирует differentia specifica переменного капитала в противоположность постоянному. С другой стороны, части капитала, затраченные на труд и на средства труда, хотя и противопоставляются друг другу, но отнюдь не в том отношении, что они совершенно различным способом входят в производство стоимости, а лишь в том отношении, что обе они переносят на продукт свою данную стоимость, но только в различные периоды времени.

Во всех этих случаях дело идет лишь о том, *как* данная стоимость, затраченная в процессе производства товара, — будет ли

это заработная плата, цена сырья или цена средств труда, — как она переносится на продукт, следовательно каким образом она обращается при помощи продукта и посредством продажи продукта возвращается к своему исходному пункту, или возмещается. Единственная разница заключается здесь в этом *«как»*, в особом способе перенесения, а следовательно и обращения этой стоимости.

Заранее определенная контрактом цена рабочей силы может уплачиваться и деньгами и жизненными средствами, — в том и другом случае характер ее остается неизменным, в том и другом случае она есть данная, заранее определенная цена. Между тем при уплате заработной платы деньгами очевидно, что деньги сами по себе не входят в процесс производства подобно средствам производства, у которых не только стоимость, но и самое вещество вступает в процесс производства. Если же жизненные средства, которые покупает рабочий на свою заработную плату, непосредственно подводятся под одну рубрику с сырьем и т. п., как вещественная форма оборотного капитала, и противопоставляются средствам труда, то это придает делу иную видимость. Если стоимость одних вещей, т. е. средств производства, переносится в процессе труда на продукт, то стоимость других вещей, т. е. жизненных средств, снова проявляется в рабочей силе, которая их потребила, и путем функционирования этой последней опять-таки переносится на продукт. В обоих случаях речь одинаково идет о простом повторном появлении в продукте стоимостей, которые были авансированы во время производства. (Физиократы принимали это всерьез и поэтому отрицали за промышленным трудом способность производить прибавочную стоимость.) Так, напр., Уэйленд пишет в цитированном уже месте: «Безразлично, в какой именно форме появляется снова капитал... различные виды пищи, одежды и жилища, необходимые для существования и благоденствия людей, также изменяются. Они потребляются с течением времени, и стоимость их появляется снова» и т. д. («Elements of Polit. Econ.», стр. 31, 32). Капитальные стоимости, авансированные для производства в виде средств производства и жизненных средств, одинаково вновь появляются в стоимости продукта. Таким путем счастливо достигается превращение капиталистического процесса производства в совершеннейшую мистерию, и происхождение прибавочной стоимости, заключающейся в продукте, оказывается совершенно вне поля зрения.

Далее, тем самым довершается присущий буржуазной политической экономии фетишизм, который превращает общественный экономический характер, накладываемый на вещи общественным процессом производства, в естественный, из самой природы вещей вытекающий характер. Так, напр., «средства труда суть основной капитал» есть схоластическое определение, ведущее к противоречиям и путанице. При изучении процесса труда («Капитал»,

книга I, глава V) было показано, что от той роли, которую играют вещественные элементы в определенном процессе труда в каждом данном случае, от их функции целиком зависит, выступают ли они в качестве средств труда, материала труда или продукта. Равным образом средства труда только в том случае являются, во-первых, основным капиталом, если процесс производства есть вообще капиталистический процесс производства, и, следовательно, средства производства — вообще капитал, если они обладают экономической определенностью, общественным характером капитала; и, во-вторых, они являются основным капиталом лишь в том случае, если они определенным образом переносят свою стоимость на продукт. Если этого нет, они остаются средствами труда, не будучи основным капиталом. Точно так же вспомогательные материалы, напр. удобрение, если они передают свою стоимость тем же самым образом, как бо̀льшая часть средств труда, становятся основным капиталом, хотя они и не являются средствами труда. Здесь речь идет не о дефинициях, под которые могут быть подведены вещи. Речь идет об определенных функциях, которые должны получить выражение в определенных категориях.

Раз жизненным средствам как таковым при всяких обстоятельствах приписывается свойство быть капиталом, затраченным на заработную плату, то это свойство «поддерживать труд», to support labour (Рикардо, стр. 25), превращается в характер, присущий этому «оборотному» капиталу. Следовательно, выходит, что жизненные средства, если бы они не были «капиталом», не могли бы содержать рабочую силу; между тем характер их как капитала дает им как раз свойство поддерживать *капитал* при помощи чужого труда.

Если жизненные средства как таковые суть оборотный капитал, — после того как последний превратился в заработную плату, — то отсюда следует, далее, что величина заработной платы зависит от отношения между числом рабочих и данной массой оборотного капитала, — излюбленное положение экономистов; между тем на самом деле масса жизненных средств, которую рабочий берет с рынка, и масса жизненных средств, которой располагает капиталист для собственного потребления, зависит от отношения между прибавочной стоимостью и ценой труда.

Рикардо, как и Бартон[29a], смешивает везде отношение между переменным капиталом и постоянным с отношением между оборотным капиталом и основным. Мы увидим впоследствии, на какой ложный путь сбивается благодаря этому его исследование о норме прибыли.

[29a] «Observations on the Circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of Society». London 1817. (Соответствующее место цитировано в книге I, стр. 655, сноска 79). [*К. Маркс:* «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 637, сноска 79.]

Далее, Рикардо отожествляет различие между основным и оборотным капиталом с теми различиями, которые образуются в процессе оборота под влиянием совершенно иных причин. Он пишет: «Следует также заметить, что оборотный капитал может оборачиваться или возвращаться к своему хозяину в весьма неодинаковые промежутки времени. Пшеница, купленная фермером для посева, есть основной капитал сравнительно с пшеницей, купленной булочником для приготовления из нее хлеба. Один оставляет ее в почве и не может получить обратно раньше года, другой может перемолоть ее в муку, продать в виде хлеба своим покупателям, и спустя неделю его капитал освободится для возобновления того же самого дела или для того чтобы начать какое-нибудь новое»[30]. [См. Рикардо: «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 19.]

Здесь характерно, что пшеница, хотя она в качестве семян является не средством существования, а сырым материалом, относится, во-первых, к оборотному капиталу, так как сама по себе она есть пищевой продукт, и, во-вторых, она относится к основному капиталу, потому что ее возвращение растягивается на целый год. Но не более медленное или более быстрое возвращение делает данное средство производства основным капиталом, а определенный способ перенесения его стоимости на продукт.

Путаница, ведущая свое происхождение от А. Смита, приводит, таким образом, к следующим результатам:

1. Различие между основным и оборотным капиталом смешивается с различием между производительным капиталом и товарным капиталом. Так, напр., одна и та же машина есть оборотный капитал, если она в качестве товара находится на рынке, и основной капитал, если она включена в процесс производства. При этом остается совершенно непонятным, почему определенный вид капитала должен являться в большей степени, чем всякий другой вид капитала, основным или оборотным.

2. Всякий оборотный капитал отожествляется с капиталом, который затрачен или должен быть затрачен на заработную плату. См., напр., Дж. Ст. Милля и др.

3. Различие между переменным и постоянным капиталом, которое уже Бартон, Рикардо и др. смешивают с различием между оборотным и основным капиталом, сводится в конце концов совершенно к этому последнему. См., напр., Рамсея, у которого все

---

[30] «It is also to be observed that the circulating capital may circulate, or be returned to its employer, in very unequal times. The wheat bought by a farmer to sow is comparatively a fixed capital to the wheat purchased by a baker to make into loaves. The one leaves it in the ground, and can obtain no return for a year; the other can get it ground into flour, sell it as bread to his customers, and have his capital free, to renew the same, or commence any other employment in a week» (стр. 26, 27).

средства производства, сырье и т. д., точно так же как и средства труда, являются основным капиталом, и только капитал, затраченный на заработную плату, есть оборотный капитал. Но так как сведение совершается именно в этой форме, действительное различие между постоянным и переменным капиталом остается непонятым.

4. У новейших английских, в особенности шотландских экономистов, которые рассматривают все с невыразимо ограниченной точки зрения банкирского приказчика, у Маклеода, Паттерсона и др., различие между основным и оборотным капиталом превращается в различие между money at call и money not at call (денежные вклады, получаемые обратно без предварительного уведомления, и — выдаваемые лишь после предварительного извещения).

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

РАБОЧИЙ ПЕРИОД.

Возьмем две отрасли производства, в которых установлен рабочий день одинаковой продолжительности, напр. десятичасовой процесс труда; пусть это будет бумагопрядильное дело и паровозостроительный завод. В одной отрасли ежедневно, еженедельно доставляется определенное количество готового продукта, хлопчатобумажной пряжи; в другой отрасли процесс труда должен повторяться, быть может, в течение целых трех месяцев, чтобы создать один готовый продукт, один паровоз. В одном случае продукт делим по своей природе, и одна и та же работа ежедневно или еженедельно возобновляется снова. В другом случае процесс труда непрерывен, охватывает более или менее значительное число ежедневных процессов труда, которые своим соединением, непрерывностью своих операций доставляют готовый продукт лишь по прошествии более или менее продолжительного периода. Хотя ежедневная продолжительность процесса труда здесь одна и та же, тем не менее весьма существенное различие наблюдается в продолжительности производственного акта, т. е. в продолжительности повторных процессов труда, которые необходимы для того чтобы создать готовый продукт, отправить его в качестве товара на рынок и, следовательно, превратить из производительного капитала в товарный капитал. Таким образом различие между основным и оборотным капиталом не имеет к этому никакого касательства. Указанное различие сохранилось бы и в том случае, если бы в обеих отраслях производства основной и оборотный капитал применялся в совершенно одинаковых пропорциях.

Эти различия в продолжительности производственного акта наблюдаются не только между различными сферами производства, но и в пределах одной и той же производственной сферы, в зависимости от размеров подлежащего изготовлению продукта. Обычный жилой дом может быть выстроен в более короткое время, чем более обширная фабрика, и требует поэтому меньшего числа непрерывных процессов труда. Если постройка локомотива отнимает три месяца, то постройка броненосца требует одного или нескольких лет. Производство хлеба берет времени почти целый год, производство рогатого скота несколько лет, лесоразведение может

охватывать период от 12 до 100 лет; грунтовая дорога может быть проведена в несколько месяцев, постройка железной дороги требует многих лет; обыкновенный ковер изготовляется, быть может, в неделю, гобелен изготовляется целые годы и т. д. Различия в продолжительности производственного акта варьируют, таким образом, до бесконечности.

Различие в продолжительности производственных актов очевидно должно при равных затратах капитала вызвать различие в скорости оборота капитала, т. е. различие в периодах, на которые авансируется данный капитал. Пусть машинная бумагопрядильня и паровозостроительный завод применяют равные по величине капиталы, деление капитала на постоянный и переменный капитал, а также на основную и оборотную составные части в обоих случаях пусть будет одинаково; пусть, наконец, рабочий день одинаково продолжителен и в одинаковой пропорции разделяется на необходимый и прибавочный труд. Далее, чтобы устранить все обстоятельства, вытекающие из процесса обращения и к данному случаю не относящиеся, допустим, что пряжа и паровозы фабрикуются по заказу и оплачиваются по доставлении готового продукта. В конце недели, сдав готовую пряжу, фабрикант-прядильщик (мы оставляем здесь прибавочную стоимость в стороне) получает назад вложенный в дело оборотный капитал и вместе с тем сношенную часть основного капитала, вошедшую в стоимость пряжи. Следовательно, он может с тем же самым капиталом снова повторить тот же самый кругооборот. Он завершил свой оборот. Напротив, фабрикант паровозов должен в течение трех месяцев еженедельно затрачивать новый капитал на заработную плату и сырой материал, и только по прошествии трех месяцев, после сдачи паровоза, оборотный капитал, постепенно затрачивавшийся в течение этого времени на один и тот же производственный акт, на изготовление одного и того же товара, опять принимает форму, в которой он может вновь начать свой кругооборот; равным образом, снашивание машин в течение этих трех месяцев возмещается только теперь. Затрата одного производится на одну неделю, затрата другого равна недельной затрате, помноженной на 12. Предполагая все остальные условия равными, один должен иметь в своем распоряжении в двенадцать раз больший оборотный капитал, чем другой.

То обстоятельство, что еженедельно авансируемые капиталы равны, не имеет здесь никакого значения. Какова бы ни была величина авансированного капитала, в одном случае он авансируется только на одну неделю, в другом случае — на двенадцать недель, и только по прошествии этих сроков с ним можно оперировать снова, повторяя ту же самую операцию или начиная какую-либо иную.

Разница в быстроте оборота или в сроке, на который приходится авансировать отдельные капиталы и до истечения которого

та же самая капитальная стоимость не может служить новому процессу труда или новому процессу возрастания стоимости, возникает здесь из следующего.

Допустим, что постройка паровоза или какой-либо иной машины стоит 100 рабочих дней. По отношению к рабочим, занятым как в прядении, так и в машиностроении, эти 100 рабочих дней образуют прерывную (diskrete) величину, составляющуюся, согласно предположению, из 100 следующих друг за другом отдельных десятичасовых процессов труда. Но по отношению к продукту — машине — 100 рабочих дней образуют непрерывную величину, так сказать, один рабочий день в 1000 рабочих часов, один сплошной акт производства. Такой рабочий день, образованный из ряда последовательных более или менее многочисленных и связанных между собой рабочих дней, я называю *рабочим периодом*. Говоря о рабочем дне, мы разумеем длину рабочего времени, в течение которого рабочий должен ежедневно затрачивать свою рабочую силу, в течение которого он должен ежедневно работать. Если же мы говорим, напротив, о рабочем периоде, то это означает определенное число связанных между собою рабочих дней, необходимых в определенной отрасли производства для получения готового продукта. Продукт каждого рабочего дня есть здесь лишь частичный продукт; он должен изо дня в день изготовляться дальше, пока, наконец, к концу более или менее продолжительного периода рабочего времени не получит свой законченный вид, не станет готовой потребительной стоимостью.

Перерывы, нарушения общественного процесса производства, вследствие, напр., кризисов, оказывают поэтому совершенно различное влияние на те продукты труда, которые по своей природе делимы, и на те, которые требуют для своего производства более или менее длинного, связного периода труда. За сегодняшним производством определенного количества пряжи, угля и т. п. в одном случае завтра не последует нового производства пряжи, угля и т. п. Иначе обстоит дело с кораблями, зданиями, железными дорогами и т. п. Здесь не только прерывается работа, но прерывается и связный акт производства. Если постройка не подвигается дальше, то средства производства и труд, потребленные в ее производстве, затрачены даром. Если даже она и будет потом возобновлена, в промежуточный период неизбежно произойдут некоторые повреждения.

В продолжение всего рабочего периода как бы слоями накопляется та часть стоимости, которую основной капитал ежедневно отдает продукту до его полной зрелости. И здесь в то же время обнаруживается практическая важность различия между основным и оборотным капиталом. Основной капитал авансируется в процесс производства на сравнительно более продолжительное время, его не приходится возобновлять ранее, чем по истечении этого,

быть может, многолетнего периода. Переносит ли паровая машина свою стоимость ежедневно по частям на пряжу, продукт прерывного процесса труда, или же она в течение трех месяцев отдает ее локомотиву, продукту непрерывного производственного акта, — это обстоятельство нисколько не отражается на затрате капитала, необходимого для покупки паровой машины. В одном случае ее стоимость притекает назад маленькими дозами, напр. еженедельно, в другом — более крупными частями, напр. через каждые три месяца. Но в обоих случаях возобновление паровой машины совершается всего один раз, скажем, в 20 лет. Раз каждый отдельный период, в течение которого стоимость паровой машины путем продажи продукта частями притекает обратно, короче, чем период ее собственного существования, машина продолжает функционировать в процессе производства в продолжение целого ряда рабочих периодов.

Иначе обстоит дело с оборотными составными частями авансированного капитала. Рабочая сила, закупленная на эту неделю, затрачена в течение этой недели и овеществилась в продукте. Она должна быть оплачена в конце этой недели. И такая затрата капитала на рабочую силу еженедельно повторяется в течение трех месяцев, так что затрата этой части капитала в данную неделю не избавляет капиталиста от необходимости в следующую неделю снова закупать труд. На оплату рабочей силы еженедельно должен затрачиваться новый добавочный капитал, и, если оставить в стороне все отношения кредита, капиталист должен иметь возможность выплачивать заработную плату за три месяца, хотя фактически ему и приходится уплачивать ее лишь еженедельными частями. То же самое относится и к другой части оборотного капитала, к сырью и вспомогательным материалам. Один слой труда за другим накладывается на продукт. Не только стоимость израсходованной рабочей силы, но и прибавочная стоимость непрерывно переносится на продукт в течение процесса труда, но на продукт еще неготовый, еще не принявший формы готового товара и, следовательно, неспособный к обращению. То же относится и к капитальной стоимости, которая как бы слоями переносится на продукт с сырья и вспомогательных материалов.

В зависимости от большей или меньшей продолжительности рабочего периода, определяемой специфической природой изготовляемого продукта или той полезной целью, которая преследуется при изготовлении его, необходимы постоянные добавочные затраты оборотного капитала (заработной платы, сырья и вспомогательных материалов), причем ни одна часть их не находится в форме, способной к обращению, и, следовательно, не может служить возобновлению одной и той же операции; напротив, каждая часть последовательно закрепляется в сфере производства как составная часть образующегося продукта, связывается в форме произ-

водительного капитала. Но время оборота равно сумме времени производства и времени обращения капитала. Таким образом удлинение времени производства уменьшает скорость оборота капитала в такой же мере, как и удлинение времени обращения. Но в данном случае необходимо обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых: более продолжительное пребывание в сфере производства. Так, напр., капитал, авансированный в первую неделю на труд, сырые материалы и т. д., точно так же, как и части стоимости основного капитала, перенесенные на продукт, в течение всего трехмесячного периода остаются связанными в сфере производства и, как включенные в продукт, только еще образующийся, еще неготовый, не могут вступить в процесс обращения в качестве товара.

Во-вторых: так как рабочий период, требуемый для производственного акта, продолжается три месяца и в действительности составляет лишь один связный процесс труда, то каждую неделю новая часть оборотного капитала должна присоединяться к предыдущим. Таким образом масса авансированных один за другим добавочных капиталов с удлинением рабочего периода возрастает.

Мы предположили, что капиталы, вложенные в бумагопрядильную фабрику и машиностроительный завод, равны по величине, что капиталы эти в одинаковой пропорции распадаются на постоянный и переменный капитал, а также на основной и оборотный, что рабочие дни имеют одинаковую продолжительность, — одним словом, что одинаковы все условия, за исключением продолжительности рабочего периода. В течение первой недели затраты в обоих случаях равновелики, но продукт фабриканта-прядильщика может быть продан, на вырученные деньги может быть куплена новая рабочая сила, новое сырье и т. д., одним словом, производство может вестись дальше в том же самом масштабе. Напротив, фабрикант машин только по прошествии трех месяцев, когда его продукт уже вполне готов, может превратить в деньги оборотный капитал, затраченный в первую неделю, и начать с ним новые операции. Итак, во-первых, разница касается обратного притока одного и того же количества затраченного капитала. Во-вторых, в течение трех месяцев в прядильной фабрике и машиностроительном заводе применены равновеликие производительные капиталы, но величина затрат капитала совершенно различна для фабриканта-прядильщика и машиностроителя, так как один и тот же капитал в одном случае быстро возобновляется и, следовательно, может снова повторить ту же самую операцию; в другом случае он возобновляется сравнительно лишь медленно и, следовательно, до момента его возобновления новые количества капитала должны постоянно присоединяться к старым. Таким образом различны периоды, в течение которых возобновляются определенные части капитала, или различны периоды, на которые капитал авансируется; различны также и массы капитала

(хотя ежедневно и еженедельно применяются одинаковые капиталы), которые должны быть авансированы в зависимости от длины рабочего процесса. Обстоятельство это должно быть отмечено потому, что в некоторых случаях, как, напр., в случаях, которые мы рассмотрим в следующей главе, продолжительность времени, на которое авансируется капитал, может возрастать, не вызывая пропорционального возрастания авансируемого капитала. Капитал должен авансироваться на более продолжительное время, и более значительные количества капитала связываются в форме производительного капитала.

На менее развитых ступенях капиталистического производства предприятия, требующие длинного рабочего периода и, следовательно, крупных затрат капитала на продолжительное время, — особенно, если они осуществимы только в крупном масштабе, — ведутся или вовсе не капиталистически, а на общественный или государственный счет, как, напр., проведение дорог, каналов и т. п. (в прежние времена они большей частью проводились принудительным трудом, поскольку речь идет о рабочей силе). Или же такие продукты, изготовление которых требует сравнительно продолжительного рабочего периода, лишь в ничтожной своей части фабрикуются на счет самих капиталистов. Так, напр., при постройке дома то частное лицо, для которого предназначается дом, дает время от времени авансы строительному предпринимателю. Фактически это лицо оплачивает таким образом дом по частям, по мере того как подвигается вперед процесс производства. Напротив, в эпоху развитого капитализма, когда, с одной стороны, значительные массы капитала сосредоточиваются в руках отдельных лиц, а с другой стороны, наряду с отдельными капиталистами появляется капиталист ассоциированный (акционерное общество) и в то же время развивается кредитное дело, капиталистический строительный предприниматель лишь в виде исключения возводит постройки для отдельных частных лиц по заказу. Его предприятием является постройка для рынка целого ряда домов, целых городских кварталов, подобно тому как предприятие отдельных капиталистов состоит в строительстве железных дорог по подряду.

Какой переворот вызвало капиталистическое производство в лондонском домостроении, мы узнаем из показаний одного предпринимателя перед комиссией о банках в 1857 г. По его словам, в то время, когда он еще был молод, дома строились обыкновенно по заказу, причем издержки выплачивались предпринимателю постепенно, по мере того, как заканчивались отдельные стадии постройки. Ради спекуляции строилось лишь очень мало; предприниматели пускались на это главным образом лишь для того чтобы доставлять регулярное занятие своим рабочим и таким образом не давать им разбредаться. За последние 40 лет все это изменилось. На заказ работают очень мало. Тот, кто нуждается

в новом доме, должен выбрать себе один из тех, которые выстроены со спекулятивными целями или еще находятся в постройке. Предприниматель работает теперь уже не на заказчиков, а на рынок. Подобно всякому другому промышленнику, у него должны быть на рынке готовые товары. Прежде предприниматель строил одновременно каких-нибудь три-четыре дома на продажу, теперь он должен купить (т. е., употребляя континентальный способ выражения, арендовать обыкновенно на 99 лет) значительный участок земли и возвести на нем 100 или 200 домов, пускаясь, таким образом, в предприятие, превосходящее в двадцать — пятьдесят раз размеры его состояния. Средства добываются под закладные, причем деньги поступают в распоряжение предпринимателя в той мере, в какой подвигается вперед постройка отдельных домов. Если наступает кризис, который задерживает уплату авансов, то обыкновенно рушится все предприятие; в лучшем случае дома остаются недостроенными до более благоприятного времени, в худшем они продаются с молотка за половинную цену. Без спекулятивных построек, и притом в крупном масштабе, не может обойтись теперь ни один предприниматель. Прибыль от самих построек в высшей степени ничтожна; главная выгода состоит в повышении земельной ренты, в искусном выборе и использовании застраиваемой площади. Путем такой спекуляции, предвосхищающей спрос на дома, выстроена вся Бельгравия и Тибурния, а также многие тысячи вилл в окрестностях Лондона. (Сокращенное изложение из «Report from the Select Committee on Bank Acts». Часть I, 1857. Evidence, вопросы 5413—5418, 5435—5436.)

Выполнение работ, требующих очень продолжительного рабочего периода и широкой постановки дела, целиком попадает в руки капиталистической промышленности лишь тогда, когда концентрация капитала уже очень значительна и когда, с другой стороны, развитие кредитной системы дает капиталисту удобный выход, открывает возможность авансировать чужой капитал вместо своего собственного, а следовательно и рисковать чужим капиталом. Но, само собою разумеется, на скорость оборота и на время оборота капитала не оказывает никакого влияния то обстоятельство, что в одних случаях капитал принадлежит, в других не принадлежит тому, кто авансирует его на производство.

Условия, увеличивающие продукт каждого отдельного рабочего дня, каковы кооперация, разделение труда, применение машин, в то же время сокращают рабочий период при связанных между собою актах производства. Так, машины сокращают период постройки домов, мостов и т. п.; жатвенные машины, молотилки и т. п. сокращают рабочий период, необходимый для того чтобы превратить созревшее зерно в готовый товар. Усовершенствованное судостроение, увеличивая скорость судов, сокращает время оборота капитала, затраченного на судоходство. Но эти улучшения,

сокращая рабочий период, а вместе с тем и время, на которое должен быть авансирован оборотный капитал, обыкновенно бывают связаны с увеличенной затратой основного капитала. С другой стороны, в некоторых отраслях рабочий период может быть сокращен посредством простого расширения кооперации; постройка железной дороги, напр., сокращается, если поставлены на ноги крупные армии рабочих, которые принимаются за дело сразу во многих пунктах. Время оборота сокращается здесь благодаря возрастанию авансированного капитала. Больше средств производства и больше рабочей силы должно быть объединено под командой капиталиста.

Итак, сокращение рабочего периода связано по большей части с увеличением капитала, авансируемого на более короткий срок, так что по мере сокращения срока, на который капитал авансируется, возрастает масса авансируемого капитала. Ввиду этого необходимо напомнить, что независимо от того, какова вообще масса общественного капитала, все дело зависит от того, в какой степени раздроблены или сосредоточены в руках отдельных капиталистов средства производства и жизненные средства или распоряжение ими, — следовательно, каких размеров уже достигла концентрация капитала. Поскольку кредит способствует концентрации капитала в одних руках, ускоряет и повышает ее, постольку он способствует сокращению рабочего периода, а следовательно и времени оборота.

В отраслях производства, где рабочий период, будет ли он непрерывным или прерывным, предписывается определенными естественными условиями, неосуществимо сокращение его при помощи вышеуказанных средств. «Выражение: более быстрый оборот, не может быть применено к сбору зерна, так как здесь возможен лишь один оборот в год. Что касается скотоводства, то мы хотели бы просто спросить, как возможно ускорить оборот двух- или трехлетних овец и четырех- или пятилетних быков?» (W. Walter Good: «Political, Agricultural and Commercial Fallacies». London 1866, стр. 325.)

Необходимость иметь как можно скорее свободные деньги (напр., для каких-либо твердо установленных платежей, каковы налоги, земельная рента и т. п.) приводит к разрешению этого вопроса таким образом, что скот, напр., к великому ущербу для земледелия, продается и убивается раньше, чем он достиг экономически нормального возраста; это приводит в конце концов и к возрастанию цен на мясо. «Люди, которые раньше занимались главным образом откармливанием скота и пользовались летом пастбищем Midland counties, а зимой — стойлами восточных графств... благодаря колебаниям и падению цен на хлеб опустились до такой степени, что теперь они рады, если им удается извлечь выгоду из высоких цен на масло и сыр; первое они еженедельно выносят на рынок, чтобы покрыть текущие расходы; под

сыр они берут авансы у скупщика, который забирает продукт, как только он становится способным к перевозке, и, конечно, назначает свои собственные цены. По этой же причине, а также вследствие того, что сельское хозяйство управляется законами политической экономии, телята, которые прежде из округов, ведущих молочное хозяйство, отправлялись на юг для откармливания, теперь убиваются массами, часто в возрасте 8—9 дней, на бойнях Бирмингама, Манчестера, Ливерпуля и других соседних больших городов. Если бы не был обложен налогом солод, то не только арендаторы получили бы больше прибыли и таким образом могли бы удержать у себя молодой скот, пока он не станет старше и тяжелее, но и люди, не имеющие коров, могли бы употреблять вместо молока солод для выкармливания телят, и теперешний ужасающий недостаток в молодом скоте был бы в значительной степени устранен. Теперь же, когда этим мелким хозяйчикам рекомендуют выкармливать телят, они отвечают: Мы очень хорошо знаем, что выкармливание молоком окупилось бы, но, во-первых, мы для этого должны были бы затратить наличные деньги, а этого мы не можем, и, во-вторых, нам пришлось бы долго ждать, пока мы снова выручим эти деньги, тогда как при молочном хозяйстве мы получаем их немедленно» (там же, стр. 11, 12).

Если удлинение оборота имеет такие последствия даже для более мелких английских фермеров, то легко представить себе, какие затруднения оно должно вызвать среди мелких крестьян континента.

В соответствии с продолжительностью рабочего периода, а следовательно и периода времени, необходимого для изготовления пригодного к обращению товара, часть стоимости, переносимая как бы слоями с основного капитала на продукт, накопляется, и обратный приток этой части стоимости замедляется. Но это замедление не вызывает новой затраты основного капитала. Машина продолжает действовать в процессе производства независимо от того, медленнее или быстрее притекает назад в денежной форме возмещение сношенной ее части. Иначе обстоит дело с оборотным капиталом. Не только вложенный капитал должен быть связан более продолжительное время соответственно длительности рабочего периода, но должен также постоянно авансироваться новый капитал на заработную плату, сырье и вспомогательные материалы. Таким образом замедленный обратный приток оказывает на основной и оборотный капитал различное влияние. Будет ли обратный приток более медленным или более быстрым, основной капитал продолжает действовать. Напротив, оборотный капитал при замедленном обратном притоке теряет способность функционировать, раз он закреплен в форме непроданного или неготового, еще непригодного к продаже продукта и раз нет налицо добавочного капитала, чтобы восстановить его in natura. — «В то время как

крестьянин испытывает голодовку, скот его процветает. Были дожди, и подножный корм вырос богатый. Индийский крестьянин умрет с голоду рядом со своим жирным быком. Требования суеверия суровы по отношению к отдельному индивидууму, но они направлены к сохранению общества в целом; сохранение рабочего скота обеспечивает правильный ход земледелия, а тем самым и источники будущих средств существования и будущего богатства. В Индии легче заместить человека, нежели быка, — это, быть может, звучит жестоко и печально, но это так» (Return, East India, Madras and Orissa Famine № 4, стр. 44). Сравните с этим следующее изречение Манара-Дарма-Сестры: «Бескорыстная жертва жизнью без воздаяния с целью сохранить жизнь жреца или коровы... может обеспечить блаженство этих низкорожденных родов» (гл. X, § 62).

Нет, конечно, никакой возможности доставить на рынок пятилетнее животное раньше, чем ему исполнится пять лет. Но в известных пределах возможно; изменяя способы ухода за животными, подготовить их в более короткий срок к их назначению. Это именно и было достигнуто Бэкуэллем. Прежде английские овцы, как и французские еще в 1855 г., не годились для убоя ранее четвертого или пятого года жизни. По системе Бэкуэлля, овца может быть откормлена в продолжение одного года и во всяком случае до истечения двух лет вырастает совершенно. Путем старательного отбора Бэкуэлль, фермер из Дишлей-Грэнджа, довел костный скелет овец до минимума, необходимого для их существования. Овцы его получили название ньюлейстерских. «Овцевод теперь может продать три овцы на рынке в то самое время, которое прежде требовалось для выкармливания одной овцы, и если они не выше ростом, зато они толще, круглее, у них сильнее развиты те части, которые дают наиболее мяса, а костей в них ровно столько, сколько нужно, чтоб они могли держаться на ногах, и почти весь их запас заключается в одном мясе» (Lavergne: «The Rural Economy of England etc.», 1855, стр. 20). [См. Леонс де-Лаверпь: «Сельское хозяйство в Англии, Шотландии и Ирландии». М., 1859 г., стр. 17.]

Методы, сокращающие рабочий период, в различных отраслях производства применимы в очень различных степенях и отнюдь не способны уравнять разницу в продолжительности различных рабочих периодов. Так, напр., в нашем примере применение новых рабочих машин может абсолютно сократить рабочий период, необходимый для изготовления одного паровоза. Но если в то же время усовершенствованный процесс прядения еще быстрее увеличивает количество ежедневно и еженедельно доставляемого готового продукта, то относительно, по сравнению с прядением, длина рабочего периода в машиностроении увеличится.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ВРЕМЯ ПРОИЗВОДСТВА.

Рабочее время есть всегда время производства, т. е. время, в течение которого капитал связан в сфере производства. Напротив, не всякое время, в течение которого капитал находится в процессе производства, непременно является уже в силу этого рабочим временем.

Здесь речь идет не о перерывах в процессе труда, обусловленных естественными границами самой рабочей силы, хотя мы и видели, каким важным мотивом к неестественному удлинению процесса труда и введению непрерывной дневной и ночной работы является уже один тот факт, что основной капитал — фабричные здания, машины и т. п. — остается без употребления во время перерывов в процессе труда. Здесь речь идет о перерыве, не зависимом от длины процесса труда, обусловленном самою природою продукта и способом его изготовления, о перерыве, в течение которого предмет труда подвергается более или менее продолжительным естественным процессам, должен проделать физические, химические, физиологические изменения, о перерыве, во время которого процесс труда совершенно или отчасти приостанавливается.

Так, молодое вино должно некоторое время подвергаться брожению и затем снова стоять в течение известного периода, чтобы достигнуть определенной степени совершенства. Во многих отраслях производства продукт должен подвергаться сушке, как, напр., в гончарном деле, или известным влияниям, изменяющим его химические свойства, как, напр., в белильном деле. Озимая пшеница требует целых 9 месяцев для созревания. В промежутке времени между посевом и жатвой процесс труда почти совсем прерывается. В лесоводстве по окончании посева и необходимых для него подготовительных работ семена требуют, быть может, целого столетия для того чтобы превратиться в готовый продукт; в течение всего этого периода они нуждаются лишь в сравнительно незначительном воздействии труда.

Во всех этих случаях в течение большей части времени производства добавочный труд присоединяется лишь изредка. Описанные в предшествующей главе условия, при которых к капиталу,

уже вложенному в процесс производства, должен присоединяться новый дополнительный капитал и труд, осуществляются здесь лишь с более или менее продолжительными перерывами.

Таким образом во всех этих случаях время производства авансированного капитала состоит из двух периодов: первый период, в котором капитал находится в процессе труда; второй период, в котором форма существования капитала — форма еще неготового продукта, — предоставляется воздействию естественных процессов, не находясь при этом в процессе труда. Дело нисколько не изменяется от того, что оба эти периода могут частично перекрещиваться, вклиниваться один в другой. Рабочий период и период производства здесь не совпадают. Период производства длиннее, чем рабочий период. Но только по окончании периода производства продукт готов, созрел и, следовательно, может быть превращен из формы производительного капитала в форму товарного капитала. Соответственно продолжительности той части времени производства, которая не составляет рабочего времени, удлиняется, следовательно, и период оборота капитала. Поскольку время производства, избыточное по сравнению с рабочим временем, не определено раз навсегда данными законами природы, как при созревании хлеба, вырастании дуба и т. п., период оборота нередко может более или менее сокращаться посредством искусственного сокращения времени производства. К этому приводит, напр., введение химического беления вместо беления на лугу, введение более совершенных сушильных аппаратов в процессах высушивания. В дубильном деле, где при старом методе проникновение дубильной кислоты в кожи требовало 6—18 месяцев, с применением воздушного насоса операция эта сократилась до $1^1/_2$—2 месяцев (J. G. Courcelle-Seneuil: «Traité théorique et pratique des Entreprises industrielles etc. Paris 1857», 2-е изд.). Наиболее выдающийся пример искусственного сокращения того времени производства, которое заполнено исключительно естественными процессами, дает история железоделательного производства — в особенности превращения чугуна в сталь — за последние 100 лет, начиная с открытого в 1780 г. пудлингования и кончая современным бессемеровским процессом и другими введенными с того времени новейшими методами. Время производства сократилось колоссально, но в той же самой степени увеличились и вложения основного капитала.

Своеобразный пример отклонения времени производства от рабочего времени представляет американская фабрикация сапожных колодок. Здесь значительное число добавочных издержек обусловливается тем, что дерево должно сохнуть в течение периода до 18 месяцев, чтобы готовая колодка впоследствии не покоробилась и не изменила своей формы. За это время дерево не подвергается никакому иному процессу труда. Период оборота вложен-

ного в дело капитала определяется, таким образом, не только тем временем, которое необходимо для самой фабрикации колодок, но и тем временем, в продолжение которого капитал должен праздно лежать в высыхающем дереве. Дерево 18 месяцев находится в процессе производства, прежде чем оно получит возможность вступить в процесс труда в собственном смысле. Этот пример показывает в то же время, насколько различны могут быть периоды оборота различных частей всего оборотного капитала в зависимости от обстоятельств, которые имеют место не в сфере обращения, а в процессе производства.

В особенности отчетливо разница между временем производства и рабочим временем выступает в сельском хозяйстве. В нашем умеренном климате земля дает урожай один раз в год. Сокращение или удлинение периода производства (в среднем девятимесячного для озимого посева) зависит в свою очередь от смены благоприятных и неблагоприятных годов и потому не может быть точно определено и контролировано заранее, как в промышленности в собственном смысле слова. Только побочные продукты, как молоко, сыр и т. п., постоянно могут быть произведены и проданы в сравнительно короткие периоды. Между тем рабочее время представляется здесь в следующем виде: «В различных местностях Германии, в зависимости от меняющихся климатических и других оказывающих свое действие условий, число рабочих дней для трех главных периодов труда в среднем может быть принято следующее: для весеннего периода, с половины марта или начала апреля до половины мая, 50—60 рабочих дней; для летнего периода, с начала июня до конца августа, 65—80; для осеннего периода, с начала сентября до конца октября или середины или конца ноября, 55—75 рабочих дней. На зиму падают лишь такие работы, которые можно выполнять в это время, как вывоз удобрения, возка дров, поездки на рынок, подвоз строительных материалов и т. п.» (F. Kirchhof: «Handbuch der landwirtschaftlichen Betriebslehre». Dresden 1852, стр. 160).

Поэтому, чем неблагоприятнее климат, тем короче рабочий период в сельском хозяйстве, тем короче, следовательно, и то время, в течение которого затрачивается капитал и труд. Например, Россия. Там в некоторых северных областях полевые работы возможны только в течение 130—150 дней в году. Легко представить себе, какой потерей было бы для России, если бы 50 из 65 миллионов населения ее европейской части оставалось без занятия в течение шести или восьми зимних месяцев, когда должны прекращаться всякие полевые работы. Не считая 200 000 крестьян, работающих на 10 500 фабриках, в деревнях России повсюду развилась своя домашняя промышленность. Существуют деревни, где все крестьяне из поколения в поколение являются ткачами, кожевниками, сапожниками, слесарями, ножевщиками и т. п.;

в особенности это наблюдается в губерниях Московской, Владимирской, Калужской, Костромской и Петербургской. Кстати сказать, эта домашняя промышленность все более и более вынуждается служить капиталистическому производству: ткачам, напр., основа и уток доставляются скупщиками или непосредственно, или при посредстве торговых агентов (сокращено по «Reports by H. M. Secretaries of Embassy and Legation, on the Manufactures, Commerce etc.» № 8, 1865, стр. 86, 87). Отсюда видно, что расхождение периода производства и рабочего периода, причем последний образует только часть первого, является естественной основой для соединения земледелия с подсобными сельскими промыслами и что, с другой стороны, эти последние, в свою очередь, дают точку опоры капиталистам, которые сначала проникают сюда в качестве скупщиков. Когда капиталистическое производство впоследствии завершает отделение мануфактуры от земледелия, сельский рабочий становится все более и более зависящим от чисто случайных побочных занятий, и его положение в силу этого ухудшается. Для капитала, как мы увидим впоследствии, все различия в обороте сглаживаются, для рабочего же — нет.

В большинстве отраслей промышленности в собственном смысле, как в горном деле, транспорте и т. п., производство идет равномерно, из года в год затрачивается равное рабочее время и, — если оставить в стороне колебания цен, нарушения в ходе деловой жизни и т. п. как ненормальные перерывы, — затраты на капитал, входящий в повседневный процесс обращения, также распределяются во времени равномерно. Равным образом, при прочих неизменных условиях рынка, обратный приток оборотного капитала или его возобновление в течение года также происходит через равномерные промежутки времени. Напротив, в тех отраслях, где рабочее время составляет лишь часть времени производства, в различные периоды года оборотный капитал затрачивается с величайшей неравномерностью, между тем как обратный приток его совершается лишь разом, в момент, определяемый естественными условиями. Таким образом здесь, при одинаковом масштабе предприятия, т. е. при одинаковой величине авансированного оборотного капитала, этот последний должен авансироваться сразу в более крупных массах и на более продолжительное время, чем в предприятиях с непрерывными рабочими периодами. Продолжительность жизни основного капитала здесь также значительно больше отличается от того срока, в течение которого он действительно функционирует производительно. Само собой разумеется, что раз имеется разница между рабочим временем и временем производства, то и время потребления примененного основного капитала постоянно прерывается на более или менее продолжительные периоды, — напр., в земледелии так обстоит дело с рабочим скотом, орудиями труда и машинами. Поскольку этот основной

капитал состоит из рабочего скота, он непрерывно требует одинаковых или почти одинаковых затрат на корм и т. п. и в то время, когда скот работает, и в то время, когда он не работает. Что касается мертвых средств труда, то и здесь неупотребление их сопровождается некоторым обесценением. Следовательно, продукт вообще удорожается, раз передача стоимости на продукт исчисляется не только на то время, когда основной капитал функционирует, но и на время, в течение которого он теряет стоимость. В этих отраслях производства бездеятельность основного капитала, сопряжена ли она с текущими издержками или нет, является таким же условием его нормального применения, как, напр., потеря известного количества хлопка при прядении; равным образом в каждом процессе труда, совершающемся при нормальных технических условиях, затраты рабочей силы, непроизводительные, но неизбежные, совершенно так же идут в счет, как и производительные. Всякое усовершенствование, которое уменьшает непроизводительную затрату средств труда, сырья и рабочей силы, в то же время уменьшает и стоимость продукта.

В сельском хозяйстве соединяются вместе и сравнительно продолжительный рабочий период и крупная разница между рабочим временем и временем производства. Годскин справедливо замечает по этому поводу: «Разница во времени» (он, впрочем, не различает здесь рабочего времени от времени производства), «которое необходимо для того, чтобы изготовить продукты сельского хозяйства, и тем временем, которое требуется в других отраслях труда, есть главная причина величайшей зависимости сельских хозяев. Они не могут доставить свои товары на рынок раньше чем через один год. В течение всего этого периода времени они должны кредитоваться у сапожника, портного, кузнеца, каретника и различных других производителей, в продуктах которых они нуждаются и продукты которых могут быть изготовлены в немного дней или недель. Вследствие этого естественного обстоятельства и вследствие более быстрого увеличения богатства в других отраслях труда земельные собственники, монополизировавшие землю всего государства, да еще сверх того присвоившие себе и монополию законодательства, все же не в состоянии спасти себя, своих слуг и арендаторов от участи быть самыми зависимыми людьми в стране» (Thomas Hodgskin: «Popular Political Economy». London 1827, стр. 147, примечание).

Все методы, при помощи которых в земледелии, с одной стороны, затраты на заработную плату и средства труда распределяются равномернее в течение года, с другой стороны, сокращается время оборота, как, напр., при культуре разнородных продуктов, делающей возможными разновременные жатвы в течение одного и того же года, — все эти методы требуют увеличения вложенного в производство оборотного капитала, расходуемого на заработную плату,

удобрение, семена и пр. Так происходит при переходе от трехпольного хозяйства с паром к плодопеременному без пара. Так происходит во Фландрии при cultures dérobées. «В cultures dérobées применяют корнеплоды; одно и то же поле сначала приносит хлеб, лен, рапс для удовлетворения потребностей человека, а после жатвы оно засевается корнеплодами, предназначенными для прокормления скота. Эта система, при которой рогатый скот все время может оставаться в стойле, дает значительное накопление удобрения и становится таким образом основой плодопеременного хозяйства. В песчаных местностях более одной трети обработанной поверхности находится под cultures dérobées; результат получается как раз такой, как если бы размеры обработанной площади увеличились на одну треть». Наряду с корнеплодами культивируются клевер и другие кормовые травы. «Земледелие, доведенное до такой интенсивности, при которой оно переходит в огородную культуру, требует, само собой разумеется, сравнительно значительного вложения капитала. В Англии вложения капитала определяются в 250 франков на гектар. Во Фландрии наши крестьяне нашли бы, по всей вероятности, вложение капитала в 500 фр. на гектар слишком незначительным» («Essais sur l'Économie Rurale de la Belgique par Émile de Laveleye». Paris 1863, стр. 45, 46, 48).

Возьмем, наконец, лесоводство. — «Производство леса существенно отличается от большинства остальных производств тем, что в этом случае сила природы действует самостоятельно, и при естественном обновлении не требуется приложения сил человека или капитала. Впрочем, даже и там, где леса разводятся искусственно, применение силы человека и капитала по сравнению с действием сил природы лишь незначительно. Кроме того, лес может хорошо расти на таких почвах и местах, где хлеб не произрастает или производство его не окупается. Но лесоразведение требует в то же время при правильном ведении хозяйства более обширной площади, чем хлебная культура, так как на маленьких парцеллах нельзя разделить лес на правильные участки, почти не удается извлекать побочных доходов, труднее лесохранение и т. д. Однако процесс производства связан с такими длинными сроками, что он выходит за пределы планов частного хозяйства, в отдельных случаях даже за пределы человеческой жизни. Капитал, затраченный на приобретение лесных участков» (при общественном производстве этот капитал отпадает, и вопрос идет лишь о том, сколько земли может общество отнять для лесоразведения от пашни и пастбища), «приносит заметные плоды лишь по истечении долгого времени и оборачивается лишь отчасти, полный же оборот при некоторых сортах деревьев требует до 150 лет. Кроме того, правильное лесное хозяйство требует, чтобы постоянно имелся запас леса на корню, превосходящий в 10—40 раз ежегодное пользование. Поэтому тот, кто не имеет других доходов и

обладает только значительными площадями леса, не в состоянии вести правильное лесное хозяйство» (Kirchhof, стр. 58).

Длинное время производства (включающее в себя лишь относительно незначительное рабочее время) и связанная с ним продолжительность периодов оборота делают лесоразведение невыгодным для частных, а следовательно для капиталистических предприятий, — ведь капиталистическое производство по существу своему является частным производством, хотя бы на место отдельного капиталиста и выступал капиталист ассоциированный. Развитие культуры и промышленности вообще настолько энергично проявило себя с давних пор уничтожением лесов, что по сравнению с этим все, что было сделано им для поддержания и насаждения леса, представляет собою совершенно ничтожную величину.

Особенно замечательно в приведенной выше цитате из Кирхгофа следующее место: «Кроме того, правильное лесное хозяйство требует, чтобы постоянно имелся запас леса на корню, превосходящий в 10—40 раз ежегодное пользование». Это значит, что один оборот приходится на 10—40 и более лет.

То же самое и в скотоводстве. Часть стада (запас скота) остается в процессе производства, в то время как другая часть его продается в качестве ежегодного продукта. Только одна часть капитала оборачивается здесь ежегодно, совершенно так же, как это имеет место по отношению к основному капиталу, машинам, рабочему скоту и т. п. Хотя этот капитал есть капитал, закрепленный в процессе производства на продолжительное время и потому замедляющий оборот всего капитала, тем не менее он не является основным капиталом в категорическом смысле.

То, что называется здесь запасом — определенное количество леса на корню или скота, — в условном смысле находится в процессе производства (одновременно — в качестве средств труда и материала труда); сообразно естественным условиям его воспроизводства при правильном хозяйстве значительная часть его должна находиться в этой форме, в виде запаса.

Подобное влияние на оборот оказывает другой вид запасов, который составляет лишь потенциальный производительный капитал, но в силу самой природы хозяйства должен накопляться более или менее значительными массами и, следовательно, должен авансироваться для производства на сравнительно продолжительное время, хотя он лишь мало-помалу вступает в активный процесс производства. Сюда относится, напр., удобрение, пока оно еще не вывезено на поле, также зерно, сено и т. д. и такие запасы средств существования, которые входят в производство скота. «Значительная часть капитала предприятия заключается в хозяйственных запасах. Эти последние могут, однако, в большей или меньшей степени утратить свою стоимость, раз предохранительные

меры, необходимые для их сохранения, не соблюдаются с надлежащей тщательностью; благодаря недостатку надзора часть запасов продукта, возможно, будет даже совершенно потеряна для хозяйства. Поэтому здесь требуется особенно старательный надзор за амбарами, сараями, житницами и погребами, равным образом следует тщательно запирать помещения, где хранятся запасы, держать их в то же время в чистоте, проветривать и т. д.; хлеб и другие сохраняемые в амбарах плоды надо время от времени надлежащим образом пересыпать, картофель, свекловицу защищать как от мороза, так от воды и гниения» (Kirchhof, стр. 292). «При расчете потребностей собственного хозяйства, особенно же того, что требуется на содержание скота, причем распределение совершается в зависимости от урожая и цели, необходимо иметь в виду не только покрытие данной потребности, но также следует стремиться к тому, чтобы остался известный запас на случай каких-либо непредвиденных обстоятельств. И если при этом оказывается, что потребность не может быть совершенно покрыта произведениями собственного хозяйства, то надо прежде всего подумать, нельзя ли покрыть недостаток другими продуктами (суррогатами) или, по крайней мере, вместо недостающих приобрести эти последние возможно дешевле. Если, напр., обнаружится недостаток в сене, то его можно заменить кореньями с прибавкой соломы. Вообще здесь необходимо постоянно считаться с назначением и рыночной ценой различных продуктов и сообразно этому решать вопрос о потреблении; если, напр., дорог овес, в то время как цены на горох и рожь сравнительно низки, то можно с выгодой заменить в корме для лошадей часть овса горохом или рожью и оставшийся вследствие этого овес продать» (там же, стр. 300).

Выше, при рассмотрении образования запасов, было уже упомянуто, что необходимо определенное, большее или меньшее количество потенциального производительного капитала, т. е. определенное количество предназначенных для производства средств производства, которые должны в большей или меньшей массе находиться в запасе и лишь мало-помалу входить в процесс производства. При этом уже указывалось, что в данном предприятии или в капиталистическом производстве определенных размеров величина этого производственного запаса зависит от большей или меньшей трудности его возобновления, сравнительной близости рынков, где производятся закупки, развития средств транспорта и сношений и т. д. Все эти обстоятельства влияют на минимум капитала, который должен иметься в наличии в форме производительного запаса, а следовательно оказывают влияние на продолжительность времени, на которое должны авансироваться капиталы, и на размеры массы капитала, авансируемого за один раз. Эти размеры, влияющие, таким образом, и на оборот, обусловливаются большей или меньшей продолжительностью того вре-

мени, в течение которого оборотный капитал закреплен в форме производительного запаса, просто в качестве потенциального производительного капитала. С другой стороны, поскольку эта остановка зависит от большей или меньшей возможности быстрого возмещения, от условий рынка и т. п., она сама обусловливается временем обращения, обстоятельствами, относящимися к сфере обращения. «Далее, все такие предметы инвентаря или принадлежности, как ручные инструменты, решета, корзины, веревки, колесная мазь, гвозди и т. д., на случай необходимости возмещения должны иметься в запасе тем большем, чем труднее рассчитывать на возможность быстро достать их поблизости. Наконец, ежегодно в течение зимы весь инвентарь должен быть тщательно осмотрен, причем следует немедленно озаботиться, чтобы были сделаны все необходимые пополнения и исправления. Насколько значительны должны быть, вообще говоря, запасы для нужд инвентаря, это зависит главным образом от местных условий. Там, где нет поблизости ремесленников и лавок, надо держать более крупные запасы, чем там, где лавки и мастера имеются на месте или поблизости. Но если при прочих равных условиях необходимые запасы сразу закупаются в сравнительно значительном количестве, то обыкновенно достигается такая выгода, как удешевление закупки, особенно, если для этого выбирается благоприятный момент; правда, при этом сразу извлекается из оборотного капитала предприятия значительная сумма, без которой не всегда легко может обойтись хозяйство» (Kirchhof, стр. 301).

Разница между временем производства и рабочим временем может, как мы видим, возникнуть в очень различных случаях. Оборотный капитал может находиться в периоде производства, прежде чем он вступит в процесс труда в собственном смысле (фабрикация колодок); или он находится в периоде производства после того, как он уже прошел через рабочий процесс в собственном смысле (вино, посев); или время производства местами прерывается рабочим временем (земледелие, лесоводство); бо̀льшая часть способного к обращению продукта остается в активном процессе производства, в то время как несравненно меньшая часть его вступает в ежегодное обращение (лесоводство и скотоводство); более или менее продолжителен срок, на который должен быть затрачен оборотный капитал в форме потенциального производительного капитала и на который, следовательно, бо̀льшая или меньшая масса капитала должна быть затрачена сразу, — это обусловливается отчасти характером самого процесса производства (земледелие), отчасти же зависит от близости рынков и т. д., — одним словом, от обстоятельств, относящихся к сфере обращения.

Впоследствии (книга III) мы увидим, к каким нелепым теориям пришли Мак Куллох, Джемс Милль и др. вследствие попытки

отождествить время производства, отклоняющееся от рабочего времени, с этим последним, — попытки, которая в свою очередь вытекает из неправильного применения теории стоимости.

Цикл оборота, рассмотренный нами раньше, дан продолжительностью жизни основного капитала, авансированного на процесс производства. Так как этот цикл охватывает больший или меньший ряд лет, то он охватывает также ряд годовых, соответственно повторяющихся на протяжении года оборотов основного капитала.

В земледелии такой цикл оборота определяется системой полеводства. «Продолжительность срока аренды во всяком случае не должна быть короче времени оборота, соответствующего практикуемой системе полеводства, — следовательно, при трехпольном хозяйстве мы всегда имеем здесь дело с числами 3, 6, 9 и т. д. Если принята трехпольная система с паром, каждое поле в течение шести лет обрабатывается четыре раза, причем в годы обработки оно засевается озимым или яровым и, если позволяют или требуют свойства почвы, последовательно пшеницей и рожью, ячменем и овсом. Каждый вид хлебов дает на одной и той же почве бо̀льшие или меньшие урожаи, чем другие виды, каждый имеет иную стоимость и продается по иной цене. Поэтому, если доход с поля иной в каждый данный год обработки, то и за первую половину всего оборота (за первые три года) он будет не тот, что за вторую половину. Даже средний доход за первую и вторую половину времени оборота не будет одинаков, так как плодородие зависит не только от качества почвы, но и от погоды; равным образом цены определяются самыми разнообразными условиями. Если же теперь мы вычислим доход поля, приняв во внимание среднее плодородие и средние цены за весь шестилетний период оборота, то мы получим общую цифру ежегодного дохода как для первого, так и для второго периода оборота. Этого, однако, не будет, если мы вычислим выручку только за половину времени оборота, т. е. только за три года, так как тогда общие цифры дохода не будут совпадать. Отсюда вытекает, что при трехпольном хозяйстве продолжительность срока аренды должна быть определена по меньшей мере в шесть лет. Но гораздо желательнее и для арендатора и для землевладельца, чтобы срок аренды составлял многократный срок аренды {sic!} и, таким образом, при трехполье вместо шести определялся бы в 12, 18 и более лет, при семиполье — вместо 7 в 14, 28 лет» (Kirchhof, стр. 117, 118).

(В рукописи здесь стоит: «Английское плодопеременное хозяйство. Здесь сделать примечание».)

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ВРЕМЯ ОБРАЩЕНИЯ.

Все до сих пор рассмотренные нами обстоятельства, приводящие к различию периодов оборота различных капиталов, вложенных в различные отрасли производства, а потому и к различию времени, на которое должен быть авансирован капитал, возникают в самом процессе производства как различие основного и оборотного капитала, различие рабочих периодов и т. д. Однако время оборота капитала равно сумме времени его производства и времени его обращения, или циркуляции. Поэтому само собой понятно, что различная продолжительность времени обращения делает различным время оборота, а следовательно и продолжительность периода оборота. Это становится ясным до очевидности, если сравнить два различных вложения капитала, у которых различно только время обращения, а все прочие условия, модифицирующие оборот, одинаковы, или если взять определенный капитал с определенным соотношением основного и оборотного капитала, при определенном рабочем периоде и т. д., и гипотетически изменять только время его обращения.

Одна часть времени обращения — относительно самая важная — состоит из времени продажи, из того периода времени, когда капитал находится в состоянии товарного капитала. Соответственно относительной продолжительности этого срока удлиняется или сокращается время обращения, а потому и период оборота вообще. Вследствие издержек на хранение и т. д. может также потребоваться дополнительная затрата капитала. Само собой ясно, что время, необходимое для продажи готовых товаров, может быть очень различно для отдельных капиталистов в одной и той же отрасли, следовательно различно не только для массы капиталов, вложенных в различные отрасли производства, но и для различных самостоятельных капиталов, которые в действительности представляют собой только обособившиеся части всего капитала, вложенного в одну и ту же сферу производства. При прочих равных условиях период продажи для одного и того же индивидуального капитала будет изменяться соответственно общим колебаниям в отношениях рынка или колебаниям этих

отношений для отдельной отрасли производства. На этом мы не будем теперь дольше останавливаться. Мы лишь констатируем простой факт: все обстоятельства, которые вообще вызывают различие в периодах оборота капиталов, вложенных в различные отрасли производства, имеют опять-таки своим следствием, если эти обстоятельства действуют индивидуально (если, напр., один капиталист имеет возможность продавать быстрее, чем его конкурент; если один более, чем другой, применяет методы, сокращающие рабочий период и т. д.), различие в обороте различных индивидуальных капиталов, находящихся в одной и той же отрасли [Geschäftszweig].

Одной из причин, постоянно вызывающих разницу во времени продажи, а потому и во времени оборота вообще, является отдаленность того рынка, где товар продается, от места его окончательного изготовления. В продолжение всего времени своего путешествия до рынка капитал остается связанным в состоянии товарного капитала; если товар производится по заказу, то до момента сдачи; если не по заказу, то ко времени путешествия до рынка присоединяется еще то время, в течение которого товар находится на рынке, выжидая продажи. Улучшение средств сношений и транспорта абсолютно сокращает период странствования товаров, но не уничтожает вытекающего из этого странствования относительного различия во времени обращения различных товарных капиталов или даже различных частей одного и того же товарного капитала, странствующих на различные рынки. Например, усовершенствованные парусные и паровые суда, сокращающие время перевозки, сокращают его как до близлежащих, так и до отдаленных гаваней. Относительная разница остается, хотя часто она уменьшается. Но вследствие развития средств транспорта и сношений относительные различия могут изменяться таким способом, который не соответствует географическим расстояниям. Например, железная дорога, ведущая от места производства к главному внутреннему центру населения, может сделать географически близкий внутренний пункт, к которому нет железной дороги, абсолютно или относительно более отдаленным, чем находящийся на географически более значительном расстоянии; точно так же и по той же причине может изменяться даже относительное расстояние мест производства от более крупных рынков сбыта, чем и объясняется то падение старых и возникновение новых центров производства, которым сопровождается изменение в средствах транспорта и сношений. (К этому еще присоединяется относительно бо́льшая дешевизна транспорта на далекие расстояния по сравнению с короткими.) Одновременно с развитием средств транспорта не только возрастает скорость передвижения и вследствие этого пространственное отдаление сокращается во времени. Развивается не только масса средств сношений, так что, напр., одновременно

много судов уходит в одну и ту же гавань, несколько поездов одновременно совершают движение между двумя пунктами по различным железным дорогам, но, напр., товарные суда в различные дни недели последовательно отправляются из Ливерпуля в Нью-Йорк или товарные поезда в различные часы суток идут из Манчестера в Лондон. Хотя вследствие этого последнего обстоятельства при данной провозоспособности средств сообщения абсолютная быстрота — следовательно и соответствующая часть времени обращения — остается без перемены, но последовательные количества товаров могут отправляться через более короткие, следующие один за другим, промежутки времени и таким образом последовательно поступать на рынок, не накопляясь в виде потенциального товарного капитала, выжидающего отправки большими массами. И обратное возвращение распределяется поэтому на более короткие последовательные периоды времени, так что постоянно одна часть превращается в денежный капитал, тогда как другая обращается в виде товарного капитала. Благодаря такому распределению обратного притока на несколько последовательных периодов сокращается все время обращения, а потому сокращается и оборот. Прежде всего в большей или меньшей степени развивается интенсивность функционирования средств транспорта; например, число поездов железной дороги увеличивается, с одной стороны, по мере того как место производства производит все больше, вырастает в более крупный центр производства, и притом увеличивается в направлении к уже существующему рынку сбыта, следовательно в направлении к крупным центрам производства и населения, к портам, через которые идет экспорт, и т. д. Но, с другой стороны, эта особенная легкость сообщений и ускоренный благодаря ей оборот капитала (поскольку он обусловливается временем обращения) вызывает, наоборот, ускоренную концентрацию, с одной стороны, центров производства, а с другой — рынков сбыта. Вместе с ускоренной таким образом концентрацией массы людей и капиталов в определенных пунктах возрастает концентрация этих масс капиталов в немногих руках. В то же время происходит новое передвижение и перемещение мест производства и рынков вследствие изменений их относительного положения — в результате перемен в средствах сношений. Какое-нибудь место производства, обладавшее особыми преимуществами благодаря своему положению на большой дороге или на канале, оказывается теперь вблизи единственной железнодорожной ветки, которая действует лишь с сравнительно большими паузами, тогда как другое место, лежавшее совершенно в стороне от главных путей сообщения, теперь оказалось в узловом пункте нескольких дорог. Вторая местность развивается, первая приходит в упадок. Таким образом изменение в средствах транспорта приводит к местным различиям во времени обращения товаров, в условиях

купли и продажи и т. д., или иначе распределяет уже существующие местные различия. Важность этого обстоятельства для оборота капитала обнаруживается в пререканиях представителей торговцев и промышленников различных местностей с управлениями железных дорог. (Смотри, напр., выше цитированную Синюю книгу «Railway Committee».)

Все отрасли производства, по характеру своих продуктов рассчитанные главным образом на местный сбыт, как, напр., пивоварни, развиваются поэтому до крупнейших размеров в главных центрах населения. Более быстрый оборот капитала отчасти уравновешивает здесь бо́льшую дороговизну некоторых условий производства, места постройки и пр.

Если, с одной стороны, с прогрессом капиталистического производства развитие средств транспорта и сношений сокращает время обращения для данного количества товаров, то тот же самый прогресс и складывающиеся благодаря развитию средств транспорта и сношений условия приводят к необходимости работать на все более отдаленные рынки, — словом, на мировой рынок. Масса находящихся в пути товаров, отправленных в отдаленные пункты, необычайно возрастает, поэтому абсолютно и относительно возрастает и та часть общественного капитала, которая постоянно на более продолжительные сроки остается в стадии товарного капитала, в пределах времени обращения. В то же время возрастает и та часть общественного богатства, которая вместо того чтобы непосредственно служить средством производства, затрачивается на средства транспорта и сношений и на основной и оборотный капитал, требующийся для их деятельности.

Относительная продолжительность путешествия товара от места производства до места сбыта вызывает различие не только в первой части времени обращения, во времени продажи, но и во второй части, в обратном превращении денег в элементы производительного капитала, во времени купли. Например, товар отправляется в Индию. Это продолжается, напр., четыре месяца. Предположим, что время продажи = 0, т. е. товар посылается по заказу, и деньги уплачиваются при доставке агенту производителя. Пересылка денег в обратном направлении (здесь безразлично, в какой форме они посылаются) продолжается опять-таки четыре месяца. Таким образом в общем проходит восемь месяцев, прежде чем тот же самый капитал снова получает возможность функционировать как производительный капитал и, следовательно, прежде чем может возобновиться та же самая операция. Вызываемые таким образом различия в обороте составляют одно из материальных оснований для различных сроков кредита, подобно тому как морская торговля, напр., в Венеции и Генуе, вообще составляет один из источников самой системы кредита. «Кризис 1847 г. дал банкам и торговым фирмам того времени возможность сократить

индийские и китайские сроки уплаты по векселям (время, необходимое для обмена векселей между этими странами и Европой) с 10 месяцев по написании до 6 месяцев по предъявлении; теперь, по прошествии 20 лет, с ускорением сообщений и устройством телеграфа стало необходимо дальнейшее сокращение с 6 месяцев по предъявлении до 4 месяцев по написании, представляющее первый шаг к 4 месяцам по предъявлении. Плавание парусного судна от Калькутты до Лондона вокруг Мыса Доброй Надежды продолжается в среднем менее 90 дней. Срок в четыре месяца по предъявлении был бы равнозначащ примерно 150 дням плавания. Существующий срок в 6 месяцев по предъявлении равняется примерно 210 дням пути» («London Economist», 16 июня 1866 г.). — Напротив, «бразильский срок уплаты все еще определяется в два и три месяца по предъявлении, векселя из Антверпена (на Лондон) выдаются на 3 месяца по написании, и даже Манчестер и Бредфорд выдают векселя на Лондон на 3 месяца и на более продолжительные сроки. По молчаливому соглашению торговцу предоставляется, таким образом, достаточная возможность реализовать свой товар если и не раньше, то все же около того времени, как истекает срок выданных на него векселей. Поэтому срок индийских векселей не чрезмерен. Индийские продукты, продающиеся в Лондоне по большей части со сроком платежа в три месяца, не могут быть реализованы, если прибавить некоторое время для продажи, в значительно более короткий срок, чем пять месяцев; и еще пять месяцев в среднем проходит между закупкой в Индии и сдачей в английские склады. Здесь мы имеем период в десять месяцев, тогда как срок выданных под товар векселей не превышает семи месяцев» (там же, 30 июня 1866 г.). «2 июля 1866 г. пять крупных лондонских банков, ведущих сношения главным образом с Индией и Китаем, а также парижская Comptoir d'Escompte заявили, что с 1 января 1867 г. их филиальные отделения и агентства на Востоке будут покупать и продавать лишь такие векселя, которые выдаются не более как на четыре месяца по предъявлении» (там же, 7 июля 1866 г.). Это понижение, однако, не удалось, и его пришлось отменить. (С тех пор Суэцкий канал революционизировал все это.)

Разумеется, при более продолжительном времени обращения товаров увеличивается риск изменения цен на рынке сбыта, так как удлиняется период, в течение которого может произойти изменение цен.

Разница во времени обращения, — отчасти индивидуальная разница между различными отдельными капиталами одной и той же отрасли производства, отчасти разница между различными отраслями в зависимости от различных сроков платежа в тех случаях, когда не происходит немедленная уплата наличными, — эта разница вытекает из различных сроков платежа при купле и

продаже. Мы не будем здесь подробнее останавливаться на этом пункте, важном для кредитного дела.

Различия во времени оборота зависят также и от величины сделок по поставкам, возрастающей параллельно размерам и масштабу капиталистического производства. Договор о поставке, как сделка между продавцом и покупателем, представляет собою операцию, относящуюся к рынку, к сфере обращения. Вытекающие отсюда различия во времени оборота вытекают, следовательно, из сферы обращения, но они непосредственно отражаются на сфере производства, и притом вне всякой зависимости от сроков платежей и других условий кредита, следовательно и при уплате наличными. Например, уголь, хлопок, пряжа и т. д. суть продукты делимые. Каждый день доставляет определенное количество готового продукта. Но если фабрикант-прядильщик или владелец копей берет на себя поставку такой массы продуктов, которая требует, скажем, четырехнедельного или шестинедельного периода следующих друг за другом рабочих дней, то по отношению к продолжительности того времени, на которое приходится авансировать капитал, это совершенно то же самое, как если бы в этом процессе труда был введен непрерывный рабочий период в четыре или шесть недель. Здесь, конечно, предполагается, что вся заказанная масса продукта должна быть доставлена разом или же что она будет оплачена лишь после того, как вся будет доставлена. Таким образом каждый день, взятый отдельно, доставил свое определенное количество готового продукта. Но эта готовая масса в каждый момент составляет только часть той массы, которую по контракту необходимо доставить. В этом случае, если изготовленная часть заказанного товара уже не находится в процессе производства, то она во всяком случае лежит на складе только как потенциальный капитал.

Перейдем теперь ко второму периоду времени обращения: ко времени купли или к периоду, в течение которого капитал из денежной формы снова превращается в элементы производительного капитала. В течение этого периода он должен более или менее продолжительное время оставаться в своем состоянии денежного капитала, следовательно некоторая часть всего авансированного капитала должна непрерывно находиться в состоянии денежного капитала, хотя эта часть состоит из постоянно сменяющихся элементов. В каком-либо определенном предприятии из всего авансированного капитала должны находиться в форме денежного капитала, напр., 100 ф. ст. $\times n$, и в то время как все составные части 100 ф. ст. $\times n$ непрерывно превращаются в производительный капитал, эта сумма все же постоянно снова восполняется притоком из обращения, из реализованного товарного капитала. Таким образом определенная часть стоимости авансированного капитала все время находится в состоянии денежного капитала,

следовательно в форме, относящейся не к сфере его производства, а к сфере его обращения.

Мы уже видели, что происходящее вследствие отдаленности рынка удлинение времени, в течение которого капитал остается связанным в форме товарного капитала, оказывает прямое влияние на замедление обратного притока денег, следовательно задерживает также превращение капитала из денежного капитала в производительный капитал.

Далее, что касается закупки товаров, мы видели (гл. VI), как время, необходимое для купли, бо̀льшая или меньшая отдаленность от главных источников приобретения сырого материала заставляет покупать сырой материал на сравнительно продолжительные периоды и сохранять его годным к употреблению в виде производительного запаса, в виде скрытого или потенциального производительного капитала; таким образом эти обстоятельства, при одном и том же масштабе производства, увеличивают массу капитала, который разом приходится авансировать, и время, на которое его приходится авансировать.

Подобным же образом влияют в различных отраслях предпринимательства периоды — более или менее продолжительные, — когда на рынок выбрасываются сравнительно значительные массы сырого материала. Так, напр., в Лондоне через каждые три месяца происходят крупные аукционы шерсти, которые оказывают решающее влияние на весь шерстяной рынок; напротив, хлопковый рынок возобновляется от урожая до урожая в общем непрерывно, хотя и не всегда равномерно. Такие периоды определяют главные сроки закупок этого сырья и в особенности влияют на спекулятивные покупки, обусловливающие более или менее продолжительные авансирования на эти элементы производства, — влияют совершенно так же, как природа произведенных товаров воздействует на спекулятивное, умышленное, более или менее продолжительное задерживание продукта в форме потенциального товарного капитала. «Итак, сельский хозяин тоже должен быть до известной степени спекулянтом и воздерживаться поэтому от продажи своих продуктов, сообразуясь с обстоятельствами времени»... Следуют некоторые общие правила... «Между тем при сбыте продуктов самое главное все-таки зависит от лица, от самого продукта и от местности. Когда человек, кроме сметливости и счастья (!), наделен достаточным капиталом, его не приходится порицать, если он при необычайно низких ценах даст полежать собранному им хлебу хотя бы целый год; напротив, кому недостает капитала или вообще (!) духа спекуляции, тот будет стремиться получить заурядную среднюю цену и, следовательно, должен будет продавать, как только представится случай. Если шерсть оставить лежать более года, то это почти всегда приносит только вред, тогда как зерновые хлеба и масляничные семена могут быть

сохраняемы в течение нескольких лет без ущерба для их свойств и добротности. Такие продукты, которые обыкновенно подвергаются сильным колебаниям в цене за короткий промежуток времени, как, напр., масляничное семя, хмель, ворсильные шишки и т. п., с полным правом оставляют лежать в те годы, когда цены на них стоят ниже цен их производства. Менее всего можно медлить с продажей таких предметов, которые вызывают ежедневный расход на их содержание, как откормленный скот, или которые подвержены порче, как фрукты, картофель и т. д. В некоторых местностях продукт в известное время года продается в среднем по самой низшей, в другое время, напротив, по наивысшей цене. Так, напр., средняя цена зерна около мартынова дня в некоторых местах ниже, чем между рождеством и пасхой. Далее, в иных местностях некоторые продукты можно хорошо продать только в известное время, как, напр., шерсть на шерстяных ярмарках в таких местах, где помимо ярмарок торговля шерстью обыкновенно ничтожна, и т. д.» (Kirchhof, стр. 302).

При рассмотрении второй половины времени обращения, в течение которой деньги снова превращаются в элементы производительного капитала, следует принять во внимание не только это превращение, взятое само по себе, не только время, в продолжение которого деньги успевают возвратиться обратно в зависимости от отдаленности того рынка, где продается продукт; следует прежде всего принять во внимание и размеры той части авансированного капитала, которая постоянно должна находиться в денежной форме, в состоянии денежного капитала.

Оставляя в стороне всякую спекуляцию, размер закупок тех товаров, которые постоянно должны иметься налицо в качестве производственного запаса, зависит от сроков возобновления этого запаса, следовательно от обстоятельств, в свою очередь зависящих от условий рынка и потому различных для различных сырых материалов и т. д.; таким образом здесь приходится время от времени авансировать деньги разом в сравнительно больших количествах. В соответствии с оборотом капитала деньги притекают обратно быстрее или медленнее, но всегда по частям. Часть их с точно таким же постоянством снова расходуется через короткие промежутки времени, — именно та часть, которая опять превращается в заработную плату. Но другая часть, подлежащая обратному превращению в сырой материал и пр., должна в течение сравнительно продолжительного времени накопляться в качестве резервного фонда, служащего для покупок или для платежей. Следовательно, эта часть существует в форме денежного капитала, хотя размер, в котором она существует как таковая, постоянно меняется.

В следующей главе мы увидим, как другие обстоятельства — вытекают ли они из процесса производства или из процесса обращения — делают необходимым пребывание определенной доли

авансированного капитала в денежной форме. Вообще же следует заметить, что экономисты очень склонны забывать, что часть необходимого в предприятии капитала не только последовательно проходит три формы: денежного капитала, производительного капитала и товарного капитала, но что различные части его постоянно существуют одна возле другой в этих трех формах, хотя относительная величина этих частей постоянно меняется. Экономисты забывают именно ту часть, которая постоянно существует в виде денежного капитала, хотя как раз это обстоятельство очень важно для понимания буржуазного хозяйства, а потому дает знать о себе и на практике.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ВЛИЯНИЕ ВРЕМЕНИ ОБОРОТА НА ВЕЛИЧИНУ АВАНСИРУЕМОГО КАПИТАЛА.

В этой и в следующей, шестнадцатой, главе мы исследуем влияние времени оборота на возрастание капитала по стоимости.

Возьмем товарный капитал, представляющий собою продукт рабочего периода, напр., в девять недель. Пока мы оставим в стороне как ту часть стоимости продукта, которая присоединена к нему вследствие среднего снашивания основного капитала, так и прибавочную стоимость, присоединенную к нему во время процесса производства, так что стоимость этого продукта будет равна стоимости авансированного на его производство оборотного капитала, т. е. заработной платы и потребленных на его производство сырья и вспомогательных материалов. Положим, что эта стоимость равна 900 ф. ст., так что еженедельная затрата достигает 100 ф. ст. Следовательно, период производства, который совпадает здесь с рабочим периодом, составляет 9 недель. При этом безразлично, предположим ли мы, что речь идет здесь о рабочем периоде для неделимого продукта или же о непрерывном рабочем периоде для продукта делимого; это становится безразличным, если только на рынок доставляется разом такое количество делимого продукта, которое стоит 9 недель труда. Время обращения продолжается три недели. Следовательно, весь период оборота длится 12 недель. По истечении 9 недель авансированный производительный капитал превращается в товарный капитал, но затем он еще три недели находится в периоде обращения. Следовательно, новый период производства может начаться снова только в начале 13-й недели, и производство должно было бы приостановиться на три недели, или на четвертую часть всего периода оборота. Здесь опять безразлично, предполагается ли, что это длится в среднем до тех пор, пока товар будет продан, или что это время обусловлено отдаленностью рынка или сроками платежей за проданный товар. Если через каждые три месяца производство приостанавливается на три недели, то в течение года на $3 \times 4 = 12$ недель = 3 месяца = $^1/_4$ годового периода оборота. Поэтому вести производство непрерывно из недели в неделю в одинаковых размерах возможно только двумя способами.

Или масштаб производства должен быть сокращен так, чтобы на 900 ф. ст. можно было бы поддерживать работу в полном ходу как во время рабочего периода, так и в течение времени обращения первого оборота. Тогда с началом 10-й недели открывается второй рабочий период, следовательно и второй период оборота, — открывается раньше, чем закончится первый период оборота, потому что период оборота двенадцатинедельный, а рабочий период девятинедельный. 900 ф. ст., распределенные на 12 недель, дают 75 ф. ст. на неделю. Прежде всего ясно, что такой сокращенный масштаб предприятия предполагает изменение размеров основного капитала, следовательно он вообще предполагает сокращение вложений в предприятие. Затем остается под вопросом, может ли вообще произойти такое сокращение, так как сообразно развитию производства в различных предприятиях существует известный нормальный минимум вложения капитала, и если затрата ниже этого минимума, то отдельное предприятие неспособно выдержать конкуренцию. Этот нормальный минимум с развитием капиталистического производства, в свою очередь, постоянно возрастает и, следовательно, не является постоянным. Но между данным всякий раз нормальным минимумом и постоянно расширяющимся нормальным максимумом существует множество промежуточных ступеней, — средина, допускающая очень различные степени вложений капитала. В пределах этой средины возможно поэтому сокращение, границей которого служит всякий раз определенный нормальный минимум. — При заминке в производстве, при переполнении рынков, вздорожании сырья и пр. сокращение нормального расходования оборотного капитала, раз величина основного капитала дана, совершается посредством ограничения рабочего времени, так что работа производится, напр., только полдня; точно так же во времена процветания при данной величине основного капитала чрезмерное расширение оборотного капитала происходит отчасти путем удлинения рабочего времени, отчасти путем его интенсификации. В предприятиях, наперед рассчитанных на такие колебания, стараются помочь делу отчасти вышеупомянутыми средствами, отчасти одновременным применением большего числа рабочих, что связано с применением запасного основного капитала, напр. запасных локомотивов на железных дорогах и пр. Но здесь, предполагая нормальные отношения, мы не будем принимать во внимание такие ненормальные колебания.

Итак, здесь, чтобы сделать производство непрерывным, затраты того же самого оборотного капитала приходится распределить на более продолжительное время, на 12 недель вместо 9. Следовательно, в каждый данный промежуток времени функционирует уменьшенный производительный капитал; оборотная часть производительного капитала уменьшена со 100 до 75, или на одну

четверть. Вся сумма, на которую сокращается производительный капитал, функционирующий в продолжение девятинедельного рабочего периода, составляет $25 \times 9 = 225$ ф. ст., или четвертую часть 900 ф. ст. Но отношение времени обращения к периоду оборота попрежнему составляет $^3/_{12} = ^1/_4$. Из этого следует: чтобы производство не прерывалось в течение времени обращения производительного капитала, превращенного в товарный капитал, чтобы оно непрерывно продолжалось из недели в неделю, это может быть достигнуто, если нет для этого особого оборотного капитала, только путем уменьшения производства, путем сокращения оборотной составной части функционирующего производительного капитала. Оборотная часть капитала, освобожденная таким образом для продолжения производства в течение времени обращения, относится ко всему авансированному оборотному капиталу, как время обращения относится к периоду оборота. Как мы уже заметили, это имеет силу только в отношении таких отраслей производства, в которых процесс труда совершается в одинаковом масштабе из недели в неделю, где, следовательно, не приходится, как в земледелии, в различные рабочие периоды затрачивать различные количества капитала.

Напротив, если мы предположим, что по характеру предприятия исключена возможность сокращать масштаб производства, а потому и размеры еженедельно авансируемого оборотного капитала, то непрерывность производства может быть достигнута только посредством добавочного оборотного капитала, в выше приведенном случае посредством добавочных 300 ф. ст. В течение двенадцатинедельного периода оборота будет последовательно авансировано 1 200 ф. ст., из них 300 составят четвертую часть, как 3 недели по отношению к 12. По истечении 9-недельного рабочего периода капитальная стоимость в 900 ф. ст. превращается из формы производительного капитала в форму товарного капитала. Ее рабочий период закончен, но не может возобновиться с тем же самым капиталом. В течение трех недель, пока последний пребывает в сфере обращения, функционируя как товарный капитал, он по отношению к процессу производства находится в таком состоянии, как будто его вообще не существует. Мы здесь оставляем в стороне все отношения кредита и потому предполагаем, что капиталист ведет дело только на собственный капитал. Но когда капитал, авансированный на первый рабочий период, завершив процесс производства, в продолжение 3 недель задерживается в процессе обращения, в это время функционирует добавочно затраченный капитал в 300 ф. ст., так что непрерывность производства не будет нарушена.

Здесь необходимо отметить следующее.

Во-первых: рабочий период авансированного в самом начале капитала в 900 ф. ст. оканчивается по прошествии 9 недель, но

капитал притекает назад не ранее как через 3 недели, следовательно лишь в начале 13-й недели. Однако новый рабочий период начинается немедленно с помощью добавочного капитала в 300 ф. ст. Именно вследствие этого поддерживается непрерывность производства.

Во-вторых: функции первоначального капитала в 900 ф. ст. и капитала в 300 ф. ст., который вновь добавлен по окончании первого девятинедельного рабочего периода и открывает второй рабочий период непосредственно по завершении первого, эти функции в первый период оборота точно отграничены одна от другой или, по крайней мере, могут быть отграничены, между тем как в течение второго периода оборота они переплетаются друг с другом.

Представим себе дело нагляднее.

Первый период оборота продолжается 12 недель. Первый рабочий период — 9 недель; оборот авансированного на него капитала оканчивается в начале 13-й недели. В продолжение последних 3 недель функционирует добавочный капитал в 300 ф. ст., который начинает второй девятинедельный рабочий период.

Второй период оборота. В начале 13-й недели 900 ф. ст. притекают обратно и могут начать новый оборот. Но второй рабочий период уже в десятую неделю начался с помощью добавочных 300 ф. ст.; благодаря этому в начале 13-й недели уже заканчивается треть рабочего периода, 300 ф. ст. из производительного капитала превратились в продукт. Так как для окончания второго рабочего периода требуется еще только 6 недель, то в процесс производства второго рабочего периода могут войти лишь две трети притекшего обратно капитала в 900 ф. ст., именно только 600 ф. ст. Из первоначальных 900 ф. ст. высвободились 300 ф. ст., чтобы играть ту самую роль, которую играл в первом рабочем периоде добавочный капитал в 300 ф. ст. В конце 6-й недели второго периода оборота оканчивается второй рабочий период. Затраченный на него капитал в 900 ф. ст. возвращается через 3 недели, следовательно в конце 9-й недели второго двенадцатинедельного периода оборота. В течение 3 недель его времени обращения вступает в дело освободившийся капитал в 300 ф. ст. Этим начинается в 7-ю неделю второго периода оборота, или в 19-ю неделю года, третий рабочий период капитала в 900 ф. ст.

Третий период оборота. В конце 9-й недели второго периода оборота вновь притекают обратно 900 ф. ст. Но третий рабочий период начался уже на 7-й неделе предыдущего периода оборота, и 6 недель его уже прошли. Поэтому он продолжится еще только 3 недели. Таким образом из вырученных обратно 900 ф. ст. в процесс производства входят только 300 ф. ст. Четвертый рабочий период заполняет остальные 9 недель этого периода оборота, и,

таким образом, с 37-й недели года начинается одновременно четвертый период оборота и пятый рабочий период.

Для упрощения расчета предположим рабочий период в 5 недель, время обращения в 5 недель, следовательно период оборота в 10 недель; год будем считать в 50 недель, еженедельная затрата капитала пусть будет 100 ф. ст. Следовательно, рабочий период требует оборотного капитала в 500 ф. ст., и время обращения требует добавочного капитала — новых 500 ф. ст. Рабочие периоды и периоды оборотов представятся тогда в следующем виде:

1	раб.	пер.	1— 5	нед.	(500 ф.	ст.	тов.)	возвр.	в	конце	10-й	нед.
2	»	»	6—10	»	(500 »	»	»)	»	»	»	15-й	»
3	»	»	11—15	»	(500 »	»	»)	»	»	»	20-й	»
4	»	»	16—20	»	(500 »	»	»)	»	»	»	25-й	»
5	»	»	21—25	»	(500 »	»	»)	»	»	»	30-й	»

и т. д.

Если время обращения = 0, следовательно период оборота равен рабочему периоду, то число оборотов равно числу рабочих периодов в год. Следовательно, при пятинедельном рабочем периоде оно было бы $^{50}/_{5}$ недель = 10, а стоимость обернувшегося капитала была бы = 500×10 = 5 000. В таблице, где время обращения принято в 5 недель, стоимость ежегодно производимых товаров тоже составит 5 000 ф. ст., но из них $^{1}/_{10}$, = 500 ф. ст., постоянно находится в виде товарного капитала и возвращается только по истечении 5 недель. В этом случае к концу года продукт десятого рабочего периода (46—50 рабочих недель) закончит только половину своего времени оборота, причем его время обращения придется на первые 5 недель следующего года.

Возьмем еще третий пример: рабочий период 6 недель, время обращения 3 недели, еженедельное авансирование на процесс труда 100 ф. ст.

1-й рабочий период: 1—6-я недели. В конце 6-й недели имеется товарный капитал в 600 ф. ст., который возвратится в конце 9-й недели.

2-й рабочий период: 7—12-я недели. В продолжение 7—9-й недель авансируются 300 ф. ст. добавочного капитала. В конце 9-й недели возвращаются 600 ф. ст. Из них в продолжение 10—12-й недель авансируются 300 ф. ст.; следовательно, в конце 12-й недели имеется свободных 300 ф. ст. и в товарном капитале 600 ф. ст., возвращающихся в конце 15-й недели.

3-й рабочий период: 13—18-я недели. В продолжение 13—15 недель авансируются вышеупомянутые 300 ф. ст., затем прите-

кают обратно 600 ф. ст., из них 300 ф. ст. авансируются на 16—18-ю недели. В конце 18-й недели имеется свободных 300 ф. ст. в деньгах; 600 ф. ст. находятся в товарном капитале, они притекают обратно в конце 21-й недели. (Смотри более подробное изложение этого случая ниже, под пунктом II.)

Итак, в продолжение 9 рабочих периодов (= 54 неделям) будет произведено товара на 600×9 = 5 400 ф. ст. В конце девятого рабочего периода у капиталиста будет 300 ф. ст. деньгами и 600 ф. ст. товаром, еще не закончившим своего времени обращения.

При сравнении этих трех примеров мы прежде всего находим, что только во втором примере происходит последовательная смена капитала I в 500 ф. ст. и добавочного капитала II такой же величины, так что эти две части капитала движутся отдельно одна от другой; причина заключается лишь в том, что здесь предположен совершенно исключительный случай, а именно: рабочий период и время обращения образуют две равные половины периода оборота. Во всех других случаях, каково бы ни было неравенство между двумя периодами всего времени оборота, движения обоих капиталов взаимно переплетаются, уже начиная со второго периода оборота, как в примерах I и III. В таком случае добавочный капитал II вместе с частью капитала I образуют капитал, функционирующий во втором периоде оборота, между тем как остальная часть капитала I освобождается для первоначальной функции капитала II. Капитал, действующий в продолжение времени обращения товарного капитала, не тожествен в этом случае с капиталом II, первоначально авансированным для этой цели, но он равен ему по стоимости и представляет совершенно такую же долю всего авансированного капитала.

Во-вторых: капитал, функционировавший в продолжение рабочего периода, в течение времени обращения лежит праздно. Во втором примере капитал функционирует в продолжение 5 недель рабочего периода и лежит без употребления в продолжение 5 недель времени обращения. Следовательно, общее количество времени в году, в течение которого капитал I лежит праздно, составит в этом случае полгода. На это время вступает тогда добавочный капитал II, который, следовательно, сам в предполагаемом случае также остается без употребления полгода. Но добавочный капитал, требующийся для того чтобы поддержать непрерывность производства в продолжение времени обращения, определяется не всей величиной, т. е. не всей суммой времени обращения в течение года, а только отношением времени обращения к периоду оборота. (Здесь, конечно, предполагается, что все обороты происходят при одинаковых условиях.) Поэтому в примере II добавочного капитала требуется 500 ф. ст., а не 2 500 ф. ст. Происходит это просто оттого, что добавочный капитал поступает в оборот

совершенно так же, как и первоначально авансированный, и, следовательно, совершенно так же, как тот, возмещает свою величину числом своих оборотов.

В-третьих: если время производства продолжительнее рабочего времени, это ничего не изменяет в рассмотренных здесь обстоятельствах. Вследствие этого, конечно, удлинятся периоды оборотов в целом, но из-за этого удлинения оборота для процесса труда не потребуется никакого добавочного капитала. Целью добавочного капитала является лишь заполнение пробелов, образующихся в процессе труда вследствие времени обращения; следовательно, он должен только предохранить производство от тех остановок, которые имеют своим источником время обращения; нарушения же, возникающие из особых условий производства, могут быть устранены другим способом, который мы здесь не станем рассматривать. Существуют, напротив, такие предприятия, в которых работа производится только по временам, на заказ, где, следовательно, могут наступать перерывы между рабочими периодами. В таких предприятиях необходимость добавочного капитала pro tanto отпадает. С другой стороны, даже в большинстве случаев сезонной работы существуют известные пределы для времени возвращения капитала. Та же самая работа в следующий год не может быть возобновлена тем же самым капиталом, если время обращения этого капитала еще не закончилось. Напротив, время обращения может быть и короче промежутка от одного периода производства до следующего. В этом случае капитал лежит без употребления, если в это промежуточное время ему не дается другого применения.

В-четвертых: капитал, авансированный на один рабочий период, напр. 600 ф. ст. в примере III, будет затрачен частью на сырье и вспомогательные материалы, на производительный запас для рабочего периода, на постоянный оборотный капитал, частью на переменный оборотный капитал, т. е. на оплату самого труда. Часть, затраченная на постоянный оборотный капитал, может существовать в форме производительного запаса не одинаково продолжительное время, напр. сырой материал можно запасать не на весь рабочий период, уголь можно покупать каждые две недели. Так как при этом кредит еще не предполагается, то эта часть капитала, поскольку она имеется в распоряжении не в форме производительного запаса, должна оставаться наготове в форме денег, чтобы по мере потребности превращаться в производительный запас. Это нисколько не изменяет величины стоимости постоянного оборотного капитала, авансируемого на 6 недель. Напротив, если не считать денежного запаса для непредвиденных расходов, собственно резервного фонда для устранения заминок, — то заработная плата выдается в более короткие сроки, по большей части еженедельно. Следовательно, если только капиталист

не принуждает рабочего авансировать ему свой труд на более продолжительный срок, капитал, необходимый для заработной платы, должен иметься в денежной форме. Следовательно, по возвращении капитала часть его должна удерживаться в денежной форме для оплаты труда, тогда как другая часть может быть превращена в производительный запас.

Добавочный капитал делится совершенно так же, как первоначальный. Но что отличает его от капитала I, так это (оставляя в стороне отношения кредита) следующее: для того чтобы им можно было располагать для его собственного рабочего периода, его приходится авансировать уже на протяжении всего первого рабочего периода капитала I, — периода, в который он не входит. Возможно, что уже в течение этого времени он, по крайней мере частично, превращается в постоянный оборотный капитал, который авансируется на весь период оборота. В какой мере он принимает эту форму или сколько времени он остается в форме добавочного денежного капитала, пока не становится необходимым такое превращение, это зависит отчасти от особых производственных условий определенных отраслей производства, отчасти от местных обстоятельств, отчасти от колебаний цен на сырье и пр. При рассмотрении всего общественного капитала оказывается, что более или менее значительная часть этого добавочного капитала всегда находится в состоянии денежного капитала в течение сравнительно продолжительного времени. Напротив, что касается той части капитала II, которая авансируется на заработную плату, то она всегда будет превращаться в рабочую силу лишь постепенно, по мере того, как истекают и оплачиваются сравнительно краткие рабочие периоды. Значит, эта часть капитала II на протяжении всего рабочего периода будет находиться в форме денежного капитала, пока путем превращения в рабочую силу она не примет участия в функционировании производительного капитала.

Следовательно, это присоединение добавочного капитала, необходимого для превращения времени обращения капитала I во время производства, увеличивает не только размер авансированного капитала и продолжительность времени, на которое необходимым образом авансируется весь капитал, но оно также увеличивает в особенности ту часть авансированного капитала, которая существует в виде денежного запаса, следовательно находится в состоянии денежного капитала и обладает формой потенциального денежного капитала.

То же самое происходит, — как в отношении авансирования в форме производительного запаса, так и в отношении авансирования в форме денежного запаса, — если вызываемое временем обращения разделение капитала на две части: на капитал для первого рабочего периода и на капитал, заменяющий его во время

обращения, если это разделение осуществляется не посредством увеличения расходуемого капитала, а посредством уменьшения размеров производства. По сравнению с масштабом производства капитал, связываемый в денежной форме, здесь еще более возрастает.

Таким разделением капитала на первоначально производительный и добавочный капитал вообще достигается непрерывная последовательность рабочих периодов, достигается то, что все время одинаковая по величине часть авансированного капитала функционирует как производительный капитал.

Присмотримся к примеру II. Капитал, постоянно находящийся в процессе производства, составляет 500 ф. ст. Так как рабочий период = 5 неделям, то в продолжение 50 недель (принимаемых нами за год) этот капитал будет в работе 10 раз. Поэтому и продукт, если прибавочную стоимость оставить в стороне, равняется 500×10 = 5 000 ф. ст. Следовательно, с точки зрения капитала, непосредственно и безостановочно работающего в процессе производства, — с точки зрения капитальной стоимости в 500 ф. ст., — время обращения, повидимому, совершенно погашается. Период оборота совпадает с рабочим периодом; время обращения приравнивается нулю.

Если бы, напротив, производительная деятельность капитала в 500 ф. ст. регулярно нарушалась пятинедельным периодом обращения, так что он становился бы вновь способным к производственной деятельности лишь по окончании всего десятинедельного периода оборота, то в течение 50 недель года мы имели бы 5 десятинедельных оборотов; в них заключается 5 пятинедельных периодов производства, следовательно всего 25 недель производства с общим количеством продукта на 500×5 = 2 500 ф. ст.; кроме того, 5 пятинедельных периодов обращения, следовательно всего времени обращения тоже 25 недель. Если мы здесь говорим, что капитал в 500 ф. ст. обернулся 5 раз в течение года, то очевидно и ясно, что в продолжение половины каждого периода оборота этот капитал в 500 ф. ст. совершенно не функционировал как производительный капитал и что в общем итоге он функционировал только в продолжение полугода, в продолжение же другого полугода совершенно не функционировал.

В нашем примере на все время этих пяти периодов обращения в дело вступает добавочный капитал в 500 ф. ст. и вследствие этого оборот повышается с 2500 до 5 000 ф. ст. Но зато и авансированный капитал теперь составляет 1000 вместо 500 ф. ст. 5 000, разделенные на 1000, равны 5. Следовательно, вместо 10 оборотов их 5. Так в действительности и считается. Между тем, когда говорят, что капитал в 1000 ф. ст. обернулся 5 раз в течение года, в пустой голове капиталиста исчезает воспоминание о времени обращения и появляется путаное представление, будто бы этот

капитал в продолжение 5 последовательных оборотов постоянно функционировал в процессе производства. Но если мы говорим, что капитал в 1000 ф. ст. обернулся 5 раз, то тут заключается и время обращения и время производства. В самом деле, если бы 1000 ф. ст. действительно непрерывно функционировали в процессе производства, то при наших предположениях продукт должен был бы составить 10 000 ф. ст. вместо 5 000. Но для того чтобы постоянно иметь в процессе производства 1 000 ф. ст., также пришлось бы вообще авансировать 2 000 ф. ст. Экономисты, у которых вообще не найдешь ничего ясного о механизме оборота, постоянно упускают из вида именно тот важный момент, что производство будет совершаться без перерыва лишь при том условии, если в процессе производства постоянно будет фактически занята лишь часть промышленного капитала. Пока одна часть находится в периоде производства, другая часть постоянно должна находиться в периоде обращения. Или, другими словами, одна часть может функционировать как производительный капитал лишь при том условии, что другая часть в форме товарного или денежного капитала остается извлеченной из производства в собственном смысле. Упускать это из виду значит вообще не замечать значения и роли денежного капитала.

Нам предстоит теперь исследовать, какое различие окажется в обороте в зависимости от того, будут ли обе части периода оборота — рабочий период и период обращения — равны один другому или рабочий период будет больше или меньше периода обращения, и затем исследовать, как это влияет на закрепление капитала в форме денежного капитала.

Предположим, что еженедельно авансируемый капитал во всех случаях равен 100 ф. ст., а период оборота 9 неделям; следовательно, капитал, авансируемый на каждый период оборота, равняется 900 ф. ст.

I. РАБОЧИЙ ПЕРИОД РАВЕН ПЕРИОДУ ОБРАЩЕНИЯ.

Хотя этот случай в действительности встречается лишь как редкое исключение, он должен послужить исходным пунктом исследования, потому что отношения представляются здесь в наиболее простом и наглядном виде.

Два капитала (капитал I, который авансируется на первый рабочий период, и добавочный капитал II, функционирующий в продолжение периода обращения капитала I) сменяют друг друга в своих движениях, не переплетаясь между собой. Поэтому, за исключением первого периода, каждый из обоих капиталов авансируется только на свой собственный период оборота. Период оборота пусть будет, как в следующих примерах, 9 недель;

следовательно, рабочий период и период обращения по $4^1/_2$ недели. Тогда мы имеем следующую схему года:

ТАБЛИЦА I.

КАПИТАЛ I:

Периоды оборота	Рабочие периоды	Авансировано	Периоды обращения
I. 1—9 нед.	1— $4^1/_2$ нед.	450 ф. ст.	$4^1/_2$— 9 нед.
II. 10—18 »	10—$13^1/_2$ »	450 » »	$13^1/_2$—18 »
III. 19—27 »	19—$22^1/_2$ »	450 » »	$22^1/_2$—27 »
IV. 28—36 »	28—$31^1/_2$ »	450 » »	$31^1/_2$—36 »
V. 37—45 »	37—$40^1/_2$ »	450 » »	$40^1/_2$—45 »
VI. 46—(54)»	46—$49^1/_2$ »	450 » »	$49^1/_2$—(54) » [31]

КАПИТАЛ II:

Периоды оборота	Рабочие периоды	Авансировано	Периоды обращения
I. $4^1/_2$—$13^1/_2$ нед.	$4^1/_2$— 9 нед.	450 ф. ст.	10—$13^1/_2$ нед.
II. $13^1/_2$—$22^1/_2$ »	$13^1/_2$—18 »	450 » »	19—$22^1/_2$ »
III. $22^1/_2$—$31^1/_2$ »	$22^1/_2$—27 »	450 » »	28—$31^1/_2$ »
IV. $31^1/_2$—$40^1/_2$ »	$31^1/_2$—36 »	450 » »	37—$40^1/_2$ »
V. $40^1/_2$—$49^1/_2$ »	$40^1/_2$—45 »	450 » »	46—$49^1/_2$ »
VI. $49^1/_2$—($58^1/_2$) »	$49^1/_2$—(54) »	450 » »	(55—$58^1/_2$) »

В продолжение 51 недели, которые мы здесь принимаем за год, капитал I закончил шесть полных рабочих периодов, следовательно произвел товаров на $450 \times 6 = 2\,700$ ф. ст., а капитал II в пять полных рабочих периодов на $450 \times 5 = 2\,250$ ф. ст. Кроме того, капитал II в последние $1^1/_2$ недели года (с средины 50-й до конца 51-й недели) произвел еще на 150 ф. ст. — всего продукта в 51 неделю произведено на 5 100 ф. ст. Следовательно, что касается непосредственного производства прибавочной стоимости, производимой только в течение рабочего периода, весь капитал в 900 ф. ст. обернулся бы в $5^2/_3$ раза ($900 \times 5^2/_3 = 5\,100$ ф. ст.). Но если мы рассмотрим действительный оборот, то увидим, что

[31] Недели, приходящиеся на второй год оборота, поставлены в скобках.

капитал I обернулся в $5^2/_3$ раза, так как в конце 51-й недели ему предстоит еще в продолжение 3 недель заканчивать свой шестой период оборота; $450 \times 5^2/_3 = 2\,550$ ф. ст.; а капитал II обернулся $5^1/_6$ раза, так как прошло только $1^1/_2$ недели его шестого периода оборота, следовательно еще $7^1/_2$ недель его придутся на следующий год; $450 \times 5^1/_6 = 2\,325$; весь действительный оборот $= 4\,875$ ф. ст.

Мы рассматриваем капитал I и капитал II как два совершенно независимых друг от друга капитала. В своих движениях они совершенно самостоятельны; эти движения дополняют одно другое только потому, что их рабочие периоды и периоды обращения непосредственно сменяют друг друга. Их можно рассматривать как два совершенно независимых капитала, принадлежащих разным капиталистам.

Капитал I прошел пять полных периодов оборота и две трети шестого. В конце года он находится в форме товарного капитала, которому потребуется еще 3 недели для нормальной реализации. В течение этого времени он не может вступить в процесс производства. Он функционирует как товарный капитал: он обращается. Он совершил только $^2/_3$ своего последнего периода оборота. Это можно выразить так: он обернулся только $^2/_3$ раза, только $^2/_3$ всей его стоимости совершили полный оборот. Мы говорим: 450 ф. ст. совершают свой оборот в 9 недель, следовательно 300 ф. ст. — в 6 недель. Такой способ выражения игнорирует органическое отношение между двумя специфически различными составными частями времени оборота. Точный смысл выражения, что авансированный капитал в 450 ф. ст. сделал $5^2/_3$ оборота, только таков, что он совершил 5 полных оборотов и лишь $^2/_3$ шестого. Напротив, в выражении: обернувшийся капитал равен авансированному капиталу, взятому $5^2/_3$ раза, следовательно в вышеприведенном случае $= 450$ ф. ст. $\times 5^2/_3 = 2\,550$ ф. ст., — в этом выражении правильно то, что если бы этот капитал в 450 ф. ст. не дополнялся другим капиталом в 450 ф. ст., то в действительности одна часть его должна была бы находиться в процессе производства, а другая в процессе обращения. Если время оборота мы хотим выразить посредством массы обернувшегося капитала, то оно может быть выражено всегда исключительно посредством массы имеющейся в наличии стоимости (в действительности — массы готового продукта). То обстоятельство, что авансированный капитал не находится в таком состоянии, в котором он снова может начать процесс производства, выражается в том, что лишь часть его находится в состоянии, пригодном для производства: в том, что капитал, если он должен находиться в состоянии непрерывного производства, приходится, сообразно взаимному соотношению периодов производства и обращения, разделить на части, из которых одна постоянно находилась бы в периоде производства, а другая — постоянно в периоде обращения. Здесь действует тот же самый закон,

согласно которому масса постоянно функционирующего производительного капитала определяется отношением времени обращения ко времени оборота.

В конце 51-й недели, которую мы здесь принимаем за конец года, 150 ф. ст. из капитала II авансированы на производство еще незаконченного продукта. Еще некоторая часть находится в форме оборотного постоянного капитала — сырья и пр., — т. е. в такой форме, в которой она может функционировать в процессе производства как производительный капитал. Третья же часть находится в денежной форме; это — по меньшей мере — сумма заработной платы за оставшуюся часть рабочего периода (3 недели), но выдача из нее производится лишь в конце каждой недели. Хотя в начале нового года, следовательно нового цикла оборотов, эта часть капитала находится не в форме производительного капитала, а в форме денежного капитала, в которой она не может войти в процесс производства, тем не менее, как только начинается новый оборот, оборотный переменный капитал, т. е. живая рабочая сила, уже действует в процессе производства. Это явление вытекает из того, что хотя рабочая сила покупается с начала рабочего периода, скажем, понедельно, и с начала же его потребляется, но оплачивается она только в конце недели. Деньги действуют в этом случае как средство платежа. Поэтому, с одной стороны, они как деньги находятся еще в руках капиталиста, между тем как, с другой стороны, товар, в который они превращаются, рабочая сила, уже действует в процессе производства; таким образом одна и та же капитальная стоимость появляется здесь дважды.

Если мы рассматриваем только рабочие периоды, то:

капитал I производит	450×6	$= 2\,700$	ф. ст.
» II »	$450 \times 5^1/_3$	$= 2\,400$	» »
следовательно, всего . . .	$900 \times 5^2/_3$	$= 5\,100$	ф. ст.

Итак, весь авансированный капитал в 900 ф. ст. $5^2/_3$ раза в году функционировал как производительный капитал. Для производства прибавочной стоимости безразлично, действует ли все время 450 ф. ст. в процессе производства и все время 450 ф. ст. в процессе обращения, сменяя друг друга, или же 900 ф. ст. действуют в продолжение $4^1/_2$ недель в процессе производства, а в продолжение следующих $4^1/_2$ недель в процессе обращения.

Напротив, если мы рассматриваем периоды оборота, то:

капитал I	$450 \times 5^2/_3$	$= 2\,550$	ф. ст.
» II	$450 \times 5^1/_6$	$= 2\,325$	» »
следовательно, оборот всего капитала...	$900 \times 5^5/_{12}$	$= 4\,875$	ф. ст.

Ведь число оборотов всего капитала равно сумме итогов оборотов I и II, разделенной на сумму I и II капитала.

Следует отметить, что капиталы I и II, если бы они были независимы друг от друга, все-таки представляли бы собой только различные самостоятельные части общественного капитала, авансированного в одной и той же сфере производства. Следовательно, если бы общественный капитал в этой сфере производства состоял *только* из I и II, то к обороту общественного капитала в этой сфере был бы применим тот же самый расчет, который мы применили здесь для двух составных частей, I и II, одного и того же частного капитала. Идя далее, такой же расчет можно сделать для каждой части всего общественного капитала, вложенной в какую-либо особую сферу производства. В конце же концов число оборотов всего общественного капитала равно сумме капитала, обернувшегося в различных сферах производства, разделенной на сумму капитала, авансированного в этих сферах производства.

Далее, необходимо заметить, что, подобно тому как здесь в одном и том же частном предприятии капиталы I и II, в сущности говоря, не совпадают по годам своего оборота (так как цикл оборотов капитала II начинается $4^1/_2$ неделями позже, чем капитала I, то год капитала I кончается поэтому $4^1/_2$ неделями раньше, чем капитала II), так и различные индивидуальные капиталы в одной и той же сфере производства начинают свои операции в совершенно различные отрезки времени и потому заканчивают свой годовой оборот в течение года в разное время. Но стоит произвести такое вычисление средней величины, как выше мы применили к капиталам I и II, — и мы сведем годы оборота различных самостоятельных частей общественного капитала к одному общему году оборота.

II. РАБОЧИЙ ПЕРИОД БОЛЬШЕ ПЕРИОДА ОБРАЩЕНИЯ.

Вместо того чтобы по очереди сменять друг друга, рабочие периоды и периоды оборота капитала I и II перекрещиваются между собой. В то же время здесь происходит высвобождение капитала, чего не было в ранее рассмотренном случае.

Но от этого нисколько не изменяется то, что теперь, как и ранее, 1) число рабочих периодов всего авансированного капитала равно сумме стоимости ежегодного продукта обеих авансированных частей капитала, разделенной на весь авансированный капитал, и 2) число оборотов всего капитала равно сумме итогов обоих оборотов, разделенной на сумму обоих авансированных капиталов. При этом мы и здесь должны рассматривать обе части капитала таким образом, как будто бы совершаемые ими обороты вполне независимы одни от других.

Итак, мы опять предположим, что на процесс труда еженедельно авансируется 100 ф. ст. Рабочий период продолжается 6 недель; следовательно, всякий раз требуется авансирование 600 ф. ст. (капитал I). Период обращения 3 недели; следовательно, период оборота, как и раньше, 9 недель. Капитал II в 300 ф. ст. вступает в дело в течение трехнедельного периода обращения капитала I. Если рассматривать их оба как капиталы, независимые один от другого, то схема годового оборота представляется в следующем виде:

ТАБЛИЦА II.

КАПИТАЛ I, 600 ф. ст.

Периоды оборота	Рабочие периоды	Авансировано	Периоды обращения
I. 1— 9 нед.	1— 6 нед.	600 ф. ст.	7— 9 нед.
II. 10—18 »	10—15 »	600 » »	16—18 »
III. 19—27 »	19—24 »	600 » »	25—27 »
IV. 28—36 »	28—33 »	600 » »	34—36 »
V. 37—45 »	37—42 »	600 » »	43—45 »
VI. 46—(54) »	46—51 »	600 » »	(52—54) »

ДОБАВОЧНЫЙ КАПИТАЛ II, 300 ф. ст.

Периоды оборота	Рабочие периоды	Авансировано	Периоды обращения
I. 7—15 нед.	7— 9 нед.	300 ф. ст.	10—15 нед.
II. 16—24 »	16—18 »	300 » »	19—24 »
III. 25—33 »	25—27 »	300 » »	28—33 »
IV. 34—42 »	34—36 »	300 » »	37—42 »
V. 43—51 »	43—45 »	300 » »	46—51 »

Процесс производства идет круглый год без перерыва в одинаковых размерах. Оба капитала, I и II, остаются совершенно разделенными. Но для того чтобы представить их разделенными, мы должны были разорвать их действительные скрещивания и

сплетения, а вследствие этого изменить и число оборотов. Именно, согласно вышеприведенной таблице, оборачивается:

капитал	I	$600 \times 5^2/_3$	$= 3\,400$	ф. ст., и
»	II	300×5	$= 1\,500$	» »

следовательно, весь капитал.... $900 \times 5^4/_9 = 4\,900$ ф. ст.

Но это неверно, потому что, как мы увидим, действительные периоды производства и обращения не абсолютно совпадают с периодами приведенной схемы, где главное состояло в том, чтобы представить оба капитала, I и II, независимыми один от другого.

В действительности же капитал II не имеет ни особого рабочего периода, ни периода обращения, отдельных от периодов капитала I. Рабочий период продолжается 6 недель, период обращения — 3 недели. Так как капитал II равен только 300 ф. ст., то он может заполнить только часть рабочего периода. Так оно и есть в действительности. В конце 6-й недели продукт стоимостью в 600 ф. ст. поступает в обращение и в конце 9-й недели возвращается в виде денег. Вместе с тем в начале 7-й недели начинает действовать капитал II и покрывает потребности следующего рабочего периода в течение 7—9-й недель. Но по нашему предположению в конце 9-й недели рабочий период заканчивается только наполовину. Следовательно, в начале 10-й недели снова вступает в действие только что возвратившийся капитал I в 600 ф. ст. и своими 300 ф. ст. покрывает авансирования, необходимые в 10—12-ю недели. Этим завершается второй рабочий период. В обращении находится продукт стоимостью в 600 ф. ст., которые в конце 15-й недели возвратятся обратно; но кроме того имеется высвободившихся 300 ф. ст. — сумма первоначального капитала II, — которые могут функционировать в первую половину следующего рабочего периода, следовательно в продолжение 13—15-й недель. По истечении их снова возвращаются 600 ф. ст.; из них 300 ф. ст. будет достаточно до конца этого рабочего периода, а 300 ф. ст. остаются свободными для следующего.

Таким образом дело идет в следующем порядке:

I период оборота: 1—9-я недели.

1-й рабочий период: 1—6-я недели. Функционирует капитал I, 600 ф. ст.

1-й период обращения: 7—9-я недели. В конце 9-й недели 600 ф. ст. притекают обратно.

II период оборота: 7—15-я недели.

2-й рабочий период: 7—12-я недели.

Первая половина: 7—9-я недели. Функционирует капитал II, 300 ф. ст.

В конце 9-й недели 600 ф. ст. притекают обратно в денежной форме (капитал I).

Вторая половина: 10—12-я недели. Функционируют 300 ф. ст. капитала I.

Другие 300 ф. ст. капитала I остаются свободными.

2-й период обращения: 13—15-я недели.

В конце 15-й недели 600 ф. ст. (образовавшиеся наполовину из капитала I, наполовину из капитала II) притекают обратно в виде денег.

III период оборота: 13—21-я недели.

3-й рабочий период: 13—18-я недели.

Первая половина: 13—15-я недели. Высвободившиеся 300 ф. ст. начинают функционировать. В конце 15-й недели 600 ф. ст. притекают обратно в виде денег.

Вторая половина: 16—18-я недели. Из возвратившихся 600 ф. ст. функционируют 300 ф. ст., другие 300 ф. ст. снова остаются свободными.

3-й период обращения: 19—21-я недели, в конце которых снова возвращаются в виде денег 600 ф. ст.; в этих 600 ф. ст. капитал I и капитал II теперь слиты так, что их уже нельзя отличить один от другого.

Таким образом до конца 51-й недели получается восемь полных периодов оборота капитала в 600 ф. ст. (I: 1—9-я недели; II: 7—15; III: 13—21; IV: 19—27; V: 25—33; VI: 31—39; VII: 37—45; VIII: 43—51-я недели). Но так как 49—51-я недели приходятся на восьмой период обращения, то в продолжение этого времени должны вступить в дело и поддерживать в ходу производство 300 ф. ст. высвободившегося капитала. Тем самым в конце года оборот представится в следующем виде: 600 ф. ст. восемь раз совершили свой кругооборот, это составляет 4 800 ф. ст. К этому надо прибавить продукт последних 3 недель (49—51-й), но он совершил только треть своего девятинедельного кругооборота, следовательно к сумме оборота следует присчитать лишь третью часть его величины, 100 ф. ст. Следовательно, если годовой продукт, считая год в 51 неделю, равен 5 100 ф. ст., то обернувшийся капитал составит только 4 800 + 100 = 4 900 ф. ст.; следовательно, весь авансированный капитал в 900 ф. ст. обернулся $5^4/_9$ раза, таким образом незначительно больше, чем в случае I.

В приведенном примере предполагается случай, когда рабочее время составляет $^2/_3$, а время обращения $^1/_3$ периода оборота, следовательно рабочее время — простое кратное времени обращения. Спрашивается, произойдет ли констатированное выше освобождение капитала и при других условиях.

Примем рабочий период = 5 неделям, время обращения = = 4 неделям, еженедельно авансируемый капитал = 100 ф. ст.

I период оборота: 1—9-я недели.

1-й рабочий период: 1—5-я недели. Функционирует капитал I = 500 ф. ст.

1-й период обращения: 6—9-я недели. В конце 9-й недели 500 ф. ст. притекают обратно в виде денег.

II период оборота: 6—14-я недели.

2-й рабочий период: 6—10-я недели.

Первая часть: 6—9-я недели. Функционирует капитал II = = 400 ф. ст. В конце 9-й недели притекает обратно в виде денег капитал I = 500 ф. ст.

Вторая часть: 10-я неделя. Из возвратившихся 500 ф. ст. функционируют 100 ф. ст. Остальные 400 ф. ст. остаются свободными для следующего рабочего периода.

2-й период обращения: 11—14-я недели. В конце 14-й недели 500 ф. ст. притекают обратно в виде денег.

До конца 14-й недели (11—14) функционируют ранее высвободившиеся 400 ф. ст.; из возвратившихся потом 500 ф. ст. 100 ф. ст. пополняют недостающие для надобностей третьего рабочего периода (11—15-я недели), так что снова высвобождаются 400 ф. ст. для четвертого рабочего периода. То же самое явление повторяется в каждом рабочем периоде; при начале его имеются 400 ф. ст., которых достаточно на первые 4 недели. В конце 4-й недели притекают обратно в виде денег 500 ф. ст., из которых только 100 ф. ст. требуются для последней недели; остальные 400 ф. ст. остаются свободными для следующего рабочего периода.

Возьмем, далее, рабочий период в 7 недель с капиталом I в 700 ф. ст., время обращения в 2 недели с капиталом II в 200 ф. ст.

В таком случае первый период оборота продолжается в течение 1—9-й недель, из них первый рабочий период с 1-й по 7-ю неделю с авансированием в 700 ф. ст. и первый период обращения с 8-й по 9-ю неделю. В конце 9-й недели 700 ф. ст. притекают обратно в виде денег.

Второй период оборота с 8-й по 16-ю неделю заключает в себе второй рабочий период с 8-й по 14-ю неделю. Из них потребности 8-й и 9-й недель покрываются капиталом II. В конце 9-й недели возвращаются прежние 700 ф. ст., из них употребляются в дело до конца рабочего периода (10—14-я недели) 500 ф. ст.; 200 ф. ст. остаются свободными для следующего рабочего периода. Второй период обращения продолжается в течение 15-й и 16-й недель; в конце 16-й недели снова возвращаются 700 ф. ст. Затем в каждом рабочем периоде повторяется то же самое явление. Потребность в капитале в течение первых двух недель покрывается посредством 200 ф. ст., высвободившихся в конце предыдущего рабочего периода; в конце 2-й недели возвращаются 700 ф. ст., но рабочего периода прошло еще только 5 недель, так что на него могло быть затрачено только 500 ф. ст., следовательно 200 ф. ст. постоянно остаются свободными для следующего рабочего периода.

Итак, оказывается, что в нашем случае, где мы принимали, что рабочий период больше периода обращения, в конце каждого

рабочего периода при всяких обстоятельствах имеется свободный денежный капитал, равновеликий капиталу II, авансированному на период обращения. В наших трех примерах капитал II равнялся: в первом — 300 ф. ст., во втором — 400 ф. ст., в третьем — 200 ф. ст.; соответственно этому освобождавшийся в исходе рабочего периода капитал был последовательно 300, 400 и 200 ф. ст.

III. РАБОЧИЙ ПЕРИОД МЕНЬШЕ ПЕРИОДА ОБРАЩЕНИЯ.

Сначала мы снова предположим период оборота в 9 недель; из них 3 недели составляют рабочий период, для которого имеется в распоряжении капитал I = 300 ф. ст. Период обращения пусть будет 6 недель. Для этих 6 недель требуется добавочный капитал в 600 ф. ст., который мы опять можем подразделить на два капитала по 300 ф. ст., причем каждый из них заполняет один рабочий период. Мы имеем тогда три капитала по 300 ф. ст.; из них 300 ф. ст. всегда заняты в производстве, а 600 ф. ст. находятся в сфере обращения.

ТАБЛИЦА III.

КАПИТАЛ I:

Периоды оборота	Рабочие периоды	Периоды обращения
I. 1— 9 нед.	1— 3 нед.	4— 9 нед.
II. 10—18 »	10—12 »	13—18 »
III. 19—27 »	19—21 »	22—27 »
IV. 28—36 »	28—30 »	31—36 »
V. 37—45 »	37—39 »	40—45 »
VI. 46—(54) »	46—48 »	49—(54) »

КАПИТАЛ II:

Периоды оборота	Рабочие периоды	Периоды обращения
I. 4—12 нед.	4— 6 нед.	7—12 нед.
II. 13—21 »	13—15 »	16—21 »
III. 22—30 »	22—24 »	25—30 »
IV. 31—39 »	31—33 »	34—39 »
V. 40—48 »	40—42 »	43—48 »
VI. 49—(57) »	49—51 »	(52—57) »

КАПИТАЛ III:

Периоды оборота	Рабочие периоды	Периоды обращения
I. 7—15 нед.	7— 9 нед.	10—15 нед.
II. 16—24 »	16—18 »	19—24 »
III. 25—33 »	25—27 »	28—33 »
IV. 34—42 »	34—36 »	37—42 »
V. 43—51 »	43—45 »	46—51 »

Мы имеем здесь точное подобие случая I с тем лишь различием, что теперь чередуются три капитала вместо двух. Скрещения или переплетения капиталов не происходит; каждый отдельный капитал можно проследить обособленно до конца года. Следовательно так же, как в случае I, здесь в конце рабочего периода не происходит освобождения капитала. Капитал I целиком затрачивается к концу 3-й недели, возвращается целиком в конце 9-й и снова приступает к функционированию в начале 10-й недели. То же самое происходит с капиталами II и III. Правильная и полная смена одного капитала другим исключает всякое высвобождение капиталов.

Весь оборот исчисляется следующим образом:

Капитал	I 300 ф. ст.	$\times 5^2/_3$	= 1 700 ф. ст.
»	II 300 » »	$\times 5^1/_3$	= 1 600 » »
»	III 300 » »	$\times 5$	= 1 500 » »

Весь капитал 900 ф. ст. $\times 5^1/_3$ = 4 800 ф. ст.

Возьмем теперь еще один пример, где период обращения не составляет точного кратного по отношению к рабочему периоду; напр., рабочий период 4 недели, период обращения 5 недель; в таком случае соответствующие размеры капитала были бы: капитал I = 400 ф. ст., капитал II = 400 ф. ст., капитал III = = 100 ф. ст. Мы даем схему только первых трех оборотов:

ТАБЛИЦА IV.

КАПИТАЛ I:

Периоды оборота	Рабочие периоды	Периоды обращения
I. 1— 9 нед.	1— 4 нед.	5— 9 нед.
II. 9—17 »	9. 10—12 »	13—17 »
III. 17—25 »	17. 18—20 »	21—25 »

КАПИТАЛ II:

Периоды оборота	Рабочие периоды	Периоды обращения
I. 5—13 нед.	5— 8 нед.	9—13 нед.
II. 13—21 »	13. 14—16 »	17—21 »
III. 21—29 »	21. 22—24 »	25—29 »

КАПИТАЛ III:

Периоды оборота	Рабочие периоды	Периоды обращения
I. 9—17 нед.	9 нед.	10—17 нед.
II. 17—25 »	17 »	18—25 »
III. 25—33 »	25 »	26—33 »

Сплетение капиталов происходит здесь лишь постольку, поскольку рабочий период капитала III, которого хватает только на одну неделю и который поэтому не имеет самостоятельного рабочего периода, совпадает с первой рабочей неделей капитала I. Но зато в исходе рабочего периода как капитала I, так и капитала II высвобождается равная капиталу III сумма в 100 ф. ст. В самом деле, если капитал III заполняет первую неделю второго и всех последующих рабочих периодов капитала I, а в конце этой первой недели притекает обратно весь капитал I, 400 ф. ст., то остальная часть рабочего периода капитала I равна всего 3 неделям, и соответствующая затрата капитала выразится в 300 ф. ст. Высвободившихся таким образом 100 ф. ст. будет затем достаточно для первой недели непосредственно следующего рабочего периода капитала II; в конце этой недели возвращается весь капитал II в 400 ф. ст.; но так как уже начавшийся рабочий период может поглотить еще только 300 ф. ст., то по окончании его снова остаются свободными 100 ф. ст., и так далее. Следовательно, в том случае, когда время обращения не представляет простого кратного по отношению к рабочему периоду, в конце рабочего периода происходит освобождение капитала; и притом этот освобождающийся капитал равен той части капитала, которая заполняет время, представляющее излишек периода обращения по сравнению с рабочим периодом или с кратным рабочего периода.

Во всех исследованных случаях предполагалось, что в каждом из рассмотренных здесь предприятий и рабочий период и время

обращения в продолжение всего года оставались одинаковыми. Это предположение было необходимо, раз мы хотели выяснить влияние времени обращения на оборот и на размеры авансируемого капитала. Дело нисколько не изменяется от того, что в действительности такое предположение не всегда осуществляется с такой безусловностью, а часто и совершенно не соответствует действительности.

Во всем этом отделе мы рассматривали лишь обороты оборотного капитала, но не рассматривали оборотов основного, по той простой причине, что обсуждаемый вопрос не стоит ни в какой связи с основным капиталом. Употребляемые в процессе производства средства труда и пр. представляют основной капитал лишь постольку, поскольку продолжительность времени их употребления больше, чем период оборота оборотного капитала, поскольку время, в течение которого эти средства труда продолжают служить в постоянно возобновляемых процессах труда, продолжительнее периода оборота оборотного капитала, поскольку, следовательно, оно равно n периодов оборота оборотного капитала. Будет ли общее количество времени, составляемое этими n периодов оборота оборотного капитала, более продолжительным или более коротким, та часть производительного капитала, которая на это время была авансирована на основной капитал, не будет вновь авансирована в пределах этого времени. Она продолжает функционировать в своей прежней потребительной форме. Различие состоит лишь в следующем: соответственно различной продолжительности отдельного *рабочего периода*, входящего в состав каждого периода оборота оборотного капитала, основной капитал передает бо̀льшую или меньшую часть своей первоначальной стоимости продукту этого рабочего периода, и, соответственно продолжительности времени обращения, тоже входящего в состав каждого периода оборота, эта перенесенная на продукт часть стоимости основного капитала с большей или меньшей быстротой возвращается обратно в денежной форме. Природа предмета, который мы обсуждаем в этом отделе, — оборот оборотной части производительного капитала, — вытекает из природы самой этой части капитала. Оборотный капитал, примененный в одном рабочем периоде, не может быть применен в новом рабочем периоде, пока он не закончит своего оборота, не превратится в товарный капитал, из него — в денежный капитал, а из этого последнего опять в производительный капитал. Поэтому, чтобы за первым рабочим периодом тотчас, без перерыва, последовал второй, приходится снова авансировать капитал и превращать его в оборотные элементы производительного капитала, и авансировать притом в количестве, достаточном для того, чтобы заполнить пробелы, образующиеся вследствие периода обращения оборотного капитала, авансированного на первый рабочий период. Отсюда и вытекает влияние

продолжительности рабочего периода оборотного капитала на масштаб процесса труда в данном производстве и на то, каким образом авансированный капитал разделяется на части, т. е. влияние на размер дополнительно авансируемых новых долей капитала. Но это и есть то самое, что мы должны были исследовать в настоящем отделе.

IV. ВЫВОДЫ.

Из предыдущего исследования вытекает:

A. Различные доли, на которые должен быть разделен капитал так, чтобы одна его часть постоянно могла находиться в рабочем периоде, в то время как другие части находятся в периоде обращения, эти доли сменяют одна другую, как различные самостоятельные индивидуальные капиталы, в двух случаях: 1) Если рабочий период равен периоду обращения, следовательно, если период оборота распадается на две равные части. 2) Если период обращения продолжительнее рабочего периода, но вместе с тем составляет простое кратное рабочего периода, так что один период обращения $= n$ рабочих периодов, где n должно быть целое число. В этих случаях ни одна часть последовательно авансируемого капитала не высвобождается.

B. Напротив, во всех случаях, когда: 1) период обращения больше рабочего периода и не составляет простого кратного его и 2) когда рабочий период больше периода обращения, — в этих случаях в конце каждого рабочего периода, начиная со второго оборота, постоянно и периодически освобождается некоторая часть всего оборотного капитала. И притом, если рабочий период больше периода обращения, этот высвободившийся капитал равен части всего капитала, авансированного на период обращения, а если период обращения больше рабочего периода, то этот капитал равен части капитала, заполняющей избыток периода обращения над рабочим периодом или над кратным рабочих периодов.

C. Из этого следует, что для всего общественного капитала, рассматриваемого под углом зрения его оборотной части, освобождение капитала должно являться общим правилом, а простое чередование частей капитала, последовательно функционирующих в процессе производства, должно составлять исключение. Потому что равенство рабочего периода и периода обращения или равенство периода обращения с простым кратным рабочего периода — эта правильная пропорциональность двух составных частей периода оборота не стоит ни в какой связи с сущностью дела и потому в общем и целом может иметь место лишь в виде исключения.

Следовательно, очень значительная часть общественного оборотного капитала, совершающего несколько оборотов на протя-

жении года, в течение ежегодного цикла оборотов будет периодически находиться в форме высвободившегося капитала.

Далее ясно, что, предполагая все прочие условия неизменными, величина этого высвобождающегося капитала возрастает вместе с размерами процесса труда, или с масштабом производства, следовательно вообще с развитием капиталистического производства. В случае, обозначенном *B*. 2) — потому, что возрастает весь авансированный капитал; в случае *B*. 1) — потому, что с развитием капиталистического производства возрастает продолжительность периода обращения, а следовательно и периода оборота в тех случаях, ⟨когда рабочий период меньше периода обращения, при отсутствии правильного отношения между обоими периодами⟩.

В первом случае мы должны были еженедельно затрачивать, напр., 100 ф. ст. Для шестинедельного рабочего периода 600 ф. ст., для трехнедельного периода обращения 300 ф. ст., всего 900 ф. ст. Здесь будет постоянно высвобождаться 300 ф. ст. Напротив, если еженедельная затрата будет 300 ф. ст., то для рабочего периода мы имеем 1 800 ф. ст., для периода обращения 900 ф. ст., следовательно периодически будет высвобождаться уже 900 ф. ст. вместо 300 ф. ст.

D. Весь капитал, напр., в 900 ф. ст. должен быть разделен на две части: как и раньше, 600 ф. ст. для рабочего периода и 300 ф. ст. для периода обращения. Часть, которая действительно затрачивается на процесс труда, уменьшится вследствие этого на одну треть, с 900 до 600 ф. ст., и потому размер производства сократится на одну треть. С другой стороны, 300 ф. ст. функционируют только для того, чтобы рабочий период не прерывался, чтобы в каждую неделю года на процесс труда можно было затрачивать по 100 ф. ст.

Говоря отвлеченно, совершенно безразлично, работают ли 600 ф. ст. в продолжение $8 \times 6 = 48$ недель (продукт $= 4\,800$ ф. ст.) или весь капитал в 900 ф. ст. расходуется на процесс труда в продолжение 6 недель, а затем в продолжение 3 недель периода обращения он лежит праздно. В последнем случае в течение 48 недель было бы $5^1/_3 \times 6 = 32$ рабочих недели (продукт $= 900 \times 5^1/_3 = 4\,800$ ф. ст.), и 16 недель он лежал бы праздно. Но, если даже отвлечься от сравнительно большей порчи основного капитала за время его бездействия в течение 16 недель и от удорожания труда, который приходится оплачивать на протяжении всего года, хотя действует он только часть года, такие регулярные перерывы процесса производства вообще несовместимы с ведением современной крупной промышленности. Эта непрерывность сама есть производительная сила труда.

Если мы теперь ближе присмотримся к высвободившемуся капиталу, — в действительности к капиталу, для деятельности

которого наступает отсрочка, — то окажется, что значительная часть его постоянно должна иметь форму денежного капитала. Остановимся на примере: рабочий период 6 недель, период обращения 3 недели, еженедельная затрата 100 ф. ст. В средине второго рабочего периода, в конце 9-й недели, возвращаются 600 ф. ст., из которых в продолжение оставшейся части рабочего периода придется затратить только 300 ф. ст. Следовательно, в конце второго рабочего периода из этой суммы высвободятся 300 ф. ст. В каком состоянии находятся эти 300 ф. ст.? Предположим, что $^1/_3$ должна быть израсходована на заработную плату, $^2/_3$ на сырье и вспомогательные материалы. Следовательно, из возвратившихся 600 ф. ст. 200 ф. ст., предназначенные на заработную плату, находятся в денежной форме, а 400 ф. ст. находятся в форме производительного запаса, в форме элементов оборотной части постоянного производительного капитала. Но так как для второй половины рабочего периода II требуется только половина этого производительного запаса, то вторая половина его в продолжение 3 недель находится в форме избыточного производительного запаса, т. е. запаса, превышающего потребности одного рабочего периода. Но капиталист знает, что из этой части возвратившегося капитала (400 ф. ст.) для текущего рабочего периода ему требуется только половина = 200 ф. ст. Следовательно, от условий рынка будет зависеть, превратит ли он тотчас же эти 200 ф. ст. целиком или только частью в избыточный производительный запас или же, в ожидании более благоприятных рыночных условий, удержит их целиком или частью в виде денежного капитала. С другой стороны, само собой разумеется, что часть, расходуемая на заработную плату, равная 200 ф. ст., удерживается в денежной форме. Капиталист, купив рабочую силу, не может складывать ее в амбаре, как сырой материал. Он должен включить ее в процесс производства и оплачивать ее в конце каждой недели. Следовательно, из высвободившегося капитала в 300 ф. ст. во всяком случае эти 100 ф. ст. будут иметь форму высвободившегося, т. е. не требующегося для рабочего периода, денежного капитала. Таким образом капитал, высвободившийся в форме денежного капитала, должен равняться по меньшей мере переменной части капитала, израсходованной на заработную плату; максимум этого денежного капитала может достигнуть суммы всего высвободившегося капитала. В действительности величина его постоянно колеблется между этим минимумом и максимумом.

Денежный капитал, высвободившийся таким образом вследствие одного только механизма движения оборотов, должен играть значительную роль (наряду с денежным капиталом, образующимся от последовательного возвращения основного капитала, и с денежным капиталом, который необходим в каждом процессе труда для переменного капитала), поскольку разви-

вается система кредита, и в то же время должен составить одну из ее основ.

Предположим, что в нашем примере время обращения сокращается с трех недель до двух. Допустим, что это — не нормальное явление, а лишь результат хорошей конъюнктуры, сокращения сроков платежей и пр. Капитал в 600 ф. ст., израсходованный в продолжение рабочего периода, возвращается неделей раньше, чем необходимо, следовательно он высвобождается на эту неделю. Далее, в середине рабочего периода, как и прежде, высвобождаются 300 ф. ст. (часть тех 600 ф. ст.), но высвобождаются на 4 недели вместо прежних 3. Следовательно, на денежном рынке в течение одной недели находятся 600 ф. ст., и 300 ф. ст. находятся в течение 4 недель вместо прежних 3. Так как это касается не только одного капиталиста, а многих, и происходит в различные периоды в различных отраслях производства, то благодаря этому на рынке оказывается больше свободного денежного капитала. Если такое состояние продолжается сравнительно долго, то там, где это допускается условиями, производство расширяется. Капиталисты, работающие на капитал, полученный в кредит, будут предъявлять меньший спрос на денежном рынке, что облегчит положение на этом рынке в такой же мере, как увеличение предложения; или, наконец, суммы, ставшие излишними для механизма обращения, будут окончательно выброшены на денежный рынок.

Вследствие сокращения времени обращения с 3 до 2 недель и, следовательно, периода оборота с 9 до 8 недель $^1/_9$ всего авансированного капитала делается излишней. Шестинедельный рабочий период может теперь протекать без перерыва при 800 ф. ст., как раньше при 900 ф. ст. Поэтому часть стоимости товарного капитала, равная 100 ф. ст., превратившись в деньги, остается в таком состоянии, в виде денежного капитала, и уже не функционирует далее как часть капитала, авансированного на процесс производства. В то время как производство продолжается в прежних размерах и при прочих равных условиях, как то: ценах и т. д., сумма стоимости авансированного капитала уменьшается с 900 до 800 ф. ст. Остаток в 100 ф. ст. от первоначально авансированной стоимости выделяется в форме денежного капитала. Как таковой он поступает на денежный рынок и образует дополнительную часть функционирующих здесь капиталов.

Из этого видно, как может образоваться избыток денежного капитала, и не только в том смысле, что предложение денежного капитала выше спроса на него: такой избыток всегда лишь относительный избыток, который имеет место, напр., в «меланхолический период», открывающий новый цикл по окончании кризиса. Нет, это — избыток в том смысле, что определенная часть авансированной капитальной стоимости оказывается излишней для продолжения всего общественного процесса воспроизводства

(включающего и процесс обращения) и поэтому выделяется в форме денежного капитала; это — избыток, возникающий при прежнем масштабе производства и прежних ценах исключительно вследствие ⟨сокращения времени обращения и соответствующего сокращения периода оборота⟩. Бо̀льшая или меньшая масса денег находится в обращении, — это не имеет в данном случае никакого влияния.

Предположим, напротив, что период обращения удлиняется, скажем, с 3 недель до 5. Тогда уже при следующем обороте возвращение авансированного капитала происходит на 2 недели позже. Последняя часть процесса производства этого рабочего периода не может вестись далее самым механизмом того оборота, который совершает авансированный капитал. При большей длительности такого состояния может наступить сокращение процесса производства, того размера, в котором оно ведется, — как в предыдущем случае произошло его расширение. Но для того чтобы продолжить процесс в прежнем масштабе, авансированный капитал необходимо увеличить на $^2/_9$ его размера = 200 ф. ст., причем это увеличение распространяется на весь срок удлинения периода обращения. Этот добавочный капитал может быть взят только с денежного рынка. Если удлинение периода обращения происходит в одной или в нескольких крупных отраслях предпринимательства, то оно может оказать давление на денежный рынок, если только такое влияние не парализуется противоположным влиянием с другой стороны. В этом случае также очевидно до осязаемости, что такое давление, как ранее избыток, ни малейшим образом не связано ни с изменением цен товаров, ни с изменением количества имеющихся в наличности средств обращения.

{Подготовка этой главы к печати представила не малые затруднения. Как ни силен был Маркс в алгебре, но цифровые подсчеты, особенно торговые, не давались ему, хотя имеется толстая связка тетрадей, в которых он сам на многих примерах проделывал до мельчайших подробностей все виды торговых расчетов. Но знание отдельных приемов счетоводства и упражнение в обыденном практическом счетоводстве купца — отнюдь не одно и то же, и, таким образом, Маркс запутался в вычислениях оборотов, так что наряду с незаконченностью получились кое-какие неправильности и противоречия. В выше напечатанных таблицах я сохранил только наиболее простое и арифметически правильное главным образом по следующим соображениям.

Неверные результаты этих кропотливых вычислений привели к тому, что Маркс придавал незаслуженное значение одному, на мой взгляд, фактически маловажному обстоятельству. Я имею в виду то, что он называет «высвобождением» денежного капитала. Действительная суть дела при выше допущенных предположениях такова.

Каково бы ни было отношение продолжительности рабочего периода и времени обращения, следовательно отношение капитала I к капиталу II, по завершении первого оборота к капиталисту все равно через правильные промежутки, равные по продолжительности рабочему периоду, возвращается в денежной форме капитал, необходимый для одного рабочего периода, следовательно все равно возвращается сумма, равная капиталу I.

Если рабочий период = 5 неделям, время обращения = 4 неделям, капитал I = 500 ф. ст., то каждый раз возвращается денежная сумма в 500 ф. ст.: в конце 9-й, 14-й, 19-й, 24-й, 29-й и т. д. недель.

Если рабочий период = 6 неделям, время обращения = 3 неделям, капитал I = 600 ф. ст., то по 600 ф. ст. возвращается: в конце 9-й, 15-й, 21-й, 27-й, 33-й и т. д. недель.

Наконец, если рабочий период = 4 неделям, время обращения = 5 неделям, капитал I = 400 ф. ст., то возвращение каждых 400 ф. ст. последует в конце 9-й, 13-й, 17-й, 21-й, 25-й и т. д. недель.

Окажется ли часть этих возвратившихся денег излишней для текущего рабочего периода, следовательно высвободится ли она и каковы ее размеры, это совершенно безразлично. Предполагается, что производство идет непрерывно в том же масштабе, а для того чтобы это было возможно, должны быть налицо деньги, следовательно они должны возвращаться, безразлично, «высвобождаются» они или нет. Если производство прерывается, то прекращается и высвобождение.

Другими словами: высвобождение денег, следовательно образование скрытого, лишь потенциального капитала в денежной форме, конечно, происходит, но оно происходит при всяких обстоятельствах, а не только при особых условиях, ближе намеченных в тексте; и происходит оно в более крупном масштабе, чем это предполагается в тексте. По отношению к оборотному капиталу I промышленный капиталист в конце каждого оборота находится совершенно в том же положении, как и при основании предприятия: он опять разом получил весь оборотный капитал ⟨в виде денежного капитала⟩, тогда как вновь превращать его в производительный капитал он может лишь постепенно.

Главное в тексте — указание на то, что, с одной стороны, значительная часть промышленного капитала постоянно должна существовать в денежной форме, с другой стороны — еще более значительная часть должна принимать на время денежную форму. Мои дополнительные замечания служат не более как подкреплением этого указания. — *Ф. Э.*}

V. ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕН.

Мы предполагали выше неизменные цены, неизменный масштаб производства, с одной стороны, сокращение или удлинение времени обращения — с другой. Предположим теперь, напротив, неизменную продолжительность периода оборота, неизменный масштаб производства, но, с другой стороны, — изменение цен, т. е. понижение или возрастание ⟨цен оборотных элементов производительного капитала, т. е. цен сырых и вспомогательных материалов и труда⟩ или двух первых из этих элементов. Положим, что цена сырья и вспомогательных материалов, а также заработная плата упали наполовину. Тогда в нашем примере потребовалось бы еженедельно авансировать капитал в 50 ф. ст. вместо 100, а для девятинедельного периода оборота — 450 ф. ст. вместо 900 ф. ст. Прежде всего 450 ф. ст. авансированной капитальной стоимости выделяются как денежный капитал, но процесс производства будет продолжаться в том же масштабе, с тем же периодом оборота и с прежним делением его на рабочий период и период обращения. Годовое количество продукта тоже останется прежнее, но его стоимость уменьшится наполовину. Эта перемена, сопровождаемая одновременным изменением в предложении денежного капитала и в спросе на него, вызвана не ускорением обращения и не изменением количества обращающихся денег. Напротив. Понижение стоимости, а соответственно цены элементов производительного капитала наполовину, имело бы прежде всего то влияние, что на ведение предприятия *X* в прежних размерах авансировалась бы капитальная стоимость, уменьшенная наполовину; а так как предприятие *X* авансирует эту капитальную стоимость прежде всего в форме денег, т. е. как денежный капитал, то, значит, оно выбрасывало бы на рынок только половину прежнего количества денег. Количество брошенных в обращение денег уменьшилось бы, так как цены на элементы производства упали. Таково было бы первое следствие.

Но, во-вторых, половина первоначально авансированной капитальной стоимости в 900 ф. ст., = 450 ф. ст., которая a) попеременно принимала бы форму денежного капитала, производительного капитала и товарного капитала, b) одновременно находилась бы частью в форме денежного капитала, частью в форме производительного капитала и частью в форме товарного капитала, причем эти части находились бы одна рядом с другой, — эта половина выделилась бы из кругооборота предприятия *X* и, поступив поэтому как дополнительный денежный капитал на денежный рынок, оказала бы на него действие как дополнительная составная часть. Эти освободившиеся деньги, 450 ф. ст., действуют как денежный капитал не потому, что они суть деньги, оказавшиеся излишними для ведения предприятия *X*, а потому, что они яв-

ляются составной частью первоначальной капитальной стоимости и, следовательно, должны попрежнему действовать как капитал, а не расходоваться как простое средство обращения. Самый лучший способ заставить их действовать в качестве капитала — это бросить их на денежный рынок как денежный капитал. С другой стороны, было бы возможно также увеличить размеры производства вдвое (основной капитал мы оставляем в стороне). С тем же самым авансированным капиталом в 900 ф. ст. можно было бы вести процесс производства в удвоенном масштабе.

С другой стороны, если бы цены оборотных элементов производительного капитала повысились наполовину, то еженедельно вместо 100 ф. ст. требовалось бы 150 ф. ст., следовательно вместо 900 ф. ст. уже 1 350 ф. ст. Для того чтобы вести предприятие в том же масштабе, понадобилось бы 450 ф. ст. добавочного капитала, и это, смотря по состоянию денежного рынка, производило бы на него pro tanto большее или меньшее давление. Если бы на всякий свободный капитал на рынке уже и без того предъявлялся спрос, то возникла бы усиленная конкуренция из-за свободного капитала. Если бы некоторая часть его лежала без употребления, то она pro tanto была бы призвана к деятельности.

Но возможен и третий случай: при данных размерах производства, при неизменяющейся быстроте оборота и неизменяющихся ценах элементов оборотного производительного капитала цена продуктов предприятия *X* может понизиться или повыситься. Если цена товаров, производимых предприятием *X*, понижается, то цена его товарного капитала с 600 ф. ст., которые оно постоянно выбрасывало в обращение, падает, напр., до 500 ф. ст. Следовательно, шестая часть стоимости авансированного капитала не возвращается из процесса обращения; она пропадает в этом процессе (заключающаяся в товарном капитале прибавочная стоимость здесь не принимается во внимание). Но так как стоимость, а соответственно и цена элементов производства остается прежняя, то возвратившихся 500 ф. ст. хватит лишь на то, чтобы возместить $^5/_6$ капитала в 600 ф. ст., постоянно занятого в процессе производства. Следовательно, для того чтобы продолжать производство в прежнем масштабе, пришлось бы затратить 100 ф. ст. добавочного денежного капитала.

Наоборот: если цена продуктов предприятия *X* повысится, то повысится и цена товарного капитала с 600, напр., до 700 ф. ст. Седьмая часть его цены, = 100 ф. ст., приходит не из процесса производства, не была авансирована на него, а притекает из процесса обращения. Однако для возмещения производительных элементов требуется только 600 ф. ст.; следовательно, 100 ф. ст. высвобождаются.

Изучение причин, почему в первом случае период оборота сокращается или удлиняется, почему во втором случае цены сырого

материала и труда, а в третьем случае цены произведенных продуктов повышаются или падают, — изучение этих причин не входит в круг вопросов, которые мы до сих пор исследовали.

Но в круг этих вопросов входит, конечно, следующее:

I случай. Неизменный масштаб производства, неизменные цены элементов производства и продуктов, изменение в периоде обращения, а следовательно и в периоде оборота.

Как мы предположили в нашем примере, вследствие сокращения периода обращения потребуется авансировать всего капитала менее на $^1/_9$; поэтому капитал сократится с 900 до 800 ф. ст., и выделится денежный капитал в 100 ф. ст.

Как и прежде, предприятие X доставляет в те же самые шесть недель продукт такой же стоимости в 600 ф. ст., а так как работа производится круглый год без перерыва, то оно в 51 неделю доставляет прежнее количество продукта стоимостью в 5 100 ф. ст. Следовательно, в отношении количества и цены продукта, который выбрасывается в обращение предприятием, нет никакой перемены, не происходит ее и в сроках, в которые предприятие выбрасывает продукт на рынок. Но выделились 100 ф. ст., так как вследствие сокращения периода обращения процесс насыщен при авансировании капитала всего в 800 ф. ст. вместо прежних 900 ф. ст. Эти 100 ф. ст. выделившегося капитала существуют в форме денежного капитала. Но они отнюдь не представляют такой части авансированного капитала, которая постоянно должна была бы функционировать в форме денежного капитала. Предположим, что из авансированного оборотного капитала I в 600 ф. ст. $^4/_5$, $=$ $=$ 480 ф. ст., постоянно затрачиваются на производственные материалы и $^1/_5$, $=$ 120 ф. ст., на заработную плату. Следовательно, еженедельно 80 ф. ст. идут на производственные материалы, 20 ф. ст. на заработную плату. Таким образом капитал II, $=$ 300 ф. ст., точно так же должен быть разделен на $^4/_5$, $=$ 240 ф. ст., для производственных материалов и на $^1/_5$, $=$ 60 ф. ст., на заработную плату. Капитал, затрачиваемый на заработную плату, должен постоянно авансироваться в денежной форме. Как только товарный продукт стоимостью в общем итоге в 600 ф. ст. снова превратится в денежную форму, как только он будет продан, 480 ф. ст. из этой суммы могут быть превращены в производственные материалы (в производительный запас), но 120 ф. ст. сохраняют свою денежную форму, чтобы послужить для выплаты заработной платы в продолжение 6 недель. Эти 120 ф. ст. представляют собою тот минимум возвращающегося капитала в 600 ф. ст., который постоянно возобновляется и возмещается в форме денежного капитала и потому постоянно должен быть налицо как функционирующая в денежной форме часть авансированного капитала.

Теперь, если из периодически высвобождающихся на 3 недели 300 ф. ст., тоже распадающихся на 240 ф. ст. для производительного запаса и 60 ф. ст. для заработной платы, выделятся вследствие сокращения времени обращения 100 ф. ст. в форме денежного капитала, которые будут совершенно выброшены из механизма оборота, то откуда же берутся деньги для этих 100 ф. ст. денежного капитала? Лишь на пятую часть они состоят из денежного капитала, периодически высвобождающегося в пределах оборотов. Но $^4/_5$, $=80$ ф. ст., уже возмещены добавочным производственным запасом той же самой стоимости. Каким образом этот добавочный производственный запас превращается в деньги и откуда берутся деньги для этого превращения?

Раз произошло сокращение времени обращения, то из вышеуказанных 600 ф. ст. в производственный запас вместо 480 превратится всего 400 ф. ст. Остальные 80 ф. ст. удерживаются в их денежной форме и вместе с вышеуказанными 20 ф. ст., предназначенными для заработной платы, составляют этот выделившийся капитал в 100 ф. ст. Хотя эти 100 ф. ст. приходят из обращения посредством купли товарного капитала в 600 ф. ст. и теперь извлекаются из обращения, так как не расходуются снова на заработную плату и элементы производства, однако не следует забывать, что, являясь в форме денег, они лишь снова оказываются в той самой форме, в которой они первоначально были брошены в обращение. Сначала на производственный запас и на заработную плату затрачивалось 900 ф. ст. деньгами. Теперь, чтобы вести тот же самый процесс производства, требуется уже только 800 ф. ст. Выделившиеся благодаря этому в денежной форме 100 ф. ст. образуют теперь новый ищущий помещения денежный капитал, новую составную часть денежного рынка. Хотя они и ранее периодически принимали форму высвободившегося денежного капитала и добавочного производительного капитала, но такое скрытое состояние само было условием ведения процесса производства, так как оно было условием его непрерывности. Теперь 100 ф. ст. уже не требуются для этого и потому образуют новый денежный капитал, одну из составных частей денежного рынка, хотя они отнюдь не образуют ни добавочного элемента к уже наличному общественному денежному запасу (потому что они существовали при начале предприятия и были брошены им в обращение), ни вновь накопленного сокровища.

Теперь эти 100 ф. ст. фактически извлекаются из обращения, поскольку они составляют часть авансированного денежного капитала, которая более уже не находит применения в том же предприятии. Но такое извлечение возможно лишь вследствие того, что ускорилось на одну неделю превращение товарного капитала в деньги, а этих денег — в производительный капитал, *Т'* — *Д* — *Т*, следовательно ускорилось также обращение денег, участвующих

в этом процессе. Они извлечены из него, потому что они более не требуются для оборота капитала *X*.

Здесь предполагается, что авансированный капитал принадлежит тому, кто его применяет. Если бы капитал был получен в кредит, то от этого ничего не изменилось бы. При сокращении времени обращения предпринимателю понадобилось бы вместо 900 ф. ст. только 800 ф. ст. полученного в кредит капитала. 100 ф. ст., возвращенные кредитору, образуют, как и ранее, новый денежный капитал в 100 ф. ст., с той лишь разницей, что теперь он находится в руках *Y* вместо *X*. Далее, если капиталист *X* получал в кредит производственные материалы стоимостью в 480 ф. ст., так что сам он должен был авансировать деньгами только 120 ф. ст. на заработную плату, то теперь он может брать в кредит производственных материалов на 80 ф. ст. менее, и эти 80 ф. ст. составляют, таким образом, избыточный товарный капитал для капиталиста, оказывающего кредит, между тем как у капиталиста *X* выделилось бы 20 ф. ст. деньгами.

Дополнительный производственный запас уменьшился теперь на $^1/_3$. Составляя $^4/_5$ от 300 ф. ст., он был равен дополнительному капиталу II = 240 ф. ст.; теперь он равен только 160 ф. ст., т. е. представляет собою дополнительный запас для 2 недель вместо 3. Теперь он будет возобновляться через каждые 2 недели вместо 3, но притом только на 2 недели вместо 3. Закупки, напр., на рынке хлопка повторяются, таким образом, чаще и меньшими партиями. С рынка берется то же самое количество хлопка, потому что масса продукта остается прежней. Но закупки распределяются иначе во времени и растягиваются на более продолжительное время. Положим, напр., что дело идет о 3 и о 2 месяцах; ежегодное потребление хлопка пусть будет 1 200 кип. В первом случае будет продаваться:

1 января	300	кип,	остается	на	складе	900	кип
1 апреля	300	»	»	»	»	600	»
1 июля	300	»	»	»	»	300	»
1 октября	300	»	»	»	»	0	»

Напротив, во втором случае:

1 января	продается	200,	на	складе	1 000	кип
1 марта	»	200,	»	»	800	»
1 мая	»	200,	»	»	600	»
1 июля	»	200,	»	»	400	»
1 сентября	»	200,	»	»	200	»
1 ноября	»	200,	»	»	0	»

Следовательно, затраченные на хлопок деньги возвращаются полностью лишь месяцем позже, в ноябре вместо октября. Итак, если вследствие сокращения времени обращения, а вместе с тем и оборота, выделяется в форме денежного капитала $^1/_9$ часть авансированного капитала = 100 ф. ст. и если эти 100 ф. ст. составляются из 20 ф. ст. периодически повторяющегося избытка денежного капитала, предназначаемого для еженедельной выплаты заработной платы, и из 80 ф. ст., которые периодически появляются как избыток производственного запаса на одну неделю, то этому уменьшению у фабриканта избыточного производственного запаса на 80 ф. ст. соответствует увеличение товарного запаса у торговца хлопком. Тот же самый хлопок тем дольше лежит на его складах как товар, чем меньше он лежит на складах у фабриканта как производственный запас.

До сих пор мы предполагали, что сокращение времени обращения в предприятии *X* вытекает из того, что *X* быстрее продает свои товары или скорее получает за них деньги, соответственно при кредите из того, что сокращается срок платежа. Следовательно, это сокращение времени обращения вытекает из более быстрой продажи товара, более быстрого превращения товарного капитала в денежный капитал, из *Т* — *Д*, из первой фазы процесса обращения. Оно может вытекать и из второй фазы, *Д* — *Т*, следовательно из одновременного изменения как рабочего периода, так и времени обращения капитала *Y*, *Z* и т. д., которые доставляют капиталисту *X* производственные элементы его оборотного капитала.

Если, напр., хлопок, уголь и пр. при старых условиях транспорта находятся 3 недели в пути от места своего производства или от складов до местонахождения производства капиталиста *X*, то минимума производственного запаса *X* должно хватить по крайней мере на 3 недели, до прибытия новых запасов. Пока хлопок и уголь находятся в пути, они не могут служить средствами производства. Они скорее представляют собою в это время предмет труда для транспортной промышленности и занятого в ней капитала, они составляют также совершающий свое обращение товарный капитал углепромышленника или торговца хлопком. При более совершенном транспорте время пути сокращается до 2 недель. Таким образом производственный запас может превратиться из трехнедельного в двухнедельный. Вместе с тем высвобождается авансированный на это дополнительный капитал в 80 ф. ст., а также 20 ф. ст., предназначавшиеся для заработной платы, так как обернувшийся капитал в 600 ф. ст. возвращается неделей раньше.

С другой стороны, если, напр., сокращается рабочий период капитала, доставляющего сырье (примеры чего даны в предыдущих главах), если, следовательно, возрастает возможность возобновлять сырье, то производственный запас может уменьшиться,

промежуток от одного периода возобновления до другого может сократиться.

Если, наоборот, время обращения и вследствие этого период оборота удлиняется, то необходимо авансирование дополнительного капитала, — из кармана самого капиталиста, если у него есть дополнительный капитал. Но в таком случае этот капитал в той или иной форме будет применен как часть капитала, находящегося на денежном рынке; чтобы получить его в распоряжение, его надо высвободить из старой формы, напр. продать акции, взять вклады, так что и в этом случае будет оказано косвенное влияние на денежный рынок. Или капиталист должен получить в кредит дополнительный капитал. Что касается части дополнительного капитала, необходимой для заработной платы, то при нормальных условиях ее постоянно приходится авансировать как денежный капитал, и капиталист *X*, со своей стороны, оказывает, таким образом, известное прямое давление на денежный рынок. Для той части капитала, которая должна быть вложена в производственные материалы, авансирование в виде денежного капитала неизбежно лишь в том случае, если капиталист должен оплачивать их наличными. Если он может получить их в кредит, то это не производит прямого влияния на денежный рынок, потому что дополнительный капитал тогда прямо авансируется как производственный запас, а не как денежный капитал с самого начала. Если кредитор в свою очередь выпускает полученный от *X* вексель непосредственно на денежный рынок, представляет его к учету и пр., это произведет косвенное, осуществляемое при посредстве второго лица, воздействие на денежный рынок. Но если он воспользуется этим векселем, чтобы, напр., досрочно уплатить свой долг, подлежащий погашению лишь позднее, то этот дополнительно авансированный капитал не произведет ни прямого, ни косвенного влияния на денежный рынок.

II случай. Изменение цены производственных материалов, все прочие условия неизменны.

Выше мы предполагали, что из всего капитала в 900 ф. ст. $^4/_5$, = 720 ф. ст., затрачиваются на производственные материалы и $^1/_5$ = 180 ф. ст. на заработную плату.

Если производственные материалы падают в цене наполовину, то на них для шестинедельного рабочего периода требуется только 240 ф. ст. вместо 480 ф. ст. и на добавочный капитал № II требуется лишь 120 ф. ст. вместо 240 ф. ст. Следовательно, капитал I сокращается с 600 ф. ст. до 240 + 120 = 360 ф. ст., и капитал II — с 300 ф. ст. до 120 + 60 = 180 ф. ст. Весь капитал с 900 ф. ст. уменьшается до 360 + 180 = 540 ф. ст. Следовательно, выделяются 360 ф. ст.

Этот выделившийся и теперь незанятый денежный капитал, ищущий поэтому применения на денежном рынке, представляет собой не что иное, как часть капитала в 900 ф. ст., первоначально авансированного в виде денежного капитала, часть, которая сделалась излишней вследствие понижения цены тех элементов производства, в которые она периодически превращается, — сделалась излишней, раз предприятие не расширяется, а ведется в прежнем масштабе. Если такое падение цен вызвано не случайными обстоятельствами (напр., особенно богатым урожаем, чрезмерным подвозом и пр.), а увеличением производительной силы в той отрасли, которая доставляет сырье, то этот денежный капитал представлял бы собою абсолютное приращение для денежного рынка и вообще для свободного капитала, который находится в форме денежного капитала, потому что этот капитал уже не являлся бы необходимой составной частью того капитала, который уже нашел себе применение.

III случай. Изменение рыночной цены самого продукта.

В этом случае с понижением цены часть капитала оказывается потерянной и потому должна быть возмещена новым авансированием денежного капитала. Эта потеря для продавца может быть, в свою очередь, выиграна покупателем. Прямо, если продукт понизился в своей рыночной цене только вследствие случайной конъюнктуры и затем снова поднимается до своей нормальной цены. Косвенно, если изменение цены вызвано изменением стоимости, отражающимся и на старом продукте, и если этот продукт в качестве элемента производства опять входит в другую сферу производства и pro tanto освобождает здесь капитал. В обоих случаях капитал, потерянный для *X*, — а для его возмещения *X* производит давление на денежный рынок, — может быть доставлен ему его деловыми друзьями как новый дополнительный капитал. В таком случае происходит только перемещение.

Если, наоборот, цена продукта повышается, то из сферы обращения присваивается часть капитала, которая не была авансирована. Она не представляет собой органической части капитала, авансированного на процесс производства, и потому, если производство не расширяется, образует выделившийся денежный капитал. Так как по нашему предположению цены элементов продукта были даны раньше, чем он как товарный капитал выступил на рынке, то повышение цен могло бы быть вызвано здесь действительным изменением стоимости в той мере, в какой это изменение имело бы обратное действие, напр., если бы сырые материалы потом повысились в цене. В этом случае капиталист *X* выиграл бы на своем продукте, обращающемся в виде товарного капитала, и на имеющемся у него производственном запасе. Этот выигрыш

доставил бы ему дополнительный капитал, который понадобится теперь для продолжения его предприятия при новых повышенных ценах элементов производства.

Или же повышение цен будет только временным. Тогда то, что для капиталиста *X* требуется как дополнительный капитал, оказывается для другой стороны освободившимся капиталом, поскольку его продукт составляет элемент для других отраслей производства. Что потерял один, то выиграл другой.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ОБОРОТ ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА.

I. ГОДОВАЯ НОРМА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Предположим оборотный капитал в 2 500 ф. ст., притом такой, что $^4/_5$ его, = 2 000 ф. ст., составляют постоянный капитал (материалы производства), а $^1/_5$, = 500 ф. ст., — переменный капитал, расходуемый на заработную плату.

Период оборота пусть будет равен 5 неделям; рабочий период = = 4 неделям, период обращения = 1 неделе. Тогда капитал I, = 2 000 ф. ст., будет состоять из 1 600 ф. ст. постоянного капитала и 400 ф. ст. — переменного; капитал II = 500 ф. ст.; из них 400 ф. ст. постоянный и 100 ф. ст. переменный капитал. В продолжение каждой рабочей недели затрачивается капитал в 500 ф. ст. В течение года, состоящего из 50 недель, производится годовой продукт в 500 × 50 = = 25 000 ф. ст. Следовательно, капитал I в 2 000 ф. ст., постоянно занятый в рабочем периоде, оборачивается $12^1/_2$ раз. 2 000 × $12^1/_2$ = = 25 000 ф. ст. Из этих 25 000 ф. ст. $^4/_5$, = 20 000 ф. ст., представляют постоянный капитал, израсходованный на средства производства, и $^1/_5$, = 5 000 ф. ст., — переменный капитал, израсходованный на заработную плату. Напротив, весь капитал в 2 500 ф. ст. оборачивается $\frac{25\,000}{2\,500} = 10$ раз.

Израсходованный во время производства переменный оборотный капитал может снова служить в процессе обращения лишь постольку, поскольку удается продать продукт, в котором воспроизведена его стоимость, поскольку он превращается из товарного капитала в денежный капитал, который снова должен быть затрачен на оплату рабочей силы. Но точно так же обстоит дело и с затраченным на производство постоянным оборотным капиталом (материалами производства), стоимость которого снова проявляется в продукте как часть стоимости последнего. Общее свойство обеих этих частей — переменной и постоянной части оборотного капитала — и их отличие от основного капитала состоит не в том, что их стоимость, перенесенная на продукт, обращается при посредстве товарного капитала, т. е. при посредстве обращения продукта в виде товара. Некоторая часть стоимости продукта, и притом продукта, обращающегося в виде товара, некоторая часть товарного

капитала всегда состоит из снашивания основного капитала, т. е. из части стоимости основного капитала, перенесенной на продукт во время производства. Но различие состоит в следующем: основной капитал продолжает функционировать в процессе производства в своей старой потребительной форме в продолжение более или менее длительного цикла периодов оборота оборотного капитала (= оборотному постоянному + оборотный переменный капитал); между тем каждый отдельный оборот имеет своим условием возмещение всего оборотного капитала, вступившего — в виде товарного капитала — из сферы производства в сферу обращения. Первая фаза обращения, *Т'* — *Д'*, является общей для оборотного постоянного и оборотного переменного капитала. Во второй фазе они разделяются. Деньги, в которые превратился товар, отчасти превращаются в производственный запас (оборотный постоянный капитал). Соответственно различным срокам покупок составных частей такого запаса одна часть этих денег может превратиться в материалы производства раньше, другая позже, но в конце концов все эти деньги уходят на материалы производства. Другая часть денег, вырученных от продажи товара, остается лежать в виде денежного запаса и мало-помалу расходуется на оплату рабочей силы, включенной в процесс производства. Она образует оборотный переменный капитал. Тем не менее при обороте капитала, при его превращении в продукт, из продукта в товар, из товара в деньги каждый раз происходит полное возмещение той или другой части. Именно на этом основании мы рассматривали в предыдущей главе оборот оборотного капитала — постоянного и переменного — порознь и вместе, не обращая внимания на основной капитал.

В вопросе, который нам теперь предстоит рассмотреть, мы должны сделать еще один шаг вперед и рассматривать переменную часть оборотного капитала так, как будто бы только она одна и составляет весь оборотный капитал, т. е. мы не будем принимать во внимание постоянного оборотного капитала, который совершает обороты вместе с нею.

Авансировано 2 500 ф. ст., и стоимость годового продукта = = 25 000 ф. ст. Но переменная часть оборотного капитала составляет 500 ф. ст., поэтому переменный капитал, содержащийся в 25 000 ф. ст., равен $\frac{25\,000}{5} = 5\,000$ ф. ст. Если 5 000 ф. ст. разделить на 500, то мы получим число оборотов 10, совершенно такое же, как для всего капитала в 2 500 ф. ст.

Этот средний расчет, при котором стоимость годового продукта делится на стоимость авансированного капитала, а не на стоимость части этого капитала, постоянно занятой в одном рабочем периоде (следовательно, в нашем случае не на 400, а на 500, не на капитал I, а на капитал I + капитал II), этот средний расчет абсолютно точен

здесь, где дело идет только о производстве прибавочной стоимости. Впоследствии мы увидим, что при иной точке зрения он оказывается не совсем точным, как и вообще не вполне точен этот средний расчет. Т. е. он достаточен для практических целей капиталиста, но он не выражает точно или соответственным образом всех реальных обстоятельств, сопровождающих оборот.

До сих пор мы совершенно не принимали в соображение одной части стоимости товарного капитала, именно заключающейся в нем прибавочной стоимости, которая произведена и воплощена в продукт во время процесса производства. На нее-то мы и должны теперь обратить наше внимание.

Если принять, что еженедельно затрачиваемый переменный капитал в 100 ф. ст. производит прибавочную стоимость в 100% = = 100 ф. ст., то переменный капитал в 500 ф. ст., затрачиваемый в пятинедельный период оборота, произведет прибавочную стоимость в 500 ф. ст., т. е. половина рабочего дня состоит из прибавочного труда.

Но если 500 ф. ст. переменного капитала производят 500 ф. ст. прибавочной стоимости, то 5 000 ф. ст. производят ее 500 × 10 = 5 000 ф. ст. Однако авансированный переменный капитал = 500 ф. ст. Отношение всей массы прибавочной стоимости, произведенной в течение года, к сумме стоимости авансированного переменного капитала мы называем годовой нормой прибавочной стоимости. Следовательно, в настоящем случае она составляет $\frac{5\,000}{500} = 1\,000\%$. Если ближе анализировать эту норму, то окажется, что она равна норме прибавочной стоимости, которую авансированный переменный капитал производит в продолжение одного периода оборота, умноженной на число оборотов переменного капитала (совпадающее с числом оборотов всего оборотного капитала).

Авансированный в продолжение одного периода оборота переменный капитал в данном случае = 500 ф. ст.; произведенная им прибавочная стоимость тоже = 500 ф. ст. Норма прибавочной стоимости в продолжение одного периода оборота составляет поэтому $\frac{500\,m}{500\,v} = 100\%$. Эти 100%, умноженные на 10, на число оборотов в год, дают $\frac{5\,000\,m}{500\,v} = 1\,000\%$.

Это относится к годовой норме прибавочной стоимости. Что же касается массы прибавочной стоимости, получаемой в течение определенного периода оборота, то эта масса равна стоимости авансированного в продолжение этого периода переменного капитала, здесь = 500 ф. ст., умноженной на норму прибавочной стоимости, здесь, следовательно, $500 \times \frac{100}{100} = 500 \times 1 = 500$ ф. ст. Если бы авансированный капитал был = 1 500 ф. ст., то при одинаковой норме

прибавочной стоимости масса прибавочной стоимости была бы $= 1\,500 \times \frac{100}{100} = 1\,500$ ф. ст.

Переменный капитал в 500 ф. ст., оборачивающийся 10 раз в год и производящий в течение года прибавочную стоимость в 5 000 ф. ст., капитал, для которого, следовательно, годовая норма прибавочной стоимости $= 1\,000\%$, мы будем называть капиталом A.

Предположим теперь, что другой переменный капитал B в 5 000 ф. ст. авансируется на целый год (т. е. в данном случае на 50 недель) и потому оборачивается только один раз в год. Предположим далее, что в конце года продукт оплачивается в тот же самый день, как он готов, и что, следовательно, денежный капитал, в который он превращается, возвращается в тот же самый день. Следовательно, период обращения здесь $= 0$, период оборота $=$ рабочему периоду, именно одному году. Как в предыдущем случае, в процессе труда каждую неделю находится переменный капитал в 100 ф. ст., а в 50 недель — 5 000 ф. ст. Далее, норма прибавочной стоимости пусть будет та же самая $= 100\%$, т. е. при одинаковой продолжительности рабочего дня половина его состоит из прибавочного труда. Если мы остановимся на 5 неделях, то вложенный переменный капитал будет равен 500 ф. ст., норма прибавочной стоимости $= 100\%$, следовательно масса прибавочной стоимости, произведенная в течение 5 недель, $= 500$ ф. ст. Количество рабочей силы, которая при этом эксплуатируется, и степень ее эксплуатации предполагаются здесь точно такие же, как в капитале A.

Примененный переменный капитал в 100 ф. ст. еженедельно производит прибавочную стоимость в 100 ф. ст., поэтому в продолжение 50 недель примененный капитал в $100 \times 50 = 5\,000$ ф. ст. произведет прибавочную стоимость в 5 000 ф. ст. Масса ежегодно производимой прибавочной стоимости оказывается такою же, как в предыдущем случае, $= 5\,000$ ф. ст., но годовая норма прибавочной стоимости совершенно иная. Она равна произведенной в течение года прибавочной стоимости, разделенной на авансированный переменный капитал: $\frac{5\,000\,m}{5\,000\,v} = 100\%$, тогда как ранее для капитала A она была равна $1\,000\%$.

При капитале A, как и при капитале B, мы еженедельно затрачивали 100 ф. ст. переменного капитала; степень возрастания стоимости или норма прибавочной стоимости совершенно такая же $= 100\%$; величина переменного капитала также одинакова $= 100$ ф. ст. Эксплуатируется совершенно одинаковое количество рабочей силы, величина и степень эксплуатации в обоих случаях одинаковы, рабочие дни одинаковы и одинаково распадаются на необходимый труд и прибавочный труд. Сумма переменного капитала, примененного в продолжение года, одинакова по величине =

= 5 000 ф. ст., она приводит в движение ту же самую массу труда и извлекает из рабочей силы, приводимой в движение двумя равными капиталами, одинаковую массу прибавочной стоимости, 5 000 ф. ст. И все-таки разница в годовой норме прибавочной стоимости капиталов *A* и *B* составляет 900%.

Это явление производит, конечно, такое впечатление, как будто норма прибавочной стоимости зависит не только от массы и степени эксплуатации рабочей силы, приводимой в движение переменным капиталом, но, кроме того, от каких-то необъяснимых влияний, вытекающих из процесса обращения; и действительно, это явление истолковывалось именно таким образом, и хотя не в этой чистой, но в своей более сложной и скрытой форме (в форме годовой нормы прибыли) оно вызвало с начала 20-х годов полный разлад в школе Рикардо.

Чудесное в этом явлении исчезает немедленно, если мы не только по видимости, но действительно поставим капитал *A* и капитал *B* в совершенно одинаковые условия. Условия будут одинаковыми только в том случае, если переменный капитал *B* во всем своем объеме расходуется на оплату рабочей силы в тот же самый промежуток времени, что и капитал *A*.

5 000 ф. ст. капитала *B* расходуются тогда в продолжение 5 недель, расход по 1 000 ф. ст. в неделю составляет в год 50 000 ф. ст. Прибавочная стоимость составляет тогда при нашем предположении тоже 50 000 ф. ст. Обернувшийся капитал = 50 000 ф. ст., разделенный на авансированный капитал = 5 000 ф. ст., дает число оборотов = 10. Норма прибавочной стоимости $= \frac{5\,000\,m}{5\,000\,v} = 100\%$, умноженная на число оборотов = 10, дает годовую норму прибавочной стоимости $= \frac{50\,000\,m}{5\,000\,v} = \frac{10}{1} = 1\,000\%$. Итак, теперь годовые нормы прибавочной стоимости одинаковы для *A* и для *B*, именно 1 000%, но массы прибавочной стоимости составляют: для *B* — 50 000 ф. ст., для *A* — 5 000 ф. ст.; массы произведенной прибавочной стоимости относятся теперь как стоимость авансированных капиталов *B* и *A*, именно как 5 000 : 500 = 10 : 1. Но зато капитал *B* в одинаково продолжительное время привел в движение в десять раз более рабочей силы, чем капитал *A*.

Только капитал, действительно примененный в процессе труда, создает прибавочную стоимость, и только к нему относятся все до сих пор развитые законы, касающиеся прибавочной стоимости, следовательно и тот закон, что масса прибавочной стоимости при данной норме ее определяется относительной величиной переменного капитала.

Самый процесс труда измеряется временем. При данной продолжительности рабочего дня (как здесь, где мы предполагаем все условия для капиталов *A* и *B* одинаковыми, чтобы в ясном свете

представить разницу в годовой норме прибавочной стоимости) рабочая неделя состоит из определенного числа рабочих дней. Или мы можем рассматривать какой-нибудь рабочий период, напр. в данном случае пятинедельный, как сплошной рабочий день, состоящий из 300 часов, если рабочий день = 10 часам, а неделя = 6 рабочим дням. Но затем мы должны умножить это число на число рабочих, которые ежедневно одновременно заняты совместно в одном и том же процессе труда. Если это число было бы, напр., 10, то рабочая неделя была бы = 60 × 10 = 600 часам, а пятинедельный рабочий период = 600 × 5 = 3 000 часам. Следовательно, при одинаковой норме прибавочной стоимости и при одинаковой продолжительности рабочего дня применяются переменные капиталы одинаковой величины, если в течение того же самого промежутка времени приводятся в движение одинаковые массы рабочей силы (вычисляемые путем умножения одной рабочей силы известной цены на число этих сил).

Возвратимся теперь к нашим первоначальным примерам. В обоих случаях, *A* и *B*, в продолжение каждой недели года применяются переменные капиталы одинаковой величины, по 100 ф. ст. в неделю. Примененные, действительно функционирующие в процессе труда переменные капиталы поэтому равны, но авансированные переменные капиталы вовсе не равны. В примере *A* на каждые 5 недель авансируется по 500 ф. ст., из которых еженедельно применяется 100 ф. ст. В примере *B* на первый пятинедельный период приходится авансировать 5 000 ф. ст., но из них применяется только по 100 ф. ст. в неделю, следовательно в 5 недель только 500 ф. ст. = $^1/_{10}$ авансированного капитала. Во второй пятинедельный период приходится авансировать 4 500 ф. ст., но применяется же только 500 ф. ст. и т. д. Переменный капитал, авансируемый на определенный период времени, превращается в применяемый, т. е. в действительно функционирующий и действующий переменный капитал, лишь в той мере, в какой он действительно вступает в отрезки этого периода времени, заполненные процессом труда, поскольку он действительно функционирует в процессе труда. В промежуточное время, когда одна его часть авансируется лишь для того чтобы найти применение в позднейшее время, эта часть как бы совершенно не существует для процесса труда и потому не имеет никакого влияния на создание как стоимости, так и прибавочной стоимости. Таково, напр., положение с капиталом *A* в 500 ф. ст. Он полностью авансирован на 5 недель, но в процесс труда из него последовательно входят каждую неделю только 100 ф. ст. В первую неделю применяется $^1/_5$ его; $^4/_5$ авансированы, хотя еще не находят применения; их необходимо иметь в запасе для процесса труда 4-х следующих недель и потому их приходится авансировать.

Обстоятельства, создающие различие в отношении между авансированным и примененным переменным капиталом, влияют на про-

изводство прибавочной стоимости — при данной норме прибавочной стоимости — лишь постольку и лишь таким способом, что они делают различным то количество переменного капитала, которое действительно может быть применено в определенный период времени, напр. в 1 неделю, в 5 недель и пр. Авансированный переменный капитал функционирует как переменный капитал лишь постольку и лишь в продолжение того времени, поскольку и когда он действительно применяется; но не в продолжение того времени, когда он остается авансированным в виде запаса, не находя действительного применения. Но все условия, изменяющие отношения между авансированным и применяемым переменным капиталом, сводятся к разнице периодов оборота (определяемой разницей или рабочего периода, или периода обращения, или того и другого). Таков закон производства прибавочной стоимости, что при одинаковой норме прибавочной стоимости равные массы функционирующего переменного капитала производят равные массы прибавочной стоимости. Следовательно, если капиталами *A* и *B* в равные промежутки времени при одинаковой норме прибавочной стоимости применяются равные массы переменного капитала, они должны произвести в течение одинаковых промежутков времени равные массы прибавочной стоимости, как бы различно ни было отношение этого переменного капитала, примененного в определенный промежуток времени, к переменному капиталу, авансированному в тот же промежуток времени, и, следовательно, как бы различно ни было отношение произведенной массы прибавочной стоимости не к примененному, а к вообще авансированному переменному капиталу. Различие этого отношения, нисколько не противореча развитым нами законам производства прибавочной стоимости, напротив, подтверждает их и является их неизбежным следствием.

Рассмотрим первый пятинедельный период производства капитала *B*. В конце 5-й недели нашли применение и потреблены 500 ф. ст. Вновь созданная стоимость = 1000 ф. ст., следовательно $\frac{500\,m}{500\,v} = 100\%$ — совершенно, как в капитале *A*. То обстоятельство, что при капитале *A* прибавочная стоимость реализуется вместе с авансированным капиталом, а при *B* нет, нас пока не касается, потому что здесь речь идет пока только о производстве прибавочной стоимости и о ее отношении к переменному капиталу, авансированному во время ее производства. Напротив, если мы вычислим отношение прибавочной стоимости в *B* не к той части авансированного капитала в 5 000 ф. ст., которая применена, а поэтому и потреблена во время производства этой прибавочной стоимости, а ко всему этому авансированному капиталу, то мы получим $\frac{500\,m}{5000\,v} = {}^1/_{10} = 10\%$. Итак, для капитала *B* 10%, а для капитала *A* — 100%, т. е. в 10 раз более. Если бы по этому поводу было сказано: такая

разница в норме прибавочной стоимости для равновеликих капиталов, приводящих в движение одинаковое количество труда, и притом труда, разделяющегося равными частями на оплаченный и неоплаченный труд, — такая разница противоречит законам производства прибавочной стоимости, — то ответ был бы прост и получался бы при первом же взгляде на фактические отношения: для *A* выражается действительная норма прибавочной стоимости, т. е. отношение прибавочной стоимости, произведенной в продолжение 5 недель переменным капиталом в 500 ф. ст., к этому переменному капиталу в 500 ф. ст. Для *B*, напротив, вычисление производится таким способом, который не имеет никакого касательства ни к производству прибавочной стоимости, ни к соответствующему определению нормы прибавочной стоимости. 500 ф. ст. прибавочной стоимости, произведенные переменным капиталом в 500 ф. ст., исчисляются собственно не в их отношении к 500 ф. ст. переменного капитала, авансированного во время производства этой прибавочной стоимости, а в их отношении к капиталу в 5 000 ф. ст., $^9/_{10}$ которого, 4 500 ф. ст., не имеют никакого касательства к производству этой прибавочной стоимости в 500 ф. ст. и должны, напротив, лишь постепенно вступать в действие в течение следующих 45 недель; следовательно, они вовсе не существуют для производства в первые 5 недель, о которых здесь только и идет речь. Итак, в этом случае разница в норме прибавочной стоимости капиталов *A* и *B* не составляет никакой проблемы.

Сравним теперь годовые нормы прибавочной стоимости для капиталов *B* и *A*. Для капитала *B* мы имеем $\frac{5\,000\,m}{5\,000\,v} = 100\%$; для капитала *A* $\frac{5\,000\,m}{500\,v} = 1000\%$. Но отношение норм прибавочной стоимости такое же, как и ранее. Тогда мы имели:

$$\frac{\text{Норма прибавочной стоимости капитала } B}{\text{Норма прибавочной стоимости капитала } A} = \frac{10\%}{100\%},$$ а теперь мы имеем:

$$\frac{\text{Годовая норма прибавочной стоимости капитала } B}{\text{Годовая норма прибавочной стоимости капитала } A} = \frac{100\%}{1000\%};$$

но $\frac{10\%}{100\%} = \frac{100\%}{1\,000\%}$, следовательно то же самое отношение, что и раньше.

Однако теперь проблема изменилась. Годовая норма капитала *B*: $\frac{5\,000\,m}{5\,000\,v} = 100\%$, не представляет, конечно, никакого отклонения, ни даже видимости отклонения от известных нам законов, касающихся производства и соответствующей ему нормы прибавочной стоимости. 5 000 v, авансированные и производительно потребленные в течение года, произвели 5 000 m. Следовательно, норма

прибавочной стоимости выражается вышеприведенной дробью $\frac{5\,000m}{5\,000v} = 100\%$. Годовая норма совпадает с действительной нормой прибавочной стоимости. Следовательно, на этот раз не капитал *B*, как ранее, а капитал *A* представляет аномалию, которая требует объяснения.

Мы имеем здесь норму прибавочной стоимости $\frac{5\,000\,m}{500\,v} = 1\,000\%$. Но если в первом случае 500 *m*, продукт 5 недель, исчислялись в их отношении к авансированному капиталу в 5 000 ф. ст., $^9/_{10}$ которого не применялись при производстве этой прибавочной стоимости, то теперь 5 000 *m* исчисляются в их отношении к 500 *v*, т. е. только к $^1/_{10}$ переменного капитала, действительно примененного при производстве 5 000 *m*; потому что 5 000 *m* представляют собою продукт переменного капитала в 5 000 ф. ст., производительно потребленного в течение 50 недель, а не продукт переменного капитала в 500 ф. ст., потребленного в продолжение только одного пятинедельного периода. В первом случае прибавочная стоимость, произведенная в 5 недель, исчисляется в ее отношении к капиталу, авансированному на 50 недель, следовательно на капитал в десять раз больший, чем тот, который потреблен в течение 5 недель. Теперь прибавочная стоимость, произведенная в 50 недель, исчисляется в ее отношении к капиталу, авансированному на 5 недель, следовательно к капиталу в десять раз меньшему, чем тот, который потреблен в продолжение 50 недель.

Капитал *A*, 500 ф. ст., никогда не авансируется более чем на 5 недель. По истечении их он притекает обратно и, совершая в продолжение года десять оборотов, может повторить этот самый процесс десять раз. Из этого следуют два вывода.

Во-первых. Авансированный капитал *A* только в 5 раз больше части капитала, постоянно применяемой в процессе производства в течение недели. Напротив, капитал *B*, который в 50 недель оборачивается только один раз и, следовательно, должен быть авансирован на 50 недель, в 50 раз больше той части его, которая постоянно может быть применена в течение недели. Поэтому оборот видоизменяет отношение между капиталом, авансируемым на процесс производства в продолжение года, и капиталом, который постоянно может быть применен за определенный период производства, напр. за одну неделю. Здесь мы имеем перед собой первый случай, когда пятинедельная прибавочная стоимость исчисляется не в ее отношении к капиталу, применяемому в продолжение этих 5 недель, а в отношении к капиталу, в десять раз большему, применяемому в течение 50 недель.

Во-вторых. Пятинедельный период оборота капитала *A* составляет лишь $^1/_{10}$ года, поэтому год заключает в себе 10 таких периодов оборота, в которые капитал *A* в 500 ф. ст. постоянно вновь

применяется. Примененный капитал равен здесь капиталу, авансированному на 5 недель, умноженному на число периодов оборота в году. Капитал, примененный в течение года, $= 500 \times 10 = 5\,000$ ф. ст. Капитал, авансированный в течение года, $= \frac{5\,000}{10} = 500$ ф. ст. Действительно, хотя 500 ф. ст. постоянно вновь применяются, но всегда каждые 5 недель вновь авансируются не более этих 500 ф. ст. С другой стороны, при капитале *B* в течение 5 недель применяются и авансируются на эти 5 недель только 500 ф. ст.; но так как период оборота здесь = 50 неделям, то капитал, примененный в продолжение года, равен капиталу, авансируемому не на 5 недель, а на 50 недель. Но ежегодно производимая масса прибавочной стоимости при данной норме последней соразмерна с капиталом, примененным в продолжение года, а не с капиталом, авансированным в продолжение года. Следовательно, для этого капитала в 5 000 ф. ст., оборачивающегося один раз, эта масса прибавочной стоимости не больше, чем для капитала в 500 ф. ст., оборачивающегося десять раз, и она только потому так велика, что капитал, оборачивающийся один раз в год, сам в десять раз более капитала, оборачивающегося десять раз.

Обернувшийся в продолжение года переменный капитал, — следовательно, часть годового продукта или равная ей часть годовых затрат, — есть переменный капитал, действительно примененный, производительно потребленный в течение года. Из этого следует, что если обернувшийся в течение года переменный капитал *A* и обернувшийся в течение года переменный капитал *B* равновелики, и если они применяются при равных условиях возрастания стоимости, если, следовательно, норма прибавочной стоимости одинакова для обоих, то и ежегодно производимая масса прибавочной стоимости также должна быть одинаковой для обоих; следовательно, так как массы примененных капиталов одинаковы, — должна быть также одинакова и норма прибавочной стоимости, исчисленная за год, поскольку она выражается формулой: $\frac{\text{масса прибавочной стоимости, произведенной в течение года}}{\text{переменный капитал, обернувшийся в течение года}}$. Или, выражаясь в общей форме: какова бы ни была относительная величина обернувшихся переменных капиталов, норма их прибавочной стоимости, произведенной в течение года, определяется той нормой прибавочной стоимости, которую соответствующие капиталы давали в средние рабочие периоды (напр., в среднем за неделю или за день).

Таково единственное следствие, вытекающее из законов производства прибавочной стоимости и определения ее нормы.

Посмотрим далее, что выражает отношение: $\frac{\text{капитал, обернувшийся в течение года}}{\text{авансированный капитал}}$ (причем мы, как уже сказано,

имеем в виду только переменный капитал). Частное от деления дает число оборотов капитала, авансированного в продолжение года.

Для капитала *A* мы имеем:

$$\frac{5\,000 \text{ ф. ст. капитала, обернувшегося в течение года}}{500 \text{ ф. ст. авансированного капитала}}\text{; для капитала } B\text{:}$$

$$\frac{5\,000 \text{ ф. ст. капитала, обернувшегося в течение года}}{5\,000 \text{ ф. ст. авансированного капитала}}.$$

В обоих отношениях числитель выражает авансированный капитал, умноженный на число оборотов: для A — 500×10, для B — $5\,000 \times 1$, или же умноженный на обращенную дробь *времени* оборота, взятого по отношению к году. Время оборота для A — $^{1}/_{10}$ года; обращенная дробь времени оборота $^{10}/_{1}$ года, следовательно $500 \times {}^{10}/_{1} = 5\,000$; для B — $5\,000 \times {}^{1}/_{1} = 5\,000$. Знаменатель выражает обернувшийся капитал, умноженный на обращенную дробь *числа* оборотов: для A — $5\,000 \times {}^{1}/_{10}$, для B — $5\,000 \times {}^{1}/_{1}$.

Соответственные массы труда (сумма оплаченного и неоплаченного труда), приводимые в движение обоими переменными капиталами, обернувшимися в течение года, здесь равны, потому что сами обернувшиеся капиталы равны, и их нормы возрастания стоимости тоже равны.

Отношение обернувшегося в течение года капитала к авансированному переменному капиталу показывает: 1) Отношение, в котором находится авансируемый капитал к переменному капиталу, примененному за определенный рабочий период. Если число оборотов = 10, как для капитала A, и год принимается в 50 недель, то время оборота = 5 неделям. Переменный капитал должен быть авансирован на эти 5 недель, и этот авансированный на 5 недель капитал должен быть в 5 раз больше переменного капитала, применяемого в продолжение одной недели. Т. е. в течение одной недели только $^{1}/_{5}$ авансированного капитала (здесь 500 ф. ст.) может быть применена. Напротив, в случае с капиталом B, где число оборотов = $^{1}/_{1}$, время оборота = 1 году = 50 неделям. Отношение авансированного капитала к еженедельно применяемому составляет, следовательно, 50 : 1. Если бы для B это отношение было такое же, как для A, то B пришлось бы еженедельно вкладывать в дело 1 000 ф. ст. вместо 100. — 2) Из этого следует, что B должен применить вдесятеро больший капитал (5 000 ф. ст.), чем A, чтобы привести в движение такую же массу переменного капитала, следовательно, при данной норме прибавочной стоимости, такую же массу труда (оплаченного и неоплаченного), и чтобы произвести, таким образом, в течение года такую же массу прибавочной стоимости, как A. Действительная норма прибавочной стоимости выражает не что иное, как отношение примененного в определенный промежуток времени переменного капитала к произведенной

в тот же промежуток времени прибавочной стоимости; другими словами, она выражает ту массу неоплаченного труда, которая приведена в движение переменным капиталом, нашедшим применение за этот промежуток времени. Она не имеет абсолютно никакого касательства к той части переменного капитала, которая, хотя и авансирована, но в данное время еще не нашла себе применения; поэтому она точно так же не имеет никакого касательства к отношению между частью капитала, авансированной в определенный промежуток времени, и той частью капитала, которая нашла применение за этот промежуток времени, — отношению, видоизменяющемуся и различному для различных капиталов благодаря влиянию периода оборота.

Из вышеизложенного скорее следует то, что годовая норма прибавочной стоимости только в одном единственном случае совпадает с действительной нормой прибавочной стоимости, выражающей степень эксплуатации труда: именно в том случае, когда авансированный капитал оборачивается только один раз в году, поэтому авансированный капитал равен капиталу, обернувшемуся в продолжение года, т. е. отношение массы прибавочной стоимости, произведенной в продолжение года, к капиталу, примененному на ее производство в течение года, совпадает и тожественно с отношением массы прибавочной стоимости, произведенной в течение года, к капиталу, авансированному в продолжение года.

A) Годовая норма прибавочной стоимости равна:

$$\frac{\text{масса прибавочной стоимости, произведенной в течение года}}{\text{авансированный переменный капитал}}.$$ Но масса прибавочной стоимости, произведенной в течение года, равна действительной норме прибавочной стоимости, помноженной на переменный капитал, примененный для ее производства. Капитал, примененный для производства годовой массы прибавочной стоимости, равен авансированному капиталу, умноженному на число его оборотов, которое мы будем обозначать через n. Поэтому формула A превращается в следующую:

B) Годовая норма прибавочной стоимости равна:

$$\frac{\text{действит. норма прибавочн. стоимости} \times \text{авансиров. перемен. капитал} \times n}{\text{авансированный переменный капитал}}.$$

Например, для капитала $B = \frac{100 \times 5\,000 \times 1}{5\,000}$, или 100%. Только если $n = 1$, т. е. если авансированный переменный капитал оборачивается только один раз в год, следовательно равен примененному в течение года или обернувшемуся капиталу, только в этом случае годовая норма прибавочной стоимости равна действительной ее норме.

Если мы обозначим годовую норму прибавочной стоимости через M', действительную норму прибавочной стоимости — m', авансированный переменный капитал — v, число оборотов — n, то $M' = \frac{m'vn}{v} = m'n$; следовательно, $M' = m'n$ и только в том случае $= m'$, если $n = 1$; следовательно, $M' = m' \times 1 = m'$.

Далее, из предыдущего следует: годовая норма прибавочной стоимости всегда $= m'n$, т. е. равна действительной норме прибавочной стоимости, произведенной в один период оборота переменным капиталом, потребленным за этот период, умноженной на число оборотов этого переменного капитала в продолжение года или умноженной (что то же самое) на обращенную дробь его *времени* оборота, взятого по отношению к году как к единице. (Если переменный капитал оборачивается 10 раз в год, то время его оборота $= {}^1/_{10}$ года; следовательно, обращенная дробь времени оборота $= {}^{10}/_1 = 10$.)

Далее, из предыдущего следует: $M' = m'$, если $n = 1$. M' больше m', если n больше 1, т. е. если авансированный капитал оборачивается более одного раза в год или если обернувшийся капитал более авансированного.

Наконец, M' меньше m', если n менее 1, т. е. если обернувшийся в продолжение года капитал составляет только часть авансированного капитала, следовательно если период оборота продолжается долее одного года.

Остановимся несколько на последнем случае.

Сохраним все предположения нашего прежнего примера, пусть только период оборота удлинится до 55 недель. Процесс труда требует еженедельно 100 ф. ст. переменного капитала, следовательно 5 500 ф. ст. для периода оборота, и производит еженедельно 100 m; следовательно, m', как и ранее, 100%. Число оборотов, n, здесь равно $\frac{50}{55} = \frac{10}{11}$, потому что время оборота $1 + {}^1/_{10}$ года (принимая год в 50 недель) $= \frac{11}{10}$ года.

$M' = \frac{100\% \times 5\,500 \times {}^{10}/_{11}}{5\,500} = 100 \times \frac{10}{11} = \frac{1\,000}{11} = 90\frac{10}{11}\%$, следовательно менее 100%. Действительно, если бы годовая норма прибавочной стоимости была 100%, то 5 500 v в течение года должны были бы произвести 5 500 m, тогда как для этого требуется $\frac{11}{10}$ года. Эти 5 500 v производят в продолжение года только 5 000 m, следовательно годовая норма прибавочной стоимости $= \frac{5\,000\,m}{5\,500\,v} = \frac{10}{11} = 90\frac{10}{11}\%$.

Годовая норма прибавочной стоимости, или сопоставление прибавочной стоимости, произведенной в течение года, с вообще

авансированным переменным капиталом (в отличие от переменного капитала, *обернувшегося* в течение года), не является поэтому сопоставлением только субъективным: само действительное движение капитала вызывает это противопоставление. В конце года к владельцу капитала *A* возвратился авансированный им переменный капитал, равный 500 ф. ст., да сверх того 5 000 ф. ст. прибавочной стоимости. Величина авансированного им капитала выражается не той массой капитала, которую он применял в течение года, а той, которая периодически к нему возвращается. По отношению к рассматриваемому вопросу не имеет никакого значения, существует ли капитал в конце года частью в виде производственного запаса, частью в виде товарного или денежного капитала, и в какой пропорции делится он на эти различные доли. К владельцу капитала *B* возвратились 5 000 ф. ст., авансированный им капитал, да еще 5 000 ф. ст. прибавочной стоимости. Для владельца капитала *C* (последнего рассмотренного нами капитала в 5 500 ф. ст.) произведено в продолжение года 5 000 ф. ст. прибавочной стоимости (при затрате 5 000 ф. ст. и норме прибавочной стоимости в 100%), но авансированный им капитал, как и произведенная прибавочная стоимость, еще не возвратились к нему.

$M' = m'n$ выражает, что норма прибавочной стоимости, действительная для переменного капитала, примененного в продолжение одного периода оборота:

$$\frac{\text{масса прибав. стоимости, произведен. в продолжение одного периода оборота}}{\text{переменный капитал, примененный в продолжение одного периода оборота}},$$

что эта норма должна быть помножена на число периодов оборота, или на число периодов воспроизводства авансированного переменного капитала, — на число периодов, в которые он возобновляет свой кругооборот.

В книге I, гл. IV («Превращение денег в капитал») и затем в книге I, гл. XXI («Простое воспроизводство») мы уже видели, что капитальная стоимость вообще авансируется, а не расходуется, так как эта стоимость, пройдя различные фазы своего кругооборота, опять возвращается к своему исходному пункту, и притом обогащенная прибавочной стоимостью. Это характеризует ее как авансированную стоимость. Время, которое проходит от исходного пункта ее движения до момента ее возвращения, и есть то время, на которое она авансирована. Весь кругооборот, который совершает капитальная стоимость, измеряемый временем от ее авансирования до ее возвращения, образует ее оборот, а продолжительность этого оборота составляет период оборота. Когда этот период истек и кругооборот закончен, та же самая капитальная стоимость снова может начать тот же кругооборот, следовательно снова самовозрастать, производить прибавочную стоимость. Если переменный капитал, как в *A*, оборачивается десять раз в год, то в течение

года одним и тем же авансированным капиталом будет десять раз произведена такая масса прибавочной стоимости, которая соответствует одному периоду оборота.

Мы должны выяснить характер авансирования с точки зрения капиталистического общества.

Капитал *A*, оборачивающийся десять раз в продолжение года, авансируется в продолжение года десять раз. На каждый новый период оборота он авансируется снова. Но, вместе с тем, в продолжение года *A* никогда не авансирует больше чем одну и ту же капитальную стоимость в 500 ф. ст., и в сущности никогда не располагает для рассматриваемого нами процесса производства больше чем этими 500 ф. ст. Лишь только эти 500 ф. ст. оканчивают один кругооборот, капиталист *A* заставляет их начать снова такой же кругооборот; капитал по своей природе сохраняет характер капитала именно вследствие того, что он постоянно в повторяющихся процессах производства функционирует как капитал. Он в данном случае никогда не авансируется долее чем на 5 недель. Если оборот продолжится долее, то капитал окажется недостаточным. Если время оборота сокращается, то часть капитала делается избыточной. Здесь авансируется не десять капиталов по 500 ф. ст., а *один* капитал в 500 ф. ст. авансируется десять раз в последовательные периоды времени. Годовая норма прибавочной стоимости исчисляется поэтому не на капитал в 500 ф. ст., авансируемый десять раз, или на 5 000 ф. ст., а на капитал в 500 ф. ст., авансированный зараз: совершенно так же, как 1 талер, обращающийся десять раз, всегда представляет только один единственный находящийся в обращении талер, хотя он исполняет функцию 10 талеров. Но в тех руках, в которых он находится при каждой сделке, он попрежнему остается все одной и той же самой стоимостью в 1 талер.

Точно так же и капитал *A* при каждом своем возвращении и при своем возвращении в конце года показывает, что его владелец всегда оперирует лишь одной и той же капитальной стоимостью в 500 ф. ст. Поэтому в его руки каждый раз возвращается только 500 ф. ст. Авансированный им капитал поэтому никогда не превышает 500 ф. ст. Авансированный капитал в 500 ф. ст. образует поэтому знаменатель в той дроби, которая выражает годовую норму прибавочной стоимости. Формула для годовой нормы прибавочной стоимости у нас была такова: $M' = \frac{m'vn}{v} = m'n$. Так как действительная норма прибавочной стоимости $m' = \frac{m}{v}$ равна массе прибавочной стоимости, разделенной на переменный капитал, который ее произвел, то в $m'n$ мы можем подставить значение m', т. е. $\frac{m}{v}$, и тогда мы получим другую формулу: $M' = \frac{mn}{v}$.

Но вследствие своего десятикратного оборота, а потому вследствие десятикратного возобновления его авансирования, капитал в 500 ф. ст. исполняет функцию вдесятеро большего капитала, капитала в 5 000 ф. ст.: совершенно так же, как 500 монет достоинством в один талер, обращающиеся по десяти раз в год, исполняют функцию 5 000 таких же монет, обращающихся только один раз.

II. ОБОРОТ ОТДЕЛЬНОГО ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА.

«Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова пробегать одни и те же стадии... Поэтому всякий общественный процесс производства, рассматриваемый в своей постоянной связи и в постоянном возобновлении, является в то же время процессом воспроизводства... Как периодическое приращение капитальной стоимости, или периодический плод капитала, прибавочная стоимость приобретает форму *дохода*, возникающего из капитала» (книга I, гл. XXI). [Ср. К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 570, 571.]

Мы имеем 10 пятинедельных периодов оборота капитала *A*; в первый период оборота авансируется 500 ф. ст. переменного капитала, т. е. каждую неделю обменивается на рабочую силу 100 ф. ст., так что в конце первого периода оборота на рабочую силу будет израсходовано 500 ф. ст. Эти 500 ф. ст., первоначально составлявшие часть всего авансированного капитала, перестали быть капиталом. Они израсходованы на заработную плату. Рабочие, со своей стороны, уплачивают ими, покупая для себя жизненные средства; следовательно, они потребляют жизненные средства стоимостью в 500 ф. ст. Таким образом уничтожается некоторое количество товаров на эту именно сумму стоимости (то, что рабочий сберегает, напр., в виде денег, тоже не есть капитал). Эта товарная масса потребляется непроизводительно для рабочего, за исключением того, что она поддерживает в состоянии работоспособности его рабочую силу, необходимое орудие для капиталиста. — Но, во-вторых, для капиталиста эти 500 ф. ст. обменены на рабочую силу той же самой стоимости (соответственно цены). Рабочая сила производительно потребляется капиталистом в процессе труда. В конце пятой недели имеется вновь созданная стоимость в 1 000 ф. ст. Половина ее, 500 ф. ст., представляет собою воспроизведенную стоимость переменного капитала, затраченного на оплату рабочей силы. Другая половина, 500 ф. ст., составляет вновь произведенную прибавочную стоимость. Но та пятинедельная рабочая сила, в которую посредством обмена превращалась часть капитала, превращаясь тем самым в переменный капитал, точно так же расходовалась, потреблялась, хотя и производительно. Труд, действовавший вчера, не тот труд, который действует сегодня. Его

стоимость плюс созданная им прибавочная стоимость существует теперь как стоимость вещи, отличной от самой рабочей силы, как стоимость продукта. Но вследствие того, что продукт превращен в деньги, часть его стоимости, равная стоимости авансированного переменного капитала, снова может быть превращена в рабочую силу, а потому снова может функционировать как переменный капитал. То обстоятельство, что на капитальную стоимость, не только воспроизведенную, но и превращенную уже обратно в денежную форму, будут заняты те же самые рабочие, т. е. те же самые носители рабочей силы, не имеет никакого значения. Возможно, что во второй период оборота капиталист воспользуется новыми рабочими вместо прежних.

Следовательно, в 10 пятинедельных периодов оборота на заработную плату будет последовательно затрачен в действительности капитал в 5 000, а не в 500 ф. ст., и эта заработная плата снова будет израсходована рабочими на жизненные средства. Авансированный таким образом капитал в 5 000 ф. ст. потреблен. Его более не существует. С другой стороны, в процесс производства последовательно включается рабочая сила стоимостью не в 500, а в 5000 ф. ст.; она не только воспроизводит свою собственную стоимость, равную 5 000 ф. ст., но и производит избыток, прибавочную стоимость в 5 000 ф. ст. Переменный капитал в 500 ф. ст., авансируемый на второй период оборота, не тожествен с капиталом в 500 ф. ст., который был авансирован в первый период оборота. Последний потреблен, израсходован на заработную плату. Но он *возмещен* новым переменным капиталом в 500 ф. ст., который в первом периоде оборота был произведен в товарной форме и опять превращен в денежную форму. Следовательно, этот новый денежный капитал в 500 ф. ст. представляет собою денежную форму той массы товаров, которая была вновь произведена в первый период оборота. То обстоятельство, что в руках капиталиста опять находится точно такая же денежная сумма в 500 ф. ст., т. е. если прибавочную стоимость оставить в стороне, точно такое же количество денежного капитала, какое он первоначально авансировал, затушевывает тот факт, что капиталист оперирует вновь произведенным капиталом (что касается других составных частей стоимости товарного капитала, возмещающих элементы постоянного капитала, то их стоимость не производится вновь; изменяется только форма, в которой существует эта стоимость). — Возьмем третий период оборота. Здесь очевидно, что капитал в 500 ф. ст., авансированный в третий раз, — не старый, а вновь произведенный капитал, потому что он представляет собою денежную форму товарной массы, произведенной во второй, а не в первый период оборота, т. е. денежную форму той части этой товарной массы, стоимость которой равна стоимости авансированного переменного капитала. Товарная масса, произведенная в первый период оборота, продана. Часть ее

стоимости, равная переменной части стоимости авансированного капитала, была обменена на новую рабочую силу второго периода оборота и произвела новую массу товаров, которая в свою очередь была продана, и часть ее стоимости образует капитал в 500 ф. ст., авансируемый в третий период оборота.

И таким образом дело идет в продолжение десяти периодов оборота. В течение их вновь произведенные массы товаров (стоимость которых, поскольку она возмещает переменный капитал, тоже вновь производится, а не просто опять проявляется как стоимость постоянной оборотной части капитала) через каждые пять недель выбрасываются на рынок, и благодаря этому в процесс производства постоянно включается новая рабочая сила.

Следовательно, десятикратным оборотом авансированного переменного капитала в 500 ф. ст. достигается не то, что этот капитал в 500 ф. ст. может быть производительно потреблен десять раз, и не то, что переменный капитал, достаточный для пяти недель, может применяться в продолжение 50 недель. Напротив, за 50 недель будет применено переменного капитала 500 ф. ст. × 10, и капитала в 500 ф. ст. всегда будет доставать только на 5 недель, а по истечении пяти недель его придется возмещать вновь произведенным капиталом в 500 ф. ст. Это относится к капиталу *A* совершенно так же, как к капиталу *B*. Но отсюда начинается различие.

В конце первого пятинедельного периода капиталистом *B*, как и капиталистом *A*, авансирован и затрачен переменный капитал в 500 ф. ст. Как *B*, так и *A* превратили его стоимость в рабочую силу и возместили ее частью стоимости продукта, вновь произведенной этой рабочей силой, частью, которая равна стоимости авансированного переменного капитала в 500 ф. ст. Как для *B*, так и для *A*, рабочая сила не только возмещает стоимость израсходованного переменного капитала в 500 ф. ст. новой стоимостью на такую же сумму, но и присоединяет к ней прибавочную стоимость, — по нашему предположению прибавочную стоимость такой же величины.

Но та вновь созданная стоимость, которая возмещает авансированный переменный капитал и увеличивает его стоимость прибавочной стоимостью, находится у *B* не в той форме, в какой она снова может функционировать как производительный капитал, соответственно — как переменный капитал. У *A* она находится именно в такой форме. И до конца года переменный капитал, расходуемый *B* в первые пять недель и затем последовательно в каждые 5 недель, хотя он и возмещается вновь произведенной стоимостью плюс прибавочная стоимость, находится не в такой форме, в которой он снова может функционировать как производительный капитал, соответственно — переменный капитал. Хотя его *стоимость* возмещена новой стоимостью, следовательно возобновлена, но *форма* его стоимости (здесь абсолютная форма стоимости, ее денежная форма) не возобновлена.

Итак, для второго пятинедельного периода (и таким же образом последовательно для каждых пяти недель в продолжение года) совершенно так же должны быть в запасе дальнейшие 500 ф. ст., как для первого периода. Следовательно, если оставить в стороне кредитные отношения, в начале года должны быть в запасе 5 000 ф. ст. в качестве скрытого авансированного денежного капитала, хотя в действительности они будут расходоваться, лишь мало-помалу превращаться в рабочую силу в течение года.

Так как у *A*, напротив, кругооборот, оборот авансированного капитала, заканчивается уже по истечении 5 недель, то стоимость, служащая возмещением, уже по прошествии первых пяти недель находится в такой форме, в которой она может привести в движение новую рабочую силу на 5 недель; она находится в своей первоначальной, денежной форме.

Во второй пятинедельный период у *A*, как и у *B*, потребляется новая рабочая сила, и для оплаты этой рабочей силы расходуется новый капитал в 500 ф. ст. Жизненные средства рабочих, купленные на первые 500 ф. ст., потреблены, во всяком случае стоимость их исчезла из рук капиталиста. На вторые 500 ф. ст. покупается новая рабочая сила, новые жизненные средства извлекаются с рынка. Коротко говоря, расходуется новый капитал в 500 ф. ст., а не старый. Но у *A* этот новый капитал в 500 ф. ст. представляет собою денежную форму вновь произведенной стоимости, возмещающей ранее израсходованные 500 ф. ст. У *B* эта возмещающая стоимость находится в такой форме, в которой она не может функционировать как переменный капитал. Она имеется налицо, но не в форме переменного капитала. Поэтому для продолжения процесса производства в ближайшие пять недель должен иметься в наличии и должен быть авансирован добавочный капитал в 500 ф. ст. в неизбежной для данного случая денежной форме. Таким образом в продолжение 50 недель как *A*, так и *B* расходуют одинаковый по размерам переменный капитал, оплачивают и потребляют одинаковое количество рабочей силы. Но *B* должен оплатить ее, авансировав капитал, равный всей ее стоимости = 5 000 ф. ст., тогда как *A* оплачивает ее последовательно при помощи стоимости, постоянно возобновляемой в денежной форме, производимой в продолжение каждых пяти недель и возмещающей капитал в 500 ф. ст., авансируемый на каждые 5 недель. Следовательно, здесь никогда не авансируется денежного капитала более чем на 5 недель, т. е. никогда не авансируется капитал больший, чем 500 ф. ст., авансированные на первые пять недель. Этих 500 ф. ст. достаточно на весь год. Поэтому ясно, что при одинаковой степени эксплуатации труда, при одинаковой действительной норме прибавочной стоимости годовые нормы прибавочной стоимости у *A* и *B* должны находиться в обратном отношении к величинам переменных денежных капиталов, которые приходится

авансировать для того чтобы в течение года привести в движение одинаковую массу рабочей силы. A: $\frac{5\,000\,m}{500\,v} = 1000\%$ и B: $\frac{5\,000\,m}{5\,000\,v} = 100\%$. Но $500\,v : 5\,000\,v = 1 : 10 = 100\% : 1\,000\%$.

Различие вытекает из разницы периодов оборота, т. е. тех периодов, по истечении которых стоимость, возмещающая переменный капитал, примененный в определенный промежуток времени, снова может функционировать как капитал, следовательно как новый капитал. У *B*, как и у *A*, совершается то же самое возмещение стоимости переменного капитала, применявшегося в течение одних и тех же периодов. При этом происходит также одинаковое возрастание прибавочной стоимости за периоды одинаковой продолжительности. Но хотя у *B* и происходит каждые 5 недель возмещение стоимости в 500 ф. ст., да еще нарастает 500 ф. ст. прибавочной стоимости, однако стоимость, которая служит возмещением, еще не образует нового капитала, потому что она находится не в денежной форме. У *A* не только старая капитальная стоимость возмещается новой, но она восстанавливается при этом в своей денежной форме, следовательно она возмещается как новый способный к функционированию капитал.

Более раннее или более позднее превращение возмещающей стоимости в деньги, т. е. в такую форму, в которой авансируется переменный капитал, — это обстоятельство, очевидно, является совершенно безразличным для самого производства прибавочной стоимости. Последнее зависит от величины примененного переменного капитала и от степени эксплуатации труда. Но указанное обстоятельство изменяет величину того денежного капитала, который приходится авансировать, чтобы в течение года привести в движение определенное количество рабочей силы, и, следовательно, определяет годовую норму прибавочной стоимости.

III. ОБОРОТ ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА С ОБЩЕСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

Взглянем на минуту на дело с общественной точки зрения. Положим, что один рабочий стоит в неделю 1 ф. ст., рабочий день = 10 часам. У *A*, как и у *B*, занято в продолжение года 100 рабочих (100 ф. ст. в неделю на 100 рабочих составляет в 5 недель 500 ф. ст., а в 50 недель — 5 000 ф. ст.); они работают 6 дней в неделю, по 60 рабочих часов каждый. Следовательно, 100 рабочих проработают в неделю 6 000 рабочих часов, а в 50 недель 300 000 рабочих часов. Как *A*, так и *B* заняли эту рабочую силу, и, следовательно, она не может быть израсходована обществом ни на что другое. В этом отношении с общественной точки зрения дело обстоит одинаково как у *B*, так и у *A*. Далее, у *B*, как и у *A*, каждые 100 рабочих

получают в год 5 000 ф. ст. заработной платы (следовательно, все 200 рабочих получают вместе 10 000 ф. ст.) и берут у общества жизненные средства на эту сумму. И в этом отношении с общественной точки зрения дело опять обстоит одинаково как у *A*, так и у *B*. Так как в обоих случаях рабочие получают плату еженедельно, то они еженедельно берут у общества и жизненные средства, за которые они в обоих случаях еженедельно же бросают в обращение денежный эквивалент. Но отсюда начинается различие.

Во-первых. Деньги, которые бросает в обращение рабочий *A*, представляют собою не только денежную форму стоимости его рабочей силы, как для рабочего *B* (в действительности средство платежа за уже исполненную работу); уже со второго периода оборота, считая с открытия предприятия, они представляют собою денежную форму *вновь созданной им самим стоимости* (= цене рабочей силы плюс прибавочная стоимость), произведенной в первый период оборота; этой стоимостью оплачивается его труд в продолжение второго периода оборота. У *B* дело обстоит иначе. Хотя по отношению к рабочему деньги и здесь являются средством платежа за уже произведенную им работу, но этот уже выполненный труд оплачивается не вновь созданной им стоимостью, превратившейся в деньги (не денежной формой стоимости, произведенной этим самым трудом). Такой источник оплаты может открыться только со второго года, когда рабочий *B* оплачивается произведенной за прошлый год стоимостью, превращенною в деньги.

Чем короче период оборота капитала, — чем короче поэтому промежутки, через которые в продолжение года происходит его воспроизводство, — тем быстрее переменная часть капитала, первоначально авансированная капиталистом в денежной форме, превращается в денежную форму той вновь произведенной стоимости (она сверх того заключает в себе прибавочную стоимость), которая создана рабочим в возмещение этого переменного капитала; следовательно, тем короче время, на которое капиталист должен авансировать деньги из своего собственного фонда, тем меньше, сравнительно с данными размерами производства, тот капитал, который он вообще авансирует, и тем относительно больше та масса прибавочной стоимости, которую он, при данной норме ее, выколачивает в течение года. Причина заключается в том, что капиталист тем чаще может снова покупать рабочего на денежную форму созданной самим рабочим стоимости, тем чаще может снова приводить в движение его труд.

При данных размерах производства абсолютная величина авансируемого переменного денежного капитала (как и вообще оборотного капитала) уменьшается, а годовая норма прибавочной стоимости возрастает пропорционально сокращению периода оборота. При данной величине авансированного капитала размеры производства, а потому при данной норме прибавочной стоимости

ее абсолютная масса, производимая в продолжение одного периода оборота, возрастают одновременно с повышением годовой нормы прибавочной стоимости, повышением, которое вызывается сокращением периодов воспроизводства. Вообще в результате предшествующего исследования оказывается, что соответственно различной продолжительности периода оборота приходится авансировать денежный капитал очень различной величины для того чтобы при одной и той же степени эксплуатации труда приводить в движение одинаковую массу производительного оборотного капитала и одинаковую массу труда.

Во-вторых, — и это связано с первым различием, — рабочий капиталиста *B*, как и *A*, платит за покупаемые им жизненные средства переменным капиталом, который превращается в его руках в средства обращения. Он не только, напр., берет с рынка пшеницу, но и возмещает ее эквивалентом в деньгах. Но так как деньги, которыми рабочий *B* оплачивает свои жизненные средства, получаемые с рынка, не представляют собою денежной формы вновь созданной стоимости, выбрасываемой им на рынок в течение года, как у рабочего *A*, то хотя он и доставляет деньги продавцу жизненных средств, но не доставляет никаких товаров, — ни средств производства, ни средств к жизни, — которые тот мог бы купить на вырученные деньги, как это происходит, напротив, в случае с рабочим *A*. Поэтому с рынка будут взяты: рабочая сила, жизненные средства для этой рабочей силы, основной капитал в форме средств труда, применяемых капиталистом *B*, производственные материалы, и в возмещение всего этого на рынок будет выброшен эквивалент в виде денег; но в продолжение года на рынок не выбрасывается никакого продукта, который возместил бы взятые с рынка вещественные элементы производительного капитала. Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то прежде всего совершенно отпадает денежный капитал, следовательно отпадают и все те маскировки сделок, которые благодаря ему возникают. Дело сводится просто к тому, что общество наперед должно рассчитать, сколько труда, средств производства и жизненных средств оно может без всякого ущерба тратить на такие отрасли производства, которые, как, напр., постройка железных дорог, долгое время, год или более, не доставляют ни средств производства, ни жизненных средств и вообще не дают какого-либо полезного эффекта, но, конечно, отнимают от всего годового производства и труд, и средства производства, и жизненные средства. Напротив, в капиталистическом обществе, где общественный разум всегда заявляет о себе только post festum, могут и должны постоянно происходить крупные нарушения. С одной стороны, происходит давление на денежный рынок; между тем, как, наоборот, хорошее состояние денежного рынка вызывает в свою очередь массу таких предприятий, следовательно

создает именно такие условия, которые впоследствии приводят к давлению на денежный рынок. Денежный рынок испытывает давление, потому что при этом постоянно требуется авансирование денежного капитала в более крупном масштабе на продолжительное время. Мы уже совершенно не говорим о том, что промышленники и купцы бросают на железнодорожные и т. п. спекуляции денежный капитал, необходимый им для ведения собственных предприятий, и возмещают его путем займов на денежном рынке.— С другой стороны, испытывает напряжение производительный капитал, находящийся в распоряжении общества. Так как элементы производительного капитала постоянно извлекаются с рынка и взамен их на рынок выбрасывается только денежный эквивалент, то возрастает платежеспособный спрос, который, однако, не содержит в себе никаких элементов предложения. Отсюда возрастание цен как на жизненные средства, так и на производственные материалы. К тому же обычно в такое время развивается ажиотаж, и происходит значительное перемещение капитала. Шайка спекулянтов, подрядчиков, инженеров, адвокатов и пр. обогащается. Они создают на рынке усиленный спрос на предметы потребления, вместе с тем повышается заработная плата. Что касается спроса на предметы питания, то этим, конечно, дается сильный толчок и сельскому хозяйству. Но так как количество предметов питания нельзя увеличить вдруг, в продолжение одного года, то возрастает их ввоз, как и вообще ввоз заграничных продовольственных продуктов (кофе, сахара, вина и пр.) и предметов роскоши. В результате получается чрезмерный ввоз и спекуляция в этой части импортной торговли. С другой стороны, в тех отраслях промышленности, в которых производство можно быстро расширить (собственно мануфактурная промышленность, горное дело и пр.), повышение цен приводит к внезапному расширению, за которым вскоре следует крах. То же самое воздействие оказывается на рабочий рынок, что привлекает к новым отраслям производства широкие массы скрытого относительного перенаселения и даже уже занятых рабочих. Вообще такие крупные предприятия, как железные дороги, отнимают у рабочего рынка известное число сил, доставить которые могут лишь некоторые отрасли, например сельское хозяйство, где находят себе применение исключительно сильные парни. Это явление имеет место и после того, как новые предприятия сделались уже постоянной отраслью производства, а потому уже образовался необходимый для этих предприятий слой бродячих рабочих, например, как только железнодорожное строительство вдруг начинает проводиться в более крупном масштабе, чем средний. Тогда поглощается часть резервной армии рабочих, давление которой понижало заработную плату. В таком случае происходит общее повышение заработной платы, — даже в тех частях рабочего рынка, где рабочие и раньше легко находили себе занятие.

Это продолжается до тех пор, пока неизбежный крах снова не освобождает резервную армию рабочих; тогда заработная плата снова понижается до своего минимума и ниже[32].

Поскольку бо́льшая или меньшая продолжительность периода оборота зависит от рабочего периода в собственном смысле, т. е. от периода, который требуется, чтобы изготовить продукт для рынка, она основывается на материальных условиях производства, вполне определенных для различных вложений капитала. Эти условия в земледелии имеют более характер естественных условий производства, а в мануфактуре и в большей части добывающей промышленности изменяются параллельно с общественным развитием самого процесса производства.

Поскольку продолжительность рабочего периода определяется размером доставляемых товарных масс (количественным размером, в котором продукт обыкновенно выбрасывается на рынок в виде товара), она имеет условный характер. Но материальным базисом самой этой условности служит масштаб производства, а потому она случайна, лишь рассматриваемая в отдельности.

Наконец, поскольку продолжительность периода оборота зависит от продолжительности периода обращения, она отчасти обусловливается постоянным изменением рыночных конъюнктур, большей или меньшей легкостью продажи и вытекающей из этого необходимостью частично выбрасывать продукт на более близкий или на более отдаленный рынок. Если отвлечься от размеров спроса вообще, то движение цен играет здесь главную роль: при понижении цен продажа намеренно ограничивается, между тем как производство идет попрежнему; напротив, при повышении цен производство и продажа не отстают друг от друга или товар может быть запродан даже вперед. Однако собственно материальным базисом следует считать действительное расстояние места производства от рынка сбыта.

Например, английская хлопчатобумажная ткань или пряжа продается в Индию. Положим, что экспортер платит английскому хлопчатобумажному фабриканту (он охотно делает это только при

---

[32] В рукописи здесь вставлена следующая заметка с тем, чтобы развить ее позже: «Противоречие в капиталистическом способе производства: рабочие, как покупатели товара, важны для рынка. Но капиталистическое общество имеет тенденцию ограничить их минимумом цены как продавцов их товара — рабочей силы. Дальнейшее противоречие: те периоды [die Epochen], в которые капиталистическое производство напрягает все свои силы, оказываются, как правило, периодами перепроизводства, так как производственные возможности никогда не могут быть применены таким образом, чтобы благодаря этому можно было не только произвести, но и реализовать больше стоимости; но продажа товаров, реализация товарного капитала, а следовательно и прибавочной стоимости, ограничена не потребительными нуждами общества вообще, а потребительными нуждами такого общества, огромное большинство которого всегда бедно и вынуждено постоянно оставаться бедным. Однако это относится только к следующему отделу».

хорошем состоянии денежного рынка. Но если фабрикант сам возмещает свой денежный капитал при помощи кредитных операций, то дело идет не так гладко). Экспортер продает впоследствии свой хлопчатобумажный товар на индийском рынке, откуда к нему возвращается авансированный им капитал. До момента этого возвращения дело обстоит совершенно так, как в том случае, когда продолжительность рабочего периода делает необходимым авансирование нового денежного капитала, чтобы поддерживать процесс производства в прежнем масштабе. Денежный капитал, которым фабрикант платит своим рабочим, а также возобновляет остальные элементы своего оборотного капитала, не представляет собою денежной формы произведенной им пряжи. Это будет иметь место лишь в том случае, если стоимость этой пряжи возвратится в Англию в виде денег или продукта. Этот денежный капитал, как и раньше, является дополнительным денежным капиталом. Различие только в том, что вместо фабриканта его авансирует купец, который, может быть, в свою очередь получил его посредством кредитных операций. Точно так же, прежде чем эти деньги выбрасываются на рынок или одновременно с этим, на английский рынок не выбрасывается дополнительного продукта, который может быть куплен на эти деньги и войти в сферу производительного или личного потребления. Если такое положение удерживается на долгое время и в сравнительно крупном масштабе, то оно должно повлечь за собою такие же последствия, как раньше вело за собою удлинение рабочего периода.

Возможно, что в самой Индии пряжа опять-таки продается в кредит. На этот кредит в Индии покупается продукт и в виде уплаты высылается в Англию или переводится вексель на соответствующую сумму. Если такое состояние затянется, то оно произведет давление на индийский денежный рынок, а это отразится в Англии таким образом, что может вызвать здесь кризис. В свою очередь кризис, даже если он сопровождается вывозом благородных металлов в Индию, вызывает в этой стране новый кризис вследствие банкротства английских торговых домов и их индийских отделений, которые пользовались кредитом в индийских банках. Так возникает одновременный кризис как на том рынке, *против* которого оказывается торговый баланс, так и на том рынке, *в пользу* которого он оказывается. Это явление может быть еще более сложным. Например, Англия отправила в Индию серебро в слитках, но английские кредиторы Индии предъявляют там теперь свои требования, и Индия должна будет в скором времени послать свои серебряные слитки обратно в Англию.

Возможно, что экспортная торговля в Индию и импортная торговля Индии приблизительно уравновешиваются, хотя последняя (исключая особенные обстоятельства, как вздорожание хлопка и т. д.) по своим размерам определяется и стимулируется первою.

Торговый баланс между Англией и Индией может казаться уравновешенным или обнаруживать лишь незначительные колебания в ту или другую сторону. Но как только в Англии разражается кризис, обнаруживается, что хлопчатобумажные товары лежат в индийских складах непроданными (они, следовательно, не превратились из товарного капитала в денежный капитал — перепроизводство с этой стороны), а, с другой стороны, оказывается, что в Англии не только лежат непроданными запасы индийских продуктов, но что бо̀льшая часть проданных и потребленных запасов еще совершенно не оплачена. Поэтому то, что представляется кризисом на денежном рынке, в действительности выражает аномалии в самом процессе производства и воспроизводства.

В-третьих. Что касается самого примененного оборотного капитала (переменного и постоянного), то продолжительность периода оборота, поскольку она зависит от продолжительности рабочего периода, приводит к следующему различию: при нескольких оборотах в продолжение года элемент переменного или постоянного оборотного капитала может быть доставлен продуктом этого самого капитала, как, напр., в углепромышленности, в мастерских готового платья и т. д. В ином случае это невозможно, по крайней мере невозможно в течение года.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ОБРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Мы видели здесь, что различие в периоде оборота вызывает различие в годовой норме прибавочной стоимости даже при неизменных массах ежегодно производимой прибавочной стоимости.

Но, далее, с необходимостью возникает различие в капитализации прибавочной стоимости, *в накоплении,* и постольку, при одинаковой норме прибавочной стоимости, различие в ее массе, производимой в продолжение года.

Отметим прежде всего, что капитал *A* (в примере предыдущей главы) дает периодический текущий доход, следовательно, за исключением периода оборота в самом начале дела, капиталист покрывает свое собственное потребление в течение года из своего производства прибавочной стоимости, ему не приходится делать для этого авансирования из собственного фонда. Напротив, последнее имеет место по отношению к капиталу *B*. Хотя в одни и те же периоды времени он производит столько же прибавочной стоимости, как и *A*, но его прибавочная стоимость не реализована, и потому она не может быть потреблена ни индивидуально, ни производительно. Поскольку дело касается личного потребления, прибавочная стоимость просто предвосхищается. Для этого потребления должен быть авансирован особый фонд.

Часть производительного капитала, которую трудно подвести под определенную рубрику, именно добавочный капитал, необходимый для ремонта и содержания в исправности основного капитала, тоже выступает теперь в новом свете.

У *A* эта часть капитала при начале производства не авансируется ни целиком, ни в большей своей части. Капиталисту не надо иметь ее в распоряжении, он может даже совсем не иметь ее. Она возникает из самого дела путем непосредственного превращения прибавочной стоимости в капитал, т. е. путем прямого применения ее в качестве капитала. Часть прибавочной стоимости, не только периодически производимой, но и реализуемой в течение года, может покрывать расходы, необходимые для ремонта и т. д. Таким образом часть капитала, необходимого для ведения дела в его первоначальном масштабе, создается, пока предприятие в ходу, им же самим,

посредством капитализации некоторой части прибавочной стоимости. Для капиталиста *B* это невозможно. Часть капитала, о которой идет речь, должна составлять у него часть первоначально авансируемого капитала. В обоих случаях эта часть капитала будет фигурировать в книгах капиталиста как авансированный капитал, чем она и является в действительности, так как, по нашему предположению, она составляет часть производительного капитала, необходимого для ведения дела в данном масштабе. Но огромное различие в том, из какого фонда она авансируется. У *B* она действительно составляет часть первоначально авансируемого капитала или капитала, который должен иметься в распоряжении. Напротив, у *A* она составляет часть прибавочной стоимости, применяемой в качестве капитала. Этот последний случай показывает нам, как не только накопленный капитал, но и часть первоначально авансируемого капитала может быть просто капитализированной прибавочной стоимостью.

С развитием кредита отношение первоначально авансированного капитала и капитализированной прибавочной стоимости становится еще более запутанным. Например, *A* занимает у банкира *C* часть производительного капитала, с которым он начинает или продолжает дело в течение года. Вначале у него нет собственного капитала, достаточного для ведения дела. Банкир *C* ссужает его суммой, которая состоит исключительно из прибавочной стоимости, положенной в банк предпринимателями *D*, *E*, *F* и т. д. С точки зрения *A* при этом еще и речи нет о накопленном капитале. Но в действительности для *D*, *E*, *F* и т. д. *A* есть не что иное, как агент, капитализирующий присвоенную ими прибавочную стоимость.

В книге I, гл. XXII, мы видели, что накопление, превращение прибавочной стоимости в капитал, по своему реальному содержанию есть процесс воспроизводства в расширенном масштабе, выражается ли такое расширение экстенсивно, в виде прибавления новых фабрик к старым, или в интенсивном увеличении прежнего масштаба производства.

Расширение размеров производства может совершаться понемногу, в тех случаях, когда часть прибавочной стоимости употребляется на такие улучшения, которые или только повышают производительную силу применяемого труда, или вместе с тем позволяют эксплуатировать его более интенсивно. Или же, — в тех случаях, когда рабочий день не ограничен законом, — для расширения размеров производства достаточно дополнительной затраты оборотного капитала (на производственные материалы и заработную плату) без увеличения основного капитала, ежедневное время употребления которого, таким образом, только удлиняется, между тем как период его оборота делается соответственно короче. Или, при благоприятной конъюнктуре рынка, капитализированная прибавочная стоимость дает возможность спекулировать на сырье,

совершать такие операции, для которых первоначально авансированного капитала было бы недостаточно, и т. д.

Между тем ясно, что там, где сравнительно большое число периодов оборота ведет за собой более частую реализацию прибавочной стоимости в продолжение года, должны наступать периоды, когда нельзя будет ни удлинять рабочий день, ни вводить частичные улучшения; с другой стороны, пропорциональное расширение всего предприятия возможно только в известных, более или менее тесных пределах, обусловливаемых отчасти общим характером предприятия, напр. зданий, ⟨отчасти размерами обрабатываемого поля, как в сельском хозяйстве⟩; притом для этого требуется столь значительный дополнительный капитал, что его может доставить лишь многолетнее накопление прибавочной стоимости.

Итак, наряду с действительным накоплением, или превращением прибавочной стоимости в производительный капитал (и соответственным воспроизводством в расширенном масштабе), происходит накопление денег, собирание части прибавочной стоимости в виде скрытого денежного капитала, который только впоследствии, когда он достигнет известной величины, будет функционировать как дополнительный активный капитал.

Так представляется дело с точки зрения отдельного капиталиста. Однако с развитием капиталистического производства развивается в то же время система кредита. Денежный капитал, который капиталист еще не может применить в своем собственном деле, применяется другим, который уплачивает за это проценты. Капитал этот функционирует для своего собственника как денежный капитал в специфическом смысле, как особый вид капитала, отличный от производительного капитала. Но он действует как капитал в руках другого. Ясно, что при более частой реализации прибавочной стоимости и при увеличении масштаба, в котором она производится, возрастает та пропорция, в которой новый денежный капитал, или деньги в виде капитала, выбрасывается на денежный рынок, а отсюда, по крайней мере в своей большей части, поглощается расширением производства.

Простейшая форма, которую может принять этот дополнительный скрытый денежный капитал, есть форма сокровища. Возможно, что это сокровище представляет собою дополнительное золото или серебро, полученное прямо или косвенно при обмене со странами, производящими благородные металлы. И только таким способом денежное сокровище в стране возрастает абсолютно. С другой стороны, возможно — и таково большинство случаев, — что такое сокровище представляет собою не что иное, как деньги, изъятые из обращения внутри страны и принявшие форму сокровища в руках отдельных капиталистов. Возможно далее, что этот скрытый денежный капитал заключается просто в знаках стоимости — кредитные деньги мы все еще оставляем в стороне — или в простых,

подтвержденных законными документами притязаниях (юридических титулах) капиталистов к третьим лицам. Во всех этих случаях, какова бы ни была форма существования этого дополнительного денежного капитала, поскольку он является капиталом in spe [в перспективе], он представляет собою не что иное, как дополнительный, сохраняемый про запас, юридический титул капиталиста на будущее дополнительное годовое производство общества.

«Таким образом масса действительно накопленного богатства, рассматриваемая с количественной стороны..., совсем незначительна по сравнению с производительными силами общества, которому оно принадлежит, на какой бы ступени цивилизации ни находилось бы общество, или даже по сравнению с действительным потреблением этого самого общества в продолжение только немногих лет; настолько незначительна, что главное внимание законодателей и экономистов должно бы направляться на производительные силы и на их будущее свободное развитие, а не так, как это было до сих пор — на одно только накопленное богатство, которое бросается в глаза, как это было до настоящего времени. Несравненно бо̀льшая часть так называемого накопленного богатства только номинальна и состоит не из действительных предметов, кораблей, домов, хлопчатобумажных товаров, мелиораций, а из одних только юридических титулов, из притязаний на будущие годовые производительные силы общества, из юридических титулов, порожденных и увековеченных благодаря средствам и учреждениям, свойственным состоянию необеспеченности... Пользование такими предметами (накопленными физическими вещами, или действительным богатством) как простым средством, которое служит их владельцам для того чтобы присваивать себе богатство, которое еще должно быть создано будущими производительными силами общества, это пользование было бы отнято у них естественными законами распределения постепенно, без применения силы; при поддержке кооперативного труда (co-operative labour) оно было бы отнято у них в течение немногих лет» (William Thompson: «Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth». London 1850, стр. 453. Первое издание этой книги появилось в 1824 г.).

«Немногие задумываются над тем, а большинство совершенно не подозревает, как ничтожно и по величине и по своему влиянию фактическое накопление общества по сравнению с производительными силами человечества, даже с обычным потреблением одного поколения в продолжение немногих лет. Причина очевидна, но влияние очень пагубно. Богатство, потребляемое ежегодно, исчезает вместе с потреблением, оно находится перед глазами только одно мгновение и производит впечатление только пока им наслаждаются или пока его потребляют. Но часть богатства, потребляемая лишь медленно: мебель, машины, здания, стоит перед нашими глазами с нашего детства и до старости прочными памятниками

человеческих усилий. Вследствие обладания этой устойчивой, прочной, лишь медленно потребляемой частью общественного богатства — землей и сырыми материалами, к которым прилагается труд, и орудиями, которыми выполняется труд, домами, которые служат кровом во время работы, — вследствие такого обладания собственники этих предметов в своих личных выгодах овладевают годичными производительными силами всех действительно производительных работников общества, как бы ни были незначительны эти предметы по сравнению с постоянно возобновляемыми продуктами этого труда. Население Британии и Ирландии равно 20 миллионам; среднее потребление каждого человека — мужчины, женщины и ребенка — составляет, вероятно, около 20 ф. ст.; ежегодно потребляемый продукт труда составляет поэтому богатство приблизительно в 400 миллионов ф. ст. Общая сумма накопленного капитала в этих странах расценивается как не превышающая 1 200 миллионов, или утроенного годового продукта труда; разделяя поровну, получим 60 ф. ст. капитала на человека; здесь для нас важно скорее отношение, чем более или менее точный абсолютный итог этих предположительных сумм. Процентов со всего этого капитала было бы достаточно для того чтобы содержать все население при его современном уровне жизни около двух месяцев в году, а самого накопленного капитала (если бы нашлись на него покупатели) достало бы на содержание этого населения без труда в продолжение трех лет! По прошествии этого времени, лишенные жилищ, платья и пищи, люди должны были бы погибнуть с голоду или же сделаться рабами тех, кто содержал их в продолжение трех лет. Как 3 года относятся к продолжительности жизни одного здорового поколения, скажем, к 40 годам, так относится величина и значение действительного богатства, накопленный капитал даже самой богатой страны к ее производительной силе, к производительным силам одного только поколения людей; не к тому, что они могли бы произвести при разумном порядке, при одинаковой для всех обеспеченности и в особенности при кооперативном труде, а к тому, что они действительно абсолютно производят при несовершенном порядке, при общей необеспеченности, лишающей бодрости духа!.. И для того чтобы сохранить и увековечить в своем настоящем состоянии вынужденного разделения эту кажущуюся огромной массу имеющегося в наличии капитала или, лучше сказать, чтобы сохранить и увековечить приобретаемое при ее посредстве распоряжение продуктом годового труда и монополию на него, должен быть увековечен весь чудовищный механизм, со своими пороками, преступлениями и страданиями необеспеченности. Ничто не может быть накоплено, пока не будут удовлетворены необходимые потребности, а великий поток человеческих стремлений ищет удовлетворения; этим объясняется относительная незначительность суммы действительного

богатства общества в каждый данный момент. Это — вечный кругооборот производства и потребления. При такой громадной массе годового производства и потребления дело едва ли могло обойтись без горсточки действительного накопления; и, однако, главное внимание было устремлено не на массу производительных сил, а на эту горсточку накопления. Но немногие захватили эту горсточку и превратили ее в орудие присвоения продуктов труда, постоянно из года в год возобновляемых подавляющей массой людей. Этим объясняется чрезвычайная важность такого орудия для этих немногих... Около трети национального годового продукта отнимается теперь у производителей под именем общественных налогов и потребляется непроизводительно людьми, которые не дают за это никакого эквивалента, т. е. такого, который имел бы значение эквивалента для производителей... Толпа изумленно смотрит на накопленные массы, особенно если они сосредоточены в руках немногих. Но ежегодно производимые массы, как вечные, неисчислимые волны могучего потока, катятся мимо и теряются безвозвратно в океане потребления. И, однако, это вечное потребление обусловливает не только все наслаждения, но и существование всего человеческого рода. Количество этого годового продукта и его распределение прежде всего должны сделаться предметом исследования. Действительное накопление имеет совершенно второстепенное значение, да и это значение оно получает почти исключительно вследствие своего влияния на распределение годового продукта... Действительное накопление и распределение постоянно рассматриваются здесь (в сочинении Томпсона) по отношению к производительным силам и в зависимости от них. Почти во всех других системах производительная сила рассматривалась в ее отношении к накоплению и увековечению существующего способа распределения, как подчиненная им. По сравнению с сохранением этого существующего способа распределения постоянно возобновляющаяся нищета или благосостояние всего человеческого рода считается не заслуживающей внимания. Увековечение результатов насилия, обмана и случайностей — это назвали безопасностью; и для сохранения этой мнимой безопасности безжалостно приносятся в жертву все производительные силы человечества» (там же, стр. 440—443).

Возможны только два нормальные случая воспроизводства, если оставить в стороне те нарушения, которые затрудняют даже воспроизводство в прежнем масштабе.

Или совершается простое воспроизводство.

Или совершается капитализация прибавочной стоимости, накопление.

I. ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО.

При простом воспроизводстве прибавочная стоимость, производимая и реализуемая ежегодно или — при нескольких оборотах — периодически в течение года, потребляется индивидуально, т. е. непроизводительно, ее собственниками, капиталистами.

То обстоятельство, что стоимость продукта состоит отчасти из прибавочной стоимости, отчасти из той доли стоимости, которая создается воспроизведенным в продукте переменным капиталом плюс потребленный на продукт постоянный капитал, — это обстоятельство абсолютно ничего не изменяет ни в количестве, ни в стоимости всего продукта, который постоянно поступает в обращение в виде товарного капитала и точно так же постоянно извлекается из него для производительного или личного потребления, т. е. для того чтобы служить средством производства или предметом потребления. Если постоянный капитал оставить в стороне, то это обстоятельство оказывает влияние только на распределение годового продукта между рабочими и капиталистами.

Поэтому даже при простом воспроизводстве часть прибавочной стоимости должна постоянно находиться в виде денег, а не в виде продукта, так как в противном случае ее нельзя превратить из денег в продукт, служащий для потребления. Мы должны исследовать здесь с большей обстоятельностью это превращение прибавочной стоимости из ее первоначальной товарной формы в деньги. Для упрощения дела представим задачу в самой простой форме, именно предположим обращение исключительно металлических денег, т. е. денег, представляющих собою действительный эквивалент.

Согласно законам простого товарного обращения, изложенным раньше (книга I, гл. III), масса имеющихся в стране металлических денег должна быть достаточной не только для обращения товаров. Она должна быть достаточной и при колебаниях в денежном обращении, которые вытекают отчасти из непостоянства в быстроте обращения, отчасти из изменения цен товаров, отчасти зависят от тех различных и меняющихся пропорций, в которых деньги функционируют как средство платежа или как средство обращения в собственном смысле. Отношение, в котором имеющееся количество денег распадается на сокровище и на обращающиеся деньги, постоянно изменяется, но общая масса денег всегда равна сумме денег, имеющихся и в виде сокровища и в виде обращающихся денег. Эта масса денег (масса благородного металла) представляет собою постепенно накопленное сокровище общества. Поскольку часть этого сокровища уничтожается вследствие снашивания, она должна ежегодно возмещаться, как и всякий другой продукт. Это совершается в действительности посредством прямого или косвенного обмена части годового продукта страны на продукт стран,

производящих золото и серебро. Однако такой интернациональный характер сделки скрывает ее простоту. Поэтому, чтобы привести проблему к ее простейшему и наиболее ясному выражению, следует предположить, что производство золота и серебра происходит в самой стране и, таким образом, составляет часть всего общественного производства каждой страны.

Если оставить в стороне золото и серебро, производимые для предметов роскоши, то минимум ежегодного производства их должен равняться снашиванию денежного металла, происходящему при ежегодном обращении денег. Далее: если возрастает сумма стоимости ежегодно производимой и обращающейся массы товаров, то должно возрастать и годовое производство золота и серебра, поскольку возросшая сумма стоимости обращающихся товаров и количество денег, необходимое для их обращения (и для образования соответствующего сокровища), не компенсируются большей быстротой обращения денег и более широким функционированием денег как средства платежа, т. е. более частым взаимным погашением платежей по покупкам и продажам без участия действительных денег.

Следовательно, часть общественной рабочей силы и часть общественных средств производства должна ежегодно затрачиваться на производство золота и серебра.

Так как мы предполагаем здесь простое воспроизводство, то капиталисты, занимающиеся добыванием золота и серебра, ограничивают свое производство пределами среднего годового снашивания и обусловленного им среднего годового потребления золота и серебра; свою прибавочную стоимость, которую они, по нашему предположению, потребляют ежегодно, ничего не капитализируя из нее, они бросают в обращение прямо в денежной форме, которая является здесь натуральной, а не превращенной формой продукта, как в других отраслях производства.

Далее, что касается заработной платы — денежной формы, в которой авансируется переменный капитал, — то здесь и она возмещается не посредством продажи продукта, не посредством его превращения в деньги, а самим продуктом, натуральной формой которого с самого начала является денежная форма.

Наконец, то же самое происходит и с той частью продукта — благородного металла, — которая равна стоимости периодически потребляемого постоянного капитала — как постоянного оборотного, так и постоянного основного капитала, потребляемого в продолжение года.

Рассмотрим кругооборот, соответственно оборот капитала, вложенного в производство благородных металлов, прежде всего в форме *Д — Т...П...Д'*. Поскольку *Т* в *Д — Т* состоит не только из рабочей силы и средств производства, а также из основного капитала, лишь часть стоимости которого потребляется в *П*, то

ясно, что *Д'* — продукт — есть денежная сумма, равная переменному капиталу, израсходованному на заработную плату, плюс оборотный постоянный капитал, израсходованный на средства производства, плюс часть стоимости, соответствующая снашиванию основного капитала, плюс прибавочная стоимость. Если бы при неизменности общей стоимости золота эта сумма была меньше, то или это означало бы, что постановка данных золотых промыслов непроизводительна, или же — если это явление приобретает всеобщий характер — стоимость золота сравнительно с товарами, стоимость которых не изменяется, в будущем возросла бы, т. е. цены товаров упали бы; следовательно, в будущем денежная сумма, расходуемая в акте *Д — Т*, стала бы меньше.

Рассматривая прежде всего только оборотную часть капитала, авансируемого в *Д*, исходном пункте *Д — Т...П...Д'*, мы видим, что определенная денежная сумма авансируется, бросается в обращение на оплату рабочей силы и на покупку производственных материалов. Но кругооборотом *этого* капитала она не будет опять извлечена из обращения для того, чтобы снова быть выброшенной в него. Продукт является деньгами уже в своей натуральной форме, следовательно ему не приходится превращаться в деньги посредством обмена, посредством процесса обращения. Из процесса производства в сферу обращения он вступает не в форме товарного капитала, который должен превратиться обратно в денежный капитал, а как денежный капитал, который должен превратиться обратно в производительный капитал, т. е. должен снова покупать рабочую силу и производственные материалы. Денежная форма оборотного капитала, употребляемого на рабочую силу и на средства производства, возмещается не посредством продажи продукта, а натуральной формой самого продукта; следовательно, не путем обратного извлечения из обращения ее стоимости в денежной форме, а посредством добавочных, вновь произведенных денег.

Предположим, что этот оборотный капитал = 500 ф. ст., период оборота = 5 неделям, рабочий период = 4 неделям, период обращения = только 1 неделе. Деньги с самого начала отчасти должны быть авансированы на 5 недель на производственный запас, отчасти должны сами оставаться в запасе для того чтобы постепенно выплачивать из них заработную плату. В начале 6-й недели возвращаются 400 ф. ст. и высвобождаются 100 ф. ст. Это повторяется постоянно. Здесь, как и раньше, в продолжение некоторого времени оборота 100 ф. ст. постоянно будут находиться в форме высвободившихся денег. Но совершенно так же, как 400 ф. ст., они состоят из добавочных вновь произведенных денег. Мы имеем в нашем случае 10 оборотов в год и произведенный годовой продукт = 5 000 ф. ст. золотом. (Период обращения образуется здесь не из того времени, которого требует превращение товара в деньги, но из того, какое требуется для превращения денег в элементы производства.)

Для всякого другого капитала в 500 ф. ст., который оборачивается при таких же условиях, постоянно возобновляемая денежная форма есть превращенная форма произведенного товарного капитала, который через каждые 4 недели выбрасывается в обращение и постоянно посредством продажи, — следовательно, посредством периодического извлечения такого количества денег, какое первоначально вступило в процесс, — снова приобретает форму денег. Напротив, здесь в каждый период оборота из самого процесса производства выбрасывается в обращение новая добавочная сумма денег в 500 ф. ст., чтобы постоянно извлекать из обращения производственные материалы и рабочую силу. Эти бросаемые в обращение деньги потом уже не извлекаются из него кругооборотом этого же капитала, а, напротив, постоянно увеличиваются за счет вновь производимых масс золота.

Если мы рассмотрим переменную часть этого оборотного капитала и предположим, как и выше, что она равна 100 ф. ст., то при обыкновенном товарном производстве этих 100 ф. ст. при десяти оборотах в год было бы достаточно для того чтобы постоянно оплачивать рабочую силу. Здесь, в производстве золота, будет достаточно такой же суммы, но возвращающиеся 100 ф. ст., которыми каждые 5 недель оплачивается рабочая сила, представляют собою не превращенную форму продукта этой рабочей силы, а часть самого этого постоянно возобновляемого продукта. Золотопромышленник платит своим рабочим прямо частью золота, произведенного ими самими. Таким образом 1000 ф. ст., ежегодно расходуемые на рабочую силу и бросаемые в обращение рабочими, не возвращаются посредством обращения к своему исходному пункту.

Далее, что касается основного капитала, то при первом оборудовании предприятия требуется затрата относительно крупного денежного капитала, который, таким образом, выбрасывается в обращение. Как всякий основной капитал, он возвращается только по частям в продолжение нескольких лет. Но он возвращается в качестве непосредственной доли продукта, золота, не посредством продажи продукта, превращения его благодаря этому в деньги. Следовательно, он постепенно приобретает свою денежную форму не посредством извлечения денег из обращения, а посредством накопления соответствующей части продукта. Восстановленный таким образом денежный капитал не есть денежная сумма, постепенно извлекавшаяся из обращения на покрытие той денежной суммы, которая в самом начале была брошена в обращение на приобретение основного капитала. Это — дополнительное количество денег.

Наконец, что касается прибавочной стоимости, то она равна, в свою очередь, той части нового продукта, золота, которая в каждый новый период оборота выбрасывается в обращение, чтобы, согласно нашему предположению, расходоваться непроизводительно, пойти на оплату жизненных средств и предметов роскоши.

Но, согласно нашему предположению, все это годовое производство золота, постоянно извлекающее с рынка рабочую силу и производственные материалы, но не извлекающее с него денег, а снова и снова снабжающее его дополнительными деньгами, — это производство золота только возмещает деньги, снашиваемые в продолжение года, следовательно содействует лишь тому, чтобы в обществе не уменьшалось то количество денег, которое постоянно, хотя и в изменчивых пропорциях, существует в двух формах: в форме сокровища и в форме денег, находящихся в обращении.

По закону товарного обращения общая масса денег должна быть равна массе денег, требующихся для обращения, плюс количество денег, находящихся в форме сокровища; последнее увеличивается или уменьшается в зависимости от сокращения или расширения обращения; оно же служит и для образования необходимого резервного фонда средств платежа. Стоимость товаров должна быть оплачена деньгами, поскольку не происходит взаимного погашения платежей. Дело нисколько не изменяется от того, что некоторая часть этой стоимости состоит из прибавочной стоимости, т. е. ничего не стоила продавцу товаров. Положим, что все производители — самостоятельные собственники средств производства, следовательно обращение происходит между самими непосредственными производителями. Если оставить в стороне постоянную часть их капитала, ⟨то их годовую вновь созданную стоимость по аналогии с положением в капиталистическом обществе⟩ можно было бы подразделить на две части: одну *a*, которая только возмещает их необходимые жизненные средства, другую *b*, которую они отчасти затрачивают на предметы роскоши, отчасти употребляют на расширение производства; *a* в таком случае представляет переменный капитал, *b* — прибавочную стоимость. Но такое распределение не имело бы никакого влияния на величину той массы денег, которая необходима для обращения всего их продукта. При прочих равных условиях, стоимость всей обращающейся массы товаров была бы та же самая, а следовательно и масса необходимых для этого денег была бы та же самая. При одинаковом разделении периодов оборота производителям пришлось бы иметь такие же денежные запасы, т. е. пришлось бы постоянно иметь в денежной форме такую же часть своего капитала, так как, согласно нашему предположению, их производство, как и раньше, оставалось бы товарным производством. Следовательно, то обстоятельство, что часть товарной стоимости состоит из прибавочной стоимости, нисколько не изменяет массы денег, необходимых для ведения дела.

Один из противников Тука, ухватившийся за форму *Д — Т — Д′*, спрашивает его, как это капиталисту удается постоянно извлекать из обращения более денег, чем он пускает в обращение. Понятно. Здесь речь идет не о *создании* прибавочной стоимости. Создание

прибавочной стоимости, представляющее единственную тайну, с капиталистической точки зрения понятно само собой. Ведь примененная сумма стоимости не была бы капиталом, если бы она не обогащалась прибавочной стоимостью. Следовательно, так как, согласно предположению, она является капиталом, то прибавочная стоимость сама собой разумеется.

Вопрос, следовательно, не в том, откуда берется прибавочная стоимость, а в том, откуда берутся деньги, в которые превращается прибавочная стоимость.

Но для буржуазной экономии существование прибавочной стоимости понятно само по себе. Следовательно, предполагается не только прибавочная стоимость, но вместе с ней предполагается также далее и то, что часть товарной массы, выброшенной в обращение, состоит из прибавочного продукта, следовательно представляет такую стоимость, которой капиталист не пускал в обращение, пуская в него свой капитал; что, следовательно, капиталист вместе со своим продуктом выбрасывает в обращение, а затем опять извлекает из обращения некоторый излишек по сравнению со своим капиталом.

Товарный капитал, который капиталист выбрасывает в обращение, имеет бо́льшую стоимость (откуда это, не объясняется или остается непонятным, но c'est un fait [это — факт] под углом зрения буржуазной экономии), чем производительный капитал, который он извлек из обращения в виде рабочей силы плюс средства производства. При этом предположении ясно, почему не только капиталист *A*, но и *B*, *C*, *D* и т. д. постоянно могут извлекать из обращения посредством обмена своих товаров бо́льшую стоимость, чем стоимость капитала, авансированного первоначально и потом авансируемого снова и снова. *A*, *B*, *C*, *D* и т. д. постоянно бросают в обращение в форме товарного капитала бо́льшую товарную стоимость, чем та, которую они извлекают из обращения в форме производительного капитала, — эта операция так же многостороння, как разнообразны самостоятельно функционирующие капиталы. Следовательно, они должны постоянно распределять между собой сумму стоимости, равную сумме стоимости их, — соответственно авансированных ими, — производительных капиталов (т. е. каждый, со своей стороны, должен извлекать из обращения производительный капитал); и совершенно так же им постоянно приходится распределять между собою ту сумму стоимости, которую они со всех сторон бросают в обращение в товарной форме, — как соответствующий излишек товарной стоимости над стоимостью их элементов производства.

Но товарный капитал, прежде чем он превратится обратно в производительный капитал и прежде чем будет израсходована заключающаяся в нем прибавочная стоимость, должен быть превращен в деньги. Откуда берутся деньги для этого? На первый

взгляд этот вопрос кажется затруднительным, и ни Тук, ни кто-либо другой до сих пор не давали на него ответа.

Положим, что оборотный капитал в 500 ф. ст., авансированный в форме денежного капитала, каков бы ни был период его оборота, представляет собою весь оборотный капитал общества, т. е. класса капиталистов. Прибавочная стоимость пусть будет 100 ф. ст. Каким же образом весь класс капиталистов может постоянно извлекать из обращения 600 ф. ст., если он постоянно бросает в него только 500 ф. ст.?

После того как денежный капитал в 500 ф. ст. превратился в производительный капитал, этот последний в процессе производства превращается в товарную стоимость в 600 ф. ст., и, таким образом, в обращении находится не только товарная стоимость в 500 ф. ст., равная первоначально авансированному денежному капиталу, но и вновь произведенная прибавочная стоимость в 100 ф. ст.

Эта дополнительная прибавочная стоимость в 100 ф. ст. брошена в обращение в товарной форме. В этом нет никакого сомнения. Но посредством такой операции не получается дополнительных денег для обращения этой дополнительной товарной стоимости.

Не следует обходить это затруднение какими бы то ни было благовидными увертками.

Например, в таком роде: что касается постоянного оборотного капитала, то ясно, что не все расходуют его одновременно. В то время, когда капиталист *А* продает свой товар, следовательно авансированный им капитал принимает денежную форму, у покупателя *В* его капитал, находящийся в денежной форме, принимает, напротив, форму средств его производства, как раз тех, которые производит *А*. Тем же самым актом, посредством которого *А* снова придает денежную форму произведенному им товарному капиталу, *В* снова придает производительную форму своему капиталу, превращает его из денежной формы в средства производства и в рабочую силу; одна и та же сумма денег функционирует в двустороннем процессе, как при всякой простой купле *Т—Д*. С другой стороны, если *А* снова превращает деньги в средства производства, он покупает таковые у *С*, а последний платит теми же деньгами *В*, и т. д. Дело было бы объяснено таким способом. Но:

Все законы, установленные нами относительно количества денег, обращающихся при товарном обращении (книга I, глава III), нисколько не изменяются вследствие капиталистического характера процесса производства.

Следовательно, если говорят, что оборотный капитал общества, авансируемый в денежной форме, составляет 500 ф. ст., то при этом уже принято в расчет, что, с одной стороны, эта сумма была авансирована одновременно, но что, с другой стороны, она приводит в движение более производительного капитала, чем 500 ф. ст., потому

что она попеременно служит денежным фондом различных производительных капиталов. Следовательно, этот способ объяснения предполагает уже имеющимися в наличии те деньги, существование которых он должен объяснить.

Далее, можно было бы сказать так: капиталист *A* производит такие изделия, которые капиталист *B* потребляет индивидуально, непроизводительно. Следовательно, деньги *B* превращают в деньги товарный капитал *A*, и таким образом одна и та же денежная сумма служит для превращения в деньги прибавочной стоимости *B* и оборотного постоянного капитала *A*. Но здесь еще прямее предполагается решенным тот самый вопрос, на который следует дать ответ. Именно, откуда же *B* берет эти деньги на покрытие своего дохода? Каким образом он сам превратил в деньги эту часть своего продукта, эту прибавочную стоимость?

Затем можно было бы сказать, что часть оборотного переменного капитала, которую *A* постоянно авансирует на своих рабочих, постоянно же возвращается к нему из обращения; и только некоторая изменяющаяся часть ее постоянно остается у него самого для выплаты заработной платы. Однако между моментом расходования и моментом возвращения денег, израсходованных на заработную плату, проходит некоторое время, в течение которого эти деньги могут, между прочим, служить и для превращения в деньги прибавочной стоимости. Но, во-первых, мы знаем, что чем продолжительнее это время, тем более должна быть масса денежного запаса, которую капиталисту *A* постоянно приходится сохранять in petto [при себе]. Во-вторых, рабочий расходует деньги, покупает на них товары и тем самым pro tanto превращает в деньги заключающуюся в этих товарах прибавочную стоимость. Следовательно, те же самые деньги, которые авансируются в форме переменного капитала, pro tanto служат также для превращения в деньги прибавочной стоимости. Не углубляясь в этот вопрос еще больше, мы заметим здесь лишь следующее: потребление всего класса капиталистов и зависимых от них непроизводительных лиц идет одновременно с потреблением рабочего класса; таким образом, одновременно с тем, как бросают в обращение свои деньги рабочие, должны бросать деньги в обращение и капиталисты, чтобы расходовать свою прибавочную стоимость как доход; следовательно, деньги для этого должны извлекаться из обращения. Только что приведенное объяснение лишь уменьшило бы количество необходимых денег, но не устранило бы необходимости в них.

Наконец, можно было бы сказать: ведь при первом вложении основного капитала в обращение всегда бросается большое количество денег, причем эти деньги лишь постепенно, по частям, на протяжении ряда лет извлекаются из обращения тем, кто их туда бросил. Разве этой суммы недостаточно для того чтобы превратить в деньги прибавочную стоимость? — На это придется ответить, что

сумма в 500 ф. ст. (которая заключает в себе и образование сокровища для необходимого резервного фонда), быть может, содержит уже возможность применения ее в качестве основного капитала, если не тем, кто пустил ее в обращение, то кем-либо другим. Кроме того, уже предполагается, что в сумме, расходуемой на приобретение продуктов, служащих основным капиталом, оплачена и заключающаяся в этих товарах прибавочная стоимость, и вопрос заключается именно в том, откуда берутся эти деньги.

Общий ответ уже дан: если должна обращаться масса товаров на 1000 ф. ст. $\times X$, то количество денег, необходимых для этого обращения, нисколько не изменяется от того, содержится ли в стоимости этой массы товаров прибавочная стоимость или нет, произведена ли эта масса товаров капиталистически или нет. *Следовательно, самой проблемы не существует.* При прочих данных условиях, — скорости обращения денег и пр., — для обращения товарной стоимости в 1000 ф. ст. $\times X$ требуется определенная сумма денег, которая совершенно не зависит от того обстоятельства, много или мало этой стоимости достается непосредственным производителям этих товаров. Поскольку здесь и существует проблема, она совпадает с общей проблемой: откуда берется сумма денег, необходимая для обращения товаров в данной стране.

Между тем, с точки зрения капиталистического производства, получается все же такая *видимость,* как будто здесь заключается особая проблема. Именно, исходным пунктом, откуда деньги бросаются в обращение, является здесь капиталист. Деньги, которые расходует рабочий в оплату его жизненных средств, существуют сначала как денежная форма переменного капитала и поэтому первоначально бросаются в обращение капиталистом как покупательное средство или средство платежа по отношению к рабочей силе. Кроме того, капиталист бросает в обращение деньги, которые первоначально составляли для него денежную форму его постоянного — основного и оборотного — капитала; он расходует их как покупательное или платежное средство на средства труда и на производственные материалы. Вне этого капиталист уже не является исходным пунктом денежной массы, находящейся в обращении. Но существуют вообще только два исходных пункта: капиталист и рабочий. Третьи лица всех разрядов или должны получать деньги от этих двух классов за какие-нибудь услуги, или, поскольку они получают деньги без всяких услуг, они являются совладельцами прибавочной стоимости в форме ренты, процента и т. д. То обстоятельство, что прибавочная стоимость не остается целиком в кармане промышленного капиталиста и что он должен поделиться ею с другими лицами, не имеет никакого отношения к рассматриваемому вопросу. Вопрос заключается в том, каким образом он превращает в деньги свою прибавочную стоимость, а не в том, как

распределяются впоследствии вырученные за нее деньги. Следовательно, в нашем случае мы все еще должны видеть в капиталисте единственного владельца прибавочной стоимости. Что касается рабочего, то уже сказано, что он представляет только вторичный исходный пункт, тогда как капиталист — первичный исходный пункт тех денег, которые бросаются в обращение рабочим. Деньги, сначала авансированные как переменный капитал, совершают уже свое второе обращение, когда рабочий затрачивает их на оплату жизненных средств.

Итак, класс капиталистов остается единственным исходным пунктом денежного обращения. Если ему требуется для оплаты средств производства 400 ф. ст. и для оплаты рабочей силы 100 ф. ст., то он бросает в обращение 500 ф. ст. Но заключающаяся в продукте прибавочная стоимость при норме прибавочной стоимости в 100% равна стоимости 100 ф. ст. Каким же образом класс капиталистов может постоянно извлекать из обращения 600 ф. ст., если он постоянно бросает в него только 500 ф. ст.? Из ничего не будет ничего. Весь класс капиталистов не может извлекать из обращения ничего такого, что не было бы раньше брошено в него.

Здесь мы оставляем в стороне то обстоятельство, что денежной суммы в 400 ф. ст. при десятикратном обороте, быть может, достаточно для обращения средств производства стоимостью в 4 000 ф. ст. и труда стоимостью в 1 000 ф. ст., а остальных 100 ф. ст. точно так же достаточно для обращения прибавочной стоимости на 1000 ф. ст. Это отношение денежной суммы к товарной стоимости, обращающейся при ее посредстве, нисколько не изменяет дела. Проблема остается та же самая. Если бы одна и та же монета не обращалась несколько раз, то пришлось бы бросить в обращение 5 000 ф. ст. в виде капитала, и 1000 ф. ст. были бы необходимы для превращения в деньги прибавочной стоимости. Спрашивается, откуда берутся эти последние деньги, будет ли то 1 000 или 100 ф. ст.? Во всяком случае они представляют собою излишек сверх денежного капитала, брошенного в обращение.

Действительно, как бы это ни казалось парадоксальным на первый взгляд, класс капиталистов сам бросает в обращение те деньги, которые служат для реализации заключающейся в товарах прибавочной стоимости. Однако nota bene: он бросает их в обращение не как авансированные деньги, следовательно не как капитал. Он расходует их как покупательное средство для своего личного потребления. Следовательно, класс капиталистов не авансирует этих денег, хотя он является исходным пунктом их обращения.

Возьмем отдельного капиталиста, начинающего свое предприятие, напр. фермера. В первый год он авансирует денежный капитал, положим, в 5 000 ф. ст. на оплату средств производства (4 000 ф. ст.) и рабочей силы (1 000 ф. ст.). Норму прибавочной стоимости мы примем в 100%, присваиваемая им прибавочная стоимость =

= 1 000 ф. ст. Вышеназванные 5 000 ф. ст. заключают в себе все деньги, которые он авансирует как денежный капитал. Но человек должен жить, а до конца года он не получит никаких денег. Его потребление составляет 1000 ф. ст. Он должен иметь эти деньги. Хотя он говорит, что должен авансировать эти 1000 ф. ст. в течение первого года, но это авансирование — имеющее здесь только субъективное значение — означает только то, что в первый год он должен покрывать свое личное потребление из собственного кармана, а не из дарового производства своих рабочих. Он не авансирует эти деньги как капитал. Он расходует их, платит их как эквивалент за те жизненные средства, которые он потребляет. Эта стоимость расходуется им в виде денег, выбрасывается в обращение и извлекается из него в виде товарных стоимостей. Эти товарные стоимости он потребил. Значит, прекратилось всякое отношение его к их стоимости. Деньги, которыми он заплатил за нее, существуют теперь как элемент обращающихся денег. Но стоимость этих денег он извлек из обращения в виде продуктов, а вместе с продуктами, в которых стоимость существовала, уничтожена также и стоимость их. Она вся вышла. Но вот в конце года он бросает в обращение товарную стоимость в 6 000 ф. ст. и продает ее. Вместе с тем к нему возвращается: 1) авансированный им денежный капитал в 5 000 ф. ст.; 2) превращенная в деньги прибавочная стоимость в 1 000 ф. ст. Он авансировал 5 000 ф. ст. как капитал, бросил их в обращение, а теперь извлекает из обращения 6 000 ф. ст.: 5 000 ф. ст. взамен капитала и 1 000 ф. ст. прибавочной стоимости. Последние 1000 ф. ст. превратились в деньги с помощью тех денег, которые он сам бросил в обращение не как капиталист, а как потребитель, которые он не авансировал, а израсходовал. Теперь они возвращаются к нему обратно как денежная форма произведенной им прибавочной стоимости. И с этого времени такая операция повторяется ежегодно. Но, начиная со второго года, 1 000 ф. ст., расходуемые им лично, уже всегда представляют собою превращенную форму, денежную форму произведенной им прибавочной стоимости. Он расходует их ежегодно, и они ежегодно же возвращаются к нему обратно.

Если бы его капитал совершал большее число оборотов в продолжение года, то дело нисколько не изменилось бы, но, конечно, изменилась бы продолжительность времени, а потому и величина той суммы, которую капиталисту сверх авансированного им денежного капитала приходилось бы бросать в обращение на свое личное потребление.

Эти деньги бросаются капиталистом в обращение не в качестве капитала. Но на то он и капиталист, чтобы быть в состоянии до возвращения прибавочной стоимости прожить на те средства, которыми он владеет.

В этом случае мы предполагали, что денежная сумма, которую капиталист бросает в обращение на покрытие своего личного потребления впредь до первого возвращения своего капитала, как раз равна произведенной им и превращаемой поэтому в деньги прибавочной стоимости. Очевидно, что по отношению к отдельному капиталисту такое предположение произвольно. Но оно должно быть правильным для всего класса капиталистов, раз мы предполагаем простое воспроизводство. Оно выражает только то, что уже заключается в этом последнем предположении: именно, что вся прибавочная стоимость, но только лишь прибавочная стоимость, потребляется непроизводительно; следовательно, не потребляется непроизводительно ни малейшей доли первоначального капитала.

Выше было предположено, что всего производства благородных металлов (= 500 ф. ст.) достаточно только для того чтобы возместить снашивание денег.

Капиталисты, производящие золото, получают весь свой продукт в золоте, как те части его, которые возмещают постоянный и переменный капитал, так и ту часть, которая состоит из прибавочной стоимости. Следовательно, часть общественной прибавочной стоимости заключается в золоте, а не в таком продукте, который превращается в золото только в процессе обращения. Она с самого начала заключается в золоте и бросается в обращение для того чтобы извлечь из него продукты. То же относится в данном случае и к заработной плате, к переменному капиталу, и к возмещению авансированного постоянного капитала. Следовательно, если одна часть класса капиталистов бросает в обращение товарную стоимость, бо̀льшую (на величину прибавочной стоимости), чем авансированный ими денежный капитал, то другая часть капиталистов бросает в обращение бо̀льшую денежную стоимость (бо̀льшую на прибавочную стоимость), чем товарная стоимость, которую они постоянно извлекают из обращения на производство золота. Если часть капиталистов постоянно выкачивает из обращения больше денег, чем она вносит в обращение, то часть капиталистов, — та, которая производит золото, — постоянно накачивает в обращение денег больше, чем извлекает из него в средствах производства.

Хотя часть этого продукта — золота стоимостью в 500 ф. ст. — представляет собою прибавочную стоимость производителей золота, однако вся сумма предназначена только для возмещения денег, необходимых для обращения товаров; при этом безразлично, сколько из этой суммы идет на превращение в деньги прибавочной стоимости, заключающейся в товарах, и сколько на превращение в деньги других составных частей стоимости.

Дело нисколько не изменяется, если производство золота перенести из данной страны в другие страны. Часть общественной рабочей силы и общественных средств производства в стране *А* пре-

вращены в продукт, напр. в холст стоимостью в 500 ф. ст., который вывозится в страну *B*, чтобы там купить золото. Производительный капитал, примененный таким образом в стране *A*, точно так же не выбрасывает на рынок страны *A* товаров, — которые противополагаются здесь деньгам, — как если бы он прямо был применен на производство золота. Этот продукт *A* представлен в 500 ф. ст. золота и поступает в обращение страны *A* только как деньги. Часть общественной прибавочной стоимости, содержащейся в этом продукте, существует непосредственно в виде денег и для страны *A* никогда не существует иначе, как в форме денег. Хотя для капиталистов, производящих золото, только часть продукта представляет прибавочную стоимость, а другая часть возмещает капитал, но вопрос, какое количество этого золота, если оставить в стороне оборотный постоянный капитал, возмещает переменный капитал и какое количество представляет прибавочную стоимость, — этот вопрос решается исключительно тем отношением, в котором заработная плата и прибавочная стоимость находятся к стоимости обращающихся товаров. Часть, образующая прибавочную стоимость, распределяется между различными членами класса капиталистов. Хотя эта часть стоимости постоянно расходуется ими на личное потребление и снова получается ими от продажи нового продукта, — как раз только эта купля-продажа и вызывает обращение между ними тех денег, которые необходимы для превращения в деньги прибавочной стоимости, — но все же некоторая часть общественной прибавочной стоимости, хотя и в изменяющихся количествах, находится в форме денег, оставаясь в течение известного времени в кармане капиталистов, точно так же, как часть заработной платы, по крайней мере в продолжение нескольких дней недели, удерживается в форме денег в карманах рабочих. И эта часть не ограничивается той частью денежного продукта, которая первоначально составляла прибавочную стоимость капиталистов, производящих золото; как сказано, она ограничивается той пропорцией, в которой вышеназванный продукт в 500 ф. ст. вообще распределяется между капиталистами и рабочими и в которой запас товаров, предназначенных к обращению, состоит из прибавочной стоимости и из других элементов стоимости.

Между тем часть прибавочной стоимости, существующая не в виде других товаров, а в виде денег наряду с другими товарами, лишь в той мере состоит из части ежегодно производимого золота, в какой часть годового производства золота обращается для реализации прибавочной стоимости. Другая часть денег, которая изменяющимися долями постоянно находится в руках класса капиталистов как денежная форма их прибавочной стоимости, не составляет элемента ежегодно производимого золота, а является частью денежной массы, накопленной в стране раньше.

По нашему предположению годового производства золота в 500 ф. ст. как раз достаточно только для того, чтобы возмещать ежегодное снашивание денег. Поэтому, если мы будем иметь в виду только эти 500 ф. ст. и отвлечемся от той части ежегодно производимой массы товаров, для обращения которой служат раньше накопленные деньги, то прибавочная стоимость, произведенная в товарной форме, уже потому находит в обращении деньги для своего превращения в деньги, что на другой стороне ежегодно производится прибавочная стоимость в форме золота. То же самое относится к другим частям золотого продукта в 500 ф. ст., которые возмещают авансированный денежный капитал.

Мы должны сделать теперь два замечания.

Из вышеизложенного следует, во-первых: прибавочная стоимость, расходуемая капиталистами в виде денег, равно как и переменный и прочий производительный капитал, авансируемый ими в виде денег, в действительности есть продукт рабочих, именно рабочих, занятых в золотопромышленности. Они производят вновь как ту часть золотого продукта, которая «авансируется» им в качестве заработной платы, так и ту часть золотого продукта, в которой непосредственно представлена прибавочная стоимость капиталистов, производящих золото. Наконец, что касается той части золотого продукта, которая только возмещает постоянную капитальную стоимость, авансированную на производство золота, то она снова появляется в форме денег (и вообще в продукте) лишь вследствие годового труда рабочих. При самом начале предприятия она была отдана капиталистом в виде денег, не вновь произведенных, но составлявших часть обращающейся в обществе денежной массы. Напротив, поскольку она возмещается новым продуктом, дополнительным золотом, она уже представляет собою годовой продукт рабочего. Авансирование со стороны капиталиста является и здесь только формой, возникающей потому, что рабочий не является владельцем своих собственных средств производства и во время производства не располагает жизненными средствами, произведенными другими рабочими.

Во-вторых же: что касается той массы денег, которая существует независимо от этого ежегодного возмещения в 500 ф. ст. и находится частью в форме сокровища, частью в форме обращающихся денег, то дело с ней должно обстоять — т. е. первоначально должно было обстоять — совершенно так же, как оно ежегодно обстоит с этими 500 ф. ст. К этому пункту мы возвратимся в конце этого подотдела. А теперь еще несколько других замечаний.

При исследовании оборота мы видели, что, при прочих равных условиях, с изменением величины периодов оборота изменяются и массы денежного капитала, необходимого для того чтобы

вести производство в том же масштабе. Следовательно, эластичность денежного обращения должна быть достаточно велика, чтобы оно могло приспособляться к этому чередованию удлинения и сокращения периодов оборота.

Далее, если мы предположим, что при прочих равных условиях, в том числе при неизменной продолжительности, интенсивности и производительности рабочего дня, *изменяется только распределение вновь произведенной стоимости* между заработной платой и прибавочной стоимостью, так что или первая повышается, а вторая уменьшается, или, наоборот, то это не окажет никакого влияния на массу обращающихся денег. Такая перемена может произойти без всякого увеличения или сокращения массы денег, находящихся в обращении. Рассмотрим в особенности тот случай, когда совершается общее повышение заработной платы, и потому — при выше предположенных условиях — происходит общее понижение нормы прибавочной стоимости, а кроме этого, также согласно предположению, не происходит никакого изменения в стоимости обращающейся товарной массы. В этом случае, конечно, возрастает денежный капитал, который приходится авансировать как переменный капитал, следовательно увеличивается и та масса денег, которая служит для такой функции. Но именно настолько, насколько возрастает масса денег, требующихся для функции переменного капитала, именно настолько уменьшается прибавочная стоимость, а следовательно и масса денег, необходимая для ее реализации. На сумму денег, необходимых для реализации товарной стоимости, это также не оказывает никакого влияния, как и на самую эту товарную стоимость. Цена издержек производства товара повышается для отдельного капиталиста, но общественная цена производства товара остается неизменной. Изменяется при этом, если оставить в стороне постоянную часть стоимости, только то отношение, в котором цена производства товаров делится на заработную плату и прибыль.

Но, могут сказать нам, бо̀льшая затрата переменного денежного капитала (стоимость денег, конечно, предполагается неизменной) означает большее количество денежных средств в руках рабочих. Результатом этого будет увеличение спроса на товары со стороны рабочих. Дальнейшим результатом будет повышение цен товаров. — Или могут сказать: если повышается заработная плата, то капиталисты повышают цены своих товаров. В обоих случаях общее повышение заработной платы вызывает повышение товарных цен. Поэтому для обращения товаров потребуется бо̀льшая масса денег, чем бы ни объяснялось повышение цен.

Ответ на первое соображение: вследствие повышения заработной платы возрастает именно спрос рабочих на необходимые жизненные средства. В гораздо меньшей степени увеличится их спрос на предметы роскоши или появится спрос на такие изделия,

которые раньше не входили в сферу их потребления. Спрос на необходимые жизненные средства, повысившись внезапно и в более крупном масштабе, безусловно немедленно повысит их цену. Следствием этого будет то, что бо́льшая часть общественного капитала будет употребляться на производство необходимых жизненных средств, а меньшая часть — на производство предметов роскоши, так как последние понизятся в цене вследствие уменьшения прибавочной стоимости, что поведет к уменьшению спроса на них со стороны капиталистов. Поскольку, напротив, рабочие сами покупают предметы роскоши, повышение их заработной платы не повлияет на повышение цен необходимых жизненных средств, а только изменит состав покупателей предметов роскоши. Больше предметов роскоши, чем до сих пор, идет теперь на потребление рабочих и относительно менее — на потребление капиталистов. Voilà tout. [Вот и все.] После некоторых колебаний в обращении оказывается масса товаров такой же стоимости, как и прежде. — Что касается кратковременных колебаний, то они будут иметь только тот результат, что незанятый денежный капитал, до тех пор искавший себе помещения в спекулятивных биржевых предприятиях или за границей, теперь поступит в обращение внутри страны.

Ответ на второе соображение: если бы капиталистические производители были в состоянии по произволу повышать цены своих товаров, то они могли бы это делать и делали бы и без повышения заработной платы. Заработная плата никогда не повышалась бы при падении цен товаров. Класс капиталистов никогда не стал бы противиться тред-юнионам, если бы он постоянно и при всяких условиях мог делать то, что он действительно делает теперь в виде исключения при определенных, особенных, так сказать, местных условиях: именно, если бы он мог использовать всякое повышение заработной платы для того чтобы в гораздо большей степени повышать цены товаров, следовательно, чтобы класть в карман бо́льшую прибыль.

Утверждение, что капиталисты могут повышать цены предметов роскоши, потому что спрос на них уменьшается (вследствие уменьшения спроса со стороны капиталистов, покупательные средства которых уменьшились), это утверждение было бы совсем оригинальным применением закона спроса и предложения. Поскольку происходит не простая замена покупателей этих предметов, замена капиталистов рабочими, — а если такая замена имеет место, то спрос со стороны рабочих не вызывает повышения цен необходимых жизненных средств, потому что рабочие не могут расходовать на необходимые средства к жизни той части добавочного заработка, которую они тратят на предметы роскоши, — постольку цены предметов роскоши падают вследствие уменьшения спроса. Вследствие этого капитал извлекается из производства

предметов роскоши до тех пор, пока их предложение не сократится до таких размеров, которые соответствуют их изменившейся роли в общественном процессе производства. При таком уменьшении производства цены их, при неизменяющейся стоимости, снова повышаются до своего нормального уровня. До тех пор, пока происходит такое сокращение, или такой процесс выравнивания, производство жизненных средств, при повышении цен на них, будет постоянно привлекать столько добавочных капиталов, сколько их будет отвлечено от других отраслей производства. Это будет продолжаться до тех пор, пока спрос не насытится. Тогда опять наступает равновесие, и конец всего процесса получается тот, что общественный капитал, а потому и денежный капитал, распределяется между производством необходимых жизненных средств и производством предметов роскоши в измененной пропорции.

Все возражение представляет собою холостой выстрел капиталистов и их сикофантов-экономистов.

Для такого холостого выстрела дают предлог факты троякого рода:

1) Общий закон денежного обращения таков, что если сумма цен обращающихся товаров повышается, — происходит ли такое увеличение суммы цен для прежней или для возросшей массы товаров, — то при прочих равных условиях возрастает масса обращающихся денег. И вот, следствие смешивается с причиной. Заработная плата возрастает с повышением цен необходимых жизненных средств (хотя и редко возрастает, а пропорционально повышению цен она возрастает только в исключительных случаях). Ее возрастание есть следствие, а не причина повышения цен товаров.

2) При частичном или местном повышении заработной платы — т. е. при повышении ее только в отдельных отраслях производства — может в силу этого последовать местное повышение цен на продукты этих отраслей. Но даже это зависит от многих обстоятельств. Например, от того, что заработная плата здесь не была чрезвычайно пониженной и норма прибыли не была поэтому чрезвычайно высокой, так что при повышении цен рынок для этих товаров не сокращается (следовательно, для повышения их цен не требуется предварительного уменьшения их предложения) и т. д.

3) При общем повышении заработной платы цена произведенных товаров повышается в тех отраслях промышленности, где преобладает переменный капитал, но зато падает в тех, где преобладает постоянный или основной капитал.

При исследовании простого товарного обращения (книга I, гл. III, 2) оказалось, что хотя в процессе обращения всякого определенного количества товаров денежная форма является лишь

мимолетной, однако деньги, побывав при метаморфозе товара короткое время в руках одного лица, необходимо переходят в руки другого лица; следовательно, товары прежде всего не только обмениваются во всех направлениях или замещают друг друга, но это замещение также опосредствуется и сопровождается всесторонним оседанием денег. «Благодаря замещению одного товара другим к рукам третьего лица прилипает денежный товар. Обращение непрерывно источает из себя денежный пот» (книга I, гл. III, 2, а). [К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 119.] На основе капиталистического товарного производства совершенно тожественный факт выражается в том, что часть капитала постоянно существует в форме денежного капитала, а часть прибавочной стоимости точно так же постоянно находится в руках ее владельцев в денежной форме.

Если оставить это в стороне, то *кругооборот денег, т. е. возвращение* денег к своему исходному пункту, — поскольку оно составляет момент в обороте капитала, — представляет собой явление, совершенно отличное, даже противоположное *обращению денег* [33], которое выражает постоянное удаление их от исходного пункта посредством целого ряда перемещений из рук в руки (книга I, гл. III). Однако ускоренный оборот eo ipso [тем самым] заключает в себе ускоренное обращение.

Прежде всего, что касается переменного капитала, если, напр., денежный капитал в 500 ф. ст. оборачивается в форме переменного капитала десять раз в год, то ясно, что эта часть обращающейся денежной массы приводит в обращение в десять раз бо́льшую сумму стоимости = 5 000 ф. ст. Она обращается между капиталистом и рабочим десять раз в продолжение года. В продолжение года рабочий десять раз оплачивается и сам платит одной

[33] Хотя физиократы еще смешивают оба эти явления, однако они первые обратили внимание на возвращение денег к своему исходному пункту как на существенную форму обращения капитала, как на форму обращения, которая опосредствует воспроизводство. «Бросьте взгляд на «Tableau économique» [«Экономическую таблицу»], и вы увидите, что производительный класс доставляет деньги, с помощью которых другие классы покупают у него произведения и которые они возвращают ему, являясь на следующий год совершать у него те же самые покупки... Вы не увидите здесь, стало быть, иного кругооборота, кроме того, который создается издержками, вызывающими воспроизводство, и воспроизводством, вызывающим издержки; кругооборот этот проходится и циркуляцией денег, которые служат мерилом затрат и воспроизводства» (*Quesnay:* «Problèmes économiques» в Daire, «Physiocr.», I, стр. 208, 209). [Ср. *Кенэ:* «Выбранные места». Сборник. Изд. 1896. «О ремесленном труде», стр. 259—260.] «Эти постоянные затраты и их постоянное возвращение и составляют то, что следует назвать обращением денег, то полезное и плодотворное обращение их, которое оживляет все роды труда в обществе, поддерживает движение и жизнь в политическом теле и которое с большим основанием сравнивают с кровообращением в животном организме» (*Turgot:* «Réflexions etc.», Oeuvres, изд. Daire, I, стр. 45). [См. *Тюрго:* «Размышления о создании и распределении богатств», 1905 г., стр. 39.]

и той же частью обращающейся денежной массы. Если бы при одинаковых размерах производства этот переменный капитал совершил только один оборот в год, то произошло бы только однократное обращение 5 000 ф. ст.

Далее, пусть постоянная часть оборотного капитала = 1 000 ф. ст. Если капитал оборачивается десять раз, то капиталист продает свой товар, а следовательно и постоянную оборотную часть его стоимости, десять раз в год. Одна и та же часть обращающейся денежной массы (= 1 000 ф. ст.) десять раз в год переходит из рук своих владельцев в руки капиталиста. Десять раз происходит перемещение этих денег из одних рук в другие. Во-вторых, капиталист десять раз в год покупает средства производства; это опять составляет десять актов обращения, десять перемещений денег из одних рук в другие. При помощи денег на сумму в 1000 ф. ст. промышленный капиталист продает товар на 10 000 ф. ст. и затем покупает товар на 10 000 ф. ст. Посредством двадцатикратного обращения 1 000 ф. ст. обращается запас товара в 20 000 ф. ст.

Наконец, при ускоренном обороте обращается быстрее и та часть денег, которая служит для реализации прибавочной стоимости.

Но наоборот: более быстрое обращение денег еще не предполагает необходимо более быстрого оборота капитала, а потому и более быстрого оборота денег, т. е. не предполагает непременно сокращения и более быстрого возобновления процесса воспроизводства.

Более быстрое обращение денег происходит каждый раз, когда при помощи того же самого количества денег совершается большее количество сделок. Это может происходить и при одинаковых периодах воспроизводства капитала вследствие изменений в технике денежного обращения. Далее, может увеличиваться число сделок, в которых обращение денег не служит выражением действительного обмена товаров (биржевые сделки на разницу и т. д.). С другой стороны, может и вовсе не требоваться обращения денег. Например, там, где сельский хозяин сам является землевладельцем, нет места обращению между арендатором и землевладельцем; где промышленный капиталист сам является собственником капитала, там нет места обращению между ним и кредитором.

Что касается первоначального образования денежного сокровища в стране и присвоения его немногими лицами, то здесь нет надобности останавливаться на этом подробнее.

Капиталистический способ производства, — базисом которого служит наемный труд, оплата рабочего деньгами и вообще превращение натуральных платежей в денежные, — может развиваться

в сравнительно широком масштабе, достигнуть более глубокого и полного развития только там, где в стране имеется в наличии масса денег, достаточная для обращения и для образования сокровищ (резервного фонда и пр.), обусловливаемого обращением. Такова историческая предпосылка, хотя не следует понимать дело таким образом, будто сначала образуется достаточное количество сокровищ, а затем начинается капиталистическое производство. Оно развивается одновременно с развитием условий для него, а одним из таких условий является достаточное предложение благородных металлов. Поэтому усилившийся привоз благородных металлов начиная с XVI столетия составляет существенный момент в истории развития капиталистического производства. Но поскольку речь идет о необходимости дальнейшего предложения денежного материала при капиталистическом способе производства, то, с одной стороны, прибавочная стоимость выбрасывается в обращение в виде продукта, без денег, необходимых для его превращения в деньги, а с другой стороны, прибавочная стоимость выбрасывается в обращение в виде золота, без предварительного превращения продукта в деньги.

Добавочные товары, которые должны превратиться в деньги, находят необходимые денежные суммы, потому что на другой стороне не посредством обмена, а самим производством выбрасывается в обращение добавочное золото (и серебро), которое должно превратиться в товары.

II. НАКОПЛЕНИЕ И РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО.

Ясно, что, поскольку накопление происходит в форме воспроизводства в расширенном масштабе, оно не представляет по отношению к денежному обращению никакой новой проблемы.

Прежде всего, что касается добавочного денежного капитала, который требуется для функционирования возрастающего производительного капитала, то он доставляется той частью реализованной прибавочной стоимости, которая бросается в обращение капиталистом как денежный капитал, а не как денежная форма дохода. Деньги уже находятся в руках капиталистов. Только их применение иное.

Но вследствие затраты добавочного производительного капитала бросается в обращение, как продукт этого капитала, добавочная масса товаров. Вместе с этой добавочной массой товаров была брошена в обращение часть добавочных денег, необходимых для ее реализации, — именно постольку, поскольку стоимость этой массы товаров равна стоимости производительного капитала, потребленного при ее производстве. Эта добавочная масса денег прямо авансируется как добавочный денежный капитал и потому она возвращается к капиталисту вследствие оборота его капитала.

Здесь выступает перед нами тот же самый вопрос, как и выше. Откуда берутся добавочные деньги для реализации дополнительной прибавочной стоимости, находящейся теперь в товарной форме?

Общий ответ опять тот же самый. Сумма цен обращающейся массы товаров увеличилась не потому, что цены данной массы товаров повысились, а потому, что масса обращающихся теперь товаров больше, чем масса товаров, обращавшихся ранее, причем эта разница не уравновешивается понижением цен. Добавочные деньги, необходимые для обращения этой большей товарной массы, имеющей бо́льшую стоимость, должны быть добыты или путем более экономного использования обращающейся денежной массы, — достигается ли она посредством взаимного погашения платежей и т. д. или при помощи средств, ускоряющих обращение одних и тех же денег, — или же путем превращения денег из формы сокровища в форму обращающихся денег. Последнее включает в себя не только то, что денежный капитал, лежавший без употребления, начинает функционировать как покупательное средство или средство платежа; не только то, что денежный капитал, уже функционирующий в качестве резервного фонда, исполняя такую функцию для своего владельца, активно обращается для общества (напр., при вкладах в банки, из которых он постоянно выдается в ссуду), следовательно исполняет двоякую функцию, — оно включает в себя и то, что экономизируются резервные фонды, застаивающиеся в виде монет.

«Для того чтобы деньги постоянно обращались в виде монет, монеты должны постоянно оседать в виде денег. Постоянное обращение монет обусловлено постоянною задержкой их в бо́льших или меньших количествах в виде резервных монетных фондов, повсюду образующихся в процессе обращения и вместе с тем обусловливающих его; образование, распределение, исчезновение и возобновление этих фондов постоянно сменяют одно другое; их существование постоянно исчезает, а их исчезновение постоянно имеет место. Адам Смит выразил это никогда не прекращающееся превращение монет в деньги и денег в монеты таким образом, что каждый товаровладелец наряду с тем особым товаром, который он продает, должен иметь всегда в запасе известную сумму всеобщего товара, которым он покупает. Мы видели, что в обращении *Т—Д—Т* второй член, *Д — Т*, постоянно расщепляется на ряд покупок, которые совершаются не сразу, но последовательно во времени, так что одна часть *Д* обращается в качестве монеты, в то время как другая часть покоится в качестве денег. Деньги здесь в сущности представляют монеты, функционирование которых отсрочено, и отдельные составные части находящейся в обращении монетной массы всегда появляются попеременно то в одной форме, то в другой. Следовательно, это первое превращение средства обращения в деньги представляет лишь технический момент самого денежного

обращения» (Karl Marx: «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», 1859, стр. 105, 106. [Ср. К. Маркс: «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 110—111.] «Монета» в противоположность деньгам употребляется здесь для обозначения денег, функционирующих в качестве простого средства обращения, в противоположность их другим функциям).

Если всех этих средств оказывается недостаточно, то должно быть произведено добавочное золото, или — что сводится к тому же самому — часть дополнительного продукта прямо или косвенно обменивается на золото, на продукт стран, производящих благородные металлы.

Вся сумма рабочей силы и общественных средств производства, расходуемых на ежегодное производство золота и серебра как орудий обращения, составляет крупную долю непроизводительных расходов (faux frais) капиталистического способа производства и вообще всякого способа производства, основанного на производстве товаров. Это производство отвлекает от использования обществом соответствующую сумму возможных, дополнительных средств производства и предметов потребления, т. е. действительного богатства. Поскольку при неизменяющемся данном масштабе производства или при данной степени его расширения уменьшаются издержки на этот дорогой механизм обращения, постольку же повышается вследствие этого производительная сила общественного труда. Следовательно, поскольку производят такое влияние вспомогательные средства, развивающиеся вместе с системой кредита, они непосредственно увеличивают капиталистическое богатство или тем, что бо́льшая часть процесса общественного производства и процесса общественного труда совершается благодаря этому без какого бы то ни было вмешательства действительных денег, или тем, что повышается способность функционирования действительно находящейся в обращении денежной массы.

Этим разрешается и вздорный вопрос о том, было ли бы возможно капиталистическое производство в своих теперешних размерах без системы кредита (если даже рассматривать ее только с этой точки зрения), т. е. при одном металлическом обращении. Очевидно, нет. Напротив, оно было бы ограничено размерами производства благородных металлов. С другой стороны, не следует создавать каких бы то ни было мифических представлений о производительной силе кредита, поскольку он предоставляет в распоряжение денежный капитал или приводит его в движение. Однако дальнейшее развитие этой мысли сюда не относится.

Теперь мы должны рассмотреть тот случай, когда не происходит действительного накопления, т. е. непосредственного расширения размеров производства, но когда часть реализованной

прибавочной стоимости более или менее продолжительное время накопляется в виде денежного резервного фонда, чтобы впоследствии превратиться в производительный капитал.

Поскольку накопляемые таким образом деньги являются дополнительными деньгами, дело понятно само собою. Они могут представлять собой только часть избыточного золота, привезенного из стран, производящих золото. Следует отметить при этом, что в стране уже нет того национального продукта, за который ввезено это золото. Он вывезен за границу в обмен на золото.

Напротив, если предположить, что в стране остается прежнее количество денег, то накопленные и накопляющиеся деньги приливают из обращения; изменяется только их функция. Из обращающихся денег они превращаются в постепенно образующийся, скрытый денежный капитал.

Деньги, которые при этом накопляются, есть денежная форма проданных товаров, притом форма той части их стоимости, которая представляет для их владельцев прибавочную стоимость (здесь предполагается, что системы кредита не существует). Капиталист, накопляющий эти деньги, pro tanto продает, не покупая.

Это обстоятельство, если представить себе его как частный случай, не требует никаких объяснений. Часть капиталистов удерживает часть денег, вырученных от продажи своего продукта, не покупая на них продукта на рынке. Напротив, другая часть капиталистов превращает в продукт все свои деньги, за исключением постоянно возвращающегося денежного капитала, необходимого для ведения производства. Часть продукта, являющегося носителем прибавочной стоимости и выбрасываемого на рынок, состоит из средств производства или из реальных элементов переменного капитала, из необходимых жизненных средств. Следовательно, она может тотчас же служить для расширения производства. Ведь мы вовсе не предполагаем, что, в то время как одна часть капиталистов накопляет денежный капитал, другая часть потребляет целиком всю свою прибавочную стоимость; мы только предполагаем, что одни накопляют в денежной форме, образуют скрытый денежный капитал, между тем как другие действительно накопляют, т. е. расширяют размеры производства, действительно увеличивают свой производительный капитал. Имеющаяся в наличии денежная масса оказывается достаточной для потребностей обращения, если даже попеременно одна часть капиталистов накопляет деньги, в то время как другая расширяет масштаб производства, и наоборот. К тому же денежное накопление на одной стороне может совершаться без наличных денег, путем одного только накопления долговых требований.

Затруднение возникает тогда, когда мы предполагаем накопление денежного капитала не как частный случай, а как общее явление для класса капиталистов. По нашему предположению, —

при всеобщем и исключительном господстве капиталистического производства, — за исключением этого класса вообще не существует никаких других классов, кроме класса рабочих. Все, что покупает рабочий класс, равно сумме его заработной платы, равно сумме переменного капитала, авансированного всем классом капиталистов. К последним эти деньги возвращаются посредством продажи их продукта рабочему классу. Вследствие этого их переменный капитал снова приобретает денежную форму. Положим, что сумма переменного капитала, т. е. переменного капитала, не авансированного, а действительно примененного в продолжение года, равна 100 ф. ст. $\times X$; для рассматриваемого здесь вопроса не имеет никакого значения, много или мало, в зависимости от быстроты оборота, требуется денег для того чтобы авансировать в продолжение года переменный капитал такой стоимости. С помощью этих 100 ф. ст. $\times X$ капитала класс капиталистов покупает известное количество рабочей силы, или выплачивает заработную плату известному числу рабочих — первая сделка. Рабочие на такую же сумму покупают у капиталистов некоторое количество товаров, и сумма в 100 ф. ст. $\times X$ возвращается в руки капиталистов — вторая сделка. И это повторяется постоянно. Следовательно, сумма в 100 ф. ст. $\times X$ никогда не дает возможности рабочему классу купить часть продукта, представляющую постоянный капитал, не говоря уже о той части, которая представляет прибавочную стоимость класса капиталистов. Рабочие на 100 ф. ст. $\times X$ всегда могут купить только ту часть стоимости общественного продукта, которая равна части стоимости, представляющей стоимость авансированного переменного капитала.

Оставим в стороне тот случай, когда это повсеместное накопление денег не выражает ничего иного, кроме распределения в какой бы то ни было пропорции дополнительно ввезенного благородного металла между различными отдельными капиталистами. Каким же образом тогда может накоплять деньги весь класс капиталистов?

Все они должны продавать часть своего продукта, ничего не покупая взамен. Конечно, нет ничего таинственного в том, что они обладают определенным денежным фондом, который они бросают в обращение, затрачивая его как средство обращения на свое потребление, и что затем каждый из них снова получает обратно из обращения известную часть этого фонда. Но в таком случае этот денежный фонд существует именно как фонд обращения, образовавшийся посредством превращения прибавочной стоимости в звонкую монету, но отнюдь не как скрытый денежный капитал.

Если рассматривать дело так, как оно происходит в действительности, то скрытый денежный капитал, накопляемый для позднейшего употребления, состоит:

1) Из вкладов в банки. Они составляют относительно незначительную сумму тех денег, которыми действительно располагают

банки. Денежный капитал накопляется при этом лишь номинально. Что̀ при этом действительно накопляется, так это денежные притязания, которые превращаются в деньги (если только они превращаются когда-нибудь в деньги) только потому, что устанавливается равновесие между вкладами в банк и обратными требованиями денег. В виде денег же в руках банка находится относительно лишь небольшая сумма.

2) Из государственных бумаг. Последние вообще представляют собой не капитал, а только долговые притязания на годовой продукт нации.

3) Из акций. Поскольку дело не исключительно спекулятивное, акции представляют собой титул владения на принадлежащий компании действительный капитал и свидетельство на получение прибавочной стоимости, ежегодно приносимой этим капиталом.

Во всех этих случаях не происходит никакого накопления денег: то, что на одной стороне является накоплением денежного капитала, на другой стороне оказывается постоянным действительным расходованием денег. Расходуются ли деньги тем лицом, которому они принадлежат, или другим, его должником, это нисколько не изменяет дела.

На основе капиталистического производства образование сокровища никогда не является целью само по себе, оно является результатом или задержки в обращении, — при которой большее, чем обыкновенно, количество денег принимает форму сокровища, — или оно является результатом накоплений, обусловленных оборотом, или, наконец, сокровище представляет собою лишь образование денежного капитала, — пока что в скрытой форме, — предназначенного функционировать в качестве производительного капитала.

Поэтому если, с одной стороны, часть реализованной в деньгах прибавочной стоимости извлекается из обращения и накопляется в виде сокровища, то одновременно другая часть прибавочной стоимости постоянно превращается в производительный капитал. За исключением того случая, когда между классом капиталистов распределяется дополнительный благородный металл, накопление в денежной форме никогда не происходит одновременно во всех пунктах.

Все то, что касается части годового продукта, представляющей прибавочную стоимость в товарной форме, все это относится и к другой части годового продукта. Для ее обращения требуется известная сумма денег. Эта сумма денег точно так же принадлежит классу капиталистов, как и ежегодно производимая масса товаров, представляющая прибавочную стоимость. Она первоначально пускается в обращение самим классом капиталистов. Она постоянно снова распределяется между ними самим процессом обращения. Как и вообще при обращении монет, одна часть этой суммы

постоянно задерживается то в том, то в другом пункте, тогда как другая часть непрерывно обращается. Дело нисколько не изменяется, если такое задерживание совершается отчасти преднамеренно, с целью образования денежного капитала.

Здесь мы оставляем в стороне те исключительные случаи в области обращения, когда один капиталист захватывает долю прибавочной стоимости и даже капитала другого капиталиста, а потому происходит одностороннее накопление и централизация как денежного, так и производительного капитала. Так, напр., часть добытой прибавочной стоимости, накопляемая как денежный капитал капиталистом *A*, может представлять долю прибавочной стоимости капиталиста *B*, которая не возвращается к нему.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

ВОСПРОИЗВОДСТВО И ОБРАЩЕНИЕ ВСЕГО ОБЩЕСТВЕННОГО КАПИТАЛА.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ[34].

ВВЕДЕНИЕ.

I. ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Непосредственный процесс производства капитала представляет собою процесс труда и процесс возрастания стоимости, т. е. процесс, результатом которого является товарный продукт, а определяющим мотивом — производство прибавочной стоимости.

Процесс воспроизводства капитала охватывает как этот непосредственный процесс производства, так и обе фазы процесса обращения в собственном смысле, т. е. процесс воспроизводства капитала охватывает весь кругооборот, который, как процесс периодический, — процесс, снова и снова повторяющийся через определенные периоды времени, — образует оборот капитала.

Будем ли мы рассматривать кругооборот в форме *Д...Д'* или форме *П...П*, непосредственный процесс производства *П* всегда составляет лишь одно звено этого кругооборота. В одной форме он является опосредствованием процесса обращения, в другой форме процесс обращения опосредствует процесс производства. Постоянное возобновление этого процесса, постоянно повторяющееся появление капитала в форме производительного капитала в обоих случаях обусловливается его превращениями в процессе обращения. С другой стороны, постоянно возобновляющийся процесс производства является условием превращений, которые постоянно снова и снова проделываются капиталом в сфере обращения, — условием его попеременного появления то в форме денежного капитала, то в форме товарного капитала.

Однако каждый отдельный капитал составляет лишь обособившуюся, одаренную, так сказать, индивидуальной жизнью,

[34] Из рукописи II.

дробную часть всего общественного капитала, подобно тому как каждый отдельный капиталист представляет собою лишь индивидуальный элемент класса капиталистов. Движение общественного капитала состоит из совокупности движений его обособившихся дробных частей, из совокупности оборотов индивидуальных капиталов. Как метаморфоза отдельного товара является звеном в цепи метаморфоз товарного мира — товарного обращения, точно так же метаморфоза индивидуального капитала, его оборот, является звеном в кругообороте общественного капитала.

Весь этот процесс в целом охватывает как производительное потребление (непосредственный процесс производства) вместе с превращениями формы (обменами, если рассматривать дело с вещественной стороны), которые опосредствуют его, так и индивидуальное потребление с опосредствующими его превращениями форм или обменами. Он охватывает, с одной стороны, превращение переменного капитала в рабочую силу, а следовательно и включение рабочей силы в капиталистический процесс производства. Здесь рабочий выступает в качестве продавца своего товара — рабочей силы, а капиталист — в качестве ее покупателя. Но, с другой стороны, продажа товаров предполагает и куплю последних рабочим классом, следовательно их индивидуальное потребление. Здесь рабочий класс выступает в качестве покупателя, а капиталисты — в качестве продавцов товаров рабочим.

Обращение товарного капитала включает обращение и прибавочной стоимости, а следовательно и те акты купли и продажи, при посредстве которых осуществляется индивидуальное потребление капиталистов, потребление прибавочной стоимости.

Кругооборот индивидуальных капиталов в их связи с общественным капиталом, т. е. кругооборот, рассматриваемый в его совокупности, охватывает не только обращение капитала, но и общее товарное обращение. Последнее может первоначально состоять только из двух составных частей: 1) кругооборота капитала в собственном смысле и 2) кругооборота товаров, входящих в индивидуальное потребление, т. е. товаров, на которые рабочий расходует свою заработную плату, а капиталист — свою прибавочную стоимость (или часть своей прибавочной стоимости). Во всяком случае кругооборот капитала охватывает и обращение прибавочной стоимости, поскольку она составляет часть товарного капитала, а также и превращение переменного капитала в рабочую силу, выплату заработной платы. Но расходование этой прибавочной стоимости и заработной платы на товары не входит звеном в обращение капитала, несмотря на то, что по меньшей мере расходование заработной платы обусловливает это обращение.

В I книге был подвергнут анализу капиталистический процесс производства и как отдельный акт и как процесс воспроизводства: производство прибавочной стоимости и производство

самого капитала. Та смена формы и изменение вещества, которые капитал проделывает в сфере обращения, были взяты нами в виде предпосылки, на которой мы не останавливались долее. Таким образом мы предполагали, что, с одной стороны, капиталист продает продукт по его стоимости и что, с другой стороны, он находит в сфере обращения материальные средства производства, необходимые для того чтобы возобновить процесс или чтобы непрерывно продолжать его. Единственным актом в сфере обращения, на котором нам пришлось там останавливаться, был акт купли и продажи рабочей силы, представляющий основное условие капиталистического производства.

В первом отделе этой II книги мы рассмотрели различные формы, которые капитал принимает в своем кругообороте, и различные формы самого этого кругооборота. К рабочему времени, рассмотренному в I книге, теперь присоединяется время обращения.

Во втором отделе мы рассматривали кругооборот капитала как кругооборот периодический, т. е. как оборот капитала. Мы показали, с одной стороны, как различные составные части капитала (основной и оборотный) проходят кругооборот форм в различные промежутки времени и различным способом; с другой стороны, мы исследовали обстоятельства, которыми обусловливается различная продолжительность рабочего периода и периода обращения. Мы показали, какое влияние период кругооборота и различное соотношение его составных частей оказывают как на размер самого процесса производства, так и на годовую норму прибавочной стоимости. Действительно, если в первом отделе рассматривались главным образом последовательные формы, которые в своем кругообороте постоянно принимает и сбрасывает капитал, то во втором отделе мы рассмотрели, каким образом в этом движении и последовательной смене форм капитал данной величины одновременно, хотя и в изменяющемся отношении, разделяется на различные формы: на производительный капитал, денежный капитал и товарный капитал, причем эти формы не только чередуются друг с другом, но различные части всей капитальной стоимости постоянно пребывают одна возле другой и функционируют в этих различных состояниях. В частности денежный капитал при этом проявил особенность, которая не обнаруживалась в I книге. Мы нашли те определенные законы, согласно которым составные части данного капитала, различные по величине — в зависимости от условий оборота, — постоянно должны авансироваться и возобновляться в форме денежного капитала, для того чтобы производительный капитал данного размера мог беспрерывно функционировать.

Но как в первом, так и во втором отделе дело шло постоянно лишь об индивидуальном капитале, о движении обособившейся части общественного капитала.

Кругообороты индивидуальных капиталов переплетаются, однако, друг с другом, предполагают и обусловливают друг друга и как раз благодаря этому-то сплетению образуют движение всего общественного капитала. Как при простом товарном обращении вся метаморфоза товара представлялась звеном в цепи метаморфоз товарного мира, так теперь метаморфоза индивидуального капитала является членом ряда метаморфоз общественного капитала. Но если простое товарное обращение отнюдь не включало в себя с необходимостью обращения капитала, так как оно может совершаться на основе некапиталистического производства, то кругооборот всего общественного капитала, как уже замечено, включает в себя и товарное обращение, лежащее вне сферы кругооборота отдельного капитала, т. е. включает и обращение товаров, которые не являются капиталом.

Мы должны теперь перейти к рассмотрению процесса обращения (который в своей совокупности есть форма процесса воспроизводства) индивидуальных капиталов как составных частей всего общественного капитала, т. е. к рассмотрению процесса обращения всего общественного капитала.

II. РОЛЬ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА.

{Хотя последующее относится лишь к позднейшей части этого отдела, все же мы непосредственно приступим к исследованию денежного капитала как составной части всего общественного капитала.}

При рассмотрении оборота индивидуального капитала были обнаружены две стороны денежного капитала.

Во-первых, он образует ту форму, в которой каждый индивидуальный капитал выступает на сцену, начинает свой процесс как капитал. Он выступает поэтому как primus motor, дающий толчок всему процессу.

Во-вторых, в зависимости от различной продолжительности периода оборота и различного отношения между обеими составными частями последнего — рабочим периодом и периодом обращения — изменяется и относительная величина той составной части авансированной капитальной стоимости, которая должна постоянно авансироваться и возобновляться в денежной форме: изменяется ее величина по отношению к производительному капиталу, приводимому ею в движение, т. е. по отношению к постоянному размеру производства. Но каково бы ни было это отношение, при всех условиях та часть находящейся в движении капитальной стоимости, которая может постоянно функционировать как производительный капитал, ограничена той частью авансированной

капитальной стоимости, которая должна постоянно существовать в денежной форме рядом с производительным капиталом. Речь идет здесь лишь о нормальном обороте, об абстрактной средней величине. При этом мы оставляем в стороне добавочный денежный капитал, необходимый для того чтобы сглаживать нарушения обращения.

К первому пункту. Товарное производство предполагает товарное обращение, а товарное обращение предполагает, что товар находит себе выражение в деньгах, предполагает денежное обращение; раздвоение товара на товар и деньги и есть закон выражения продукта как товара. Точно так же капиталистическое товарное производство, как бы его ни рассматривать — с общественной или с индивидуальной точки зрения, — предполагает существование капитала в денежной форме, или существование денежного капитала и в качестве primus motor для каждого вновь возникающего дела и в качестве постоянного двигателя. Оборотный капитал в особенности предполагает, что через короткие промежутки времени постоянно вновь появляется денежный капитал в качестве двигателя. Всю авансированную капитальную стоимость, т. е. все составные части капитала, состоящие из товаров: рабочую силу, средства труда и производственные материалы, постоянно приходится снова и снова покупать на деньги. То, что говорится здесь об индивидуальном капитале, относится и к общественному капиталу, который функционирует лишь в форме многих индивидуальных капиталов. Но, как уже показано в I книге, из этого отнюдь не следует, чтобы поле функционирования капитала, масштаб производства, даже на капиталистическом базисе, в своих *абсолютных* границах зависели от размера функционирующего денежного капитала.

В капитал входят элементы производства, эластичность которых, в известных границах, не зависит от величины авансированного денежного капитала. При одинаковой оплате рабочей силы ее можно подвергать экстенсивно или интенсивно более сильной эксплуатации. Если при такой более сильной эксплуатации увеличивается и денежный капитал (т. е. повышается заработная плата), то не пропорционально усилению эксплуатации, следовательно он увеличивается вовсе не pro tanto [пропорционально].

Производительно эксплуатируемый материал природы, — не составляющий элемента стоимости капитала, — земля, море, руды, леса и т. д., при большем напряжении одного и того же количества рабочих сил может интенсивно или экстенсивно сильнее эксплуатироваться без увеличения авансируемого денежного капитала. Таким образом реальные элементы производительного капитала увеличиваются, не требуя дополнительного денежного капитала. Если же последний потребуется на дополнительные вспомогательные материалы, то денежный капитал, в котором авансируется

капитальная стоимость, увеличивается не пропорционально расширению деятельности производительного капитала, следовательно увеличивается вовсе не pro tanto.

Одни и те же средства труда, т. е. один и тот же основной капитал, можно использовать более эффективно как посредством удлинения времени его ежедневного употребления, так и посредством увеличения интенсивности его применения, причем не потребуется дополнительной денежной затраты на основной капитал. В таком случае происходит лишь более быстрый оборот основного капитала, но зато и элементы его воспроизводства будут доставляться быстрее.

Оставляя в стороне материалы природы, в процесс производства могут быть включены в качестве более или менее эффективно действующих агентов силы природы, что опять-таки ничего не стоит. Степень их эффективности зависит от методов их применения и прогресса науки, которые опять-таки ничего не стоят капиталисту.

То же самое относится к общественному комбинированию рабочей силы в процессе производства и к искусству, накопленному отдельными рабочими. Кэри исчисляет, что землевладелец никогда не получает достаточно, так как ему оплачивается не весь тот капитал, соответственно не весь тот труд, который с незапамятных времен вкладывался в почву, чтобы придать ей теперешнее плодородие. (Конечно, о том плодородии, которое у нее отнимается, нет упоминания.) В соответствии с этим каждый отдельный рабочий должен был бы оплачиваться сообразно с тем трудом, который потрачен всем человеческим родом, чтобы превратить дикаря в современного механика. Следовало бы рассуждать как раз наоборот: если принять в расчет весь вложенный в землю неоплаченный труд, превращаемый в деньги землевладельцем и капиталистом, то весь вложенный в землю капитал возвращен много-много раз, да еще с ростовщическими процентами; таким образом земельная собственность давным-давно уже много раз выкуплена обществом.

Повышение производительной силы труда, поскольку оно не предполагает дополнительной затраты капитальных стоимостей, повышает, правда, прежде всего лишь массу продукта, а не его стоимость; исключение представляет тот случай, когда оно позволяет посредством того же количества труда воспроизводить больше постоянного капитала, а следовательно и сохранять стоимость большего капитала. Но в то же время повышение производительности труда создает новый материал для капитала, следовательно базис для усиленного накопления капитала.

Поскольку самая организация общественного труда, а потому и повышение общественной производительной силы труда требует, чтобы производство велось в крупном масштабе и чтобы отдельные капиталисты авансировали крупные массы денежного капитала,

это отчасти достигается, как уже показано в I книге, посредством централизации капиталов в немногих руках, причем нет никакой необходимости в том, чтобы при этом происходило абсолютное увеличение размера функционирующих капитальных стоимостей, а следовательно и размера того денежного капитала, в виде которого они авансируются. Величина отдельных капиталов может возрастать вследствие централизации в немногих руках без возрастания общественной суммы этих капиталов. Это лишь изменение распределения отдельных капиталов.

Наконец, в предыдущем отделе было показано, что сокращение периода оборота позволяет приводить в движение с меньшим денежным капиталом тот же самый производительный капитал или с тем же денежным капиталом больший производительный капитал.

Но все это, очевидно, не имеет никакого отношения собственно к вопросу о денежном капитале. Это показывает только, что авансированный капитал — данная сумма стоимости, которая в своей свободной форме, в форме стоимости, состоит из определенной суммы денег, — после своего превращения в производительный капитал содержит в себе производительные возможности, границы которых не определяются величиной стоимости и которые в известных пределах могут действовать, напротив, с различной степенью экстенсивности или интенсивности. Если цены элементов производства — средств производства и рабочей силы — даны, то этим определена величина того денежного капитала, который необходим для купли определенного количества этих элементов производства, существующих в виде товаров. Другими словами, определена величина стоимости того капитала, который приходится авансировать. Но размеры, в которых этот капитал действует как фактор создания стоимости и продукта, эластичны и изменчивы.

Ко второму пункту. Само собою понятно, что та часть общественного труда и средств производства, которая ежегодно расходуется на производство или покупку денег, на возмещение сношенной монеты, является pro tanto вычетом из общественного производства. Но что касается денежной стоимости, функционирующей частью в виде средства обращения, частью в виде сокровища, то, раз она уже имеется, добыта, она занимает место рядом с рабочей силой, произведенными средствами производства и естественными источниками богатства. Ее нельзя рассматривать как нечто, ограничивающее эти последние. Посредством превращения ее в элементы производства, посредством обмена с другими народами могли бы быть расширены размеры производства. Это предполагает, однако, что деньги в данном случае, как и раньше, играют роль всемирных денег.

В зависимости от продолжительности периода оборота требуется бо́льшая или меньшая масса денежного капитала для того

чтобы привести в движение производительный капитал. Точно так же мы видели, что деление периода оборота на рабочее время и время обращения обусловливает увеличение находящегося в денежной форме скрытого капитала, или капитала, применение которого отсрочено.

В той мере, в какой период оборота определяется продолжительностью рабочего периода, он определяется, при прочих равных условиях, материальной природой процесса производства, следовательно не специфически общественным характером этого процесса производства. Однако на основе капиталистического производства сравнительно широкие операции более длительного характера обусловливают авансирование более крупного денежного капитала на более продолжительное время. Следовательно, производство в таких областях находится в зависимости от того, в каких пределах отдельный капиталист располагает денежным капиталом. В этой границе прокладывается брешь системой кредита и связанным с нею ассоциированием, напр. акционерными обществами. Поэтому нарушения, происходящие на денежном рынке, приостанавливают деятельность таких предприятий, и наоборот: эти последние в свою очередь вызывают нарушения на денежном рынке.

На основе общественного производства придется определять масштаб, в котором могут производиться такие операции, которые на долгое время отвлекают рабочую силу и средства производства, не доставляя за все это время никакого продукта в виде полезного эффекта; придется определять, в каком масштабе могут производиться эти операции, не причиняя вреда таким отраслям производства, которые постоянно или несколько раз в году не только отвлекают рабочую силу и средства производства, но и доставляют жизненные средства и средства производства. При общественном производстве, так же как и при капиталистическом, рабочие, занятые в отраслях производства с относительно короткими рабочими периодами, будут лишь на короткое время отвлекать продукты, не давая взамен нового продукта; между тем как отрасли производства с длинными рабочими периодами непрерывно отвлекают продукты на более долгое время, прежде чем сами начнут давать таковые. Следовательно, это обстоятельство вытекает из вещных условий соответствующего процесса труда, а не из его общественной формы. При общественном производстве денежный капитал отпадает. Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями производства. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных потребительных запасов то количество продуктов, которое соответствует их рабочему времени. Эти удостоверения не деньги. Они не совершают обращения.

Итак, поскольку потребность в денежном капитале вытекает из продолжительности рабочего периода, она обусловливается

двумя обстоятельствами: *во-первых,* деньги вообще являются той формой, в которой должен выступить каждый индивидуальный капитал (кредит мы оставляем в стороне) для того чтобы превратиться в производительный капитал. Это вытекает из сущности капиталистического производства, вообще товарного производства. — *Во-вторых,* величина необходимо авансируемой денежной суммы ⟨и продолжительность времени, на которое она авансируется⟩, обусловливаются тем обстоятельством, что в течение более или менее продолжительного времени у общества постоянно отнимаются рабочая сила и средства производства, причем ему в это время не возвращается никакого продукта, который можно было бы превратить в деньги. Первое обстоятельство, именно, что подлежащий авансированию капитал приходится авансировать в денежной форме, не устраняется самой формой этих денег, будь то металлические деньги, кредитные деньги, знаки стоимости и т. д. На второе обстоятельство никакого влияния не оказывает, при помощи каких денежных средств или при какой форме производства отвлекаются труд, жизненные средства и средства производства, когда при этом в обращение не выбрасывается какого-либо эквивалента.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ[35].

ПРЕЖНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРЕДМЕТЕ.

1. ФИЗИОКРАТЫ.

Кенэ в «Tableau économique» [«Экономической таблице»] немногими крупными штрихами показывает, как годовой продукт национального производства определенной стоимости распределяется посредством обращения так, чтобы, при прочих равных условиях, могло совершаться простое воспроизводство этого продукта, т. е. воспроизводство в прежнем масштабе. Исходным пунктом периода производства по существу дела является урожай последнего года. Бесчисленные индивидуальные акты обращения с самого начала объединяются в характерно-общественное массовое движение, — в обращение между крупными функционально-определенными экономическими классами общества. Нас здесь интересует следующее: одна часть всего продукта, — подобно всякой другой его части, она, как предмет потребления, представляет собою новый результат труда истекшего года, — является в то же время лишь носительницей старой капитальной стоимости, вновь появляющейся в прежней натуральной форме. Она не обращается, но остается в руках ее производителей, класса фермеров, с тем, чтобы снова начать там свою службу как капитал. В эту часть годового продукта, представляющую собой постоянный капитал, Кенэ включает также не относящиеся сюда элементы, но ему удалось схватить суть дела благодаря ограниченности своего кругозора, для которого земледелие является единственной сферой приложения человеческого труда, производящей прибавочную стоимость, т. е. с капиталистической точки зрения — единственной действительно производительной сферой труда. Экономический процесс воспроизводства, каков бы ни был его специфически общественный характер, всегда переплетается в этой области (в земледелии) с естественным процессом воспроизводства. До очевидности ясные условия этого последнего бросают свет и на условия первого и не допускают заблуждений, вызываемых миражами обращения.

Этикетка системы отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но

[35] Здесь начинается рукопись VIII.

часто и продавца. Сам Кенэ и его ближайшие ученики верили в свою феодальную вывеску, подобно тому как наши школьные ученые верят в нее до сих пор. В действительности же система физиократов является первой систематической концепцией капиталистического производства. Представитель промышленного капитала — класс фермеров — является руководителем всего экономического движения. Земледелие ведется капиталистически, т. е. как крупное предприятие капиталистического фермера; непосредственный возделыватель земли — наемный рабочий. Производство создает не только предметы потребления, но и их стоимость; побудительным же мотивом производства служит получение прибавочной стоимости, местом рождения которой является сфера производства, а не сфера обращения. Из тех трех классов, которые фигурируют в качестве носителей общественного процесса воспроизводства, опосредствуемого обращением, непосредственный эксплуататор «производительного» труда, производитель прибавочной стоимости, капиталистический фермер, отличается от того, кто просто ее присваивает.

Капиталистический характер физиократической системы еще во время ее расцвета вызвал оппозицию, с одной стороны, Лэнге и Мабли, а с другой стороны, защитников свободного мелкого землевладения.

А. Смит в своем анализе процесса воспроизводства пошел назад[36], и это тем более бросается в глаза, что и в остальном он не только дает дальнейшую разработку правильного анализа Кенэ, как, напр., обобщает его «avances primitives» [первоначальные авансы] и «avances annuelles» [ежегодные авансы] в понятие «основной» и «оборотный» капитал[37], но местами совершенно впадает в физиократические заблуждения. Чтобы доказать, напр., что фермер производит бо́льшую стоимость, чем какой-либо другой вид капиталистов, он говорит: «Никакой капитал, равный по размерам, не приводит в движение большего количества производительного труда, чем капитал фермера. Ибо не только его рабочие — батраки, но и его рабочий скот являются производительными работниками». (Приятный комплимент для рабочих!) «Помимо того,

[36] «Капитал», т. I, изд. 2-е, стр. 612, прим. 32 [*К. Маркс:* «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 596, прим. 32].

[37] И здесь ему расчистили дорогу некоторые физиократы, прежде всего Тюрго. Этот последний уже чаще, чем Кенэ и другие физиократы, употребляет слово «капитал» вместо «avances» и еще более отождествляет «avances» или «capitaux» мануфактуристов и фермеров. Например: «Подобно этим последним (предпринимателям-мануфактуристам), они (les fermiers, т. е. капиталистические фермеры) должны получать кроме возвращающихся обратно капиталов» и т. д. (*Turgot:* «Oeuvres», изд. Daire, Париж 1844, т. I, стр. 40).

в сельском хозяйстве природа также *работает* вместе с человеком; и хотя *ее работа не требует никаких издержек,* ее продукт обладает своей *стоимостью точно так же, как и продукт наиболее дорого стоящих рабочих.* Наиболее важные сельскохозяйственные работы имеют целью не столько увеличить естественное плодородие природы — хотя они делают и это, — сколько направлять его к производству растений, наиболее выгодных человеку. Поле, заросшее терновником и кустарником, часто может произвести не меньше растений, чем самым тщательным образом возделанный виноградник или хлебное поле. Посев и обработка часто не столько пробуждают, сколько направляют деятельное плодородие природы, и после всех трудов земледельца главный труд всегда приходится на ее долю. Поэтому рабочие и рабочий скот (!), занятые в сельском хозяйстве, воспроизводят не только стоимость, равную стоимости их потребления или стоимости капитала, дающего им занятие, вместе с прибылью его владельца, как это мы видели у мануфактурных рабочих, но и гораздо бо̀льшую стоимость. Сверх капитала фермера и всей его прибыли они регулярно воспроизводят ренту землевладельца. Эту ренту можно рассматривать как продукт тех сил природы, пользование которыми землевладелец предоставляет фермеру. Она выше или ниже в зависимости от предполагаемой величины этих сил или, другими словами, от предполагаемого естественного или искусственно созданного плодородия земли. Она — продукт природы, остающийся после вычета и возмещения всего того, что можно признать делом рук человеческих. Она редко бывает меньше четвертой части, а часто превышает третью часть всего продукта. Такое же количество производительного труда, затраченного в мануфактурах, никогда не даст такого большого воспроизводства. В мануфактурах природа не делает ничего, — все делается человеком, и полученный продукт всегда должен быть пропорционален размерам действующих сил, создающих его. Таким образом, капитал, вкладываемый в земледелие, не только приводит в движение большее количество производительного труда, чем таких же размеров капитал, вложенный в мануфактуру, но и добавляет, в отношении к количеству применяемого им производительного труда, гораздо бо̀льшую стоимость к годовому продукту земли и труда страны, действительному богатству и доходу ее жителей» (кн. II, гл. 5, стр. 242). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 307—308.]

А. Смит говорит во II книге, главе 1: «Также и вся стоимость семян есть, собственно, основной капитал». [См. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 233.] Следовательно, здесь капитал = капитальной стоимости; она существует в «основной» форме. «Хотя семена и перемещаются все время из амбара в поле и обратно, они никогда не меняют хозяина и, следовательно, не совершают обращения в собственном смысле. Фермер получает

свою прибыль не от продажи их, а от их приращения» (стр. 186). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 233.] Ограниченность проявляется здесь в том, что Смит не видит, как это видел уже Кенэ, повторного появления стоимости постоянного капитала в обновленной форме, следовательно не видит важного момента процесса воспроизводства, а видит только лишнюю иллюстрацию — к тому же еще и неправильную — своего различия между оборотным и основным капиталом. — Переводя «avances primitives» и «avances annuelles» выражениями «fixed capital» и «circulating capital», Смит делает шаг вперед в употреблении слова «капитал»; понятие это обобщается, становится независимым от того особого внимания к «земледельческой» сфере применения, которое характерно для физиократов. Шагом назад является то, что различия между «основным» и «оборотным» капиталом принимаются и удерживаются как решающие различия.

II. АДАМ СМИТ.

1) *Общие положения Смита.*

А. Смит говорит в книге I, главе 6, стр. 42: «Во всяком обществе цена каждого товара в конечном счете сводится к одной из этих частей (заработной плате, прибыли и земельной ренте) или ко всем им, а в каждом развитом обществе все эти три составные части в большей или меньшей мере входят в цену громадного большинства товаров»[38] [ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 47], или, как сказано ниже (стр. 63): «Заработная плата, прибыль и земельная рента являются тремя *первоначальными источниками* всякого дохода, равно как и *всякой меновой стоимости*» [там же, стр. 49]. Ниже мы рассмотрим более подробно это учение А. Смита относительно «составных частей цены товаров», или, соответственно, «всякой меновой стоимости». — Далее говорится: «И, как было указано, если так обстоит дело с каждым единичным товаром, взятым в отдельности, то это должно относиться и ко всей совокупности товаров, составляющих *годовой продукт* земли и труда каждой страны. *Общая цена или меновая стоимость* этого годового продукта должна *распадаться* на такие же три части

[38] Чтобы читатель не заблуждался относительно смысла фразы «цена подавляющей части товаров», приведем следующую выдержку, свидетельствующую о том, как сам А. Смит объясняет это выражение: например, в цену морской рыбы рента не входит, а входит только заработная плата и прибыль; в цену scotch pebbles входит лишь заработная плата: «В некоторых частях Шотландии бедняки создают себе промысел из собирания на морском берегу пестрых камешков, известных под названием шотландских голышей. Цена, которую платят им за эти камешки резчики по камню, состоит только из заработной платы, так как ни земельная рента, ни прибыль не составляют ни малейшей доли ее».

и *распределяться* между различными жителями страны в виде ли заработной *платы* за их труд, *прибыли* с их капитала или *ренты* с их землевладения» (кн. II, гл. 2, стр. 190). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 238.]

После того как А. Смит и цену всех товаров, взятых в отдельности, и «всю цену или меновую стоимость... годового продукта земли и труда каждой страны» свел, таким образом, к трем источникам доходов: наемного рабочего, капиталиста и земельного собственника, к заработной плате, прибыли и земельной ренте, ему все-таки пришлось ввести окольным, контрабандным путем четвертый элемент, именно — элемент капитала. Это достигается посредством различения между валовым и чистым доходом. «*Валовой* доход всех жителей обширной страны состоит из *всего годового продукта* их земли и труда; их *чистый* доход составляет то, что остается в их распоряжении *за вычетом издержек по восстановлению,* во-первых, их *основного,* а во-вторых, их *оборотного капитала,* или, другими словами, все то, что они могут, не уменьшая своего капитала, включить в запас, предназначенный для непосредственного потребления, или затратить на свое питание, удобства и удовольствия. Их действительное богатство тоже пропорционально не их валовому, а чистому доходу» (там же, стр. 190). [См. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 239.]

На это мы заметим:

1) А. Смит рассматривает здесь несомненно простое воспроизводство, а не воспроизводство в расширенном масштабе, или накопление. Он говорит только о расходах по содержанию («maintaining») функционирующего капитала. «Чистый» доход равняется той части годового продукта — общества ли, индивидуального ли капиталиста, — которая может войти в «фонд потребления», но размеры этого фонда не должны затрагивать функционирующий капитал (encroach upon capital). Следовательно, часть стоимости как индивидуального, так и общественного продукта не сводится ни к заработной плате, ни к прибыли или земельной ренте, но сводится к капиталу.

2) А. Смит укрывается от своей собственной теории посредством игры слов, посредством различения gross и net revenue, — валового и чистого дохода. Индивидуальный капиталист, как и весь класс капиталистов, или так называемая нация, вместо потребленного в производстве капитала получает товарный продукт. Стоимость этого последнего, — ее можно было бы представить в пропорциональных частях самого продукта, — с одной стороны, возмещает затраченную капитальную стоимость, следовательно образует доход, буквально revenue (revenue — причастие, от revenir, возвращаться), однако, nota bene, образует Kapital-Revenue, или доход на капитал. С другой стороны, составные части стоимости, которые «распределяются между различными жителями

страны в виде ли заработной платы за их труд, прибыли с их капитала или ренты с их землевладения», составляют то, что в обыденной жизни и называется доходом. Стоимость всего продукта составляет поэтому чей-нибудь доход, будь то для индивидуального капиталиста или для всей страны; но он составляет, с одной стороны, доход на капитал, а с другой стороны, — отличную от него форму «revenue». Таким образом то, что было устранено при разложении стоимости товара на ее составные части, снова вводится с заднего крыльца посредством двусмысленного слова «revenue». Но «присвоить в качестве дохода» можно лишь такие составные части стоимости продукта, которые уже существуют в нем. Чтобы *капитал* составил доход как «revenue», он должен быть предварительно израсходован.

А. Смит говорит дальше: «Минимальная обычная норма прибыли должна всегда быть несколько больше того, что достаточно для покрытия случайных потерь, возможных при любом помещении капитала. Только этот излишек представляет собою чистую прибыль». {А какой капиталист понимает под прибылью необходимые затраты капитала?} «Так называемая валовая прибыль включает в себя часто не только этот излишек, но и ту сумму, которая удерживается для возмещения указанных чрезвычайных потерь» (кн. I, гл. 9, стр. 72). [См. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 87.] Но это значит только то, что часть прибавочной стоимости, рассматриваемая как часть валовой прибыли, должна образовать страховой фонд производства. Этот страховой фонд создается частью прибавочного труда, который постольку непосредственно производит капитал, т. е. фонд, предназначенный для воспроизводства. Что же касается расхода на «содержание» основного капитала и т. д. (см. цитированные выше места), то возмещение потребленного основного капитала новым не составляет новой затраты капитала, а представляет собою только возобновление старой капитальной стоимости в новой форме. Что касается издержек на ремонт основного капитала, которые А. Смит тоже относит к издержкам по содержанию, то они входят в цену авансированного капитала. То, что капиталисту не приходится разом вкладывать эту часть капитала, что он вкладывает ее во время функционирования капитала лишь постепенно, по мере потребности, и может пользоваться для этой цели уже полученной прибылью, — это обстоятельство нисколько не изменяет источника этой прибыли. Та составная часть стоимости, которая является источником этой прибыли, показывает только, что рабочий доставляет прибавочный труд и для страхового фонда и для фонда, предназначенного на ремонт.

А. Смит рассказывает нам далее, что из чистого дохода, т. е. из дохода в специфическом смысле, следует исключить весь основной капитал, а также всю ту часть оборотного капитала, которая

требуется для содержания и ремонта основного капитала, равно как и для его возобновления, т. е. в сущности следует исключить весь капитал, находящийся не в такой натуральной форме, в которой он предназначается для потребительного фонда.

«Все издержки по поддержанию основного капитала необходимо, очевидно, исключить из чистого дохода общества. Ни при каких условиях не могут входить в него ни материалы, необходимые для ремонта его полезных машин и орудий труда,... ни продукт труда, необходимого для приведения этих материалов в надлежащий вид. *Цена* же этого труда может составлять часть чистого дохода, ибо рабочие, занятые им, могут всю стоимость своей заработной платы обращать в свой запас, предназначенный для непосредственного потребления. Но что касается других видов труда, то тут как его *цена*» {т. е. плата, выдаваемая за этот труд}, «так и *продукт*» {в котором этот труд воплощен} «превращаются в запас: цена — в запас рабочих, продукт — в запас других лиц, существование которых улучшается, удобства и удовольствия которых возрастают благодаря труду этих рабочих» (кн. II, гл. 2, стр. 190, 191). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 239.]

А. Смит наталкивается здесь на очень важное различие между рабочими, занятыми в производстве *средств производства*, и такими, которые заняты непосредственным производством *предметов потребления*. Стоимость товарного продукта первой категории рабочих содержит в себе составную часть, равную сумме заработных плат, т. е. стоимости той части капитала, которая затрачена на куплю рабочей силы. Эта часть стоимости существует физически как известная часть средств производства, произведенных этими рабочими. Деньги, полученные ими как заработная плата, для них образуют доход, но их труд не произвел, ни для них самих, ни для других, продуктов, пригодных для потребления. Следовательно, сами их продукты не образуют элемента той части годового продукта, которая предназначена доставить общественный потребительный фонд, тот фонд, в котором только и может реализоваться чистый «доход». А. Смит забывает здесь добавить, что сказанное о заработной плате одинаково относится и к той составной части стоимости средств производства, которая в качестве прибавочной стоимости под видом категорий прибыли и ренты образует доход (прежде всего) промышленных капиталистов. Эти составные части стоимости тоже существуют в форме средств производства, в форме предметов, не пригодных для потребления. Только после своего превращения в деньги они могут поднять соответствующее их цене количество предметов потребления, произведенных второй категорией рабочих, и перенести его в фонд индивидуального потребления владельцев этих средств производства. А. Смиту тем более следовало бы уяснить себе, что часть стоимости ежегодно

производимых средств производства, которая равна стоимости средств производства, функционирующих в этой сфере производства, — т. е. равна стоимости средств производства, которыми делаются средства производства, — следовательно, часть стоимости, равная стоимости примененного здесь постоянного капитала, абсолютно не может служить составной частью стоимости, образующей доход, — не только вследствие той натуральной формы, в которой эта часть существует, но и вследствие функционирования ее в качестве капитала.

По отношению ко второй категории рабочих, т. е. тех, которые непосредственно производят предметы потребления, определения А. Смита не совсем точны. Именно, он говорит, что в таких отраслях труда в фонд непосредственного потребления входят (go to) и цена труда и продукт: «*цена* (т. е. деньги, полученные как заработная плата) — в потребительный фонд *рабочих, продукт* — в потребительный фонд *других лиц* (that of other people), существование которых улучшается, удобства и удовольствия которых возрастают благодаря труду этих рабочих». Но рабочий не может жить «*ценою*» своего труда, деньгами, которыми выдается ему заработная плата; он реализует эти деньги, покупая на них предметы потребления; эти последние могут частью состоять из тех сортов товаров, которые произведены им самим. С другой стороны, его собственный продукт может быть таков, что он входит только в потребление эксплуататоров труда.

Совершенно исключив, таким образом, основной капитал из «netto revenue» [«чистого дохода»] страны, А. Смит продолжает:

«Но если вся сумма затрат, произведенных на содержание основного капитала, необходимо исключается, таким образом, из чистого дохода общества, то не так обстоит дело с затратами на содержание оборотного капитала. Из четырех частей, из которых составляется этот капитал, а именно денег, жизненных средств, материалов и готовых изделий, три последние, как было уже указано, постоянно извлекаются из него и вкладываются или в основной капитал общества, или в его запасы, предназначенные для непосредственного потребления. Вся та часть этих идущих на потребление предметов, которая не идет на возмещение первого» {основного капитала}, «поступает целиком в состав последних» {в запас, предназначенный для непосредственного потребления} «и составляет часть чистого дохода общества. Поддержание этих трех частей оборотного капитала поэтому не берет из чистого дохода общества никакой доли годового продукта, исключая того, что необходимо для пополнения и возмещения основного капитала» (кн. II, гл. 2, стр. 192). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 240.]

Сказать, что часть оборотного капитала, которая не служит для производства средств производства, входит в производство

предметов потребления, т. е. в часть годового продукта, предназначенную для образования потребительного фонда общества, — это простая тавтология. Но важно то, что идет непосредственно вслед за этим:

«Оборотный капитал общества в этом отношении отличается от оборотного капитала отдельного лица. Оборотный капитал отдельного лица целиком исключен из его чистого дохода и никогда не может составлять части последнего, чистый доход отдельного лица может состоять исключительно из его прибыли. Но хотя оборотный капитал каждого отдельного лица и составляет часть оборотного капитала общества, к которому оно принадлежит, однако это не исключает для капитала возможности составлять также часть чистого дохода общества. Хотя все товары, находящиеся в лавке мелкого купца, никоим образом не могут быть включены в его собственные запасы, предназначенные для непосредственного потребления, но они могут попасть в такие запасы других людей, которые за счет дохода, получаемого из других источников, могут регулярно возмещать ему их стоимость вместе с прибылью, не вызывая этим ни малейшего уменьшения ни его капитала, ни своих собственных капиталов» (там же). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 240—241.]

Итак, мы узнаем:

1) Как основной капитал и необходимый для его воспроизводства (функционирование он забывает) и поддержания оборотный капитал, так и оборотный капитал каждого индивидуального капиталиста, функционирующий в производстве предметов потребления, полностью исключаются из *его* чистого дохода, который может состоять лишь из его прибылей. Следовательно, часть его товарного продукта, возмещающая его капитал, не разложима на составные части стоимости, образующие доход для него.

2) Оборотный капитал каждого индивидуального капиталиста образует часть оборотного капитала общества совершенно так же, как и каждый индивидуальный основной капитал.

3) Оборотный капитал общества, хотя он является лишь суммой индивидуальных оборотных капиталов, обладает характерной особенностью, отличающей его от оборотного капитала каждого индивидуального капиталиста. Последний никогда не может образовать части *дохода индивидуального капиталиста;* часть первого (а именно, состоящая из предметов потребления), напротив, может составлять в то же время и часть *дохода общества,* или, как А. Смит говорил раньше, эта часть капитала не должна непременно уменьшать чистый доход общества на часть годового продукта. В действительности то, что А. Смит называет здесь оборотным капиталом, представляет собою ежегодно производимый товарный капитал, который капиталисты, производящие предметы потребления, ежегодно бросают в обращение. Весь этот их годовой товарный

продукт состоит из предметов, годных для потребления, и образует поэтому фонд, в котором реализуются или на который расходуются чистые доходы общества (включая и заработную плату). Вместо того чтобы брать для примера товары, находящиеся в лавке мелкого торговца, А. Смиту следовало бы взять массы продуктов, лежащие на складах промышленных капиталистов.

Если бы А. Смит свел воедино те разрозненные мысли, которые владели им раньше при рассмотрении воспроизводства того капитала, который он называет основным, а теперь при рассмотрении воспроизводства того капитала, который он называет оборотным, то он пришел бы к следующему результату:

I. Общественный годовой продукт состоит из двух подразделений: первое охватывает средства производства, второе — предметы потребления. Каждое из этих подразделений необходимо рассматривать отдельно.

II. Общая стоимость той части годового продукта, которая состоит из *средств производства,* распределяется следующим образом: одна часть стоимости представляет собой лишь стоимость средств производства, которые были потреблены на изготовление этих средств производства, следовательно, это — капитальная стоимость, вновь появляющаяся в возобновленной форме. Другая часть равняется стоимости капитала, затраченного на рабочую силу, или равна сумме заработных плат, выданных капиталистами этой сферы производства. Наконец, третья часть стоимости образует источник прибылей — включая земельную ренту — промышленных капиталистов этой категории.

Первая составная часть, по А. Смиту — воспроизводенная часть основного капитала всех занятых в этом первом подразделении индивидуальных капиталов, «очевидно, исключается и никогда не может составить часть чистого дохода» индивидуальных ли капиталистов, общества ли. Она постоянно функционирует как капитал и никогда не функционирует как доход. В этом отношении «основной капитал» каждого индивидуального капиталиста ничем не отличается от основного капитала общества. Но другие части стоимости годового продукта общества, состоящего из средств производства, — части стоимости, которые, следовательно, существуют в виде соответственных долей всей этой массы средств производства, — правда, образуют в то же время *доходы всех агентов, участвующих в этом производстве:* заработную плату рабочих, прибыль и ренту капиталистов. Но для *общества* они образуют не *доход,* а *капитал,* хотя годовой продукт общества представляет просто сумму продуктов индивидуальных капиталистов, принадлежащих к этому обществу. Большей частью они уже по самой своей природе могут функционировать лишь в качестве средств производства, и даже те из них, которые в случае нужды могли бы функционировать как предметы потребления,

предназначены служить сырым или вспомогательным материалом для нового производства. Они функционируют как таковой, — следовательно, как капитал, — но не в руках своих производителей, а в руках тех, кто их применяет, а именно:

III. В руках капиталистов второго подразделения, непосредственных производителей предметов *потребления*. Эти средства производства возмещают им капитал, потребленный на производство предметов потребления (поскольку этот капитал не превращается в рабочую силу, т. е. поскольку он не составляет суммы заработных плат рабочих этого второго подразделения). А этот потребленный капитал, который в форме предметов потребления находится теперь в руках капиталистов, производящих таковые, в свою очередь с общественной точки зрения *образует потребительный фонд, в котором капиталисты и рабочие первого подразделения реализуют свои доходы.*

Если бы А. Смит продолжил свой анализ до этих пределов, то он подошел бы почти вплотную к решению всей проблемы. По существу он был уже совсем близок к этому, так как он уже заметил, что определенные части стоимости *одного* вида (средства производства) товарного капитала, из которых состоит весь годовой продукт общества, образуют, правда, доход индивидуальных рабочих и капиталистов, занятых их производством, но не образуют составной части дохода общества; тогда как часть стоимости *другого* вида (предметов потребления), хотя и образует капитальную стоимость для индивидуальных собственников этой части, — для капиталистов, занятых в этой сфере приложения капитала, — но все же образует лишь часть общественного дохода.

Но из всего сказанного выше следует:

Во-первых: хотя общественный капитал равняется лишь сумме индивидуальных капиталов, а потому и годовой товарный продукт (или товарный капитал) общества равняется сумме товарных продуктов этих индивидуальных капиталов; хотя отсюда следует, что разложение товарной стоимости на ее составные части, правильное для всякого индивидуального товарного капитала, должно оказаться правильным и ⟨в конечном счете действительно оказывается правильным⟩ и для капитала всего общества, тем не менее та форма проявления, в которой эти составные части выступают с точки зрения индивидуального капиталиста, *отличается* от формы проявления, в которой они выступают во всем общественном процессе воспроизводства.

Во-вторых: даже на базисе простого воспроизводства находит себе место не только производство заработной платы (переменного капитала) и прибавочной стоимости, но и прямое производство новой постоянной капитальной стоимости, хотя рабочий день состоит только из двух частей: из одной части, в течение которой рабочий возмещает переменный капитал, в действительности произво-

дит эквивалент, необходимый для покупки его рабочей силы, и из второй части, в течение которой он производит прибавочную стоимость (прибыль, ренту и т. д.). — Именно тот ежедневный труд, который затрачивается на воспроизводство средств производства — и стоимость которого распадается на заработную плату и прибавочную стоимость, — именно этот труд реализуется в новых средствах производства, возмещающих постоянную часть капитала, израсходованную на производство предметов потребления.

Главные затруднения, бо́льшая часть которых уже разрешена в предшествующем изложении, представляются при рассмотрении не накопления, а простого воспроизводства. Вот почему, когда дело касается движения годового продукта общества и его воспроизводства, опосредствуемого обращением, А. Смит (кн. II), как — раньше — и Кенэ («Tableau économique») исходили из простого воспроизводства.

---

2) *Разложение меновой стоимости у Смита на $v + m$.*

Согласно догме А. Смита, цена или меновая стоимость (exchangeable value) каждого отдельного товара, а следовательно и всех вместе взятых товаров, составляющих годовой продукт общества (он правильно повсюду предполагает капиталистическое производство), слагается из трех составных частей (component parts) или разлагается (resolves itself into) на заработную плату, прибыль и ренту. Догму эту можно свести к тому, что товарная стоимость $= v + m$, т. е. равняется стоимости авансированного переменного капитала плюс прибавочная стоимость. Такое сведение прибыли и ренты к тому общему единству, которое мы называем m, мы можем произвести с прямого согласия А. Смита; это видно из последующих цитат, в которых мы сначала опускаем все побочные пункты, т. е. все кажущиеся или действительные отклонения от догмы, согласно которой товарная стоимость состоит исключительно из элементов, которые мы обозначаем как $v + m$.

В мануфактуре «стоимость, которую рабочие прибавляют к стоимости материалов, распадается... на две части, из которых одна идет на оплату их заработной платы, а другая — на оплату прибыли их предпринимателя на весь капитал, который он авансировал на материалы и на заработную плату» (кн. I, гл. 6, стр. 41). [См. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 46.] — «Хотя хозяин авансирует мануфактурному рабочему его заработную плату, но она в действительности не стоит ему никаких издержек, так как стоимость этой заработной платы обычно возвращается ему вместе с прибылью в увеличенной стоимости того предмета, к которому был приложен труд рабочего» (кн. II, гл. 3, стр. 221). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г.,

стр. 278.] Часть капитала (stock), затраченная на «содержание производительного труда... выполнив свою функцию капитала для него» {капиталиста}, «образует доход этих последних» {рабочих} (кн. II, гл. 3, стр. 223). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 280.]

А. Смит в только что цитированной главе прямо говорит: «Весь годовой продукт земли и труда каждой страны... сам по себе (naturally) разделяется на две части. Одна из этих частей — и часто наибольшая — предназначается прежде всего на возмещение капитала, или на восстановление предметов продовольствия, материалов и готовых продуктов, которые были взяты из капитала; другая идет на образование дохода собственника капитала в качестве *прибыли с его капитала* или какого-либо другого лица в качестве ренты с его *землевладения*» (стр. 222). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 279—280.] Только одна часть капитала, как мы раньше слышали от А. Смита, образует в то же время доход для кого-либо, а именно та часть, которая затрачена на покупку производительного труда. Эта часть — переменный капитал — сперва «функционирует как капитал» в руках нанимателя и в его пользу, а затем «образует доход» самих производительных рабочих. Капиталист превращает часть своей капитальной стоимости в рабочую силу и тем самым превращает ее в переменный капитал; лишь благодаря такому превращению не только эта часть капитала, но и весь его капитал функционирует как промышленный капитал. Рабочий — продавец рабочей силы — получает ее стоимость в форме заработной платы. В его руках рабочая сила представляет собою лишь годный к продаже товар, — товар, продажей которого он живет и который поэтому является единственным источником его дохода. В качестве переменного капитала рабочая сила функционирует лишь в руках ее покупателя, капиталиста, и самую покупную цену ее капиталист авансирует лишь по видимости, так как ее стоимость уже раньше доставлена ему рабочими.

После того как А. Смит показал нам, таким образом, что стоимость мануфактурного продукта $= v + m$ (где $m =$ прибыли капиталиста), он говорит нам, что в земледелии рабочие, кроме «воспроизводства стоимости, равной их собственному потреблению и капиталу, дающему им занятие» {переменному капиталу}, «вместе с прибылью капиталиста», кроме «капитала фермера и всей его *прибыли*, регулярно воспроизводят еще и *ренту* землевладельца» (кн. II, гл. 5, стр. 243). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 307.] То обстоятельство, что рента идет в руки землевладельца, совершенно безразлично по отношению к вопросу, который мы рассматриваем. Прежде чем попасть в его руки, она должна существовать в руках фермера, т. е. в руках промышленного капиталиста. Прежде чем сделаться чьим-либо

доходом, она должна являться составной частью стоимости продукта. Следовательно, и рента и прибыль у самого А. Смита суть лишь составные части прибавочной стоимости, которые постоянно воспроизводятся производительным рабочим одновременно с его собственной заработной платой, т. е. вместе со стоимостью переменного капитала. Следовательно, рента и прибыль суть части прибавочной стоимости m, таким образом у А. Смита цена всех товаров разлагается на $v+m$.

Догма, согласно которой цена всех товаров (следовательно и цена годового товарного продукта) разлагается на заработную плату плюс прибыль, плюс земельная рента, даже в проскальзывающей повсюду эзотерической части работы Смита принимает такую форму, что стоимость всякого товара, а следовательно и стоимость годового товарного продукта общества $= v + m =$ капитальной стоимости, затраченной на рабочую силу и постоянно воспроизводимой рабочими, плюс прибавочная стоимость, присоединенная рабочими посредством их труда.

Этот конечный вывод А. Смита в то же время открывает нам — см. ниже — источник его одностороннего анализа составных частей, на которые может быть разложена товарная стоимость. Что эти составные части образуют одновременно различные источники дохода для различных классов, функционирующих в производстве, — это обстоятельство не имеет никакого отношения ни к определению величины каждой отдельной из этих составных частей, ни к величине суммы их стоимостей.

Когда Смит говорит: «Заработная плата, прибыль и земельная рента являются тремя первоначальными источниками всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости. Всякий иной доход в конечном счете получается из одного или другого из этих источников» (кн. I, гл. 6, стр. 48) [ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 49], — то здесь нагромождены в одну кучу всевозможные quid pro quo.

1) Все члены общества, не принимающие прямого участия в воспроизводстве, будет ли то участие трудом или участие без труда, могут получить свою долю годового товарного продукта, т. е. предметы своего потребления, прежде всего лишь из рук тех классов, которым в первую очередь достается продукт: из рук производительных рабочих, промышленных капиталистов и землевладельцев. Постольку их доходы материально [materialiter] происходят от заработной платы (производительных рабочих), прибыли и земельной ренты и потому являются доходами производными по отношению к этим первичным доходам. С другой стороны, эти производные в таком смысле доходы приобретаются их получателями посредством их общественной функции как королей, попов, профессоров, проституток, солдат и т. д.; это дает им возможность видеть в своих функциях первичные источники их доходов.

2) Здесь-то забавная ошибка А. Смита и достигает своего кульминационного пункта: начав с правильного определения составных частей стоимости товара и суммы тех вновь созданных стоимостей, которые воплощены в этих частях, указав затем, как эти составные части образуют такое же количество различных источников дохода[39], выведя таким образом доходы из стоимости, он действует потом в обратном порядке и превращает доходы из «составных частей» (component parts) в «*первоисточники* всякой меновой стоимости»; и это остается у него господствующим представлением; этим он широко открывает двери вульгарной экономии. (См. нашего Рошера.)

---

3) Постоянная часть капитала.

Посмотрим теперь, путем какого колдовства пытается А. Смит изгнать из товарной стоимости постоянную часть капитальной стоимости.

«В цене зерна, например, одна ее доля идет на оплату ренты землевладельца». Происхождение этой составной части стоимости не имеет никакого отношения к тому обстоятельству, что она уплачивается землевладельцу и в форме ренты образует его доход; точно так же происхождение других составных частей стоимости не имеет никакого отношения к тому, что они, в качестве прибыли и заработной платы, тоже образуют источники дохода.

«Другая часть покрывает заработную плату или содержание рабочих» {и рабочего скота! — добавляет он}, «занятых в его производстве, а третья доля является прибылью фермера. Эти три части, как кажется» {seem, — действительно так *кажется*}, «либо непосредственно, либо в конечном счете составляют всю цену зерна»[40]. Вся эта цена, т. е. ее величина, совершенно не зависит от ее распределения между тремя категориями лиц. «Может показаться, что необходима еще четвертая часть для возмещения капитала фермера, т. е. для возмещения снашивания его рабочего скота и других хозяйственных орудий. Но надо иметь в виду, что цена любого хозяйственного орудия, хотя бы рабочей лошади,

---

[39] Я воспроизвожу эту фразу дословно, как она находится в рукописи, хотя в данной связи кажется, будто бы она противоречит как предыдущему, так и непосредственно следующему. Это кажущееся противоречие разрешается ниже, под цифрою 4: «Капитал и доход у А. Смита». — *Ф. Э.*

[40] Мы уже совершенно не говорим о том, что Адаму особенно не повезло с его примером. Стоимость зерна только потому и разлагается на заработную плату, прибыль и ренту, что корм, съеденный рабочим скотом, представлен как заработная плата рабочего скота, а рабочий скот — как наемные рабочие, а следовательно и наемный рабочий — как рабочий скот. (Добавление из II рукописи.)

в свою очередь состоит из таких же трех частей: из ренты на землю, на которой она была вскормлена, из труда, затраченного на уход за ней и содержание ее, и прибыли фермера, авансировавшего ренту за землю и заработную плату за труд. И потому, хотя в цену хлеба должна входить оплата цены и содержания лошади, все же цена, непосредственно или в конечном счете, целиком разлагается на те же три части: «земельную ренту, труд» (он подразумевает заработную плату) «и прибыль» (кн. I, гл. 6, стр. 42). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 47.]

Вот буквально все, что приводит А. Смит для обоснования своей изумительной доктрины. Его доказательство заключается просто в повторении одного и того же утверждения. Он в виде примера допускает, что цена хлеба состоит не только из $v+m$, но, кроме того, и из цены средств производства, употребленных на производство зерна, следовательно из капитальной стоимости, которую фермер затратил не на рабочую силу. Однако, — говорит он, — цены всех этих средств производства, в свою очередь, распадаются, как и цена зерна, на $v+m$. А. Смит забывает только прибавить: кроме того, на цену средств производства, потребленных на их собственное производство. От одной отрасли производства он отсылает к другой, а от другой снова отсылает к третьей. Утверждение, что вся цена товаров «непосредственно» или «в конечном счете» (ultimately) разлагается на $v+m$, лишь в том случае не было бы пустой уверткой, если бы было показано, что товарные продукты, цена которых непосредственно разлагается на c (цена потребленных средств производства) $+v+m$, в конце концов компенсируется товарными продуктами, возмещающими эти «потребленные средства производства» во всем их объеме и произведенными, в противоположность первым товарным продуктам, при посредстве затраты только переменного капитала, т. е. капитала, расходуемого исключительно на рабочую силу. В таком случае цена последних товарных продуктов непосредственно была бы $=v+m$. Поэтому и цену первых товарных продуктов $c+v+m$, где c фигурирует как постоянная часть капитала, в конце концов можно было бы свести к $v+m$. А. Смит сам не думал, что он дает такого рода доказательство, приводя пример с собирателями scotch pebbles [камешков], которые, впрочем, согласно его утверждению: 1) не доставляют никакой прибавочной стоимости, а производят лишь собственную заработную плату; 2) не применяют никаких средств производства (однакоже и они применяют средства производства в виде корзин, мешков и других приспособлений для того чтобы уносить камешки).

Мы уже раньше видели, что А. Смит позже сам опрокидывает свою собственную теорию, не сознавая, однако, своих противоречий. Но их источник следует искать как раз в его научных исходных пунктах. Капитал, обмененный на труд, производит бо́льшую

стоимость, чем его собственная стоимость. Каким образом? Вследствие того, говорит А. Смит, что рабочие во время процесса производства придают предметам, подвергающимся обработке, такую стоимость, которая кроме эквивалента их собственной покупной цены образует прибавочную стоимость (прибыль и ренту), достающуюся не им, а тем, кто применяет их труд. Но это и все, что они доставляют и могут доставить. То, что правильно относительно промышленного труда одного дня, правильно и по отношению к тому труду, который весь класс капиталистов приводит в движение в течение года. Поэтому общая масса вновь созданной обществом годовой стоимости может быть разложена лишь на $v+m$, на эквивалент, которым рабочие возмещают капитальную стоимость, затраченную в виде их собственной покупной цены, и на дополнительную стоимость, которую они сверх того должны доставить своему нанимателю. Но оба эти элемента стоимости товаров в то же время образуют источники дохода различных классов, принимающих участие в воспроизводстве: первый — заработную плату, доход рабочих; второй — прибавочную стоимость, из которой промышленный капиталист удерживает себе одну часть в форме прибыли, а другую уступает в виде ренты, как доход землевладельца. Итак, откуда же могла бы явиться еще одна составная часть стоимости, когда вновь созданная за год стоимость не содержит никаких иных элементов, кроме $v+m$? Мы стоим здесь на почве простого воспроизводства. Если вся годовая сумма труда разлагается на труд, необходимый для воспроизводства капитальной стоимости, затраченной на рабочую силу, и на труд, необходимый для создания прибавочной стоимости, то откуда еще мог бы вообще взяться труд для производства капитальной стоимости, затраченной не на рабочую силу?

Дело обстоит следующим образом:

1) А. Смит определяет стоимость товара тем количеством труда, которое наемный рабочий присоединяет (adds) к предмету труда. Он говорит буквально: «к материалам», потому что у него речь идет о мануфактуре, которая сама уже перерабатывает продукты труда; но это нисколько не изменяет дела. Стоимость, которую рабочий присоединяет (и это «adds» есть выражение Адама) к предмету, совершенно не зависит от того обстоятельства, обладал ли *до* этого момента стоимостью сам предмет, к которому присоединяется стоимость, или нет. Таким образом рабочий создает новую стоимость в товарной форме. Часть этой вновь созданной стоимости, по А. Смиту, является эквивалентом заработной платы рабочего; следовательно, эта часть определяется размером стоимости его заработной платы. Чтобы произвести или воспроизвести стоимость, равную его заработной плате, ему придется присоединить большее или меньшее количество труда в зависимости от того, насколько велика его заработная плата. Но, с другой стороны,

рабочий сверх определяемой таким образом границы присоединяет дальнейший труд, который образует прибавочную стоимость для нанимающего его капиталиста. Остается ли эта прибавочная стоимость целиком в руках капиталиста или часть ее приходится уступить третьим лицам, — это абсолютно ничего не изменяет ни в качественном (стоимость эта вообще является прибавочной), ни в количественном (в смысле величины) характере прибавочной стоимости, присоединенной наемным рабочим. Это — стоимость, как и всякая другая часть стоимости продукта, но она отличается тем, что рабочий не получил за нее никакого эквивалента и впоследствии не получит его: капиталист, напротив, присваивает ее без эквивалента. Общая стоимость товара определяется количеством труда, затраченного рабочим на его производство. Часть этой общей стоимости определяется тем, что она равна стоимости заработной платы, т. е. является ее эквивалентом. Поэтому другая часть, прибавочная стоимость, с необходимостью определяется точно так же: она равна общей стоимости продукта минус часть стоимости этого последнего, представляющая собою эквивалент заработной платы; следовательно, она равна излишку новой стоимости, созданной при производстве товара, по сравнению с той частью заключающейся в продукте стоимости, которая равна эквиваленту заработной платы.

2) То, что правильно по отношению к товару, произведенному в отдельном промышленном предприятии каждым отдельным рабочим, правильно и по отношению к годовому продукту всех отраслей производства в целом. То, что относится к дневному труду индивидуального производительного рабочего, относится и ко всему годовому труду, приведенному в движение всем производительным рабочим классом. Он «фиксирует» (выражение Смита) в годовом продукте общую стоимость, определяемую количеством труда, затраченного в продолжение года, и эта общая стоимость распадается на две части: одна часть определяется тем количеством годового труда, посредством которого рабочий класс создает эквивалент своей годичной заработной платы, в действительности самое эту заработную плату; другая часть определяется дополнительным годовым трудом, посредством которого рабочий создает прибавочную стоимость для класса капиталистов. Следовательно, заключающаяся в годовом продукте вновь созданная за год стоимость состоит лишь из двух элементов: из эквивалента годичной заработной платы, полученной рабочим классом, и годовой прибавочной стоимости, доставленной классу капиталистов. Но годовая заработная плата составляет доход рабочего класса, годовая сумма прибавочной стоимости — доход класса капиталистов. Таким образом обе части стоимости представляют (и эта точка зрения правильна, когда речь идет о простом воспроизводстве) относительные доли в годовом фонде потребления и реализуются в нем. Таким образом нигде

не остается места для постоянной капитальной стоимости, для воспроизводства капитала, функционирующего в форме средств производства. Но во введении к своей работе А. Смит прямо говорит, что все части товарной стоимости, функционирующие как доход, совпадают с годовым продуктом труда, предназначенным для общественного потребительного фонда: «В задачу первых четырех книг, таким образом, входит выяснение того, в чем состоял доход народа или какова была природа тех фондов, которые в различные века и у различных народов составляли их годовое потребление» (стр. 12). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 5.] И в первой же фразе введения говорится: «Годичный труд каждой нации представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года и состоящие всегда или из непосредственных продуктов этого труда, или из того, что приобретается в обмен на эти продукты других наций» (стр. 11). [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 4.]

Первая ошибка А. Смита заключается в том, что он отожествляет *стоимость* годового *продукта с вновь созданной за год стоимостью*. Последняя является продуктом *только* труда истекшего года; первая заключает в себе, кроме того, все те элементы стоимости, которые были потреблены на производство годового продукта, но *произведены в предыдущий, а отчасти и в ранее истекшие годы:* средства производства, стоимость которых *лишь появляется вновь* и которые, что касается их стоимости, не были ни произведены, ни воспроизведены трудом, израсходованным в течение последнего года. Посредством такого смешения двух различных вещей А. Смит отбрасывает постоянную часть стоимости годового продукта. Само это смешение является следствием другой ошибки в его основных взглядах: он не различает двойственного характера самого труда,— труда, поскольку он, представляя собою расходование рабочей силы, создает стоимость и поскольку он в качестве конкретного полезного труда создает предметы потребления (потребительную стоимость). Общая сумма произведенных за год товаров, *т. е. весь годовой продукт,* есть продукт *полезного* труда, действовавшего за последний год; все эти товары существуют лишь вследствие того, что общественно примененный труд был израсходован в многообразно разветвленной системе различных видов полезного труда. Только поэтому в их общей стоимости стоимость средств производства, потребленных на их производство, сохранилась, опять появившись в новой натуральной форме. Следовательно, общий *годовой продукт* есть результат *полезного* труда, затраченного в течение года. Но в течение года создается вновь лишь часть *стоимости* годового *продукта;* эта часть есть *вновь созданная за год стоимость* [Wertprodukt], в которой воплощена сумма труда, приведенного в движение в течение данного года.

Следовательно, когда А. Смит в только что цитированном месте говорит: «Годичный труд каждой нации представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года», и т. д., то он односторонне становится на точку зрения просто полезного труда, который только и придал всем этим жизненным средствам форму, пригодную для потребления. Но он забывает при этом, что это было бы невозможно без содействия средств труда и предметов труда, перешедших от прежних лет, и что поэтому «годичный труд», поскольку он создавал стоимость, ни в каком случае не создал всей стоимости изготовленного им продукта; он забывает, что вновь созданная стоимость меньше, чем стоимость продукта.

Если А. Смиту и нельзя поставить в упрек, что он в этом анализе шел лишь до тех пределов, как все его последователи (хотя попытка к правильному решению вопроса имеется уже у физиократов), то в дальнейшем он, напротив, блуждает в хаосе, и главным образом именно потому, что его «эзотерическое» понимание товарной стоимости постоянно перекрещивается с экзотерическим, которое в большинстве случаев берет перевес, хотя научный инстинкт время от времени снова и снова заставляет выдвинуть эзотерическую точку зрения.

---

4) Капитал и доход у А. Смита.

Часть стоимости каждого товара (а потому и годового продукта), образующая только эквивалент заработной платы, равняется капиталу, авансированному капиталистом на заработную плату, т. е. равняется переменной составной части всего авансированного им капитала. Эту составную часть авансированной капитальной стоимости капиталист получает обратно при посредстве вновь произведенной составной части стоимости товара, доставленного наемными рабочими. Авансируется ли переменный капитал в том смысле, что капиталист выплачивает деньгами приходящуюся на долю рабочего часть еще не готового к продаже продукта, или же хотя и готового, но еще не проданного капиталистом, платит ли он рабочему деньгами, уже полученными от продажи произведенного рабочим товара, или при помощи кредита антиципирует получение этих денег, — во всех этих случаях капиталист расходует переменный капитал, который притекает к рабочим в виде денег, но, с другой стороны, во всех этих случаях он владеет эквивалентом этой капитальной стоимости в виде той части стоимости товаров, в которой рабочий вновь произвел приходящуюся на его долю часть общей стоимости, другими словами,

в которой он произвел стоимость своей собственной заработной платы. Вместо того чтобы дать рабочему эту часть стоимости в натуральной форме произведенного им же самим продукта, капиталист выплачивает ему эту часть стоимости деньгами. Таким образом для капиталиста переменная составная часть авансированной им капитальной стоимости существует теперь в форме товаров, между тем как рабочий получил эквивалент за проданную им рабочую силу в форме денег.

Следовательно, в то время как часть авансированного капиталистом капитала, превращенная покупкой рабочей силы в переменный капитал, функционирует в самом процессе производства как рабочая сила, проявляющаяся в действии, в то время как посредством расходования этой силы переменная часть авансированного капитала вновь производится в товарной форме как новая стоимость, т. е. воспроизводится, — следовательно, происходит воспроизводство, т. е. новое производство авансированной капитальной стоимости! — рабочий расходует стоимость, соответственно — цену, проданной им рабочей силы на жизненные средства, на средства воспроизводства своей рабочей силы. Сумма денег, равная переменному капиталу, составляет его доход — такой доход (revenue), поступление которого продолжается лишь до тех пор, пока рабочий в состоянии продавать свою рабочую силу капиталисту.

Товар наемного рабочего — его рабочая сила — функционирует в качестве товара лишь постольку, поскольку она включается в капитал капиталиста; с другой стороны, капитал капиталиста, израсходованный в виде денежного капитала на покупку рабочей силы, функционирует как доход в руках продавца рабочей силы, наемного рабочего.

Здесь переплетаются различные процессы обращения и производства, которых А. Смит не разграничивает.

Во-первых. Акты, относящиеся к процессу *обращения:* рабочий продает свой товар — рабочую силу — капиталисту; деньги, на которые капиталист покупает ее, являются для него деньгами, применяемыми с целью увеличения стоимости, т. е. денежным капиталом; капитал этот не израсходован, а авансирован. (В этом заключается истинный смысл «авансирования» — avance физиократов, — совершенно независимо от того, откуда сам капиталист берет деньги. Для капиталиста авансированной является всякая стоимость, которую он выдает для нужд процесса производства, независимо от того, происходит ли это до или post festum. Она авансируется самому процессу производства.) Здесь происходит лишь то же, что при всякой продаже товаров: продавец отдает потребительную стоимость (в данном случае рабочую силу) и получает ее стоимость (реализует ее цену) в деньгах; покупатель отдает свои деньги и получает взамен самый товар — в данном случае рабочую силу.

Во-вторых. В процессе *производства* купленная рабочая сила образует теперь часть функционирующего капитала, а сам рабочий функционирует здесь лишь как особая натуральная форма этого капитала, отличная от тех его элементов, которые существуют в натуральной форме средств производства. В продолжение процесса рабочий к средствам производства, которые он превращает в продукт, посредством затраты своей рабочей силы присоединяет стоимость, равную стоимости его рабочей силы (прибавочную стоимость мы оставляем в стороне); следовательно, он воспроизводит для капиталиста в товарной форме ту часть капитала, которая авансирована или должна быть авансирована ему капиталистом в виде заработной платы; рабочий производит для капиталиста эквивалент этой платы. Следовательно, он воспроизводит для капиталиста капитал, который капиталист может снова «авансировать» на покупку рабочей силы.

В-третьих. При продаже товара часть продажной цены возмещает, следовательно, капиталисту авансированный им переменный капитал, и этим создается возможность для капиталиста снова покупать рабочую силу, а для рабочего — снова ее продавать.

При всех актах купли и продажи товаров — поскольку речь идет только о самих этих сделках — совершенно безразлично, что сделает продавец с вырученными за свой товар деньгами и что сделает покупатель с купленными им предметами потребления. Следовательно, поскольку дело идет только о процессе обращения, совершенно безразлично то обстоятельство, что купленная капиталистом рабочая сила воспроизводит для него капитальную стоимость и что, с другой стороны, деньги, вырученные от продажи рабочей силы, составляют доход для рабочего. Величина стоимости предмета, которым торгует рабочий, его рабочей силы, нисколько не зависит от того, что она образует его «доход», равно как и от того, что употребление, которое покупатель дает торговой статье рабочего, воспроизводит для покупателя капитальную стоимость.

Заработная плата становится доходом, которым должен существовать рабочий, потому, что стоимость рабочей силы, — т. е. адэкватная цена, по которой продается этот товар, — определяется количеством труда, необходимым для ее воспроизводства, а самое это количество труда определяется здесь тем количеством, которое требуется для производства необходимых жизненных средств рабочего, т. е. количеством труда, необходимым для поддержания его жизни.

Совершенно неправильным является следующее утверждение А. Смита (стр.223): «*Часть капитала*, затраченная на содержание производительного труда..., выполнив свою функцию капитала для него» {капиталиста}, «образует доход этих последних» {рабочих}. [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 280.] *Деньги*, которыми капиталист оплачивает купленную им

рабочую силу, «служат ему, функционируя как капитал», поскольку он посредством этих денег присоединяет рабочую силу к вещным составным частям своего капитала, а только это и делает вообще возможным функционирование его капитала в качестве производительного капитала. Мы должны проводить следующее различение: рабочая сила для рабочего является *товаром,* а не капиталом; ею обусловливается доход для него, поскольку он может постоянно повторять ее продажу; как капитал она функционирует *после* продажи, в руках капиталиста, во время самого процесса производства. При этом рабочая сила несет двойную службу: для рабочего она служит товаром, который продается по его стоимости; для капиталиста, который купил ее, она служит силой, производящей стоимость и потребительную стоимость. Но деньги, получаемые рабочим от капиталиста, он получает лишь после того, как он отдал свою рабочую силу в пользование капиталисту, после того, как его рабочая сила уже реализована в стоимости продукта труда. Капиталист владеет этой стоимостью до того, как он ее оплачивает. Следовательно, не деньги функционируют дважды: сначала как денежная форма переменного капитала, а потом как заработная плата. Дважды функционирует рабочая сила: во-первых, в качестве *товара* при продаже рабочей силы (при определении размера заработной платы, которая должна быть выдана, деньги играют роль просто идеальной меры стоимости, причем их еще может и не быть в руках капиталиста); во-вторых, в процессе производства, где рабочая сила функционирует в распоряжении капиталиста как *капитал,* т. е. как элемент, создающий потребительную стоимость и стоимость. Она уже доставила в товарной форме тот эквивалент, который придется выплатить рабочему, — доставила этот эквивалент раньше, чем капиталист выплатит его в денежной форме рабочему. Таким образом рабочий сам создает платежный фонд, из которого капиталист оплачивает его. Но это еще не все.

Деньги, получаемые рабочим, расходуются им на содержание своей рабочей силы, следовательно, — если рассматривать класс капиталистов и класс рабочих в их совокупности, — деньги эти расходуются рабочим, чтобы сохранить для капиталиста орудие, при помощи которого он только и может оставаться капиталистом.

Таким образом постоянная купля и продажа рабочей силы увековечивает, с одной стороны, рабочую силу как элемент капитала; вследствие этого последний представляется созидателем товаров, предметов, предназначенных для потребления, обладающих стоимостью; по той же причине, далее, часть капитала, покупающая рабочую силу, постоянно восстанавливается посредством собственного продукта последней, и, следовательно, сам рабочий постоянно создает тот фонд капитала, из которого ему платят. С другой стороны, постоянная продажа рабочей силы становится

постоянно возобновляющимся средством сохранения жизни рабочего, и таким образом его рабочая сила представляется достоянием, за счет которого он получает доход, которым он живет. Доход в этом случае означает не что иное, как присвоение стоимостей посредством постоянно повторяющейся продажи товара (рабочей силы), причем сами эти стоимости служат лишь для постоянного воспроизводства продаваемого товара. И постольку А. Смит прав, говоря, что источником дохода для рабочего становится та часть стоимости созданного самим рабочим продукта, за которую капиталист выдает ему эквивалент в форме заработной платы. Но это обстоятельство ничего не изменяет ни в природе, ни в величине этой части стоимости товара; точно так же, как ничего не изменяется в стоимости средств производства от того, что они функционируют в качестве капитальных стоимостей, как не изменяются свойства и величина прямой линии от того, что эта линия образует основание треугольника или служит осью эллипсиса. Стоимость рабочей силы попрежнему определяется так же независимо от указанного обстоятельства, как и стоимость средств производства. Эта часть стоимости товара не *состоит* из дохода, как одного из образующих ее самостоятельных факторов, и не *сводится* к доходу. Хотя эта новая стоимость, постоянно воспроизводимая рабочим, и образует для него источник дохода, но его доход, наоборот, не образует вследствие этого составной части производимой им новой стоимости. Величина уплачиваемой ему доли созданной им новой стоимости определяет размер его дохода по стоимости, а не наоборот. То обстоятельство, что эта часть вновь созданной стоимости образует для него доход, указывает лишь на то, что с нею делается, на характер ее применения, но точно так же не имеет никакого касательства к ее происхождению, как к происхождению всякой другой стоимости. Если я еженедельно получаю десять талеров, то факт получения мною этого еженедельного дохода ничего не изменяет ни в *природе* стоимости десяти талеров, ни в *величине* их стоимости. Как стоимость всякого другого товара, стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимого для ее воспроизводства; характерным для этого товара (рабочей силы) является то обстоятельство, что это количество труда определяется стоимостью необходимых жизненных средств рабочего, т. е. равняется труду, необходимому для воспроизводства самих условий его жизни. Но это обстоятельство ничуть не более характерно для стоимости рабочей силы, чем для стоимости рабочего скота характерно то, что она определяется стоимостью средств существования, необходимых для содержания этого скота, т.е. массой человеческого труда, необходимой для того чтобы произвести эти средства существования.

Но причиной всех бед, постигающих А. Смита в этом вопросе, является категория «revenue» [«дохода»]. Различные виды доходов

образуют для Смита «component parts», составные части ежегодно производимой, вновь создаваемой товарной стоимости, тогда как те две части, на которые распадается эта товарная стоимость *для капиталиста,* — эквивалент его переменного капитала, авансированного в денежной форме при покупке труда, и другая часть стоимости, которая также принадлежит ему, хотя ничего ему не стоила, прибавочная стоимость, — образуют, наоборот, источники доходов. Эквивалент переменного капитала снова авансируется на рабочую силу и постольку образует доход для рабочего в форме его заработной платы. Другая часть — прибавочная стоимость — не служит для возмещения капиталисту какой бы то ни было части авансированного капитала, и потому он может израсходовать ее на предметы потребления (необходимые предметы потребления, а также предметы роскоши), может потребить ее как доход, не превращая ее в капитальную стоимость того или иного рода. Предпосылкой этого дохода является сама товарная стоимость, и ее составные части лишь постольку различаются для капиталиста, поскольку они образуют или эквивалент *за* авансированную переменную капитальную стоимость, или излишек *над* авансированной переменной капитальной стоимостью. Обе части состоят не из чего иного, как из рабочей силы, израсходованной во время производства товара, приведенной в действие в процессе труда. Они представляют расходование, не доход или revenue — представляют расходование труда.

В соответствии с этим quid pro quo, при котором доход становится источником товарной стоимости, а не товарная стоимость является источником дохода, товарная стоимость оказывается «составленной» из различного рода доходов. Они определяются независимо один от другого, и общая стоимость товара определяется посредством сложения величин стоимости этих доходов. Но, спрашивается, как определяется стоимость каждого из этих доходов, из которых должна возникнуть товарная стоимость? Что касается заработной платы, то ее можно определить, потому что она является стоимостью соответствующего товара, рабочей силы, а эта стоимость определяется (подобно стоимости всякого другого товара) трудом, необходимым для воспроизводства этого товара. Но как можно определить прибавочную стоимость, или, согласно А. Смиту, две ее формы: прибыль и земельную ренту? Здесь приходится отделаться просто болтовней. А. Смит то представляет заработную плату и прибавочную стоимость (соответственно — заработную плату и прибыль) как составные части, из которых составляется товарная стоимость, а соответственно цена, то — и часто почти без всякой передышки — представляет их как части, на которые «разлагается» (resolves itself) цена товара; а это означает, наоборот, что товарная стоимость есть наперед данное и что различные части этой уже данной стоимости в форме

различных доходов достаются различным лицам, принимающим участие в процессе производства. Но это ни в каком случае не равнозначаще с тем, что стоимость состоит из этих трех «составных частей». Я могу самостоятельно определить величину трех различных прямых линий, а затем, взяв эти три линии в качестве «составных частей», образовать четвертую прямую линию, равную по величине сумме трех линий; но это отнюдь не та же самая процедура, как если бы я, имея перед собою данную прямую линию, с той или иной целью стал бы делить, некоторым образом «разлагать» ее на три различные части. В первом случае величина линии неизбежно изменяется с изменением величины трех линий, сумму которых она образует; в последнем случае величина трех частей линии заранее ограничена тем, что они составляют части линии данной величины.

Если мы в действительности будем придерживаться того, что есть правильного в изображении А. Смита, а именно: что *вновь созданная годичным трудом стоимость,* заключающаяся в годовом товарном продукте общества (как и во всяком отдельном товаре или в дневном, недельном и т. п. продукте), равна стоимости авансированного переменного капитала (т. е. части стоимости, вновь предназначенной на покупку рабочей силы) плюс прибавочная стоимость, которую капиталист может реализовать — при простом воспроизводстве и прочих равных условиях — в предметах своего индивидуального потребления; если помнить, далее, что А. Смит сваливает в одну кучу труд, поскольку он создает стоимость, является затратой рабочей силы, и труд, поскольку он создает потребительную стоимость, т. е. расходуется в полезной, целесообразной форме, то в таком случае все представление А. Смита сводится к следующему: стоимость всякого товара есть продукт труда, а следовательно таковым является и стоимость продукта годового труда или стоимость годового общественного товарного продукта. Но всякий труд разлагается на 1) необходимое рабочее время, в течение которого рабочий только воспроизводит эквивалент капитала, авансированного на покупку его рабочей силы, и 2) прибавочный труд, посредством которого он доставляет капиталисту стоимость, за которую последний не уплачивает никакого эквивалента, т. е. доставляет капиталисту прибавочную стоимость; таким образом всякая товарная стоимость может разлагаться лишь на эти две различные составные части и в конечном счете образует в качестве заработной платы доход рабочего класса, а в качестве прибавочной стоимости — доход класса капиталистов. Что же касается постоянной капитальной стоимости, т. е. стоимости средств производства, потребленных в производстве годового продукта, то хотя и нельзя сказать (за исключением фразы, что капиталист начисляет ее покупателю при продаже своего товара), как эта стоимость входит в стоимость нового продукта, но так как

сами средства производства представляют собою продукт труда, то в конечном счете — ultimately — эта часть стоимости опять-таки может состоять лишь из эквивалента переменного капитала и из прибавочной стоимости: из продукта необходимого труда и прибавочного труда. Если стоимости этих средств производства в руках тех, кто применяет их, функционируют как капитальные стоимости, то это не мешает тому, что «первоначально», а если добраться до корня, в других руках, — хотя бы и раньше — они распадались на те же две части стоимости, следовательно на два различных источника дохода.

Правильно во всем этом то, что в движении общественного капитала, т. е. совокупности индивидуальных капиталов, дело представляется иначе, чем для каждого индивидуального капитала, взятого в отдельности, т. е. чем оно представляется с точки зрения каждого отдельного капиталиста. Для последнего товарная стоимость разлагается на 1) постоянный элемент (четвертый, как говорит Смит) и 2) на сумму заработной платы и прибавочной стоимости, или, соответственно, заработной платы, прибыли и земельной ренты. С общественной точки зрения, наоборот, четвертый элемент Смита, постоянная капитальная стоимость, исчезает.

5) Выводы.

Нелепая формула, согласно которой три вида дохода: заработная плата, прибыль, рента, образуют три «составных части» товарной стоимости, вытекает у А. Смита из более правдоподобной формулы, по которой товарная стоимость разлагается (resolves itself) на эти три составные части. Однако и это неправильно, даже если предположить, что товарная стоимость может быть разделена на эквивалент потребленной рабочей силы и на созданную последней прибавочную стоимость. Но и это заблуждение покоится здесь опять-таки на более глубокой, правильной основе. Капиталистическое производство основано на том, что производительный рабочий продает капиталисту свою собственную рабочую силу, как свой товар, и что в руках капиталиста она функционирует потом только как элемент его производительного капитала. Эта сделка, относящаяся к обращению, — продажа и купля рабочей силы, — не только служит введением к процессу производства, но и определяет implicite его специфический характер. Производство потребительной стоимости и даже производство товара (так как оно может совершаться и независимыми производительными рабочими) здесь является лишь средством для производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости для капиталиста. Поэтому при анализе процесса производства мы видели, как производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости определяет: 1) продолжительность ежедневного процесса труда, 2) весь обще-

ственный и технический строй капиталистического процесса производства. В нем самом осуществляется различие между простым сохранением стоимости (постоянной капитальной стоимости), действительным воспроизводством авансированной стоимости (эквивалента рабочей силы) и производством прибавочной стоимости, т. е. стоимости, за которую капиталист не авансировал никакого эквивалента и не авансирует post festum [задним числом].

Хотя присвоение прибавочной стоимости — стоимости, представляющей собою излишек над эквивалентом авансированной капиталистом стоимости, подготовляется куплей и продажей рабочей силы, однако это присвоение есть акт, который совершается в самом процессе производства и образует существенный момент последнего.

Вступительный акт, представляющий собою акт обращения: купля и продажа рабочей силы, в свою очередь, основывается на распределении *элементов* производства, предшествующем распределению общественных *продуктов* и являющемся предпосылкой последнего; именно, обосновывается на отделении рабочей силы как товара рабочего от средств производства как собственности нерабочих.

Но вместе с тем это присвоение прибавочной стоимости или это разделение производства стоимости на воспроизводство авансированной стоимости и производство новой (прибавочной) стоимости, не возмещаемой никаким эквивалентом, ничего не изменяет ни в самой субстанции стоимости, ни в природе ее производства. Субстанцией стоимости всегда является только израсходованная рабочая сила — труд, независимо от особенного полезного характера этого труда, — а производство стоимости есть не что иное, как процесс этого расходования рабочей силы. Так, крепостной расходует в продолжение шести дней свою рабочую силу, работает в продолжение шести дней, и по отношению к самому факту этого расходования рабочей силы совершенно безразлично, что из этих рабочих дней крепостной работает, напр., три дня на себя на своем собственном поле, а три других дня на своего помещика на его поле. Как добровольный труд на себя, так и принудительный труд на господина в одинаковой мере представляют собою труд. Будем ли мы рассматривать шестидневный труд крепостного по отношению к созданным им стоимостям или по отношению к созданным им полезным продуктам, мы не найдем никаких различий в этом труде. Различие касается лишь тех различных отношений, которыми вызывается расходование его рабочей силы в продолжение двух половин шестидневного рабочего времени. Совершенно так же обстоит дело с необходимым и прибавочным трудом наемного рабочего.

Производственный процесс угасает в товаре. Тот факт, что на производство товара израсходована рабочая сила, представляется теперь как вещественное свойство товара, — как свойство

товара обладать стоимостью; величина этой стоимости измеряется величиною израсходованного труда; ни на что другое товарная стоимость не разлагается и не состоит ни из чего другого. Если я провел прямую линию определенной величины, то я прежде всего «произвел» прямую линию (правда, лишь символически, что я заранее знаю) при помощи черчения, которое совершается согласно известным независимым от меня правилам (законам). Если я эту линию разделю на три отрезка (которые опять-таки могут соответствовать условию определенно поставленной задачи), то каждый из этих трех отрезков остается, как и был, прямой линией, и вся линия, части которой они представляют собой, вследствие такого деления не превратится во что-либо отличное от прямой линии, напр. в какую-нибудь кривую. Так же точно я не мог бы разделить линию данной длины таким образом, чтобы сумма этих частей была больше, чем сама эта линия до ее деления; следовательно, величина всей линии не определяется также любыми определенными величинами ее частей. Наоборот, относительные величины этих последних с самого начала ограничены пределами линии, частями которой они являются.

В этом отношении товар, произведенный капиталистом, ничем не отличается от товаров, произведенных самостоятельным рабочим, общинами трудящихся [Arbeitergemeinden] или рабами. Однако в рассматриваемом нами случае весь продукт труда, как и вся его стоимость, принадлежит капиталисту. Как и всякий другой производитель, он должен сначала посредством продажи превратить товар в деньги, чтобы получить возможность дальнейших манипуляций: он должен превратить товар в форму всеобщего эквивалента. —

Рассмотрим товарный продукт до его превращения в деньги. Он целиком принадлежит капиталисту. С другой стороны, как полезный продукт труда, как потребительная стоимость, он целиком является продуктом прошлого процесса труда; не так обстоит дело с его стоимостью. Часть этой стоимости есть лишь появившаяся опять в новой форме стоимость средств производства, израсходованных в производстве товара; стоимость эта не была произведена во время процесса производства данного товара; этой стоимостью средства производства обладали еще до процесса производства, независимо от него; они вошли в этот процесс как носители этой стоимости; обновилась и изменилась лишь форма ее проявления. Эта часть товарной стоимости образует для капиталиста эквивалент той части авансированной им постоянной капитальной стоимости, которая была потреблена во время производства товара. Раньше она существовала в форме средств производства; теперь она существует как составная часть стоимости вновь произведенного товара. Как только последний превращен в деньги, эта стоимость, существующая теперь в виде денег, должна быть снова превращена

в средства производства, в свою первоначальную форму, определяемую процессом производства и ее функцией в этом последнем. В характере стоимости товара ничего не изменяется вследствие функционирования этой стоимости в качестве капитала.

Вторая часть стоимости товара есть стоимость рабочей силы, которую наемный рабочий продает капиталисту. Она определяется, как и стоимость средств производства, независимо от того процесса производства, в который должна войти рабочая сила, и, раньше чем войти в него, эта стоимость фиксируется в акте обращения, в купле и продаже рабочей силы. Своим функционированием, расходованием своей рабочей силы, наемный рабочий производит товарную стоимость, равную стоимости, которую капиталист должен уплатить ему за пользование его рабочей силой. Он дает капиталисту эту стоимость в товаре, тот выплачивает ее рабочему в деньгах. Что эта часть товарной стоимости является для капиталиста лишь эквивалентом авансируемого им на заработную плату переменного капитала, это обстоятельство ровно ничего не изменяет в том факте, что данная стоимость есть товарная стоимость, вновь созданная во время процесса производства, состоящая не из чего другого, как из того же, из чего состоит и прибавочная стоимость, именно из совершившегося расходования рабочей силы. На этот факт не оказывает никакого влияния и то обстоятельство, что стоимость рабочей силы, уплачиваемая капиталистом рабочему в форме заработной платы, принимает для рабочего форму дохода и что благодаря этому постоянно воспроизводится не только рабочая сила, но и класс наемных рабочих как таковой, а вместе с тем воспроизводится и основа всего капиталистического производства.

Но сумма этих двух частей стоимости еще не составляет всей товарной стоимости. Остается излишек сверх обеих частей: прибавочная стоимость. Эта последняя, как и часть стоимости, возмещающая авансированный на заработную плату переменный капитал, представляет собою стоимость, вновь созданную рабочим во время процесса производства, застывший труд. Дело только в том, что собственнику всего продукта, капиталисту, она ничего не стоит. Последнее обстоятельство действительно позволяет капиталисту потребить ее целиком как доход, если ему не приходится уделять часть ее другим соучастникам, — как, напр., земельную ренту землевладельцам, причем в этом случае соответствующие части образуют доход таких третьих лиц. Это же самое обстоятельство было тем побудительным мотивом, который вообще заставляет нашего капиталиста заняться производством товаров. Но ни первоначально руководившее им благое намерение получить прибавочную стоимость, ни последующее расходование как дохода этой прибавочной стоимости им и другими не оказывает никакого влияния на прибавочную стоимость как таковую. Все это ничего не изменяет в том, что она есть застывший неоплаченный труд,

нисколько не изменяет и ее величины, которая определяется совершенно другими условиями.

Но если бы А. Смит стремился одновременно с изучением товарной стоимости заняться изучением роли различных частей стоимости во всем процессе воспроизводства, — как он это и делает, — то было бы ясно, что раз определенные части стоимости функционируют как доход, то другие с таким же постоянством функционируют как капитал, а потому, согласно его логике, должны быть признаны частями, составляющими товарную стоимость, или частями, на которые она разлагается.

А. Смит отожествляет товарное производство вообще с капиталистическим товарным производством; средства производства с самого начала являются «капиталом», труд — с самого начала наемным трудом, и потому «число полезных и производительных рабочих всюду... пропорционально величине капитала, который употребляется на то, чтобы дать им работу» («to the quantity of capital stock which is employed in setting them to work». Introduction, стр. 12). Одним словом, различные факторы процесса труда, как предметные, так и личные, с самого начала выступают в масках, характерных для капиталистического периода производства. Поэтому-то анализ товарной стоимости непосредственно совпадает с выяснением того, насколько эта стоимость составляет, с одной стороны, простой эквивалент затраченного капитала и насколько, с другой стороны, она образует «свободную» стоимость, не возмещающую какой-либо авансированной капитальной стоимости, т. е. образует прибавочную стоимость. Таким образом части товарной стоимости, сопоставляемые одна с другою с этой точки зрения, незаметно превращаются в ее самостоятельные «составные части» и, наконец, в «источники всякой стоимости». Дальнейшим выводом является то, что товарная стоимость составляется из различного рода доходов или, что она «разлагается» на различного рода доходы; таким образом не доходы составляются из товарной стоимости, а товарная стоимость из «доходов». Но то обстоятельство, что товарная стоимость позднее функционирует в качестве чьего-нибудь дохода, так же не изменяет природы этой стоимости, как природа товарной стоимости как таковой или денег как таковых нисколько не изменяется, если они функционируют как капитальная стоимость. Товар, с которым А. Смиту приходится иметь дело, с самого же начала является товарным капиталом (который заключает в себе, кроме потребленной в производстве товара капитальной стоимости, еще и прибавочную стоимость), следовательно капиталистически произведенным товаром, результатом капиталистического процесса производства. Поэтому следовало бы предварительно подвергнуть анализу этот последний, а вместе с тем и входящий в него процесс возрастания и образования стоимости. Но так как предпосылкой

капиталистического процесса производства, в свою очередь, является товарное обращение, то его изображение требует, чтобы предварительно и независимо от него был произведен анализ товара. Даже когда А. Смит «эзотерически» попадает по временам на правильный путь, и в этом случае он всегда принимает во внимание производство стоимости только попутно при анализе товара, т. е. при анализе товарного капитала.

III. ПОЗДНЕЙШИЕ ЭКОНОМИСТЫ[41].

Рикардо почти дословно воспроизводит теорию А. Смита. «Не следует упускать из виду, что все продукты страны потребляются, но неизмеримо большая разница, потребляются ли они теми, кто воспроизводит их стоимость вновь, или же теми, кто не воспроизводит ее. Когда мы говорим, что доход сберегается и прибавляется к капиталу, мы подразумеваем, что та доля дохода, о которой говорится, что она прибавляется к капиталу, потребляется производительными рабочими вместо непроизводительных» («Principles», стр. 163). [См. Рикардо: «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 86.]

Действительно, Рикардо вполне принял теорию А. Смита относительно разложения товарной цены на заработную плату и прибавочную стоимость (или переменный капитал и прибавочную стоимость). В чем он полемизирует со Смитом, это: 1) относительно составных частей прибавочной стоимости; из необходимых элементов ее он исключает земельную ренту; 2) Рикардо *разлагает* цену товара на эти составные части. Следовательно, величина стоимости для него prius [предшествующее]. Рикардо предполагает, что сумма составных частей есть величина данная, он исходит из нее в противоположность А. Смиту, который часто, вразрез со своим собственным более глубоким взглядом, выводит величину стоимости товара post festum посредством сложения составных частей.

Рамсей возражает Рикардо: «Рикардо забывает, что весь продукт распределяется не только на заработную плату и прибыль, но что часть его необходима для возмещения основного капитала» («An Essay on the Distribution of Wealth». Edinburgh 1836, стр. 174). Рамсей разумеет под основным капиталом то же самое, что я разумею под постоянным: «основной капитал существует в такой форме, в которой он хотя и способствует производству товара, находящегося в работе, но не содействует содержанию рабочих» (стр. 59).

А. Смит восставал против необходимого вывода из утверждения, что товарная стоимость, а следовательно и стоимость общественного годового продукта, разлагается на заработную плату и

[41] Отсюда и до конца главы приложение из рукописи II.

прибавочную стоимость, следовательно на простые доходы, — против вывода, согласно которому мог бы быть потреблен весь годовой продукт. Оригинальные мыслители никогда не делают абсурдных выводов. Они предоставляют это Сэям и Мак Куллохам.

Действительно, Сэй довольно легко расправляется с этим делом. То, что для одного является авансированием капитала, для другого является доходом, чистым продуктом, или было им. Различие между валовым и чистым продуктом — чисто субъективное, и «таким образом общая стоимость всех продуктов распределилась в обществе как доход» (Say: «Traité d'Écon. Pol.», 1817, II, стр. 64). «Общая стоимость всякого продукта слагается из прибылей землевладельцев, капиталистов и занимающихся промышленным трудом» {заработная плата фигурирует здесь как profits des industrieux!}, «которые содействовали его производству. Благодаря этому доход общества равняется *произведенной валовой стоимости,* а не только чистому продукту земли, как полагала секта экономистов» {физиократы} (стр. 63).

Это открытие Сэя присвоил себе, между прочим, и Прудон.

Шторх, который тоже в принципе принимает доктрину А. Смита, находит, однако, что применение этого учения, сделанное Сэем, не выдерживает критики. «Если принять, что доход нации равняется ее валовому продукту, без какого бы то ни было вычета капитала» {следовало сказать: постоянного капитала}, «то следует также признать, что эта нация может непроизводительно потребить всю стоимость своего годового продукта, не причинив ни малейшего ущерба своему будущему доходу... Продукты, которые составляют» {постоянный} «капитал нации, не могут быть потребляемы» (Storch: «Considérations sur la nature du revenu national». Paris 1824, стр. 147, 150).

Но Шторх забыл сказать, как согласуется существование этой постоянной части капитала с анализом цены, позаимствованным им у Смита и согласно которому товарная стоимость содержит в себе только заработную плату и прибавочную стоимость, но не содержит никакой части постоянного капитала. Только благодаря Сэю для него становится ясным, что этот анализ цены приводит к абсурдным результатам, и его заключительное слово по этому вопросу гласит: «невозможно разложить необходимую цену на ее простейшие элементы» («Cours d'Écon. Pol.». Petersbourg 1815, II, стр. 141).

Сисмонди, бившийся над специальным рассмотрением отношения капитала к доходу и на самом деле обративший особую формулировку этого отношения в differentia specifica своих «Nouveaux Principes», не сказал *ни одного* научного слова, не внес ни атома в разрешение проблемы.

Бартон, Рамсей и Шербюлье делают попытки возвыситься над пониманием Смита. Но они терпят неудачу, так как с самого начала они ставят проблему односторонне, не проводя ясной границы между различием постоянной и переменной капитальной стоимости и различием основного и оборотного капитала.

И Джон Стюарт Милль с обычной важностью воспроизводит доктрину, перешедшую по наследству от А. Смита к его последователям.

Результат: смитовское смешение понятий продолжает существовать до настоящего времени, и догма Смита является ортодоксальным символом веры политической экономии.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО.

I. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА.

Если мы рассмотрим[42] годовое функционирование общественного капитала со стороны его результата, следовательно рассмотрим годовое функционирование всего капитала, по отношению к которому индивидуальные капиталы являются лишь дробными частями, причем движение этих частей, будучи их индивидуальным движением, в то же время представляет собою необходимое составное звено в движении всего капитала, т. е. если мы рассмотрим товарный продукт, доставляемый обществом в течение года, то станет ясно, как совершается процесс воспроизводства общественного капитала, какие характерные черты отличают этот процесс воспроизводства от процесса воспроизводства индивидуального капитала и какие черты являются общими им обоим. Годовой продукт заключает в себе как те части общественного продукта, которые возмещают капитал — общественное ⟨производство, соответственно⟩ воспроизводство, — так и те части, которые входят в фонд потребления, потребляются рабочими и капиталистами, следовательно охватывает как производительное, так и индивидуальное потребление. Воспроизводство охватывает ⟨как воспроизводство товарного мира, так⟩ и воспроизводство (т. е. сохранение) класса капиталистов и рабочего класса, а потому и воспроизводство капиталистического характера всего процесса производства.

Ясно, что нам следует анализировать фигуру обращения $T' - \begin{cases} Д - T \ldots П \ldots T'; \\ д - т \end{cases}$ и притом потребление необходимо играет здесь известную роль: исходный пункт $T' = T + т$, товарный капитал, содержит как постоянную и переменную капитальную стоимость, так и прибавочную стоимость. Поэтому его движение охватывает как индивидуальное, так и производительное потребление. В кругооборотах $Д - T \ldots П \ldots T' - Д'$ и $П \ldots T' - Д' - T \ldots П$ исходным и конечным пунктом является движение *капитала*. Конечно, тем самым сюда включается и потребление, так как

---

[42] Из рукописи II.

товар, продукт, должен быть продан. Но раз предполагается, что это достигнуто, то для движения отдельного капитала будет безразлично, что дальше сделается с этим товаром. Напротив, в движении $T'...T'$ условия общественного воспроизводства дают о себе знать как раз тем, что здесь приходится показать, что̀ станет с каждой частью стоимости всего этого продукта T'. Весь процесс воспроизводства здесь в такой же мере заключает в себе процесс потребления, опосредствованный обращением, как и самый процесс воспроизводства капитала.

Ввиду стоящей перед нами цели мы должны при этом рассмотреть процесс воспроизводства с точки зрения возмещения как стоимости, так и натуральной формы отдельных составных частей T'. Теперь мы уже не можем довольствоваться, как при анализе стоимости продукта отдельного капитала, *предположением,* что отдельный капиталист, продавая свой товарный продукт, может превратить составные части своего капитала сначала в деньги, а потом, вновь закупая на товарном рынке элементы производства, превратить их снова в производительный капитал. Поскольку эти элементы производства по природе своей являются вещами, они точно так же образуют составную часть общественного капитала, как тот индивидуальный готовый продукт, который обменивается на них и возмещается ими. С другой стороны, движение той части общественного товарного продукта, которая потребляется рабочим при расходовании заработной платы и капиталистом при расходовании прибавочной стоимости, не только является необходимым составным звеном в движении всего продукта, но и переплетается с движением индивидуальных капиталов, и этот процесс нельзя поэтому объяснить таким образом, что мы просто предполагаем его.

Вопрос, который непосредственно встает перед нами, заключается в следующем: каким образом *капитал,* потребленный в производстве, возмещается по своей стоимости ⟨и по своей натуральной форме⟩ из годового продукта, и каким образом процесс этого возмещения переплетается с потреблением прибавочной стоимости капиталистами и заработной платы рабочими? Следовательно, в первую очередь речь идет о воспроизводстве в неизменном масштабе. Далее предполагается не только то, что продукты обмениваются по своей стоимости, но и то, что не происходит никаких переворотов в стоимости составных частей производительного капитала. Впрочем, что касается отклонения цен от стоимостей, это обстоятельство не может оказать какого-либо влияния на движение общественного капитала. При этом обменивались бы в общем итоге прежние количества продуктов, хотя отдельным капиталистам при этом достались бы доли стоимости, уже не пропорциональные их соответственным авансированиям и тем массам прибавочной стоимости, которые произведены каждым

из них в отдельности. Что же касается переворотов в стоимости, то, если они имеют всеобщий характер и распределяются равномерно, они не вызывают никаких перемен в отношениях между составными частями стоимости всего годового продукта. Напротив, если они имеют частичный характер и распределяются неравномерно, то они представляют нарушения, которые, *во-первых*, могут быть поняты как таковые лишь при том условии, если мы станем рассматривать их как *отклонения* от неизменных отношений стоимости; но, *во-вторых*, раз доказан закон, согласно которому одна часть стоимости годового продукта возмещает постоянный, другая — переменный капитал, то в этом законе ничего не изменила бы революция в стоимости постоянного ли, переменного ли капитала. Она изменила бы только относительную величину тех частей стоимости, которые функционируют в качестве того или другого, так как на место первоначальных стоимостей выступили бы иные стоимости.

Пока мы рассматривали производство стоимости и стоимость продукта капитала как индивидуального капитала, для нашего анализа натуральная форма товарного продукта была совершенно безразлична, — безразлично, напр., состоит ли он из машин, или из хлеба, или из зеркал. Все эти натуральные формы были для нас только примерами, и всякая отрасль производства, какую бы мы ни взяли, одинаково могла служить для иллюстрации. Нам приходилось иметь дело с самим непосредственным процессом производства, который в каждом отдельном случае представляется процессом индивидуального капитала. Поскольку мы рассматривали воспроизводство капитала, нам достаточно было одного предположения: что часть товарного продукта, представляющая капитальную стоимость, находит в сфере обращения возможность совершить обратное превращение в элементы ее производства и, следовательно, снова принять форму производительного капитала; совершенно так же нам достаточно было того предположения, что рабочий и капиталист находят на рынке товары, на которые они затрачивают заработную плату и прибавочную стоимость. Но этот чисто формальный прием изложения уже недостаточен, когда мы рассматриваем весь общественный капитал и стоимость его продукта. Обратное превращение одной части стоимости продукта в капитал, вступление другой части в индивидуальное потребление класса капиталистов и класса рабочих составляет движение в пределах самой стоимости продукта, в котором выразился результат совокупного капитала; и это движение есть не только возмещение стоимости, но и возмещение натуральной формы продукта, а потому оно в одинаковой мере обусловливается как взаимным соотношением составных частей стоимости общественного продукта, так и их потребительной стоимостью, их натуральной формой.

Простое воспроизводство[43], воспроизводство в неизменном масштабе, является абстракцией постольку, поскольку, с одной стороны, в условиях капитализма отсутствие всякого накопления или воспроизводства в расширенном масштабе является неправдоподобным предположением, а с другой стороны, отношения, в которых совершается производство, в различные годы не остаются абсолютно неизменными (а именно это и предполагается). Наше предположение таково, что общественный капитал данной стоимости как в прошлом году, так и в текущем снова и снова доставляет прежнюю массу товарных стоимостей и удовлетворяет прежнее количество потребностей, хотя бы формы товаров и изменились в процессе воспроизводства. Впрочем, даже если совершается накопление, простое воспроизводство всегда составляет часть последнего, следовательно его можно рассматривать само по себе, оно — реальный фактор накопления. Стоимость годового продукта может уменьшиться, хотя масса потребительных стоимостей остается прежняя; стоимость может остаться прежняя, хотя масса потребительных стоимостей уменьшается; масса стоимости и масса воспроизведенных потребительных стоимостей могут одновременно уменьшаться. И все это сводится к тому, что воспроизводство совершается или при более благоприятных условиях, чем были раньше, или при ухудшившихся условиях, причем результатом последних может явиться неполное — недостаточное — воспроизводство. Однако все это имеет отношение лишь к количественной стороне различных элементов воспроизводства, а не к той роли, которую они играют в общем процессе как воспроизводящийся капитал или как воспроизведенный доход.

II. ДВА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА[44].

Весь продукт, а следовательно и все производство общества, распадается на два больших подразделения:

I. *Средства производства,* товары, имеющие форму, в которой они должны войти или по меньшей мере могут войти в производительное потребление.

II. *Предметы потребления,* товары, имеющие форму, в которой они входят в индивидуальное потребление класса капиталистов и рабочего класса.

В каждом из этих подразделений совокупность различных отраслей производства, относящихся к этому подразделению, составляет одну единственную большую отрасль производства: в одном случае отрасль производства средств производства, в другом — предметов потребления. Весь капитал, применяемый

[43] Из рукописи VIII.

[44] В существенном из рукописи II. Схема из рукописи VIII.

в каждой из этих двух отраслей производства, образует особое крупное подразделение общественного капитала.

Капитал в каждом подразделении распадается на две составных части:

1) *Переменный капитал.* Рассматриваемый со стороны *стоимости,* он равен стоимости общественной рабочей силы, применяемой в этой отрасли производства, следовательно равен сумме заработной платы, выплаченной за эту рабочую силу. Рассматриваемый со стороны его натуральной формы, он состоит из самой рабочей силы, проявляющей себя в действии, т. е. из живого труда, приводимого в движение этой капитальной стоимостью.

2) *Постоянный капитал,* т. е. стоимость всех средств производства, применяемых для производства в этой отрасли. В свою очередь они распадаются на *основной* капитал: машины, орудия труда, постройки, рабочий скот и т. д., и *оборотный* постоянный капитал: материалы производства, как сырые и вспомогательные материалы, полуфабрикаты и т. д.

Стоимость всего годового продукта, произведенного в каждом из двух подразделений с помощью этого капитала, распадается на часть стоимости, представляющую постоянный капитал c, потребленный в производстве и по своей стоимости лишь перенесенный на продукт, и часть стоимости, присоединенную всем трудом в течение года. Последняя опять-таки распадается на возмещение авансированного переменного капитала v и на излишек над ним, образующий прибавочную стоимость m. Следовательно, подобно стоимости всякого отдельного товара, и стоимость всего годового продукта в каждом подразделении распадается на $c + v + m$.

Часть стоимости — c, представляющая постоянный капитал, *потребленный* в производстве, не совпадает со стоимостью постоянного капитала, *примененного* в производстве. Правда, производственные материалы потребляются целиком, и потому их стоимость целиком переносится на продукт. Но лишь некоторая часть примененного *основного* капитала потребляется целиком, и, следовательно, лишь стоимость этой части переходит на продукт. Другая часть основного капитала, машины, здания и т. д., существует и продолжает функционировать попрежнему, хотя стоимость ее и уменьшилась вследствие годового снашивания. Когда мы рассматриваем стоимость продукта, этой продолжающей функционировать части основного капитала не существует для нас. Она составляет часть капитальной стоимости, независимую от этой вновь произведенной товарной стоимости, существующую наряду с нею. Это обнаружилось уже при рассмотрении стоимости продукта отдельного капитала (книга I, глава VI). Но здесь мы должны пока что отвлечься от примененного там способа рассмотрения. Рассматривая стоимость продукта отдельного капитала, мы

видели, что стоимость, утрачиваемая основным капиталом вследствие снашивания, переносится на товарный продукт, произведенный во время снашивания, — безразлично, возмещается ли за это время часть основного капитала in natura из этой переносимой стоимости или же нет. Напротив, здесь, рассматривая весь общественный продукт и его стоимость, мы вынуждены, по крайней мере на время, оставить в стороне часть стоимости, переносимую в течение года вследствие снашивания основного капитала на годовой продукт, отвлечься от нее, поскольку этот основной капитал не возмещается в течение года in natura. В одном из следующих отделов главы мы специально остановимся на этом пункте.

В основу нашего исследования простого воспроизводства мы положим следующую схему, в которой c = постоянному капиталу, v = переменному капиталу, m = прибавочной стоимости и отношение возрастания стоимости $\frac{m}{v}$ принято в 100%. Числа могут означать миллионы марок, франков или фунтов стерлингов.

I. Производство средств производства:

капитал . . . . $4\,000_c + 1\,000_v = 5\,000$,
товарный продукт . . $4\,000_c + 1\,000_v + 1\,000_m = 6\,000$,

существующий в виде средств производства.

II. Производство предметов потребления:

капитал . . . . $2\,000_c + 500_v = 2\,500$,
товарный продукт . . $2\,000_c + 500_v + 500_m = 3\,000$,

существующий в виде предметов потребления.

Если свести вместе, то весь годовой товарный продукт:

I. $4\,000_c + 1\,000_v + 1\,000_m = 6\,000$ в средствах производства.
II. $2\,000_c + 500_v + 500_m = 3\,000$ в предметах потребления.

Вся стоимость = 9 000, причем, согласно предполагаемому условию, отсюда исключен основной капитал, продолжающий функционировать в своей натуральной форме.

Если мы исследуем теперь превращения, необходимые на основе простого воспроизводства, когда вся прибавочная стоимость потребляется непроизводительно, и при этом сначала оставим в стороне денежное обращение, опосредствующее эти обмены, то у нас получатся прежде всего три существенных точки опоры.

1) 500_v, заработная плата рабочих, и 500_m, прибавочная стоимость капиталистов подразделения II, должны быть израсходованы на предметы потребления. Но их стоимость существует в предметах потребления стоимостью в 1000, которые в руках капиталистов подразделения II возмещают авансированные 500_v и представляют 500_m. Следовательно, заработная плата и прибавочная стоимость подразделения II обмениваются в пределах подразделения II на продукт II. Вместе с тем из всего продукта исчезает $(500_v + 500_m)$ II $= 1\,000$ в виде предметов потребления.

2) $1000_v + 1000_m$ подразделения I тоже должны быть израсходованы на предметы потребления, следовательно на продукт подразделения II. Следовательно, они должны быть обменены на остальную часть этого продукта, по размерам равную постоянной части капитала $2\,000_c$. За это подразделение II получает равную сумму в виде средств производства, продукт подразделения I, воплощающий стоимость $1000_v + 1000_m$ подразделения I. Тем самым из счета исчезают $2\,000$ II_c и $(1\,000_v + 1\,000_m)$ I.

3) Остаются еще $4\,000$ I_c. Они заключаются в средствах производства, которые могут быть использованы лишь в подразделении I и служат для возмещения потребленного в нем постоянного капитала; поэтому вопрос о них разрешается посредством взаимного обмена между отдельными капиталистами I, точно так же, как в отношении $(500_v + 500_m)$ II он разрешен посредством обмена между рабочими и капиталистами, соответственно между отдельными капиталистами II.

Этого мы коснулись пока лишь для лучшего уразумения последующего.

III. ОБМЕН МЕЖДУ ДВУМЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ: I $(v+m)$ НА II_c[45].

Мы начинаем с крупного обмена между двумя подразделениями. $(1000_v + 1000_m)$ I — эти стоимости, которые в руках своих производителей существуют в натуральной форме средств производства, обмениваются на $2\,000$ II_c, на стоимости, существующие в натуральной форме предметов потребления. Благодаря этому капиталисты II подразделения превратили свой постоянный капитал $= 2\,000$ из формы предметов потребления в форму средств производства предметов потребления, в форму, в которой он снова может функционировать как фактор процесса труда, а по отношению к возрастанию стоимости — как постоянная капитальная стоимость. С другой стороны, благодаря этому эквивалент рабочей силы в I (1000 I_v) и прибавочная стоимость капиталистов I (1000 I_m) реализовались в предметах потребления; и то и другое из своей натуральной формы средств производства превратилось

[45] Отсюда опять рукопись VIII.

в такую натуральную форму, в которой они могут быть потреблены как доход.

Но такой взаимный обмен осуществляется благодаря обращению денег, которое опосредствует его в такой же мере, как затрудняет его понимание, но которое играет решающе важную роль, потому что переменная часть капитала снова и снова должна выступать в денежной форме, как денежный капитал, который из денежной формы превращается в рабочую силу. Во всех отраслях производства, одновременно действующих одна подле другой на всей периферии общества, безразлично, относятся ли они к подразделению I или II, переменный капитал должен авансироваться в денежной форме. Капиталист покупает рабочую силу прежде, чем она вступит в процесс производства, но он оплачивает ее лишь в обусловленные по договору сроки, после того, как она уже затрачена на производство потребительной стоимости. Подобно остальной части стоимости продукта, ему принадлежит и та часть, которая является лишь эквивалентом денег, израсходованных на оплату рабочей силы, та часть стоимости продукта, которая представляет переменную капитальную стоимость. Самой этой частью стоимости продукта рабочий уже доставил капиталисту эквивалент своей заработной платы. Обратное превращение товара в деньги, его продажа восстанавливает капиталисту его переменный капитал в виде денежного капитала, который он может вновь авансировать на покупку рабочей силы.

Итак, в подразделении I капиталист, рассматриваемый как совокупный капиталист, уплатил рабочим 1000 ф. ст. (я говорю ф. ст. просто для того чтобы отметить, что это — стоимость в *денежной форме*) $= 1000_v$ за ту стоимость продукта I, которая уже существует в виде части v, т. е. за произведенные рабочими средства производства. На эти 1000 ф. ст. рабочие покупают у капиталистов II подразделения предметы потребления такой же стоимости и таким образом превращают половину постоянного капитала II в деньги; капиталисты II подразделения, в свою очередь, покупают на эти 1000 ф. ст. средства производства стоимостью в 1000 у капиталистов I; тем самым переменная капитальная стоимость последних $= 1000_v$, существующая как часть их продукта в натуральной форме средств производства, опять превращена в деньги, и теперь в руках капиталистов I подразделения снова может функционировать как денежный капитал, который превращается в рабочую силу, следовательно в существеннейший элемент производительного капитала. Таким способом, вследствие реализации части их товарного капитала, к ним приливает обратно переменный капитал в денежной форме.

Что же касается денег, необходимых для обмена части m товарного капитала I на вторую половину постоянной части капитала II, то они могут быть авансированы различными способами.

Это обращение охватывает в действительности бесчисленное количество отдельных актов купли и продажи, совершаемых индивидуальными капиталистами обоих подразделений, причем деньги при всех условиях должны исходить от этих капиталистов, так как с тем количеством денег, которое брошено в обращение рабочими, счет уже закончен. Капиталист II подразделения может часть своего денежного капитала, существующего наряду с производительным капиталом, употребить на то, чтобы купить средства производства у капиталистов I подразделения; или же, наоборот, капиталист I подразделения может купить предметы потребления у капиталиста II подразделения за счет денежного фонда, предназначенного на личные расходы, а не на расходование в качестве капитала. Как показано уже выше в отделе I и II, нам приходится предполагать, что в руках капиталистов при всяких условиях наряду с производительным капиталом имеются известные денежные запасы, на авансирование ли капитала, на расходование ли дохода. Представим себе — для наших целей пропорция здесь совершенно безразлична, — что половина денег авансируется капиталистами II подразделения на закупку средств производства для возмещения постоянного капитала, а другая половина затрачивается капиталистами I на потребление. В таком случае подразделение II авансирует 500 ф. ст., покупает на них у I средства производства и возмещает этим (включая вышеупомянутые 1000 ф. ст., идущие от рабочих I подразделения) $^3/_4$ своего постоянного капитала in natura; подразделение I на полученные таким образом 500 ф. ст. покупает у II предметы потребления, и тем самым половина той части товарного капитала I, которая состоит из *m*, совершила обращение *т* — *д* — *т*, и продукт этого подразделения реализован, таким образом, в фонде потребления. Вследствие этого второго процесса 500 ф. ст. возвращаются в руки II как денежный капитал, которым капиталисты II подразделения обладают наряду со своим производительным капиталом. С другой стороны, I за счет половины той части *m* своего товарного капитала, которая все еще лежит у него на складе в виде продукта, антиципирует раньше, чем эта часть продана, расходование денег в количестве 500 ф. ст. на закупку предметов потребления у II. На эти самые 500 ф. ст. II покупает средства производства у I и таким образом возмещает in natura весь свой постоянный капитал (1000 + 500 + 500 = 2000), между тем как I реализовало в предметах потребления всю свою прибавочную стоимость. В общем итоге обмен товаров суммою на 4000 ф. ст. совершился бы при помощи денежного обращения в 2000 ф. ст.; причем величина последней суммы обусловливается лишь тем, что, как представлено у нас, весь годовой продукт обменивается разом, в немногих крупных массах. Важно при этом лишь то обстоятельство, что II не только снова превратило в форму средств производства свой

постоянный капитал, воспроизведенный в предметах потребления, но что к нему, кроме того, возвратились 500 ф. ст., авансированные им для обращения — на закупку средств производства; и что I точно так же не только вновь получило свой воспроизведенный им в форме средств производства переменный капитал в денежной форме, в качестве денежного капитала, который снова может быть непосредственно превращен в рабочую силу, но что к нему, кроме того, обратно притекли 500 ф. ст., которые оно, антиципируя продажу части прибавочной стоимости от своего капитала, еще до этой продажи израсходовало на покупку предметов потребления. Но они возвратились к нему назад не вследствие совершившегося израсходования, а вследствие последующей продажи части его товарного продукта, несущей в себе половину его прибавочной стоимости.

В обоих случаях не только постоянный капитал II из формы продукта снова превращается в натуральную форму средств производства, единственно в которой он может функционировать как капитал; и точно так же не только переменная часть капитала I превращается в денежную форму, а часть прибавочной стоимости, воплощенная в средствах производства I, превращается в такую форму, в которой она пригодна для потребления и может быть потреблена как доход. Во II подразделение, кроме того, притекают обратно 500 ф. ст. денежного капитала, которые оно авансировало на покупку средств производства, прежде чем продать соответствующую компенсирующую эти 500 ф. ст. часть стоимости постоянного капитала, находящуюся в форме предметов потребления; и, далее, к I возвращаются 500 ф. ст., которые оно, антиципируя будущую продажу, израсходовало на покупку предметов потребления. Если ко II подразделению возвращаются назад деньги, авансированные им за счет постоянной части его товарного продукта, а к I — деньги, авансированные за счет той части его товарного продукта, которая содержит прибавочную стоимость, то лишь потому, что и одна и другая категории капиталистов бросили в обращение еще по 500 ф. ст. денег; одна — кроме существующего в товарной форме II постоянного капитала, другая — кроме существующей в товарной форме I прибавочной стоимости. В конечном счете они взаимно вполне расплатились друг с другом посредством обмена соответствующих товарных эквивалентов. Те деньги, которые, как средства этого обмена товаров, брошены ими в обращение сверх общей суммы стоимости своих товаров, возвращаются к каждому из них из обращения pro rata [пропорционально] доле, которая каждым из них брошена в обращение. Они не стали от этого ни на копейку богаче. У II был постоянный капитал = 2 000 в форме предметов потребления + 500 в деньгах; теперь у него 2 000 в средствах производства и 500 в деньгах, как и раньше; точно так же I обладает, как и раньше, прибавочной

стоимостью в 1 000 (из товаров, средств производства, превращенных теперь в потребительный фонд) + 500 в деньгах. — Общий вывод таков: из денег, которые промышленные капиталисты бросают в обращение для обслуживания своего собственного товарного обращения, — происходит ли это за счет постоянной части стоимости товара или за счет существующей в товарах прибавочной стоимости, поскольку она расходуется как доход, — из этих денег в руки соответствующих капиталистов возвращается столько, сколько они авансировали на денежное обращение.

Что касается обратного превращения в денежную форму переменного капитала I подразделения, то для капиталистов I, после того как они затратили его на заработную плату, он существует сначала в той товарной форме, в которой рабочие доставили его капиталистам. Капиталисты выплатили его рабочим в денежной форме, как цену рабочей силы последних. Постольку они оплатили ту составную часть стоимости своего товарного продукта, которая равняется этому переменному капиталу, израсходованному в виде денег. Поэтому они — собственники и этой части товарного продукта. Но применяемая ими часть рабочего класса отнюдь не является покупателем производимых этими рабочими средств производства. Эта часть рабочих — покупатели предметов потребления, производимых во II. Следовательно, переменный капитал, авансированный на оплату рабочей силы деньгами, не непосредственно возвращается к капиталистам I подразделения. Вследствие актов купли, совершаемых рабочими, он переходит в руки капиталистических производителей товаров, необходимых и вообще доступных для рабочего круга, следовательно в руки капиталистов II, и лишь вследствие того, что последние употребляют эти деньги на покупку средств производства, лишь таким окольным путем они возвращаются назад в руки капиталистов I.

Оказывается, что при простом воспроизводстве сумма стоимостей $v + m$ товарного капитала I (а следовательно и соответствующая пропорциональная часть всего товарного продукта I) должна равняться постоянному капиталу II_c, выделенному в качестве соответствующей части всего товарного продукта II подразделения; или $I_{(v+m)} = II_c$.

IV. ОБМЕН В ПРЕДЕЛАХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ II. НЕОБХОДИМЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СРЕДСТВА И ПРЕДМЕТЫ РОСКОШИ.

Из стоимости товарного продукта подразделения II нам остается еще исследовать составные части $v + m$. Рассмотрение их не имеет никакого отношения к важнейшему вопросу, который нас здесь занимает: именно, до какой степени распадение стоимости всякого индивидуального капиталистического товарного

продукта на $c+v+m$ сохраняет свою силу и по отношению к стоимости всего годового продукта, даже если это распадение опосредствовано различными формами проявления. Этот вопрос разрешается, с одной стороны, в обмене $I_{(v+m)}$ на II_c, а с другой стороны, — в отложенном на позднейшее время исследовании того, как I_c воспроизводится в годовом товарном продукте I. Так как $II_{(v+m)}$ существует в натуральной форме предметов потребления; так как переменный капитал, авансированный рабочим при оплате рабочей силы, в общем и целом должен расходоваться ими на предметы потребления и так как часть стоимости товара, представляющая m, раз мы предполагаем простое воспроизводство, фактически расходуется как доход на предметы потребления, то prima facie [с первого взгляда] ясно, что на заработную плату, полученную от капиталистов II подразделения, рабочие II выкупают часть своего собственного продукта, соответствующую размерам денежной стоимости, полученной ими в качестве заработной платы. Таким образом капиталисты II подразделения превращают обратно в денежную форму свой денежный капитал, авансированный на оплату рабочей силы; положение совершенно такое, как если бы эти капиталисты оплатили рабочих просто знаками стоимости [Wertmarken]. Поскольку рабочие реализуют эти знаки стоимости, покупая часть произведенного ими и принадлежащего капиталистам товарного продукта, эти знаки стоимости возвратятся к капиталистам назад: разница лишь в том, что здесь знаки стоимости не только представляют стоимость, но и обладают ею в золотом или серебряном воплощении. Впоследствии мы подробнее исследуем этот способ возвращения переменного капитала, авансированного в денежной форме, возвращения, осуществляемого посредством процесса, в котором рабочий класс является покупателем, а класс капиталистов — продавцом. Здесь же речь идет о другом вопросе, который необходимо рассмотреть в связи с возвращением переменного капитала к его исходному пункту.

II подразделение годового производства товаров состоит из разнообразнейших отраслей промышленности, которые — по отношению к их продукту — можно, однако, разделить на два больших подотдела:

а) Предметы потребления, которые входят в потребление рабочего класса и, поскольку это — необходимые жизненные средства, составляют также часть потребления класса капиталистов, хотя в этом случае они часто отличны по качеству и по стоимости от жизненных средств рабочих. Для наших целей мы можем охватить весь этот подотдел под рубрикой: *необходимые* предметы потребления, причем совершенно безразлично, является ли соответствующий продукт, напр. табак, предметом потребления, необходимым с физиологической точки зрения или нет; достаточно, что он — привычно необходимый предмет потребления.

b) Предметы *роскоши,* которые входят лишь в потребление класса капиталистов, следовательно могут быть обменены лишь на расходуемую прибавочную стоимость, которая никогда не достается рабочему. Относительно первой рубрики ясно, что переменный капитал, авансированный на производство относящихся к этой рубрике видов товара, должен непосредственно притекать обратно в денежной форме к той части капиталистов II (следовательно, к капиталистам II *a*), которая производит эти необходимые жизненные средства. Эти капиталисты продают их своим собственным рабочим на сумму переменного капитала, выданного им в качестве заработной платы. По отношению ко всему этому подотделу *a* капиталистов II подразделения такое возвращение является *непосредственным,* как бы многочисленны ни были те сделки между капиталистами различных относящихся сюда отраслей промышленности, посредством которых распределяется pro rata этот возвращающийся переменный капитал. Это — процессы обращения, для которых средства обращения непосредственно доставляют рабочие, расходуя полученные ими деньги. Иначе обстоит дело с подотделом II *b*. Вся та часть вновь созданной стоимости, с которой нам приходится здесь иметь дело, II $b_{(v+m)}$, существует в натуральной форме предметов роскоши, т. е. предметов, которых рабочий класс так же не может купить, как товарной стоимости I_v, существующей в форме средств производства, хотя и эти предметы роскоши и те средства производства представляют собою продукты этих рабочих. Следовательно, тот обратный приток, посредством которого переменный капитал, авансированный в этом подотделе, возвращается к капиталистическому производителю в своей денежной форме, не может происходить непосредственно, а должен быть опосредствован так же, как и в случае с I_v.

Предположим, напр., как и раньше, для всего подразделения II: $v=500$, $m=500$; но пусть переменный капитал и соответствующая ему прибавочная стоимость распределяются следующим образом:

Подотдел *a,* необходимые жизненные средства: $v=400$, $m=400$; следовательно, товарная масса в виде необходимых предметов потребления стоимостью в $400_v+400_m=800$, или II *a* (400_v+400_m).

Подотдел *b:* предметы роскоши стоимостью в $100_v+100_m=$ $=200$, или II *b* (100_v+100_m).

Рабочие подотдела II *b* в оплату за свою рабочую силу получили 100 деньгами, скажем — 100 ф. ст., на них рабочие покупают у капиталистов II *a* предметы потребления на сумму 100. Эта категория капиталистов покупает тогда на эти деньги товара II *b*, благодаря чему к капиталистам II *b* притекает обратно в денежной форме их переменный капитал.

В руках капиталистов II *a*, вследствие обмена с их собственными рабочими, уже опять имеются 400_v в денежной форме; кроме того, четвертая доля той части их продукта, которая представляет прибавочную стоимость, отошла к рабочим II *b*, и за нее получено в товарах роскоши II *b* (100_v).

Если теперь мы предположим, что расходование дохода у капиталистов II *a* и II *b* одинаково распределяется между расходами на необходимые жизненные средства и расходами на предметы роскоши, — примем, что те и другие расходуют по $^3/_5$ на необходимые жизненные средства, по $^2/_5$ на предметы роскоши, — то капиталисты подотдела II *a* затрачивают $^3/_5$ своей прибавочной стоимости, своего дохода в 400_m, следовательно 240 на свои собственные продукты, на необходимые жизненные средства, и $^2/_5 = 160$ — на предметы роскоши. Капиталисты подотдела II *b* станут распределять свою прибавочную стоимость $= 100_m$ таким же способом: $^3/_5 = 60$ на необходимые предметы и $^2/_5 = 40$ на предметы роскоши; последние производятся и сбываются в пределах своего собственного подотдела.

Те 160 предметов роскоши, которые имеет $(\text{II } a)_m$, притекают к капиталистам II *a* следующим образом: из (II *a*) 400_m, как мы видели, 100, находящиеся в форме необходимых жизненных средств, обмениваются на равную сумму $(\text{II } b)_v$, существующую в предметах роскоши, а дальнейшие 60 в необходимых жизненных средствах обмениваются на (II *b*) 60_m в предметах роскоши. Значит, общий итог представляется в таком виде:

$$\text{II } a\text{: } 400_v + 400_m;\ \text{II } b\text{: } 100_v + 100_m.$$

1) 400_v *(a)* потребляются рабочими II *a*, частью продукта которых (необходимые жизненные средства) являются эти 400_v *(a)*; рабочие покупают их у капиталистических производителей своего собственного подразделения. Таким образом к этим производителям возвращаются 400 ф. ст. деньгами, возвращается их переменная капитальная стоимость, выданная в качестве заработной платы этим самым рабочим; на эту стоимость капиталисты могут вновь купить рабочую силу.

2) Часть 400_m *(a)*, равная 100_v *(b)*, т. е. $^1/_4$ прибавочной стоимости *(a)*, реализуется в предметах роскоши следующим образом: рабочие *(b)* получают от капиталистов своего подотдела *(b)* 100 ф. ст. в виде заработной платы; на эту сумму они покупают $^1/_{4\,m}$ *(a)*, т. е. товаров, состоящих из необходимых жизненных средств; капиталисты *a* покупают на эти деньги предметы роскоши на такую же сумму стоимости $= 100_v$ *(b)*, т. е. половину всех произведенных предметов роскоши. Таким образом к капиталистам *b* возвращается в денежной форме их переменный капитал, и они, возобновив покупку рабочей силы, могут снова начать свое воспроизводство, так как весь постоянный капитал всей категории II

уже возмещен благодаря обмену $I_{(v+m)}$ на II_c. Следовательно, рабочая сила рабочих, занятых в подотделе роскоши, только потому может быть продана вновь, что часть их собственного продукта, созданная как эквивалент их заработной платы, взята капиталистами II *a* в свой потребительный фонд, превращена в деньги. (То же относится и к продаже рабочей силы в I: потому что II_c, на которое обменивается $I_{(v+m)}$, состоит как из предметов роскоши, так и из необходимых жизненных средств, а то, что возобновляется посредством $I_{(v+m)}$, состоит из средств производства как предметов роскоши, так и необходимых жизненных средств.)

3) Переходим к обмену *a* и *b*, поскольку он является обменом лишь между капиталистами обоих подотделов. В предыдущем покончено дело с переменным капиталом (400_v) и частью прибавочной стоимости (100_m) в подотделе *a* и с переменным капиталом (100_v) в подотделе *b*. Предположим далее, что среднее соотношение в расходовании капиталистического дохода в обеих категориях выражается $^2/_5$ на предметы роскоши и $^3/_5$ на необходимые жизненные потребности. Поэтому кроме 100, уже израсходованных на роскошь, остается еще на роскошь 60 у всего подотдела *a* и при той же самой пропорции 40 у подотдела *b*.

Итак, $(II\ a)_m$ распределяется следующим образом: 240 на жизненные средства и 160 на предметы роскоши $= 240 + 160 = 400_m$ (II *a*).

$(II\ b)_m$ распределяется в отношении 60 на жизненные средства и 40 на роскошь: $60 + 40 = 100_m$ (II *b*). Последние 40 этот подотдел берет для потребления из своего собственного продукта ($^2/_5$ своей прибавочной стоимости); 60 в жизненных средствах он получает таким способом, что обменивает 60 из своего прибавочного продукта на 60_m *(a)*.

Итак, для всех капиталистов II подразделения мы имеем (причем $v + m$ в подотделе *a* заключаются в необходимых жизненных средствах, в подотделе *b* — в предметах роскоши):

II *a* $(400_v + 400_m)$ + II *b* $(100_v + 100_m) = 1\,000$; благодаря обращению реализация совершается так: 500_v $(a+b)$ {реализуются в 400_v *(a)* и 100_m *(a)*} + 500_m $(a+b)$ {реализуются в $300_m\ (a) + 100_v\ (b) + 100_m\ (b)$} $= 1\,000$.

Для *a* и *b*, рассматриваемых каждое само по себе, реализация приобретает у нас такой вид:

$$a)\ \frac{v}{400_v\ (a)} + \frac{m}{240_m\ (a) + 100_v\ (b) + 60_m\ (b)} = 800.$$

$$b)\ \frac{v}{100_m\ (a)} + \frac{m}{60_m\ (a) + 40_m\ (b)} \cdots\cdots = \frac{200}{1\,000.}$$

Если мы в интересах простоты предположим одинаковое отношение между переменным и постоянным капиталом (что, кстати

сказать, вовсе не представляет необходимости), то на 400_v *(a)* приходится постоянный капитал $= 1\,600$, а на 100_v *(b)* постоянный капитал $= 400$, и для II у нас получатся следующие два подотдела *a* и *b*:

$$\text{II } a)\ 1\,600_c + 400_v + 400_m = 2\,400.$$
$$\text{II } b)\ 400_c + 100_v + 100_m = 600.$$

В итоге:

$$2\,000_c + 500_v + 500_m = 3\,000.$$

В соответствии с этим из 2 000 II_c, находящихся в предметах потребления и обмениваемых на 2 000 $\text{I}_{(v+m)}$, 1 600 обмениваются на средства производства необходимых жизненных средств и 400 — на средства производства предметов роскоши.

Таким образом эти 2 000 $\text{I}_{(v+m)}$, в свою очередь, распадались бы на $(800_v + 800_m)$ I для $a = 1\,600$ средств производства необходимых жизненных средств и на $(200_v + 200_m)$ I для $b = 400$ средств производства предметов роскоши.

Значительная часть не только собственно средств труда, но и сырья и вспомогательных материалов и т. д. однородна для обоих подразделений. Что же касается обмена различных частей стоимости всего продукта $\text{I}_{(v+m)}$, то наличие этого деления не имело бы никакого значения. Как упомянутые выше 800 I_v, так и 200 I_v реализуются благодаря тому, что заработная плата расходуется на предметы потребления 1 000 II_c, следовательно денежный капитал, авансированный на нее, при возвращении распределяется соответствующим образом между капиталистическими производителями I подразделения, вновь pro rata возмещается в деньгах авансированный ими переменный капитал. С другой стороны, что касается реализации 1 000 I_m, то и в этом случае капиталисты равномерно (пропорционально величине их *m*) извлекут свои доли из всей второй половины $\text{II}_c = 1\,000$, извлекут 600 II *a* и 400 II *b* в виде предметов потребления; следовательно, те, которые возмещают постоянный капитал II *a*:

480 ($^3/_5$) из 600_c (II *a*) и 320 ($^2/_5$) из 400_c (II *b*) $= 800$;

те, которые возмещают постоянный капитал II *b*, извлекут:

120 ($^3/_5$) из 600_c (II *a*) и 80 ($^2/_5$) из 400_c (II *b*) $= 200$.

Сумма $= 1\,000$.

Что здесь произвольно взято и для I и для II подразделений, так это — отношение переменного капитала к постоянному, а также то, что это отношение тожественно и в I и во II и в их подотделах. Что касается этой тожественности, то она принята здесь лишь для упрощения, и, если бы мы предположили различные пропорции, это абсолютно ничего не изменило бы в условиях

проблемы и в ее решении. Но во всяком случае, предполагая простое воспроизводство, мы необходимо приходим к такому результату:

1) Новая стоимость, созданная годовым трудом в натуральной форме средств производства (которая распадается на $v + m$), равняется воспроизведенной в форме предметов потребления постоянной капитальной стоимости c, созданной другой частью годового труда и содержащейся в стоимости продукта. Если бы эта новая стоимость была меньше II_c, то II подразделение не могло бы полностью возместить свой постоянный капитал; если бы она была больше, то излишек остался бы неиспользованным. В обоих случаях было бы нарушено предположение простого воспроизводства.

2) Что если годовой продукт воспроизводится в форме предметов потребления, то переменный капитал v, авансированный на его производство в денежной форме, может быть реализован его получателями, — поскольку ими являются рабочие, производящие предметы роскоши, — лишь в той части необходимых жизненных средств, в которой prima facie воплощена прибавочная стоимость капиталистических производителей последних; следовательно, что v, затраченное на производство предметов роскоши, по размерам своей стоимости равняется соответствующей части m, произведенной в форме необходимых жизненных средств, а потому должно быть меньше всего этого m, т. е. меньше $(II\ a)_m$, — и только посредством реализации означенного v в этой части m к капиталистическим производителям предметов роскоши возвращается в денежной форме авансированный ими переменный капитал. Это явление совершенно аналогично реализации $I_{(v+m)}$ во II_c; разница лишь в том, что во втором случае $(II\ b)_v$ реализуется в *части* $(II\ a)_m$, по величине стоимости равной $(II\ b)_v$. Эти отношения остаются качественно определяющими при всяком распределении всего годового продукта, поскольку он действительно входит в процесс годового воспроизводства, опосредствуемого обращением. $I_{(v+m)}$ может быть реализовано только во II_c, а II_c, функционирующее как составная часть производительного капитала, в свою очередь, может быть возобновлено лишь при помощи этой реализации; точно так же $(II\ b)_v$ может реализоваться лишь в части $(II\ a)_m$, и лишь таким способом $(II\ b)_v$ может опять превратиться обратно в свою форму денежного капитала. Само собой разумеется, сказанное сохраняет свою силу лишь при том условии, если все это — действительно результат самого процесса воспроизводства, следовательно, если, напр., капиталисты II b не получают денежного капитала для v при посредстве кредита из каких-либо иных источников. Напротив, что касается количественной стороны, то обмены различных частей годового продукта могут совершаться с такой пропорциональностью, как

представлено выше, лишь постольку, поскольку масштаб и стоимостные отношения производства остаются неизменными и поскольку эти прочно сложившиеся отношения не изменяются под влиянием внешней торговли.

Если в духе А. Смита говорили, что $I_{(v+m)}$ разлагаются на II_c, а II_c разлагается на $I_{(v+m)}$, или, как он еще чаще и еще нелепее говорит, $I_{(v+m)}$ образуют составные части цены (соответственно стоимости, он говорит value in exchange) II_c, а II_c образует всю составную часть стоимости $I_{(v+m)}$, то можно и должно было бы сказать равным образом, что $(II\ b)_v$ разлагается на $(II\ a)_m$ или $(II\ a)_m$ на $(II\ b)_v$, или $(II\ b)_v$ образует составную часть прибавочной стоимости II *a*, и vice versa [наоборот]: прибавочная стоимость разлагалась бы, таким образом, па заработную плату, соответственно на переменный капитал, а переменный капитал образовал бы «составную часть» прибавочной стоимости. Такая нелепость действительно часто встречается у А. Смита, так как у него заработная плата определяется стоимостью необходимых жизненных средств, а последние товарные стоимости опять-таки определяются стоимостью заключающихся в них заработной платы (переменного капитала) и прибавочной стоимости. Его внимание настолько поглощено теми частями, на которые на капиталистическом базисе распадается вновь созданная за один рабочий день стоимость — именно на $v + m$, — что он совсем забывает о том обстоятельстве, что совершенно безразлично при простом товарном обмене, состоят ли эквиваленты, существующие в различных натуральных формах, из оплаченного или неоплаченного труда: ведь в обоих случаях они стоят одинакового количества труда, затраченного на их производство; и что так же безразлично, является ли товар какого-нибудь *A* средством производства, а товар какого-нибудь *B* — предметом потребления, будет ли один товар функционировать после продажи как составная часть капитала, а другой, напротив, войдет в фонд потребления и, secundum Adam [следуя Адаму], будет потреблен как доход. Употребление, которое дает своему товару индивидуальный покупатель, совершается не при обмене, не в сфере обращения и не касается стоимости товара. Это нисколько не изменяется от того, что при анализе обращения всего годового продукта общества необходимо принять во внимание определенный характер применения, момент потребления различных составных частей этого продукта.

При рассмотренном выше обмене $(II\ b)_v$ на равную по стоимости часть $(II\ a)_m$ и при дальнейших обменах между $(II\ a)_m$ и $(II\ b)_m$ отнюдь не предполагается, что капиталисты — будут ли то отдельные капиталисты II *a* и II *b* или соответствующие группы капиталистов — в одинаковой пропорции делят свою прибавочную стоимость между необходимыми предметами потребления и предметами роскоши. Один может больше расходовать на один

вид потребления, другой — на другой. Оставаясь на почве простого воспроизводства, мы предполагаем только, что сумма стоимости, равная всей прибавочной стоимости, реализуется в фонде потребления. Границы таким образом даны. В пределах каждого подразделения один может более затрачивать на *a*, другой — на *b*; но здесь возможна взаимная компенсация, так что категории капиталистов *a* и *b*, взятые каждая в целом, будут в одинаковой пропорции принимать участие в *a* и *b*. Но отношения стоимостей — пропорциональная доля в общей стоимости продукта II, приходящаяся на каждую из категорий производителей *a* и *b*, — а следовательно и определенное количественное отношение между отраслями производства, доставляющими продукты II *a* и II *b*, — эти отношения необходимо представляют для каждого конкретного случая величину данную; гипотетическим является лишь отношение, которое фигурирует для примера; если предположить иное отношение, от этого ничего не изменится в качественных моментах; изменятся только количественные определения. Но если бы вследствие тех или иных обстоятельств совершилось действительное изменение в относительной величине *a* и *b*, то соответствующим образом изменились бы и условия простого воспроизводства.

———

Из того обстоятельства, что $(\text{II } b)_v$ реализуется в эквивалентной части $(\text{II } a)_m$, вытекает следующее: в той мере, как возрастает часть годового продукта, представляющая собою роскошь, следовательно в той мере, как увеличивается количество рабочей силы, поглощаемое производством предметов роскоши, в той же самой мере обратное превращение авансированного на $(\text{II } b)_v$ переменного капитала в денежный капитал, который снова будет функционировать как денежная форма переменного капитала, а тем самым существование и воспроизводство части рабочего класса, занятой во II *b*, — возможность для этой части рабочих получить необходимые предметы потребления, — обусловливается расточительностью класса капиталистов, превращением значительной части их прибавочной стоимости в предметы роскоши.

Каждый кризис сразу уменьшает потребление предметов роскоши; он замедляет, задерживает обратное превращение $(\text{II } b)_v$ в денежный капитал, делает возможным лишь частичное превращение и тем самым выбрасывает часть рабочих, производящих предметы роскоши, на мостовую, и в то же время, с другой стороны, именно этим самым он тормозит и сокращает продажу необходимых предметов потребления. Мы уже не говорим об одновременном увольнении непроизводительных рабочих, которые за свои услуги получают от капиталистов часть затрат последних на роскошь (сами эти рабочие являются pro tanto предметом

роскоши) и которые принимают как раз очень большое участие и в потреблении необходимых жизненных средств. Противоположное явление имеет место в периоде процветания и особенно во время расцвета спекуляции в этот период, когда относительная, выраженная в товарах стоимость денег падает уже по другим причинам (причем вообще нет действительного переворота в стоимости), а потому цена товаров, независимо от их собственной стоимости, повышается. При этом повышается не только потребление необходимых жизненных средств; рабочий класс (в который теперь активно вступает вся его резервная армия) на время принимает участие и в потреблении, вообще говоря, недоступных для него предметов роскоши, а также той категории необходимых предметов потребления, которая вообще составляет «необходимые» предметы потребления лишь для класса капиталистов; это, в свою очередь, вызывает повышение цен.

Было бы простой тавтологией сказать, что кризисы вытекают из недостатка платежеспособного потребления или платежеспособных потребителей. Капиталистическая система не знает иных видов потребления, кроме потребления оплачиваемого, за исключением потребления sub forma pauperis [потребления нищего] или потребления «мошенника». То, что товары не могут быть проданы, не означает ничего иного, кроме того, что на них не находится платежеспособных покупателей, т. е. потребителей (раз товары покупаются в последнем счете для производительного или индивидуального потребления). Когда же этой тавтологии пытаются придать вид более глубокого обоснования, утверждая, что рабочий класс получает слишком малую часть своего собственного продукта и что, следовательно, горю можно помочь, если он будет получать более крупную долю продукта, т. е. если его заработная плата возрастет, то в ответ достаточно только заметить, что кризисы каждый раз подготовляются как раз таким периодом, когда происходит общее повышение заработной платы и рабочий класс действительно получает более крупную долю той части годового продукта, которая предназначена для потребления. Такой период — с точки зрения этих рыцарей простого (!) и здравого человеческого смысла — должен бы, напротив, отдалить кризис. Итак, видно, что капиталистическое производство заключает в себе условия, которые не зависят от доброй или злой воли и которые допускают относительное благополучие рабочего класса только на время, да и то лишь в качестве буревестника по отношению к кризису[47].

Раньше мы видели, как пропорциональное соотношение между производством необходимых предметов потребления и производством предметов роскоши обусловливает разделение $\mathrm{II}_{(v+m)}$

---

[47] Ad notam [к сведению] возможных приверженцев теории кризисов Родбертуса. — *Ф. Э.*

между II *a* и II *b*, — а следовательно и деление II_c между $(II\ a)_c$ и $(II\ b)_c$. Таким образом это деление имеет коренное значение для характера и количественных отношений производства и является моментом, который определяет в существенных чертах весь его строй.

Простое воспроизводство по существу имеет своей целью потребление, хотя получение прибавочной стоимости и здесь является побудительным мотивом индивидуальных капиталистов; но прибавочная стоимость — какова бы ни была ее относительная величина — в конце концов должна служить здесь только для индивидуального потребления капиталиста.

Поскольку простое воспроизводство составляет часть, притом самую значительную часть, и всякого годового воспроизводства в расширенном масштабе, этот мотив — личное потребление — остается, выступая в сопровождении мотива и в противоположность мотиву обогащения как такового. В действительности дело представляется запутаннее, потому что участники (partners) в добыче — в прибавочной стоимости капиталиста — выступают как независимые от последнего потребители.

V. ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ ОБМЕНА ДЕНЕЖНЫМ ОБРАЩЕНИЕМ.

Насколько мы до сих пор ознакомились с делом, обращение между различными категориями производителей протекало по следующей схеме:

1) Между подразделением I и подразделением II:

$$\text{I.}\ 4\,000_c + \underline{1\,000_v + 1\,000_m}$$
$$\text{II.}\ \ldots\ldots\ 2\,000_c \ldots + 500_v + 500_m.$$

Итак, закончено обращение $II_c = 2\,000$, которое обменено на I $(1\,000_v + 1000_m)$.

Так как $4\,000\ I_c$ мы оставляем пока в стороне, то остается еще обращение $v + m$ в пределах подразделения II. Эти $II_{(v+m)}$ разделяются между подотделами II *a* и II *b* следующим образом:

$$2)\ \text{II.}\ 500_v + 500_m = a\ (400_v + 400_m) + b\ (100_v + 100_m).$$

400_v *(a)* совершают обращение в пределах своего собственного подотдела; рабочие, оплаченные этими 400_v *(a)*, покупают на них произведенные ими самими необходимые жизненные средства у своих нанимателей, у капиталистов II *a*.

Так как капиталисты обоих подотделов расходуют свою прибавочную стоимость в размере $^3/_5$ на продукты II *a* (необходимые жизненные средства) и $^2/_5$ на продукты II *b* (предметы роскоши), то $^3/_5$ прибавочной стоимости *a*, т. е. 240, потребляются в пределах самого подотдела II *a*; точно так же $^2/_5$ прибавочной стоимости *b*

(которая произведена и существует в виде предметов роскоши) — в пределах подотдела II *b*.

Следовательно, между II *a* и II *b* остается еще обменять:
на стороне II *a*: 160_m,
на стороне II *b*: $100_v + 60_m$. Эти продукты взаимно покрываются. Рабочие II *b* на свои 100_v, полученные в денежной форме, покупают у II *a* необходимые жизненные средства в сумме на 100. Капиталисты II *b* на сумму в $^3/_5$ своей прибавочной стоимости $= 60_m$, в свою очередь, покупают необходимые жизненные средства у II *a*. Благодаря этому капиталисты II *a* получают деньги, необходимые для того чтобы, как предположено выше, $^2/_5$ своей прибавочной стоимости $= 160_m$ затратить на товары роскоши, произведенные во II *b* (100_v, которые имеются у капиталистов во II *b* как продукт, возмещающий выплаченную заработную плату, и 60_m). Итак, получается следующая схема:

$$3)\ \text{II}\ a.\ [400_v] + [240_m] + \underline{160_m}$$
$$b\ \ldots\ldots\ 100_v \overline{+ 60_m + [40_m]},$$

причем в скобки заключены те величины, которые совершают обращение и потребляются лишь в пределах своего собственного подотдела.

Тот факт, что денежный капитал, авансированный в качестве переменного капитала, непосредственно возвращается только к капиталистам II *a*, производящим необходимые жизненные средства, — этот факт представляет собою лишь модифицированное особыми условиями проявление того общего закона, упомянутого выше, что к товаропроизводителям, авансирующим деньги на обращение, эти деньги при нормальном ходе товарного обращения возвращаются назад. Из этого, кстати сказать, следует, что если за товаропроизводителем вообще стоит денежный капиталист, который вновь авансирует промышленному капиталисту денежный капитал (в самом строгом значении этого слова, следовательно капитальную стоимость в денежной форме), то действительным пунктом возврата этих денег является карман денежного капиталиста. Таким-то образом, хотя деньги в своем обращении проходят в большей или меньшей мере через всякие руки, масса обращающихся денег принадлежит подразделению денежного капитала, организованному и концентрированному в форме банков и т. д.; способ, каким это подразделение авансирует свой капитал, обусловливает в конечном счете постоянный обратный приток к нему этого капитала в денежной форме, хотя посредствующим звеном при этом является опять-таки обратное превращение промышленного капитала в денежный капитал.

Для товарного обращения всегда необходимы вещи двоякого рода: товары, которые выбрасываются в обращение, и деньги,

которые выбрасываются в обращение. «Процесс обращения не заканчивается, как непосредственный обмен продуктами, после того как потребительные стоимости поменялись местами и владельцами. Деньги не исчезают оттого, что они в конце выпадают из ряда метаморфоз данного товара. Они снова и снова осаждаются в тех пунктах процесса обращения, которые очищаются тем или другим товаром», и т. д. (Книга I, глава III, стр. 92.) [К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 119.]

Например, разбирая обращение между II_c и $I_{(v+m)}$, мы предположили, что II подразделение авансировало для этого обращения 500 ф. ст. деньгами. При бесконечном количестве тех процессов обращения, к которым сводится обращение между крупными общественными группами производителей, представитель то одной, то другой группы выступает в роли покупателя первым, — следовательно, бросает деньги в обращение. Совершенно оставляя в стороне индивидуальные обстоятельства, это обусловливается уже различием периодов производства и, следовательно, оборотов различных товарных капиталов. Итак, II на 500 ф. ст. покупает у I средств производства на такую же сумму стоимости, а I покупает у II предметов потребления на 500 ф. ст.: следовательно, деньги притекают обратно ко II; последнее нисколько не обогащается таким обратным приливом. Сначала оно бросило в обращение 500 ф. ст. деньгами и извлекло из него товаров на ту же сумму стоимости, потом оно продает товаров на 500 ф. ст. и извлекает из обращения такую же сумму стоимости в деньгах; таким образом 500 ф. ст. притекают обратно. Фактически II подразделение таким образом бросило в обращение на 500 ф. ст. денег и на 500 ф. ст. товаров = 1000 ф. ст.; оно извлекает из обращения на 500 ф. ст. товаров и на 500 ф. ст. денег. Для обмена 500 ф. ст. товарами (I) и 500 ф. ст. товарами (II) обращение требует лишь 500 ф. ст. деньгами; следовательно, кто при покупке чужого товара авансировал деньги, тот получает их обратно при продаже собственного товара. Поэтому, если бы сначала I подразделение купило у II товара на 500 ф. ст., а потом продало бы подразделению II товара на 500 ф. ст., то 500 ф. ст. возвратились бы к I, а не ко II.

В подразделении I деньги, затраченные на заработную плату, т. е. переменный капитал, авансированный в денежной форме, возвращаются в этой форме не непосредственно, а косвенно, окольным путем. В подразделении II, напротив, 500 ф. ст. заработной платы возвращаются непосредственно от рабочих к капиталистам, как и вообще это возвращение является прямым во всех случаях, когда купля и продажа между одними и теми же лицами постоянно повторяются таким образом, что эти лица попеременно противостоят друг другу то как покупатели, то как продавцы товаров. Капиталист II подразделения оплачивает рабочую силу деньгами; таким образом он включает рабочую силу в свой

капитал и только вследствие этого акта обращения, который представляет собою для него лишь превращение денежного капитала в производительный капитал, он как промышленный капиталист противостоит рабочему как своему наемному рабочему. Но рабочий, который на первой стадии был продавцом, торговцем собственной рабочей силой, на второй стадии как покупатель, как владелец денег, противостоит капиталисту как продавцу товара; таким образом деньги, затраченные на заработную плату, притекают обратно к капиталисту. Поскольку продажа этих товаров не связана с надувательством и т. д., а обмениваются здесь в виде товаров и денег эквиваленты, продажа эта не представляет собою процесса, посредством которого обогащается капиталист. Он не оплачивает рабочего дважды: сначала деньгами, а потом товарами; его деньги возвращаются к нему, когда рабочий обменивает деньги на его товар.

Но денежный капитал, превращенный в переменный капитал, т. е. деньги, авансированные на заработную плату, играет главную роль в самом денежном обращении: так как рабочему классу приходится перебиваться изо дня в день, а потому он не может кредитовать промышленных капиталистов на какой-либо продолжительный срок, то, как бы различны ни были периоды оборота капиталов в различных отраслях промышленности, — в бесчисленных, территориально различных пунктах общества переменный капитал должен одновременно авансироваться в деньгах через известные короткие сроки, напр. еженедельно и т. д., через сравнительно быстро повторяющиеся промежутки времени (чем короче эти промежутки, тем относительно меньше может быть вся сумма денег, каждый раз выбрасываемая в обращение через этот канал). Авансируемый таким образом денежный капитал во всех странах капиталистического производства составляет относительно решающую часть всего обращения, тем более, что эти же самые деньги, раньше чем возвратиться к исходному пункту, проникают в многообразнейшие каналы и функционируют как средство обращения в бесконечном множестве других операций.

Рассмотрим теперь обращение между $I_{(v+m)}$ и II_c с иной точки зрения.

Капиталисты I подразделения авансируют на выдачу заработной платы 1000 ф. ст., на которые рабочие покупают за 1000 ф. ст. жизненные средства у капиталистов II подразделения, а те, в свою очередь, покупают на те же самые деньги средства производства у капиталистов I. Теперь к последним возвратился в денежной форме их переменный капитал, между тем как капиталисты II превратили половину своего постоянного капитала из формы

товарного капитала обратно в производительный капитал. Капиталисты II авансируют дальнейшие 500 ф. ст. деньгами, чтобы достать средства производства у I; капиталисты I расходуют деньги на предметы потребления II; таким образом эти 500 ф. ст. притекают назад к капиталистам II; они снова авансируют эти деньги, чтобы превратить опять в производительную натуральную форму последнюю четверть своего постоянного капитала, превращенного в товар. Эти деньги возвращаются опять к I и снова извлекают у II предметы потребления на равную сумму; тем самым 500 ф. ст. притекают назад ко II; капиталисты этого подразделения теперь, как и раньше, владеют 500 ф. ст. в деньгах и 2 000 ф. ст. в постоянном капитале, который, однако, снова превращен из формы товарного капитала в производительный капитал. Обращение товарной массы в 5 000 ф. ст. совершилось при помощи 1500 ф. ст. денег, именно: 1) I уплачивает рабочим 1000 ф. ст. за рабочую силу такой же стоимости; 2) рабочие на эти же самые 1000 ф. ст. покупают у II жизненные средства; 3) II на те же самые деньги покупает средства производства у I, у которого, таким образом, снова восстанавливается в денежной форме переменный капитал в 1 000 ф. ст.; 4) II покупает на 500 ф. ст. средства производства у I; 5) I покупает на эти же 500 ф. ст. предметы потребления у II; 6) II покупает на те же 500 ф. ст. средства производства у I; 7) I покупает на те же самые 500 ф. ст. жизненные средства у II. Ко II возвратились назад 500 ф. ст., которые он бросил в обращение сверх своих 2 000 ф. ст. в товарах и за которые он не извлек из обращения никакого эквивалента в виде товара[48].

Итак, обмен совершается следующим образом:

1) I подразделение платит 1000 ф. ст. деньгами за рабочую силу, следовательно за товар = 1000 ф. ст.

2) Рабочие на свою заработную плату суммою в 1 000 ф. ст. деньгами покупают предметы потребления у II подразделения; следовательно, товар = 1000 ф. ст.

3) II на полученные от рабочих 1000 ф. ст. покупает у I средства производства такой же стоимости, следовательно товар = = 1 000 ф. ст.

Тем самым к I возвратились 1000 ф. ст. в деньгах как денежная форма переменного капитала.

4) II покупает у I на 500 ф. ст. средства производства; следовательно, товар = 500 ф. ст.

5) I покупает на эти самые 500 ф. ст. предметы потребления у II; следовательно, товар = 500 ф. ст.

[48] Здесь изложение несколько уклоняется от того, которое дано выше (стр. 394) [наст. том, стр. 400—401]. Там I также бросает в обращение независимую сумму в 500. Здесь только II доставляет добавочный денежный материал для обращения. Однако это ничего не изменяет в конечном выводе. — *Ф. Э.*

6) II покупает на эти самые 500 ф. ст. средства производства у I; следовательно, товар = 500 ф. ст.

7) I покупает на те же 500 ф. ст. предметы потребления у II; следовательно, товар = 500 ф. ст.

Сумма обмененных товарных стоимостей = 5 000 ф. ст.

500 ф. ст., которые II подразделение авансировало на куплю, возвратились к нему назад.

Результат таков:

1) I подразделение имеет переменный капитал в денежной форме величиной в 1000 ф. ст., первоначально авансированных этим подразделением для обращения; кроме того, оно израсходовало на свое индивидуальное потребление 1000 ф. ст. — в виде своего собственного товарного продукта, т. е. оно израсходовало деньги, которые получило от продажи средств производства стоимостью в 1000 ф. ст.

С другой стороны, та натуральная форма, в которую должен превратиться переменный капитал, существующий в денежной форме, т. е. рабочая сила, посредством потребления сохранилась, воспроизведена и опять имеется в наличности как единственный предмет торговли ее владельцев, который они должны продавать, если хотят жить. Таким образом воспроизведено и отношение между наемными рабочими и капиталистами.

2) Постоянный капитал II подразделения возмещен in natura, и 500 ф. ст., авансированные тем же II для обращения, возвратились к нему назад.

Для рабочих I обращение есть простое обращение *Т — Д — Т*: $\overset{1}{\smile}$ *Т* (рабочая сила) — $\overset{2}{\smile}$ *Д* (1000 ф. ст., денежная форма переменного капитала I) — $\overset{3}{\smile}$ *Т* (необходимые жизненные средства в сумме на 1000 ф. ст.); эти 1000 ф. ст. превращают в деньги на такую же сумму стоимости постоянный капитал II, существующий в форме товара — жизненных средств.

Для капиталистов II подразделения этот процесс представляет собою *Т — Д*, превращение части их товарного продукта в денежную форму, из которой он превращается обратно в составные части производительного капитала, — именно в часть необходимых для этих капиталистов средств производства.

Когда капиталисты II авансируют *Д* (500 ф. ст.) на покупку остальной части средств производства, то этим антиципируется денежная форма той части II_c, которая существует еще в товарной форме (предметы потребления); в акте *Д — Т*, в котором II покупает на *Д*, а I продает *Т*, деньги (II) превращаются в часть производительного капитала, между тем как *Т* (I) проделывает акт *Т — Д*, превращается в деньги; но эти деньги представляют для I не составную часть капитальной стоимости, а превращенную

в деньги прибавочную стоимость, которая расходуется исключительно на предметы потребления.

В обращении *Д — Т...П...Т' — Д'* первый акт, *Д — Т*, представляет собою акт одного капиталиста, последний, *Т' — Д'*, акт (или часть акта) другого. Представляет ли то *Т*, посредством которого *Д* превращается в производительный капитал, для продавца *Т* (который превращает таким образом это *Т* в деньги) постоянную составную часть капитала, переменную составную часть капитала или прибавочную стоимость, — это не имеет никакого значения для самого товарного обращения.

Что касается I, по отношению к составной части $v + m$ его товарного продукта, то это подразделение извлекло из обращения больше денег, чем бросило в него. Во-первых, к I возвращаются 1000 ф. ст. его переменного капитала; во-вторых, оно продает (см. выше, обмен под № 4) средства производства на 500 ф. ст.; таким образом превращается в деньги половина его прибавочной стоимости; потом (обмен под № 6) оно опять продает средства производства на 500 ф. ст., вторую половину своей прибавочной стоимости, и, тем самым, вся прибавочная стоимость оказывается извлеченной из обращения в денежной форме. Итак, в последовательном порядке: 1) переменный капитал превращается обратно в деньги = 1000 ф. ст.; 2) половина прибавочной стоимости превращается в деньги = 500 ф. ст.; 3) остальная половина прибавочной стоимости = 500 ф. ст.; таким образом превращена в деньги сумма $1000_v + 1000_m = 2000$ ф. ст. Хотя I (оставляя в стороне обмены, которые будут рассмотрены впоследствии и которыми опосредствуется воспроизводство I_c) бросило в обращение только 1000 ф. ст., оно извлекло из обращения вдвое больше. Конечно, это ставшее деньгами *m* (превратившееся в *Д*) тотчас же исчезает в других руках (II) благодаря тому, что эти деньги расходуются на предметы потребления. Капиталисты I извлекли *в деньгах* лишь столько, сколько по стоимости они бросили в обращение в виде *товаров;* а тот факт, что эта стоимость есть прибавочная стоимость, значит, ничего не стоит капиталистам, абсолютно ничего не изменяет в самой стоимости этого товара; следовательно, этот факт совершенно безразличен, поскольку дело идет о превращении стоимости в товарном обращении. Пребывание прибавочной стоимости в денежной форме, разумеется, мимолетно, как мимолетны все другие формы, которые проходит в своих превращениях авансированный капитал. Оно длится как раз в течение того промежутка времени, который проходит от превращения товара I в деньги до следующего за ним превращения денег I в товар II.

Если бы мы предположили более короткие обороты — или, рассматривая вопрос с точки зрения простого товарного обращения, более быстрое обращение денег, — то было бы достаточно

еще меньшего количества денег для того чтобы совершалось обращение обмениваемых товарных стоимостей; сумма — при данном количестве последовательных обменов — постоянно определяется суммою цен — соответственно суммою стоимостей обращающихся товаров. При этом совершенно безразлично, в какой пропорции эта сумма стоимостей составляется из прибавочной стоимости, с одной стороны, и капитальной стоимости — с другой.

Если бы в нашем примере заработная плата у I выдавалась четыре раза в год, то $250 \times 4 = 1000$. Следовательно, 250 ф. ст. деньгами было бы достаточно для обращения I_v — $^1/_2$ II_c и для обращения между переменным капиталом I_v и рабочей силой I. Точно так же, если бы обращение между I_m и II_c совершалось в четыре оборота, для этого было бы необходимо всего 250 ф. ст., — значит, в общей сложности была бы необходима денежная сумма, соответственно денежный капитал в 500 ф. ст. для обращения товаров на сумму в 5 000 ф. ст. Тогда прибавочная стоимость превращалась бы в деньги не за два раза последовательными половинами, а за четыре раза последовательными четвертями.

Если в обмене под № 4 покупателем выступает не II, а I и, следовательно, затрачивает 500 ф. ст. деньгами на предметы потребления такой же стоимости, то II в обмене под № 5 покупает на те же самые 500 ф. ст. средства производства: 6) I на те же 500 ф. ст. покупает предметы потребления; 7) II на эти 500 ф. ст. покупает средства производства; следовательно, 500 ф. ст. в конце концов возвращаются к I, как раньше возвращались ко II. Прибавочная стоимость превращается здесь в деньги при помощи денег, которые сам капиталистический производитель расходует на свое личное потребление и которые представляют антиципированный доход, антиципированную выручку из прибавочной стоимости, заключающейся в товаре, еще подлежащем продаже. Превращение прибавочной стоимости в деньги совершается не посредством обратного притока 500 ф. ст.: ведь I, кроме 1 000 ф. ст. в виде товара I_v, в конце обмена под № 4 бросило в обращение 500 ф. ст. деньгами, и эти деньги — добавочные деньги, как нам известно, а не выручка от проданного товара. Когда эти деньги притекают назад к I, то в них последний лишь возвращает себе свои добавочные деньги, а не превращает в деньги свою прибавочную стоимость. Превращение в деньги прибавочной стоимости I совершается лишь посредством продажи товаров I_m, в которых заключается эта прибавочная стоимость, и ее пребывание в виде денег продолжается каждый раз лишь до тех пор, пока деньги, вырученные от продажи товара, не будут снова израсходованы на предметы потребления.

I на дополнительные деньги (500 ф. ст.) покупает у II предметы потребления; эти деньги I израсходовало и получило за них эквивалент в товаре II; в первый раз деньги притекают назад

благодаря тому, что II покупает у I товара на 500 ф. ст.; следовательно, они возвращаются как эквивалент товара, который продало I, но товар этот ничего не стоит I подразделению, т. е. составляет прибавочную стоимость для I, и, таким образом, *деньги, брошенные им самим в обращение, превращают в деньги его собственную прибавочную стоимость;* точно так же при своей второй купле (№ 6) I получает эквивалент в товаре II. Если предположить, что II не покупает (№ 7) у I средств производства, то I действительно заплатило бы за 1000 ф. ст. предметов потребления — потребило бы всю прибавочную стоимость как доход — именно 500 своими товарами I (средствами производства) и 500 деньгами; напротив, у него осталось бы еще на складах на 500 ф. ст. в товарах I (в средствах производства) и было бы затрачено 500 ф. ст. деньгами.

В противоположность этому II превратило бы лишь три четверти своего постоянного капитала из формы товарного капитала в производительный капитал; остальную четверть — в форму денежного капитала (500 ф. ст.), фактически в праздно лежащие деньги, или в деньги, прервавшие свое функционирование и находящиеся в выжидательном положении. Если бы такое положение затянулось, то II было бы вынуждено сократить на одну четверть масштаб воспроизводства. — Что касается тех 500 в виде средств производства, которые остались на шее у I, то они представляют собою не прибавочную стоимость, пребывающую в товарной форме; они явились на место авансированных 500 ф. ст. деньгами, которые были у I наряду с его 1000 ф. ст. прибавочной стоимости в товарной форме. Как деньги они находятся в форме, всегда способной к реализации; как товар они не могут быть проданы тотчас же. Отсюда ясно, что простое воспроизводство, — при котором должен быть возмещен всякий элемент производительного капитала как во II, так и в I, — остается возможным здесь лишь при том условии, если 500 золотых птиц возвратятся к тому I подразделению, которое вначале выпустило их.

Если капиталист (здесь мы все еще имеем перед собою промышленных капиталистов, являющихся в то же время представителями всех других) израсходует деньги на предметы потребления, то это значит, что с этими деньгами все покончено для него, что они пошли стезею всего земного. Если они возвратятся к нему обратно, то это может произойти лишь в том случае, если он выудит их из обращения при помощи товаров, т. е. посредством своего товарного капитала. Подобно стоимости всего годового товарного продукта (который для него = товарному капиталу), стоимость каждого элемента последнего, т. е. стоимость всякого отдельного товара, может быть разложена для него на постоянную капитальную стоимость, переменную капитальную стоимость и прибавочную стоимость. Следовательно, превращение в деньги каждой

единицы товара (которые в качестве элементов образуют товарный продукт) является в то же время превращением в деньги известной доли прибавочной стоимости, заключающейся во всем товарном продукте. Таким образом для данного случая в буквальном смысле правильно, что капиталист сам бросил в обращение те деньги — именно, при расходовании их на предметы потребления, — с помощью которых превращается в деньги или реализуется его прибавочная стоимость. Разумеется, при этом речь идет не об одних и тех же единицах денег, а о количестве звонкой монеты, равной той сумме (или равной части той суммы), которую он бросил в обращение на покрытие личных потребностей.

На практике это совершается двояким способом: если предприятие открыто лишь в текущем году, то пройдет порядочный срок, в лучшем случае несколько месяцев, прежде чем у капиталиста явится возможность затрачивать на свое личное потребление деньги из доходов самого предприятия. Но из-за этого он ни на минуту не отсрочивает своего потребления. Он сам себе авансирует деньги под прибавочную стоимость, которую еще только предстоит получить (причем совершенно безразлично, авансирует ли он из своего собственного кармана или из чужого при посредстве кредита), но тем самым он авансирует и средства на реализацию прибавочной стоимости, которая должна быть реализована позднее. Напротив, если предприятие в регулярном ходу уже сравнительно долгое время, то платежи и поступления распределяются на различные сроки в течение года. Но что идет непрерывно, так это потребление капиталиста, которое антиципирует и по своим размерам учитывает в известных пропорциях обычные или предположительные доходы. При продаже каждой партии товара реализуется и часть прибавочной стоимости, которая должна быть произведена в течение года. Но если бы за целый год было продано лишь столько произведенного товара, сколько необходимо для возмещения содержащихся в нем постоянной и переменной капитальных стоимостей, или если бы цены упали до такой степени, что при продаже всего годового товарного продукта удалось бы реализовать лишь заключающуюся в нем авансированную капитальную стоимость, то в расходовании денег ясно выступил бы характер антиципации, расчета на будущую прибавочную стоимость. Если наш капиталист обанкротится, то его кредиторы и суд станут расследовать, находились ли его антиципированные личные расходы в подобающем отношении к размерам его предприятия и к доходу — прибавочной стоимости, обычно или нормально соответствующему этим размерам.

Однако по отношению ко всему классу капиталистов то положение, что он сам должен бросить в обращение деньги на реализацию своей прибавочной стоимости (соответственно и для обращения своего капитала, постоянного и переменного), не только

не представляется парадоксальным, но является необходимым условием всего механизма; ведь здесь имеются только два класса: рабочий класс, у которого только и есть, что его рабочая сила, и класс капиталистов, в монопольном владении которого находятся общественные средства производства и деньги. Парадоксом было бы, если бы рабочий класс с самого начала авансировал деньги, необходимые ⟨для товарного обращения, следовательно также и⟩ для реализации заключающейся в товарах прибавочной стоимости из собственных средств. Отдельный же капиталист всегда совершает это авансирование лишь в такой форме, что он действует как покупатель, *расходует* деньги на покупку предметов потребления или *авансирует* деньги на покупку элементов своего производительного капитала, — рабочей ли силы, средств ли производства. Он всегда отдает деньги только за эквивалент. Деньги он авансирует обращению лишь таким же способом, как авансирует ему свой товар. И в том и в другом случае он действует как исходный пункт обращения.

Действительный ход дела затемняется обстоятельствами двоякого рода:

1) В процессе обращения промышленного капитала появляются *торговый капитал* (первой формой которого всегда являются деньги, потому что торговец как таковой не создает никакого «продукта» или «товара») и *денежный капитал,* как предмет манипуляций особой категории капиталистов.

2) Распадение прибавочной стоимости — которая в первую очередь всегда должна попадать в руки промышленного капиталиста — на различные категории, представителями которых наряду с промышленным капиталистом являются землевладелец (для земельной ренты), ростовщик (для процента) и т. д., затем правительство со своими чиновниками, рентьеры и т. д. Эти молодцы являются по отношению к промышленному капиталисту покупателями, и постольку они превращают его товары в деньги; и они pro parte бросают «деньги» в обращение, а капиталист получает эти деньги от них. При этом постоянно забывается, из какого источника они первоначально получили эти деньги и откуда они каждый раз снова их получают.

VI. ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ I[48a].

Нам остается еще исследовать постоянный капитал подразделения $I = 4\,000\ I_c$. Эта стоимость равна вновь появляющейся в товарном продукте I стоимости средств производства, потребленных на производство этой товарной массы. Эта вновь появляющаяся стоимость, которая не произведена в процессе производ-

[48a] Отсюда из рукописи II.

ства I, а годом раньше вступила в него как постоянная стоимость, как определенная стоимость его средств производства, существует теперь в виде всей той части товарной массы I, которая не поглощена II; и притом стоимость этой товарной массы, оставшейся таким образом в руках капиталистов I, $= {}^2/_3$ стоимости всего их годового товарного продукта. Об отдельном капиталисте, который производит какой-либо особый вид средств производства, мы могли бы сказать: он продает свой товарный продукт, превращает его в деньги. Превращая его в деньги, он превращает обратно в деньги и постоянную часть стоимости своего продукта. На эту часть стоимости, превращенную в деньги, он потом вновь покупает себе средства производства у других продавцов товаров или превращает постоянную часть стоимости своего продукта в ту натуральную форму, в которой она может снова функционировать как производительный постоянный капитал. Напротив, в нашем случае такое предположение невозможно. Категория капиталистов I подразделения охватывает всю совокупность капиталистов, производящих средства производства. Кроме того, товарный продукт в 4 000, оставшийся у них на руках, представляет собою ту часть общественного продукта, которую нельзя обменять ни на какую другую, потому что уже не существует никакой другой части годового продукта. За исключением этих 4 000, весь остаток уже нашел себе место; часть поглощена общественным потребительным фондом, а другая часть должна возместить постоянный капитал подразделения II, которое уже обменяло все, чем могло оно располагать в обмене с подразделением I.

Затруднение разрешается очень просто, если мы примем в соображение, что весь товарный продукт I по своей натуральной форме состоит из средств производства, т. е. из вещественных элементов самого постоянного капитала. Здесь обнаруживается то же явление, как прежде во II, только в ином виде. Во II весь товарный продукт состоял из предметов потребления; поэтому часть его, измеряемая заключающейся в этом товарном продукте заработной платой плюс прибавочная стоимость, могла быть потреблена самими производителями этой части. Здесь, в I, весь товарный продукт состоит из средств производства, построек, машин, вместилищ, сырых и вспомогательных материалов и т. д. Поэтому часть их, возмещающая применяемый в данной сфере постоянный капитал, может в своей натуральной форме немедленно начать функционировать в качестве составной части производительного капитала. Поскольку она вступает в обращение, она обращается в пределах I подразделения. Во II часть товарного продукта in natura потребляется его собственными производителями индивидуально, напротив в I часть продукта in natura потребляется капиталистическими производителями последнего производительно.

В части товарного продукта I, $= 4\,000_c$, постоянная капитальная стоимость, потребленная в этом подразделении, появляется вновь, и притом в такой натуральной форме, в которой она немедленно может начать функционирование в качестве производительного постоянного капитала. Во II часть товарного продукта в 3 000, стоимость которой равна заработной плате плюс прибавочная стоимость ($= 1\,000$), непосредственно входит в индивидуальное потребление капиталистов и рабочих II; между тем постоянная капитальная стоимость этого товарного продукта ($= 2\,000$), напротив, не может вновь войти в производительное потребление капиталистов II, а должна быть возмещена посредством обмена с I.

В противоположность этому в I подразделении часть товарного продукта в 6 000, стоимость которой равна заработной плате плюс прибавочная стоимость ($= 2\,000$), не входит, да и не может по своей натуральной форме войти в индивидуальное потребление производителей этого продукта. Сначала должен совершиться обмен этой части на II. Постоянная часть стоимости этого продукта, $= 4\,000$, находится, наоборот, в такой натуральной форме, в которой она — если рассматривать капиталистов I как целое — непосредственно может вновь функционировать как постоянный капитал I. Другими словами: весь продукт подразделения I состоит из потребительных стоимостей, которые по своей натуральной форме могут — при капиталистическом способе производства — служить только в качестве элементов постоянного капитала. Следовательно, из этого продукта общей стоимостью в 6 000 одна треть (2 000) возмещает постоянный капитал подразделения II и остальные $^2/_3$ — постоянный капитал подразделения I.

Постоянный капитал I состоит из ряда различных групп капитала, вложенных в различные отрасли производства средств производства: столько-то в доменные печи, столько-то в каменноугольные шахты и т. д. Каждая из этих групп капитала или каждый из этих общественных групповых капиталов, в свою очередь, слагается из большего или меньшего количества самостоятельно функционирующих отдельных капиталов. Во-первых, капитал общества, напр. 7 500 (что может означать миллионы и т. д.), распадается на различные группы капитала; общественный капитал в 7 500 распался на особые части, из которых каждая вложена в особую отрасль производства; вложенная в каждую особую отрасль производства часть общественной капитальной стоимости по своей натуральной форме состоит отчасти из средств производства каждой особой производственной сферы, отчасти из рабочей силы, необходимой для ведения дела в этой сфере и соответствующим образом квалифицированной, по-различному модифицирующейся вследствие разделения труда, в зависимости от специфического характера работы, которую она должна выполнять в

каждой отдельной сфере производства. Часть общественного капитала, вложенная в каждую особую отрасль производства, в свою очередь, состоит из суммы вложенных в нее самостоятельно функционирующих отдельных капиталов. Само собою разумеется, это одинаково относится к обоим подразделениям — как к I, так и ко II.

Что касается постоянной капитальной стоимости, вновь появляющейся в I в форме товарного продукта, то она отчасти вновь входит в качестве средств производства в ту особую сферу производства (или даже в то индивидуальное предприятие), из которой вышла как продукт, напр. зерно в производство зерна, уголь в производство угля, железо в форме машин в производство железа и т. д.

Поскольку же отдельные продукты, из которых состоит постоянная капитальная стоимость I, непосредственно не входят снова в свою особую или индивидуальную сферу производства, они только меняют место. Они входят в натуральной форме в другую сферу производства подразделения I, между тем как продукт других производственных сфер подразделения I возмещает их in natura. Это — простое перемещение данных продуктов. Все они вновь входят в качестве факторов, возмещающих постоянный капитал I, но только входят вместо одной группы I подразделения в другую. Поскольку здесь находит себе место обмен между отдельными капиталистами I, он представляет собою обмен одной натуральной формы постоянного капитала на другую натуральную форму постоянного капитала, одного вида средств производства на другой вид средств производства. Это — взаимный обмен различных индивидуальных постоянных частей капитала I. Продукты, поскольку они не служат непосредственно как средства производства в своей собственной отрасли производства, переходят из места своего производства в другое и, таким образом, взаимно возмещают друг друга. Другими словами (подобно тому, как во II происходит с прибавочной стоимостью): каждый капиталист I пропорционально тому, насколько он является совладельцем этого постоянного капитала в 4 000, извлекает из этой товарной массы необходимые ему соответствующие средства производства. Если бы производство было общественным, а не капиталистическим, то ясно, что эти продукты подразделения I в целях воспроизводства не менее постоянно распределялись бы вновь как средства производства между отраслями производства этого подразделения: одна часть непосредственно оставалась бы в той сфере производства, из которой она вышла как продукт, напротив, другая переходила бы в другие места производства, и таким образом между различными местами производства этого подразделения установилось бы постоянное движение в противоположных направлениях.

VII. ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ И ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ В ОБОИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ.

Итак, вся стоимость произведенных за год предметов потребления равна воспроизведенной в течение года переменной капитальной стоимости II плюс вновь произведенная прибавочная стоимость II (т. е. равна стоимости, произведенной в течение года в подразделении II) плюс переменная капитальная стоимость I, воспроизведенная в течение года, и вновь произведенная прибавочная стоимость I (следовательно, плюс стоимость, произведенная в течение года в подразделении I).

Если предположить простое воспроизводство, то вся стоимость произведенных за год предметов потребления будет равна вновь созданной годовой стоимости, т. е. равна всей стоимости, произведенной общественным трудом в течение года, — и должна быть равна, так как при простом воспроизводстве потребляется вся эта стоимость.

Весь общественный рабочий день распадается на две части: 1) необходимый труд; в течение года он создает стоимость в 1500_v; 2) прибавочный труд; он создает дополнительную стоимость, или прибавочную стоимость в 1500_m. Сумма этих стоимостей $= 3000$, равна стоимости произведенных за год предметов потребления на 3000. Итак, вся стоимость произведенных за год предметов потребления равна всей стоимости, которую произвел совокупный общественный рабочий день в течение года, равна стоимости общественного переменного капитала плюс общественная прибавочная стоимость, т. е. равна всему годовому новому продукту.

Но мы знаем, что хотя эти две величины стоимости взаимно покрываются, тем не менее отнюдь не вся стоимость товаров II, предметов потребления, произведена в этом подразделении общественного производства. Они взаимно покрываются, потому что снова появляющаяся во II постоянная капитальная стоимость равна стоимости (переменной капитальной стоимости плюс прибавочная стоимость), вновь произведенной в I; поэтому $\mathrm{I}_{(v+m)}$ может купить ту часть продукта II, которая для производителей последнего (в подразделении II) представляет постоянную капитальную стоимость. Отсюда видно, почему, хотя для капиталистов II стоимость их продукта распадается на $c + v + m$, рассматриваемая в отношении всего общества стоимость этого продукта может быть разложена на $v + m$. Но дело обстоит так лишь потому, что здесь II_c равно $\mathrm{I}_{(v+m)}$ и что эти две составные части общественного продукта посредством обмена взаимно обмениваются своими натуральными формами, так что после такого акта II_c опять существует в виде средств производства, а $\mathrm{I}_{(v+m)}$, напротив, в виде предметов потребления.

Вот это обстоятельство и дало А. Смиту повод утверждать, что стоимость годового продукта разлагается на $v+m$. Это правильно: 1) лишь для той части годового продукта, которая состоит из предметов потребления; 2) правильно не в том смысле, что эта стоимость целиком произведена во II и что, следовательно, стоимость продукта II равна стоимости переменного капитала, авансированного во II, плюс прибавочная стоимость, произведенная во II. Это правильно лишь в том смысле, что $II_{(c+v+m)} = II_{(v+m)} + I_{(v+m)}$, или потому, что $II_c = I_{(v+m)}$.

Из этого следует далее:

Общественный рабочий день (т. е. труд, затраченный всем рабочим классом в течение всего года), подобно всякому индивидуальному рабочему дню, распадается только на две части, именно на необходимый труд плюс прибавочный труд; поэтому и стоимость, произведенная этим рабочим днем, тоже распадается только на две части, именно на переменную капитальную стоимость, т. е. ту часть стоимости, на которую рабочий покупает средства своего собственного воспроизводства, и прибавочную стоимость, которую капиталист может израсходовать на свое собственное индивидуальное потребление. Тем не менее с точки зрения общества часть общественного рабочего дня затрачивается исключительно на *производство свежего постоянного капитала,* т. е. продуктов, которые предназначены исключительно для того чтобы функционировать в процессе труда в качестве средств производства, а следовательно в сопровождающем его процессе возрастания стоимости — в качестве постоянного капитала. Согласно нашему предположению, весь общественный рабочий день выражается в денежной стоимости в 3 000, из которых только $^1/_3$, = 1 000, произведена в подразделении II, производящем предметы потребления, т. е. товары, в которых в конечном счете реализуются вся переменная капитальная стоимость и вся прибавочная стоимость общества. Итак, согласно этому предположению, $^2/_3$ общественного рабочего дня употребляются на производство нового постоянного капитала. Хотя с точки зрения индивидуальных капиталистов и рабочих подразделения I эти $^2/_3$ общественного рабочего дня служат только для производства лишь переменной капитальной стоимости плюс прибавочная стоимость, совершенно так же, как остальная треть общественного рабочего дня в подразделении II, однако, если рассматривать дело в общественном разрезе и также если рассматривать его со стороны потребительной стоимости продукта, — эти $^2/_3$ общественного рабочего дня производят лишь возмещение постоянного капитала, находящегося или уже окончательно использованного в процессе производительного потребления. Да и с индивидуальной точки зрения, хотя вся стоимость, произведенная в эти $^2/_3$ рабочего дня, равняется только переменной капитальной стоимости плюс прибавочная

стоимость для ее производителей, однако в эти $^2/_3$ рабочего дня вовсе не производится потребительных стоимостей такого рода, чтобы на них можно было расходовать заработную плату или прибавочную стоимость; продукт этих $^2/_3$ рабочего дня — средства производства.

Прежде всего необходимо отметить, что никакая часть общественного рабочего дня, ни в I ни во II, не служит для производства стоимости того постоянного капитала, который применяется в этих двух крупных сферах производства и функционирует в них. Они производят только дополнительную стоимость $2\,000\ \mathrm{I}_{(v+m)} + 1\,000\ \mathrm{II}_{(v+m)}$, — дополнительную к постоянной капитальной стоимости, $= 4\,000\ \mathrm{I}_c + 2\,000\ \mathrm{II}_c$. Новая стоимость, которая производится в форме средств производства, еще не есть постоянный капитал. Она лишь предназначена к тому, чтобы в качестве такового функционировать в будущем.

Весь продукт II — предметы потребления, — рассматриваемый со стороны его потребительной стоимости, конкретно в его натуральной форме, есть продукт одной трети общественного рабочего дня, затраченного во II подразделении; это продукт труда в его конкретной форме, как труд ткача, труд пекаря и т. д., которые были применены в этом подразделении, продукт этого труда, поскольку последний функционирует как субъективный элемент процесса труда. Напротив, что касается постоянной части стоимости этого продукта II, то она только вновь проявляется в новой потребительной стоимости, в новой натуральной форме, в форме предметов потребления, между тем как раньше существовала в форме средств производства. Благодаря процессу труда стоимость этой части перенесена с прежней натуральной формы на новую натуральную форму. Но *стоимость* этих $^2/_3$ стоимости годового продукта, $= 2\,000$, произведена не в процессе возрастания стоимости II, который происходил в текущем году.

Подобно тому как рассматриваемый с точки зрения процесса труда продукт II есть результат вновь функционирующего живого труда и данных, предполагаемых последним средств производства, в которых этот труд осуществляется как в своих предметных условиях, точно так же с точки зрения процесса возрастания стоимости стоимость продукта II, $= 3\,000$, складывается из новой стоимости, которая произведена вновь присоединенной $^1/_3$ общественного рабочего дня ($500_v + 500_m = 1\,000$), и из постоянной стоимости, в которой овеществлены $^2/_3$ прошлого общественного рабочего дня, протекшего до начала рассматриваемого здесь процесса производства II. Эта часть стоимости продукта II выражается в одной части самого продукта. Она существует в известном количестве предметов потребления стоимостью в $2\,000 = {}^2/_3$ общественного рабочего дня. Это — та новая потребительная форма, в которой вновь появляется упомянутая часть стоимости. Таким образом обмен части предметов потребления, $= 2\,000\ \mathrm{II}_c$,

на средства производства I, = I ($1000_v + 1000_m$), является по существу обменом $^2/_3$ всего рабочего дня, не содержащих ни малейшей части труда текущего года и истекших до начала этого года, на $^2/_3$ рабочего дня, присоединенного вновь в текущем году. $^2/_3$ общественного рабочего дня текущего года не могли бы быть применены в производстве постоянного капитала и в то же время составлять переменную капитальную стоимость плюс прибавочная стоимость для своих производителей, если бы они не были обменены на часть стоимости ежегодно потребляемых предметов потребления, в которых заключается $^2/_3$ рабочего дня, затраченного и реализованного до текущего года, не на протяжении этого года. Это — обмен $^2/_3$ рабочего дня текущего года на $^2/_3$ рабочего дня, затраченные до этого года, обмен между рабочим временем текущего года и прошлогодним рабочим временем. Следовательно, это объясняет нам загадку, почему стоимость, вновь созданная за весь общественный рабочий день, может распадаться на переменную капитальную стоимость плюс прибавочная стоимость, хотя $^2/_3$ этого рабочего дня затрачиваются не на производство предметов, в которых мог бы реализоваться переменный капитал или прибавочная стоимость, а на производство средств производства, служащих для возмещения капитала, потребленного в течение года. Это объясняется просто тем, что те $^2/_3$ стоимости продукта II, в которых капиталисты и рабочие I реализуют произведенную ими переменную капитальную стоимость плюс прибавочная стоимость (составляющие $^2/_9$ всей стоимости годового продукта), представляют собою по своей стоимости продукт $^2/_3$ общественного рабочего дня, истекшего до настоящего года.

Хотя сумма общественного продукта I и II, средства производства и предметы потребления, рассматриваемые по своей потребительной стоимости, конкретно, в их натуральной форме, являются продуктом труда текущего года, однако лишь постольку, поскольку самый этот труд рассматривается как полезный конкретный труд, а не как затрата рабочей силы, не как труд, создающий стоимость. При этом первое правильно лишь в том смысле, что средства производства только посредством присоединенного к ним, оперировавшего с ними живого труда превратились в новый продукт, в продукт текущего года. Наоборот, без средств производства, существующих независимо от текущего труда, без средств труда и материалов производства труд текущего года не мог бы превратиться в продукт.

VIII. ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ В ОБОИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ.

Что касается всей стоимости продукта в 9 000 и тех категорий, на которые она распадается, то здесь анализ не представляет бóльших затруднений, чем анализ стоимости продукта отдельного капитала, и, напротив, тожествен с последним.

Во всем годовом продукте общества содержится в нашем примере три одногодичных общественных рабочих дня. Выражение стоимости каждого из этих рабочих дней = 3 000; поэтому выражение стоимости всего продукта = 3 000 × 3 = 9 000.

Далее, *до* начала того одногодичного процесса производства, продукт которого мы анализируем, из всего этого рабочего времени истекло: в I подразделении — $^4/_3$ рабочих дня (вновь созданная стоимость в 4 000) и во II подразделении — $^2/_3$ рабочего дня (вновь созданная стоимость в 2 000). Итого 2 общественных рабочих дня, которые дали новую стоимость = 6 000. Поэтому 4 000 I_c + + 2 000 II_c, = 6 000$_c$, фигурируют как стоимость средств производства, или стоимость постоянного капитала, вновь появляющаяся во всей стоимости общественного продукта.

В подразделении I, далее, $^1/_3$ вновь присоединенного общественного годового рабочего дня представляет собою необходимый труд, или труд, возмещающий стоимость переменного капитала, 1 000 I_v и оплачивающий цену труда, нашедшего применение в I. Точно так же во II подразделении $^1/_6$ общественного рабочего дня представляет собою необходимый труд, дающий в сумме стоимость в 500. Итак, 1000 I_v + 500 II_v = 1500$_v$, выражение стоимости половины общественного рабочего дня, является выражением стоимости той первой половины всего присоединенного в текущем году рабочего дня, которая состоит из необходимого труда.

Наконец, в I подразделении $^1/_3$ всего рабочего дня, вновь созданная стоимость = 1000, представляет собою прибавочный труд; во II подразделении $^1/_6$ рабочего дня, вновь созданная стоимость = 500, представляет собою прибавочный труд; в сумме они дают вторую половину всего вновь присоединенного рабочего дня. Поэтому вся произведенная прибавочная стоимость = = 1 000 I_m + 500 II_m = 1500$_m$.

Итак:

постоянная капитальная часть стоимости общественного продукта *(c)*:

2 рабочих дня, затраченных до рассматриваемого процесса производства; выражение стоимости = 6 000.

Необходимый труд *(v)*, затраченный в течение года:

половина рабочего дня, затраченного на годовое производство; выражение стоимости = 1 500.

Затраченный в течение года прибавочный труд *(m)*:

половина рабочего дня, затраченного на годовое производство; выражение стоимости = 1500.

Вновь созданная годовым трудом стоимость *(v + m)* = 3 000.

Вся стоимость продукта *(c + v + m)* = 9 000.

Итак, затруднение заключается не в анализе стоимости самого общественного продукта. Оно возникает при сопоставлении составных частей *стоимости* общественного продукта с его *вещными* составными частями.

Постоянная, лишь снова появляющаяся часть стоимости, равна стоимости той части этого продукта, которая состоит из средств *производства;* она воплощается в этой части общественного продукта.

Вновь созданная в течение года стоимость, $= v + m$, равняется стоимости той части продукта, которая состоит из предметов *потребления;* она воплощается в этой части продукта.

Но, если оставить в стороне безразличные здесь исключения, средства производства и предметы потребления представляют собою совершенно различные виды товаров, продукты совершенно различной натуральной или потребительной формы, следовательно продукты совершенно различных конкретных видов труда. Труд, применяющий машины для производства жизненных средств, совершенно отличен от труда, делающего машины. Кажется, будто весь годовой совокупный рабочий день, стоимостное выражение которого = 3 000, затрачен на производство предметов потребления = 3 000, в которых не проявляется вновь никакой постоянной части стоимости: эти 3 000, $= 1\,500_v + 1\,500_m$, разлагаются лишь на переменную капитальную стоимость + прибавочная стоимость. С другой стороны, постоянная капитальная стоимость, = 6 000, вновь появляется в виде продуктов, совершенно отличных от предметов потребления, — в виде средств производства, между тем кажется, будто на производство этих новых продуктов не затрачено ни малейшей доли общественного рабочего дня; напротив, кажется, будто весь рабочий день состоит лишь из таких видов труда, результатом которых являются не средства производства, а предметы потребления. Тайна уже разгадана. Вновь созданная годовым трудом стоимость равна стоимости продукта подразделения II, всей стоимости вновь произведенных предметов потребления. Но стоимость этого продукта на $^2/_3$ больше, чем та часть годового труда, которая затрачена в производстве предметов потребления (подразделения II). На их производство затрачено лишь $^1/_3$ годового труда. $^2/_3$ этого годового труда затрачены на производство средств производства, следовательно в подразделении I. Произведенная за это время в I новая стоимость, равная произведенным в I переменной капитальной стоимости плюс прибавочная стоимость, равна постоянной капитальной стоимости II, вновь появляющейся в подразделении II в виде предметов потребления. Следовательно, они могут быть обменены одна на другую, могут in natura возместить одна другую. Поэтому вся стоимость предметов потребления II равна сумме вновь произведенной стоимости I + II, или $\mathrm{II}_{(c+v+m)} =$

$= \mathrm{I}_{(v+m)} + \mathrm{II}_{(v+m)}$, следовательно равна сумме новой стоимости, произведенной годичным трудом в форме $v+m$.

С другой стороны, вся стоимость средств производства (I) равна сумме постоянной капитальной стоимости, вновь появляющейся в форме средств производства (I) и в форме предметов потребления (II), следовательно равна сумме постоянной капитальной стоимости, вновь появляющейся во всем продукте общества. Вся эта стоимость равна стоимостному выражению $^4/_3$ прошлого рабочего дня, затраченных в I подразделении до начала процесса производства, и $^2/_3$ прошлого рабочего дня, затраченных во II подразделении до начала процесса производства, следовательно в общей сложности — стоимостному выражению двух совокупных рабочих дней.

Итак, трудность при анализе общественного годового продукта возникает из того, что постоянная часть стоимости представлена в средствах производства — в продуктах совсем иного рода, чем присоединенная к этой постоянной части стоимости новая стоимость $v+m$, которая представлена в предметах потребления. Это выглядит так, как будто $^2/_3$ потребленной массы продуктов — если рассматривать их со стороны стоимости — снова имеются в новой форме, появляются как новый продукт, хотя общество не затратило никакого труда на его производство. По отношению к отдельному капиталу такого явления не наблюдается. Каждый индивидуальный капиталист применяет определенный конкретный вид труда, который превращает соответствующие этому труду средства производства в продукт ⟨определенной натуральной формы⟩. Пусть, напр., капиталист будет машиностроителем, затраченный в течение года постоянный капитал $= 6\,000_c$, переменный $= 1500_v$, прибавочная стоимость $= 1500_m$; продукт $= 9\,000$; скажем, что этот продукт — 18 машин, из которых каждая $= 500$. Весь продукт существует здесь в одной и той же форме, в форме машин. (Если машиностроитель производит несколько сортов, то для каждого счет ведется самостоятельно.) Весь товарный продукт представляет собою продукт труда, затраченного в течение года в машиностроении, представляет сочетание одного и того же конкретного вида труда с одними и теми же средствами производства. Поэтому различные части стоимости продукта представлены в одной и той же натуральной форме: в 12 машинах заключаются $6\,000_c$, в 3 машинах — 1500_v, в 3 машинах — 1500_m. Здесь ясно, что стоимость 12 машин $= 6\,000_c$ не потому, что в этих 12 машинах воплощен только труд, затраченный до начала машиностроения, и не воплощен труд, затраченный на машиностроение. Стоимость средств производства, необходимых на 18 машин, сама по себе не превратилась в 12 машин, но стоимость этих 12 машин (состоящая в свою очередь из $4\,000_c + 1\,000_v + 1\,000_m$) просто равняется всей постоянной

капитальной стоимости, заключающейся в 18 машинах. Поэтому машиностроитель должен продать из 18 машин 12, чтобы возместить затраченный им постоянный капитал, необходимый ему для воспроизводства 18 новых машин. Напротив, дело было бы необъяснимо, если бы, хотя применяемый труд заключается только в машиностроении, результатом его оказались бы: с одной стороны, 6 машин $= 1500_v + 1500_m$, с другой стороны — железо, медь, винты, ремни и т. д. общей стоимостью в $6\,000_c$, т. е. средства производства машин, обретающиеся в своей натуральной форме, средства производства, которых, как известно, отдельный машиностроитель-капиталист сам не производит, но которые он должен возмещать при посредстве процесса обращения. И, однако, на первый взгляд кажется, будто воспроизводство общественного годового продукта совершается подобным абсурдным способом.

Продукт индивидуального капитала, т. е. всякой части общественного капитала, самостоятельно функционирующей, наделенной собственной жизнью, может иметь какую угодно натуральную форму. Единственное условие заключается в том, чтобы он действительно имел потребительную форму, потребительную стоимость, которая наложила бы на него печать члена товарного мира, способного к обращению. При этом совершенно безразличным и случайным является то обстоятельство, может ли он как средство производства снова войти в тот самый процесс производства, из которого вышел как продукт, следовательно обладает ли та часть стоимости этого продукта, в которой представлена постоянная часть капитала, такой натуральной формой, в которой она фактически может функционировать снова в качестве постоянного капитала. Если этого нет, то указанная часть стоимости продукта посредством продажи и купли вновь превращается в форму вещных элементов производства этого продукта, а постоянный капитал воспроизводится таким образом в той натуральной форме, в которой он может функционировать как таковой.

Иначе обстоит дело с продуктом всего общественного капитала. Все вещные элементы воспроизводства должны в своей натуральной форме составлять части самого этого продукта. Потребленная постоянная часть капитала может быть возмещена при посредстве всего производства лишь при том условии, если вся вновь появляющаяся в продукте постоянная часть капитала появляется в натуральной форме новых средств производства, которые действительно могут функционировать как постоянный капитал. Поэтому — раз мы предполагаем простое воспроизводство — стоимость той части продукта, которая состоит из средств производства, должна быть равна постоянной части стоимости общественного капитала.

Далее, если рассматривать дело в индивидуальном разрезе, то посредством вновь присоединяемого труда капиталист производит

лишь свой переменный капитал плюс прибавочная стоимость, входящие в стоимость его продукта, между тем как постоянная часть стоимости переносится на продукт благодаря конкретному характеру вновь присоединяемого труда.

Если рассматривать дело в общественном разрезе, то та часть общественного рабочего дня, которая производит средства производства, следовательно присоединяет к ним новую стоимость и переносит на них стоимость средств производства, потребленных на их производство, — эта часть не производит ничего иного, кроме нового *постоянного капитала,* предназначенного возместить как в I, так и во II постоянный капитал, потребленный в форме старых средств производства. Эта часть производит только продукт, предназначенный войти в производительное потребление. Следовательно, вся стоимость этого продукта представляет собою стоимость, которая может вновь функционировать только как постоянный капитал, на которую можно вновь купить только постоянный капитал в его натуральной форме и которая, следовательно, если рассматривать дело в общественном разрезе, не разлагается ни на переменный капитал, ни на прибавочную стоимость. — С другой стороны, та часть общественного рабочего дня, которая производит предметы потребления, не производит ни малейшей доли в возмещение общественного капитала. Она производит лишь продукты, которые в своей натуральной форме предназначены на то, чтобы реализовать стоимость переменного капитала и прибавочную стоимость в I и II.

Рассматривая вопрос в общественном разрезе, следовательно рассматривая весь общественный продукт, который включает и воспроизводство общественного капитала и индивидуальное потребление, не следует впадать в манеру, заимствованную Прудоном у буржуазной экономии, и смотреть на дело таким образом, как будто общество с капиталистическим способом производства, взятое en bloc, как целое, утрачивает этот свой специфический исторически-экономический характер. Напротив. В таком случае приходится иметь дело с совокупным капиталистом. Весь капитал представляется как бы акционерным капиталом всей совокупности отдельных капиталистов. И такое акционерное общество имеет то общее со многими другими акционерными обществами, что всякий знает, что̀ он вложил, но *не* знает, что̀ он получит обратно.

IX. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА А. СМИТА, ШТОРХА И РАМСЕЯ.

Вся стоимость общественного продукта составляет $9\,000 = 6\,000_c + 1\,500_v + 1\,500_m$, другими словами: 6 000 воспроизводят стоимость средств производства, а 3 000 — стоимость предметов потребления. Следовательно, стоимость общественного дохода $(v + m)$ составляет только $^1/_3$ стоимости всего продукта, и сово-

купность потребителей — рабочие и капиталисты — лишь на сумму стоимости этой трети могут брать из всего общественного продукта товары, продукты, и включать их в фонд своего потребления. Напротив, 6 000, $= {}^2/_3$ стоимости продукта, представляют собою стоимость постоянного капитала, который должен быть возмещен in natura. Следовательно, средства производства на такую сумму должны быть снова включены в производственный фонд. Необходимость этого видел уже Шторх, хотя он не мог представить доказательств: «Ясно, что стоимость годового продукта делится частью на капитал и частью на прибыль и что каждая из этих частей стоимости годового продукта регулярно покупает продукты, которые необходимы нации как для восстановления своего капитала, так и для возмещения своего потребительного фонда... Продукты, составляющие *капитал* нации, *не подлежат потреблению*» (Storch: «Considérations sur la nature du revenu national». Париж 1824, стр. 134—135, 150).

Однако А. Смит выставил эту поразительную догму — которая до сих пор принимается на веру — не только в уже упомянутой форме, будто бы вся стоимость общественного продукта разлагается на доход — на заработную плату плюс прибавочная стоимость, — или, как он выражает это, на заработную плату плюс прибыль (процент) плюс земельная рента. Он выставил ее и в той еще более популярной форме, будто в последнем счете (ultimately) *потребители* должны оплатить производителям *всю стоимость продукта*. Это до сих пор остается одним из непререкаемых общих мест или даже одной из вечных истин для так называемой науки политической экономии. Такое представление стараются сделать наглядным при помощи следующего приема, имеющего видимость правдоподобия. Возьмем какой-нибудь предмет, напр. полотняные рубашки. Прядильщик льняной пряжи должен прежде всего оплатить возделывателю льна всю стоимость льна, т. е. семена, удобрительные средства, корм для рабочего скота и т. д., а также ту часть стоимости, которую основной капитал возделывателя передает продукту, как-то: постройки, сельскохозяйственный инвентарь и т. д.; возместить заработную плату, выданную при производстве льна; прибавочную стоимость (прибыль, земельную ренту), заключающуюся в льне; наконец, издержки по перевозке льна от места его производства к прядильне. Потом ткач должен возвратить льнопрядильщику не только эту цену льна, но и ту часть стоимости машин, построек и т. д., короче, основного капитала, которая перенесена на лен; далее, все потребленные в процессе прядения вспомогательные материалы, заработную плату прядильщиков, прибавочную стоимость и т. д., — и таким же образом дело идет дальше с белильщиком, с издержками по транспорту готового полотна, наконец, с фабрикантом рубашек, который оплачивает всю цену всех предыдущих производителей,

доставивших ему лишь сырой материал. На фабрике у него совершается дальнейшее присоединение стоимости: частью за счет стоимости постоянного капитала, потребленного при фабрикации рубашек в форме средств труда, вспомогательных материалов и т. д., и частью посредством затраченного при этом труда, который присоединяет стоимость заработной платы рабочих, делающих рубашки, плюс прибавочная стоимость фабриканта рубашек. Пусть весь этот продукт — рубашки — в конце концов стоит 100 ф. ст. и в такой цифре пусть выражается та доля всей стоимости годового продукта, которую общество затрачивает на рубашки. Потребители рубашек оплачивают 100 ф. ст., следовательно стоимость всех средств производства, заключающихся в рубашках, а также заработную плату плюс прибавочная стоимость возделывателя льна, прядильщика, ткача, белильщика, фабриканта рубашек, равно как и всех транспортеров. Это совершенно верно. Это — такая вещь, которая действительно понятна всякому ребенку. Но потом говорят: так обстоит дело и со стоимостью всех других товаров. Следовало бы сказать: так обстоит дело со стоимостью *всех предметов потребления;* со стоимостью той части общественного продукта, которая входит в фонд потребления, следовательно с той частью стоимости общественного продукта, которая может быть израсходована как доход. Сумма стоимости всех этих товаров, конечно, равняется стоимости всех потребленных на них средств производства (постоянных частей капитала) плюс стоимость, созданная трудом, присоединенным в последний раз (заработная плата плюс прибавочная стоимость). Следовательно, совокупность потребителей может оплатить всю эту сумму стоимости, так как хотя стоимость каждого отдельного товара состоит из $c+v+m$, но сумма стоимости всех товаров, входящих в фонд потребления, взятая в своей совокупности, в максимальной величине, может равняться лишь той части стоимости общественного продукта, которая разлагается на $v+m$, т. е. может равняться лишь той стоимости, которую труд, затраченный в течение года, присоединил к уже имевшимся в наличии средствам производства, к стоимости постоянного капитала. Но что касается постоянной капитальной стоимости, то, как мы видели, она возмещается из массы общественного продукта двояким образом. Во-первых, посредством обмена капиталистов II, производящих предметы потребления, с капиталистами I, производящими средства производства. Здесь и лежит источник фразы, будто то, что для одних является капиталом, для других представляет собою доход. Действительное положение дела не таково. Те 2 000 II_c, которые существуют в виде предметов потребления стоимостью в 2 000, составляют для капиталистов II постоянную капитальную стоимость. Следовательно, сами капиталисты II не могут потребить эту стоимость, хотя продукт по своей натуральной форме

предназначен для потребления. С другой стороны, 2 000 $I_{(v+m)}$ представляют собою заработную плату плюс прибавочная стоимость, произведенные капиталистами и рабочими I подразделения. Они существуют в натуральной форме средств производства, вещей, в которых их собственная стоимость не может быть потреблена. Следовательно, мы имеем здесь сумму стоимости в 4 000, ⟨из которых потреблены могут быть только 2 000⟩ и из которых — как до обмена, так и после обмена — половина служит для возмещения лишь постоянного капитала и другая половина составляет только доход. — Но, во-вторых, постоянный капитал подразделения I возмещается in natura отчасти посредством обмена между капиталистами I, отчасти посредством возмещения in natura в каждом отдельном предприятии.

Фраза, будто вся стоимость годового продукта в конечном счете должна оплачиваться потребителями, была бы верна лишь при том условии, если бы под потребителями разумели два совершенно различных вида: индивидуальных потребителей и производительных потребителей. Но если часть продукта должна быть потреблена *производительно, то это* означает лишь одно: она должна *функционировать как капитал* и не может быть *потреблена как доход.*

Если стоимость всего продукта, = 9 000, мы подразделим на $6\,000_c + 1\,500_v + 1\,500_m$ и станем рассматривать $3\,000_{(v+m)}$ лишь в качестве дохода, то получается, наоборот, такое впечатление, как будто переменный капитал исчез, и капитал, рассматриваемый в общественном разрезе, состоит исключительно из постоянного капитала. Ведь то, что первоначально являлось как $1\,500_v$, свелось к части общественного дохода — к заработной плате, доходу рабочего класса — и вместе с тем исчез характер этой части как капитала. Рамсей и на самом деле извлек соответствующий вывод. Согласно Рамсею, капитал, рассматриваемый в общественном разрезе, состоит только из основного капитала, но под основным капиталом он разумеет постоянный капитал, массу стоимостей, заключающуюся в средствах производства, будут ли эти средства производства средствами труда или материалом труда, как сырье, полуфабрикат, вспомогательный материал и т. д. Переменный капитал он называет оборотным: «Оборотный капитал состоит исключительно из средств существования и других необходимых предметов, авансируемых для рабочих, пока не будет закончен продукт их труда... Только основной капитал, а не оборотный, является, строго говоря, источником национального богатства... Оборотный капитал не является непосредственным агентом производства и вообще не имеет для него существенного значения; это — лишь условие, сделавшееся необходимым вследствие плачевной бедности массы народа... С национальной точки зрения лишь основной капитал составляет элемент издержек производства» (Ramsay, l. c., стр. 23—26 passim). Ближайшим образом

Рамсей так поясняет основной капитал, под которым он разумеет постоянный: «Продолжительность времени, в течение которого какая-нибудь часть продукта этого труда (именно труда, направленного на производство какого-либо товара) существовала в виде основного капитала, т. е. в такой форме, в которой она хотя и содействует производству будущего товара, но не *идет на содержание рабочих...*» (стр. 59).

Здесь мы снова встречаемся с той бедой, которую причинил А. Смит, потопив различие постоянного и переменного капитала в различии основного и оборотного капитала. Постоянный капитал Рамсея состоит из средств труда, его оборотный капитал — из жизненных средств; оба суть товары данной стоимости; и те и другие одинаково не могут произвести прибавочную стоимость.

X. КАПИТАЛ И ДОХОД: ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ И ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА [49].

Все годовое воспроизводство, весь продукт этого года представляет собою продукт полезного труда за этот год. Но стоимость всего этого продукта больше, чем та часть его стоимости, в которой воплощается годовой труд, — рабочая сила, затраченная в текущем году. *Новая годовая стоимость,* стоимость, вновь созданная в течение этого года в товарной форме, меньше, чем *стоимость продукта,* чем вся стоимость товарной массы, произведенной за весь год. Разность, которая получится, если из всей стоимости годового продукта вычесть стоимость, присоединенную к нему трудом текущего года, представляет собою не действительно воспроизведенную стоимость, а стоимость, лишь вновь появившуюся в новой форме существования, стоимость, перенесенную на годовой продукт со стоимости, которая существовала раньше этого продукта, которая — в зависимости от долговечности составных частей постоянного капитала, принимавших участие в процессе общественного труда текущего года, — может быть происхождения, более или менее отдаленного во времени, которая, быть может, происходит от стоимости средств производства, появившихся на свет в прошлом году или в течение ряда предыдущих лет. Во всяком случае это — стоимость, перенесенная с прошлогодних средств производства на продукт текущего года.

Если мы обратимся к нашей схеме, то после обмена рассмотренных до сих пор элементов между I и II подразделением и в пределах II мы получаем:

I) $4\,000_c + 1\,000_v + 1\,000_m$ (последние 2 000 реализуются в предметах потребления II_c) $= 6\,000$.

---

[49] Отсюда по рукописи VIII.

II) $2\,000_c$ (воспроизводятся посредством обмена с $\mathrm{I}_{(v+m)}$) + $+ 500_v + 500_m = 3\,000$.

Сумма стоимости = 9 000.

Стоимость, вновь произведенная в течение года, заключается только в v и m. Следовательно, сумма вновь созданной за этот год стоимости равна сумме $v + m = 2\,000\ \mathrm{I}_{(v+m)} + 1\,000\ \mathrm{II}_{(v+m)} = 3\,000$. Все остальные части стоимости продукта этого года представляют собою лишь стоимость, перенесенную со стоимости прежних средств производства, потребленных в годовом производстве. Кроме стоимости в 3 000, труд текущего года не произвел никакой иной стоимости; это — вся вновь созданная им за год стоимость.

Но $2\,000\ \mathrm{I}_{(v+m)}$, как мы видели, возмещают для II подразделения $2\,000\ \mathrm{II}_c$ в натуральной форме средств производства. Следовательно, две трети годового труда, затраченные в I подразделении, вновь произвели постоянный капитал II — как всю его стоимость, так и его натуральную форму. Таким образом, если рассматривать в общественном разрезе, две трети труда, затраченного в течение года, произвели новую постоянную капитальную стоимость, реализованную в натуральной форме, соответствующей подразделению II. Следовательно, наибольшая часть годового общественного труда затрачена на производство нового постоянного капитала (капитальной стоимости, существующей в виде средств производства) для возмещения постоянной капитальной стоимости, израсходованной на производство предметов потребления. В этом отношении капиталистическое общество отличается от дикаря вовсе не тем, в чем видит это отличие Сениор[50], полагающий, что дикарь имеет особенную привилегию расходовать свой труд иногда таким образом, что он не дает ему никаких продуктов, обращающихся в доход, т. е. в предметы потребления. Различие состоит на самом деле в следующем:

a) Капиталистическое общество употребляет бо̀льшую часть находящегося в его распоряжении годичного труда на производство средств производства (следовательно, постоянного капитала), которые не могут быть разложены на доход ни в форме заработной платы, ни в форме прибавочной стоимости и могут только функционировать в качестве капитала.

b) Если дикарь изготовляет лук, стрелы, каменные молотки, топоры, корзины и т. п., — то он совершенно отчетливо сознает, что израсходованное на это время он употребил не на производство предметов потребления, т. е. что он удовлетворил свою нужду в средствах производства и ничего более. Кроме того, дикарь

---

[50] «Изготовляя лук, дикарь занимается промышленностью, но не практикует воздержания» (*Senior:* «Principes fondamentaux de l'Écon. Pol.», trad. Arrivabene, Париж 1836, стр. 342—343). «Чем больше прогрессирует общество, тем более воздержания требует оно» (там же, стр. 312). [Ср. *К. Маркс:* «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 602.]

впадает в тяжкое экономическое прегрешение вследствие полного равнодушия к тому, сколько времени он затрачивает; напр., как рассказывает Тэйлор[51], зачастую целый месяц уходит у него на изготовление одной стрелы.

Ходячее представление, посредством которого часть экономистов старается обойти теоретическое затруднение, т. е. понимание реальных связей, представление, будто то, что является для одного капиталом, для другого представляет собою доход, и обратно, — это представление отчасти правильно, но становится совершенно ложным (следовательно, связано с полным непониманием всего процесса обмена, совершающегося при годовом воспроизводстве, т. е. с непониманием фактической основы того, что̀ есть частично верного в указанном представлении), как только ему придают характер всеобщности.

Теперь мы подытожим те фактические отношения, на которых основывается частичная правильность этого представления, и тут сразу же обнаружится ошибочность в понимании этих отношений.

1) Переменный капитал функционирует как капитал в руках капиталиста и функционирует как доход в руках наемного рабочего.

Переменный капитал существует сначала в руках капиталиста как *денежный капитал;* он функционирует как *денежный капитал,* когда капиталист покупает на него рабочую силу. Пока он остается в его руках в денежной форме, он представляет собою не что иное, как данную стоимость, существующую в денежной форме, следовательно представляет собою постоянную, но отнюдь не переменную величину. Это — лишь потенциально переменный капитал именно вследствие того, что он может быть превращен в рабочую силу. Действительным переменным капиталом он становится лишь по совлечении своей денежной формы, после того как он превращен в рабочую силу, а последняя начинает функционировать в капиталистическом процессе как составная часть производительного капитала.

Деньги, которые сначала функционировали для капиталиста как денежная форма переменного капитала, теперь функционируют в руках рабочего как денежная форма его заработной платы, которую он превращает в жизненные средства, следовательно как денежная форма *дохода,* который он получает от постоянно повторяющейся продажи своей рабочей силы.

Здесь перед нами лишь тот простой факт, что *деньги* покупателя, в данном случае капиталиста, из его рук переходят в руки продавца, в данном случае продавца рабочей силы, рабочего.

---

[51] *E. B. Tylor:* «Forschungen über die Urgeschichte der Menschheit». Перевод Г. Мюллер, Лейпциг, без даты, стр. 240.

Здесь дважды функционирует — как капитал для капиталиста, как доход для рабочего — не переменный *капитал*, но одни и те же *деньги*, которые сначала существовали в руках капиталиста как денежная форма его переменного капитала, следовательно как потенциальный переменный капитал, и которые, когда капиталист превратит их в рабочую силу, служат в руках рабочего эквивалентом проданной рабочей силы. Но то, что одни и те же деньги в руках продавца получают иное использование, чем в руках покупателя, это явление свойственно всякой купле и продаже товаров.

Апологеты-экономисты представляют дело ложно, что будет видно лучше всего, если мы обратим исключительное внимание, не заботясь пока что о последующем, только на акт обращения *Д—Р (=Д—Т)*: превращение денег в рабочую силу на стороне капиталистического покупателя, *Р—Д (=Т—Д)*, превращение товара рабочей силы в деньги на стороне продавца, рабочего. Они говорят: одни и те же деньги реализуют здесь два капитала; покупатель — капиталист — превращает свой денежный капитал в живую рабочую силу, которую он присоединяет к своему производительному капиталу; с другой стороны, продавец — рабочий — превращает свой товар — рабочую силу — в деньги, которые он расходует как доход, благодаря чему он как раз и оказывается в состоянии снова и снова продавать и таким образом сохранять свою рабочую силу; следовательно, сама его рабочая сила есть его капитал в товарной форме, являющийся постоянным источником его дохода. В действительности же рабочая сила есть его достояние (постоянно возобновляющееся, воспроизводящееся), а не капитал. Она — единственный товар, который он постоянно может и должен продавать для того чтобы жить, и который действует как капитал (переменный) лишь в руках покупателя, капиталиста. То обстоятельство, что человек постоянно вынуждается снова и снова продавать третьему лицу свою рабочую силу, т. е. самого себя, доказывает, согласно упомянутым экономистам, что он — капиталист, потому что ему постоянно приходится продавать «товар» (себя самого). В этом смысле и раб становится капиталистом, хотя он раз навсегда продается третьим лицом как товар, потому что природа этого товара — рабочего раба — такова, что покупатель не только заставляет его каждый день снова работать, но и дает ему те средства к жизни, благодаря которым он снова и снова может работать. (Сравни об этом Сисмонди и Сэй в письмах к Мальтусу.)

2) Итак, то, что в обмене 1 000 I_v + 1 000 I_m на 2 000 II_c является постоянным капиталом для одних (2 000 II_c), становится переменным капиталом и прибавочной стоимостью, следовательно вообще доходом для других; а что является переменным капиталом и прибавочной стоимостью (2 000 $I_{(v+m)}$), следовательно вообще доходом для одних, становится постоянным капиталом для других.

Рассмотрим сначала обмен I_v на II_c, и притом прежде всего с точки зрения рабочего.

Совокупный рабочий I подразделения продал свою рабочую силу совокупному капиталисту I подразделения за 1000; эта стоимость уплачена ему деньгами в форме заработной платы. На эти деньги он покупает у II подразделения предметы потребления на ту же сумму стоимости. Капиталист II подразделения противостоит ему только как продавец товаров, и ничего больше, хотя бы рабочий покупал у своего собственного капиталиста, как, напр., выше (стр. 400) [наст. изд. стр. 404—405], в обмене 500 II_v. Форма обращения, которую совершает его товар, рабочая сила, это — форма простого обращения товаров, направленного исключительно на удовлетворение потребностей, на потребление: *Т* (рабочая сила) — *Д* — *Т* (предметы потребления, товар II). Результат этого акта обращения таков: чтобы сохранить себя в качестве рабочей силы для капиталиста I и чтобы сохранять себя впредь в качестве таковой, рабочий постоянно снова и снова должен повторять процесс *Р(Т) — Д — Т*. Его заработная плата реализуется в предметах потребления, она расходуется как доход и, если взять рабочий класс в целом, постоянно снова и снова расходуется как доход.

Рассмотрим теперь тот же самый обмен I_v на II_c с точки зрения капиталиста. Весь товарный продукт II состоит из предметов потребления, следовательно из вещей, предназначенных к тому, чтобы войти в годичное потребление, т. е. послужить кому-либо — в рассматриваемом здесь случае совокупному рабочему I — для реализации дохода. Но для совокупного капиталиста II часть его товарного продукта, = 2 000, представляет собою теперь превратившуюся в товар форму постоянной капитальной стоимости его производительного капитала, который из этой товарной формы необходимо снова превратить обратно в ту натуральную форму, в которой он опять может функционировать как постоянная часть производительного капитала. До сих пор капиталист II подразделения достиг того, что половину (= 1000) своей постоянной капитальной стоимости, воспроизведенной в товарной форме (предметах потребления), он опять превратил в денежную форму посредством продажи рабочему I. Таким образом в эту первую половину постоянной капитальной стоимости II_c превратился не переменный капитал I_v, а деньги, которые в обмене на рабочую силу функционировали для I как денежный капитал и попали таким способом во владение продавца рабочей силы, причем они представляют для последнего отнюдь не капитал, а доход в денежной форме, т. е. расходуются как покупательное средство для покупки предметов потребления. С другой стороны, деньги = 1000, которые притекли от рабочих I к капиталистам II, не могут функционировать как постоянный элемент производительного капитала II. Это — пока лишь денежная форма его товарного капитала, кото-

рой еще предстоит превращение в основные или оборотные составные части постоянного капитала. Итак, II на деньги, вырученные от рабочих I, покупателей его товара, покупает у I средства производства на 1000. Таким способом постоянная капитальная стоимость II на половину всей своей величины возобновляется в той натуральной форме, в которой она снова может функционировать как элемент производительного капитала II. Формою обращения было при этом *Т — Д — Т:* предметы потребления стоимостью в 1000 — деньги = 1000 — средства производства стоимостью в 1000.

Но *Т — Д — Т* в данном случае представляет собою движение капитала. *Т,* проданное рабочему, превращается в *Д,* а это *Д* превращается в средства производства; это — обратное превращение из товара в вещественные элементы, образующие этот товар. С другой стороны, подобно тому как капиталист II подразделения по отношению к I является лишь покупателем товара, так капиталист I по отношению ко II функционирует здесь лишь как продавец товара. Сначала I подразделение на 1000 денег, предназначенную функционировать в качестве переменного капитала, купило рабочую силу стоимостью в 1000; следовательно, оно получило эквивалент за свои 1000_v, отданные в денежной форме; теперь деньги принадлежат рабочему, который расходует их на акты купли у II; эти деньги, попавшие так в кассу II, может I получить обратно лишь таким способом, что оно вылавливает их обратно посредством продажи товаров на такую же сумму стоимости.

Сначала у I была определенная денежная сумма = 1000, предназначенная функционировать как переменная часть капитала; она функционирует как таковая благодаря ее превращению в рабочую силу такой же стоимости. Рабочий же доставил ему в качестве результата процесса производства известное количество товаров (средств производства) стоимостью в 6000, из которых $^1/_6$, или 1000, по своей стоимости представляет собою эквивалент авансированной в деньгах переменной части капитала. Как раньше, в своей денежной форме, так и теперь, в своей товарной форме, переменная капитальная стоимость не функционирует как переменный капитал; она может функционировать так лишь после того, как совершится ее превращение в живую рабочую силу, и лишь в течение того времени, пока последняя функционирует в процессе производства. Оставаясь в виде денег, переменная капитальная стоимость лишь потенциально была переменным капиталом. Но эта стоимость существовала в такой форме, в которой она могла быть непосредственно превращена в рабочую силу. Оставаясь в форме товара, та же самая переменная капитальная стоимость является пока только потенциальной денежной стоимостью; она может быть снова восстановлена в первоначальной денежной форме лишь посредством продажи товара, т. е. в данном случае таким способом,

что II покупает на 1000 товара у I. Движение обращения здесь таково: 1000_v (деньги) — рабочая сила стоимостью в 1000—1000 в товаре (эквивалент переменного капитала) — 1000_v (деньги), следовательно *Д — Т... Т — Д (= Д — Р... Т — Д)*. Самый процесс производства, лежащий между *Т...Т*, не относится к сфере обращения; он не проявляется в обмене различных элементов годичного воспроизводства одних на другие, хотя этот обмен включает воспроизводство всех элементов производительного капитала: как постоянного элемента, так и переменного — рабочей силы. Все агенты этого обмена являются только покупателями или продавцами — или и тем и другим; рабочие являются в нем лишь покупателями товаров; капиталисты — попеременно покупателями и продавцами; а в определенных границах — лишь односторонне покупателями товара или односторонне продавцами товара.

Результат таков: I снова владеет переменной частью стоимости своего капитала в денежной форме, из которой эта часть только и может быть непосредственно превращена в рабочую силу, т. е. опять владеет ею в той единственной форме, в которой она действительно может быть авансирована как переменный элемент его производительного капитала. С другой стороны, чтобы получить возможность вновь выступить в качестве покупателя товара, рабочий теперь опять должен выступить сначала как продавец товара, как продавец своей рабочей силы.

По отношению к переменному капиталу II (500 II_v) процесс обращения между капиталистами и рабочими одного и того же подразделения производства, — поскольку мы рассматриваем этот процесс таким образом, как будто он происходит между совокупным капиталистом II и совокупным рабочим II, — выступает в прямой форме, без всяких посредствующих звеньев.

Совокупный капиталист II подразделения авансирует 500_v на покупку рабочей силы на ту же сумму стоимости; в этом случае совокупный капиталист — покупатель, совокупный рабочий — продавец. Потом с деньгами, вырученными им за рабочую силу, выступает рабочий как покупатель части товаров, произведенных им же самим. Следовательно, капиталист здесь — продавец. Рабочий частью произведенного товарного капитала II, именно 500_v в товаре, возместил капиталисту деньги, уплаченные при покупке рабочей силы; теперь капиталист владеет в товарной форме тем же *v*, каким он владел в денежной форме раньше, перед превращением в рабочую силу; с другой стороны, рабочий стоимость своей рабочей силы реализовал в деньгах, а теперь, в свою очередь, реализует эти деньги, расходуя их как доход на свое потребление, на покупку части произведенных им самим предметов потребления. Это — обмен денежного дохода рабочего на воспроизведенную им самим в товарной форме составную часть

товара на 500_v, принадлежащую капиталистам. Таким образом эти деньги возвращаются к капиталисту II подразделения как денежная форма его переменного капитала. Эквивалентная стоимость дохода в денежной форме возмещает здесь переменную капитальную стоимость в товарной форме.

Капиталист не обогащается от того, что деньги, уплаченные им рабочему при покупке рабочей силы, он опять отнимает у рабочего посредством продажи ему эквивалентной массы товаров. По существу он оплатил бы рабочего дважды, если бы он сначала уплатил ему 500 при покупке его рабочей силы и потом, кроме того, дал бы ему даром то количество товаров стоимостью в 500, которое он заставил рабочего произвести. Наоборот, если бы рабочий не произвел для капиталиста ничего больше, кроме 500 в товаре — эквивалента цены своей рабочей силы в 500, — то после этой операции капиталист остался бы при том же, при чем был и раньше. Но рабочий воспроизвел продукт в 3 000; он сохранил постоянную часть стоимости продукта, т. е. стоимость потребленных на него средств производства = 2 000, превратив их в новый продукт; кроме того, к этой данной стоимости он присоединил стоимость в $1000_{(v+m)}$. (Представление, будто капиталист обогащается в том смысле, что он получает прибавочную стоимость благодаря обратному притоку 500 в виде денег, развивает Дестют-де-Траси, о чем подробнее в отделе XIII этой главы.)

Благодаря покупке рабочим II подразделения предметов потребления стоимостью в 500, к капиталисту II стоимость 500 II_v, которая имелась у него пока что в товаре, опять возвращается в деньгах, в той форме, в которой он ее первоначально авансировал. Непосредственным результатом сделки, как при всякой другой продаже товаров, является превращение данной стоимости из товарной формы в денежную форму. Совершившееся при посредстве этой сделки возвращение денег к своему исходному пункту тоже не представляет собою ничего особенного. Если бы капиталист II подразделения на 500 деньгами купил у капиталиста I товара и потом, в свою очередь, продал капиталисту I товара в сумме на 500, то к нему также возвратились бы 500 деньгами. Эти 500 деньгами послужили бы лишь для обмена массы товаров в 1000 и, согласно ранее указанному общему закону, возвратились бы к тому, кто бросил деньги в обращение для обмена этой товарной массы.

Но те 500 в деньгах, которые возвратились к капиталисту II, суть в то же время возобновленный потенциальный переменный капитал в денежной форме. Почему так? Деньги, а следовательно и денежный капитал, суть потенциальный переменный капитал лишь потому и постольку, поскольку они могут быть превращены в рабочую силу. Возвращение этих 500 ф. ст. деньгами к капиталисту II сопровождается возвращением рабочей силы II на рынок.

Возвращение денег и рабочей силы на противоположные полюсы,— следовательно и появление вновь этих 500 деньгами не только как денег, но и как переменного капитала в денежной форме, — обусловлено одной и той же процедурой. Деньги, = 500, возвращаются к капиталисту II, потому что он продал рабочему II предметы потребления на сумму в 500, следовательно потому, что рабочий израсходовал свою заработную плату и таким образом получил возможность содержать себя и семью, а вместе с тем и свою рабочую силу. Чтобы для него было возможно существовать дальше и впредь выступать в качестве покупателя товаров, он должен снова продать свою рабочую силу. Таким образом возвращение к капиталисту II этих 500 деньгами является в то же время возвращением — соответственно сохранением — рабочей силы в качестве товара, который можно купить на эти 500 деньгами, а потому является возвращением этих 500 деньгами как потенциального переменного капитала.

Что касается категории II *b*, производящей предметы роскоши, то с ее v — $(\text{II } b)_v$ — дело обстоит так же, как с I_v. Деньги, которые возобновляют для капиталистов II *b* их переменный капитал в денежной форме, притекают к ним окольным путем, через руки капиталистов II *a*. Но тем не менее имеется различие в том, покупают ли рабочие свои жизненные средства непосредственно у тех капиталистических производителей, которым они продают свою рабочую силу, или же покупают их у другой категории капиталистов, при посредстве которых деньги возвращаются к первым лишь окольным путем. Так как рабочий класс перебивается изо дня в день, то он покупает, пока может покупать. Иначе обстоит дело с капиталистом, напр. при обмене 1000 II_c на 1000 I_v. Капиталист живет, не перебиваясь изо дня в день. Для него побудительным мотивом является возможно большее возрастание стоимости его капитала. Поэтому, если наступают какого-либо рода обстоятельства, благодаря которым капиталисту II кажется выгоднее не возобновлять немедленно свой постоянный капитал, а хотя бы отчасти удержать его в денежной форме на более продолжительное время, то возвращение этих 1000 II_c (в деньгах) к I замедляется; замедляется, следовательно, и восстановление 1000 I_v в денежной форме, и капиталист I может продолжать работу в прежнем масштабе лишь при том условии, если в распоряжении у него имеются запасные деньги, — как и вообще требуется запасной капитал в деньгах для того чтобы можно было непрерывно продолжать работу, независимо от ускоренного или замедленного возврата переменной капитальной стоимости в деньгах.

При исследовании обмена различных элементов текущего годового воспроизводства, необходимо исследовать также и результат истекшего годового труда, труда уже закончившегося года.

Процесс производства, результатом которого является этот годовой продукт, лежит позади нас, прошел, слился со своим продуктом; следовательно, тем более относится это к процессу обращения, который предшествует процессу производства или идет параллельно с ним, к превращению потенциального переменного капитала в действительный переменный капитал, т. е. к купле и продаже рабочей силы. Рабочий рынок уже не составляет части того товарного рынка, который имеется здесь перед нами. Здесь рабочий не только уже продал свою рабочую силу, но и доставил в товаре, кроме прибавочной стоимости, эквивалент цены своей рабочей силы; с другой стороны, заработная плата уже в кармане у него и при обмене он фигурирует лишь как покупатель товара (предметов потребления). Но, далее, годовой продукт должен содержать в себе все элементы нового производства, должен восстановить все элементы производительного капитала, следовательно прежде всего важнейший элемент, переменный капитал. И мы действительно видели, что по отношению к переменному капиталу результат обмена таков: рабочий, как покупатель товара, расходуя свою заработную плату и потребляя купленный товар, тем самым сохраняет и воспроизводит свою рабочую силу как единственный товар, который он может продавать; как деньги, авансированные капиталистом на покупку этой рабочей силы, возвращаются к капиталисту, так и рабочая сила в качестве товара, обмениваемого на эти деньги, возвращается на рабочий рынок; в результате — здесь специально для случая с 1000 I_v — мы получаем: на стороне капиталистов I подразделения — 1000_v деньгами, на противоположной стороне, на стороне рабочих I, — рабочая сила стоимостью в 1000, так что весь процесс воспроизводства I может начаться снова. Это — один результат процесса обмена.

С другой стороны, расходование заработной платы рабочих I взяло у II предметов потребления на сумму 1000_c и таким образом превратило их из товарной формы в денежную форму; II из этой денежной формы превратило их обратно в натуральную форму своего постоянного капитала, средством для чего послужила покупка товаров $= 1000_v$ у I, которое таким способом возвратило свою переменную капитальную стоимость опять в денежной форме.

Переменный капитал I подразделения совершает три превращения, которые совсем не проявляются при обмене годового продукта или проявляются лишь как намек.

1) Первая форма, 1000 I_v в деньгах, которые превращаются в рабочую силу такой же стоимости. Само это превращение не проявляется в товарном обмене между I и II подразделением, но его результат проявляется в том, что рабочие I подразделения с 1000 в деньгах противостоят продавцу товаров II подразделения, совершенно так же, как рабочие II, получив 500 в деньгах, противостоят продавцу товаров — 500 II, находящихся в товарной форме.

2) Вторая форма, — единственная, в которой переменный капитал действительно изменяется, функционирует как переменный, в которой сила, созидающая стоимость, выступает на место обмененной на нее, данной стоимости, — эта форма относится исключительно к процессу производства, который лежит позади нас.

3) Третья форма, в которой переменный капитал о себе как таковом засвидетельствовал в результате процесса производства, есть стоимость, вновь созданная в течение года, следовательно для $\text{I} = 1\,000_v + 1\,000_m = 2\,000\ \text{I}_{(v+m)}$. На место его первоначальной стоимости, $= 1\,000$ деньгами, выступила вдвое бо́льшая стоимость, $= 2\,000$ в товаре. А потому переменная капитальная стоимость, $= 1\,000$ в товаре, образует лишь половину той новой стоимости, которая вновь создана переменным капиталом как элементом производительного капитала. Эти $1\,000\ \text{I}_v$ в товаре представляют собою точный эквивалент той переменной по своему назначению части всего капитала, которую первоначально авансировал I в $1\,000_v$ в деньгах; но, существуя в товарной форме, они — деньги лишь потенциально (станут действительно таковыми лишь посредством продажи) и, следовательно, в еще меньшей мере представляют собою непосредственно переменный денежный капитал. В конце концов они становятся таковым лишь посредством продажи товара $1\,000\ \text{I}_v$, причем покупателем является II_c, и посредством немедленного появления вновь рабочей силы как продающегося товара, как материала, в который могут превратиться $1\,000_v$ деньгами.

Во время всех этих превращений переменный капитал постоянно остается в руках капиталиста I: 1) сначала как денежный капитал; 2) потом как элемент его производительного капитала; 3) еще позже как часть стоимости его товарного капитала, следовательно в виде товарной стоимости; 4) наконец, опять в виде денег, которым опять противостоит рабочая сила, в которую они могут быть превращены. В течение процесса труда переменный капитал находится в руках капиталиста как проявляющая себя в действии, созидающая стоимость рабочая сила, а не как стоимость данной величины; но так как капиталист всегда оплачивает рабочего лишь после того, как сила последнего уже действовала определенное более или менее продолжительное время, то, прежде чем оплатить ее, он уже получает в свои руки созданную ею стоимость в возмещение за нее самое плюс прибавочная стоимость.

Так как переменный капитал в той или иной форме постоянно остается в руках капиталиста, то отнюдь нельзя утверждать, что он превращается для кого-либо в доход. Напротив, $1\,000\ \text{I}_v$ в товаре превращается в деньги посредством продажи II подразделению, которому возмещается in natura половина его постоянного капитала.

На доход разлагается не переменный капитал I, 1000_v в деньгах. Эти деньги, как только они превращены в рабочую силу, перестают функционировать как денежная форма переменного капитала I, — как и деньги всякого другого продавца товаров перестают представлять что-либо принадлежащее ему, как только они будут превращены в товар какого-либо продавца. Превращения, которые совершают в руках рабочего класса деньги, полученные как заработная плата, суть превращения не переменного капитала, а превратившейся в деньги стоимости рабочей силы рабочего класса: совершенно так же, как превращение вновь созданной рабочим стоимости (2 000 $\mathrm{I}_{(v+m)}$) есть лишь превращение принадлежащего капиталисту товара, нисколько не касающееся рабочего. Но капиталист — и в еще большей мере его теоретический истолкователь, экономист — лишь с трудом может отделаться от фантазии, что деньги, выплаченные рабочему, — все еще его, капиталиста, деньги. Если капиталист — производитель золота, то переменная часть стоимости, т. е. тот эквивалент в товаре, который возмещает ему покупную цену труда, сама непосредственно появляется в денежной форме, а потому снова, без окольного пути возвращения, может функционировать как переменный денежный капитал. Но что касается рабочего во II, — если оставить в стороне рабочих, производящих предметы роскоши, — то само 500_v существует в товарах, которые предназначены для потребления рабочего, которые он, рассматриваемый как совокупный рабочий, непосредственно опять покупает у того самого совокупного капиталиста, которому он продал свою рабочую силу. Переменная часть стоимости капитала II по своей натуральной форме состоит из предметов потребления, предназначенных в большей части для потребления рабочего класса. Но то, что рабочий расходует в такой форме, представляет собою не переменный капитал, а заработную плату, деньги рабочего, которые как раз посредством своей реализации в этих предметах потребления восстанавливают для капиталиста переменный капитал 500 II_v в денежной форме. Переменный капитал II_v воспроизведен в предметах потребления, как и постоянный капитал 2 000 II_c; как один, так и другой одинаково не разлагаются на доход. Что сводится к доходу, так это в обоих случаях заработная плата.

Но то обстоятельство, что посредством расходования заработной платы как дохода восстановляется в одном случае 1000 II_c — и таким же окольным путем 1000 I_v, — а также 500 II_v, следовательно восстановляются в виде денежного капитала постоянный и переменный капитал (последний отчасти путем прямого, отчасти путем непрямого возвращения), — это обстоятельство представляет важный факт в обмене годового продукта.

XI. ВОЗМЕЩЕНИЕ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА.

Крупное затруднение при изображении обменов годового воспроизводства заключается в следующем. Если мы возьмем самую простую форму, в которой представляется дело, то мы получим:

$$\text{(I)}\ 4\,000_c + 1\,000_v + 1\,000_m +$$
$$\text{(II)}\ 2\,000_c + 500_v + 500_m = 9\,000,$$

что в конце концов разлагается на:
$4\,000\ \text{I}_c + 2\,000\ \text{II}_c + 1\,000\ \text{I}_v + 500\ \text{II}_v + 1\,000\ \text{I}_m + 500\ \text{II}_m = 6\,000_c + 1\,500_v + 1\,500_m = 9\,000$. Часть стоимости постоянного капитала, именно поскольку он состоит из собственно средств труда (как особого подразделения средств производства), перенесена со средств труда на продукт труда (товар); эти средства труда продолжают функционировать как элементы производительного капитала, причем они сохраняют свою старую натуральную форму; их снашивание, та потеря стоимости, которую они мало-помалу претерпевают при своем функционировании в течение определенного периода времени, — вот что вновь появляется как элемент стоимости товаров, произведенных при помощи этих средств труда, переносится с орудия труда на продукт труда. Следовательно, поскольку дело идет о годовом воспроизводстве, то здесь приходится принять во внимание прежде всего лишь такие составные части основного капитала, существование которых продолжается более года. Если они в пределах года отживают свой век, то их необходимо целиком возместить и возобновить посредством годового воспроизводства, и потому поставленный вопрос не имеет до них никакого касательства. Может случиться — и часто случается так, — что известные отдельные органы машин и других сравнительно долговечных форм основного капитала требуют полного возмещения на протяжении года, несмотря на долговечность всего здания или машины в целом. Эти отдельные органы относятся все к той же категории элементов основного капитала, подлежащих возмещению в течение года.

Этот элемент стоимости товаров отнюдь не следует смешивать с издержками на ремонт. Когда товар будет продан, этот элемент стоимости, как и другие, превратится в деньги; но после его превращения в деньги обнаруживается его отличие от других элементов стоимости. Для того чтобы вновь началось воспроизводство товаров (вообще, чтобы процесс производства товаров был непрерывным), сырые и вспомогательные материалы, потребленные на производство товара, должны быть возмещены in natura; израсходованная на него рабочая сила точно так же должна быть возмещена свежей рабочей силой. Следовательно, вырученные за товар деньги постоянно приходится снова и снова превращать в эти элементы производительного капитала, из денежной формы

в товарную форму. Дело нисколько не изменяется, если, напр., сырые и вспомогательные материалы через известные сроки закупаются сравнительно крупными массами, так что они образуют производственные запасы, если эти средства производства в течение известного времени не приходится, следовательно, покупать вновь, т. е. если деньги, получаемые от продажи товаров, поскольку они должны послужить этой цели, могут накопляться до тех пор, пока остаются эти средства производства, — и эта часть постоянного капитала временно является денежным капиталом, активное функционирование которого отсрочено. Этот капитал не есть доход; это — производительный капитал, задерживаемый в денежной форме. Возобновление средств производства должно совершаться постоянно, хотя форма этого возобновления — по отношению к обращению — может быть различной. Новая закупка, операция обращения, посредством которой они возобновляются, возмещаются, может совершаться через продолжительные сроки: в таком случае имеют место крупные денежные вложения, совершаемые разом и компенсируемые соответственным производственным запасом; или же эта операция совершается в сроки, быстро следующие один за другим, — и тогда денежные затраты производятся сравнительно мелкими дозами, быстро следующими одна за другой, а производственные запасы незначительны. Самого дела это нисколько не изменяет. То же и с рабочей силой. Где производство непрерывно ведется на протяжении года все в одном и том же масштабе, — там происходит постоянное возмещение потребленной рабочей силы новою; где работа имеет сезонный характер или в различные периоды применяются различные количества труда, как в земледелии, — там в соответствии с этим имеет место купля то меньшего, то большего количества рабочей силы. Напротив, деньги, вырученные от продажи товара, поскольку они превращают в деньги часть стоимости товара, которая равна снашиванию основного капитала, не превращаются опять в составную часть производительного капитала, утерю стоимости которого они возмещают. Они осаждаются и сохраняются в своей денежной форме наряду с производительным капиталом. Такое оседание денег повторяется, пока не истечет состоящий из большего или меньшего количества лет период воспроизводства, на протяжении которого основной элемент постоянного капитала в своей старой натуральной форме продолжает функционировать в процессе производства. К тому времени, когда основной элемент — постройки, машины и т. д. — отживет свой век, утратит способность функционировать в процессе производства, к этому времени его стоимость уже существует рядом с ним, вполне возмещенная деньгами: суммой денежных осадков, стоимостей, постепенно перенесенных с основного капитала на товары, в производстве которых он принимал участие, и перешедших в денежную форму посредством

продажи товаров. Эти деньги служат потом для того чтобы возместить in natura основной капитал (или элементы последнего, так как различные элементы его имеют различную продолжительность жизни) и таким образом действительно возобновить эту составную часть производительного капитала. Следовательно, эти деньги представляют собою денежную форму части постоянной капитальной стоимости, ее основной части. Таким образом это образование сокровища само является элементом капиталистического процесса воспроизводства, воспроизводством и сосредоточением — в денежной форме — стоимости основного капитала или его отдельных элементов до тех пор, пока основной капитал не отживет свой век и, следовательно, не передаст всей своей стоимости произведенным товарам, так что его необходимо будет возобновить in natura. Но когда эти деньги превращаются обратно в новые элементы основного капитала, чтобы возместить элементы капитала, отжившие свой век, они только утрачивают свою форму сокровища и потому вновь активно вступают в процесс воспроизводства капитала, опосредствуемый обращением.

Как простое товарное обращение не тожественно с простым обменом продуктов, так и превращение годового товарного продукта нельзя свести к простому, неопосредствованному взаимному обмену его различных составных частей. Деньги играют в нем специфическую роль, которая находит себе выражение и в способе воспроизводства основной капитальной стоимости. (Потом надо будет исследовать, как это представлялось бы в ином виде, если предположить, что производство — коллективное и не имеет формы товарного производства.)

Теперь, возвращаясь к основной схеме, мы имеем для II подразделения: $2\,000_c + 500_v + 500_m$. Все предметы потребления, произведенные в течение года, равны здесь стоимости в 3 000; и каждый из различных товарных элементов, из которых слагается эта сумма товаров, распадается по своей стоимости на ${}^2/_{3\,c} + {}^1/_{6\,v} + {}^1/_{6\,m}$, или, в процентах, на $66{}^2/_{3\,c} + 16{}^2/_{3\,v} + 16{}^2/_{3\,m}$. Различные виды товаров II подразделения могут содержать постоянный капитал в различных пропорциях; основная часть постоянного капитала в них может быть точно так же различна; точно так же и продолжительность жизни основных частей капитала, а следовательно и годичное снашивание или же та часть стоимости, которую они pro rata переносят на товары, производимые при их участии. Все это здесь безразлично. По отношению к общественному процессу воспроизводства дело заключается лишь в обмене между II и I подразделениями. Но II и I подразделения противостоят здесь друг другу лишь в их общественных, массовых отношениях; пропорциональная величина части стоимости c товарного продукта II (одна только и имеющая решающее значение для того вопроса, который теперь обсуждается) представляет

собою поэтому то среднее отношение, которое получится, если подвести общий итог всем отраслям производства, входящим во II.

Таким образом каждый из товарных видов (а это по большей части — одни и те же виды товара), общая стоимость которых подведена под $2\,000_c + 500_v + 500_m$, одинаково равен по своей стоимости $66^2/_3\%_c + 16^2/_3\%_v + 16^2/_3\%_m$. Это относится ко всяким 100 единицам товаров, фигурируют ли они в виде *c*, или в виде *v*, или же в виде *m*.

Товары, в которых воплощены $2\,000_c$, в свою очередь, можно разложить по стоимости на:

1) $1\,333^1/_{3\,c} + 333^1/_{3\,v} + 333^1/_{3\,m} = 2\,000_c$;

точно так же 500_v можно разложить на:

2) $333^1/_{3\,c} + 83^1/_{3v} + 83^1/_{3\,m} = 500_v$;

наконец, 500_m можно разложить на:

3) $333^1/_{3\,c} + 83^1/_{3\,v} + 83^1/_{3\,m} = 500_m$.

Теперь, если мы сложим *c*, находящийся в 1, 2 и 3, то получим $1\,333^1/_{3\,c} + 333^1/_{3\,c} + 333^1/_{3\,c} = 2\,000$. Точно так же $333^1/_{3\,v} + 83^1/_{3\,v} + 83^1/_{3\,v} = 500$, и то же самое с *m*; сложение всех этих величин попрежнему даст общую стоимость в 3 000.

Итак, вся постоянная капитальная стоимость, заключающаяся в массе товаров II стоимостью в 3 000, содержится в $2\,000_c$, и ни 500_v, ни 500_m не содержат ни одного атома этой стоимости. Это же относится в свою очередь и к *v* и к *m*.

Другими словами: вся та доля товарной массы II, которая представляет стоимость постоянного капитала и потому опять подлежит превращению — в натуральную ли, в денежную ли форму его, — существует в $2\,000_c$. Таким образом все имеющее отношение к обмену постоянной стоимости товаров II ограничивается движением $2\,000\ \text{II}_c$; и этот обмен возможен лишь на I $(1\,000_v + 1\,000_m)$.

Точно так же для I подразделения все относящееся к обмену входящей в него постоянной капитальной стоимости следует ограничить рассмотрением $4\,000\ \text{I}_c$.

1) Возмещение в денежной форме убыли стоимости от снашивания.

Теперь, если мы возьмем прежде всего:

$$\text{I.}\ 4\,000_c + \underbrace{1\,000_v + 1\,000_m}$$
$$\text{II.}\ \ldots\ldots\quad 2\,000_c + 500_v + 500_m,$$

то обмен товаров $2\,000\ \text{II}_c$ на товары той же стоимости I $(1\,000_v + 1\,000_m)$ предполагал бы, что $2\,000\ \text{II}_c$ in natura целиком снова превращаются в произведенные I подразделением натуральные

составные части постоянного капитала II; но товарная стоимость в 2 000, в виде которой существует последний, содержит в себе элемент, который покрывает убыль стоимости основного капитала, но который не приходится немедленно возмещать in natura, который превращается в деньги, постепенно накопляемые в общую сумму до тех пор, пока не наступит срок возобновления основного капитала в его натуральной форме. Каждый год представляет собою год смерти для основного капитала, который приходится возмещать то в одном, то в другом отдельном предприятии или даже то в одной, то в другой отрасли промышленности; в одном и том же индивидуальном капитале приходится возмещать то одну, то другую часть основного капитала (так как части его имеют различную продолжительность жизни). Рассматривая годовое воспроизводство — хотя бы и в неизменном масштабе, т. е. абстрагируясь от всякого накопления, — мы начнем не ab ovo [с самого начала]; мы возьмем один год из ряда многих, не первый год по рождении капиталистического производства. Итак, различные капиталы, вложенные в разнообразные отрасли производства II подразделения, имеют различный возраст, и, подобно тому как ежегодно умирают лица, функционирующие в этих отраслях производства, точно так же массы основных капиталов ежегодно достигают конца своей жизни и должны возобновляться in natura из накопленного денежного фонда. Постольку обмен 2000 II_c на 2 000 $I_{(v+m)}$ включает в себя превращение 2 000 II_c из его товарной формы (предметов потребления) в натуральные элементы, которые состоят не только из сырых и вспомогательных материалов, но также из натуральных элементов основного капитала — машин, орудий, построек и т. д. Поэтому снашивание, которое в стоимости 2 000 II_c подлежит возмещению *деньгами*, отнюдь не соответствует размеру функционирующего основного капитала, так как часть последнего ежегодно приходится возмещать *in natura;* предполагается, что в предыдущие годы в руках капиталистов II подразделения накопились деньги, необходимые для этого обмена. Но это предположение в такой же мере относится к текущему году, как оно принимается для прошлых лет.

В обмене между I ($1000_v + 1000_m$) и 2 000 II_c следует прежде всего отметить, что в сумме стоимости $I_{(v+m)}$ не содержится элементов постоянной стоимости, а следовательно не содержится элементов стоимости в возмещение снашивания, т. е. стоимости, перенесенной с основной составной части постоянного капитала на те товары, в натуральной форме которых существует $v + m$. Напротив, во II_c этот элемент существует, и это есть как раз та часть элемента стоимости, обязанного своим существованием основному капиталу, которую не приходится непосредственно превращать из денежной формы в натуральную форму и которая должна сначала оставаться в денежной форме. Поэтому при обмене I ($1000_v +$

$+ 1000_m$) на 2 000 II_c мы тотчас же наталкиваемся на то затруднение, что средства производства I, в натуральной форме которых существуют $2000_{(v+m)}$, на всю сумму своей стоимости в 2 000 должны быть обменены на эквивалент, существующий в виде предметов потребления II; но, с другой стороны, предметы потребления 2 000 II_c не могут быть обменены на средства производства I ($1000_v + 1000_m$) на всю сумму своей стоимости, так как некоторая часть их стоимости, — равная снашиванию, которое подлежит возмещению, или равная убыли стоимости основного капитала, — сначала должна осесть в виде денег, которые уже не будут функционировать снова как средства обращения на протяжении того текущего годового периода воспроизводства, который только и рассматривается здесь. Но деньги, посредством которых превращается в деньги элемент снашивания, заключающийся в товарной стоимости 2 000 II_c, — эти деньги могут явиться только от I, так как II не может оплатить само себя, но оплачивается именно лишь посредством продажи своего товара, и так как, согласно предположению, $I_{(v+m)}$ покупает всю сумму товаров 2 000 II_c; следовательно, посредством этой купли I подразделение должно превратить в деньги для II подразделения упомянутое снашивание. Но, согласно ранее изложенному закону, деньги, авансированные для обращения, возвращаются к капиталистическому производителю, который позже бросает в обращение равное количество в виде товара. Ясно, что подразделение I, покупая II_c, не может давать подразделению II на 2 000 товарами и, кроме того, еще дополнительную денежную сумму раз навсегда (давать так, чтобы она не возвращалась к нему посредством операции обмена). Это вообще означало бы, что товарная масса II_c покупается выше ее стоимости. Если II в обмен на свои 2 000_c действительно выменивает I ($1000_v + 1000_m$), то ему не остается требовать от I ничего больше, и деньги, обращавшиеся при этом обмене, возвращаются к I или II в зависимости от того, кто из них бросил деньги в обращение, т. е. кто из них раньше выступил как покупатель. Вместе с тем II в таком случае превратило бы свой товарный капитал на всю сумму его стоимости в натуральную форму средств производства, между тем как у нас предположено, что некоторая часть его, будучи продана, не превращается в текущем годовом периоде воспроизводства из денег в натуральную форму основных элементов соответственного постоянного капитала. Следовательно, ко II разница в деньгах могла бы притти лишь при том условии, если бы II продало I именно на 2 000, а купило бы у I менее чем на 2 000, напр. только на 1 800; тогда I должно было бы покрыть разницу посредством 200 в деньгах, которые не возвратились бы к нему, потому что эти деньги, авансированные для обращения, не были бы вновь извлечены из него благодаря внесению в обращение товаров = 200. В таком случае для II

у нас оказался бы денежный фонд по счету снашивания его основного капитала; но на другой стороне, на стороне I, у нас оказалось бы перепроизводство средств производства на сумму в 200, и таким образом был бы разрушен весь базис схемы, именно воспроизводство в прежних размерах, при котором предполагается полная пропорциональность между различными системами производства. Одно затруднение было бы устранено лишь другим, гораздо более неприятным.

Так как эта проблема представляет особые затруднения и до сих пор вообще не трактовалась экономистами, то мы последовательно рассмотрим все возможные (по крайней мере, возможные по видимости) решения или, точнее, постановки самой проблемы.

Прежде всего, мы только что предположили, что II продает I на 2 000, а покупает товаров у I лишь на 1 800. В товарной стоимости 2 000 II_c заключается 200 на возмещение снашивания, которые подлежат сохранению в деньгах, как в сокровище; таким образом стоимость 2 000 II_c распадается на 1 800, которые должны быть обменены на средства производства I, и на 200 в возмещение снашивания, которые (по продаже I подразделению 2 000_c) должны быть удержаны в деньгах. Или в отношении своей стоимости 2 000 II_c были бы $= 1\,800_c + 200_c$(d), где d = déchet {снашивание}.

В таком случае мы должны бы исследовать

$$\text{обмен I. } \underbrace{1\,000_v + 1\,000_m}$$
$$\text{II. } 1\,800_c + 200_c\,(\text{d}).$$

На 1000 ф. ст., которые в виде заработной платы попали рабочим в уплату за их рабочую силу, I подразделение покупает предметов потребления 1000 II_c; II на эти же самые 1000 ф. ст. покупает средств производства 1000 I_v. Таким образом к капиталистам I притекает обратно их переменный капитал в денежной форме, и в ближайший год они могут купить на него рабочую силу такой же стоимости, т. е. могут возместить in natura переменную часть своего производительного капитала. — Далее, II на авансированные 400 ф. ст. покупает средства производства I_m, а I_m на те же самые 400 ф. ст. покупает предметы потребления II_c. Те 400 ф. ст., которые II авансировало для обращения, возвратились таким образом к капиталистам II, но возвратились только как эквивалент за проданный товар. I на авансированные 400 ф. ст. покупает предметы потребления; II покупает у I средств производства на 400 ф. ст., благодаря чему эти 400 ф. ст. возвращаются к I. Значит, счет до сих пор таков:

I бросает в обращение $1000_v + 800_m$ в виде товаров; далее, бросает в обращение в виде денег: 1000 ф. ст. на заработную плату и 400 ф. ст. для обмена со II. По окончании обмена I имеет: 1000_v

деньгами, 800_m, превращенные в 800 II_c (предметы потребления), и 400 ф. ст. деньгами.

II бросает в обращение 1 800_c в виде товаров (предметы потребления) и 400 ф. ст. в деньгах; по окончании обмена оно имеет: 1 800 в товарах I (средства производства) и 400 ф. ст. в деньгах.

Теперь у нас остается еще на стороне I подразделения 200_m (в средствах производства), на стороне II подразделения — 200_c (d) (в предметах потребления).

Согласно предположению, I на 200 ф. ст. покупает предметы потребления c (d) общей стоимостью в 200; но II удерживает эти 200 ф. ст., так как они представляют 200_c (d) снашивания, следовательно не подлежат непосредственному превращению в средства производства. Итак, 200 I_m не могут быть проданы; $^1/_{10}$ прибавочной стоимости, подлежащей возмещению, не может быть реализована, не может превратиться из своей натуральной формы средств производства в натуральную форму предметов потребления.

Это не только противоречит предположению о простом воспроизводстве; это само по себе не является гипотезой для объяснения того, как происходит превращение в деньги 200_c (d). Это скорее обозначает, что такое превращение вообще необъяснимо. Так как не удается показать, каким образом 200_c (d) могут превратиться в деньги, то предполагается, что I из любезности превращает их в деньги, именно потому, что I не в состоянии превратить в деньги свой собственный остаток в 200_m. Видеть в этом нормальную операцию обмена — это все равно, как если бы мы предположили, что 200 ф. ст. ежегодно падают с неба и что именно они регулярно и превращают 200_c (d) в деньги.

Но нелепость подобной гипотезы не бросается так прямо в глаза, когда I_m не выступает в такой примитивной форме существования, именно в качестве составной части стоимости средств производства, следовательно в качестве составной части стоимости товаров, которые их капиталистические производители должны посредством продажи реализовать в деньгах, а вместо этого оказывается в руках тех, с кем капиталисты делят прибавочную стоимость, напр. в качестве земельной ренты в руках землевладельцев или как процент — в руках кредиторов, ссудивших деньги. Но если та часть заключающейся в товарах прибавочной стоимости, которую промышленный капиталист должен отдать как земельную ренту или как процент другим совладельцам прибавочной стоимости, если эта часть в течение долгого времени не может быть реализована посредством продажи самих товаров, то это означает конец и для уплаты ренты или процента, и потому ни землевладельцы, ни получатели процента не могут посредством расходования ренты и процента послужить как dei ex machina для того чтобы по усмотрению превращать в деньги определенные части годичного воспроизводства. Так же обстоит дело с расходами всех

так называемых непроизводительных рабочих — государственных чиновников, врачей, адвокатов и т. д. и вообще всех, кто в форме «большой публики» оказывает экономистам ту «услугу», что объясняет необъясненное ими.

Так же мало помогает делу, когда, вместо прямого обмена между I и II — между двумя крупными подразделениями самих капиталистических производителей, — привлекают в качестве посредника купца и при помощи его «денег» обходят все затруднения. Например, в данном случае 200 I_m в конце концов должны быть окончательно сбыты промышленным капиталистам II. Пусть они пройдут через руки ряда купцов, — и все же последний из них окажется, согласно гипотезе, в таком же положении по отношению ко II, в каком сначала находились капиталистические производители I, т. е. они не могут продать II подразделению 200 I_m, и несчастная покупная сумма не может возобновить тот же самый процесс для I.

Отсюда видно, что если даже отвлечься от нашей настоящей цели, совершенно необходимо рассматривать процесс воспроизводства в его основной форме, в которой устранены все затемняющие дело побочные обстоятельства, как необходимо это для того чтобы разделаться с фальшивыми увертками, которые создают видимость «научного» объяснения, делая с самого начала предметом анализа общественный процесс воспроизводства в его запутанной конкретной форме.

Итак, закон, согласно которому деньги, авансированные капиталистическим производителем для обращения, при нормальном ходе воспроизводства (в неизменном ли, в расширенном ли масштабе) должны возвращаться к своему исходному пункту (причем безразлично, принадлежат ли деньги капиталистическим производителям или заняты ими), — этот закон раз навсегда исключает ту гипотезу, что 200 II_c (d) превращаются в деньги посредством тех денег, которые авансировало I.

2) Возмещение основного капитала in natura.

По устранении только что рассмотренной гипотезы остаются еще лишь такие возможности, которые, кроме возмещения сношенной части деньгами, включают также и возмещение in natura основного капитала, полностью отжившего свой век.

До сих пор мы предполагали:

a) что 1000 ф. ст., которые I выплатило в виде заработной платы, расходуются рабочими на II_c той же стоимости, т. е. что они покупают на эти 1000 ф. ст. предметы потребления.

Что I авансирует здесь эти 1000 ф. ст. в деньгах, это является простым констатированием факта. Соответственные капиталисти-

ческие производители должны выплатить заработную плату деньгами; потом эти деньги расходуются рабочими на жизненные средства и, в свою очередь, для продавцов жизненных средств служат снова средствами обращения при превращении их постоянного капитала из товарного капитала в производительный. Они проходят при этом через многие каналы (мелочные торговцы, домовладельцы, сборщики налогов, непроизводительные рабочие, как врачи и т. д., в которых нуждается сам рабочий), и потому лишь часть их непосредственно из рук рабочих I притекает в руки капиталистов II. Течение может более или менее застояться, поэтому могут оказаться необходимыми новые денежные резервы на стороне капиталистов. Все это при рассмотрении основной формы оставляется в стороне.

b) Мы предполагали, что один раз I авансирует на покупку у II дальнейшие 400 ф. ст. деньгами, которые притекают к нему обратно, а другой раз II на покупку у I авансирует 400 ф. ст., которые возвращаются к нему. Это предположение необходимо, так как было бы произвольным обратное предположение, что либо капиталисты I, либо капиталисты II односторонне авансируют на обращение деньги, необходимые для обмена товаров. Так как в предыдущем параграфе 1) было показано, что приходится отвергнуть как нелепую ту гипотезу, согласно которой дополнительные деньги, необходимые для превращения 200 II_c (d) в деньги, бросает в обращение I, то, очевидно, остается еще лишь одна гипотеза, которая кажется еще более нелепой: II само бросает в обращение деньги, при посредстве которых превращается в деньги та составная часть стоимости товара, которая должна возместить снашивание основного капитала. Например, часть стоимости, утраченная в производстве прядильной машиной господина *X*, вновь появляется как часть стоимости пряжи; то, что на одной стороне утрачено прядильной машиной в стоимости, ее снашивание, должно сосредоточиваться у него на другой стороне в виде денег. Пусть *X* покупает, напр., на 200 ф. ст. хлопка у *Y* и таким образом авансирует для обращения 200 ф. ст. деньгами; *Y* покупает у него пряжи на эти самые 200 ф. ст., и эти 200 ф. ст. служат теперь для *X* как фонд для возмещения снашивания прядильной машины. Это сводилось бы просто к тому, как если бы *X*, независимо от своего производства, его продукта и продажи последнего, имел in petto 200 ф. ст. для того чтобы уплатить самому себе за уменьшение стоимости прядильной машины, т. е. как если бы он, кроме уменьшения стоимости своей прядильной машины, выражающегося в 200 ф. ст., должен был ежегодно добавлять из своего кармана еще по 200 ф. ст. деньгами для того чтобы получить в конце концов возможность купить новую прядильную машину.

Но нелепость только кажущаяся. II подразделение состоит из капиталистов, основной капитал которых находится на совершенно различных ступенях своего воспроизводства. Для одних

уже наступил срок, когда он целиком должен быть возмещен in natura. У других основной капитал более или менее далек от этой стадии; для всех членов последней группы обще то, что их основной капитал не воспроизводится реально, т. е. не возобновляется in natura, не возмещается новым экземпляром того же рода, но что его стоимость последовательно собирается в деньгах. Первая же группа находится совершенно (или отчасти, что здесь не имеет значения) в таком же положении, как при открытии своего предприятия, когда капиталисты с денежным капиталом выступили на рынке, чтобы превратить его, с одной стороны, в постоянный (основной и оборотный) капитал, а с другой стороны, — в рабочую силу, в переменный капитал. Как и тогда, им теперь приходится снова авансировать этот денежный капитал для обращения, — следовательно, приходится авансировать стоимость постоянного основного капитала совершенно так же, как стоимость оборотного и переменного капитала.

Итак, предполагается, что из 400 ф. ст., бросаемых в обращение капиталистами II подразделения для обмена с I, одна половина идет от таких капиталистов II, которые должны не только возместить при посредстве своих товаров свои средства производства, относящиеся к оборотному капиталу, но и возобновить посредством своих денег свой основной капитал in natura, между тем как другая половина капиталистов II своими деньгами возмещает in natura только оборотную часть своего постоянного капитала, но не возобновляет свой основной капитал in natura. При таком предположении нет решительно ничего противоречивого в том, что возвращающиеся назад 400 ф. ст. (возвращающиеся, когда I покупает на них предметы потребления) различно распределяются между этими двумя группами капиталистов II. Они притекают обратно ко II подразделению, но они возвращаются не в прежние руки, а различно распределяются внутри этого подразделения, переходят от одной его части к другой.

Одна часть капиталистов II, кроме части средств производства, покрываемой в конце концов ее товарами, превратила 200 ф. ст. деньгами в новые элементы основного капитала in natura. Их деньги, израсходованные таким образом, — как при начале предприятия, — лишь в течение ряда лет постепенно возвращаются к ним из обращения как соответствующая снашиванию составная часть стоимости товаров, произведенных при помощи этого основного капитала.

Напротив, другая часть капиталистов II на 200 ф. ст. не получила никаких товаров от I, но I платит за товары теми деньгами, на которые первая часть капиталистов II купила элементы основного капитала. Одна часть капиталистов II опять располагает своей основной капитальной стоимостью в возобновленной натуральной форме, другая — все еще занята тем, чтобы сосредоточить эту

стоимость в денежной форме для позднейшего возмещения своего основного капитала in natura.

Положение, из которого нам следует исходить, таково: после прежних обменов остаток подлежащих обмену товаров на обеих сторонах выражается в 400_m для I, в 400_c для II[52]. Мы предполагаем, что II авансирует 400 деньгами для обмена этих товаров в сумме на 800. Половина этих 400 (= 200) при всех условиях должна быть затрачена той частью II_c, которая накопила 200 в деньгах как стоимость снашивания и которая теперь должна снова превратить их обратно в натуральную форму своего основного капитала.

Совершенно так же, как постоянная капитальная стоимость, переменная капитальная стоимость и прибавочная стоимость, — на которые может быть разложена стоимость товарных капиталов II и I, — могут быть представлены в особых пропорциональных долях самих товаров II, соответственно I, — совершенно так же может быть представлена в пределах самой постоянной капитальной стоимости и та часть стоимости, которую еще не приходится превращать в натуральную форму основного капитала, но необходимо пока постепенно накоплять в денежной форме как сокровище. Известное количество товаров II (следовательно, в нашем примере — половина остатка = 200) является здесь лишь носителем этой стоимости снашивания, которой предстоит посредством обмена оседать в виде денег. (Первая часть капиталистов II, возобновляющая основной капитал in natura, вместе со стоимостью снашивания, заключающейся в той товарной массе, от которой здесь фигурирует лишь остаток, быть может, уже реализовала для себя часть стоимости, соответствующей снашиванию; но им остается, таким образом, еще реализовать 200 в деньгах.)

Далее, что касается второй половины (= 200) тех 400 ф. ст., которые II бросило в обращение при этой заключительной операции, то на нее покупаются у I оборотные составные части постоянного капитала. Часть этих 200 ф. ст. бросили в обращение, быть может, обе части капиталистов II подразделения или же только та часть, которая не возобновляет in natura основную составную часть стоимости.

Итак, посредством 400 ф. ст. от I извлечено: 1) на сумму в 200 ф. ст. таких товаров, которые состоят лишь из элементов основного капитала, 2) на сумму в 200 ф. ст. таких товаров, которые возмещают в натуральной форме лишь элементы оборотной части постоянного капитала II. I продало теперь весь свой годовой товарный продукт, поскольку его приходится продавать II; но стоимость одной пятой этого продукта, 400 ф. ст., теперь существует в его руках в денежной форме. Однако эти деньги

---

[52] Цифры опять не согласуются с взятыми ранее. Однако это безразлично, так как дело касается здесь только отношений. — *Ф. Э.*

представляют собою превращенную в деньги прибавочную стоимость, которая как доход должна быть израсходована на предметы потребления. Итак, I на эти 400 ф. ст. покупает всю товарную стоимость II = 400. Таким образом, приведя в движение товар II, деньги притекают обратно ко II.

Возьмем теперь три случая. При этом ту часть капиталистов, которая возмещает основной капитал in natura, мы назовем «часть 1», а ту, которая накопляет в денежной форме стоимость снашивания основного капитала, назовем «часть 2». Три случая таковы: a) некоторая доля тех 400, которые как остаток еще существуют в виде товаров у II, должна возместить известную долю оборотных частей постоянного капитала для части 1 и части 2 (скажем, по $^1/_2$); b) часть 1 уже продала весь свой товар, следовательно часть 2 еще должна продать 400; c) часть 2 продала все, кроме тех 200, в которых заключается стоимость снашивания.

Тогда мы получаем следующие распределения:

a) Из товарной стоимости $= 400_c$, которая еще остается в руках II, части 1 принадлежат 100 и части 2 — 300; 200 из этих 300 представляют снашивание. В этом случае из тех 400 ф. ст. деньгами, которые I теперь направляет обратно, чтобы получить товары II, частью 1 первоначально было затрачено 300, — именно, деньгами 200, на которые она извлекла из I элементы основного капитала in natura и деньгами же 100 для обслуживания ее товарного обмена с I; напротив, часть 2 из этих 400 авансировала только $^1/_4$, т. е. 100, — тоже для обслуживания своего товарного обмена с I.

Итак, из этих 400 деньгами часть 1 авансировала 300 и часть 2 авансировала 100.

Но из этих 400 возвращаются:

К части 1 — 100, следовательно только $^1/_3$ авансированных ею денег. Но взамен остальных $^2/_3$ она обладает возобновленным основным капиталом стоимостью в 200. За этот основной элемент капитала стоимостью в 200 она дала I деньги, но не давала дополнительного товара. Поскольку дело касается этих 200 деньгами, часть 1 выступает по отношению к I подразделению только в качестве покупателя, но не выступает затем в качестве продавца. Следовательно, эти деньги не могут возвратиться к части 1; иначе вышло бы, что она получила элементы основного капитала в подарок от I. — Поскольку дело касается остальной трети денег, авансированных частью 1, последняя выступает сначала как покупатель оборотных составных частей своего постоянного капитала. На эти же самые деньги I покупает у части 1 остаток ее товара стоимостью в 100. Следовательно, деньги возвращаются к ней (к части 1 от II подразделения), потому что она выступает в качестве продавца товара тотчас же после того, как выступала покупателем. Если бы они не возвратились, то вышло бы, что II подразделение (часть 1) за товары в сумме на 100 сначала отдало бы

I подразделению 100 деньгами и потом еще сверх того 100 товаром, — следовательно, подарило бы ему свой товар.

Напротив, к части 2, затратившей 100 деньгами, возвращаются 300 деньгами: 100 — потому что она сначала как покупатель бросила в обращение 100 деньгами и потом вернула их обратно как продавец; 200 — потому что она функционирует только как продавец товаров на сумму стоимости в 200, но не как покупатель. Значит, деньги не могут возвратиться к I. Следовательно, снашивание основного капитала возмещается деньгами, которые II (часть 1) бросило в обращение на покупку элементов основного капитала; но они попадают в руки части 2 не как деньги части 1, а как деньги, принадлежащие I подразделению.

b) При этом предположении остаток II_c распределяется таким образом, что части 1 принадлежат 200 деньгами, а части 2 принадлежат 400 в товарах.

Часть 1 продала все свои товары, но 200 в деньгах представляют собою превращенную форму основной составной части ее постоянного капитала, подлежащей возобновлению in natura. Следовательно, часть 1 здесь выступает только как покупатель и вместо своих денег получает на ту же сумму стоимости товар I в виде элементов основного капитала в натуральной форме. Части 2 приходится внести в обращение (если I не авансировало денег для обмена товаров между I и II) максимум лишь 200 ф. ст., так как в размере половины своей товарной стоимости оно является лишь продавцом I подразделению, не покупая у I.

К части 2 возвращаются из обращения 400 ф. ст.: 200 — потому что она их авансировала как покупатель и получает их обратно как продавец товаров на 200; 200 — потому что она продает I товаров стоимостью в 200, не извлекая за это товарного эквивалента от I.

c) Часть 1 владеет 200 в деньгах и 200_c в товаре; часть 2 — 200_c (d) в товарах.

Части 2 при этом предположении ничего не приходится авансировать деньгами, потому что она по отношению к I вообще уже функционирует не как покупатель, а только как продавец, следовательно ей приходится ждать, пока у нее купят.

Часть 1 авансирует 400 ф. ст. деньгами: 200 — для взаимного обмена товарами с I, 200 — просто как покупатель у I. Посредством этих последних 200 ф. ст. деньгами она покупает элементы основного капитала.

I посредством 200 ф. ст. деньгами покупает у части 1 товара на 200, благодаря чему к этой части возвращаются ее 200 ф. ст. деньгами, авансированные на этот товарный обмен; при посредстве других 200 ф. ст., — которые тоже получены от части 1, — I подразделение покупает товаров на 200 у части 2, благодаря чему у последней снашивание ее основного капитала осаждается в виде денег.

Дело нисколько не изменилось бы, если бы мы предположили, что в случае с) не II подразделение (часть 1), а I подразделение авансирует деньгами 200 на обмен имеющихся в наличии товаров. Если I подразделение купит сначала у II, части 2, товаров на 200, — предполагается, что части 2 остается продать лишь этот остаток товара, — то эти 200 ф. ст. не возвращаются к I подразделению, потому что II подразделение, часть 2, не выступает опять как покупатель; но II подразделению, части 1, приходится потом покупать на 200 ф. ст. деньгами, а также пускать в обмен товаров на 200, — следовательно, предстоит выменять у I подразделения в общей сложности на 400. Тогда 200 ф. ст. деньгами от II, части 1, возвращаются к I. Если I снова затрачивает их, чтобы купить товаров на 200 у II, части 1, то они возвратятся к нему, когда II, часть 1, возьмет у I вторую половину 400 в товарах. Часть 1 (II) затратила 200 ф. ст. деньгами просто как покупатель элементов основного капитала; поэтому они не возвращаются к ней, а служат для того чтобы превратить в деньги 200_c, остаток товаров II подразделения, части 2, между тем как к I деньги, затраченные им на товарный обмен, 200 ф. ст., возвращаются, — не от II, части 2, а от II, части 1. За его товары на 400 к нему возвратился товарный эквивалент размером в 400; 200 ф. ст. деньгами, авансированные им для обмена товаров на 800, также возвратились к нему, — и, таким образом, все в порядке.

Затруднение, которое встретилось при обмене:

$$\begin{array}{l} \text{I.}\quad \underbrace{1\,000_v + 1\,000_m} \\ \text{II.}\qquad 2\,000_c \end{array}$$

, свелось к затруднению при обмене остатков:

I. . . . . 400_m.

II. (1) 200 деньгами $+ 200_c$ товарами $+$ (2) 200_c товарами, или, чтобы представить дело еще яснее:

I. $200_m + 200_m$.

II. (1) 200 деньгами $+ 200_c$ товарами $+$ (2) 200_c товарами.

Так как для II, части 1, 200_c товарами обмениваются на 200 I_m (товарами) и так как все деньги, обращающиеся между I и II при этом обмене товаров на 400, возвращаются к тому, кто их авансировал, — к I или II, — то эти деньги, как элемент обмена между I и II, по существу не являются элементом той проблемы, которая нас здесь занимает. Или, представляя дело иначе: если мы предположим, что в обмене между 200 I_m (товарами) и 200 II_c (товарами II, части 1) деньги функционируют как средство платежа, а не как покупательное средство, следовательно и не как «средство обращения» в тесном смысле, то будет ясно, — так как товары 200 I_m и 200 II_c (части 1) равны по величине стоимости, —

что средства производства стоимостью в 200 обмениваются на предметы потребления стоимостью в 200, что деньги функционируют здесь лишь идеально и что в действительности совсем не приходится бросать денег в обращение для уплаты разницы на той или другой стороне. Следовательно, проблема выступает в своем чистом виде лишь тогда, когда мы вычеркнем на обеих сторонах, I и II, товар 200 I_m и его эквивалент — товар 200 II_c (части 1).

Итак, по устранении этих двух взаимно покрывающихся товарных величин равной стоимости (I и II) остается для обмена такой остаток, в котором проблема выступает в чистом виде:

I. 200_m товарами.
II. (1) 200_c деньгами + (2) 200_c товарами.

Здесь ясно: II, часть 1, на 200 деньгами покупает 200 I_m — составные части своего основного капитала; благодаря этому основной капитал II, части 1, возобновлен in natura, а прибавочная стоимость I, величиной в 200, из товарной формы (средства производства, — именно, элементы основного капитала) превращена в денежную форму. На эти деньги I покупает предметы потребления у II, части 2, и результат для II таков, что для части 1 возобновлена in natura основная составная часть ее постоянного капитала и что для части 2 другая составная часть (возмещающая снашивание основного капитала) осела в виде денег; и это ежегодно продолжается до тех пор, пока и эту составную часть не придется возобновлять in natura.

При этом необходимое условие здесь, очевидно, заключается в том, чтобы эта основная составная часть постоянного капитала II, которая в размере всей своей стоимости превращается в деньги и потому каждый год подлежит возобновлению in natura (часть 1), — чтобы она была равна годичному снашиванию другой основной составной части постоянного капитала II, которая все еще продолжает функционировать в своей старой натуральной форме и снашивание которой, — убыль стоимости, переносимая на товары, в производстве которых функционирует эта часть, — сначала подлежит возмещению деньгами. Поэтому такое равновесие являлось бы законом воспроизводства в неизменном масштабе; это значит, другими словами, что пропорциональное разделение труда в I подразделении, производящем средства производства, должно оставаться неизменным, поскольку оно доставляет, с одной стороны, оборотные, а с другой — основные составные части постоянного капитала для подразделения II.

Прежде чем ближе исследовать это, мы должны посмотреть, какой вид примет дело, если остаток II_c (1) не равен остатку II_c (2); он может быть больше или меньше этого остатка. Возьмем один за другим оба эти случая.

Первый случай.

I. 200_m.
II. (1) 220_c (деньгами) + (2) 200_c (товарами).

Здесь II_c (1) на 200 ф. ст. деньгами покупает товары 200 I_m, а I на те же самые деньги покупает товары 200 II_c (2), следовательно ту составную часть основного капитала, которая должна осесть в виде денег; она превращена, таким образом, в деньги. Но 20 II_c (1) деньгами не имеют возможности превратиться обратно в основной капитал in natura.

Этой беде, повидимому, можно помочь, раз мы предположим, что остаток I_m равен не 200, а 220, и что, следовательно, прежним обменом закончено дело не с 1800, а лишь с 1780 из 2000 I. В таком случае получится:

I. 220_m.
II. (1) 220_c (деньгами) + (2) 200_c (товарами).

II_c, часть 1, на 220 ф. ст. деньгами покупает 220 I_m, а I на 200 ф. ст. покупает потом 200 II_c (2) товарами. Но тогда на стороне I остается 20 ф. ст. деньгами — такая часть прибавочной стоимости, которую I может удержать лишь в деньгах, но не израсходовать на предметы потребления. Таким образом затруднение лишь передвинуто от II_c (части 1) к I_m.

Предположим теперь, что II_c, часть 1, напротив, меньше чем II_c (часть 2), следовательно:

Второй случай.

I. 200_m (товарами).
II. (1) 180_c (деньгами) + (2) 200_c (товарами).

II (часть 1) на 180 ф. ст. деньгами покупает товары 180 I_m; на эти деньги I покупает у II (части 2) товары такой же стоимости, следовательно 180 II_c (2); на одной стороне остается 20 I_m, которые не могут быть проданы, и точно так же — 20 II_c (2) на другой стороне; эти товары стоимостью в 40 не могут быть превращены в деньги.

Если бы мы предположили, что остаток $I = 180$, это нам нисколько не помогло бы; правда, тогда в I не осталось бы никакого избытка, но во II_c (части 2) попрежнему оставался бы избыток в 20, который не может быть продан, превращен в деньги.

В первом случае, где II (1) больше, чем II (2), на стороне II_c (1) остается избыток в деньгах, не превратимый в основной капитал, или, если мы предположим, что остаток $I_m = II_c$ (1), на стороне I_m оказывается такой же избыток в деньгах, не превратимый в предметы потребления.

Во втором случае, где II_c (1) меньше, чем II_c (2), оказывается денежный дефицит на стороне 200 I_m и II_c (2) и на обеих сторонах равный избыток товара, или, если предположить, что остаток $I_m = II_c$ (2), дефицит в деньгах и избыток в товаре на стороне II_c (2).

Если бы мы предположили, что остатки I_m постоянно равны II_c (1), — так как производство определяется заказами и воспроизводство нисколько не изменится от того, если в текущем году больше произведено основных составных частей капитала, а в следующем году больше оборотных составных частей постоянного капитала II и I, — то в первом случае I_m могло бы быть превращено в предметы потребления лишь при том условии, если бы I купило на I_m часть прибавочной стоимости у II, следовательно, если бы она не была потреблена, а была бы накоплена I в виде денег; во втором случае беде можно было бы помочь, если бы I само израсходовало деньги, — гипотеза, нами отвергнутая.

Если II_c (1) больше, чем II_c (2), то для реализации денежного избытка в I_m необходим ввоз заграничных товаров. Если II_c (1) меньше, чем II_c (2), то для того чтобы реализовать сношенную часть II_c в средствах производства, необходим, наоборот, вывоз товара II (предметов потребления). Следовательно, в обоих случаях необходима внешняя торговля.

Допуская даже, что при изучении воспроизводства в неизменном масштабе необходимо предположить, что производительность всех отраслей производства, а следовательно и соответственные отношения стоимостей товарных продуктов этих отраслей остаются неизменными, — оба последних случая, где II_c (1) больше или меньше, чем II_c (2), все же представляли бы интерес при изучении производства в расширенном масштабе, где, несомненно, могут встретиться эти случаи.

3) *Выводы.*

Что касается возмещения основного капитала, то вообще необходимо отметить следующее:

Если, — предполагая неизменными все прочие условия, следовательно не только масштаб производства, но в частности и производительность труда, — в текущем году отмирает бо̀льшая доля основного элемента II_c, чем в предыдущем, а потому бо̀льшая доля подлежит возобновлению in natura, то та часть основного капитала, которая находится лишь на пути к своей смерти и до момента смерти подлежит возмещению пока что в деньгах, тоже должна сократиться в соответственной пропорции, так как, согласно предположению, сумма основной части капитала, функционирующей во II (также и сумма стоимости), остается та же самая. Но это влечет за собою следующие обстоятельства. *Во-первых,* если бо̀льшая часть товарного капитала I состоит из элементов основного

капитала II_c, то соответственно меньшая часть — из оборотных составных частей II_c, так как все производство I для II_c остается неизменным. Если одна часть возрастает, то другая сокращается, и обратно. Но, с другой стороны, все производство II подразделения также сохраняет прежний размер. Как же возможно это при уменьшении количества сырья, полуфабрикатов, вспомогательных материалов (т. е. оборотных элементов постоянного капитала II)? *Во-вторых,* бо̀льшая часть основного капитала II_c, вновь восстановленного в денежной форме, устремляется к I, чтобы совершить обратное превращение из денежной формы в натуральную форму. Следовательно, к I устремляются еще деньги, кроме денег, обращающихся между I и II только для товарного обмена; устремляется больше таких денег, которые не служат посредником во взаимном обмене товаров, но лишь односторонне выступают в функции покупательного средства. В то же время пропорционально уменьшилась бы товарная масса II_c, которая представляет собою возмещение стоимости снашивания, следовательно та товарная масса II, которая должна быть превращена не в товары I, а лишь в деньги I. От II подразделения к I притекло бы больше денег просто в качестве покупательных средств, и у II оказалось бы меньше товаров, по отношению к которым I функционировало бы только в качестве покупателя. Бо̀льшая часть I_m не могла бы быть превращена в товары II — так как I_v уже превращено в товары II, — эту часть I_m пришлось бы удержать в денежной форме.

Обратный случай, — когда для известного года воспроизводство отмершего основного капитала II оказывается меньше и, напротив, часть в возмещение снашивания больше, — после предыдущего не требует дальнейшего рассмотрения.

И таким образом, несмотря на воспроизводство в неизменном масштабе, наступил бы кризис — кризис производства.

Словом: если бы при простом воспроизводстве и прочих равных условиях, — следовательно, в частности при прежних производительной силе, общем количестве и интенсивности труда, — мы предположили непостоянное отношение между отмершим (требующим возобновления) и продолжающим действовать в старой натуральной форме (присоединяющим к продуктам только стоимость, возмещающую его снашивание) основным капиталом, то в одном случае масса подлежащих воспроизводству оборотных составных частей осталась бы та же самая, но возросла бы масса подлежащих воспроизводству основных составных частей; следовательно, все производство I должно было бы увеличиться или же, даже если оставить в стороне денежные отношения, оказался бы дефицит в воспроизводстве.

В другом случае: если бы относительная величина основного капитала II, подлежащего воспроизводству in natura, уменьшилась, а потому увеличилась бы в том же отношении та составная

часть основного капитала II, которая пока подлежит возмещению лишь в деньгах, то масса оборотных составных частей постоянного капитала II, воспроизведенных I, осталась бы неизменной, а масса подлежащих воспроизводству основных частей, напротив, уменьшилась бы. Итак, имело бы место или уменьшение всего производства I подразделения, или же избыток (как ранее был дефицит), и притом избыток, который не может быть превращен в деньги.

Правда, в первом случае тот же самый труд, при увеличении производительности, продолжительности или интенсивности, мог бы доставить больший продукт и таким образом было бы возможно покрыть дефицит в первом случае; но такая перемена не могла бы произойти без перемещения труда и капитала из одной отрасли производства I в другую, а всякое такое перемещение вызвало бы немедленно нарушения. А, во-вторых, I пришлось бы (поскольку возросли продолжительность и интенсификация труда) обменять бо́льшую стоимость на меньшую стоимость II, следовательно произошло бы обесценение продукта I.

Противоположное во втором случае, где I вынуждено сокращать свое производство, что знаменует кризис для занятых в нем рабочих и капиталистов, или оно доставляет излишек, что опять-таки представляет собою кризис. Сами по себе такие избытки представляют собою отнюдь не беду, а выгоду, но при капиталистическом производстве они являются бедой.

Помочь в обоих случаях могла бы внешняя торговля; в первом случае — чтобы товар I, удерживаемый в денежной форме, превратить в предметы потребления; во втором случае — чтобы сбыть товарный излишек. Но внешняя торговля, поскольку она не просто возмещает элементы (также и по стоимости), лишь отодвигает противоречия в более широкую сферу, открывает им больший простор.

Если устранить капиталистическую форму воспроизводства, то дело сведется к тому, что размеры отмирающей и потому подлежащей возмещению in natura части основного капитала (здесь капитала, функционирующего в производстве предметов потребления) в различные последовательные годы изменяются. Если в одном году эта часть очень велика (превышает среднюю смертность, подобно тому как это бывает со смертностью людей), то в следующем году она несомненно будет соответственно меньше. Если предположить, что прочие условия не изменились, то количество сырья, полуфабрикатов и вспомогательных материалов, необходимое для годичного производства предметов потребления, не уменьшается от этого; следовательно, все производство средств производства должно бы в одном случае расшириться, в другом — сократиться. Этому можно было бы помочь лишь постоянным относительным перепроизводством: с одной стороны, производится основного капитала на известное количество больше, чем непосредственно

необходимо; с другой стороны, создается запас сырья и т. д., который превосходит непосредственные годичные потребности (это в особенности относится к жизненным средствам). Такой вид перепроизводства равнозначащ контролю общества над материальными средствами его собственного воспроизводства. Но в капиталистическом обществе перепроизводство есть элемент анархии.

Этот пример с основным капиталом — при неизменяющихся размерах воспроизводства — поразителен. Несоответствие в производстве основного и оборотного капитала — это одна из излюбленных экономистами причин, которые служат для объяснения кризисов. Что такое несоответствие может и должно возникать при простом *поддержании* основного капитала; что оно может и должно возникать при предположении идеального нормального производства, при простом воспроизводстве уже функционирующего общественного капитала, это для них — нечто новое.

XII. ВОСПРОИЗВОДСТВО ДЕНЕЖНОГО МАТЕРИАЛА.

До сих пор мы совершенно не обращали внимания на один момент, именно на годичное воспроизводство золота и серебра. Как простой материал для предметов роскоши, позолоты и т. д., они, подобно всяким другим продуктам, не заслуживали бы здесь особого упоминания. Напротив, как денежный материал и, следовательно, как потенциальные деньги, они играют важную роль. Для упрощения мы будем здесь считать денежным материалом только золото.

По сравнительно старым данным все годичное производство золота составляло 800—900 тысяч фунтов = круглым счетом 1100 или 1250 миллионам марок. Напротив, по Зетберу[53], в среднем за годы 1871—1875 производилось всего 170 675 килограммов стоимостью круглым счетом в 476 миллионов марок. Из этого числа доставляли: Австралия в круглых цифрах 167, Соединенные Штаты 166, Россия 93 миллиона марок. Остаток распределяется между различными странами в суммах менее 10 миллионов марок на каждую. Годичное производство серебра за тот же период составляло несколько менее 2 миллионов килограммов стоимостью в $354^1/_2$ миллионов марок; из этого числа Мексика доставляла круглым числом 108, Соединенные Штаты 102, Южная Америка 67, Германия 26 миллионов и т. д.

Из стран с господствующим капиталистическим производством только Соединенные Штаты являются производителями золота и серебра; европейские капиталистические страны почти все свое золото и огромнейшую часть своего серебра получают из Австралии, Соединенных Штатов, Мексики, Южной Америки и России.

---

[53] *Ad. Soetbeer:* «Edelmetall-Production». Gotha 1879.

Но мы перенесем золотые прииски в ту страну капиталистического производства, годичное воспроизводство которой мы анализируем здесь, и сделаем так по следующим соображениям.

Капиталистическое производство вообще не существует без внешней торговли. Но если предположить нормальное годичное воспроизводство в данных размерах, то этим уже предполагается, что внешняя торговля только замещает туземные изделия изделиями другой потребительной или натуральной формы, не затрагивая ни тех отношений стоимости, в которых обмениваются между собой две категории: средства производства и предметы потребления, ни отношений между постоянным капиталом, переменным капиталом и прибавочной стоимостью, на которые распадается стоимость продукта каждой из этих категорий. Введение внешней торговли в анализ ежегодно воспроизводимой стоимости продукта может, следовательно, только запутать дело, не доставляя нового момента ни для самой задачи, ни для решения ее. Следовательно, ее совсем не надо принимать во внимание; поэтому золото следует рассматривать здесь как непосредственный элемент годичного воспроизводства, а не как ввозимый извне посредством обмена товарный элемент.

Производство золота, как и вообще производство металлов, относится к I подразделению, которое охватывает производство средств производства. Предположим, что годичное производство золота $= 30$ (для удобства; фактически же эта цифра слишком высока по сравнению с числами нашей схемы); пусть эта стоимость распадается на $20_c + 5_v + 5_m$; 20_c подлежат обмену на другие элементы I_c, и это мы рассмотрим впоследствии; а $5_v + 5_m(I)$ должны быть обменены на элементы II_c, т. е. на предметы потребления.

Что касается 5_v, то всякое предприятие, производящее золото, начинает прежде всего с покупки рабочей силы: не на золото, произведенное в самом этом предприятии, а на известную долю денег, имеющихся в запасе в стране. На эти 5_v рабочие приобретают предметы потребления у II, а последнее на эти деньги покупает средства производства у I. Если II покупает у I на 2 золото как денежный материал и т. п. (составную часть своего постоянного капитала), то к производителю золота I возвращается 2_v в деньгах, которые уже раньше принадлежали обращению. Если II дальше не покупает у I никакого материала, то I покупает у II, бросая свое золото как деньги в обращение, так как на золото можно купить всякий товар. Различие заключается только в том, что I выступает здесь не как продавец, а лишь как покупатель. Золотоискатели I могут во всякое время сбыть свой товар; он всегда находится в такой форме, в которой может быть непосредственно обменен.

Предположим, что фабрикант-прядильщик уплатил своим рабочим 5_v, за что они доставили ему — если оставить в стороне прибавочную стоимость — пряжу в продукте $= 5$; рабочие на

5 покупают у II_c, последний покупает на 5 деньгами пряжу у I, и таким образом 5_v деньгами возвращаются к прядильщику. Напротив, в только что взятом случае I *з* (так мы будем обозначать производителя золота) авансирует своим рабочим 5_v деньгами, которые уже раньше принадлежали обращению; рабочие затрачивают деньги на жизненные средства; но из 5 только 2 возвращаются от II к I *з*. Однако I *з* точно так же, как прядильщик, может снова начать процесс воспроизводства: его рабочие доставили ему золотом 5, из которых он продал 2, остальными 3 владеет в виде золота, — следовательно, ему приходится только отчеканить из них монету[54] или превратить их в банковые билеты, — и весь его переменный капитал прямо, без дальнейшего посредства II, опять оказывается в его руках в денежной форме.

Но уже при этом первом процессе годичного воспроизводства произошло изменение в количестве денег, действительно или потенциально принадлежащих обращению. Мы предположили, что II_c купило 2_v (I *з*) как материал, а 3 как денежная форма переменного капитала I *з*, в свою очередь, расходуются в пределах II. Следовательно, из того количества денег, которое доставлено посредством нового производства денег, 3 остались в пределах II и не возвратились к I. Согласно нашему предположению, II удовлетворило свою потребность в денежном материале. 3 остаются в его руках как золотое сокровище. Так как они не могут образовать какого бы то ни было элемента его постоянного капитала и так как II уже раньше имело достаточный денежный капитал на покупку рабочей силы; так как, далее, этим дополнительным 3 *з*, за исключением элемента снашивания, не приходится выполнять никакой функции в пределах II_c, на часть которого они обменены (они могли бы служить лишь для того чтобы pro tanto покрывать элемент снашивания, если II_c (1) меньше, чем II_c (2), что имеет характер случайности); так как, с другой стороны, именно за исключением элемента снашивания, весь товарный продукт II_c должен быть обменен на средства производства $I_{(v+m)}$, — то эти деньги целиком подлежат перенесению из II_c во II_m, заключается ли последнее в необходимых жизненных средствах или в предметах роскоши, и, напротив, соответственная товарная стоимость подлежит перенесению из II_m во II_c. Результат: часть прибавочной стоимости накопляется как денежное сокровище.

Во второй год воспроизводства, если точно такая же доля произведенного за год золота попрежнему используется как материал, 2 опять возвратятся к I *з*, а 3 будут возмещены in natura, т. е. опять высвободятся во II как сокровище, и т. д.

[54] «Значительное количество золотых слитков (gold bullion)... доставляется золотоискателями прямо на монетный двор в Сан-Франциско». «Reports of H. M. Secretaries of Embassy and Legation», 1879, часть III, стр. 337.

Относительно переменного капитала вообще: капиталисту I з, как всякому другому, постоянно приходится авансировать этот капитал в деньгах на покупку труда. На это *v* не ему, а его рабочим приходится покупать у II; следовательно, никогда не может наступить такого случая, чтобы он выступил как покупатель, т. е. внес деньги во II без инициативы последнего. Но поскольку II покупает у него материал, поскольку он должен превращать свой постоянный капитал II_c в золотой материал, часть $(I\ з)_v$ возвращается от II к I з точно так же, как к другим капиталистам I подразделения; поскольку же этого не совершается, он возмещает свое *v* золотом непосредственно из своего продукта. Но в той мере, как *v*, авансированное в денежной форме, не возвращается к нему от II, часть уже имеющихся в наличности средств обращения (деньги, притекшие от I ко II и не возвратившиеся к I) превращается во II в сокровище, и потому часть прибавочной стоимости во II не расходуется на предметы потребления. Так как постоянно открываются новые золотые прииски или возобновляются работы на старых, то известная доля денег, которые I з должен расходовать на *v*, всегда составляет некоторую часть того количества денег, которое имелось налицо до нового производства золота; эти деньги вносятся рабочими I з во II подразделение и, поскольку они не возвращаются из II к I з, они образуют там элемент для образования сокровища.

Что же касается $(I\ з)_m$, то I з всегда может выступать здесь как покупатель; он вносит в обращение свое *m* в виде золота и извлекает за то предметы потребления II_c; во II золото отчасти используется как материал, поэтому функционирует как действительный элемент постоянной составной части *c* производительного капитала; поскольку же этого нет, оно опять-таки становится элементом для образования сокровища в виде части II_m, задерживаемой в денежной форме. Отсюда видно, — даже если оставить в стороне I_c, подлежащее рассмотрению позже[55], — как даже простое воспроизводство, хотя здесь исключается накопление в собственном смысле слова, т. е. воспроизводство в расширенном масштабе, все же необходимо предполагает накапливание денег, или образование сокровища. И так как это ежегодно повторяется снова, то этим объясняется предположение, из которого мы исходили, изучая капиталистическое производство: предположение, что при начале воспроизводства в руках капиталистов I и II находится соответственное товарному обмену количество денежных средств. Такое накапливание находит себе место даже по вычете золота, утрачиваемого вследствие снашивания обращающихся денег.

---

[55] Исследования об обмене вновь произведенного золота, совершающемся в пределах постоянного капитала подразделения I, в рукописи нет. — *Ф. Э.*

Само собою понятно, что чем выше возраст капиталистического производства, тем больше накопляемая повсюду масса денег и, следовательно, тем относительно меньше та доля, которую ново-годичное производство золота присоединяет к этой массе, хотя это добавление может быть значительным по своей абсолютной величине. Возвратимся лишь еще раз к возражению, которое было сделано Туку: каким образом возможно, чтобы каждый капиталист извлекал из годового продукта прибавочную стоимость деньгами, т. е. извлекал из обращения больше денег, чем бросил в него, — как возможно это, раз самый класс капиталистов должен рассматриваться в конечном счете как тот источник, из которого деньги вообще бросаются в обращение?

Резюмируя раньше (глава XVII) сказанное, мы заметим в ответ на это:

1) Единственное необходимое здесь предположение: что вообще имеется налицо достаточно денег для того чтобы совершился обмен различных элементов массы годичного воспроизводства, — нисколько не колеблется тем обстоятельством, что часть товарной стоимости состоит из прибавочной стоимости. Если предположить, что все производство принадлежит самим рабочим и их прибавочный труд является прибавочным трудом только для них самих, а не для капиталистов, то масса обращающейся товарной стоимости осталась бы та же самая и при прочих равных условиях потребовала бы прежнего количества денег для своего обращения. Итак, в обоих случаях вопрос заключается лишь в следующем: откуда берутся деньги для обмена всей этой товарной стоимости? — но отнюдь не в том: откуда берутся деньги для превращения в деньги прибавочной стоимости?

Конечно, всякий отдельный товар — возвращаемся еще раз к этому — состоит из $c + v + m$, и, следовательно, для обращения всей товарной массы необходима, с одной стороны, определенная денежная сумма для обращения капитала $c + v$, а с другой стороны, — другая денежная сумма для обращения дохода капиталистов, прибавочной стоимости m. Как для отдельных капиталистов, так и для всего класса деньги, в которых авансируется капитал, отличны от денег, в которых расходуется доход. Откуда берутся эти последние деньги? Просто-напросто из тех денег, которые находятся в руках класса капиталистов; следовательно, в общем и целом из всех денег, имеющихся в обществе, ⟨одна часть функционирует в качестве денежного капитала, другая часть⟩ служит для обращения дохода капиталистов. Мы уже видели, как всякий капиталист, устраивающий новое предприятие, расходуя деньги на предметы потребления для своего содержания, потом, когда предприятие будет в ходу, снова вылавливает их как деньги, служащие для превращения в звонкую монету его прибавочной стоимости. Но, вообще говоря, вся трудность вытекает из двух источников.

Во-первых, если мы будем рассматривать только обращение и оборот капитала, следовательно и капиталиста будем рассматривать лишь как персонификацию капитала, а не как капиталистического потребителя и человека, любящего пожить в свое удовольствие, то, хотя мы увидим, как он постоянно бросает в обращение прибавочную стоимость в качестве составной части своего товарного капитала, но мы никогда не увидим в его руках денег как формы дохода; мы никогда не увидим, чтобы он бросал в обращение деньги с целью потребления прибавочной стоимости.

Во-вторых, если класс капиталистов бросает в обращение известную денежную сумму в форме дохода, то кажется, что он уплачивает эквивалент также и за соответствующую часть всего годового продукта, и, следовательно, последняя перестает представлять прибавочную стоимость. Но прибавочный продукт, в котором представлена прибавочная стоимость, ничего не стоит классу капиталистов. Как класс, он владеет и пользуется ею даром, и денежное обращение ничего не может изменить в этом. Изменение, вызываемое денежным обращением, заключается единственно в том, что каждый капиталист, вместо того чтобы потреблять свой прибавочный продукт in natura, что в большинстве случаев невозможно, из всей массы годового общественного прибавочного продукта извлекает и присваивает всякого рода товары на сумму присвоенной им прибавочной стоимости. Но механизм обращения показал, что если класс капиталистов бросает в обращение деньги на расходование дохода, он также извлекает из обращения эти деньги и таким образом постоянно может снова начинать тот же самый процесс; что, следовательно, рассматриваемый как класс капиталистов, он попрежнему остается владельцем этой денежной суммы, необходимой для превращения прибавочной стоимости в деньги. Итак, если капиталист не только извлекает с товарного рынка для своего потребительного фонда прибавочную стоимость в форме товаров, но в то же время получает обратно и деньги, на которые он купил эти товары, то ясно, что он извлек из обращения товары без эквивалента со своей стороны. Они ничего не стоят для него, хотя он уплатил за них деньгами. Если я покупаю товаров на фунт стерлингов, а продавец товара возвращает мне фунт стерлингов за прибавочный продукт, который ничего не стоил для меня, то я, очевидно, получил товары даром. Постоянное повторение этой операции ничего не изменяет в том, что я постоянно извлекаю товары и постоянно остаюсь владельцем фунта стерлингов, хотя для получения товаров я на время расстаюсь с последним. Капиталист постоянно получает эти деньги обратно как превращенную в деньги прибавочную стоимость, которая ему ничего не стоила.

Мы видели, что у А. Смита вся стоимость общественного продукта сводится к доходу, к $v + m$, следовательно постоянная капитальная стоимость предполагается равной нулю. Из этого необходимо

следует, что денег, требующихся для обращения годового дохода, достаточно и для обращения всего годового продукта; что, следовательно, в нашем случае, денег, необходимых для обращения предметов потребления стоимостью в 3000, достаточно и для обращения всего годового продукта стоимостью в 9000. Таково действительно воззрение А. Смита, и Т. Тук повторяет его. Такое ложное представление об отношении количества денег, необходимого для превращения дохода в деньги, к тому количеству денег, которое необходимо для обращения всего общественного продукта, является неизбежным результатом непонимания, бессмысленного представления о том, каким способом воспроизводятся и ежегодно возмещаются различные вещественные элементы и элементы стоимости всего годового продукта. Поэтому оно уже опровергнуто.

Послушаем самих Смита и Тука.

Смит — книга II, гл. 2 — говорит: «Обращение каждой страны можно разделить на две части: обращение, совершающееся между торговцами, и обращение, происходящее между торговцами и потребителями. Хотя одни и те же денежные знаки — бумажные или металлические — могут употребляться то в одной части обращения, то в другой, все же, поскольку оба эти процесса обращения происходят в одно и то же время, каждый из них требует для своего совершения определенной суммы денег того или иного рода. Стоимость товаров, обращающихся между различными торговцами, никогда не может превысить стоимость товаров, обращающихся между торговцами и потребителями, поскольку все, что продается торговцами, в конечном счете предназначается для продажи потребителям. Обмен между торговцами, носящий оптовый характер, требует обыкновенно довольно значительной суммы для каждой отдельной сделки. Обращение между торговцами и потребителями, напротив, поскольку оно отличается преимущественно розничным характером, часто требует лишь очень небольших сумм, — нередко бывает достаточно шиллинга или даже полпенни. Но мелкие суммы обращаются гораздо быстрее крупных... Поэтому, хотя покупки за год всех потребителей по стоимости по меньшей мере» {хорошо это «по меньшей мере»!} «равны покупкам за год всех торговцев, они по общему правилу могут быть произведены посредством гораздо меньшего количества денег» и т. д. [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 270—271.]

К этому месту Адама Т. Тук замечает («An Inquiry into the Currency Principle», London 1844, стр. 34—36 и сл.): «Не подлежит никакому сомнению, что это проведенное здесь различие по существу правильно... Обмен между торговцами и потребителями охватывает также и выдачу заработной платы, которая составляет главный доход (the principal means) потребителей... Все обмены между торговцами, т. е. все продажи, начиная от производителей

или импортеров, переходя все градации промежуточных процессов мануфактуры и т. д. и кончая розничным торговцем или купцом-экспортером, могут быть сведены к перемещениям капитала. Но перенесения капитала не предполагают необходимо и на практике действительно не приводят к тому, чтобы при большом количестве обменов совершалась во время перемещения действительная передача банковых билетов или монет, — я имею в виду материальную, а не фиктивную передачу... Общий итог взаимных обменов между торговцами должен в последнем счете определяться и ограничиваться суммой обменов между торговцами и потребителями».

Если бы последнее положение высказано было обособленно, то можно было бы думать, что Тук просто констатирует, что существует известное соотношение во взаимных обменах между торговцами и обменах между торговцем и потребителем, — другими словами, соответствие между стоимостью всего годового дохода и стоимостью капитала, посредством которого производится доход. Однако это не так. Он прямо присоединяется к пониманию А. Смита. Поэтому нет нужды в особой критике его теории обращения.

2) Всякий промышленный капитал вначале разом выбрасывает в обращение деньги на всю свою основную составную часть, которую он извлекает потом обратно лишь постепенно, на протяжении ряда лет, посредством продажи своего годового продукта. Следовательно, сначала он бросает в обращение более денег, чем извлекает из него. Это повторяется каждый раз при возобновлении всего капитала in natura; это повторяется каждый год для определенного количества предприятий, основные капиталы которых приходится возобновлять in natura; частично это повторяется при каждом ремонте, при каждом всего лишь частичном возобновлении основного капитала. Следовательно, если одна сторона извлекает из обращения более денег, чем выбрасывает в него, то другая сторона — наоборот.

Во всех отраслях промышленности, в которых период производства (как величина, отличная от рабочего периода) охватывает сравнительно долгое время, капиталистические производители в продолжение этого периода все время бросают деньги в обращение, — отчасти на оплату применяемой рабочей силы, отчасти на закупку подлежащих потреблению средств производства; таким образом средства производства прямо извлекаются с рынка, предметы потребления — отчасти косвенно, рабочими, расходующими свою заработную плату, отчасти прямо, самими капиталистами, которые отнюдь не отсрочивают своего потребления, причем эти капиталисты не бросают в то же время на рынок никакого эквивалента товарами. Деньги, выбрасываемые ими в обращение, в течение этого периода служат для превращения в деньги товарной стоимости, включая и содержащуюся в ней прибавочную стоимость.

Очень важным становится этот момент при развитом капиталистическом производстве, в долговечных предприятиях, устраиваемых акционерными обществами и т. д., как постройка железных дорог, каналов, доков, крупных городских сооружений, железных судов, дренаж почвы в крупных размерах и т. д.

3) В то время, как другие капиталисты — если не считать затрат на основной капитал — извлекают из обращения денег больше, чем бросили в него при покупке рабочей силы и оборотных элементов, капиталисты, производящие золото и серебро, — если оставить в стороне благородный металл, который служит сырым материалом, — бросают в обращение только деньги, а извлекают из него только товары. Постоянный капитал, за исключением сношенной части, бо̀льшая часть переменного капитала и вся прибавочная стоимость, за исключением разве сокровища, которое накапливается в их собственных руках, — все это выбрасывается в обращение в виде денег.

4) С одной стороны, в качестве товаров обращаются всевозможные вещи, которые произведены не в данном году: участки земли, дома и пр.; далее, продукты, период производства которых охватывает более года: скот, лес, вино и т. д. По отношению к этим и другим явлениям важно установить, что кроме денежной суммы, необходимой для непосредственного обращения, постоянно известное количество ⟨денег⟩ находится в скрытом состоянии, не функционирует, но, получив толчок, может начать функционирование. Притом стоимость таких продуктов нередко поступает в обращение частями и постепенно, напр. стоимость домов в виде платы за наем в течение ряда годов.

С другой стороны, не все движения процесса воспроизводства опосредствуются денежным обращением. Весь процесс производства, как только приобретены его элементы, исключается из обращения. Исключается, далее, весь продукт, непосредственно потребляемый самим производителем, — лично ли, производительно ли, причем сюда относится и продовольствие сельских рабочих натурой.

Итак, та масса денег, посредством которой обращается годовой продукт, уже имеется в обществе, постепенно накоплена. Она, за исключением разве золота, возмещающего сношенные монеты, не составляет части той новой стоимости, которая создана в текущем году.

Хотя на основе простого металлического обращения деньги могут функционировать, между прочим, и как средство платежа и исторически действительно функционировали так; хотя на этой основе развились кредитная система и определенные стороны ее механизма, тем не менее в нашем изложении предполагается обращение исключительно металлических денег, притом опять-таки его простейшая форма — покупок и продаж за наличные.

Это предположение делается не только по методологическим соображениям, важность которых сказывается уже в том, что как Тук и его школа, так и их противники в своих контроверзах при исследовании обращения банковых билетов постоянно бывали вынуждены возвращаться к гипотезе чисто металлического обращения. Они бывали вынуждены делать это post festum, но при таких обстоятельствах делали это очень поверхностно, что было неизбежно, так как исходный пункт играл, таким образом, лишь роль второстепенного обстоятельства.

Но самое простое рассмотрение денежного обращения, представленного в его *первоначальной* форме, — а оно является здесь имманентным моментом годового процесса воспроизводства, — показывает:

а) Если мы предположим развитое капиталистическое производство, следовательно господство системы наемного труда, то денежный капитал, очевидно, играет главную роль, поскольку он является формой, в которой авансируется переменный капитал. В той мере, как развивается система наемного труда, всякий продукт превращается в товар, а потому — за некоторыми важными исключениями — должен целиком пройти превращение в деньги как фазу своего движения. Количество обращающихся денег должно быть достаточно для этого превращения товаров в деньги, и бо̀льшая часть этого количества доставляется в форме заработной платы, денег, которые авансированы промышленными капиталистами в качестве денежной формы переменного капитала на оплату рабочей силы и функционируют в руках рабочих — в большей своей части лишь как средство обращения (покупательное средство). Это — полная противоположность натуральному хозяйству, которое является преобладающим на основе всякой системы зависимости (включая и крепостническую) и в еще большей мере на основе более или менее примитивных общин, безразлично, связаны ли последние с отношениями зависимости и рабства или нет.

При системе рабства денежный капитал, затрачиваемый на покупку рабочей силы, играет роль денежной формы основного капитала, который возмещается лишь постепенно, по истечении активного периода жизни раба. Поэтому у афинян прибыль, которую рабовладелец получает непосредственно, при помощи промышленного использования своего раба, или косвенно, при помощи отдачи его в наем другим лицам, применяющим труд в промышленности (напр., в горном деле), рассматривалась просто как процент (вместе с амортизацией) на авансированный денежный капитал, — совершенно так же, как при капиталистическом производстве часть прибавочной стоимости плюс снашивание основного капитала относятся промышленным капиталистом в счет процента и возмещения его основного капитала; так же, как это является

правилом и у капиталистов, отдающих внаймы основной капитал (дома, машины и т. д.). Простые домашние рабы, служат ли они для выполнения необходимых услуг или только для парадирования роскоши, не принимаются здесь во внимание, они соответствуют нашему классу прислуги. Но и система рабства, — насколько она представляет собою господствующую форму производительного труда в земледелии, мануфактуре, судоходстве и т. д., как было в развитых государствах Греции и в Риме, — сохраняет элемент натурального хозяйства. Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы — посредством войны, морского разбоя и т. д., и этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения. Даже в Соединенных Штатах, после того как промежуточная область между северными штатами наемного труда и южными штатами рабства превратилась в область, где разводили рабов для Юга, где рабы, выбрасываемые на рынок, сами, таким образом, сделались элементом годового воспроизводства, — этого с течением времени оказалось недостаточным, и потому долго, насколько было возможно, для пополнения рынка продолжалась африканская работорговля.

b) Стихийно совершающиеся на основе капиталистического производства отливы и приливы денег при обмене годового продукта; единовременные авансирования основных капиталов на всю величину их стоимости и постепенное, охватывающее многолетние периоды извлечение их стоимости из обращения, следовательно, постепенное восстановление их в денежной форме посредством ежегодного образования сокровища, — образования, по своему существу совершенно отличного от того образования сокровища, которое происходит параллельно с ним и основывается на ежегодном новом производстве золота; различная продолжительность времени, на которое, в зависимости от длины периодов производства товаров, авансируются деньги, и, следовательно, необходимость уже предварительно иметь их в форме сокровища до того, как можно будет обратно извлекать их из обращения посредством продажи товара; различная продолжительность времени, на которое авансируются деньги, вытекающая хотя бы уже из различной отдаленности места производства от рынка сбыта; точно так же различие в величине и сроке возврата денежных сумм, в зависимости от состояния или относительной величины производственных запасов в различных предприятиях и у различных отдельных капиталистов одной и той же отрасли производства, следовательно различия в сроках закупок элементов постоянного капитала — и все это на протяжении года воспроизводства, — стоит только опыту заметить все эти разнообразные моменты стихийного движения и обратить на них внимание, и они будут пла-

номерно использованы как для механических вспомогательных средств системы кредита, так и для действительного выуживания тех наличных капиталов, которые могут быть отданы в ссуду.

К этому присоединяется еще различие между такими отраслями, производство которых при нормальных в общем условиях непрерывно совершается в одних и тех же размерах, и такими, которые в различные периоды года применяют рабочую силу в различном размере, как сельское хозяйство.

XIII. ТЕОРИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ДЕСТЮТ-ДЕ-ТРАСИ [56].

Примером путаного и в то же время претенциозного недомыслия представителей политической экономии, проявившегося при рассмотрении общественного воспроизводства, послужит нам великий логик Дестют-де-Траси (ср. книгу I, гл. IV, 2, прим. 30), к которому даже Рикардо относился серьезно, называя его весьма выдающимся писателем [a very distinguished writer] («Principles», стр. 333). [Рикардо: «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г.]

Этот выдающийся писатель дает следующие указания относительно всего общественного процесса воспроизводства и обращения:

«Меня спросят, как получают эти промышленные предприниматели такие крупные прибыли и от кого они могут их извлечь. Я отвечаю, что они достигают этого, продавая все производимое ими дороже, чем стоит им производство; достигают этого, продавая:

1) друг другу все то, что идет на их потребление, на удовлетворение их потребностей и что они оплачивают частью своих прибылей;

2) наемным рабочим, нанимаемым как ими самими, так и праздными капиталистами; таким путем они получают обратно от этих рабочих всю заработную плату последних, за исключением разве небольших сбережений;

3) праздным капиталистам, которые уплачивают им частью своего дохода, еще не израсходованного на наем рабочих, непосредственно нанимаемых ими; так что вся рента, ежегодно уплачиваемая предпринимателями праздным капиталистам, тем или иным из этих путей притекает обратно к первым» (Destutt de Tracy: «Traité de la volonté et de ses effets». Paris 1826, стр. 239).

Итак, капиталисты обогащаются, во-первых, взаимно нагревая друг друга при обмене той части прибавочной стоимости, которая предназначается ими для личного потребления или потребляется как доход. Т. е. если эта часть их прибавочной стоимости,

---

[56] Из рукописи II.

соответственно их прибыли, = 400 ф. ст., то эти 400 ф. ст. превращаются, напр., в 500 ф. ст. таким способом, что каждый совладелец этих 400 ф. ст. продает свою часть другому дороже на 25%. Так как это делают все, то результат получается такой же, как если бы они взаимно продавали друг другу по действительной стоимости. Только для обращения товарной стоимости в 400 ф. ст. им потребуется масса денег в 500 ф. ст., а это представляется методом скорее обеднения, чем обогащения, так как им приходится крупную долю всего своего состояния непроизводительно сохранять в бесполезной форме средств обращения. Все сводится к тому, что класс капиталистов, несмотря на общее номинальное повышение цен их товаров, может распределить между собою для своего личного потребления лишь количество товаров стоимостью в 400 ф. ст., но что они доставляют друг другу обоюдное удовольствие, приводя в обращение 400 ф. ст. товарной стоимости посредством такого количества денег, которое требуется для 500 ф. ст. товарной стоимости.

Мы уже совершенно оставляем в стороне, что здесь предположена «часть их прибылей» и, следовательно, вообще запас товаров, в котором существует прибыль. Между тем Дестют намеревался как раз объяснить, откуда берется эта прибыль. Количество денег, необходимое для ее обращения, это — вопрос совершенно второстепенный. Товарная масса, в которой представлена прибыль, повидимому ведет свое происхождение от того, что капиталисты не только продают эту товарную массу друг другу, хотя уже и это очень хорошо и глубоко, но что все они продают друг другу дороже. Итак, мы знаем теперь один источник обогащения капиталистов. Он сводится к тайне «энтспектора Брэзига», что большая бедность вытекает из большой pauvreté [бедности].

2) Далее, те же капиталисты продают «наемным рабочим, как тем, которых нанимают они сами, так и тем, которых нанимают праздные капиталисты; таким образом они получают обратно от этих наемных рабочих всю заработную плату последних, за исключением их небольших сбережений».

Возвращение к капиталистам того денежного капитала, в форме которого они авансировали заработную плату рабочему, является, согласно господину Дестюту, вторым источником обогащения тех же капиталистов.

Итак, если класс капиталистов выдал рабочим в виде заработной платы, напр., 100 ф. ст., а затем те же рабочие покупают товаров такой же стоимости в 100 ф. ст. у того же класса капиталистов, и потому сумма в 100 ф. ст., авансированная капиталистами как покупателями рабочей силы, притекает к ним обратно вследствие продажи рабочим товаров на 100 ф. ст., то капиталисты благодаря этому *обогащаются*. С точки зрения здравого смысла представляется, что капиталисты при посредстве этой процедуры снова владеют 100 ф. ст., которые были у них до процедуры. В на-

чале процедуры у них было 100 ф. ст. деньгами, на эти 100 ф. ст. они купили рабочую силу. За эти 100 ф. ст. деньгами купленный труд производит товары стоимостью, насколько мы знаем до сих пор, в 100 ф. ст. Посредством продажи рабочим этих 100 ф. ст. в товарах капиталисты получают обратно 100 ф. ст. деньгами. Следовательно, у капиталистов опять 100 ф. ст. деньгами, у рабочих же — на 100 ф. ст. товара, который произведен ими самими. Трудно понять, как могли бы капиталисты обогатиться на этом. Если бы 100 ф. ст. деньгами не притекли к ним обратно, то им пришлось бы, во-первых, уплатить рабочим за их труд 100 ф. ст. деньгами и, во-вторых, даром отдать им продукт этого труда, предметы потребления на 100 ф. ст. Таким образом возвращение денег могло бы служить, самое большее, для объяснения, почему капиталисты не беднеют вследствие этой операции, но отнюдь не для объяснения, почему они ею обогащаются.

Конечно, другой вопрос, как у капиталистов оказываются эти 100 ф. ст. деньгами и почему рабочие вынуждены обменивать свою рабочую силу на эти 100 ф. ст. вместо того чтобы самим производить товары за собственный счет. Но это нечто такое, что для мыслителей такого калибра, как Дестют, понятно само собой.

Дестют сам не вполне удовлетворен этим решением. Он ведь не сказал нам, что обогащение происходит вследствие того, что расходуется денежная сумма в 100 ф. ст. и потом опять приходит денежная сумма в 100 ф. ст., т. е. происходит вследствие обратного притока 100 ф. ст. деньгами, который показывает лишь, почему 100 ф. ст. деньгами не утрачиваются. Он сказал нам, что капиталисты обогащаются, «продавая все производимое ими дороже, чем стоило им производство».

Итак, выходит, что капиталисты при своей сделке с рабочими должны обогащаться также благодаря тому, что они продают рабочим слишком дорого. Превосходно! «Они уплачивают заработную плату... и все это притекает к ним обратно вследствие расходов всех этих людей, которые платят за них» {за продукты} «дороже, чем они обошлись им» {капиталистам} «благодаря этой заработной плате» (стр. 240). Итак, капиталисты уплачивают рабочим 100 ф. ст. заработной платы, а потом продают рабочим собственный продукт последних за 120 ф. ст., так что к капиталистам не только притекают обратно эти 100 ф. ст., но они еще выигрывают 20 ф. ст.? Это невозможно. Рабочие могут уплатить лишь теми деньгами, которые они получили в форме заработной платы. Если они получили от капиталистов 100 ф. ст. заработной платы, то они могут купить лишь на 100 ф. ст., а не на 120 ф. ст. Значит, так дело не выходит. Но существует еще один путь. Рабочие покупают у капиталистов товара на 100 ф. ст., но в действительности получают товара стоимостью лишь на 80 ф. ст. Поэтому они безусловно обмануты на 20 ф. ст. А капиталист безусловно обогатился на 20 ф. ст.,

потому что он фактически оплатил рабочую силу ниже ее стоимости на 20%, или окольным путем сделал из номинальной заработной платы вычет размером в 20%.

Класс капиталистов достиг бы той же цели, если бы он с самого начала выдал рабочим заработную плату лишь в 80 ф. ст., а потом доставил бы им за эти 80 ф. ст. деньгами товарную стоимость действительно в 80 ф. ст. Таков повидимому — если рассматривать класс капиталистов в целом — нормальный путь, потому что, согласно самому господину Дестюту, рабочий класс должен получать «достаточную заработную плату» (стр. 219), так как этой заработной платы должно хватить по меньшей мере на то, чтобы поддержать его существование и работоспособность, «приобрести необходимейшие жизненные средства» (стр. 180). Если рабочие не получают такой достаточной платы, то, согласно тому же Дестюту, это — «смерть для промышленности» (стр. 208), следовательно, повидимому, это отнюдь не средство обогащения для капиталистов. Но какова бы ни была высота заработной платы, уплачиваемой классом капиталистов рабочему классу, она имеет определенную стоимость, напр. 80 ф. ст. Следовательно, если класс капиталистов уплачивает рабочим 80 ф. ст., то он должен доставить им за эти 80 ф. ст. товарную стоимость в 80 ф. ст., и потому возвращение этих 80 ф. ст. не обогащает его. Если же он уплачивает им деньгами 100 ф. ст. и продает за 100 ф. ст. товарную стоимость в 80 ф. ст., то он уплачивает им в деньгах на 25% больше, чем их нормальная заработная плата, но доставляет им за эти деньги на 25% меньше товара.

Другими словами: фонд, из которого класс капиталистов вообще извлекает свою прибыль, составлялся бы посредством вычета из нормальной заработной платы, посредством оплаты рабочей силы ниже ее стоимости, т. е. ниже стоимости жизненных средств, необходимых для нормального воспроизводства рабочей силы в виде наемных рабочих. Следовательно, если бы уплачивалась нормальная заработная плата, что, согласно Дестюту, и должно совершаться, то не существовало бы никакого фонда прибыли ни для промышленников, ни для праздных капиталистов.

Итак, всю тайну, каким образом обогащается класс капиталистов, господину Дестюту пришлось бы свести к следующему: посредством вычета из заработной платы. В таком случае не существует других фондов прибавочной стоимости, о которых он говорит под пунктами 1 и 3.

Итак, во всех странах, где денежная заработная плата рабочих сведена к стоимости предметов потребления, необходимых для их существования как класса, не существовало бы ни фонда потребления капиталистов, ни фонда накопления для них, значит не было бы также фонда существования класса капиталистов, а следовательно не было бы и класса капиталистов. Согласно Дестюту,

именно так оно и было бы во всех богатых, развитых странах старой цивилизации, потому что здесь, «в наших, пустивших старые корни, обществах, фонд, из которого покрывается заработная плата... почти постоянная величина» (стр. 202).

И при урезывании заработной платы обогащение капиталистов вытекает не из того, что они сначала уплачивают рабочему 100 ф. ст. деньгами, а потом доставляют ему за эти 100 ф. ст. деньгами 80 ф. ст. товарами, — следовательно 80 ф. ст. товара в сущности приводятся в обращение посредством денежной суммы в 100 ф. ст., на 25% большей, — но из того, что капиталист присваивает себе из продукта рабочего не только прибавочную стоимость — ту часть продукта, в которой выражается прибавочная стоимость, — но, кроме того, еще 25% той части продукта, которая в форме заработной платы должна была бы достаться рабочему. Таким нелепым способом, как представляется это Дестюту, класс капиталистов абсолютно ничего не выиграл бы. Он выдает рабочим 100 ф. ст. в качестве заработной платы и за эти 100 ф. ст. возвращает рабочему из собственного продукта последнего 80 ф. ст. товарной стоимости. Но при следующей операции он опять должен авансировать на ту же самую процедуру 100 ф. ст. Следовательно, он лишь отдается бесполезной забаве, авансируя 100 ф. ст. деньгами и доставляя за них 80 ф. ст. товарами, вместо того чтобы авансировать 80 ф. ст. деньгами и доставить за них 80 ф. ст. товарами. Т. е. он без всякой пользы постоянно авансирует для обращения своего переменного капитала на 25% больший денежный капитал, что представляет собою совершенно оригинальный метод обогащения.

3) Наконец, класс капиталистов продает «праздным капиталистам, которые уплачивают ему частью своего дохода, еще не израсходованной на наем рабочих, непосредственно нанимаемых ими; так что вся рента, которую он ежегодно уплачивает им (праздным), тем или иным способом притекает обратно к нему».

Раньше мы видели, что промышленные капиталисты «частью своих прибылей оплачивают всю ту часть их потребления, которая служит удовлетворению их потребностей». Итак, предположим, что их прибыли = 200 ф. ст. Пусть, напр., 100 ф. ст. уходят на их индивидуальное потребление. Но остальная половина = 100 ф. ст. принадлежит не им, а праздным капиталистам, т. е. получателям земельной ренты, и капиталистам, ссужающим под проценты. Итак, промышленные капиталисты должны уплачивать этой компании 100 ф. ст. деньгами. Из этих денег праздным капиталистам требуется, скажем, 80 ф. ст. на их собственное потребление и 20 ф. ст. на наем прислуги и пр. Итак, на эти 80 ф. ст. они покупают предметы потребления у промышленных капиталистов. Тем самым от последних удаляется продукт в 80 ф. ст., но в то же время к ним притекает обратно 80 ф. ст. деньгами, или $^4/_5$ тех

100 ф. ст., которые они уплатили праздным капиталистам под названием ренты, процента и т. д. Далее, класс прислуги, непосредственные наемные рабочие праздных капиталистов, получили от своих господ 20 ф. ст. Они покупают на них — тоже у промышленных капиталистов — предметы потребления на 20 ф. ст. Таким образом, в то время как от этих капиталистов удаляется продукт в 20 ф. ст., к ним притекают обратно 20 ф. ст. деньгами, или последняя пятая доля тех 100 ф. ст. деньгами, которые они уплатили праздным капиталистам в качестве ренты, процента и пр.

По окончании сделки оказывается, что 100 ф. ст. деньгами, которые промышленные капиталисты выдали на уплату ренты, процента и т. д. праздным капиталистам, возвратились к ним, между тем как половина их прибавочного продукта = 100 ф. ст. из их рук перешла в фонд потребления праздных капиталистов.

Итак, для вопроса, о котором здесь идет речь, очевидно совершенно излишне в том или ином виде вводить разделение этих 100 ф. ст. между праздными капиталистами и их непосредственными наемными рабочими. Дело просто: их ренты, проценты, короче, та доля, которая достается им из прибавочной стоимости = = 200 ф. ст., уплачивается им промышленными капиталистами в деньгах, в виде 100 ф. ст. На эти 100 ф. ст. они прямо или косвенно покупают предметы потребления у промышленных капиталистов. Следовательно, они уплачивают им обратно 100 ф. ст. деньгами и берут у них на 100 ф. ст. предметы потребления.

Таким образом совершилось возвращение 100 ф. ст. деньгами, уплаченных промышленными капиталистами праздным капиталистам. Является ли это возвращение денег, как фантазирует Дестют, средством обогащения промышленных капиталистов? До сделки у них была сумма стоимости в 200 ф. ст., — 100 ф. ст. в деньгах, 100 ф. ст. в предметах потребления. После сделки у них имеется лишь половина первоначальной суммы стоимости. У них опять имеются эти 100 ф. ст. деньгами, но они потеряли эти 100 ф. ст. в предметах потребления, которые перешли в руки праздных капиталистов. Следовательно, они сделались не богаче на 100 ф. ст., а беднее на 100 ф. ст. Если бы они вместо такого окольного пути, — сначала уплатить 100 ф. ст. деньгами, а потом получить эти 100 ф. ст. деньгами обратно в оплату 100 ф. ст. предметов потребления, — если бы они непосредственно уплатили ренту, процент и т. д. в натуральной форме своего продукта, то к ним не возвратилось бы из обращения никаких 100 ф. ст. деньгами, потому что они не бросили бы в обращение никаких 100 ф. ст. деньгами. При способе уплаты натурою дело представлялось бы просто так, что они из прибавочного продукта стоимостью в 200 ф. ст. одну половину удержали бы у себя, а другую половину отдали бы без эквивалента праздным капиталистам. Даже и Дестют не почувствовал бы искушения объявить это средством обогащения.

Конечно, земля и капитал, которые промышленные капиталисты позаимствовали у праздных капиталистов и за которые они должны уплатить последним часть прибавочной стоимости в форме земельной ренты, процента и т. д., были прибыльны для них, потому что это — одно из условий производства как продукта вообще, так и той части продукта, которая составляет прибавочный продукт или в которой выражается прибавочная стоимость. Эта прибыль вытекает из использования позаимствованных земли и капитала, а не из цены, которая уплачивается за них. Напротив, эта цена составляет вычет из прибыли. Иначе пришлось бы утверждать, что промышленные капиталисты стали бы не богаче, а беднее, если бы они могли удержать для самих себя и вторую половину прибавочной стоимости вместо того чтобы отдавать ее. Но такая путаница получается, когда явления обращения, как, напр., обратный приток денег, сваливают в одну кучу с распределением продукта, которое подобными явлениями обращения лишь опосредствуется.

И, однако, тот же Дестют столь хитроумен, что замечает: «Откуда получаются доходы этих праздных людей? Не получаются ли они из ренты, которую из своей прибыли уплачивают им люди, пускающие в дело капиталы первых, т. е. люди, оплачивающие из фонда первых труд, производящий более, чем он стоит, — словом, промышленники? Поэтому, чтобы открыть источник всякого богатства, всегда приходится возвращаться к ним. Это они в действительности питают рабочих, нанимаемых первыми» (стр. 246).

Итак, уплата ренты и т. д. теперь представляет собою вычет из прибыли промышленников. Раньше она была для них средством обогащения.

Но для нашего Дестюта все же осталось еще одно утешение. Эти бравые промышленники обходятся с праздными капиталистами так же, как друг с другом и с рабочими. Они продают им все товары дороже, напр., на 20%. Здесь возможны два случая. Кроме тех 100 ф. ст., которые ежегодно получаются от промышленников, праздные либо имеют иного рода денежные средства, либо не имеют таковых. В первом случае промышленники продают им свои товары стоимостью в 100 ф. ст., скажем, по цене в 120 ф. ст. Следовательно, при продаже товаров к ним возвращаются не только те 100 ф. ст., которые уплачены ими праздным, но, кроме того, приходят еще 20 ф. ст., составляющие для них действительно новую стоимость. Какой же вид принимает теперь счет? Они даром отдали товаров на 100 ф. ст., так как те 100 ф. ст. деньгами, которыми им отчасти заплатили, были их собственные деньги. Итак, их собственный товар оплачен им их собственными деньгами. Значит — 100 ф. ст. убытка. Но они получили, кроме того, 20 ф. ст. как излишек цены над стоимостью. Значит — 20 ф. ст. барыша; при 100 ф. ст. убытка получится 80 ф. ст. убытка, — все-таки будет минус, а не плюс. Надувательство, учиненное с праздными,

уменьшило убыток промышленников, но от этого убыль богатства не превратилась для них в средство обогащения. Но такой метод не может применяться в течение долгого времени, так как праздные не могут из года в год платить 120 ф. ст. деньгами, если они получают из года в год всего 100 ф. ст. деньгами.

Итак, другой способ: промышленники продают товар стоимостью в 80 ф. ст. за те 100 ф. ст. деньгами, которые они уплатили праздным. В этом случае, как и раньше, они даром отдают 80 ф. ст. в форме ренты, процента и т. д. Таким надувательством они уменьшили дань праздным, но она существует попрежнему, и, согласно той же теории, по которой цены зависят от доброй воли продавцов, праздные вместо прежних 100 ф. ст. могут впредь требовать 120 ф. ст. ренты, процентов и т. д. за свою землю и капитал.

Это блестящее исследование вполне достойно глубокого мыслителя, который на одной странице списывает у А. Смита, что «труд есть источник всякого богатства» (стр. 242), что промышленные капиталисты «применяют свой капитал, чтобы оплачивать труд, воспроизводящий его вместе с прибылью» (стр. 246), а на следующей странице делает вывод, что эти промышленные капиталисты «прокармливают всех остальных людей, что только они умножают общественное достояние и создают все наши средства наслаждений» (стр. 242), что не рабочие кормят капиталистов, а капиталисты рабочих, и это на том великолепном основании, что деньги, которыми оплачиваются рабочие, не остаются в их руках, а постоянно возвращаются к капиталистам в уплату за произведенные рабочими товары. «Они получают лишь одной рукой, а другой отдают обратно. Следовательно, их потребление следует рассматривать как порожденное теми, кто нанимает их» (стр. 235).

После столь исчерпывающего изображения того, как общественное воспроизводство и потребление опосредствуются денежным обращением, Дестют продолжает: «Вот чем завершается это perpetuum mobile богатства, — движением, которое, хотя оно и плохо понято» (mal connu — верно!), «по справедливости называется обращением; потому что оно действительно представляет собою кругооборот и постоянно возвращается к своему исходному пункту. Пункт этот — тот, где совершается производство» (стр. 239—240).

Дестют, этот весьма выдающийся писатель, член Института Франции и Философского общества в Филадельфии и действительно в некотором роде светило среди вульгарных экономистов, в заключение просит читателей подивиться той поразительной ясности, с которой он изобразил ход общественного процесса, тому потоку света, который он пролил на предмет, и обнаруживает даже такую снисходительность, что сообщает читателю, откуда исходит весь этот свет. Это следует воспроизвести в подлиннике:

«On remarquera, j'espère, combien cette manière de considérer la consommation de nos richesses est concordante avec tout ce que nous avons dit à propos de leur production et de leur distribution, et en même temps *quelle clarté elle répand sur toute la marche de la société*. D'où viennent cet accord et cette *lucidité?* De ce que nous avons rencontré la vérité. Cela rappelle l'effet de ces miroirs où les objets se peignent nettement et dans leurs justes proportions, quand on est placé dans leur vrai point de vue, et où tout paraît confus et désuni, quand on en est trop près ou trop loin» (стр. 242, 243) *.

Voilà le crétinisme bourgeois dans toute sa béatitude! [Вот буржуазный кретинизм во всей его красе!]

---

* «Надеюсь, что обратят внимание на то, насколько такой взгляд на потребление наших богатств согласуется со всем сказанным о их производстве и их распределении и в то же время, *какую ясность вносит он в рассмотрение всего хода общественной жизни*. Откуда берутся эта гармония и этот *свет?* Они берутся из открытой нами истины. Это напоминает нам те зеркала, которые точно и с сохранением пропорций между частями изображают все, что ставится перед ними в надлежащем месте, а все, что находится ближе или дальше этого места, спутывают и представляют расплывшимся». *Ред.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ[57].

НАКОПЛЕНИЕ И РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО.

В книге I было показано, как происходит накопление у отдельного капиталиста. Вследствие превращения в деньги товарного капитала превращается в деньги и прибавочный продукт, представляющий прибавочную стоимость. Эту прибавочную стоимость, превращенную таким образом в деньги, капиталист снова превращает в дополнительные натуральные элементы своего производительного капитала. При следующем кругообороте производства увеличенный капитал доставляет большее количество продукта. Но то, что происходит с индивидуальным капиталом, должно проявляться и во всем годовом воспроизводстве, совершенно подобно тому, что мы видели при рассмотрении простого воспроизводства, где — при индивидуальном капитале — последовательное осаждение его потребленных основных составных частей в виде денег, накопляемых как сокровище, находит себе выражение и в годовом общественном воспроизводстве.

Если индивидуальный капитал $= 400_c + 100_v$, а годовая прибавочная стоимость $= 100$, то товарный продукт $= 400_c + 100_v + 100_m$. Эти 600 превращаются в деньги. Из этих денег 400_c снова превращаются в натуральную форму постоянного капитала, 100_v — в рабочую силу и, если вся прибавочная стоимость накопляется, сверх того 100_m превращаются в добавочный постоянный капитал, обмениваясь на натуральные элементы производительного капитала. При этом предполагается: 1) что при данных технических условиях этой суммы достаточно как для увеличения функционирующего постоянного капитала, так и для создания нового промышленного предприятия. Но бывает и так, что необходимо в течение несравненно более продолжительного времени превращать прибавочную стоимость в деньги и сосредоточивать эти деньги в виде сокровища, прежде чем может осуществиться этот процесс, следовательно может начаться действительное накопление, расширение производства. 2) Предполагается, что по существу уже ранее совершилось расширение производства: для того

[57] Отсюда до конца рукопись VIII.

чтобы деньги (накопленную в виде денег прибавочную стоимость) можно было превратить в элементы производительного капитала, эти элементы должны уже продаваться на рынке как товары; при этом совершенно безразлично, если они не покупаются в виде готовых товаров, а изготовляются на заказ. Они оплачиваются лишь после того, как будут получены, и во всяком случае после того, как по отношению к ним уже произошло действительное воспроизводство в расширенных размерах, произошло расширение нормального до того времени производства. Они должны были существовать потенциально, т. е. в своих элементах, так как для того чтобы они действительно были произведены, требовался только толчок заказа, т. е. предшествующая существованию товара его покупка и предвосхищение его продажи. Деньги на одной стороне вызывают при этом расширенное воспроизводство на другой стороне потому, что возможность расширенного воспроизводства имеется уже *без* денег, так как деньги сами по себе не составляют элемента действительного воспроизводства.

Если, напр., капиталист *А* в продолжение одного года или нескольких лет продает последовательно производимые им количества товарного продукта, то тем самым он последовательно превращает в деньги и ту часть товарного продукта, в которой заключается прибавочная стоимость, — т. е. прибавочный продукт, — следовательно превращает в деньги самую прибавочную стоимость, произведенную им в товарной форме, мало-помалу накопляет деньги и таким образом образует новый потенциальный денежный капитал; это — потенциальный капитал в силу его способности и предназначения быть превращенным в элементы производительного капитала. Фактически же капиталист накопляет лишь простое сокровище, которое не представляет собою элемента действительного воспроизводства. При этом его деятельность состоит сначала только в последовательном извлечении из обращения обращающихся денег, причем, конечно, не исключена возможность того, что обращающиеся деньги, которые он, таким образом, держит под замком, перед тем как попасть в обращение, сами были частью другого сокровища. Это сокровище капиталиста *А*, потенциально являющееся новым денежным капиталом, в такой же мере не представляет собою дополнительного общественного богатства, как если бы эти деньги были израсходованы на предметы потребления. Но деньги, извлеченные из обращения, следовательно перед тем находившиеся в обращении, могли уже ранее лежать в виде сокровища, как составная часть его, или быть денежной формой заработной платы; они могли служить для превращения в деньги средств производства или других товаров, для обращения постоянной части капитала или дохода капиталиста. Они так же не представляют собою нового богатства, как деньги, рассматриваемые с точки зрения простого товарного обращения, являясь

носителем только своей наличной стоимости, не представляют десятикратной стоимости ввиду того, что они обернулись 10 раз в день, реализовали десять различных товарных стоимостей. Товары существуют без денег, и они сами остаются тем, чем они являются (или вследствие снашивания уменьшаются), одинаково при одном обороте или при десяти. Только в золотопромышленности создано новое богатство (потенциальные деньги), поскольку золотой продукт содержит в себе прибавочный продукт, являющийся носителем прибавочной стоимости, и лишь поскольку весь новый денежный продукт вступает в обращение, он увеличивает денежный материал потенциальных новых денежных капиталов.

Не являясь дополнительным новым общественным богатством, эта накопленная в форме денег прибавочная стоимость представляет, однако, новый потенциальный денежный капитал вследствие той функции, для которой она накопляется. (Впоследствии мы увидим, что новый денежный капитал может возникнуть и иным путем, кроме постепенного превращения прибавочной стоимости в деньги.)

Деньги извлекаются из обращения и накопляются в виде сокровища посредством продажи товара, за которой не следует купля. Следовательно, если представить себе, что эта операция имеет всеобщий характер, то, повидимому, нельзя понять, откуда возьмутся покупатели, так как в этом процессе, — а его следует представлять себе всеобщим, потому что каждый индивидуальный капитал может находиться в стадии накопления, — все желают продавать для накопления сокровища, никто не хочет покупать.

Если представить себе, что процесс обращения между различными частями годового воспроизводства протекает как бы по прямой линии, — что неверно, так как, за немногими исключениями, он всегда состоит из взаимно противоположных движений, — то придется начать с производителя золота (соответственно — серебра), который покупает, не продавая, и предположить, что все другие продают ему. В таком случае весь годовой общественный прибавочный продукт (представляющий собою всю прибавочную стоимость) перешел бы к нему, а все другие капиталисты pro rata распределили бы между собой его прибавочный продукт, от природы существующий в виде денег, представляющий естественное воплощение в золоте его прибавочной стоимости; потому что часть продукта золотопромышленника, которая должна возместить его функционирующий капитал, уже связана и использована соответствующим образом. Произведенная в виде золота прибавочная стоимость золотопромышленника была бы в таком случае единственным фондом, из которого все остальные капиталисты получали бы материал для превращения в деньги своего годового прибавочного продукта. Следовательно, по величине стоимости она должна была бы равняться всей общественной годовой приба-

вочной стоимости, которой еще только предстоит превратиться в куколку — в форму сокровища. При всей своей нелепости такие предположения и ничего не дали бы нам, кроме того, что объяснили бы возможность всеобщего одновременного образования сокровищ, причем самое воспроизводство, за исключением воспроизводства у золотопромышленников, не подвинулось бы ни на шаг далее.

Прежде чем разрешить это кажущееся затруднение, мы должны разграничить накопление в подразделении I (производство средств производства) и в подразделении II (производство предметов потребления). Мы начнем с подразделения I.

I. НАКОПЛЕНИЕ В ПОДРАЗДЕЛЕНИИ I.

1) Образование сокровища.

Ясно, что как капиталы, вложенные в многочисленных отраслях промышленности, составляющих I подразделение, так и различные индивидуальные капиталы в каждой из этих отраслей промышленности, в зависимости от их возраста, т. е. от продолжительности их уже истекшего функционирования, — мы совершенно оставляем в стороне их величину, технические условия, условия рынка и т. д., — что эти капиталы находятся на различных ступенях процесса последовательного превращения прибавочной стоимости в потенциальный денежный капитал, для какой бы из двух форм расширения производства ни послужил впоследствии этот денежный капитал: для увеличения ли функционирующего капитала или для создания новых промышленных предприятий. Поэтому одна часть капиталистов постоянно превращает свой потенциальный денежный капитал, возросший до соответствующей величины, в производительный капитал, т. е. на деньги, накопленные путем превращения в деньги прибавочной стоимости, покупает средства производства, добавочные элементы постоянного капитала; между тем другая часть капиталистов еще занята накоплением своего потенциального денежного капитала. Следовательно, капиталисты этих двух категорий противостоят друг другу: одни как покупатели, другие как продавцы, и притом каждый, принадлежащий к одной из двух категорий, выступает исключительно в одной из этих ролей.

Например, *A* продает *B* (который может представлять и нескольких покупателей) 600 ($= 400_c + 100_v + 100_m$). Он продал товаров на 600, за 600 деньгами, из которых 100 представляют прибавочную стоимость; эти 100 он извлекает из обращения, копит их как деньги; но эти 100 деньгами представляют собою лишь денежную форму прибавочного продукта, который был носителем стоимости величиной в 100. Вообще образование сокровища — вовсе не производство, а следовательно, прежде всего, и не приращение

производства. Деятельность капиталиста при этом состоит исключительно в том, что он извлекает из обращения, удерживает у себя и сохраняет неприкосновенными деньги, вырученные от продажи прибавочного продукта в 100. Эта операция происходит не только у *A*, — она совершается во множестве пунктов на периферии обращения и у других капиталистов: *A'*, *A''*, *A'''*; все они с таким же усердием работают над такого рода образованием сокровища. Эти многочисленные пункты, в которых деньги изъемлются из обращения и накопляются в виде многочисленных индивидуальных сокровищ, соответственно в виде потенциальных денежных капиталов, представляются столь же многочисленными помехами для обращения, потому что они иммобилизуют деньги и на более или менее продолжительное время лишают их способности обращаться. Но следует принять во внимание, что образование сокровищ происходит уже при простом товарном обращении, задолго до того, как это обращение начинает совершаться на основе капиталистического товарного производства; и количество денег, имеющееся в обществе, всегда больше той части их, которая находится в активном обращении, хотя эта последняя в зависимости от обстоятельств то увеличивается, то уменьшается. Здесь мы опять встречаем такие же сокровища и такое же образование сокровищ, но на этот раз уже как момент, присущий капиталистическому процессу производства.

Можно понять удовольствие, когда при системе кредита все эти потенциальные капиталы, благодаря концентрации их в руках банков и т. д., становятся капиталом, которым можно располагать, «loanable capital» [ссудным капиталом], денежным капиталом, притом уже не пассивным, не музыкой будущего, а активным, ростовщическим капиталом (здесь ростовщический в смысле роста).

Но *A* создает такие сокровища лишь постольку, поскольку он — по отношению к своему прибавочному продукту — выступает только как продавец, не выступая затем в качестве покупателя. Таким образом последовательное производство прибавочного продукта — носителя его прибавочной стоимости, которая должна быть превращена в деньги, — является предпосылкой образования его сокровища. В данном случае, где мы рассматриваем обращение только в пределах I подразделения, натуральная форма прибавочного продукта, как и всего продукта, часть которого составляет прибавочный продукт, является натуральной формой одного из элементов постоянного капитала I, т. е. принадлежит к такой категории, как средства производства средств производства. Что из этого получается, т. е. для какой функции они служат в руках покупателей *B*, *B'*, *B''* и т. д., это мы сейчас увидим.

Но прежде всего мы должны запомнить следующее: хотя *A* на свою прибавочную стоимость извлекает деньги из обращения и копит их как сокровище, он, с другой стороны, бросает в обра-

щение товары, не извлекая за них других товаров, вследствие чего *B*, *B'*, *B''* и т. д., в свою очередь, могут вносить в обращение деньги и взамен их извлекать из него только товар. В данном случае этот товар и по своей натуральной форме и по своему назначению входит как основной или оборотный элемент в постоянный капитал *B*, *B'* и т. д. О последнем мы будем говорить подробнее, когда будем иметь дело с покупателями прибавочного продукта, *B*, *B'* и т. д.

Между прочим, отметим здесь следующее. Как и раньше, при исследовании простого воспроизводства, мы здесь снова находим, что обмен различных составных частей годового продукта, т. е. их обращение (которое должно охватывать в то же время и воспроизводство капитала и при этом его восстановление в различных его формах: постоянного, переменного, основного, оборотного, денежного капитала и товарного капитала), предполагает отнюдь не просто куплю товара, дополняемую последующей продажей, или продажу, дополняемую последующей куплей, так что фактически происходил бы только обмен одного товара на другой, как это принимает политическая экономия, именно фритредерская школа со времен физиократов и Адама Смита. Мы знаем, что основной капитал, раз затрата на него сделана, после того не возобновляется в продолжение всего времени своего функционирования, а продолжает действовать в старой форме, между тем как его стоимость постепенно осаждается в виде денег. Мы видели, что периодическое возобновление ⟨основной составной части капитала, напр. постоянного капитала⟩ II_c (а вся капитальная стоимость II_c обменивается на элементы стоимостью в $I_{(v+m)}$), предполагает, с одной стороны, *простую куплю* основной части II_c, которая превращается из денежной формы в натуральную форму, причем этой купле соответствует простая продажа I_m; с другой стороны, оно предполагает *простую продажу* со стороны II_c, продажу той основной части его стоимости (стоимости сношенной части), которая осаждается в виде денег, причем этой продаже соответствует простая купля I_m. Для того чтобы обмен совершался в этом случае нормально, необходимо предположить, что простая купля со стороны II_c по величине стоимости равна простой продаже со стороны II_c, равно как простая продажа I_m II-му$_c$, части 1, равна простой купле II_c, части 2 (стр. 465). Иначе простое воспроизводство будет нарушено; простая купля на одной стороне должна покрываться простой продажей на другой. Точно так же здесь необходимо предположить, что простая продажа части I_m, образующей сокровище для *A*, *A'*, *A''*, уравновешивается простой куплей части I_m со стороны *B*, *B'*, *B''*, которые превращают свое

сокровище в элементы дополнительного производительного капитала.

Поскольку равновесие восстанавливается благодаря тому, что покупатель выступает впоследствии как продавец на такую же сумму стоимости и обратно, постольку происходит возвращение денег к той стороне, которая авансировала их при купле и продала раньше, чем купить. Действительное же равновесие в самом обмене товаров, в обмене различных частей годового продукта, обусловливается равенством величины стоимости взаимно обмениваемых товаров.

Но поскольку происходят лишь односторонние обмены, масса простых покупок, с одной стороны, масса простых продаж, с другой, — а мы видели, что нормальный обмен годового продукта на капиталистической основе обусловливает такие односторонние метаморфозы, — постольку равновесие осуществляется лишь при том предположении, что сумма стоимости односторонних покупок и сумма стоимости односторонних продаж покрывают друг друга. Тот факт, что товарное производство является общей формой капиталистического производства, уже заключает в себе ту роль, которую играют в нем деньги не только как средство обращения, но и как денежный капитал, и создает известные, свойственные этому способу производства условия нормального обмена, следовательно нормального хода воспроизводства как простого, так и в расширенном масштабе, — условия, которые превращаются в столь же многочисленные условия ненормального хода воспроизводства, в столь же многочисленные возможности кризисов, так как равновесие — при стихийном характере этого производства — само является случайностью.

Точно так же мы видели, что при обмене I_v на соответствующую сумму стоимости II_c, именно для II_c, в конце концов совершается возмещение товара II равной суммой стоимости товара I, и, следовательно, совокупный капиталист II подразделения впоследствии дополняет продажу собственного товара покупкой товара I на такую же сумму стоимости. Такое возмещение происходит, однако, между самими капиталистами I и II подразделения; при этом превращении их товаров не происходит обмена. II_c продает свои товары рабочим I подразделения; последние противостоят ему односторонне как покупатели товаров, а II_c противостоит рабочим односторонне как продавец товаров; с деньгами, вырученными таким образом, II_c противостоит совокупному капиталисту I подразделения односторонне как покупатель товаров, а I односторонне противостоит ему как продавец товаров на сумму I_v. Только посредством этой продажи товаров I подразделение в конце концов воспроизводит свой переменный капитал снова в форме денежного капитала. Если капитал I противостоит капиталу II односторонне как продавец товара на сумму I_v, то рабочим

I подразделения он односторонне противостоит как покупатель товаров, покупающий их рабочую силу; и если рабочие I подразделения противостоят капиталисту II односторонне как покупатели товара (именно как покупатели жизненных средств), то капиталисту I они противостоят односторонне как продавцы товара, именно как продавцы своей рабочей силы.

Постоянное предложение рабочей силы со стороны рабочих I подразделения, обратное превращение части товарного капитала I в денежную форму переменного капитала I, возмещение части товарного капитала II натуральными элементами постоянного капитала II_c — все эти необходимые предпосылки ⟨воспроизводства⟩ взаимно обусловливают друг друга, но опосредствуются очень сложным процессом, который заключает в себе три процесса обращения, совершающихся независимо один от другого, но переплетающихся между собою. Самая многосложность процесса дает столь же многочисленные основания для его ненормального хода.

2) Дополнительный постоянный капитал.

Прибавочный продукт, носитель прибавочной стоимости, ничего не стоит капиталистам I, его присвоителям. Им ни в какой форме не приходится авансировать ни денег, ни товаров, чтобы получить его. Авансирование (avance) уже у физиократов является всеобщей формой стоимости, овеществленной в элементах производительного капитала. Следовательно, авансируют они только свой постоянный и переменный капитал. Своим трудом рабочий не только сохраняет им постоянный капитал, он не только возмещает им переменную капитальную стоимость посредством соответствующей вновь созданной части стоимости в форме товара: своим прибавочным трудом он, кроме того, доставляет им прибавочную стоимость, существующую в форме прибавочного продукта. Последовательно продавая этот прибавочный продукт, они образуют сокровище, дополнительный потенциальный денежный капитал. В рассматриваемом здесь случае этот прибавочный продукт с самого начала состоит из средств производства средств производства. Только в руках *B*, *B'*, *B''* и т. д. (I) этот прибавочный продукт функционирует как дополнительный, постоянный капитал; но потенциально он является таковым раньше, чем будет продан, уже в руках *A*, *A'*, *A''* (I), которые накопляют сокровище. Пока мы рассматриваем только размер стоимости воспроизводства на стороне I, мы находимся еще в пределах простого воспроизводства, потому что никакой дополнительный капитал не приведен в движение для того чтобы создать этот потенциальный дополнительный постоянный капитал (прибавочный продукт), не приведено в движение и большего количества прибавочного труда, чем то, которое затрачивалось на основе простого воспроизводства.

Различие здесь заключается только в форме применяемого прибавочного труда, в конкретной природе его особенного полезного характера. Он был израсходован на средства производства для I_c вместо II_c, на средства производства средств производства, а не на средства производства предметов потребления. При простом воспроизводстве предполагалось, что вся прибавочная стоимость I расходуется как доход, следовательно на товары II; следовательно, она состояла лишь из таких средств производства, которые должны были возместить постоянный капитал II_c в его натуральной форме. Таким образом для того чтобы произошел переход от простого к расширенному воспроизводству, производство подразделения I должно быть в состоянии создавать менее элементов постоянного капитала для II, но в той же мере более для I. Этот переход, не всегда совершающийся без затруднения, облегчается тем фактом, что некоторые продукты I могут служить средствами производства в обоих подразделениях.

Из этого следует, — если рассматривать вопрос только со стороны величины стоимости, — что в рамках простого воспроизводства создается материальный субстрат расширенного воспроизводства. Таковым является просто прибавочный труд рабочих I подразделения, израсходованный непосредственно на производство средств производства, на создание потенциального дополнительного капитала I. Следовательно, образование потенциального дополнительного денежного капитала на стороне *A*, *A′*, *A″* (I) — путем последовательной продажи их прибавочного продукта, который образуется без всякой капиталистической затраты денег, — представляет собою здесь просто денежную форму дополнительно произведенных средств производства I.

Итак, производство потенциального дополнительного ⟨денежного⟩ капитала в нашем случае (потому что, как мы увидим, он может образоваться и совершенно иначе) выражает не что иное, как явление самого процесса производства: это — производство в определенной форме, — производство элементов производительного капитала.

Следовательно, производство дополнительного потенциального денежного капитала в крупном масштабе — во множестве пунктов на периферии обращения — есть не что иное, как результат и выражение многостороннего производства потенциального дополнительного производительного капитала, самое возникновение которого не предполагает никаких дополнительных денежных расходов со стороны промышленных капиталистов.

Последовательное превращение со стороны *A*, *A′*, *A″* и т. д. (I) этого потенциального дополнительного производительного капитала в потенциальный денежный капитал (в сокровище), превращение, обусловливаемое последовательной продажей прибавочного продукта, *A*, *A′*, *A″*, — следовательно, повторной

односторонней продажей товара без дополняющей ее купли, — совершается посредством повторного извлечения из обращения денег и соответственного образования сокровища. Такое образование сокровища, — исключая тот случай, когда покупателем является золотопромышленник, — отнюдь не предполагает дополнительного богатства в виде благородных металлов, а только изменение функции обращавшихся до того времени денег. До этого они функционировали как средства обращения, теперь они функционируют как сокровище, как образующийся потенциально новый денежный капитал. Следовательно, образование дополнительного денежного капитала и количество имеющегося в стране благородного металла не стоят ни в какой причинной связи между собой.

Из этого следует далее: чем больше производительный капитал, уже функционирующий в данной стране (считая и присоединяемую к нему рабочую силу, производительницу прибавочного продукта), чем более развита производительная сила труда, а тем самым и технические средства для быстрого расширения производства средств производства и, следовательно, чем больше масса прибавочного продукта как по своей стоимости, так и по количеству потребительных стоимостей, в которых он выражен, тем больше:

1) потенциально дополнительный производительный капитал в форме прибавочного продукта в руках *A*, *A′*, *A″* и т. д. и

2) масса этого прибавочного продукта, превращенного в деньги, следовательно потенциально дополнительного денежного капитала в руках *A*, *A′*, *A″*. Таким образом, если, напр. Фуллартон не хочет и слышать о перепроизводстве в обычном смысле, но признает перепроизводство капитала, именно денежного капитала, то это еще раз доказывает, что даже лучшие буржуазные экономисты абсолютно ничего не понимают в механизме своей системы.

Если прибавочный продукт, непосредственно производимый и присваиваемый капиталистами *A*, *A′*, *A″* (I), является реальным базисом действительного накопления капитала, т. е. расширенного воспроизводства, хотя он в такой роли будет активно функционировать лишь в руках *B*, *B′*, *B″* и т. д. (I), — то, напротив, в своей денежной куколке, — в качестве сокровища, как постепенно еще только образующийся потенциальный денежный капитал, — он абсолютно непроизводителен и хотя движется в этой форме параллельно процессу производства, но лежит вне его. Он является мертвым грузом (dead weight) капиталистического производства. Жажда использовать в целях получения прибыли и дохода эту прибавочную стоимость, накопляемую в форме сокровища, в виде потенциального денежного капитала, находит себе удовлетворение в кредитной системе и в «бумажках». Благодаря этому денежный капитал в иной форме приобретает огромное

влияние на ход и мощное развитие капиталистической системы производства.

Количество прибавочного продукта, превращенного в потенциальный денежный капитал, будет тем больше, чем больше была общая сумма уже функционирующего капитала, от функционирования которого возник этот продукт. Но при абсолютном увеличении размеров ежегодно воспроизводимого потенциального денежного капитала становится также более легкой его сегментация, так что он скорее может быть вложен в особое предприятие, находящееся в руках того ли самого капиталиста или другого (напр., членов его семьи, при разделе наследства и т. д.). Сегментация денежного капитала здесь понимается в том смысле, что он совершенно отделяется от первоначального капитала для того чтобы в качестве нового денежного капитала найти помещение в новом самостоятельном предприятии.

Если продавцы прибавочного продукта *A*, *A'*, *A''* и т. д. (I) получили его как непосредственный результат процесса производства, который, помимо авансирования на постоянный и переменный капитал, требующегося и при простом воспроизводстве, не требует дальнейших актов обращения; если они, далее, создают таким образом реальный базис для воспроизводства в расширенном масштабе и в действительности производят потенциально дополнительный капитал, то, напротив, положение *B*, *B'*, *B''* и т. д. (I) иное. 1) Только в их руках прибавочный продукт *A*, *A'*, *A''* и т. д. будет функционировать активно как дополнительный постоянный капитал (другой элемент производительного капитала, дополнительную рабочую силу, следовательно дополнительный переменный капитал, мы пока оставляем в стороне); 2) для того чтобы прибавочный продукт попал в их руки, требуется акт обращения. Они должны купить этот прибавочный продукт.

К пункту 1) здесь следует заметить, что бо̀льшая часть прибавочного продукта (потенциально дополнительного постоянного капитала), произведенного *A*, *A'*, *A''* (I), хотя она произведена в текущем году, но может активно функционировать как промышленный капитал в руках *B*, *B'*, *B''* (I) только в следующем году или даже позднее; к пункту 2) является вопрос, откуда берутся деньги, необходимые для процесса обращения.

Поскольку продукты, производимые *B*, *B'*, *B''* и т. д. (I), сами снова входят in natura в тот же самый процесс производства, само собой понятно, что pro tanto часть их собственного прибавочного продукта прямо (без посредства обращения) переносится в их производительный капитал и входит в него как дополнительный элемент постоянного капитала. Но pro tanto они не содействуют и превращению в деньги прибавочного продукта *A*, *A'* и т. д. (I). Оставляя это в стороне, откуда же берутся деньги? Мы знаем, что *B*, *B'*, *B''* и т. д. (I) образовали свое сокровище как *A*, *A'* и т. д.

путем продажи соответственных прибавочных продуктов и теперь достигли момента, когда их накопленный в виде сокровища лишь потенциальный денежный капитал должен действительно начать функционировать как дополнительный денежный капитал. Но так мы ходим лишь вокруг да около. Попрежнему остается вопросом, откуда берутся деньги, которые ранее извлечены из обращения и накоплены капиталистами *B* (I).

Однако уже из исследования простого воспроизводства мы знаем, что в руках капиталистов I и II должно находиться известное количество денег для того чтобы совершилось превращение их прибавочного продукта. Деньги, служившие только как доход для расходования на предметы потребления, возвращались там обратно к капиталистам в той мере, в какой капиталисты авансировали их для обмена своих соответственных товаров; здесь опять появляются те же самые деньги, но их функция изменилась. Капиталисты *A* и *B* (I) попеременно доставляют деньги для превращения прибавочного продукта в дополнительный потенциальный денежный капитал и попеременно снова пускают в обращение вновь образованный денежный капитал как покупательное средство.

Единственное предположение при этом заключается в том, что количество имеющихся в стране денег (быстрота обращения и пр. предполагается неизменной) достаточно как для активного обращения, так и для образования запасного сокровища; следовательно, то же самое предположение, которое, как мы видели, должно найти осуществление и при простом товарном обращении. Только функция сокровища здесь иная. Кроме того, количество наличных денег должно быть больше: 1) потому что при капиталистическом производстве всякий продукт производится как товар, следовательно должен проделать превращение в денежную куколку (исключение составляют вновь производимые благородные металлы и немногие продукты, потребляемые самим производителем); 2) потому что на капиталистической основе масса товарного капитала и величина его стоимости не только абсолютно больше, но и возрастает с несравненно большей быстротой; 3) все увеличивающийся переменный капитал постоянно должен превращаться в денежный капитал; 4) потому что образование новых денежных капиталов идет в ногу с расширением производства, следовательно должен быть налицо и материал для их накопления в форме сокровища. — Если это во всяком случае имеет значение для первой фазы капиталистического производства, когда даже система кредита сопровождается преимущественно металлическим обращением, то и для наиболее развитой фазы кредитной системы это сохраняет значение, поскольку ее базисом остается металлическое обращение. С одной стороны, дополнительное производство благородных металлов, поскольку оно попеременно оказывается то богаче, то скуднее, может производить нарушения в товарных

ценах не только на сравнительно продолжительные, но и на очень короткие периоды времени; с другой стороны, весь механизм кредита постоянно направлен к тому, чтобы при помощи всевозможных операций, приемов, технических приспособлений свести действительное металлическое обращение к относительно все уменьшающемуся минимуму, благодаря чему соответственно возрастает искусственность всего механизма и увеличиваются шансы нарушений его нормального хода.

Различные B, B', B'' и т. д. (I), потенциальный новый денежный капитал которых вступает в действие, могут покупать друг у друга и продавать друг другу свои продукты (части своего прибавочного продукта). При нормальном ходе дела деньги, авансированные на обращение прибавочного продукта, pro tanto возвращаются к различным B в такой же пропорции, в какой каждый из них авансировал эти деньги на обращение своих соответствующих товаров. Если деньги обращаются как средство платежа, то приходится уплачивать только разницу в платежах, поскольку взаимные покупки и продажи не покрывают друг друга. Но важно всюду, как это мы делаем здесь, предположить сначала металлическое обращение в его простейшей, самой первоначальной форме, потому что благодаря этому прилив и отлив денег, покрытие разницы, короче, все моменты, которые при кредитной системе представляются сознательно урегулированными процессами, здесь выступают как существующие независимо от кредитной системы, и все дело является в своей еще неразвитой форме, а не в позднейшей отраженной.

3) Дополнительный переменный капитал.

Теперь мы обратимся к рассмотрению дополнительного переменного капитала, так как до сих пор у нас шла речь только о дополнительном постоянном капитале.

В книге I было подробно изложено, каким образом на основе капиталистического производства рабочая сила всегда имеется в запасе и каким образом в случае необходимости можно привести в движение больше труда без увеличения числа занятых рабочих или количества рабочей силы. Поэтому теперь нет необходимости долее останавливаться на этом; мы должны, напротив, предположить, что часть вновь образовавшегося денежного капитала, превращаемая в переменный капитал, всегда находит рабочую силу, в которую она должна превратиться. Точно так же в книге I было изложено, как данный капитал может без накопления расширять в известных границах размеры своего производства. Но здесь идет речь о накоплении капитала в специфическом смысле, так что расширение производства обусловлено превращением прибавоч-

ной стоимости в дополнительный капитал, следовательно также увеличением капитала, представляющего основу производства.

Золотопромышленник может накоплять некоторую часть своей золотой прибавочной стоимости как потенциальный денежный капитал; как только эта часть достигнет необходимой величины, он может непосредственно превратить ее в новый переменный капитал, для этого ему не приходится предварительно продавать свой прибавочный продукт; точно так же он может превратить эту часть в элементы постоянного капитала. Однако в последнем случае он должен найти эти вещные элементы своего постоянного капитала, причем безразлично, работает ли каждый производитель, как мы предполагали в предыдущем изложении, про запас, а затем выносит свои готовые товары на рынок, или же он работает на заказ. В обоих случаях предполагается реальное расширение производства, т. е. предполагается прибавочный продукт, который в первом случае действительно имеется налицо, а во втором случае существует потенциально, может быть доставлен.

II. НАКОПЛЕНИЕ В ПОДРАЗДЕЛЕНИИ II.

До сих пор мы предполагали, что *A*, *A'*, *A''* (I) продают свой прибавочный продукт *B*, *B'*, *B''* и т. д., принадлежащим к тому же подразделению I. Но положим, что *A* (I) превращает в деньги свой прибавочный продукт, продавая его *B* из подразделения II. Это может произойти лишь вследствие того, что *A* (I), продав *B* (II) средства производства, не покупает затем предметов потребления, следовательно лишь вследствие односторонней продажи с его стороны. Если II_c из формы товарного капитала превращается в натуральную форму производительного постоянного капитала лишь благодаря тому, что не только I_v, но, по крайней мере, и некоторая часть I_m обменивается на некоторую часть II_c, существующего в форме предметов потребления; теперь же *A* превращает в деньги свое I_m только благодаря тому, что этот обмен не совершается, а, напротив, наш *A* деньги, вырученные от II посредством продажи своего I_m, извлекает из обращения вместо того чтобы употребить их на покупку предметов потребления II_c, — то хотя на стороне *A* (I) происходит образование дополнительного потенциального денежного капитала, но на другой стороне оказывается закрепленной в форме товарного капитала равная по величине стоимости часть постоянного капитала *B* (II), которая не может превратиться в натуральную форму производительного постоянного капитала. Другими словами: часть товаров *B* (II), и притом prima facie та часть, без продажи которой *B* (II) не может превратить весь свой постоянный капитал снова в производительную форму, не находит себе сбыта; поэтому в отношении к этой части имеет место перепроизводство, которое в отношении

опять-таки к этой части затрудняет воспроизводство даже в неизменном масштабе.

Итак, хотя в этом случае дополнительный потенциальный денежный капитал на стороне *А* (I) и представляет собою прибавочный продукт (прибавочную стоимость), принявший форму денег, но прибавочный продукт (прибавочная стоимость), рассматриваемый как таковой, представляет собою в данном случае явление простого воспроизводства, но еще не воспроизводства в расширенном масштабе. $I_{(v+m)}$, — для которого сказанное во всяком случае относится к некоторой части *m*, — в конце концов должно быть обменено на II_c, чтобы воспроизводство II_c могло совершаться в неизменных размерах. *А* (I), продав *В* (II) свой прибавочный продукт, доставил для *В* (II) соответственную часть стоимости постоянного капитала в натуральной форме, но вместе с тем, извлекая деньги из обращения и не дополняя своей продажи последующей куплей, он сделал невозможной продажу части товаров *В* (II) равной стоимости. Следовательно, если мы имеем в виду все общественное воспроизводство, в равной мере охватывающее капиталистов I и II подразделений, то превращение прибавочного продукта *А* (I) в потенциальный денежный капитал выражает невозможность обратного превращения в производительный (постоянный) капитал для товарного капитала *В* (II), равного по величине стоимости; следовательно, выражает не возможность производства в расширенном масштабе, а нарушение простого воспроизводства, следовательно дефицит в простом воспроизводстве. Так как образование прибавочного продукта *А* (I) и его продажа сами представляют собою нормальные явления простого воспроизводства, то мы имеем здесь уже на основе простого воспроизводства следующие взаимно обусловливаемые явления: образование потенциально дополнительного денежного капитала в I (поэтому недопотребление с точки зрения II); задержка во II товарных запасов, которые не могут быть обратно превращены в производительный капитал (следовательно, относительное перепроизводство во II); избыток денежного капитала в I и дефицит в воспроизводстве во II.

Не останавливаясь на этом пункте долее, мы заметим лишь следующее: при изображении простого воспроизводства предполагалось, что вся прибавочная стоимость I и II подразделений расходуется как доход. Но в действительности одна часть прибавочной стоимости расходуется как доход, а другая часть превращается в капитал. Только при таком предположении происходит действительное накопление. Предположение, будто накопление совершается за счет потребления, понимаемое в такой общей форме, само по себе представляет иллюзию, противоречащую сущности капиталистического производства, так как при этом подразумевается, что целью и побудительным мотивом последнего слу-

жит потребление, а не получение прибавочной стоимости и ее капитализация, т. е. накопление.

Рассмотрим теперь несколько ближе накопление в подразделении II.

Первое затруднение в отношении II_c, т. е. его обратного превращения из составной части товарного капитала II в натуральную форму постоянного капитала II, касается простого воспроизводства. Возьмем прежнюю схему:

(1000_v+1000_m) I обмениваются на
2000 II_c.

Если, напр., половина прибавочного продукта I, следовательно $\frac{1000}{2}m$, или 500 I_m, снова включается как постоянный капитал в подразделение I, то эта часть прибавочного продукта, удержанная в I, не может возместить ни одной части II_c. Вместо того чтобы превратиться в предметы потребления (а здесь в этом подразделении обращения, — в отличие от возмещения 1000 II_c посредством 1000 I_v, совершаемого при посредстве рабочих I, — между I и II происходит действительный взаимный обмен, следовательно двустороннее перемещение товаров), эта часть должна послужить в качестве дополнительных средств производства в самом I. Она не может выполнять этой функции одновременно в I и II. Капиталист не может расходовать стоимость своего прибавочного продукта на предметы потребления и в то же время производительно потреблять самый прибавочный продукт, т. е. присоединять его к своему производительному капиталу. Итак, вместо 2000 $I_{(v+m)}$ в обмен на 2000 II_c поступают только 1500, именно (1000_v+500_m) I; следовательно 500 II_c не могут превратиться из своей товарной формы в производительный (постоянный) капитал II. Таким образом во II произошло бы перепроизводство, по своему размеру точно соответствующее размерам расширения производства, совершившегося в I. Возможно, что перепроизводство во II настолько сильно отразится на I, что даже 1000, израсходованные рабочими I подразделения на предметы потребления II, возвратятся обратно только отчасти, следовательно эти 1000 не возвратятся в форме переменного денежного капитала в руки капиталистов I. Для этих последних даже воспроизводство в прежнем масштабе оказалось бы затрудненным, и притом вследствие одной только попытки его расширения. При этом следует принять во внимание, что фактически в I произошло лишь простое воспроизводство и что элементы его, как они представлены в нашей схеме, только

сгруппированы иначе в целях его будущего расширения, напр., в следующем году.

Можно было бы попытаться обойти это затруднение таким образом: 500 II_c, которые лежат на складе у капиталистов и которые не могут быть непосредственно превращены в производительный капитал, совсем не знаменуют перепроизводства, а, наоборот, представляют необходимый элемент воспроизводства, который мы до сих пор не принимали во внимание. Мы видели, что денежный запас должен накопляться во многих пунктах, следовательно деньги должны извлекаться из обращения отчасти для того чтобы стало возможным образование нового денежного капитала в самом I, отчасти для того чтобы стоимость постепенно потребляемого основного капитала некоторое время удерживалась в денежной форме. Но так как при построении схемы предполагается, что все деньги и все товары с самого начала находятся исключительно в руках капиталистов I и II, и так как при этом не существует ни купцов, ни торговцев деньгами, ни банкиров, ни таких классов, которые только потребляют и не принимают непосредственного участия в производстве товаров, то для того чтобы механизм воспроизводства всегда был в ходу, здесь необходимо постоянное образование товарных запасов у самих соответственных производителей. Следовательно, 500 II_c, лежащие на складах капиталистов II, представляют товарный запас предметов потребления, который обеспечивает непрерывность процесса потребления, предполагаемого воспроизводством, следовательно в данном случае обеспечивает переход от одного года к другому. Фонд потребления, который при этом находится еще в руках его продавцов и вместе с тем производителей, не может в данном году сократиться до нуля, так, чтобы следующий год начался с нуля, — совершенно так же, как это невозможно при переходе от нынешнего дня к завтрашнему. Так как такие товарные запасы должны постоянно образовываться вновь, хотя размеры их изменяются, то наши капиталистические производители II должны располагать запасным денежным капиталом, который давал бы им возможность непрерывно продолжать процесс производства, хотя бы часть их производительного капитала временно задерживалась в товарной форме. Ведь по предположению они соединяют в своих руках все дело торговли с делом производства; следовательно, они должны располагать и таким дополнительным денежным капиталом, который при обособлении отдельных функций процесса воспроизводства в качестве функций различных категорий капиталистов будет находиться в руках торговцев.

На это можно возразить следующее: 1) Такое образование запасов и необходимость его имеет значение для всех капиталистов — как I, так и II подразделения. Рассматриваемые как простые продавцы товаров, они отличаются друг от друга только тем,

что продают товары различного рода. Запас товаров во II предполагает предварительный запас товаров в I. Не принимая во внимание этого запаса на одной стороне, мы должны не принимать его во внимание и на другой стороне. Если же мы принимаем их во внимание на обеих сторонах, то проблема нисколько не изменяется. — 2) Если во II подразделении текущий год заканчивается с товарным запасом для следующего года, то начался он в этом же II подразделении с товарным запасом, перешедшим от прошлого года. Следовательно, при анализе годового воспроизводства, сведенного к его абстрактному выражению, мы в обоих случаях должны вычеркнуть товарный запас. Если мы отнесем все производство к текущему году, следовательно и ту часть, которую он передает следующему году как товарный запас, но, с другой стороны, вычтем из него товарный запас, полученный им от предыдущего года, то мы тем самым действительно получим в качестве предмета нашего анализа весь средний годовой продукт. — 3) То простое обстоятельство, что при исследовании простого воспроизводства мы не наталкивались на затруднение, которое теперь приходится преодолевать, доказывает, что здесь мы имеем дело с совершенно особенным явлением, которое вызывается только иной группировкой (по отношению к воспроизводству) элементов I: измененной группировкой, без которой вообще невозможно никакое воспроизводство в расширенном масштабе.

III. СХЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ НАКОПЛЕНИЯ.

Теперь мы рассмотрим воспроизводство по следующей схеме:

Схема a)
$$\left.\begin{array}{l} \text{I. } 4\,000_c + 1\,000_v + 1\,000_m = 6\,000 \\ \text{II. } 1\,500_c + 376_v + 376_m = 2\,252 \end{array}\right\} \text{Сумма} = 8\,252.$$

Прежде всего мы замечаем, что общая сумма годового общественного продукта, = 8 252, меньше, чем в первой схеме, где она была = 9 000. Мы совершенно так же могли бы взять гораздо бо̀льшую сумму, напр. могли бы удесятерить ее. Мы взяли сумму меньшую, чем в схеме I, именно для того чтобы с очевидностью показать, что воспроизводство в расширенном масштабе (которое мы понимаем в данном случае только как производство, ведущееся с большим капиталом) не стоит ни в какой связи с абсолютной величиною продукта, что для данной массы товаров оно предполагает только иное размещение или иное функциональное значение различных элементов данного продукта, следовательно по величине стоимости является сначала только простым воспроизводством. Изменяется не количество, а качественное назначение данных элементов простого воспроизводства, и такое изменение

является материальной предпосылкой следующего за тем воспроизводства в расширенном масштабе[58].

Мы могли бы представить эту схему иначе при ином отношении между переменным и постоянным капиталом, напр. в таком виде:

$$\text{Схема b)} \quad \left.\begin{array}{l} \text{I. } 4\,000_c + 875_v + 875_m = 5\,750 \\ \text{II. } 1\,750_c + 376_v + 376_m = 2\,502 \end{array}\right\} \text{Сумма} = 8\,252.$$

В таком виде схема казалась бы построенной для простого воспроизводства, — так, как будто вся прибавочная стоимость расходуется как доход, а не накопляется. В обоих случаях, как при а), так и при b), мы имеем годовой продукт одинаковой величины стоимости, только в случае b) его элементы группируются по своим функциям таким образом, что снова начинается воспроизводство в прежнем масштабе, тогда как в случае а) создается материальная основа для воспроизводства в расширенном масштабе. Именно, в схеме b) $(875_v + 875_m)$ I $= 1750$ $I_{(v+m)}$ обмениваются без остатка на 1750 II_c, тогда как в схеме а) $(1\,000_v + 1\,000_m)$ I $= 2\,000$ $I_{(v+m)}$ при обмене на $1\,500$ II_c дают излишек в 500 I_m для накопления в I подразделении.

Теперь перейдем к более близкому анализу схемы а). Предположим, что как в I, так и во II половина прибавочной стоимости не расходуется как доход, а накопляется, т. е. превращается в элемент дополнительного капитала. Так как половина $1\,000$ $I_m = 500$ должна быть в той или иной форме накоплена, применена как дополнительный денежный капитал, т. е. должна превратиться в дополнительный производительный капитал, то как доход будет израсходовано только $(1\,000_v + 500_m)$ I. Поэтому как нормальная величина II_c здесь, в свою очередь, фигурирует всего $1\,500$. Обмен между $1\,500$ $I_{(v+m)}$ и $1\,500$ II_c нечего исследовать далее, потому что как процесс простого воспроизводства он уже изображен; точно так же нечего рассматривать $4\,000$ I_c, потому что новое размещение его для вновь начинающегося воспроизводства (которое совершается на этот раз в расширенном масштабе) мы тоже уже рассматривали как процесс простого воспроизводства.

Итак, нам остается исследовать здесь только одно: 500 I_m и $(376_v + 376_m)$ II, поскольку к делу относятся, с одной стороны, внутренние отношения в I и во II, а с другой стороны — движение между ними обоими. Так как предполагается, что во II тоже должна накопляться половина прибавочной стоимости, то в капитал должны превратиться здесь 188, из них в переменный капитал

[58] Это раз навсегда кладет конец спору о накоплении капитала между Джемсом Миллем и С. Бэйли, рассмотренному в книге I (глава XXII, 5, примечание 65) с иной точки зрения; именно, спору о расширении действия промышленного капитала при неизменяющейся величине его. Вернуться к этому позже.

$^1/_4 = 47$, для круглого счета, скажем, 48, остальные 140 должны превратиться в постоянный капитал.

Здесь мы наталкиваемся на новую проблему, самое существование которой должно показаться странным для ходячего взгляда, согласно которому товары одного рода обмениваются на товары другого рода или, что то же самое, товары обмениваются на деньги, а эти деньги снова обмениваются на товары другого рода. Эти 140 II_m только потому могут превратиться в производительный капитал, что они возмещаются частью товаров I_m на ту же сумму стоимости. Само собою понятно, что часть I_m, обмениваемая на II_m, должна состоять из средств производства, которые могут войти как в производство I, так и в производство II или же исключительно в производство II. Такое возмещение может совершиться лишь посредством односторонней купли со стороны II, так как весь прибавочный продукт 500 I_m, который нам еще остается исследовать, должен служить для накопления в пределах I, следовательно не может быть обменен на товары II; другими словами, I не может одновременно и накоплять его и съедать. Следовательно, II должно купить 140 I_m на наличные деньги, причем эти деньги не возвратятся к нему посредством последующей продажи его товара I подразделению. И этот процесс повторяется постоянно при каждом новом годовом производстве, поскольку оно является воспроизводством в расширенном масштабе. Где же во II находится источник денег для этого?

II, напротив, представляет, повидимому, в высшей степени неблагодарную почву для образования нового денежного капитала, сопровождающего действительное накопление и обусловливающего его при капиталистическом производстве, причем фактически это образование нового денежного капитала выступает сначала как простое образование сокровища.

Сначала перед нами 376 II_v; денежный капитал в 376, авансированный на рабочую силу, посредством закупки товаров II постоянно возвращается к капиталисту II как переменный капитал в денежной форме. Такое постоянно повторяющееся удаление от исходного пункта — из кармана капиталиста — и возвращение к нему нисколько не увеличивает количества денег, совершающих этот кругооборот. Следовательно, оно не является источником накопления денег; эти деньги не могут быть также извлечены из обращения для того чтобы образовать накопляемый как сокровище потенциально новый денежный капитал.

Но постойте! нельзя ли зашибить на этом какой-нибудь барышик?

Мы не должны забывать, что II подразделение имеет то преимущество перед I подразделением, что занятые у него рабочие должны снова покупать у него товары, произведенные ими самими. II подразделение оказывается покупателем рабочей силы и вместе

с тем продавцом товаров обладателям рабочей силы, применяемой в этом подразделении. Следовательно, II подразделение может:

1) — и это у него общее с капиталистами I подразделения — просто понижать заработную плату ниже ее нормального среднего уровня. Вследствие этого освобождается часть денег, функционировавших как денежная форма переменного капитала, и при постоянном повторении такого процесса это могло бы стать нормальным источником образования сокровищ, а следовательно и источником для образования потенциально дополнительного денежного капитала во II подразделении. Конечно, здесь, где идет речь о нормальном образовании капитала, нам нет дела до случайной прибыли от надувательства. Но не следует забывать, что действительно уплачиваемая нормальная заработная плата (которая ceteris paribus [при прочих равных условиях] определяет величину переменного капитала) уплачивается вовсе не по доброте капиталистов, а потому, что при данных отношениях она должна быть уплачена. Таким образом этот способ объяснения устраняется. Если мы предполагаем, что переменный капитал, который должен быть израсходован II подразделением, составляет 376_v, то для того чтобы объяснить вновь выступившую проблему, мы не можем вдруг выдвинуть гипотезу, что II подразделение авансирует только 350_v, а не 376_v.

2) Но, с другой стороны, как мы уже сказали, II подразделение, рассматриваемое как целое, имеет то преимущество перед I подразделением, что, будучи покупателем рабочей силы, оно вместе с тем является продавцом своих товаров своим собственным рабочим. О том, как это преимущество может эксплуатироваться, — как номинально может выплачиваться обычная заработная плата, тогда как в действительности часть ее отнимается назад без соответствующего товарного эквивалента, иначе говоря: рабочие обкрадываются, как это может проделываться отчасти посредством truck-system, отчасти путем фальсификации средств обращения (хотя эта фальсификация подчас остается неуловимой для закона), — на этот счет имеются самые бесспорные данные в каждой промышленной стране, напр. в Англии и в Соединенных Штатах. (По этому случаю следует привести несколько надлежащих примеров.) Это — та же самая операция, как в случае 1), только замаскированная и осуществляемая обходным путем. Следовательно, она должна быть так же отвергнута, как и та. Здесь речь идет о заработной плате, выплачиваемой не номинально, а действительно.

Мы видим, что при объективном анализе капиталистического механизма нет нужды пользоваться лежащими на нем известными позорными пятнами чрезвычайного характера как средством для устранения теоретических затруднений. Но большинство моих буржуазных критиков странным образом кричат о том, будто я, напр., в книге I «Капитала» своим предположением, что капи-

талист уплачивает действительную стоимость рабочей силы, — чего он большею частью не делает, — будто я учинил таким образом несправедливость по отношению к этому самому капиталисту! (Здесь можно с тем великодушием, какое приписывается мне, процитировать Шеффле.)

Итак, с 376 II_v для упомянутой цели ничего нельзя сделать.

Но для 376 II_m возникает, повидимому, еще больше затруднений. Здесь друг другу противостоят только капиталисты одного и того же подразделения, которые продают друг другу и покупают одни у других произведенные ими предметы потребления. Деньги, необходимые для такого обмена, функционируют при этом только как средства обращения и при нормальном ходе вещей должны возвращаться к участникам соответственно авансам последних на обращение и затем постоянно снова и снова проделывать один и тот же путь.

Извлекать эти деньги из обращения для образования потенциально дополнительного денежного капитала возможно, повидимому, только двумя способами. Или одна часть капиталистов II подразделения надувает другую и совершает таким образом грабеж денег. Как мы знаем, для образования нового денежного капитала не требуется никакого предварительного увеличения количества средств обращения; для этого не требуется ничего иного, как чтобы деньги с известных сторон извлекались из обращения и накоплялись в виде сокровища. То обстоятельство, что деньги могут быть украдены и потому образование дополнительного денежного капитала у одной части капиталистов II может соединяться с прямой потерей денег у другой части, — это нисколько не относится к делу. Обманутой части капиталистов II подразделения пришлось бы вести несколько менее разгульную жизнь, только и всего.

Или же часть II_m, заключающаяся в необходимых жизненных средствах, прямо превращается в новый переменный капитал в пределах подразделения II. Как это происходит, это мы исследуем в конце настоящей главы (под № IV).

1) Первый пример.

A) Схема простого воспроизводства.

$$\left.\begin{array}{ll} \text{I.} & 4\,000_c + 1\,000_v + 1\,000_m = 6\,000 \\ \text{II.} & 2000_c + \;\;500_v + \;\;500_m = 3000 \end{array}\right\} \text{Сумма} = 9\,000.$$

B) Исходная схема накопления в расширенном масштабе.

$$\left.\begin{array}{ll} \text{I.} & 4\,000_c + 1\,000_v + 1\,000_m = 6\,000 \\ \text{II.} & 1\,500_c + \;\;750_v + \;\;750_m = 3\,000 \end{array}\right\} \text{Сумма} = 9\,000.$$

Предположив, что в схеме В накопляется половина прибавочной стоимости I, т. е. 500, мы прежде всего получим, что ($1\,000_v + 500_m$) I, или $1\,500$ $I_{(v+m)}$, должны быть возмещены посредством $1\,500$ II_c; в I остается затем $4\,000_c + 500_m$, из которых последние подлежат накоплению. Возмещение ($1\,000_v + 500_m$) I посредством $1\,500$ II_c представляет собою процесс простого воспроизводства и уже было объяснено при исследовании последнего.

Положим, что 400 из 500 I_m должны превратиться в постоянный капитал, 100 — в переменный. Обмен в пределах I подразделения этих 400_m, которые, таким образом, подлежат капитализации, уже рассматривался нами; следовательно, эти 400_m без дальнейших рассуждений могут быть присоединены к I_c, и тогда мы получим для I:

$4\,400_c + 1\,000_v + 100_m$ (которые должны быть обменены на 100_v).

II, в свою очередь, с целью накопления покупает у I эти 100 I_m (существующие в виде средств производства), которые образуют теперь дополнительный постоянный капитал II, между тем как 100 деньгами, уплаченные им за эти средства производства, превращаются в денежную форму дополнительного переменного капитала I. Тогда для I у нас имеется капитал в $4\,400_c + 1\,100_v$ (последние в виде денег) $= 5\,500$.

II имеет теперь для постоянного капитала $1\,600_c$; для его обработки он должен прибавить еще 50_v деньгами на покупку новой рабочей силы, так что его переменный капитал возрастет с 750 до 800. Это расширение постоянного, как и переменного капитала II подразделения в общей сложности на 150 покрывается из его прибавочной стоимости; следовательно, из 750 II_m только 600_m остаются в качестве потребительного фонда капиталистов II, годовой продукт которых распределяется теперь следующим образом:

II. $1\,600_c + 800_v + 600_m$ (потребительный фонд) $= 3\,000$.

150_m, произведенные в виде предметов потребления и обмененные здесь на ($100_c + 50_v$) II, в своей натуральной форме целиком идут на потребление рабочих: 100 потребляются рабочими I (100 I_v), а 50 — рабочими II (50 II_v), как это показано выше. На деле во II, весь продукт которого изготовляется в необходимой для накопления форме, часть прибавочной стоимости, увеличенная на 100, должна быть воспроизведена в виде *необходимых* предметов потребления. Если действительно начинается воспроизводство в расширенном масштабе, то эти 100 переменного денежного капитала I, пройдя через руки его рабочих, возвращаются ко II; напротив, II передает 100_m в виде товарного запаса I и в то же время передает 50 в виде товарного запаса своим собственным рабочим.

Размещение, измененное с целью накопления, представляется теперь в следующем виде:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I. } 4\,400_c + 1\,100_v + 500 \text{ фонд потребления} = 6\,000 \\ \text{II. } 1\,600_c + 800_v + 600 \text{ фонд потребления} = 3\,000 \end{array}\right\}$$

Сумма 9 000, как и прежде.

При этом капитал составляют:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I. } 4\,400_c + 1\,100_v \text{ (деньгами)} = 5\,500 \\ \text{II. } 1\,600_c + 800_v \text{ (деньгами)} = 2\,400 \end{array}\right\} = 7\,900,$$

между тем как при начале производства было:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I. } 4\,000_c + 1\,000_v = 5\,000 \\ \text{II. } 1\,500_c + 750_v = 2\,250 \end{array}\right\} = 7\,250.$$

Если действительное накопление происходит теперь на этой основе, т. е. если производство действительно ведется с таким увеличенным капиталом, то в конце следующего года мы получим:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I. } 4\,400_c + 1\,100_v + 1\,100_m = 6\,600 \\ \text{II. } 1\,600_c + 800_v + 800_m = 3\,200 \end{array}\right\} = 9\,800.$$

Накопление в I будет теперь продолжаться в такой же пропорции; следовательно, 550_m будут израсходованы как доход, а 550_m будут накоплены. В таком случае прежде всего 1 100 I_v будут возмещены посредством 1 100 II_c; далее еще должны быть реализованы 550 I_m в товарах II равной стоимости, т.е. в общем итоге 1650 $\text{I}_{(v+m)}$. Но подлежащий возмещению постоянный капитал II составляет только 1 600, следовательно остальные 50 должны быть пополнены из 800 II_m. Если на время оставить в стороне деньги, то в результате такой сделки получится следующее:

I. $4\,400_c + 550_m$ (которые подлежат капитализации); кроме того, в потребительном фонде капиталистов и рабочих 1 $650_{(v+m)}$, реализованные в товарах II_c.

II. 1 650_c (в том числе 50, как сказано выше, добавлены из II_m) $+ 800_v + 750_m$ (потребительный фонд капиталистов).

Но если во II между v и c сохраняется прежняя пропорция, то на 50_c придется затратить еще 25_v; их можно взять из 750_m; таким образом мы получим:

$$\text{II. } 1\,650_c + 825_v + 725_m.$$

В I капитализации подлежат 550_m; если сохраняется прежняя пропорция, то 440 из них составляют постоянный капитал и 110 переменный капитал. Эти 110 могут быть заимствованы из 725 II_m, т. е. предметы потребления стоимостью в 110 будут потреблены рабочими I вместо капиталистов II, следовательно последние будут

вынуждены превратить в капитал эти 110_m, которых они не могут потребить. Таким образом из 725 II_m остается 615 II_m. Но если II таким образом превращает эти 110 в дополнительный постоянный капитал, то ему понадобится еще 55 дополнительного переменного капитала; их он должен будет взять опять-таки из своей прибавочной стоимости; если вычесть их из 615 II_m, то для потребления капиталистов II останется 560; совершив все эти действительные и потенциальные перемещения, мы получим такую капитальную стоимость:

$$\text{I.}\ (4\,400_c + 440_c) + (1\,100_v + 110_v) = 4\,840_c + 1\,210_v = 6\,050$$
$$\text{II.}\ (1\,600_c + 50_c + 110_c) + (800_v + 25_v + 55_v) = $$
$$= 1\,760_c + 880_v = 2\,640$$
$$8\,690.$$

Для того чтобы дело шло нормально, накопление во II должно совершаться быстрее, чем в I, так как часть $\text{I}_{(v+m)}$, которая должна быть обменена на товары II_c, иначе возрастала бы быстрее, чем II_c, на которое она только и может быть обменена.

Если воспроизводство на такой основе и при прочих равных условиях продолжается, то в конце следующего года мы получаем:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I.}\ 4\,840_c + 1\,210_v + 1\,210_m = 7\,260 \\ \text{II.}\ 1\,760_c + 880_v + 880_m = 3\,520 \end{array}\right\} = 10\,780.$$

Прежде всего, при неизменяющейся норме деления прибавочной стоимости в I предстоит израсходовать как доход $1\,210_v$ и половину $m = 605$, итого 1 815. Этот фонд потребления опять на 55 больше, чем II_c. Если эти 55 вычесть из 880_m, останется 825. Раз 55 II_m превращается во II_c, это предполагает дальнейший вычет из II_m для соответствующего переменного капитала $= 27^1/_2$; остается для потребления $797^1/_2$ II_m.

Теперь предстоит в I капитализировать 605_m; из них 484 постоянного капитала и 121 переменного; последние должны быть вычтены из II_m, который теперь $= 797^1/_2$; остается $676^1/_2$ II_m. Следовательно, II превращает в постоянный капитал еще 121 и нуждается для этого в новом переменном капитале $= 60^1/_2$; последний точно так же берется из $676^1/_2$; остается для потребления 616.

Тогда у нас будет капитала:

I. Постоянного $4\,840 + 484 = 5\,324$.
Переменного $1\,210 + 121 = 1\,331$.
II. Постоянного $1\,760 + 55 + 121 = 1\,936$.
Переменного $880 + 27^1/_2 + 60^1/_2 = 968$.

$$\text{Итого:}\ \left.\begin{array}{l} \text{I.}\ 5\,324_c + 1\,331_v = 6\,655 \\ \text{II.}\ 1\,936_c + 968_v = 2\,904 \end{array}\right\} = 9\,559,$$

а в конце года мы будем иметь продукта:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I. } 5\,324_c + 1\,331_v + 1\,331_m = 7\,986 \\ \text{II. } 1\,936_c + 968_v + 968_m = 3\,872 \end{array}\right\} = 11\,858.$$

Повторяя это вычисление и округляя дроби, мы в конце следующего года получим продукта:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I. } 5\,856_c + 1\,464_v + 1\,464_m = 8\,784 \\ \text{II. } 2\,129_c + 1\,065_v + 1\,065_m = 4\,259 \end{array}\right\} = 13\,043.$$

А в конце следующего затем года:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I. } 6\,442_c + 1\,610_v + 1\,610_m = 9\,662 \\ \text{II. } 2\,342_c + 1\,172_v + 1\,172_m = 4\,686 \end{array}\right\} = 14\,348.$$

В течение четырех лет воспроизводства в расширенном масштабе весь капитал I и II возрос с $5\,500_c + 1\,750_v = 7\,250$ до $8\,784_c + 2\,782_v = 11\,566$, следовательно в отношении 100 : 160. Вся прибавочная стоимость первоначально была 1 750, теперь она составляет 2 782. Потребленная прибавочная стоимость вначале была 500 для I и 535 для II, итого = 1 035; в последний год она была 732 для I и 958 для II, итого = 1 690. Она, следовательно, возросла в отношении 100 : 163.

2) Второй пример.

Возьмем теперь годовой продукт в 9 000, который целиком находится в руках класса промышленных капиталистов в виде товарного капитала, в форме, при которой общее среднее отношение переменного и постоянного капитала составляет 1 : 5. Это предполагает: уже значительное развитие капиталистического производства и соответственное развитие производительной силы общественного труда; значительное, уже ранее совершившееся расширение масштаба производства; наконец, развитие всех условий, создающих относительное перенаселение в рабочем классе. Годовой продукт будет распределяться тогда, если округлить дроби, следующим образом:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I. } 5\,000_c + 1\,000_v + 1\,000_m = 7\,000 \\ \text{II. } 1\,430_c + 285_v + 285_m = 2\,000 \end{array}\right\} = 9\,000.$$

Предположим теперь, что капиталисты I подразделения половину прибавочной стоимости = 500 потребляют, а другую половину накопляют. Тогда $(1\,000_v + 500_m)$ I = 1 500 подлежали бы обмену на 1 500 II_c. Но так как II_c составляет в этом случае только

1 430, то 70 должны быть добавлены из прибавочной стоимости; вычитая их из 285 II_m, получаем в остатке 215 II_m. Следовательно, мы имеем:

I. $5\,000_c + 500_m$ (подлежащих капитализации) $+ 1\,500_{(v+m)}$ в потребительном фонде капиталистов и рабочих.

II. $1\,430_c + 70_m$ (подлежащих капитализации) $+ 285_v + 215_m$.

Так как при этом 70 II_m прямо присоединяются ко II_c, то для того чтобы привести в движение этот дополнительный постоянный капитал, требуется переменный капитал в $^{70}/_5 = 14$; эти 14 опять берутся из 215 II_m; остается 201 II_m, и мы имеем:

$$II. \ (1\,430_c + 70_c) + (285_v + 14_v) + 201_m.$$

Обмен 1 500 $I_{(v+{}^1/_2 m)}$ на 1 500 II_c есть обычный процесс накопления, и о нем уже все сказано. Однако мы должны здесь отметить еще некоторые особенности, вытекающие из того, что при воспроизводстве, соединенном с накоплением, $I_{(v+{}^1/_2 m)}$ возмещается не одним II_c, но II_c плюс часть II_m.

Само собой разумеется, что, раз предположено накопление, то $I_{(v+m)}$ больше II_c, а не равно II_c, как при простом воспроизводстве, потому что: 1) I включает часть своего прибавочного продукта в свой собственный производительный капитал и превращает $^5/_6$ этой части в постоянный капитал, следовательно он не может в то же время возместить эти $^5/_6$ предметами потребления II; 2) I из своего прибавочного продукта должен доставить материал для постоянного капитала, необходимого ввиду накопления в пределах II, — совершенно так же, как II должно доставить I материал для переменного капитала, который должен привести в движение ту часть прибавочного продукта I, которую само I применяет как прибавочный постоянный капитал. Мы знаем, что действительный переменный капитал, следовательно и добавочный, состоит из рабочей силы. Капиталисту I не приходится покупать у II необходимые жизненные средства про запас или накоплять их для добавочной рабочей силы, которую еще только предстоит применять, как это приходилось делать рабовладельцу. Со II имеют дело сами рабочие. Но это не препятствует тому, что с точки зрения капиталиста предметы потребления дополнительной рабочей силы представляют собою лишь средства производства и сохранения дополнительно нанимаемой рабочей силы, следовательно натуральную форму его переменного капитала. Его собственная ближайшая операция, в данном случае выполняемая I, состоит только в том, что он копит необходимый новый денежный капитал, требующийся для покупки дополнительной рабочей силы. Как только он присоединяет ее к своему капиталу, деньги становятся для этой рабочей силы средством покупки товаров II; следовательно, они должны найти соответствующие предметы потребления.

Между прочим. Господин капиталист и его пресса часто бывают недовольны тем способом, каким рабочая сила расходует свои деньги, и теми товарами II, в которых она реализует эти деньги. Он философствует по этому поводу, болтает о культуре, разыгрывает филантропа, как это делает, напр., г. Друммонд, секретарь английского посольства в Вашингтоне. «The Nation» {газета} в конце октября 1879 г. поместила интересную статью, в которой, между прочим, говорится: «В культурном отношении рабочие отстали от прогресса изобретений; для них стало доступным множество предметов, употребление которых им неизвестно и для которых они, следовательно, не создают рынка». {Каждый капиталист, конечно, желает, чтобы рабочий покупал его товар}. «Нет никакого основания для того чтобы рабочий не желал жить с таким же комфортом, как священник, адвокат или врач, получающий столько же, сколько и он». {Много же комфорта могут при желании дозволить себе в действительности такого рода адвокаты, священники и врачи!} «Но он этого не делает. Вопрос все еще в том, каким образом рациональными и здоровыми мерами повысить его уровень как потребителя; это вопрос нелегкий, потому что все его честолюбие не идет дальше сокращения рабочих часов, и демагоги скорее подстрекают его именно к этому, чем к улучшению его положения посредством совершенствования его умственных и моральных способностей». («Reports of H. M.'s Secretaries of Embassy and Legation on the Manufactures, Commerce etc. of the Countries in which they reside». London 1879, стр. 404.)

Длинный рабочий день, повидимому, составляет секрет рациональных и здоровых мер, которые должны поднять положение рабочего, совершенствуя его умственные и нравственные способности, и сделать его рациональным потребителем. Чтобы сделаться рациональным потребителем товаров капиталиста, рабочий должен начать — но этому мешает демагог! — с того, чтобы дозволить своему собственному капиталисту потреблять его рабочую силу нерациональным и вредным для здоровья образом. Как понимает капиталист рациональное потребление, это обнаруживает truck-system, при которой благосклонность капиталиста простирается до того, что он прямо вмешивается в потребление своих рабочих, причем одной из многочисленных разновидностей этого является предоставление квартир рабочим, так что капиталист становится вместе с тем квартирохозяином своих рабочих.

Тот же самый прекраснодушный Друммонд, восторгающийся капиталистическими попытками повышения уровня рабочего класса, рассказывает в том же отчете, между прочим, об образцовых бумагопрядильных фабриках Lowell and Lawrence Mills. Столовые и жилые помещения для фабричных девушек принадлежат тому же акционерному обществу, которому принадлежат и самые фабрики: заведующие этими домами состоят на службе того же

общества, которое устанавливает для них правила поведения; ни одна девушка не смеет возвращаться домой позже 10 часов вечера. Но вот перл: патрули специальной полиции общества в прилегающей местности наблюдают за тем, чтобы не нарушался этот домовый устав. После 10 часов вечера ни одна девушка не выпускается из дома и не впускается туда. Всякая девушка непременно должна жить на территории, принадлежащей обществу, которому каждый дом на этой территории приносит еженедельно около 10 долларов квартирной платы, и тут мы видим рациональных потребителей во всем блеске. «Так как во многих лучших домах для работниц имеется вездесущее пианино, то музыка, пение и танцы играют существенную роль, по крайней мере для тех из них, которые после монотонной непрерывной десятичасовой работы за ткацким станком более нуждаются в перемене, чем в действительном отдыхе» (стр. 412). Но главный секрет того, как из рабочего сделать рационального потребителя, еще впереди. Господин Друммонд посетил ножевую фабрику Turners Falls (Connecticut River), причем господин Окмэн, казначей акционерного общества, рассказав ему, что американские столовые ножи побивают своим качеством английские, продолжает: «Мы побьем Англию и ценами; мы уже теперь превосходим ее по качеству, это признано; но мы должны продавать по более низким ценам, и мы достигаем этого, поскольку получаем дешевле нашу сталь и понижаем плату за наш труд!» (стр. 427). Понижение заработной платы и длинный рабочий день — в этом вся суть рациональных и здоровых мер, которые должны возвести рабочего в ранг рационального потребителя, чтобы он создал рынок для массы предметов, которые сделали доступными для него культура и прогресс изобретений.

Следовательно, как I подразделение должно доставить из своего прибавочного продукта дополнительный постоянный капитал II, так II доставляет в этом смысле дополнительный переменный капитал для I. Поскольку дело идет о переменном капитале, II накопляет для I и для себя самого, воспроизводя бо́льшую часть всего своего продукта, следовательно и своего прибавочного продукта, в форме необходимых предметов потребления.

При производстве на основе возрастающего капитала $I_{(v+m)}$ должно равняться II_c плюс та часть прибавочного продукта, которая вновь присоединяется к капиталу, плюс дополнительная часть постоянного капитала, необходимая для расширения производства во II; а минимум этого расширения должен быть такой, без которого неосуществимо действительное накопление, т. е. действительное расширение производства в самом I.

Если мы возвратимся к последнему рассмотренному нами случаю, то оказывается, что он имеет ту особенность, что II_c меньше,

чем $I_{(v + 1/_2m)}$, чем часть продукта I, расходуемая как доход на предметы потребления, так что при обмене 1 500 $I_{(v+m)}$ тем самым реализуется сразу и часть прибавочного продукта II = 70. Что касается $II_c = 1\,430$, то оно, чтобы могло совершиться простое воспроизводство во II, должно быть при прочих равных условиях возмещено из $I_{(v+m)}$ на такую же стоимость, и постольку его нечего здесь рассматривать. Иначе обстоит дело с дополнительными 70 II_m. То, что для I является простым возмещением дохода предметами потребления, просто товарным обменом в целях потребления, для II является здесь не просто обратным превращением его постоянного капитала из формы товарного капитала в натуральную форму, как при простом воспроизводстве, а прямым процессом накопления, превращением части его прибавочного продукта из формы предметов потребления в форму постоянного капитала. Если I на 70 ф. ст. деньгами (денежный резерв для превращения прибавочной стоимости) покупает эти 70 II_m, а второй не покупает потом 70 I_m, но накопляет эти 70 ф. ст. как денежный капитал, то в последнем, конечно, во всяком случае находит себе выражение дополнительный продукт (именно прибавочный продукт II, частью которого он является), хотя и не такой, который снова входит в производство; но в таком случае это накопление денег на стороне II в то же время выражало бы, что 70 I_m в виде средств производства не могут быть проданы. Следовательно, в I произошло бы относительное перепроизводство, соответствующее одновременной невозможности расширения воспроизводства на стороне II.

Но независимо от этого, в продолжение того времени, пока эти 70 деньгами, вышедшие из рук I, еще не возвратились к нему или возвратились лишь частично посредством акта купли 70 I_m II подразделением, 70 деньгами все целиком или частью фигурируют в руках II как дополнительный потенциальный денежный капитал. Это относится ко всякому обмену между I и II, пока взаимное возмещение товаров с обеих сторон не приведет к возвращению денег к их исходному пункту. Но при нормальном ходе дела деньги фигурируют здесь в этой роли лишь временно. При системе же кредита, когда все деньги, дополнительно освободившиеся хотя бы на короткое время, тотчас должны функционировать активно, как дополнительный денежный капитал, такой лишь временно свободный денежный капитал может быть закреплен в деле, напр. может послужить для новых предприятий в I, тогда как он должен был бы реализовать залежавшийся добавочный продукт в других предприятиях. Далее, следует заметить, что присоединение 70 I_m к постоянному капиталу II требует вместе с тем увеличения переменного капитала II на 14. Это предполагает, — подобно тому как в I при непосредственном присоединении прибавочного продукта I_m к капиталу I_c, — что воспроизводство во II уже совершается

с тенденцией к дальнейшей капитализации; следовательно, что оно заключает в себе увеличение той части прибавочного продукта, которая состоит из необходимых жизненных средств.

Как мы видели, во втором примере продукт в 9 000 должен распределяться для целей воспроизводства следующим образом, чтобы 500 I_m могли быть капитализированы. При этом мы принимаем во внимание только товары и оставляем в стороне денежное обращение.

I. $5\,000_c + 500_m$ (подлежащие капитализации) $+ 1\,500_{(v+m)}$ потребительного фонда $= 7\,000$ в товарах.

II. $1\,500_c + 299_v + 201_m = 2\,000$ в товарах. Общая сумма 9 000 в товарном продукте.

Капитализация совершается теперь следующим образом:

В I капитализирующиеся 500_m делятся на $^5/_6 = 417_c + {}^1/_6 = 83_v$. Эти 83_v извлекают такую же сумму из II_m, на которую покупаются элементы постоянного капитала и которая, таким образом, присоединяется ко II_c. Увеличение II_c на 83 обусловливает увеличение II_v на $^1/_5$ от $83 = 17$. Итак, после обмена мы имеем:

$$\text{I. } (5\,000_c + 417_m)_c + (1\,000_v + 83_m)_v = 5\,417_c + 1\,083_v = 6\,500$$
$$\text{II. } (1\,500_c + 83_m)_c + (299_v + 17_m)_v = 1\,583_c + 316_v = 1\,899$$

Итого 8 399.

Капитал в I возрос с 6 000 до 6 500, следовательно на $^1/_{12}$. Во II — с 1 715 до 1 899, следовательно почти на $^1/_9$.

Воспроизводство на такой основе во втором году дает в конце года капитал:

$$\text{I. } (5\,417_c + 452_m)_c + (1\,083_v + 90_m)_v = 5\,869_c + 1\,173_v = 7\,042.$$
$$\text{II. } (1\,583_c + 42_m + 90_m)_c + (316_v + 8_m + 18_m)_v = 1\,715_c + 342_v = 2\,057,$$

а в конце третьего года получится продукта:

$$\text{I. } 5\,869_c + 1\,173_v + 1\,173_m.$$
$$\text{II. } 1\,715_c + 342_v + 342_m.$$

Если I накопляет при этом, как и ранее, половину прибавочной стоимости, то $I_{(v + {}^1/_2 m)}$ дает $1\,173_v + 587_{({}^1/_2 m)} = 1\,760$, следовательно больше, чем все 1 715 II_c, именно больше на 45. Таким образом эту разницу опять приходится покрыть перенесением во II_c средств производства на равную сумму. Итак, II_c увеличивается на 45, что обусловливает прирост во II_v на $^1/_5 = 9$. Затем капитализированные 587 I_m разделяются долями в $^5/_6$ и $^1/_6$ на 489_c и 98_v; эти 98 обусловливают во II новое добавление 98 к постоянному

капиталу, а это, в свою очередь, вызывает увеличение переменного капитала II на $^1/_5 = 20$. Мы имеем тогда:

$$\text{I. } (5\,869_c + 489_m)_c + (1\,173_v + 98_m)_v = 6\,358_c + 1\,271_v = 7\,629$$

$$\text{II. } (1\,715_c + 45_m + 98_m)_c + (342_v + 9_m + 20_m)_v = 1\,858_c + 371_v = 2\,229$$

Весь капитал = 9 858.

Следовательно, при растущем воспроизводстве весь капитал I в три года возрос с 6 000 до 7 629, капитал II возрос с 1 715 до 2 229, весь общественный капитал — с 7 715 до 9 858.

3) *Возмещение II_c при накоплении.*

Итак, при обмене $I_{(v+m)}$ на II_c бывают различные случаи.

При простом воспроизводстве обе эти величины должны быть равны и должны возмещать одна другую, так как в противном случае, как мы видели выше, простое воспроизводство не может совершаться беспрепятственно.

При накоплении необходимо обратить внимание прежде всего на норму накопления. До сих пор мы во всех случаях предполагали, что норма накопления в I = $^1/_2\, m$ I, а также, что она в различные годы оставалась постоянной. Мы допускали только изменение пропорции, в которой этот накопленный капитал делится на постоянный и переменный. При этом получилось три случая:

1) $I_{(v + {}^1/_2 m)} = II_c$, которое, следовательно, меньше, чем $I_{(v+m)}$. Это всегда должно быть так, иначе I не накопляло бы.

2) $I_{(v + {}^1/_2 m)}$ больше II_c. В этом случае возмещение достигается благодаря тому, что ко II_c присоединяется соответствующая часть II_m, так что сумма = $I_{(v + {}^1/_2 m)}$. Здесь возмещение для II — не простое воспроизводство его постоянного капитала, а уже накопление, увеличение его на часть прибавочного продукта, которую он обменивает на средства производства I; подобное увеличение в то же время предполагает, что II сверх того соответственно увеличивает свой переменный капитал, источником для чего ему служит его собственный прибавочный продукт.

3) $I_{(v + {}^1/_2 m)}$ меньше II_c. В этом случае II не вполне воспроизводит свой постоянный капитал при помощи обмена и потому должен возместить недочет посредством купли у I. Но это не вызывает дальнейшего накопления переменного капитала II, так как его постоянный капитал посредством такой операции только целиком воспроизводится по своей величине. С другой стороны, та часть капиталистов I, которая накопляет лишь дополнительный денежный капитал, благодаря такому обмену отчасти уже совершила накопление этого рода.

Предположение, допускаемое по отношению к простому воспроизводству, именно, что $I_{(v+m)} = II_c$, не только несовместимо

с капиталистическим производством, — это, впрочем, не исключает того, что в промышленном цикле в 10—11 лет все производство одного какого-нибудь года часто бывает меньше, чем в предыдущем году, так что по сравнению с предыдущим годом не происходит даже простого воспроизводства, — но, кроме того, при естественном годовом приросте населения простое воспроизводство могло бы происходить лишь постольку, поскольку соответственно большее количество непроизводительной прислуги принимало бы участие в потреблении тех 1 500, которые представляют всю прибавочную стоимость. Напротив, накопление капитала, т. е. действительное капиталистическое производство, при этом было бы невозможно. Поэтому тот факт, что капиталистическое накопление совершается, делает совершенно невозможным, чтобы $II_c = I_{(v+m)}$. Однако даже при капиталистическом накоплении может случиться, что вследствие хода процесса накопления, совершавшегося на протяжении целого ряда прежних периодов производства, II_c окажется не только равно, но и больше чем $I_{(v+m)}$. Это было бы перепроизводство во II, которое может быть устранено только крупным крахом, вследствие чего капитал из II переместился бы в I. — Отношение $I_{(v+m)}$ ко II_c нисколько не изменяется, если часть постоянного капитала II воспроизводит сама себя, примером чему может служить применение в земледелии семян собственного производства. При обмене между I и II эту часть II_c также не приходится принимать в расчет, как и I_c. Дело нисколько не изменяется и в том случае, если часть продуктов II подразделения, в свою очередь, способна войти в I в качестве средств производства. Они покрываются частью средств производства, доставленных I, и эту часть надо заранее исключить на обеих сторонах, если мы хотим исследовать в чистом, незатемненном виде обмен между двумя крупными подразделениями общественного производства, между производителями средств производства и производителями предметов потребления.

Таким образом при капиталистическом производстве $I_{(v+m)}$ не может быть равно II_c и оба они при обмене не могут покрывать одно другое. Напротив, если $I_{\frac{m}{x}}$ является той частью I_m, которая как доход расходуется капиталистами I, то $I\left(v+\frac{m}{x}\right)$ может быть равно, больше или меньше II_c; но $I\left(v+\frac{m}{x}\right)$ всегда должно быть меньше $II_{(c+m)}$, и притом меньше на часть II_m, которую капиталисты II подразделения должны потреблять сами при всяких условиях.

Следует заметить, что при этом изображении накопления не точно изображена стоимость постоянного капитала, поскольку он составляет часть стоимости товарного капитала, в производстве которого этот постоянный капитал принимает участие. Основная

часть вновь накопленного постоянного капитала входит в товарный капитал лишь постепенно и периодически, соответственно различной природе этих основных элементов; поэтому в тех случаях, когда сырье, полуфабрикат и т. д. массами входят в товарное производство, наибольшая часть этого товарного капитала состоит из возмещения оборотной постоянной составной части переменного капитала. (Однако это может происходить только с оборотом оборотных составных частей; таким образом предполагается, что оборотная часть вместе с перешедшей на нее частью стоимости основного капитала обращается в течение года так часто, что вся сумма стоимости изготовленных товаров равна стоимости всего капитала, входящего в годовое производство.) Но там, где для машинного производства входит не сырье, а только вспомогательные материалы, элемент труда $= v$ должен снова проявиться в товарном капитале как его бо́льшая составная часть. Тогда как при норме прибыли прибавочная стоимость исчисляется на весь капитал, независимо от того, много или мало стоимости периодически передают продукту основные составные части, — к стоимости каждого периодически производимого товарного капитала основную часть постоянного капитала необходимо присчитывать лишь настолько, насколько она в среднем вследствие снашивания передает стоимость самому продукту.

IV. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Первоначальным источником денег для II служит $v + m$ золотопромышленности I, обмениваемые на часть II_c; лишь поскольку золотопромышленник накопляет прибавочную стоимость или превращает ее в средства производства I, следовательно расширяет свое производство, его $v + m$ не входит во II; с другой стороны, поскольку накопление денег самим золотопромышленником, в конце концов, ведет к расширенному воспроизводству, часть прибавочной стоимости золотопромышленности, расходуемая не как доход, а на дополнительный переменный капитал золотопромышленника, входит во II, способствует здесь новому образованию сокровищ или дает новое средство покупать у I без повторной непосредственной продажи ему. Из денег, происходящих от этого $\text{I}_{(v+m)}$ золотопромышленности, часть золота уходит в известные отрасли производства II, которые нуждаются в нем как в сыром материале и т. п., короче, как в элементе, возмещающем постоянный капитал II. Элемент для предварительного образования сокровищ — в целях будущего расширения воспроизводства — оказывается при обмене между I и II в следующих случаях: для I только в том случае, если часть I_m продается II односторонне, без соответствующей купли и служит здесь для дополнительного постоянного капитала II; для II в том случае, если то же самое

делает I для дополнительного переменного капитала; далее, в том случае, если часть прибавочной стоимости, израсходованной I в виде дохода, не покрывается посредством II_c, так что на нее будет куплена и превращена таким образом в деньги часть II_m. Если $I\left(v+\frac{m}{x}\right)$ больше II_c, то для простого воспроизводства II_c не приходится возмещать из I товарами то, что I взял для потребления из II_m. Спрашивается, в какой мере может происходить образование сокровищ в пределах обмена капиталистов II между собой, причем этот обмен может быть только взаимным обменом II_m. Мы знаем, что в пределах II подразделения непосредственное накопление происходит в силу того, что часть II_m прямо превращается в переменный капитал (совершенно так же, как в I часть I_m прямо превращается в постоянный капитал). При различной давности накопления в различных отраслях производства подразделения II и в предприятиях каждой отдельной отрасли по отношению к отдельным капиталистам дело объясняется, mutatis mutandis, совершенно так же, как в подразделении I. Одни находятся еще на стадии образования сокровищ, продают, не покупая; другие уже достигли пункта действительного расширения воспроизводства, покупают, не продавая. Правда, сначала расходуется дополнительный переменный денежный капитал на дополнительную рабочую силу; но рабочие покупают жизненные средства у тех владельцев дополнительных предметов потребления, входящих в потребление рабочих, которые еще образуют сокровища. От этих владельцев деньги, соответственно образованию сокровища у каждого из них, не возвращаются к своему исходному пункту: они накопляются ими.

Печатается по тексту
Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса,
т. XVIII, изд. 1939 г.

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНЕЙШИХ ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ ВО II ТОМЕ «КАПИТАЛА».

Т.

У.

Ф.

Ч.

Ш.

Э.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

ОБОРОТ КАПИТАЛА.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

ВОСПРОИЗВОДСТВО И ОБРАЩЕНИЕ ВСЕГО ОБЩЕСТВЕННОГО КАПИТАЛА.

ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ.

Подписано к печати 26/IV 1951 г. Тираж 100 тыс. экз. М-21757. Бумага 60×92 1/16. 16 1/4 бумажных. 32,5 п. л. 40 уч.-изд. л. Заказ № 1124. Цена в переплете 15 руб.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.